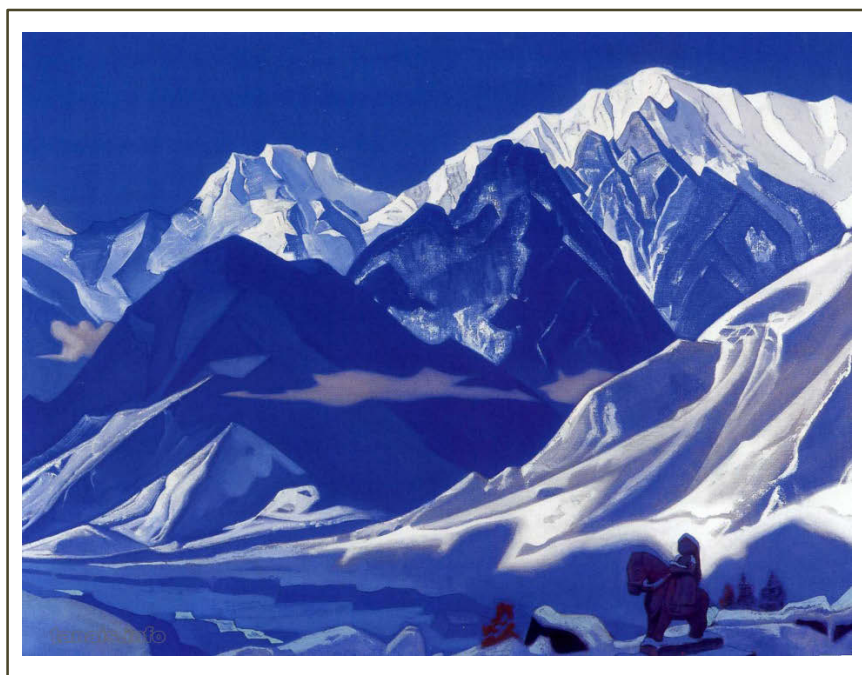

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

УРУСВАТИ (ГИМАЛАИ)

Книга 17

ТБ
МОСКВА 2020

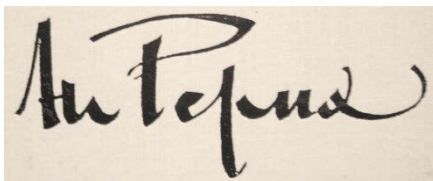
Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «Великая симфония жизни»
(Автобиография)
Книга 17. УРУСВАТИ, ГИМАЛАИ

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
- исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха,
Москва.
www.rerich9.sitecity.ru

Редакционная коллегия:
Ларкина Т.В. (tv-larkina@yandex.ru)
Болдырев О.Г.
Водолажская Т.Ю.
Курганова Е.А.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Кулута. 1936.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1936 – 1937 гг.)

Книга 17

УРУСВАТИ
(ГИМАЛАИ)

Часть 1.
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часть 2.
АРМАГЕДДОН

ҒБ
МОСКВА 2021

К 150-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

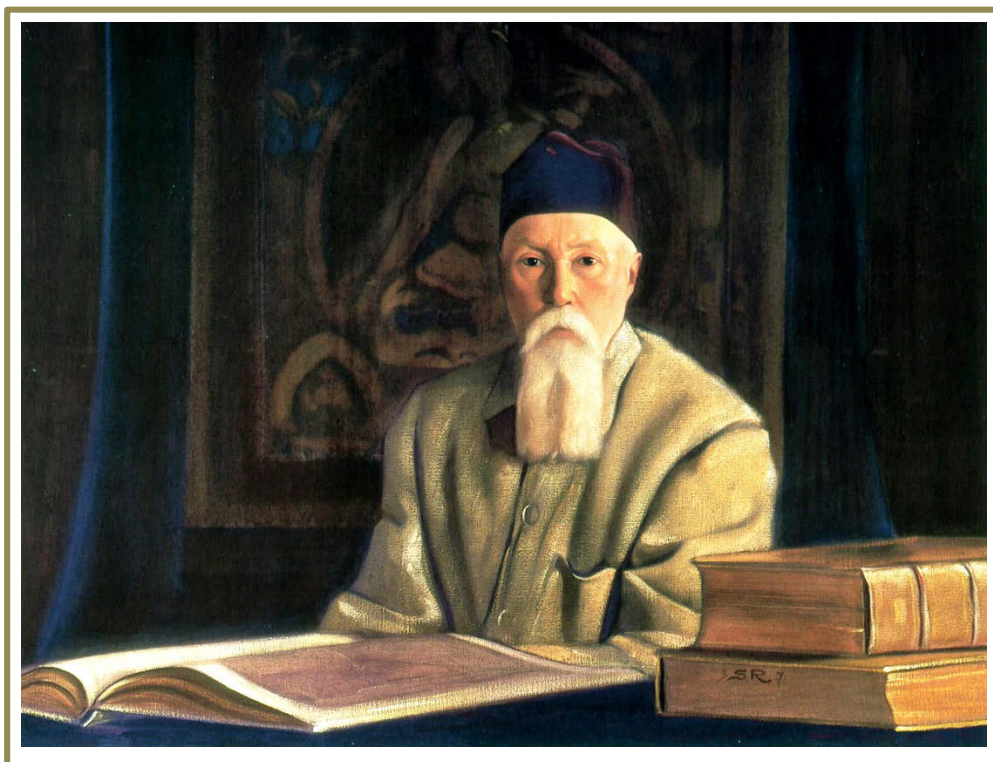
«Созову всех, когда настанет время действия, всех не забывших меня, всех устремлённых, всех, кто Учение Агни Йоги положил в основание жизни своей. Всем позванным было дано, каждому по вместимости принесённых кувшинов, и каждого получившего спрошу, что сделал он с полученным сокровищем, как приумножил его, не растерял ли и как приготовил себя к тому, чтобы войти в сужденную ему сферу деятельности. Причины, заложенные когда-то, как семена будущих всходов, дадут ростки духовных достижений, которые будут очень нужны в будущем. Мы намечаем действия наши, вернее, следствия их далеко вперёд. И наша забота о том, чтобы сотрудники наши не растеряли ничего из того, что им было дано, но чтобы каждый принёс к сужденному сроку плоды своих устремлений и накоплений».

Гуру¹

---

¹ Грани Агни Йоги, т. 10. 634 (Гуру).

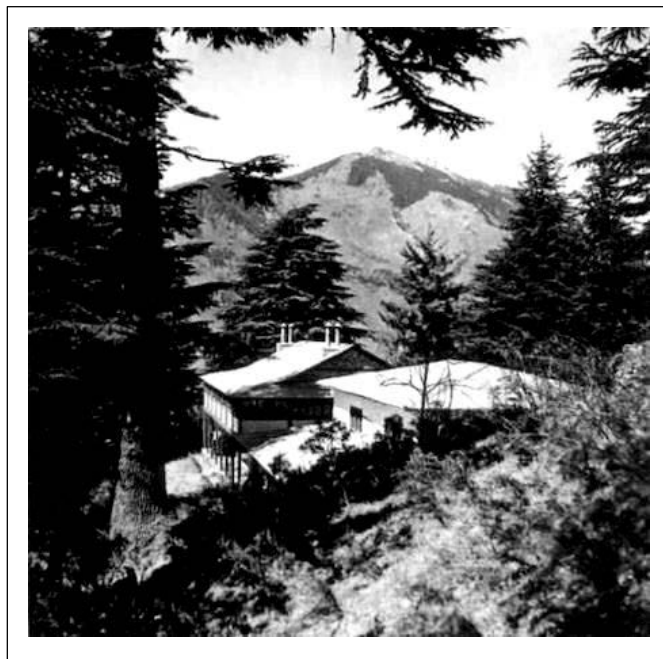
Великому художнику, философу, путешественнику, археологу и человеку великого сердца, всю свою жизнь отдавшему на служение человечества посвящается ...

С.Н. Рерих. Портрет академика Н.К. Рериха. 1937.

ВВЕДЕНИЕ

«УРУСВАТИ» - ГИМАЛАЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт Урусвати» основан 12 июля 1928 года в Дарджилинге.
(Фото 1930-х гг.)

Р. Рудзитис.

УРУСВАТИ

Институт гималайских исследований «Урусвати» – научное учреждение Музея Рериха – находится на северо-западе Индии, в провинции Пенджаб, на склонах Гималаев, у горной реки Беас в чудесной долине Кулу, 6 000 футов над уровнем моря. Своим климатом и отчасти растительным миром эта местность напоминает долины Южных Альп. Зима и лето делятся здесь столько же, сколько и там, также здесь растут и многие европейские растения и плодовые деревья, хотя фруктам присущ несколько своеобразный вкус. И всё же тут какая-то совсем другая физическая и психическая атмосфера, невыразимая словами.

К северу от этой долины весьма близко возвышаются царственные, таинственные, овеянные легендами и сказаниями лабиринты гималайских вершин, на которые жители Азии взирают с удивительным благоговением. Их сердца в невыразимом стремлении тянутся к чистым, сверкающим снежным вершинам, которые кажутся им белыми Твердынями Света, сияющими башнями Шамбалы. На юге – зелёные взгорья заслоняют богатые ручьями и реками равнины и джунгли Индии. Долину «Урусвати» действительно можно рассматривать как преддверие Срединной Азии – перекрёсток путей, где встречаются высокие древние культуры, где воздух ещё полон древней мудростью, где на каждом шагу в местах почитания богов и святилищах, среди руин старинных городов встречаются древнейшие памятники, запечатлевшие на камнях письма предвечных духовных озарений. Как много величественных легенд овевают долину Кулу, сколько сказаний, полузабытых былей. За тысяче-

летия долина Кулу видела многих могущественных деятелей великого духа, начиная с Ману, Будды, Арджуны и всех героев Пандавов, Виасы – создателя «Махабхараты», Гэсэр-хана. Рерих в своей книге «Сердце Азии» рассказывает, что лишь в одной долине Кулу, согласно верованию народа, существует 300 местных почитаемых святых, или Риши. Древняя легенда говорит и о том, что через эту долину проходил Христос, направляясь в мир учить великой Благой Вести, Слову Радости. Кроме религиозных, археологических и этнографических ценностей, в долине Кулу открывается и громадное поле деятельности для исследований в области природоведения, физики, медицины, поскольку аналитический, научный взгляд ещё до сих пор не проникал в эти места.

«Урусвати» – Утренний луч – означает зарю света науки. «Урусвати», как всеобъемлющий научный институт, созданный для улучшения жизни всего человечества, стремится исследовать и синтезировать все многообразные факторы сущего, применяя новейшие научные методы и открытия. Институт создан с целью дать прочное основание науке будущего. Институт «Урусвати» Николай Константинович и Елена Ивановна учредили в 1928 году, вложив в его здания и оборудование свои средства, при поддержке Нью-Йоркского Музея и частных жертвователей.

Институт образовался именно в результате научной Центральноазиатской экспедиции Рериха. Николай Константинович понимал, насколько мало исследованы центр Азии и Индия и что немногие краткие экспедиции не способны проводить исследовательскую работу в нужной мере, ибо для этого необходим систематический и продолжительный труд.

«Урусвати» представляет собой как бы постоянную экспедицию, находящуюся в непрерывном контакте с исследуемыми объектами и местностями. Научный труд в институте разделяется на несколько секций, и каждой отраслью заведуют опытные специалисты – учёные различных наций.

Секция природоведения и биологии уже провела многочисленные экспедиции, как по самой долине Кулу, так и в Лахуле, Бешаре, Кангру, Лахоре, Ладаке, Занскаре и т. д., в которых собран весьма богатый ботанический, орнитологический и зоологический материал. Долина Кулу, которую в народе называют Серебряной долиной, является истинным «местожительством богов, танца и цветов», ибо весной, когда стают снега на склонах Гималаев, вся она сверкает и сияет в лучах солнца мириадами цветущих садов. Растительность здесь, из-за вулканической почвы, изумительно богата, встречаются бесчисленные разнообразные породы и виды растений и деревьев, так, например, в одной только окрестности «Урусвати» насчитано около шестидесяти пород яблонь. Лечебные растения долины Кулу известны даже в Китае. Собранные материалы в Институте систематизируются в коллекции. О достигнутых результатах можем судить хотя бы по тому факту, что, кроме материалов, остающихся в самом Институте, многие обширные коллекции отосланы иностранным учреждениям: Мичиганскому университету в Америке послана коллекция из 3 000 образцов, Нью-Йоркскому Ботаническому саду – около 3 000 образцов растений и 35 пакетов с семенами, также – Национальному музею Вашингтона, в разные организации Парижа, Пекина, Гарварда и другие; все эти организации отмечали в своих отзывах большое научное значение полученных коллекций. Многие местные растения выращивает и сам Институт в своем ботаническом саду.

* * *

Значительной является деятельность Института и по археологии, этнологии и местному языковедению, осуществляемая под непосредственным руководством директора Института Юрия Рериха. В Институте устроена экспериментальная археологическая лаборатория, использующая новейшие научные достижения. Вначале были приведены в порядок материалы, собранные в Центральноазиатской экспедиции. Затем Юрий Рерих организовал экспедицию в Лахул, где был собран обширный этнографический материал, впоследствии отосланный в Нью-Йоркский Музей. «Урусвати» стал центром по изучению древней культуры Тибета, ранее недоступной для археологов. Юрий Рерих опубликовал также ряд научных трудов. Помимо уже упомянутого капитального исследования «По тропам Срединной Азии», совместно с ламой Мингюром, превосходным знатоком тибетской литературы, Юрий Николаевич перевёл тибетские медицинские книги, составил грамматику лахульского диалекта тибетского языка, со многими образцами народных песен, завершил тибетский словарь, начал работу о занскарском диалекте. Кроме того, ежегодно выходит сборник «Урусвати», в котором вместе с Юрием Рерихом, участвуют многие выдающиеся учёные разных народов. Первый том был посвящён санскритологу Ланману, второй – физику А. Михельсону, третий – Свену Гедину, отмечая их выдающиеся достижения в науке. В археологических работах участвуют президент Американского археологического института Маггофин и директор Исследовательской школы Америки Хьюитт. Также среди почётных членов Института следует отметить такие известные имена, как Эйнштейн, Тагор, Марен, Михельсон и т. д. Многие университеты выразили желание сотрудничать лекциями и печатными трудами. Члены-корреспонденты Института живут на всех континентах. Среди них надо назвать и основателя нашего Латвийского общества Рериха Феликса Лукина, который в своих медицинских исследованиях использовал и материалы «Урусвати».

В последнее время в Институте успешно развивается отделение медицины. Наряду с исследованиями по биохимии и фармакологии, в Институте на первом плане стоит грандиозная задача по изучению новых действенных средств против эпидемий, угрожающих существованию человечества. Особое внимание уделяется местной тибетской и древнекитайской фармакологии и медицине, переводятся и подбираются книги и другие материалы, накапливаются сведения об употребляемых местным населением растениях и о результатах их применения, проводятся исследования местных лекарственных растений в лабораториях, выращивание их в садах Института. Огромное плодородие почвы позволяет разводить здесь всевозможные виды растений, от альпийской до тропической флоры. Институт сотрудничает с ламами-врачами, используя их древние лечебные открытия. Недавно открылась биохимическая лаборатория с отделом борьбы против рака. Область Гималаев благоприятна для указанных исследований, ибо здесь не встречается этот страшный бич человечества. Известно, что тибетская медицина уже с давних пор удачно применяет средства против рака и туберкулеза: все подобные средства в Институте исследуются самым тщательным образом.

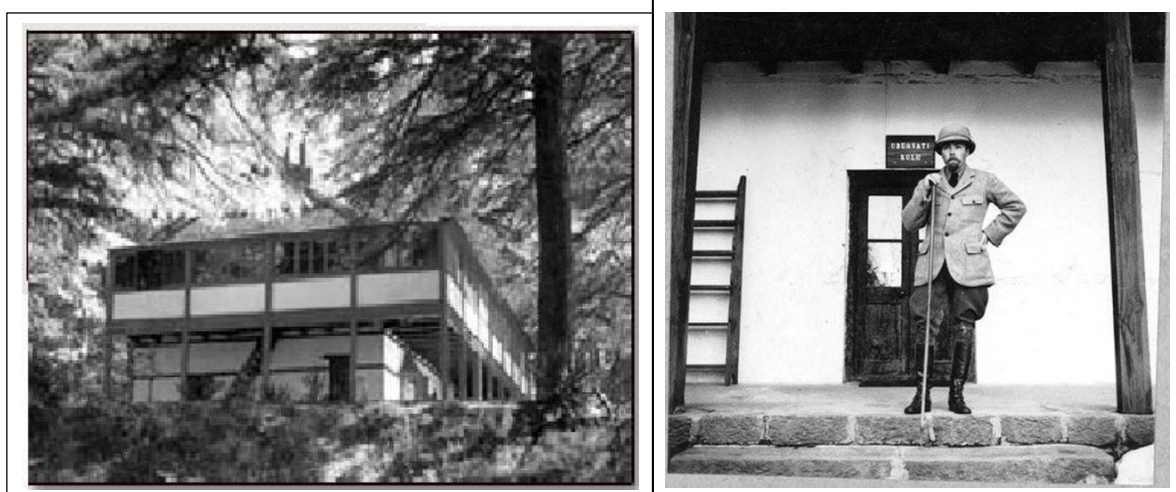
Следует отметить, что в планах Института создание астрономической и метеорологической обсерватории, которая проводила бы изыскания в области астрохимии, физики, магнетизма и подобных проблем, ибо здесь как природа, так и атмосферные условия благоприятствуют этим задачам. Началось

строительство электростанции, предназначенной для нужд Института, для неё используется водопад высотой в 50 футов. Наконец, в широких масштабах разворачивается создание музея научных коллекций (ботанических, минералогических, энтомологических, палеонтологических и других), собран большой этнографический и фольклорный материал, устроена экспозиция фотографий и картин, библиотека, содержащая многие редкие книги и рукописные памятники культуры Востока. Институт, решая свои задачи, обменивается информацией с сотнями университетов и другими учреждениями. «Урусвати» является также духовным центром и местопребыванием Николая Константиновича и его супруги Елены Ивановны, отсюда они руководят жизнью всех своих обществ и учреждений, вдохновляя их своими статьями, письмами и картинами, напитывая духовным сознанием, стремясь таким образом приблизить Великое Будущее человечества.

За пять лет существования Института свершён громадный труд. И всё же – это только начало. По мере появления новых возможностей и средств расширится и поле его деятельности, охватывая всё шире и глубже все эволюционные факторы культуры и жизни.

Николай Рерих и другие участники его начинаний с великой ответственностью перед человечеством вкладывают в задуманные дела все силы своего существа; они полны убеждения, что там, где человек всецело посвящает себя общему благу, с неотступностью и энтузиазмом, все препятствия обращаются в благие возможности. Они верят в Космическую Справедливость, которая гласит, что каждому культурному начинанию, способствующему эволюции человечества, всегда вовремя будет явлена сужденная помощь, не позволяющая иссякнуть необходимому для культуры делу.

Публикуется по изданию: Николай Рерих — Мир через Культуру / Рихард Рудзитис; пер. с латыш. Л. Р. Цесюлевич. — Мн.: УП "Лотаць", 2002. —160 с.

«Урусвати» - Институт Гималайских исследований. 1930-е гг.
Ю.Н. Рерих, директор Института «Урусвати».

Ю.Н. Рерих

ВЕРШИНА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Постижение основных путей развития человечества - это шаг к пониманию собственной личности. Обращаясь к прошлому, мы раскрываем для себя настоящее. Поэтому археология и связанные с ней науки имеют огромное значение для всех современных исследований.

В Северном Пенджабе, в Индии, в Урусвати находится Институт гималайских исследований, имеющий тесные связи с американской наукой и помогающий раскрыть секреты древних цивилизаций Центральной Азии. В Урусвати рождается новый тип научного исследования, основанный на археологическом поиске и погружении в естественные науки, который уникально продуктивен и практически не приносит напрасных издержек.

В Урусвати будут постоянно действовать научные лаборатории, библиотеки и музей, работать исследовательские экспедиции. Всё будет оборудовано для круглогодичного изучения древних культур Востока, для детального знакомства с цивилизацией Гималаев и для ботанических изысканий, которые могут принести успех развитию современного мира.

***

Если взглянуть на север - до самого горизонта простираются Гималаи. Если посмотреть на юг - горы постепенно опускаются все ниже и ниже, к долинам Индии.

В горах скрыта забытая цивилизация, которая хранит древнюю мудрость и культуру. Именно здесь зашедшая в тупик наука может найти своё обновление. Древняя мудрость - это ключ, которым археолог и натуралист открывают секреты культуры Востока.

В долине Кулу, в которой расположен Институт «Урусвати», горный воздух пронизан тёплым солнцем. Здесь бок о бок существуют разные расы, культуры, языки, религии, искусства и природные явления. Здесь воплощён земной рай, который не подвластен пониманию человека, живущего настоящим моментом, но который раскрывается во всей своей первозданной красоте тому, кто осознаёт сущность многовекового союза человека и природы. В Азии не так много мест, подобных долине Кулу, - мест, в которых сохранился глубокий след, оставленный прошлым.

Долина Кулу

Урусвати - это средоточие Института гималайских исследований, который был основан 12 июля 1928 г. создателями Музея Н. Рериха в Нью-Йорке. В Урусвати идут письма со всех концов мира, и на конверте стоит адрес: «Наггар, Кулу, Северный Пенджаб, Индия». Человек, которому не довелось побывать в долине Кулу, может представить её как высокий порог, через который надо перешагнуть, чтобы оказаться в Центральной Азии.

Западная часть долины Кулу примыкает к горам Афганистана. Север соседствует с Кашмиром, а юг и восток лежат рядом с Непалом. На высокогор-

ных плато свирепствуют ветры, воздух так разрежён, что у людей кружится голова, а животные погибают. Нужно приложить очень много усилий, чтобы перебраться через Гималаи и достичь Тибета, Гоби и далекой Монголии.

Однако долина Кулу соотносится в нашем сознании не с трудностями и опасностями, а с новыми принципами развития науки и с новой главой в истории человеческого самопознания.

Вновь наступает время, когда восточное знание проникает в нашу жизнь и подчиняет себе науку. Научные исследования Запада базируются на культуре Востока, что мы можем увидеть на примере Института гималайских исследований. Наггар - это ядро современной передовой научной мысли. Долина Кулу и её древние культуры - вот главный итог уникальной Центральноазиатской экспедиции художника и учёного Николая Рериха, которая прошла около 12 000 миль. Глава экспедиции в сопровождении Елены и Юрия Рерихов долгое время проводил исследования в долине Кулу и через 5 лет снова вернулся туда, чтобы основать там Институт гималайских исследований и продолжить научную работу в различных областях. Суть концепции продуктивного метода исследований известна каждому из навещающих этот центр передовой научной мысли, который получил название «Урусвати» - «Утренняя звезда». Урусвати имеет связи со всем научным миром. Главный акцент в науке ставится на археологию, филологию, ботанику, биохимию, астрономию и метеорологию. В научном центре каждый желающий будет иметь возможность круглый год посвящать себя этим дисциплинам. Кроме того, из Урусвати будут регулярно отправляться экспедиции в наиболее интересные места земного шара.

Проект Института гималайских исследований был составлен Николаем и Юрием Рерихами. Он предполагал развитие научной мысли в форме конференций, лекций, совещаний и семинаров по двум основным направлениям. Первая линия действия - это археология плюс все науки и искусства, имеющие к ней отношение. Второе направление - это естественные науки плюс практические исследования. Когда библиотека и музей Урусвати будут оборудованы по последнему слову техники, к функции научного центра прибавится учебная программа для желающих. Научные открытия, происходящие в Урусвати, станут известны всему миру благодаря публикациям периодики.

Гималаи в течение веков приносили вдохновение, как приверженцам индуистской религии, так и буддистам. В уникальной и великолепной долине Кулу выросло множество священных рощ, посвящённых 360 богам. Однако долина Кулу - это ещё не сердце Гималаев. Средоточие гималайской культуры находилось в Туркестане, где сохранилось множество полуразрушенных городов. Лишь в нескольких древних городах были проведены раскопки, и исследователи смогли обнаружить следы неизвестных доныне языков и скрытой культуры, ибо высокие горы таят в себе множество тайн.

Археологические проекты

Институт гималайских исследований в первую очередь составил планы относительно работы в Китайском Туркестане. Раскопки будут проводиться в ранее нетронутых местах. Археологи согласовывают свои маршруты с правительствами тех стран, куда они направляются. Гималайский исследовательский институт тесно связан с Индийским археологическим обществом и подписал рабочее соглашение с Археологическим институтом в Америке. Студен-

ты и преподаватели этого института имеют возможность работать в Центральной Азии, в Урусвати.

Особенно перспективными ученые считают некоторые места в Северной Индии, такие, как Таксила, Мохенджо-Даро, Хараппа и Наланда.

Тибет, как страна в Центральной Азии, хранит в себе множество секретов древней культуры. Урусвати может стать центром изучения тибетской цивилизации. Культура Тибета проникла в долину Кулу, в которой Николай, Елена и Юрий Рерихи основали «Урусвати». Для горных стран смешение культур, языков и национальностей считается абсолютно естественным.

Большинство предметов, привезённых из археологических экспедиций, находятся в Урусвати, поскольку тёплый климат благоприятствует хранению древних манускриптов. Если их попытаются перенести в другое место, они начнут разрушаться.

Этнография

Горы Азии скрывают от современной цивилизации древние культуры и религии, в которых этнографы могут найти неисчерпаемые источники для исследования. Чего стоят костюмированные праздники, ритуалы, обычаи и символы, священные роци и народные предания, которые представляют огромный интерес для любого этнографа! В долине Кулу постоянно ведётся изучение фольклора, диалектов, языков и физических особенностей народа, живущего у порога Гималаев.

Ботаника и старые медицинские традиции

Долина Кулу носит название Серебряной долины. Достаточно посмотреть на серебристые шапки снегов на гималайских вершинах или окинуть взором цветущие деревья долины, словно осыпанные снегом, чтобы понять, что её недаром называли таким именем. Обилие воды и вулканическая почва - прекрасные условия для всевозможных трав и кустарников. В долине Кулу можно встретить огромное количество растительных зон - от альпийской до субтропической.

В Урусвати растёт до 60 видов яблонь, груш и других фруктовых деревьев. Ни одна европейская разновидность не станет приносить столько плодов, сколько приносят деревья в Урусвати.

Неудивительно, что в VII в. китайский паломник Сюань Цзан восхищался знаменитыми лекарственными травами Кулу. Они знамениты и поныне. Сборщики трав находят их в изобилии на высокогорных лугах. Современной медицине не мешало бы почерпнуть некоторые знания из древних традиций тибетских лам, собиравших лекарственные травы в долине Кулу.

Проекты основателей научного центра в Урусвати предполагают планомерное развитие ботаники, физиологии и биохимии на основе традиций древней фармакопеи, что может принести огромную пользу всему человечеству. Современная медицина не имеет понятия о многих древних лекарствах, поэтому ей нужно сотрудничать со старой врачебной техникой Индии и Тибета.

Биохимия предполагает изучение древних секретов целительства на современной базе, в условиях прекрасно оборудованной биохимической лаборатории. Лекарственные травы долины Кулу - прекрасный объект для изучения. Выращивание лекарственных растений может быть поставлено на должный

уровень. В библиотеке Института гималайских исследований, что размещена в Наггаре и в Нью-Йорке, находится огромное количество трудов по медицине. Их предполагается изучать и публиковать. Исследователям из биохимической лаборатории нужно завязывать контакты с народными целителями и использовать накопленный ими опыт в своих исследованиях.

К плантациям лекарственных трав необходимо присоединить и основные плантации, принадлежащие ботанической лаборатории, на которых будут работать исследователи-ботаники. Предполагается заниматься систематическим изучением местной флоры. Заведующим лабораторией будет доктор Вальтер Кольц; он участвовал в экспедиции в Арктику, в национальной географической экспедиции в Гренландию и долгое время преподавал в американском университете штата Мичиган.

Астрономия и метеорология

Программа Отдела естественных наук в Институте гималайских исследований включает в себя строительство астрономической и метеорологической обсерватории, исследования в области физики и астрономии. Экспедиции института будут проводить обширную работу в этой области в тех странах Среднего Востока, с чьими правительствами будет налажена связь.

Дополнительные проекты

Институт гималайских исследований располагает в двух каменных зданиях на нескольких акрах земли, полученных в дар от Николая Рериха. С просторных веранд открывается великолепный вид на Гималаи. Здесь находятся институтские помещения, библиотека и офис. В этих же зданиях предполагается разместить ботаническую лабораторию.

Полная программа института требует затрат в 100 тысяч долларов. Она включает в себя двухлетние исследования и строительство лаборатории, проект которой уже существует. Лабораторию предполагается построить неподалеку от главного здания. Это будет каменный дом из семи комнат, в которых разместятся библиотека для исследователей и сама лаборатория, где будут проводиться различные эксперименты.

Для научных работ необходима электрическая энергия, поэтому вода небольшой речки, падающей с высоты 50 футов, будет вращать турбину малой гидроэлектростанции.

* * *

Существование Института гималайских исследований всецело зависит от помощи и поддержки со стороны человечества. Мы рассчитываем, что вы поймете замысел основателей «Урусвати» и будете способствовать выполнению миссии научного центра, который должен принести большую пользу науке и человечеству.

1930 г.

Опубликовано в сборнике "Ю.Н. Рерих. 110 лет со дня рождения", материалы научно-общественных чтений, Алматы, 2013

Часть 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из воспоминаний Н.К. Рериха (1913 г.):

Индийский путь

В Париже весной для меня была радость.

В музее Чернусского открыта выставка предметов восточного искусства из частных собраний. Сама по себе выставка очень интересна. Вещи выбраны со вкусом и знанием. Превосходны разные живописные и лепные священные изображения Индии, Цейлона, Сиамы, Японии, Индокитая.

Не пройти равнодушно мимо эпических красок, мимо чёрно-лаковой бронзы, мимо цветистой и великолепной космогонии.

Но на выставке было и другое, для нас, русских, уже особо значительное. За эту радость я очень благодарен моему другу В. В. Голубеву.

Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности.

Конечно, могли говорить нам: мечты неосновательны, предположения голословны, догадки полны личных настроений. Нужны были факты.

И вот теперь В. В. Голубев (живущий почти всегда в Париже), наконец, начал большое дело. Начал это дело так умело, так прочно, что можно по моему убеждению, ждать крупных достижений.

Если дело пойдёт так, как начато, то Голубев создаст себе возможность первому от русской жизни пройти по новому направлению к истокам индийского искусства и жизни.

В. В. Голубев снарядил экспедицию в Индию. Были всякие трудности. Несколько участников погибло от жары и лихорадки, но зато были привезены снимки и предметы, и, главное, наблюдения, которым должен радоваться каждый русский.

На выставке музея Чернусского ожидал меня Голубев, и то, что он показал и рассказал мне, было так близко, так нам нужно и так сулило новый путь в работе, что оба мы загорелись радостью.

Теперь все догадки получали основу, все сказки становились былью.

Обычай, погребальные «холмы» с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи - всё это было так близко нашим истокам. Во всём чувствовалось единство начального пути.

Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрёт многое, что нам так близко.

Обычай вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются.

Голубев, чуткий к искусству, взял в этом изучении верный путь. Не путь отшельника-учёного, летописца для будущих веков, а путь повествователя на пользу и сведение всем, кому дороги искусство и скованная им жизнь.

Мы поняли значение византийских эмалей. Мы поняли, наконец, и ценность наших прекрасных икон. Теперь иконы уже вошли в толпу и значение их укреплено. Через Византию грезилась нам Индия; вот к ней мы и направляемся.

Не надо пророчествовать, чтобы так же, как об иконах, сказать, что изучение Индии, её искусства, науки, быта будет ближайшим устремлением.

Нет сомнения, что эти поиски дадут отличные последствия. Но, повторяю, надо спешить. Надо не упустить многие последние возможности.

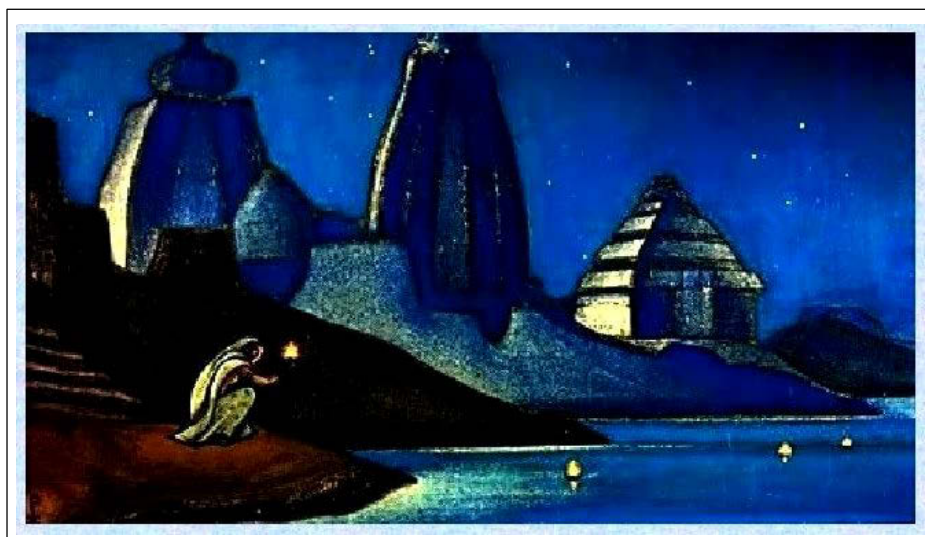
Вот почему считаю, что дело, начатое В. В. Голубевым, должно нас радовать чрезвычайно.

Надо знать, что за первую экспедицией решена и вторая. В будущем у Голубева растут планы, о которых я ещё не могу говорить.

Пусть Голубев сам подробно ознакомит нас со своими выводами и планами. Жаль, если французы с их верным чутьём скорее нас поймут значение работы Голубева.

Желаю нашей Академии наук вовремя ещё серьёзнее обратить внимание на эти работы.

Желаю В. В. Голубеву всякой удачи и жду от него бесконечно многозначительного и радостного.

Н.К. Рерих. Огни на Ганге. 1947.

К чёрным озёрам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепах. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живёт в Индии красота.

Заманчив великий Индийский путь.

Русское слово (Москва). 1913. 7/20 июля. № 156. Воскресенье. С. 2-3.

1937 г.
Н.К. Рерих

ИНДИЯ

Индия всегда была, есть и будет страной сказочной и чудесной. Неисчерпаемость возможностей индийских сказывается в её противоположностях, тех крайностях, которые высекают вечный созидательный огонь борений, исканий и достижений. Много сходства с российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже... Замечателен исторический факт появления Долгорукого при дворе Акбара и его особое значение, от верхов подобных Тагору, Джагадиш Боше, Даянанду Сарасвати, Рамахун Рою и до самых незаметных бродячих садху всюду найдётся глубокое мышление. Древние веды, прекрасная Бхагават Гита, Упанишады и всевозможные пураны дают огромную конденсацию мысли. Не забудем, что в письменную форму все эти памятники облеклись после многих веков устного пересказа.

Один лик Индии, доступный спешащим путешественникам, явит базары, караваны и насыщенную уличную жизнь, в которых, как справедливо заметил ещё недавно один русский приезжий, можно видеть подлинный античный мир Сирии и Месопотамии. Но за этим пестрым ликом выдвигается и другой лик – великий, выросший на пещерах Элефанты, Аджанты, Эллары. О нём же скажут и буддийские реликвии, и Сарнат, и Бодхигая, и цейлонская Анурадхапура, и Канди, и множество других памятников, которые удостоверяют, какая мощная энергия была заложена около них.

В Индии так же, как и на российских равнинах, вы никогда не знаете, когда встретите наиболее значительного путника. Много странников – сразу не рассмотрите, кто из них несёт в себе большую думу и прекрасную весть. Мы сами встречали поразительных в своём разнообразии путников. Нередко богатые караваны тибетских гешэ не давали новой пищи, которая неожиданно проявлялась и была приносима самым невзрачным по виду, оборванным ламою. Западная пословица «по одежде встречать, по уму провожать» в Азии трудно приложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз, пламенеющих мыслью. Прекрасна Индия.

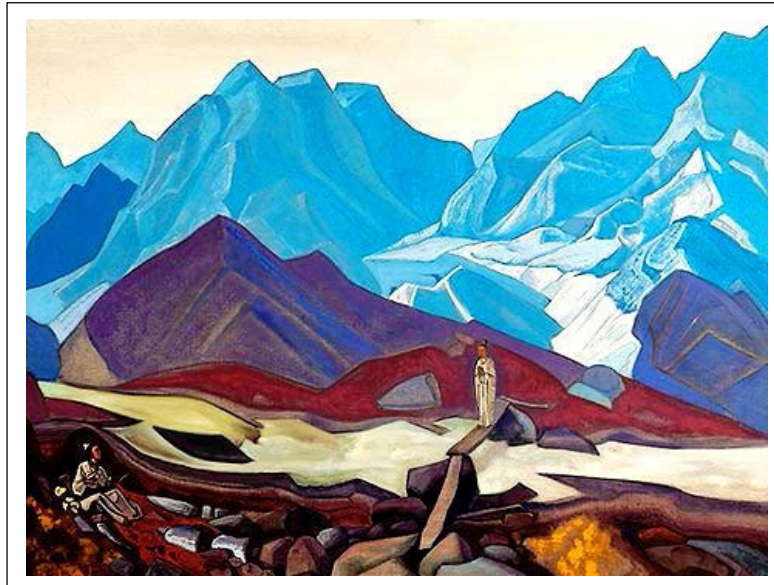
1937 г.
Лист дневника № 47

Н.К. Рерих. Зажигайте сердца. М., 1975

Н.К. Рерих. Канченджунга. 1935-36.

ОКТАБРЬ
«УРУСВАТИ», НАГГАР, КУЛУ

Н.К. Рерих. Оттуда. 1936 г.

«Взирай на нежное сияние, заливающее восточный небосклон... В хвалебном гимне слились земля и небо. От четырехжды проявленных сил возносятся песнопения любви: и от пылающего Огня, и от струящейся Воды, и от благовонной Земли, и от стремительного Ветра.

Внимай!.. Из глубины непобедимого вихря золотого света, в волнах которого купается Победитель, всей природы тысячеустный голос воздымается в бесчисленных звуках, дабы возвестить:

Радость вам, о сыны скорбной земли!
Возвратился назад "с того берега" Странник.
Родился новый Архат.

МИР ВСЕМУ СУЩЕМУ!
ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ!

Е.П. Блаватская. Из «Книги Золотых Правил» - «Семь Врат»

18 октября 1935 г. Наггар, Кулу

«Мы добрались до Наггара вечером 18 числа сего месяца...» (Ю.Н. Рерих)

**19 октября 1935 г. Кулу, Пенджаб.
Письмо Ю.Н. Рериха к Ф.Г. Стоксу**

19 октября 1935 г.
Кулу, Пенджаб, Бр[итанская] Индия

Уважаемый майор Стокс,

Мне доставляет огромное удовольствие приложить к этому письму расписку в получении \$200, которые ранее, в сентябре, Вы отправили нам телеграфом через «American Express», Бомбей, и получение которых упоминает госпожа Рерих в своём предыдущем письме.

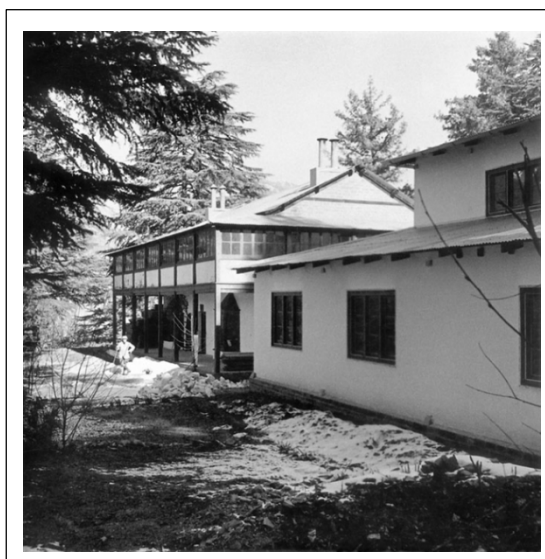
Вчера мы с проф[ессором] Рерихом вернулись в Кулу и по завершении нашей работы с Министерством земледелия собираемся возобновить нашу деятельность, связанную с Институтом Гималайских исследований. Мне постоянно вспоминается наша беседа, состоявшаяся в апреле 1934 г., и те бесценные советы, которые Вы мне дали тогда. Мы высоко ценим Ваш постоянный интерес к нашей работе и искренне Вас за это благодарим.

С сердечными пожеланиями от всех нас,

Искренне Ваш,
Директор

Приложение: 1 расписка.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

Институт Гималайских исследований «Урусвати», 1930-е

**21 октября 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку**

21.X.35. Наггар

Родные З[ина], Ф[рансис] и М[орис],

Шлю Вам сердечный привет по возвращении и радуюсь, видя Ваше мужественное борение против всяких неправд. Из приложений, которые Вы можете показать верным людям, Вы видите наши мысли. Действительно, совершенно невероятно представить, чтобы неопровержимые факты так забываются.

лись и извращались. Поистине, каждый честный человек оценит истинные факты и будет потрясён тёмною злонамеренностью разрушителей. Но мы знаем, на всей нашей жизни и на всех исторических примерах, что Свет побеждает тьму.

Когда Вы читали в порядке написания мои записные листы, то, наверное, Вы обращали внимание, насколько они отвечали действительности? Ужасно подумать, что у последней черты могут происходить такие ужасные одержания и патологические распадения. Но мы знаем, что несломимую твёрдостью, мужеством, преданностью и честностью побеждаются самые ярые нападения. Вы также знаете, что есть тактика адверза и как ею нужно деятельно пользоваться. То, что Вы сообщили о Филад[ельфии] чрезвычайно характерно. Как только получится от них помянутое Вами заявление, мы сейчас же ответим. Наверное, так же отнесутся и другие честные люди.

Отбор ликов неизбежен во всём. Выявление предательского элемента необходимо, ибо далее это обстоятельство могло сделаться ещё более вредным. Вы знаете, что на все решительно соображения имеются у нас факты и обоснованные ответы. Прискорбно подумать, что денежный дар Учреждениям будет так извращён в толковании злоумышленников. А соображение об отсутствии благодарности глубоко нелепо, ибо существует множество письменных доказательств. Кроме того, нам ли не знать, насколько ценна признательность как таковая. В последующих меморандумах будет освещён и статус картин и будут делаться выписки из соответственных журнальных постановлений. Вас – трое, и с Вами все честные души, и Вам легко говорить о правде, ибо решительно всё Вы можете подтверждать фактами.

Не пишу о Канз[асе], хотя имеется прекрасное предложение. Вы понимаете, что при существующих обстоятельствах даже невозможно касаться этого предмета. Ведь тёмные силы разрушали осуществление этих возможностей. Они же свирепо содрогаются при одном упоминании о 1936-м годе. Но они забывают, что у них один путь, а у Света бесчисленное множество возможностей. Тёмные могут пытаться преграждать, они могут довольствоваться лишь какими-то отложениями и видоизменениями, но нарушить Космический Закон они всё же не могут. Ведь всё ранее слагается надземно, а затем приобретает земные формы. Но прискорбно видеть, как самые лучшие возможности подвергаются покушениям, хотя бы и с негодными средствами. “И это пройдёт”, – так говорил Соломон. А если мы все приложим весь наш опыт, всё единение и всё огненное рвение, то пройдёт это скоро.

Вы, конечно, понимали, что формально приходилось, как бы ужасаться, например, харбинскими черносотенными выпадами. Но теперь, вне почты тех стран, можно сказать, насколько эти выпады были к истинному благу. Ведь тёмные произнесли такие суперлативы, на которые раньше никто не рисковал. Если была произнесена формула Метерлинка, то ведь впервые на газетном листе она с ужасом была произнесена тёмными. Хотелось бы знать, что именно писал Ач[аир]. Конечно, переписка с такими нестойкими элементами стала абсолютно не нужна. Имеют ли филад[ельфийцы] рижский сборник? Очень рад возглавить факультет истинного Мастер-Института. Хороший каталог. Ведь с самого начала так и было, и никто не может отнять, что именно мы с Вами основывали Школу Объединённых Искусств. Надеюсь, что Фр[ансис] приписалась к какому-либо агентству. Важно хотя бы номинальное приобщение. Конечно, Мор[ис] не покидает вверенного ему Музея.

Скажите привет Сутро – нашему первому другу ещё со времён Лондона, также поприветствуйте Стокса – мы так сердечно его поминаем и твёрдо знаем его несломимую честную твёрдость. Приветствуйте Меррита, пошлём ему в подарок – в знак давнишней дружбы – желаемую им танку. Приветствуйте Воона – кажется, Фр[ансис] знает к нему дорогу. Замечательно, что он изначально так не любил некую особу. Приветствуйте Кунц Бэкер, Уайтсайд и всех самоотверженных друзей, собравшихся около Школы, – Зейдель, Фосдиков, Дона. Также приветствуйте всех сотрудников иногородних и в иностранных обществах. Ведь Общество должно продолжаться, общественность не есть департамент. Никто на свете не может запретить людям общественно объединяться около уже излюбленных ими идей. Истинная Живая Этика сейчас более чем когда-либо необходима в жизни, чтобы выкорчевывать все злоумышленные и ложно искривленные понятия. Приветствуйте Давида. Всегда я чувствовал к нему и доверие, и дружбу. Считаю его не только помощником в нынешнем деле – сотрудником и во всём великом будущем. Несмотря на тяжкие современные условия, всё же существуют культурные и образовательные учреждения и общества. Мир живёт идеями, и раз идеи не умирают, то около них всегда найдутся и возможности, если не будут отринуты мерзким неискренним мышлением. Трудности лишь ступени успеха. Все исторические примеры, начиная от Моисея, через Акбара, Леонардо, св[ятого] Сергия [Радонежского] и множество подвижников, дают нам живые примеры переживания трудностей для лучшего будущего. Никто на свете не запретит устремляться и служить лучшему будущему.

Приветствуйте Катр[ин] и Инг[e]. Вот уже, поистине, прекрасные души, деятельные и стоящие на преданном дозоре. Цените таких друзей-сотрудников. Хорошее письмо от Лейлы Мейлх. Пусть Фр[ансис] непременно войдёт с ней в ближайшее сношение, может быть, через неё возможна даже и продажа картин для музеев или частных собраний. Во всяком случае, такое ценное мнение очень важно. Приветствуйте и Формана, и Флейшера, пусть они о нас помнят так же, как мы о них. Не осталось ли друзей из кетнеровского сообщества – ведь там были хорошие молодые души. Приветствуйте и знакомых директоров музеев, и Морю и Тарух[ана], Ниночку и Таню, также и Москова. Думаю, что они все отлично поймут происходящее. Очень берегите всякие документы; Вы знаете, что одержание и патологические болезни очень близки. Вы знаете, как опасен и убийственен империл; когда ранее уже были сложные операции, то насколько больше может влиять накопление яда. Как это прискорбно, когда вместо быстрого поступательного движения приходится заниматься вещами, которых могло бы и не быть вовсе, если бы некие сердца были проникнуты познанием Учения. Вы помните мой записной лист о непростимой хуле на Духа Святого. Вы помните всё, что Сказано о последствиях предательства, как ужасно видеть в жизни именно такие проявления. Но вся эта тьма не только не отемнит Ваших друзей, наоборот, она вызовет в них их лучшие качества. Разве не поразительно изречение Охара Косгрева, да и замечательно слово Давида о Муссолини. Бедняга Муссолини окончательно провалился. Как бы ни кончилось его злосчастное предприятие, но он уже осудился и провалился. Дайте русские книги мои – Скумэкер. Неужели найдутся люди, которые могут помогать итальянцам в их незаконном бесчеловечном нападении?

Ещё и ещё потрясает меня убийственное отношение некоторых личностей к Сердцу – тому Сердцу, которое всё дало.

Закончу, вспоминая факт последних дней в Харбине. После чудовищной черносотенной литературы ко мне пришла известная поэтесса М. Колосова от группы молодёжи и сказала, что только теперь, благодаря этой литературе, они поняли всё моё значение и считают своим долгом выразить [*это*] и закрепить. Разве не поразительно, что именно тактика адверза может достигать таких формул?! А ведь такие же формулы – повсюду. Итак, будьте бодры, как и подобает быть в часы великолепной битвы. Имейте меморандумы всяких словоизвержений. Храните документы от всяких покушений. Посылаю привет Крейну, перешлите прилагаемую открытку Бринтону. Вооружитесь всем оружием Света в обеих руках. Свет побеждает тьму.

Духом с Вами,
Р.

Н.К. Рерих. «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

21 октября 1935 г. «Урусвати».

Н.К. Рерих

МЕМОРАНДУМ №1

21 октября 1935 г.
«Урусвати», НАГГАР, Кулу,
Пенджаб, Британская Индия

Приняв приглашение правительства США возглавить научную экспедицию, я выехал из Америки 22 апреля 1934 года. После моего отъезда президент Л.Л. Хорш в своём официальном докладе от 28 апреля 1934 года заявил: «Наш Великий Вождь покинул Нью-Йорк 22 апреля, проведя в Нью-Йорке около 5 недель. Его Пребывание здесь навсегда вдохновило нас. Профессор Рерих щедро одарил нас новыми идеями для развития дел, и мы приложим усилия, чтобы сразу же провести их в жизнь» (Параграф 1). Я подчёркиваю, что это было заявлено после моего отъезда, и все заглавные буквы оставлены как в оригинале.

Начиная с этого времени и до сентября 1935 г., всё шло для меня под тем же благоприятным и конструктивным знаком. Затем я получил от г-на Хорша письмо, датированное 7 августа 1935 г., в котором тот в неожиданно грубых выражениях обвинял меня в «раскрытии» в моём общем письме Трэстис чего-то из его конфиденциальной телеграммы, о которой до сего времени мне ничего не известно, поскольку адресованные мне телеграммы г-на Хорша не могли быть какого-либо конфиденциального свойства в том, что касается Попечительского Совета. В том же письме г-н Хорш резко нападает на меня за попустительство по отношению к некоторым членам Совета, заключая, что он больше не будет общаться со мной. Это письмо г-на Хорша очевидным образом противоречило тому, что он писал на протяжении предшествующих 13 лет. Тогда я попросил его точно объяснить мне, какую телеграмму он имел в виду, а также привести конкретные доказательства моего попустительства. До сих пор я не получил ответа на этот вопрос.

Теперь, вернувшись в Гималаи, я лично ознакомился, к моему сожалению, с целым рядом неприемлемых, грубых необоснованных обвинений, ко-

торые не соответствуют действительности. Г-н Хорш сделал эти заявления в некоторых официальных Журналах Заседаний, а также в нескольких письмах, и он считает, что эти заявления выражают не только его мнение, но также мнение г-жи Н.Хорш и мисс Эстер Дж. Лихтман.

Давайте теперь суммируем эти неприемлемые заявления, не отвечающие реальным фактам и противоречащие всему тому, что трое упомянутых людей столь щедро выражали в течение тринадцати лет. Более нелогичного противоречия даже нельзя себе представить, тем более что в период с апреля 1934 г. по настоящее время ни с моей стороны, ни со стороны г-жи Е. Рерих никакого изменения политики не было. Напротив, г-жа Е. Рерих дала очень важным деятелям рекомендательные письма, говоря о трёх перечисленных выше Попечителях в самых возвышенных тонах, чем они не преминули воспользоваться.

Возникает вопрос: когда же г-н Хорш был искренним, в течение 13 лет или сейчас?

Теперь позвольте мне процитировать неожиданные обвинения г-на Хорша в его письме г-же Рерих, датированном 30 июля: «Исключительно под Вашим водительством и руководством провалились следующие предприятия: корпорация «Панкосмос», корпорации «Белуха» и «Ур», «Алатас», «Новый Синдикат» и Международное информационное агентство; «Рерих Мьюзиум Пресс» сократилась почти до смешного, также резко упал доход Мастер-Института, а его престиж скатился до уровня посредственности. Стоимость здания сильно возросла из-за помпезных запросов и постоянного вмешательства сотрудников с непрактичным мышлением и абсурдными идеями. Наконец, здание попало под судебный арест, благодаря экстравагантным запросам Профессора Рериха и тех сотрудников, которые требовали расширения деятельности на деньги Бондхолдеров. Этого требовали, несмотря на мои постоянные предупреждения и протесты. Я считаю преступлением, что деньги, с трудом заработанные несчастными Бондхолдерами, непомерно растрачивались и шли на расширение деятельности, на что у нас не было морального права. Я помню, что Вы, Профессор Рерих и некоторые сотрудники считали меня «врагом культуры», потому что я хотел защитить права Бондхолдеров и следить за тем, чтобы учреждения существовали в пределах своего бюджета и расширялись оправданно. Во всех этих возглавляемых Вами предприятиях в Ваше распоряжение поступали большие суммы».

Так же несправедливо и необоснованно в своём следующем письме, датированном 27 сентября 1935 года и адресованном мне и г-же Рерих, г-н Л.Л. Хорш заявляет: «В соответствии с моими недавними письмами и записями в Журналах Заседаний, хочу заявить Вам на будущее, что Ваши методы не есть мои методы и наши отношения подошли к концу. Мы более не признаём Вашего руководства, и примирение между нами невозможно... Отныне мы будем вести работу по пути высших принципов и этики, согласно высшим идеалам. Если вы попытаетесь подстрекать против нас Ваших любимых сотрудников, г-на и г-жу Лихтман, мисс Франсис Р. Грант или г-жу Шафран, то хотим Вам напомнить, что больше не потерпим подрывной деятельности, поскольку эти сотрудники, которых Вы настраивали против нас, сделали невыносимой нашу жизнь за последние тринадцать лет» – помимо прочего, г-н Хорш, похоже, совершенно забыл, что он, г-н Хорш, и мисс Э. Дж. Лихтман поступили в уже существовавшее и работавшее учреждение, основанное мной, г-жою Рерих, г-ном и г-жою М.Лихтман. Здесь я, конечно, только цитирую, но полные копии

этих писем будут приложены к записям. Давайте также не забудем, что с 1922 года, когда г-н Хорш поступил в упомянутое учреждение, он заявил, что полностью берёт на себя финансовую сторону деятельности Учреждений, которая и была затем ему вверена; также мои частные средства (по доверенности) были отданы в полное распоряжение г-на Хорша ввиду моего отсутствия.

Теперь давайте по порядку рассмотрим приведённые выше обвинения. Несмотря на то, что почти всё время мы находились в дальней экспедиции, мы, тем не менее, видим, что много организаций, подобных вышеперечисленным, успешно существуют, даже несмотря на всемирный кризис. Даже российская издательская компания «Алатас», невзирая на крайне неблагоприятные условия, всё ещё существует и, судя по письмам г-на Гребенщикова, имеет планы на развитие. Со времени моей рекомендации учредить всемирное информационное бюро, было основано много подобных агентств. Но, разумеется, у них был больший начальный капитал, больше времени, а персонал – многочисленней. Обвинения против Мастер-Института могли выдвигаться только теми, кто не знает, что с 1929 года в Америке разразился невиданный в истории кризис. До этого времени Мастер-Институт, под тем же самым руководством, имел годовой доход 30 000\$ в год. Также и стоимость здания никогда не могла быть увеличена под моим давлением, поскольку, когда мы вернулись с Тибета, все проекты, планы, контракты, облигации и само здание уже не подлежали изменениям, а финансирование было уже завершено.

Я хотел бы напомнить, что мы всегда рассчитывали на здание в 24 этажа, а не в 29. Никто не осмелится утверждать, что я когда-нибудь требовал какой-либо роскоши, что прямо противоречит моей натуре, поскольку роскошь – это антипод красоты и культуры. Здание не могло попасть под арест из-за каких-то моих воображаемых требований, и, более того, причина этого ареста была достаточно ясно изложена в официальных бумагах.

Я надеюсь, что г-н Хорш не обвиняет меня также в том, что я был причиной краха «Bond & Mortgage Co» и во всемирном кризисе. Ещё в 1931 году, до всяких арестов здания, я волновался и предлагал создать из Бондхолдеров специальный Комитет с целью установления тесного и дружеского сотрудничества. Также впоследствии я непрерывно настаивал, что Бондхолдеры в любом случае не должны страдать от каких-либо убытков. Разумеется, обесценивание вследствие кризиса всех американских ценных бумаг привнесло в наш проект особые непредвиденные трудности. Кроме предложенного мною Комитета Бондхолдеров, я постоянно настаивал на организации целой серии Фондовых комитетов по различным областям нашей программы, чтобы пробудить интерес широкой публики и оповестить общественность о нашей культурной деятельности. Ожидалось, что эти комитеты, непрерывно увеличивая число своих членов и обновляя их состав, принесут пользу в обретении новых сотрудников, фондов и возможностей. Приходится лишь сожалеть, что Комитет Бондхолдеров не был сформирован в 1931 году и все другие комитеты не развивались так, как намечалось. Даже недавно я упомянул в письмах о необходимости таких комитетов и выражал надежду, что они будут успешно действовать.

Также я хочу подчеркнуть, что никогда не имел ничего общего с деньгами Бондхолдеров. Напротив, в то время мне пришлось выделять часть своих скудных средств на культурную работу. Напомню также, что во время моей последней поездки в Америку я постоянно писал и говорил, что интересы

Бондхолдеров должны быть, наконец, полностью защищены. Также мне было прискорбно слышать, что Бондхолдеры серии «Б» исключены из прибылей от плана реорганизации. И до сих пор я надеюсь, что это обстоятельство можно поправить.

Всему тому существует большое число письменных свидетельств, поскольку, находясь далеко, я мог общаться только через переписку. Кроме этих письменных документов, есть ряд свидетелей, которые подтвердят вышесказанное.

В заключение я хочу заявить, что ни я, ни г-жа Рерих, ни наши сотрудники никогда не называли г-на Л.Л.Хорша «врагом культуры», поскольку все мы очень ценим каждое деяние, которое прямым или косвенным образом вносит вклад в Культуру. Достаточно упомянуть мою статью «Согона Mundi» («Твердыня Пламенная», стр. 352). Кроме того, в Журналах Заседаний, письмах и т.п. постоянно выражалась высокая оценка г-на и г-жи Л.Хорш.

Что же такое могло случиться, чтобы приведённые выше неоправданные обвинения г-на Хорша стали диаметрально противоречить его прошлым заявлениям, многократно повторяемым в течение тринадцати лет?

Давайте процитируем последнее заявление г-на и г-жи Луис Л. Хорш на собрании Попечительского совета, состоявшегося 20 апреля 1934 года, №267:

«Параграф 21. На этом последнем собрании перед отъездом профессора Рериха, г-н и г-жа Луис Л. Хорш хотят выразить своё глубочайшее уважение и благодарность профессору Рериху за принесённую им радость и за его мудрое водительство всей деятельностью Музея. Мы приложим все усилия, чтобы выполнить его указания и принести славу и почёт учреждению, носящему Его имя. Наше горячее желание – во время отсутствия нашего Руководителя освободить его от любого финансового бремени, и мы будем помнить обязательства по платежам г-же Рерих, Штаб-квартире «Урусвати» и Европейскому Центру. В довершение всего, мы приложим усилия для сбора средств, чтобы осуществить великий план, а также будем радостно работать для того, чтобы Знамя Мира было принято так широко, как только возможно. Для нас было и остаётся большой привилегией охранять имя нашего Возлюбленного Руководителя и следить, чтобы его имени и его духовному и культурному Руководству оказывалось надлежащее почитание. Также мы хотим выразить нашу благодарность д-ру Юрию Рериху за сердечное сотрудничество в работе и будем рады всячески помогать ему в выполнении его миссии. Мы хотим выразить нашему Возлюбленному Руководителю наше глубочайшее уважение и высказать самые сердечные пожелания и уверенность в полном успехе и осуществлении нашего великого будущего. Мы приложим усилия, чтобы сохранить пламя великой любви, которое профессор Рерих зажёл во всех наших друзьях и товарищах во время своего приезда сюда, и вдохновлять их на сотрудничество ради развития наших Учреждений».

Таков итог моего прошлого приезда в Америку, сформулированный лично г-ном Хоршем и г-жою Хорш. Если мы прочтём Журнал Заседаний от 15 апреля 1934 года, то со стороны всех членов Совета увидим то же определенное утверждение и ту же оценку моей деятельности. Таким образом, я уехал из Нью-Йорка, увезя с собой более чем ясно выраженное несомненное выражение чувств со стороны всех Попечителей и признание моей культурной и созидательной работы. Таким образом, настоящие заявления г-на Хорша кажутся плодом болезненно-возбуждённого воображения, или – упаси Боже – ка-

ким-то злым умыслом, поскольку сличение фактов для любого непредубежденного стороннего наблюдателя будет слишком впечатляюще очевидным.

Моё кредо и моя этика достаточно хорошо воплощены в тысячах моих живописных работ и в целом ряде книг, и были признаны во всех странах мира. Мне более шестидесяти лет от роду, и почти полвека я отдал Искусству, Науке и Служению Человечеству.

Николай РЕРИХ

Публикуется по изданию: Елена Ивановна Рерих. Письма в 9 томах. Т.4. М.: МЦР, 1999.

Перевод с английского Д.А.Тихомирова.

22 октября 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

22 октября 1935 г.
«Урусвати», Наггар, Кулу.

Мой дорогой полковник Махон,

Мне необычайно радостно писать Вам это первое письмо снова из Наггара, и я хочу поблагодарить Вас от всего сердца за все те трудности, с которыми Вам пришлось столкнуться, встречая нас в Патанкоте. Это была поистине чудесная прелюдия к нашему возвращению в Долину.

Проф[ессор] и мадам Рерих желают, чтобы я передал г-же Махон и Вам их приглашение на ланч в субботу 26 окт[ября]. Если это удобно, пожалуйста, дайте мне знать, и мы отправим Нирву и Этернал к мосту к 10 часам утра.

С нетерпением ожидая встречи с Вами обоими и с самыми лучшими пожеланиями от всех нас.

Искренне Ваш.

P.S. Корзина, которую Вы получили в Джогиндарнагаре, оказалась в Наггаре по ошибке, однако шофёр отправил её в Манали на следующий же день, и, мы надеемся, она дошла до Вас в целости и сохранности.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

23 октября 1935 г. Кулу, Пенджаб.
Письмо Ю.Н. Рериха к Стоксу Ф.Г.

23 октября 1935 г. Наггар, Кулу, Пенджаб, Бр[итанская] Индия. «Урусвати»

Уважаемый майор Стокс,

Для меня большое удовольствие снова приветствовать Вас из далёких Гималаев. Я всегда помню наши беседы во время наших последних встреч и радуюсь той чудесной духовной атмосфере, которая наполняет Ваше святилище. Такое духовное прибежище необходимо всегда, а сейчас особенно.

Я всегда буду счастлив слышать Вас и, посылая сердечные приветствия госпоже Стокс и Вам от всех нас, остаюсь

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

24 октября 1935 г. Наггар.
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д.

24 октября 1935 г. Наггар

Уважаемый г-н Ричи,

Подтверждаю получение Вашего письма от 19 августа, которое переслали из Байлинмяо во Внутренней Монголии в Пекин, а оттуда в Индию. В моём письме Министру, датированном 28 августа, я объяснил причины, по которым невозможно продолжать научные исследования в районе Синин – неблагоприятная политическая ситуация и частые наводнения.

Мы добрались до Наггара вечером 18 числа сего месяца, и, как и просило Министерство, высылаем отдельным пакетом наши удостоверения личности. Наши ваучеры на сентябрь также прилагаются. Ваучеры на октябрь будут отправлены в ближайшие дни.

Надеюсь, что четыре ящика с ботаническими коллекциями и семенным материалом благополучно доставлены в Министерство. Вся сопроводительная информация была отправлена доктору Брессману. Мы дали поручение нашему коллеге, занимающемуся сбором семян в Маньчжурии, направить весь собранный в августе-сентябре 1935 г. материал прямо в Министерство. Получив от него отчёт о расходах, мы перешлём его Вам. В отношении сбора семян в северной Индии (см. письмо доктора Брессмана от 9 июля), должен Вам сказать, что, получив радиограмму от Министра (от 19 сентября), нам пришлось телеграфировать в штаб-квартиру Института Гималайских исследований и просить их прекратить дальнейший сбор семян. Однако наш сотрудник к тому времени уже уехал в более засушливые районы Гималайских гор и был недосягаем для почты или телеграфа. Поэтому к нему направили гонца с поручением вернуться. Сейчас мы уже получили от него сообщение, что он возвращается в ближайшие дни. Он сообщает о хороших результатах. Пожалуйста, сообщите, следует ли направить собранный материал прямо в отдел или же по другому адресу. Коллекции могут быть отправлены отсюда, как только они будут разобраны и должным образом упакованы.

Сейчас я начинаю работать над научным докладом об исследованиях в Восточной и Внутренней Монголии. Фотоотпечатки будут отправлены вместе с докладом по его завершении, равно как и некоторые карты.

Отмечу, что в дальнейшем вся переписка должна быть адресована Вам, чему я очень рад.

С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями от профессора Рериха и Вашего покорного слуги,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

24 октября 1935 г. «Урусвати».
Записка о картинах профессора Н.К. Рериха

24 октября 1935 г.
«Урусвати», Наггар, Кулу,
Пенджаб, Индия

24 июля 1929 года Совет Трэстис Музея в единогласной и торжественной Декларации объявил Музей Рериха как собственность американской нации, выразив в том же документе, при сем прилагаемом в копии, и прочие условия,

сопровождающие и утверждающие этот дар. Указанная Декларация является настолько национальным документом, что мы должны с величайшей тщательностью охранять неприкосновенность этого дара, составляющего историческую дату в жизни Культуры Америки. Напомним себе все условия и положения картин моих, состоящих в Музее, а также и тех, которые составляют мою личную собственность; дабы никакого смешения или недоразумения не могло возникать в этой области.

В официальном каталоге Музея 1929-30 года означены все картины, входящие в содержание означенной Декларации. При этом эти зафиксированные каталогом картины распадаются на две определённые группы. Против каждой картины обозначен год её написания. Итак, первая группа картин, написанная до отъезда в Индию, то есть до мая 1923 года, составляет безусловную собственность Музея, ибо приобретена на средства, пожертвованные Музеем г-ном Хоршем. Вторая группа, состоящая из картин, написанных в Азии от 1923-го до 1929 года, была передана мною Музеем за цену, определённую Советом Трэстис в двести тысяч долларов. Так как Совет Музея не имел в своём распоряжении этой суммы, то было условлено, что эта сумма остаётся за Учреждением при условии выплаты процентов из четырёх процентов годовых. Такие проценты за стеснённою средств Учреждения я не получаю. Зная стеснённость положения, вызванную всеобщим неслыханным в истории мировым кризисом, я и не претендую на это условие, лишь бы цельность торжественной Декларации 1929 года была вполне охранена. Ведь не забудем, что торжественная Декларация имела в виду всю нацию, о чём и было доведено в своё время до сведения Правительства. Конечно, все члены Совета понимают всю неотменимость условий этой торжественной Декларации, ставшей всеобщим достоянием. Таким образом, благодаря точным данным официального каталога Музея 1929-30 года, вполне ясно определяется положение двух групп картин, составляющих упомянутый в Декларации состав Музея. С тех пор на таких же процентных условиях были приобретены этюды и картина «Мадонна Труда», привезённые из Индии г-жою Эстер Лихтман, в Журналах Заседаний (№153, 14 декабря 1931 г., §4) эти вещи точно обозначены. Также Советом Музея были приобретены семь этюдов от частных собственников – из серии этюдов 1903 года. От меня и от жены моей Е.И. Рерих за это время были принесены в дар Музее следующие картины: «Ламаюра», «Приказ Кесар Хана», «Будда-Испытатель», а также триптих «Жанна д'Арк». Кроме моих картин, в Музее находятся три портрета моих работы моего сына Святослава Рериха, поставленные на выставку временно, из которых один был пожертвован Музеем моим сыном в 1931 году. Этим определяется состав Музея, объявленного национальной собственностью.

В течение периода от 1930-го по 1934 год все картины мои, посылавшиеся в Америку для продажи, а также поставленные на временную выставку в Париже, в Брюгге, в Риге, в Белграде, в Загребе, в Бенаресе и в Аллахабаде (за исключением нескольких картин в Югославии, посланных из предыдущих серий из Нью-Йорка), составляют мою личную собственность; таково положение моих картин, написанных за период от 1930-го по 1934 год. Все означенные картины имеются в точных списках, сопровождавших каждую посылку (копии которых были посланы г-ну Л. Хоршу как Президенту Музея и моему доверенному лицу), и на каждой из этих картин на обратной стороне написано

не только её название, но и год написания. Все эти списки хранятся в полнейшем порядке и исключают всякое недоразумение о картинах.

Николай Рерих

Публикуется по изданию: Елена Ивановна Рерих. Письма в 9 томах. Т.4. М.: МЦР. 1999.

24 октября 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

24.X.35 / Наггар

Родные З[ина], Ф[рансис] и М[орис],

Пришли письма от З[ины] и М[ориса] – опять сколько горестных знаков предательства! Хочется мне знать, имел ли М[орис] разговор с сестрою своею. Как бы различны они ни были, но всё-таки они принадлежат к тому же почтенному и богобоязненному дому. Оба они имеют ту же мать, почитаемую местным населением как святую. Чудовищно подумать, чтобы дочь такой матери, воспитанная в священных и высоких традициях, вдруг утратила бы понятие о добропорядочности и облеклась в одежды предателя. Думается, что долг М[ориса] как старшего брата сказать ей именем её матери, что выполняемое ею предательство ужасно во всех отношениях. Помимо всех особых условий происходящего злодеяния, существуют же общечеловеческие понятия о чести и добропорядочности. Отдаёт ли она себе отчёт, что её поведение бросает тень и на ту высоконравственную семью, к которой она принадлежит. Ведь попираются самые священные основы, и всё дело из пределов частных уже становится принципиальным и со священной стороны.

Посылаю Вам конфиденциальную копию моего заявления о положении всех моих картин в Америке. Вы уже имели с прошлой почтой копию самой декларации, которая является документом чрезвычайной важности. Что бы ни происходило за этот период с самими стенами – кирпичными – дома, это не может нарушать наш общий торжественный дар Нации. На этой основе мы должны все прочно окопаться. Никто не может претендовать или завладеть собственностью Нации, ведь это уже составило бы грандиозный общенациональный процесс, за который взяли бы с патриотической стороны зрения лучшие юристы. Ведь в декларации мы все единодушно объявили определяемый каталогом состав Музея собственностью Нации.

Мы не требовали никаких благодарностей – это была наша патриотическая культурная декларация, от которой мы ни в коем случае не можем отступить. Конечно, ознакомьте наших друзей юристов с этим положением вещей. Также хорошо, если Фр[ансис] ознакомит с этим положением декларации Лейлу Мейлх, которая близка многим ценным в этом отношении кругам. Считаем, что письмо её было необыкновенным даром посланным. Используйте всемерно это обстоятельство.

Также используйте всемерно и расскажите друзьям эпизод с нашим преподавателем Броуном, о котором писала З[ина]. Если посторонние люди усматривают такую ближайшую пользу имени, то кольми паче должны это осознать все ближайшие. Всякий такой эпизод, конечно, Вы используйте широчайшим образом. Конечно, З[ина] права, что Сутро должна перенести свои благие завещания на “Урусвати” здесь, при условии управления основателями, как ею и было предусмотрено. Ведь что-то подобное хотела сделать и

Букс – как когда-то писала З[ина]. Конечно, должны быть упомянуты и те сотрудники, которых она перечисляла, согласно письму Зины.

Передаваемые Вами разговоры о ценах на мои картины являются прямо смешными и уродливыми. Махание чеками за такое количество картин недостойно, и каждый культурный человек скажет на это: подумайте, о чём говорите, или вы вообще не знаете ценности художественных произведений. Всем известны цены художников, как Зулоага, А. Джонс, Соролья-и-Бастида, Матисс и других международных художников. Всякому известно, что в 1827-м году губернатор Фуллер заплатил 100000 долларов Зулоаге, портреты же оплачивались по 25000 – сравните портрет Падеревского у Стейнвей и так далее. Также всем известно, сколько сот тысяч Соролья-и-Бастида получил за свои фрески в Испанском Об[щест]ве. Цены на Матисса и других не тайны и всем хорошо известны. Потому люди, знакомые с искусством, предполагают, что я за все содержимое в Музее получил какие-то миллионы долларов. Когда же они узнают действительные цифры, они даже встречают это с недоверием. Людям, следящим за ценами искусства, неизвестно, что даже недавно за картину мою было заплачено 6000 долларов. Зина знает о другой картине, которую мы по знакомству отдали за 5000 долларов. Также известно, как в России результатом одной выставки были 100 тысяч рублей, что по местной валюте имело значение не менее 100 тысяч долларов. Вообще же вменять художнику то, что его произведения покупаются, было бы чудовищным и, прежде всего, некультурным. Вообще, судя по письму З[ины], пожертвованные Учреждению 500 тысяч долларов и вложенные под проценты 600 тысяч оказываются какими-то растяжимыми. То выходит, что они шли и на постройку здания, то чуть ли не были истрачены на картины, то на всякие прочие надобности. К тому же, если припомните, что все эти суммы относятся к периоду в 14 лет, то, как же они распадаются по годам?

Нелепо говорить о том, что я мог быть виною receivership'a, ибо сам Луис в журналах заседаний отмечает совершенно точно причины этого кризиса. Вообще, большое счастье, что все копии журналов заседаний, report'ы Президента и прочие документы находятся в полном порядке. Мы будем выписывать для Вас относящиеся к современным обстоятельствам детали. Какой необыкновеннейший суммариум получается! Наверное, друзья и юристы будут потрясены как нелогичностью, так и необыкновенными противоречиями. А какая бездна благодарностей была выражаема как нам, так и, с нашей стороны, прежде всего Президенту, а также и всем остальным сотрудникам! Также Президент выражал свою признательность Зине за прекрасное ведение дел. Благодарили и Франсис; словом, то, что было и что происходит сейчас, – это день и ночь по своим нелогичным противоречиям. Что-то уже давно было задумано, как пишет Зина. А потому держите в полном порядке документы и всю переписку.

Соображения о г-же Мигель и смешны, и чудовищны. Моя защита памятников древности известна с 1898-го года. Выражена она во всевозможных писаниях и докладах. Доклады о специальной охране памятников посредством особого знака и общего соглашения имеются в моем архиве, если только он так же, как мой диплом на академика, не был выброшен на улицу. Мой большой poster о разрушении Лувэна и Реймса был отпечатан в 600 тысячах экземплярах. Конечно, я всегда ценил единомысленные симпатии. Всем сердцем я одобрял как Кунц, так и Мигель, и воодушевлял всеми силами решительно

всех, кто мог мыслить в тех же направлениях. Помню, как одна дама пришла ко мне, уверяя, что ей давно мыслилось о том же, и я сказал ей, что, может быть, уже и Александр Македонский мечтал о таком же священном охранении. Во всяком случае, имя Герострата не случайно так было отмечено в истории. Г-жа Мигель была и на конференции в Бельгии, а также приходила ко мне во время прошлого моего пребывания в Нью-Йорке. Беседа была дружественная, и Франсис об этом знает.

Конечно, если одержание и предательство доходят до бешенства, то можно ждать всяких клеветнических выкриков. По этому поводу посмотрите мои слова в последнем заседании, на котором я председательствовал перед самым отъездом в Сиэтл. Итак, моё предвидение о возможности предательства, увы, оправдалось. Тем крепче и мужественнее будем держаться – ибо вся правда за нами. Предупредите юристов, что Л[уис] написал мне о том, что будто бы какой-то attorney bondholder'ов намеревается встретить меня на пароходе при въезде в Нью-Йорк с бумагами¹. Конечно, правда за нами, но ведь клеветать и предательски манипулировать можно всячески. Ведь Л[уис] имел и имеет мою полную доверенность. Не странно ли нашим адвокатам, что именно человек, имеющий полную доверенность, может так клеветать и бросаться на лицо, ему вполне доверявшее. Ведь такая ответственность особо тяжка... Сейчас мы заняты работой по экспедиции, согласно указаниям департамента. Кроме того, делаем всевозможные выписки, которые будем непрерывно посылать Вам для ознакомления всех верных людей. Конечно, как Школа, так и Press, – всё это должно и жить, и развиваться. Из моего меморандума №1 вы видите, как мы твёрдо стоим и за то, и за другое. Зина знает, что “Бел[ухе]” концессия была дана, и требовалась сравнительно очень маленькая сумма, так что только злоумышление может твердить о неудачности. Вот и теперь Канз[ас] дан, но предательские обстоятельства лишают меня возможности даже упоминать об этом. Со временем ознакомлю Вас с меморандумом по всему этому делу. Посылаю друзьям в разные страны приветственные весточки. Там, где не знаем адреса, делаем это через Вас. Очень важно, чтобы Фр[ансис] укрепила дружбу с Мерритом и Вооном. Вообще всячески укрепляйте друзей, ибо за Вами сама Правда.

Духом с Вами,

Р.

Замечательно сведение о блюде Амр[иды], сообщённое Морисом. Хорошо бы иметь хоть маленькую его фотографию. Как трогательны проявления Амр[иды] и Инг[е], шлём им самые лучшие мысли. Верные воины Света. Циммерм[ан] может заявить Гартм[ан]у о том, как он помогал... и как с ним безобразно поступили. Так лучшие резиденты будут отогнаны.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

28 октября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

28 октября 1935 г. Наггар

Уважаемая г-жа Лихтман,

Спешу отправить Вам мою декларацию о доходах за 1934 год вместе с подписанным мною письменным показанием под присягой, чтобы объяснить задержку в заполнении декларации за 1934 г. Как в нём указано, я был на по-

левых работах в Монголии, что и явилось причиной задержки подачи декларации о доходах.

Вы увидите, что с 7 апреля 1934 г. я получал жалование от Министерства земледелия США в размере 3354.05 долларов США (эта сумма является моим жалованием за девять месяцев без одной недели). В период с января по апрель 1934 г. я не получал жалования, и у меня имеется Сертификат, подтверждающий, что я был освобождён от уплаты налогов в связи с низким доходом. Мне сообщили, что сотрудники Министерства, получающие суточное довольствие, должны включать его в общий доход, с тем, чтобы его потом можно было вычесть. Таким образом, сумма в \$1597.50 была вписана в декларацию. Эта сумма представляет собой 260 дней, помноженных на ежедневное довольствие в \$6.00, и 15 дней, помноженных на ежедневное довольствие в \$2.50.

Надеюсь, что данная информация может считаться удовлетворительной. Я также прикладываю три газетные вырезки, чтобы подтвердить тот факт, что в 1934 году я ездил по поручению Министерства земледелия США в Китай и Монголию.

Благодарю за Ваши хлопоты и остаюсь

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

Н.К. и Ю.Н. Рерихи в Кулу. 1930-е гг.

29 октября 1935 г. Наггар.
Н.К. Рерих

МЕМОРАНДУМ №2

29 октября 1935 г. Наггар

В предыдущем Меморандуме мы коснулись помеченных там писем г-на Л. Хорша. Теперь же нам надлежит перейти к рассмотрению Журналов Заседаний, копии которых имеются в нашем распоряжении. Журналы этих Засе-

даний по сие число для нас оканчиваются 29-м августа, с чего и начнём наше обозрение.

В параграфе 5 означенного Журнала г-н Хорш заявляет о том, что все финансовые неудачи Учреждений произошли вследствие руководительства моего и Е.И. Рерих. Ещё раз напомним, что всё финансовое делопроизводство находилось под исключительным управлением Л. Хорша, равно как и мои дела, вверенные ему по полной доверенности. Г-н Хорш, если отнесётся справедливо и непредубеждённо ко всему прошлому, то он должен будет сказать, что мои советы, касавшиеся воспитательной и культурной стороны Учреждений, не только не были непрактичными, но вполне подтверждаются множайшими Учреждениями, которые возникали и существовали за это время, нередко подражая именно нашей программе. Достаточно вспомнить слова директора Музея г-на Шолле, переданные нам г-жою Эстер Лихтман. Существование галерей, посвященных продаже старинных и новейших художественных произведений, подтверждает правильность советов в этом отношении. Образование за это время многих новых музеев, Рокфеллеровского Центра, а также разного рода культурных Обществ опять-таки говорит за то, что мы своевременно предусматривали эти возможности. Существуют и новые издательства, и литературные агентства, народились всевозможные деловые корпорации, которые при достаточных оборотных средствах и персонале развиваются более чем успешно. В моих статьях и обращениях я неоднократно указывал на подражательность многих новых культурных учреждений, которые прямо или косвенно приближались к нам, очевидно изучая дело для своего применения. За время кризиса возник рядом с нами целый большой дом, благополучно существующий. Создались новые музеи и галереи, превозмогающие современное положение вещей. Как мы увидим из последующих выписок из Журнала Заседаний Совета Музея, г-н Хорш определенной образом установил, что всякие финансовые затруднения произошли как вследствие краха Банка «Бонд Мортгэдж», так и вследствие ресивершипа, который, естественно, отворачивал от наших Учреждений многих возможных жертвователей и сотрудников. Каждому совершенно ясно, что Учреждение, находящееся в ресивершипе, не может привлекать пожертвований. Все эти соображения неоднократно высказывались и мною, и самим г-ном Л.Хоршем, и всеми членами Совета. Потому совершенно непонятно, каким образом после тринадцати лет совершенно определенных заявлений г-н Хорш во второй половине текущего года вдруг диаметрально противоположно изменил свое мнение. Когда прочитаются все заявления г-на Хорша и его супруги, и г-жи Эстер Лихтман, сделанные ими во всех подписанных ими Журналах Заседаний и в рапортах Президента, в заявлениях и в письмах, то встанет поразительная картина скоропостижного, боюсь сказать с какою целью, измененного суждения. Не странно ли, что именно тогда, когда ресивершип был закончен и здание возвращено Совету Учреждений, именно тогда вдруг возникли суждения, противоречащие всему прошлому. С нашей стороны никакого изменения нашего кредо и отношения к Учреждениям не было. Напрасно г-н Хорш заявляет, что жертвования поступали лишь от его друзей. Достаточно вспомнить финансовую помощь от г-жи Кэмпбелл, г-жи Сутро, г-на Крэна, г-жи Шинази, Циммермана, г-жи Палмер, Бэкстон, майора Ф.Стокса, Фосдика, Зейдель и других, помогавших Учреждениям как жертвованиями, так и займами – все указанные лица являлись привле-

ченными нами, г-жою Зинаидой Лихтман и г-жою Франсис Грант. Прежде всего дело нуждается в точности и правде.

Ни о каких протестах г-на Хорша против развития дел мы не знаем, и никто из нас не называл г-на Хорша «врагом Культуры». Самым решительным образом протестую против внесения в Журнал Заседаний и произнесения неверных фактов. Еще раз напоминаю мое мнение о г-не Хорше и его супруге в моей статье «Корона Мунди». Намеки г-на Хорша о том, что он требовал о построении Учреждений на честном основании, содержат в себе совершенно недопустимое обвинение. И он должен очень подумать, прежде чем произносить такие неосторожные формулы, противоречащие истине и всем его предыдущим утверждениям.

В Журнале Заседания от августа 17-го в § 7-м г-н Хорш опять указывает на то, что Учреждениям помогали исключительно его друзья и что никакие наши друзья и остальные Трэстис не участвовали. Интересно знать, какие именно многочисленные друзья г-на Хорша помогали Учреждениям и почему именно имена всех наших, а также друзей остальных членов Совета г-ну Хоршу в этом случае для чего-то нужно забыть. В том же параграфе г-н Хорш сообщает неверное сведение по поводу финансовой кампании для нашего Научного Института. Директор Института, в свою очередь, изложит точные факты, я же со своей стороны должен сказать: кампания дала некоторую сумму, которая вовсе не была поглощена притязаниями лица, заведовавшего этой финансовой кампанией. Во всех случаях сохраним правду.

Не будем возвращаться к сообщению г-на Хорша о том, что идея во всем является наиболее неценной стороной дела. Вся история человечества говорит как раз за обратное. До сих пор все народы мира ценили тех, кто мог давать живые идеи, возвышая культурную жизнь страны, и в этом предвидении будущего слагали истинное благосостояние народов. Это положение подтверждается издревле повсюду и во всем. И некоторые члены Совета, относящиеся непредубежденно, как видим из Журнала, вполне это понимают.

К указанному Журналу Заседаний приложено заявление г-на Хорша от августа 17-го. Хотя это заявление повторяет те же неверные и злостные обвинения, которые уже были выражены в Журнале Заседаний и в последующем, отвеченном в Меморандуме первом письме, но все же обратимся и к этому оскорбительному документу.

Г-н Хорш опять заявляет, что он купил землю для здания (400 картин для Музея). Необходимо внести поправку в это заявление. Г-н Хорш пожертвовал пятьсот тысяч для Учреждений и вложил под четыре процента заем в шестьсот тысяч. На эти пожертвованные суммы была приобретена и поминаемая им земля со всеми зданиями, картины для Музея, обширнейшая коллекция произведений старинных мастеров, предметов обстановки, туда же относятся все расходы по 14-летней многообразной культурной жизни Учреждений и картины для Музея, статус которых точно рассмотрен в особой Записке о Картинах от октября сего года. Из этих сумм, пожертвованных как г-ном Хоршем, так и другими жертвователями, в течение четырнадцати лет производились как приобретения предметов старинного искусства, так и многие другие затраты на культурную деятельность. Эти указания тем более своевременны, что пожертвование г-на Хорша, упоминаемое в различных вариантах, может вводить кого-то в заблуждение о еще больших каких-то цифрах.

Средняя Азиатская Экспедиция была совершена как на суммы, полученные мною за продажу моих картин, так и на суммы Учреждений. Потому г-н Хорш выразился бы правильно, сказав не о его личных средствах, но о средствах Учреждения, в которые входили его пожертвования. Для делового заявления это звучало бы более основательно. Из средств, пожертвованных Учреждению, была финансирована первая поездка Франсис Грант в Южную Америку, равно как и остальные поездки членов Совета.

Совершенно правильно, что в 1929 году г-н Хорш внес семнадцать тысяч долларов – сумму, потребовавшуюся на покрытие расходов по зданию. Это обстоятельство произошло в силу краха банка «Бонд и Мортгэдж». Эта сумма также включена в число тех же пятисот и шестисот тысяч, которые составляют: первая – пожертвование г-на Хорша, и вторая – заем, данный им из четырех процентов.

Думается, что напрасно г-н Хорш полагает, что г-жа Зинаида Лихтман и г-жа Франсис Грант что-либо забыли из им сделанного. Всякое пожертвование и всякая помощь культурным Учреждениям не может быть забыта. Напоминаемые им расходы относятся к тому же пожертвованию, за которое г-ну Хоршу многократно полностью выражена признательность членов Совета. Хотя мы уже говорили, что все уже перечисленные г-ном Хоршем корпорации и начинания вполне оправданы самою действительностью, но ввиду его повторений о их неудачливости опять подчеркнем, насколько все эти начинания были жизненны. Транспортные конторы до сих пор повсюду существуют. Металлургические корпорации повсюду успешно образуются, мы же не можем сказать, что отмеченная г-ном Хоршем корпорация была неудачна, ибо право разработки нужных богатств было предоставлено за малую сумму, но отсутствие средств и соответственной организации понудили отказаться от уже данного права. «Новый Синдикат», конечно, мог бы существовать, подобно «Юнайтед Пресс» и многим другим по примеру его основанным агентствам. Не может г-н Хорш винить администрацию «Нового Синдиката», ибо ни соответственных оборотных средств, ни достаточного персонала не оказалось. Издательство «Алатас» существует и до сих пор и, судя по последнему письму Гребенщикова, даже имеет планы на развитие. Возможность существования Мастер-Института подтверждается многими существующими школами. В каждом Учреждении бывают периоды, которые требуют оборотных средств, особенно же когда известность их подвергалась таким потрясениям, как ресивершип. Производит болезненное впечатление сообщение г-на Хорша о том, что в продолжение многих лет он подвергался гонениям и преследованиям со стороны некоторых членов Совета. Этого не только не было, но, упаси Боже, от всякой мании преследования. За все это время мы не изменяли нашего отношения к делу и ко всем членам Совета. Спрашивается, считает ли г-н Хорш, как участник культурного дела, уместными все те выражения, которые он допускает по отношению к некоторым членам Совета. Г-н Хорш говорит о высших принципах, но ведь именно эти принципы накладывают обязательство точности и к достоинству выражений. К следующему заявлению г-на Хорша можно лишь добавить, что я никогда не принимал на себя финансовой части Учреждений, что же касается до культурной и воспитательной программы, то я могу отстаивать правильность каждого моего совета на этом поприще. Бюджеты устанавливались на Заседаниях членов Совета. Если мы возьмем каждый из этих бюджетов и сравним его с соответственным бюджетом других существующих

ющих Учреждений, то, по справедливости, мы можем видеть, насколько малы и экономны были эти бюджеты. Хранителями жизненности этих бюджетов были специальные Комитеты. Если бы эти Комитеты заметили какое-то роскошество или непомерные траты, то ведь они своевременно и обратили бы внимание. Во главе каждого Учреждения стоит доверенное лицо, которое может оправдать по существующим обстоятельствам исполнение и жизненность своего бюджета. Кто же может сказать, чтобы обстоятельства протекших годов были нормальны? А потому, прежде чем произносить грубые и недопустимые суждения, следует со всею справедливостью и человечностью рассмотреть причину создавшегося положения. Если же г-н Хорш боится за потерю условно вложенной им Учреждениям суммы, то, во всяком случае, он не должен был бы поступать так, как он поступает. Гибельны утверждения о какой-то неуспешности, когда мы имеем перед собою лишь временные обстоятельства, которые могут быть залечены при изживании мирового кризиса. Саморазрушение есть самое страшное в жизни любого Учреждения. А еще страшнее оно, когда оно делается с какою-то логически непонятною предвзятою целью.

Какие же высшие принципы подсказывает разрушение? Какое же Знамя Мира диктует войну и истребление?

Затем г-н Хорш ещё углубляет свои действия. Он утверждает, вопреки всякой очевидности, о том, что его кто-то из членов Совета называл «врагом Культуры». Ведь не было же этого! Затем г-н Хорш никогда не предупредил меня, как он сейчас утверждает в своём Заявлении. По словам г-на Хорша выходит, что вместо созидательных культурных Заседаний происходили какие-то невежественные мракобесные сборища. Ведь так может рассуждать только человек, почему-то теперь желающий вреда. Никто не называл г-на Хорша «врагом Культуры», и я не могу допустить, чтобы он желал вреда. Всякая удача зависит прежде всего от качества предпосланных мыслей.

Я совершенно не допускаю, чтобы следующий параграф об отношении г-жи Лихтман и г-жи Франсис Грант соответствовал бы действительности. Не могла г-жа Грант говорить, что никакой ботанист не мог бы сотрудничать с нами, тогда как профессор Гордеев – член Китайской Академии Наук и его помощник в полном сотрудничестве и дружбе работали с нашей экспедицией. Всем известно, что г-н Макмиллан вообще не представился мне, а, кроме того, называл письмо своего высшего начальника поддельным. Все факты налицо. Только г-жа Лихтман и Франсис Грант могут пояснить, что означало выражение их лиц при суждениях, приведенных в Заявлении г-на Хорша. Также странно упоминание в таком заявлении о будто бы критике мисс Грант о стоимости сапог, часов и двух палаток, цены на которые вообще известны и которые были...

Г-н Хорш продолжает, что, по словам мисс Грант, Американская Пресса потеряла доверие к Агентству Музея после того, как был сообщен якобы неверный маршрут экспедиции в Абиссинию. Тем более что каждая экспедиция настолько часто меняет свой маршрут в зависимости от научных и других обстоятельств, что и говорить об этом нельзя. Кроме того, каждая газета в мире настолько часто печатает противоречивые сообщения, что она должна была бы потерять доверие ко всем своим сотрудникам. Имеем много фактов об изменении маршрута экспедиций.

В Журнале Заседания Совета Трэстис от 28 июля 1935 г. из замечания г-на Хорша можно вывести, что будто бы г-жа Рерих не знала, что Бондхолдеры серии Б не предусмотрены Вами в плане реорганизации, между тем как Е.И.Рерих, так и я неоднократно озабочивались судьбою Бондхолдеров и находили странным, что небольшая часть их, имевшая серию Б, должна была почему-то пострадать. До сих пор мы полагаем, что это положение вещей может быть в будущем исправлено. Где же были упоминаемые г-ном Хоршем его повторные предупреждения, чтобы деньги Бондхолдеров не тратились? Наоборот, мы не пользовались деньгами Бондхолдеров и со своей стороны не раз заявляли, чтобы их интересы были охранены.

Не можем не упомянуть также и то, что в Заседании 17 августа г-н Хорш заявляет, что он будет вести Постоянный Комитет Пакта так, как он хочет. Думается, каждый Президент Совета или Комитета не уподобляется безответственному Диктатору, но возглавляет Комитет, выражая мнение большинства.

Отметив все приведенные пункты из Журналов и Заявления г-на Хорша, мы приступим к сопоставлению их теперешних заявлений с точными цитатами из Журналов Заседаний целого ряда бывших лет, постепенно запишем эти даты.

Николай Рерих

Публикуется по изданию: Елена Ивановна Рерих. Письма в 9 томах. Т.4. М.: МЦР, 1999.
Перевод с английского Д.А.Тихомирова.

30 октября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

30 октября 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

Премного благодарен за Ваше сердечное письмо от 28-го. Мне жаль, но на сегодняшний день все усилия найти Ваш бумажник пока не увенчались успехом. Г-н Шибает говорит, что некоторые из вещей, например марки, он сможет с удовольствием заменить, но, к моему сожалению, нам не по силам сделать новое удостоверение.

Мадам Рерих пишет письмо г-же Махон, которое будет отправлено завтра, поскольку сейчас уже 12 часов и это письмо должно уйти.

Навещать Вас всегда приятно, и я с удовольствием приеду, как только разберусь здесь с моими вещами.

Интересно, что в нашу долину сейчас зачастили аэропланы. Что касается наблюдений г-на Шибаета, кто знает, возможно, это повлияло на его рассудок.

Пожалуйста, примите вложенный сюда чек за октябрь.

Посылаем Вам несколько открыток, и если представится возможность воспользоваться ими во время визита Его Превосходительства, пожалуйста, сделайте это.

С самыми лучшими приветствиями г-же Махон и Вам от всех нас.

Искренне Ваш.

Открытки: «Беас», «Орифламма», «Protectrix», «Урусвати», «Ведущая», «Кришна», «Махадэв», «Трипура», «Гималаи», «Музей Рериха в Нью-Йорке».

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

31 октября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Дж. Седербому

31 октября 1935 г.
Наггар, Кулу, Пенджаб

Уважаемый господин Седербом,
Мы прибыли на нашу базу в Индии, и я надеюсь скоро получить от Вас вести о продаже нашего оборудования, вверенного Вашим заботам.

Также было бы интересно узнать о ситуации в целом и о возможности вести полевые работы в будущем.

Отдельным пакетом посылаю Вам и Вашему отцу две копии моей статьи о д-ре Свене Гедине. Пожалуйста, напомните обо мне супругам Эберг.

С самыми наилучшими пожеланиями Вам и Вашей семье,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР.

НОЯБРЬ

4 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

4 ноября 1935 г.

Мой дорогой полковник Махон,
Премного благодарен за Ваше письмо от 31 октября и за приглашение на церемонию открытия Манальского госпиталя.

Ваше письмо к д-ру Харди от 20 окт. было весьма кстати. Поистине удивляет, с какой охотой люди распространяют необоснованные слухи и насколько они не торопятся принять за это ответственность. Что касается Вашего будущего предполагаемого письма, возможно, вместо немедленной передачи дел юристу Вы можете сначала предложить, что, пока Вы не выслушаете его объяснений, Вы будете вынуждены объяснять это тем, что он сознательно распространяет клевету, или что-то в этом роде.

Наш сборщик растений привёз изрядное количество материала, и теперь мы его классифицируем и каталогизируем. Вы наводили справки о возможности издания словаря? Важно выяснить точные адреса лиц, которых следует запросить. Если Вам нужны еще проспекты словаря, можем отправить Вам немного. Как только у меня появится время, пошлю Вам детальное описание предполагаемого формата словаря, а также укажу точное число подписчиков на настоящий момент.

Надеюсь, Вам нравится чудесная осенняя погода, и шлю г-же Махон и Вам наши самые сердечные приветствия.

Искренне Ваш.

P.S. Г-н Шибаяев просит передать Вам, что аккумуляторы в пути из Карачи. Он также шлёт Вам свои сердечные приветствия.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

4 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Х. Чаудхури

4 ноября 1935 г.
Кулу, Пенджаб, Бр. Индия

Уважаемый сэр,

С большим удовольствием посылаю от имени Института чек на 20 рупий в качестве взноса Института в Мемориальный фонд Кашьяпа. Мы храним наилучшие воспоминания о совместной работе с этим выдающимся индийским учёным и предлагаем включить в следующий выпуск нашего журнала его некролог.

Г-н Султан Ахмед вернулся из экспедиции в Спити и сейчас занимается сортировкой собранного материала.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш.
Директор

Приложение: 1 чек.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР. 2002.

5 ноября 1935 г Наггар, Кулу.

МЕМОРАНДУМ №3

5 ноября 1935 г.
Наггар

Ввиду совершенно необоснованных, не отвечающих истине неожиданных заявлений г-на Хорша, по его словам, говорящего и за г-жу Хорш и мисс Э.Лихтман, является особенно благоприятным, что все документы от самого начала деятельности в Америке находятся в полном порядке. В нескольких тысячах постановлений, документов и писем совершенно определенно выражено естественное опровержение всем неосновательным обвинениям г-на Хорша. Каждый, кто ознакомился с этими многими тысячами страниц, или подписанных или собственноручно написанных указанными лицами, всякий придет в искреннее изумление – можно ли вообще предаваться разрушительным изобретениям, когда все совершившееся имело свои ясные логические причины. Кроме этого рукописного огромного материала, каждый интересовавшийся деятельностью Учреждений имеет перед собою целую полку печатных изданий, в которых от лица всех членов Совета сообщался ряд неопровержимейших фактов. Вспомним хотя бы печатные отчеты за 1929 и 1930 год, вспомним выпуски, посвященные Пакту, вспомним весь печатавшийся бюллетень, брошюру о десятилетии Учреждений, брошюру о закладке здания и все прочие брошюры, каталоги, оповещения, которые, конечно, осведомляли об истине. Думает ли г-н Хорш и те двое, о которых он упоминает, что прежде всего общественное мнение помыслит о том, когда же именно сообщались верные сведения? В продолжение ли 13 лет за подписью и с ведома членов Совета или же верны неожиданные вымыслы, которые сейчас произносят упомянутые лица? Если ни мы, ни остальные члены Совета за все это время не меняли своего отношения к культурным задачам Учреждений, то, естественно, явится вопрос: в силу чего произошло неожиданное вольт-фас г-на Хорша, который так явно противоречит всему им написанному и подписанному в те-

чение тринадцати лет. Если г-н Хорш предполагает, что все тома постановлений Совета и прочие документы исчезли, то ведь он в этом глубоко ошибается, – все эти доказательства находятся в полном порядке, так как они были присланы нам из Нью-Йорка. Кроме того, неужели г-н Хорш забыл обо всех печатных изданиях, в которых выражена деятельность Учреждений? Ведь эти издания разошлись по всему свету. Не может же г-н Хорш сказать, что он лгал в течение 13 лет и лишь сейчас решил говорить правду? Каждый, кто ознакомится со всем материалом, упомянутым мною выше, невольно спросит г-на Хорша: «Когда же вы были искренни, тогда или теперь?» Подумал ли г-н Хорш, что его теперешние заявления производят болезненное впечатление на его теперешних слушателей, на которых он пытается воздействовать с неизвестной, но, во всяком случае, мрачной целью. Для этой разрушительной цели он избрал время, когда я находился в почти недостижимом далеке, ибо почта была в особых условиях.

Восстанавливая в памяти весь материал, накопившийся за 13 лет, хочу подчеркнуть, что, кроме всего рукописного огромного материала, следует хранить в полном порядке и весь печатный, иметь его под рукою, ибо, печатая все эти книги и брошюры, все члены Совета брали на себя великую ответственность в истинности и точности всего сообщаемого. Доведя до сведения и общественного мнения все широко напечатанные факты о деятельности Учреждений, высказав определённые заключения по поводу празднования десятилетия Учреждений, может ли г-н Хорш или кто-либо из членов Совета сказать, что он вводил в заблуждение или, говоря попросту, лгал в течение всего этого времени? Неужели г-н Хорш хочет сказать, что он обманывал Правительства, общественное мнение и всех множайших сотрудников. Наша культурная программа настолько продумана и проверена на множайших фактах, что мы совершенно определенно можем стоять на нашей просветительной точке зрения. Мы всегда ясно заявляли о значении Науки и Искусства, мы всегда заявляли об Основах Этики, мы всегда заявляли против роскоши, как явления некультурного, антипода красоты. Во всех моих книгах достаточно сказано и об этих основах жизни, и о задачах наших Учреждений. Никакого нового кредо нам писать не приходится и приходится лишь скорбеть, видя перед собою такое мрачно-болезненное проявление, как теперешние действия г-на Хорша, при участии его малочисленной группы – его жены и мисс Эстер Лихтман. Желющие знать правду пусть кроме изучения рукописных документов обратятся ко всем печатным изданиям, широко распространенным с ведома и за их моральную ответственность всех членов Совета.

Николай Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва

9 ноября 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к куратору Дарджилингского Ботанического сада

9 ноября 1935 г. Кулу, Пенджаб

Уважаемый сэръ,

Пожалуйста, сообщите, сможете ли Вы найти для нас живые образцы *aralia pseudoginsend*, произрастающей в районе Дарджилинга, Непала, Бутана и Сиккима, и отправить их почтой, а также каковы будут связанные с этим

расходы. Если у Вас случайно окажутся семена этого растения, то я буду очень признателен за присылку их образцов.

В ожидании скорого ответа,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

11 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Брессману Э.Н.

11 ноября 1935 г. Наггар

Уважаемый доктор Брессман,

Пишу Вам в частном порядке от имени проф[ессора] Рериха и меня лично, чтобы выразить Вам нашу искреннюю благодарность за Ваше содействие во время наших полевых работ в Китае и Монголии. Выражаю надежду, что мои письма от 10, 14, 20 и 25 сентября и наши ежемесячные ваучеры за март-август 1935 г., а также список семян, образцы трав, ярлыки и наша посылка с двумя полевыми биноклями, походными кухнями и т.д., все отправленные на Ваше имя, благополучно достигли своего назначения.

В настоящее время мы занимаемся составлением нашего окончательного отчёта, который, безусловно, Вас заинтересует, и по его завершении пошлём его г-ну Ф.Д. Ричи, руководителю Отдела растениеводства.

С сердечным приветом,
Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

МЕМОРАНДУМ №4

11 ноября 1935 г.
«Урусвати», Наггар

Восстановив в памяти тысячи документов и писем, невольно приходишь к заключению, что и характерные выписки из всего этого множества материала представят из себя также тысячи цитат и могут, в свою очередь, загромаждать основные вопросы. Поэтому, прежде всего, следует знать: везде ли в порядке находятся копии Журналов и всевозможных других копий и писем за тринадцать лет? На это соображение и хотелось бы получить ответ. Все обстоятельства Учреждений чрезвычайно ясны: г-н Хорш определённо высказывается о том, что финансовая часть находится *всецело* в его руках. Постановление о *пожизненности* членов Совета совершенно *определённо*. Декларация о принадлежности нации содержания Музея *остаётся в полной силе*. Ведь эта Декларация основным образом имеет в виду *картины* Музея. Статус всех картин моих, находящихся в Нью-Йорке, *совершенно ясен*. Так же ясно, что Учреждение в лице своего Президента приобретало картины для Музея. И потому вся транзакция за картины является не личным, *частным* делом г-на Хорша, но *частью деятельности Учреждений*. Наши заботы об экономии и Бондхолдерах совершенно ясны из документов архива. Жизненность начинаний оправдана многими существующими в той же Америке примерами. Вымыслы г-на Хорша о моей экстравагантности опрокидываются не только всем образом моей жизни и содержанием всех моих книг в течение более сорокалетней деятельности, но также опровергаются и всеми моими предложениями, в ко-

торых я заботился и о возможной большей гласности ведения дел, а также и о *бережном* отношении. Словом, на все решительно зложелательные обвинения г-на Хорша и тех двух лиц, за которых он, по его словам, говорит, имеются в тех же многочисленных документах полнейшие ответы. Остаётся лишь глубоко пожалеть, что действия означенных трёх лиц направлены ко *вреде* всего нашего культурного Учреждения, а тем самым к *конечному вреду* г. Бондхолдеров. Общеизвестно, что в 1921 году Школа Объединенных Искусств была основана мною, Е.И., М. и З. Лихтман. В процессе основания я с М. Лихтманом посетили Олбани. С тех пор, благодаря Школе и Музею, Учреждение пользовалось частичным освобождением от налогов. Г-н Хорш подошёл к Учреждениям уже в 1922 году, и с тех пор финансовая часть находилась в его руках.

Таким образом, основными Учредителями Учреждения были, кроме меня и Е.И., Морис и Зинаида Лихтманы и Франсис Грант. Иначе говоря, именно та группа, против которой злоумышляют Луис и Нетти Хорш и также впоследствии подошедшая Эстер Лихтман. Не упоминаю здесь о С.Ньюбергере, ибо он подошёл по *моему приглашению* уже значительно позднее и, занятый своею службою, вообще *не* мог уделять время Учреждению. Не будем более возвращаться к вопросу о выражениях взаимной признательности, о чем г-н Хорш так озабочивался в отношении себя. Всякими такими признательностями переполнены и резолюции Заседаний, и многотомная переписка. Все мы работаем и всегда работали не ради словесных и письменных признательностей, но *ради культурного дела просвещения*. Это обстоятельство я и Е.И., а также Морис и Зина Лихтманы и Франсис Грант могут доказать деятельностью всей нашей жизни. И потому не будем касаться более чем странного вопроса в культурной деятельности о формальных признательностях.

По-прежнему для каждого непредубеждённого наблюдателя останется более чем подозрительным неожиданный вольт-фас г-на Хорша и двух его сообщниц, когда в половине текущего года вдруг вся тринадцатилетняя деятельность для каких-то мрачных поползновений была объявлена ими недостойной. При таком обвинении г-н Хорш прежде всего обвиняет себя самого, ибо никакой взрослый и здоровый человек не может сказать, что он тринадцать лет действовал неосновательно и неискренно. Подчеркнув это обстоятельство, закроем и этот вопрос, ибо слишком многочисленные подписи и выражения самого г-на Хорша являются лучшим опровержением его теперешних вымыслов. Хотелось бы знать, у всех ли лиц первоначальной группы основателей находятся в полном порядке документы о пожизненности их членства Совета, о Декларации 29-го года и тому подобные основные акты? Основная группа Учредителей таковой и остаётся, и это историческое обстоятельство *никто* не в силах опровергнуть. Тем самым за этой группой остаётся неотъемлемое право твёрдо стоять как на защите Учреждений, так и на защите своих прав. Не могу не скорбеть, что действия г-на Хорша и его двух сообщниц заставляют меня оставлять в архивах культурных Учреждений скорбные записи, но история требует фактов и справедливости.

Николай Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва

*12 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.*

12 ноября 1935 г. Наггар

Дорогая г-жа Лихтман,

Ваши письма от 20-25 октября были получены здесь и прочтены с большим интересом. Мне очень хочется написать Вам по поводу недавних инсинуаций, учинённых г-ном Хоршем в отношении наших друзей. Происки прессы в июне этого года совершенно лишены оснований и, должно быть, берутся из болезненного и враждебного источника, стремящегося навредить и подорвать полевую работу экспедиции. Мы должны настойчиво отрицать существование какой бы то ни было политической деятельности в рамках сотрудничества с Министерством земледелия. В целом «заказанная история» нелепа и свидетельствует об абсолютном игнорировании подлинных фактов и местных условий. Во время пребывания в Китае мы разбирались с этим вопросом, и кажется, что в основном всё это идёт из Шанхая. Г-н Стил, корреспондент «Associated Press», посетивший Калган в начале июня этого года, заявил находящейся там Американской миссии, что «мнения об экспедиции разделились» и что много болезненного исходит от двух приглашенных ботаников, которые, используя его собственные слова, «оставляют за собой дурной след». К несчастью, их клевета была воспринята в определённых кругах, и история, которая появилась в газетах в США, стала источником информации корреспондента. Я послал мисс Грант газетную вырезку с письмом Дэвана к редактору «North China Star», и у Вас должна быть копия письма г-на Ларсона от 13 авг[уста]. Ясно, что кое-кто хочет решительно расправиться с экспедицией. Утверждение г-на Хорша, что наш договор с Министерством земледелия расторгнут, не соответствует действительности.

Как Вы знаете, мы получили инструкции от Министерства отправиться в район Кукунор и завершить полевую работу в Китае к январю 1936 года. После этого мы надеялись вернуться в Индию для работы над подробным отчётом о наших исследованиях и сбора гималайских семян и образцов [растений]. Однако отправиться в Кукунор оказалось невозможным из-за военных действий и наводнений, и поэтому мы предложили [Министерству] завершить полевую работу в Монголии в конце сентября, то есть в конце сезона сбора семян. [В ответ] на это мы получили телеграммой инструкции отправиться в Индию не позднее 15 октября и составить наш подробный отчёт, а также каталог коллекций, собранных в Гималаях во время сезона сбора семян. Вот как сейчас обстоят дела.

Что касается газетной атаки в июне и июле этого года, то примечательно, что местная пресса воздержалась от участия в клевете и большинство статей появилось в американских газетах («Peiping-Tientsin Times» перепечатала одну из историй, но аккуратно изъяла клеветнические и провокационные места; издатель этой газеты очень извинялся, когда узнал о подлинных фактах и обещал больше не вмешиваться). Так что, мы видим, атака на экспедицию была локализована в американской прессе и не была поддержана иностранными и китайскими газетами в Тяньцзине и Шанхае.

С самыми сердечными пожеланиями,

Искренне Ваш,

Ю.Рерих

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

12 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

12 ноября 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

Огромное спасибо за Ваше письмо от 7 числа этого месяца. Госпожа Рерих просила меня поблагодарить Вас и г-жу Махон за замечательный грейпфрут, которым мы все наслаждаемся.

Я был очень занят последние несколько дней, особенно из-за [болезни] господина Шibaева, который, хотя и встал с постели, всё ещё довольно слаб, и по вечерам у него поднимается температура. Подготовка отчёта об исследованиях во Внутренней Монголии и каталога коллекции семян отнимает много времени.

Было бы интересно посмотреть, что ответит доктор Харди на Ваше последнее письмо.

Мы очень огорчились, услышав, что злые силы вовсю трудятся. Похоже, действительно нужен хороший экзорцист или, возможно, один из «знаменитых ползающих Гофа» из Абиссинии (см. недавнее сообщение в газетах).

Я пытался найти подходящего пони, чтобы улучшить нашу конюшню, но похоже, что популяция пегасов в Кулу значительно уменьшилась.

С самыми сердечными пожеланиями г-же Махон и Вам, с надеждой снова увидеть Вас,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

12 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Ф.Д. Ричи

12 ноября 1935 г. Наггар

Дорогой г-н Ричи,

Хочу подтвердить получение двух Ваших писем от 7 сентября 1935 г., посланных по авиапочте в Китай и отправленных на мой нынешний адрес. Плохое почтовое сообщение между Внутренней Монголией и Пекином не позволило выслать в Министерство наши подробные отчеты с марта по август 1935 года, пока мы не вернулись в Пекин. Мы не могли рисковать подлинными документами, поскольку большинство из них в случае утраты не может быть восстановлено. В моём письме от 10 августа к доктору Брессману я объяснил, в чём состоят трудности сообщения с Пекином и отправки писем из Монголии за границу. Я надеюсь, что мои письма от 19 июля, 10, 16 и 19 августа, адресованные доктору Брессману, были им получены.

Я вижу, что в своём письме к профессору Рериху от 12 октября Вы упоминаете о получении моих подробных отчётов за март-июль 1935 г. и торопите с написанием моего подробного отчёта за август 1935 г., включающего в себя документы, которые уже были посланы: март 1935 г., апрель-май 1935 г., июнь 1935 г., июль 1935 г. и август 1935 г. В случае с докладом за апрель-май, пожалуйста, обратите внимание, что некоторые документы не могут быть разделены, и поэтому оба месяца были объединены в один документ. Пожалуйста, проверьте. Я сохранил копии всех документов.

Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 1 числа этого месяца в ответ на нашу телеграмму от 31 октября. Как только каталог коллекции семян

и образцов будет завершено, коллекции будут отправлены в Сан-Франциско, как и требуется.

В настоящее время наша работа здесь состоит в следующем:

- 1) каталогизация коллекции семян и образцов;
- 2) составление отчёта об исследованиях;
- 3) подготовка карт, сопровождающих отчет.

Я заканчиваю мой подробный отчёт по октябрю 1935 г. Стоимость изготовления и печати фотографий будет рассмотрена позже, после получения счета от фотографа.

С наилучшими личными пожеланиями,

Искренне Ваш,
Ю.Р.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

15 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

15 ноября 1935 г. Наггар

Дорогой полковник Махон,

Огромное спасибо за Ваше письмо от 13 числа этого месяца. Я буду счастлив посетить Вас в Манали, но думаю, что наиболее удобно сделать это после 20-го, поскольку Вы будете очень заняты до и во время моего визита. Но любой день после 20-го, предпочтительно суббота или вторник, будет удобным.

Огромное спасибо за вырезки из газет. Вы определённо более au courant [в курсе (фр.).1] всех событий, чем мы здесь.

Нам хотелось бы знать, есть ли у Вас какие-либо новости от г-на Раттера, художественного редактора «Sunday Times». Выставка в Лондоне, в самом деле, может быть очень интересной.

Было бы интересно узнать, что г-н Харди ответит на Ваше второе письмо, или он предпочтёт остаться «на почтительном расстоянии», как Вы определили.

Мы здесь очень заняты и посылаем г-же Махон и Вам наши самые сердечные пожелания.

Искренне Ваши.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

16 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

16 ноября 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

Завтра утром наш человек отправится в Манали, и, поскольку аккумуляторы уже прибыли, я использую возможность также послать и их.

С самыми сердечными пожеланиями г-же Махон и Вам,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

19 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

19 ноября 1935 г.

Дорогой Друг.

Только сейчас получили Вашу телеграмму с поздравлениями к 17-му¹. Спасибо сердечное. Очень показательно, что Frances сообщает о письме к южанам. Всё же я никогда не думал, что Гал[ахад] так далеко пойдёт. Что же произошло? Ведь он же не о двух головах?! Также очень показательно, что Вы пишете о миграциях «танок» из коллекций Института. Ведь танки эти были собственностью Master Institute, который и передал их в «Урусв[ати]». Из всего этого вижу, что будут попытки ликвидировать office Института. Думаю, что во избежание недоразумений мои личные вещи там оставлять невозможно. Все книжные ящики лучше передать «American Express» для пересылки сюда, а сундуки и file прошу сохранить у Вас, если это возможно. Стоимость пересылки вышлю, как только буду иметь Ваш ответ. Несколько ящиков должны были быть с вещами брата, но о них посоветуйтесь с Kath[rine]. Вы мне писали, что все мои ящики поставлены были в «Урусв[ати]» перед приездом E.J.L[ichtmann]. В одном из сундуков (что поменьше, красноватого цвета) должны были быть книги. Их также следует послать с другими книгами. Сохраняете ли отношения с проф[ессором] Болдыревым из Battle Creek? Нельзя ли через него послать один комплект нашего Journal'a акад[емику] Павлову? Ведь он с ним в переписке. Сейчас очень занят отчётом по экспедиции. Вы, наверное, уже получили мои письма, а также 90 долларов для taxes [напк (англ.)]. Ничего не получаю из Am[erican] Oriental Soc[iety]. Ведь они должны были посылать мне Journal. Ожидаем Ваших дальнейших сообщений о мракобесах. Что сделалось с миром! Кругом мракобесы. Точно волна подлости затопила мир. Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Ав[ираху] и всем нашим добрым друзьям.

Духом Ваш,

Ю. Р.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

20 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

20 ноября 1935 г. Наггар

Дорогой полковник Махон,

Огромное спасибо за Ваше письмо от 17-го и экземпляры «Sphere» и «Punch», которые всегда очень кстати.

Мой брат, г-н Шибает и я будем счастливы совершить набег на Ваше убежище во вторник 28-го. Г-н Шибает не нуждается в слонах, чтобы подняться на холм, но местные четвероногие понадобятся.

Я уверен, что в эти дни Вы очень заняты. Мы сожалеем, что этот день не такой солнечный, как ему следует быть для такого события. Нам будет интересно услышать, как Вы провели его. Мы видели, что все здешние боги спешили в Манали.

Вам будет интересно услышать, что в Чехословакии сформирован комитет Знамени Мира. Так дела продвигаются. Теперь, когда г-н Энтони Иден, ка-

---

¹ 17 ноября 1921 г. был основан Мастер-Институт Объединенных Искусств,

жется, собирается изменить направление деятельности своей Лиги Войны, мы хотим знать, каковы шансы Знамени Мира? До сих пор все милитаристские лидеры во всех странах были более симпатичны, чем так называемые гумани-тарные труженики.

Что касается г-на Раттера, мы обсудим это при встрече.

Наши самые сердечные пожелания г-же Махон и Вам от всех нас.

Искренне Ваши.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

21 ноября 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Варгасову С.

21 ноября 1935 г. Наггар, Кулу, Пенджаб

Дорогой г-н Варгасов,

Вы помните, что Вы представили мне счёт на 264.96 мексиканских дол-ларов для проявки и печати фотографий. Не будете ли Вы так добры, послать мне вместо него авиапочтой по указанному выше адресу два счёта, расклад которых следующий:

Изготовление 26 роликов	0.20	5.26
62 отпечатка размером 5x7 дюймов.....	0.45	27.90
74 отпечатка размера почтовой		
Открытки.....	0.25	18.50
24 отпечатка 51/2 x 51/2 дюйма.....	0.40	9.60
128 отпечатков 6 x 6 см	0.06	7.68
61 отпечаток 6 x 9 см	0.08	4.88

Остаточный баланс может прийти со вторым счётом. Оба новых счета должны быть должным образом подписаны. Если Вы потребуете старый счёт от 20 сентября обратно, я буду рад послать его Вам по получении от Вас двух новых счетов.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

22 ноября 1935 г. Наггар

Письмо Н.К. Рериха в Америку

Дорогие мои,

Шлю Вам наш сердечный привет к праздникам и Новому году. Какие же пожелания? Да всё те же – добротворствуйте неустанно во всех направлениях, рассеивайте тьму везде, где её заметите. Будьте бодры, мужественны, здоровы и сильны. Не ужасайтесь никакому звериному рёву, нередко звери бывают лучше двуногих. Вот сегодня под окном опять кричал леопард, но даже при его кровожадности, вероятно, в нём было меньше зависти и злобного клевет-ничества. Помните мою статью “Болезнь клеветы”. Пожелаем всеми силами, чтобы в новом году мир хотя бы немного осознал весь ужас безумия клевет-ничества и предательства..

Как часто Вы даже не знаете, кто именно изобретает первоначально зловещую нелепость, а затем какие-то неумудрённые, как сороки, болтают её. Если твёрд Ваш путь, и светел, и ясен, то сорочьи стрекотания нисколько не затруднят Ваше совершенствование. Если бы свиньячье хрюканье и сорочье стрекотание были так вредоносны, то я был [бы] уже прикончен. За сорок пять лет работы чего только не болтали завистники и злоумышленники. При этом обычно они впадают в своеобразные суперлативы, так что мой покойный учитель Куинджи однажды сказал моему завистнику: “По злобе своей Вы сделали его и всемогущим, и вездесущим”. Вы помните, и не так давно, бывшую американскую статью, носившую странное, но знаменательное название: “*Как я был превознесён моими врагами*”. В моей жизни враги и завистники не раз пытались постараться. Что только не измышлялось! Шептали, что картин я сам вовсе не пишу, но заказываю их известным художникам. Писались абсолютные небылицы о наших путешествиях. Завистники себе на радость уже трижды меня похоронили, а [я] всё-таки жив. Даже панихиды служили и некрологи писались хорошие. Ведь, по невежеству мира, смерть считается достаточной для прекращения клеветы. Писали, что у меня карманы полны рубинов и жемчугов, которые я раздаю пригорошнями. Говорили, что от моего взгляда люди седеют. Утверждали, что я читаю все мысли, что мы завоевывали целые страны. И в сражениях пули отскакивали от нас. Отводили широчайшее поле какой-то политической деятельности. Вы ведь не раз читали все эти небылицы.

Затем суперлативы ещё повысились: обозвали самым Антихристом, главою всемирного Коминтерна и Фининтерна, главою масонства. Писали, что я будто бы выдаю себя за воплощение Преподобного Сергия. “Очевидцы” утверждали, что видели меня ходящим по воде. Вот, в какие своеобразные суперлативы вдалась зависть и злобность. Теперь до меня дошли новые слухи. Разрушители продолжают свои злостные попытки. Некий негодяй распространяет клевету о том, что я никогда и не заботился о сохранении культурных сокровищ, что Пакт вовсе не мой, и Знамя не моё. Находятся и какие-то жалкие слушатели, внимающие этой недостойной клевете. Эти жалкие люди упускают из вида, что не только существуют печатные доказательства за многие годы, но со времени *первых Конференций Пакта* прошло уже несколько лет. Если кто-нибудь имел сказать что-либо, то он имел достаточно времени для этого. После подписания Пакта 15-го апреля я писал Вам, что такой международный добростроительный акт, наверное, вызовет *реакцию сил тёмных*. Ведь слуги тьмы не дремлют и пытаются вносить разрушение и разложение всюду, где только можно. На то они и служители тьмы. Но какова же должна быть низость неких земных двуногих, которые будут пытаться даже повредить всему делу, лишь бы нанести личное умаление! И как жалки те, неразумные, легко вовлекаемые в пучину зла слушатели, которые готовы принимать на веру каждый клеветнический вымысел. И ведь мы не можем сказать, чтобы эти слушатели были просто какие-то безграмотные невежды. Плачевно видеть, что разрушители пробираются и на верхи. Что же им ещё остаётся придумать? Вспоминаю, как в 1930-м году в Лондоне проф[ессор] К. таинственно спрашивал меня: “Скажите – ведь Вы не Рерих, а Адашев?” Нужно было иметь достаточно юмора, чтобы не послать такого вопрошателя в преисподнюю, где и есть его настоящее местонахождение. Вспоминаю к новому году все эти знаки тьмы, вплоть до самого новейшего клеветнического изображения, не к то-

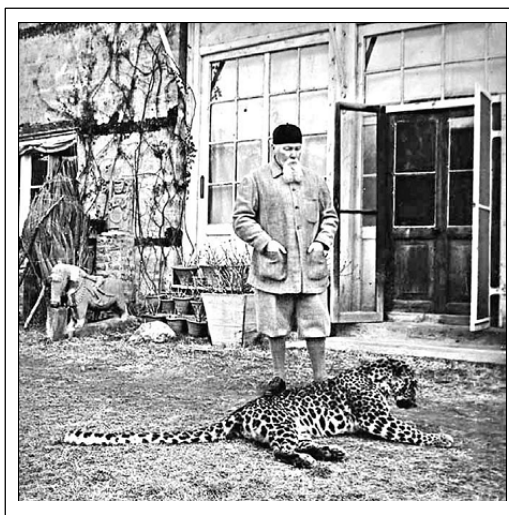
му, чтобы мы огорчились ими. Вы ведь помните мою статью “Похвала врагам”? Вспоминаю всё это лишь к тому, чтобы и Вы, друзья, с оружием Света в руках мужественно встречали все нападения тьмы. Если Вы хотите служить на поле Просвещения и Добра, Вы должны быть готовы тем мужественнее отражать зло во имя справедливости.

Будьте бодры и сильны,

Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

«Вот сегодня под окном опять кричал леопард, но даже при его кровожадности, вероятно, в нём было меньше зависти и злобного клеветничества...»

Н.К. Рерих с леопардом. Наггар. 1935 г.

23 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

23 ноября 1935 г. Наггар

Дорогой полковник Махон,

Большое спасибо за Ваши два письма от 21-го и 22-го числа сего месяца. С нетерпением ожидаем увидеть Вас обоих 28-го. Нам было приятно услышать, что открытие госпиталя прошло очень успешно. Было очень любезно со стороны леди Уиллингдон отправить нам телеграмму из Кулу: «Благодарю за доброе сообщение. Леди Уиллингдон», это мы очень оценили.

Проф[ессор] Рерих полностью согласен с Вашей редакцией письма к д-ру Харди, за исключением последней фразы, которую следует немного изменить: вместо «передачи дела в суд» написать «предпринять дальнейшие действия».

Большое спасибо, что спросили у д-ра Куттса, сколько следует заплатить помощнику хирурга. Вам будет интересно узнать, что позавчера, объезжая утром пони, я встретил в Наггаре доктора, и он завел разговор о том, что об оплате можно полюбовно договориться, и что его цена была только предложением и мы должны были установить её сами, и так далее в том же духе, что, как Вы знаете, всегда характерно, но по некоторым причинам никогда не включается в разговорную грамматику хиндустани, хотя и могло быть крайне полезным. Я сказал ему, что мы сочли его цену чрезмерной и не хотим выходить за рамки существующих правил.

Большое спасибо за газетные вырезки. Вырезка из «China Weekly Review» была довольно интересной, ибо владелец этого журнала являлся автором газетной статьи, приписывающей экспедиции дурные намерения и снабдившей нас внушительным казачьим отрядом. С тех пор мы слышали из Шанхая, что этому джентльмену пришлось уйти в сумасшедший дом, чтобы избежать преследования японских военных властей, которые утверждали, будто он оскорбил японского императора в одной из своих статей. Возможно, для него как раз лучше оставаться в лечебнице.

Возвращаю письмо от руководства «India Press», Калькутта, мы обсудим этот вопрос при встрече 28-го.

С самыми сердечными пожеланиями от всех нас г-же Махон и Вам.
Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

25 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д.

25 ноября 1935 г. Наггар

Дорогой г-н Ричи,
Хочу подтвердить получение Вашего письма от 22-го числа прошлого месяца.

Пожалуйста, просмотрите прилагаемый список засухоустойчивых растений, собранных нами в Барге и Северной Маньчжурии в течение полевого сезона 1934 года, и список семян, собранных для Министерства в течение августа 1935 г. Мне сообщили, что материал был послан в Министерство из Харбина, и я надеюсь, что он в целости достиг места назначения. Также мы хотим услышать относительно прибытия груза материалов экспедиции.

Поскольку в прилагаемом списке упомянуты различные названия местностей, пожалуйста, просмотрите фотоснимок карты Барги, которую я заранее послал из Пекина.

Мы продолжаем нашу работу по составлению подробного отчета об исследованиях.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,
Ю.Р.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

25 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к налоговому инспектору округа Кангра

25 ноября 1935 г. Наггар, Кулу

Уважаемый сэр,

В ответ на Ваше письмо № 624К от 15-го числа этого месяца я хочу сообщить, что мой общий годовой доход (до 31.3.34) составил 1725 рупий (только одну тысячу семьсот двадцать пять). Я не получал денег от Института за это время и, как Вы знаете, покинул Индию 3 февраля 1934 года.

С уважением.

Ю.Р.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

29 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

29 ноября 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,
Мы благодарим Вас и г-жу Махон за прекрасный вчерашний день в Манали, от которого мы все получили очень большое удовольствие. Я надеюсь, что это продолжительное нашествие не утомило Вас и Ваша шея Вас не беспокоит.

Г-н Шибаетов посылает Вам материал, о котором мы вчера говорили, и я добавляю для г-жи Махон несколько волос от коня Этернал в совершенной сохранности.

Несмотря на то, что я слышал от Вас обратное, эти лошади будут на мосту Катрайн завтра в 11 утра.

С нетерпением ожидаем радостной встречи с г-жой Махон и Вами в воскресенье 8 декабря.

С самыми сердечными пожеланиями г-же Махон и Вам,
Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

29 ноября 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махонам А.Е. и Ф.Д.

29 ноября 1935 г.

Дорогие полковник и г-жа Махон,

Посылаем Вам небольшую монографию Тандана, которая вместе с Дювернуа и двумя книгами «Знамя Мира» предназначается для г-на Раттера. Конечно, было бы хорошо упомянуть, что репродукции делались в Индии, и не передают всей полноты художественного изображения.

Я также добавляю напечатанную выдержку из «Мира Рериха» (ибо у нас только один экземпляр), которую Вы можете держать в своей папке для дальнейшей работы. Экземпляр очерка «Столкновения»*) тоже прилагается, вместе с фотографией проф[ессора] Рериха, которую Вы просили. Далее мы возвращаем Вам статью о Пакте с огромной благодарностью. Вы отправили ее в «Assam Review», или в Софию, или в Англию?

Пожалуйста, примите мою самую сердечную благодарность за чудесный вчерашний день, который действительно всем нам очень понравился.

Прилагаю также латвийскую книгу, не могли бы Вы просмотреть её.
С самыми сердечными приветствиями.

Искренне Ваш.

Относительно канцтоваров, интересно, знаете ли Вы эти липкие наклейки? Если скобки погнуты, есть достаточно оснований, чтобы написать отправителю. Punjab Rel. V. Soc., Лахор, продаёт их по 1 рупии 8 анн за дюжину упаковок.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

*) СТОЛКНОВЕНИЯ

Много бывало разных житейских сражений. Были столкновения и со столичными градоначальниками. Казалось, чем бы могли противоречить общественному спокойствию мои выставки или же выставки учащихся Школы? Но на деле выходило иначе. При устройстве моей выставки в «Современном Искусстве» вдруг получаю спешное сообщение о том, что ген. Клейгельс запретил выставку. Спешу узнать, в чём дело. Оказывается, генерал не может пропустить моих этюдов с натуры, сделанных в Кормоновской мастерской. Еду к генералу на Гороховую и высказываю моё недоумение и негодование. Генерал, распушив свои бакенбарды, возражает: «Невозможно, представьте себе, придут дамы с дочерьми! Нет, нет, вообще невозможно». Я говорю: «А как же статуи в Летнем Саду?» Генерал отвечает: «Летний Сад не в моём ведении». Можно себе представить генерала Клейгельса в роли арбитра невинности. Когда я ему сослался на музей в Академии Художеств, то единственным аргументом генерала было, что Академия находится в ведении великой княгини Марии Павловны. Чтобы не препятствовать открытию выставки, помирились на том, что один ни в чём не повинный рисунок был снят.

Затем уже во времена ген. Драчевского перед открытием годовой ученической выставки в Школе Поощрения приехал помощник градоначальника ген. Вендорф и наотрез запретил открыть обычную ежегодную выставку. Причина всё та же - зачем выставлены работы натурального класса и в живописи и в скульптуре. Прихожу в выставочный зал и застаю полное смущение. Генерал гремит о невозможности открыть выставку. Говорю ему: «Ведь эта выставка является годовым отчётом нашей Школы». Генерал упорствует: «Это не моё дело. В таком случае снимите работы натурального класса». Возражаю: «Как же можно снять работы старшего выпускного класса?» Генерал раздражённо находит выход: «В таком случае хоть прикройте недопустимые места». Объясняю генералу, что я сам не берусь решить, где начинается и где кончается недопустимость, и потому прошу его в присутствии преподавателей самолично указать, что именно должно быть прикрыто. Генерал проследовал по выставке и так размахался, что, кроме целого ряда работ натурального, живописного и скульптурного классов, прикрыл даже и копии с античных фигур. Когда разбушевавшийся генерал уехал, я в присутствии преподавателей созвал учащихся старших классов и спокойно сообщил им об оригинальном постановлении генерала, предложив прикрыть все указанные места. Не прошло и часа, как ко мне приходят улыбающиеся учащиеся и таинственно сообщают, что повеление исполнено. Иду вниз на выставку и застаю там необычайное оживление. Оказывается, из разноцветной папиросной бумаги устроены замысловатые юбочки и штаны и вся выставка расцвечена самыми замысловатыми костюмами. При этом наши лучшие ученицы и ученики заявляют, что ведь генерал не ограничил, в каком стиле сделать прикрытие.

К вечеру выставочный зал гудел от нахлынувшей толпы, и рецензенты, ухмыляясь, что-то записывали. На следующий день и яблоку негде было упасть на выставке. Вся эта толпа шумела, смеялась, возмущалась... Газеты негодовали. Ко мне спешно приехал второй помощник градоначальника Лысогорский. Смущённо начинает: «Профессор, ведь это скандал». Отвечаю: «Да ещё какой прискорбный скандал. Я чрезвычайно сожалею о распоряжении генерала Вендорфа, повлекшем такой неслыханный эпизод». Лысогорский про-

должает: «Но ведь так не может остаться. Нужно же найти выход». Отвечаю: «К сожалению, выход зависит не от меня, а от градоначальства». После долгих переговоров Лысогорский просил хотя бы один этюд снять с выставки, и тогда все прикровенные места будут открыты. Среди худших этюдов был найден козёл отпущения, и таким образом все замысловатые юбочки и штанишки были сняты.

Можно бы привести и ещё несколько эпизодов, о которых и преподаватели и учащиеся долго вспоминали со смехом. В бытность мою председателем «Мира Искусства» было столкновение в Москве с генералом Джунковским из-за национальности заведующего выставкой. Для умиротворения генерала мне пришлось спешно приехать в Москву и единственно удалось всё уладить лишь аргументом, что в таком случае я возлагаю всю денежную ответственность за выставку на Московское Градоначальство. Всякие бывали житейские сражения.

[1935 г.]

Публикуется по изданию: «Наш современник» Москва, 1967, № 7.

30 ноября 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

30 ноября 1935 г.

Мой дорогой полковник Махон,

Мы хотели бы знать, не могли бы Вы и госпожа Махон уделить нам немного времени после Вашего ланча с господином Доналдом, ибо есть нечто, о чем мы хотим попросить Вас.

Если это возможно, задержите, пожалуйста, лошадей, чтобы Вы могли воспользоваться ими для поездки сюда.

Подробности при встрече!

С самыми наилучшими пожеланиями Вам обоим,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

30 ноября 1935 г. Наггар

Н.К. Рерих

СОВЕТУ Р. МУЗЕЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Исключительное время сейчас. Также должны быть исключительны и все действия. Не наша вина, что произошёл мировой кризис. Не наша вина, что именно квартирная ценность больше всех прочих ценностей пострадала в Америке. В то время, когда даже печатание в ценах понизилось лишь на 10%, квартиры потеряли чуть ли не половину своей стоимости. Вероятно, и это явление временно, но с ним приходится считаться.

Также не наша вина, что Банк Бонд и Мортгадж оказался преступным в своих действиях, а затем самочинный Комитет, полный антикультурных намерений, нанесли нашим Учреждениям поистине неисчислимы убытки. Коли даже друзья наши опасаются пожертвовать музею одну книгу, то что же говорить о вреде, нанесённом всем денежным пожертвованиям. Но мы не можем лишь сетовать, огорчаться и ссылаться на факты мирового свойства, как,

например, мировое разорение целых стран и подавление всякой жизнеспособности. Культурные учреждения на то и существуют, чтобы оздоравливать заражённые и ослабленные основы. Недаром подобные учреждения и зовутся в сознании людском якорями спасения. Недаром в программе Мировой Лиги Культуры, посланной Вам 24 Декабря 1931 года так широко была очерчена программа Лиги Культуры, а сам Знак её был того же значения, как и Знамени Мира. Во имя этих великих понятий Культуры и Мира и следует принимать все те исключительные меры, которые оказались бы в соответствии с неслышанным мировым напряжением.

Правда, наши адвокаты уже вчинили два крупных иска антикультурным противникам нашим. Но совершенно необходимо, чтобы эти иски, сумма которых очень скромна в сравнении с нанесёнными убытками, были проведены со всем энтузиазмом защиты культурного дела. Лучшие люди Америки называют вред, наносимый нашим учреждениям национальным бедствием. Вот в пределах такого бедствия, в размерах мировой Коз Селебр найдут наши адвокаты защитники тот неисчерпаемый энтузиазм и находчивость, которые пересилили бы все уловки сил тёмных. Только в несломимом энтузиазме осознания справедливости и в огненном негодовании о всех уловках рэкетиров можно победоносно закончить эти благородные действия.

Так же как и раньше, и теперь не могу я понять, отчего наши культурные Учреждения, отдающие все средства на широко образовательные цели, не могут быть всецело освобождены от налогов, подобно целому ряду других учреждений. Если <УМСА> может быть освобождено, если Рыцари Колумба, и те освобождены, если Учреждения в Саратоге заслужило освобождение, то неужели же наши образовательные цели не равняются упомянутому учреждению? Не верю и никогда не поверю, чтобы наши образовательные цели не заслуживали бы такого же внимания. Если же в наших наименованиях какая-либо фразеология не отвечает целям вышеозначенных учреждений, то ведь не слова же дело.

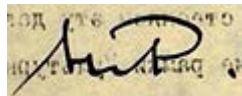
Всегда легко можно изменить эти слова так, чтобы они ответили даже самому официальному мышлению. Мы никогда не гнались и не ограничивали себя узкими терминами, ибо вопросы Культуры должны быть чужды всякой такой условной ограниченности. По-прежнему я твёрдо убеждён, что могут быть найдены формулы, вполне отвечающие истине, которые докажут, что наша задача вовсе не меньше в образовательном значении, нежели уставы вышеозначенных учреждений. Значит, адвокат, ведущий это дело должен ещё раз проникнуться доброжелательством и энтузиазмом, которые откроют ему врата справедливости. Широко отмеченное в прессе и в общественном мнении недавнее решение судьи Шинтага, конечно, не есть совершенно исключительное явление в мире юстиции Соединённых Штатов Америки. Тем же высоким культурным путём могут помыслить и другие представители судебного мира. Но ваши защитники должны неумолимо, неотступно устремляться к победе. Отменив даже всякую мысль о возможности отступления.

Если печальная действительность снижения квартирных цен в Америке отразилась на бюджетах, то мы ведь никогда и не думали, что всё существование образовательных учреждений зависит лишь от квартирных цен. Все образовательные Учреждения Америки существуют общественным иждивением, разнообразным способом привлечения этих сил для поднятия культурного уровня страны. У нас уже положено основание к приисканию подобных внеш-

них средств. Мы имеем членские взносы, марки, именные комнаты, именные кресла, именные полки библиотеки, наконец, мы уже с половины 1931 года имеем десять разнообразных комитетов для привлечения средств. Пусть деятельность этих комитетов значительно затруднена преступным образом действий наших противников. Не все же Комитеты существуют и, оправившись от первого неприятельского натиска, должны опять деятельно и мужественно приняться за своё неотложное дело. К счастью можно сказать, что начавшееся общее улучшение финансового положения Америки может значительно воодушевить наши комитеты. Всякая неудача в прошлом не есть нечто непреодолимое для будущего. Если бы даже кто-то огорчённый противодействием вздумал бы отойти от культурного дела, то эту брешь нужно немедленно заделать новыми привлечением. Пусть на месте павшего дерева немедленно будет посажено десять новых. Также в такой же прогрессии пусть нарастают как финансовые, так и идейные планы Комитетов. Навсегда забудем всякое прошлое. Перед нами будущее, в котором человечество с каждым днём всё более нуждается в маяках культуры. Если число наших комитетов почему-либо недостаточно, сделаем их больше. Если число участников каждого из них желательно увеличить, то пусть же каждый участник комитета назовёт хотя бы одного своего друга, желающего потрудиться во имя Культуры.

Чтобы программы отдельных комитетов не рассеивались в недостаточном взаимном осведомлении, пусть же Совет Музея, приглашая, по мере надобности, Председателей Комитетов, частично или пленарно, установит регистрацию всех конкретных предложений и достижений. Заседания комитета не есть только обмен мнений. Должна быть сводка этих мнений показательная, как и когда приложить к жизни многие ценные мысли. Иначе лишь обменом мнений может получиться какая-то отвлечённость, между тем, как Комитеты эти созданы лишь для активной практической деятельности. Ни в чём решительно мы не стесняем эту деятельность Комитетов, когда она укладывается в широкие рамки Культуры. Мы понимаем, что преступные неприятельские действия чрезвычайно затруднили действия Комитетов. Но сейчас, когда мы имеем уже пять благоприятных судебных решений, то это официальное признание должно окрылить членов всех комитетов. На расстоянии многое нам остаётся неясным. Так, например, остался неясным Комитет, предложенный чехословацким консулом Новаком. Вполне понятно, что по занятости своей наш друг Гордон Ваттль оказался не в силах принять казначейство этого комитета. Но после этого вся идея этого Комитета как-то замолкла, точно бы она зависела от чьей-то личности только. Задачи Комитетов настолько широки, настолько неотложны, что личность не может иметь значения в этих обширных построениях. Кроме того, на всём житейском опыте мы знаем, насколько нежданно могут приходить сотрудники. Магнит энтузиазма, сердечного великодушия, взаимного дружелюбия есть величайшая сила. Там, где существует внутреннее сердечное единение, там этот магнит развивает мощь необычайную. Помню, как трогательно однажды сказал нам сотрудник Джайльо о том, как глубоко он был потрясён и восхищён нашим внутренним единением. Действительно, не в том дело, чтобы писать имена на одном листе бумаги, но в единении и созвучии сердечном кроется великий талисман, который восхищает каждое звучащее человеческое сердце. А звучащих сердец много. Потому, во имя исключительного времени, во имя всех светлых огней сердечных, примем неотложно меры исключительные. Пусть

без огорчения работают сотрудники Учреждений наших. Пусть не поникает воля членов Комитетов. Пусть кипят новые мысли, пусть вспыхивают предложения и то, что вчера не дошло, дойдёт завтра и послезавтра. Пусть и друзья, и враги чувствуют, что созидательная действительность идёт, и никакая тягость не может отуманить мысль. Ощущение ясной повелительной мысли привлечёт новые сердца. Мы должны искать новых. Каждое дело должно всегда искать новых, ибо это есть рост. Итак, неотступно будем расти, и в единении привлечём и новые сердца, и новые исключительные меры во благо Культуры. Не упустим сроки! Поистине каждое действие может, должно быть обращено в торжество Культуры!

30 Ноября 1935.

Архив Музея Рерихов, Москва.

ДЕКАБРЬ

1 декабря 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

1.XII.35

Дорогие Зин[а], Фр[ансис] и Мор[ис],

Посылаю для Вас эти мои мысли, примите их к сердцу. И написаны они сердцем.

К сообщению моему от 29-го ноября должен прибавить следующее. Прилагаю при нём копию телеграммы, только что полученной. Известили Вас следующей телеграммой – копия также прилагается. Обращаю внимание, что обе телеграммы за подписью Хорш[а] были посланы в один день. С тою только разницей, что первая была послана Л.С.О. (скоро), а вторая, при сём приложенная. Ожидаем, что посоветуют юристы по поводу первой телеграммы. Теперь же ещё раз суммирую мою твёрдую ёпо поводу происходящего.

1. Твёрдо знаю, что экспедиционные суммы не подлежат налогам. Так было не только во всех прошлых экспедициях, но вполне подтверждается и теперь от департ[амента] агрикультуры [по]казавшего нам, что налогу подлежит лишь жалование, но не все экспедиционные суммы. Все эти указания, конечно, в письменном виде. Всем Вам известно, что наша экспедиция задумывалась нами очень давно, ещё в бытность в России, чему свидетельствуют многие мои картины и темы писаний. Уже из Лондона в 1920-м году мы предполагали осуществить эту экспедицию, но за отсутствием достаточных экспедиционных средств это было невозможно. Также всем Вам известно, что все средства, полученные от наших Учреждений, полностью были положены на осуществление экспедиции. Никакого жалованья я не получил, и средства шли исключительно на содержание свыше пятилетней экспедиции. Никто не может сказать, что я утаивал где-либо средства своекорыстно. Каждому знакомому с бюджетами других более коротких экспедиций известны расходы, с ними неразрывно связанные.

2. По приезде в Дарджилинг в июне 1928-го года мы узнали, что, как выразился сам Хорш, для Вас приготовлен подарок. Из письма его видна не

только его оценка, но и воодушевление граждан Америки моими трудами. Этот подарок, как называл г-н Хорш, был мною употреблён на продолжение и окончание экспедиции. Уже из него мы платили через Бейли тибетскому правительству за предоставление каравана. Из него же был оплачен Танжур и Канжур^[1], отданный в библиотеку Музея, из него же были произведены расчёты со служащими экспедиции с выдачей им на обратный путь и прочие неминуемые связанные [с ним] расходы. Затем согласно предложению Совета Trustees Музея были произведены все подготовительные работы по учреждению Института Научных Исследований. Эти приготовления вызывали значительные разъезды и ознакомления, которые приходилось *оплачивать*.

Затем мною был пожертвован для Института один акр с двумя строениями. В это же время составлялись и научные труды по поводу экспедиции. Продолжительность экспедиции лишь доказывает, что и расходы по ней в течение целого ряда лет были немалые. При этом, находясь продолжительные промежутки времени в местностях диких, отрезанных от сообщений, мы были во власти местных условий и должны были подчиняться существующим обстоятельствам. Гибель всего каравана и пяти человек персонала на высотах Тибета были достаточно упомянуты в наших печатных трудах. Необходимость местных подарков также общеизвестна. Но, несмотря на все трудности и опасности, мы совершали полезную для Америки и науки работу.

3. Лишь какая-то необъяснимая злонамеренность может вводить правительство Ам[ерики] в заблуждение, представляя в ложном виде все наши труды. Думаю, что не было такого случая, чтобы человек, положивший всё на пользу общественную, был бы преследуем за время нахождения в диких пустынях Тибета. После этого я дважды был в Америке в полном доверии, что Хорш, имевший мою полную доверенность, сделал всё так, как следует по закону, представив правительству справедливые доводы. Иначе к чему же он имел полную доверенность, и всё время выполнял формальности внесения налогов? Значит, мы имеем дело не только со злоупотреблением доверием, но с чем-то давно задуманным. Свидетельством этого служат многочисленнейшие письма, рапорты самого г-на Хорша, где он в самых громких выражениях восхваляет мою самоотверженную общественную работу.

Отправляясь в многотрудную экспедицию, я полагал, что г-н Хорш, принявший на себя всё финансовое заведование, в том числе и заведовавший справедливым внесением налогов, если таковые из чего-либо истекали, должен был добросовестно исполнить эту принятую на себя задачу. Я не гражданин Америки и даже не резидент ввиду моих отсутствий по научным и художественным работам. Полагаю, что гражданам Америки, принимающим на себя доверенность, следует знать законы страны. А теперь мы видим, что по прецеденту теперешней экспедиции экспедиционные расходы действительно, как я и знал ранее, не подлежат налогу.

Налоговый департамент, даже не известив меня о размерах предполагаемых ими сумм, накладывает lien на мои картины в Америке. В истории Искусств этот эпизод остаётся показательным. Уже в 1906-м году с аукциона было продано в Америке 800 русских картин за небольшой долг устроителя выставки таможене. Среди этих 800 распроданных картин было 75 моих^[1], оценку которых можно найти в монографиях. Тогда я работал для России. Теперь же я работал для Америки, и результаты этих художественных и научных работ широко известны миру. Итак, наложенный lien, вероятно, является особым

выражением признательности страны, которой я принёс свой опыт, умение, способности. Из моих малых средств, сколько мог, я уделял во славу Америки, а качество моих картин, казалось бы, достаточно оценено.

Итак, после пятнадцати лет моей самоотверженной и трудолюбивой работы на пользу Америки Америка хочет так своеобразно отпраздновать это пятнадцатилетие. Но всё же я верю в справедливость. Верю, что найдутся люди, которые, вникнув во все обстоятельства этого дела, во имя истины, по достоинству Америки поступят справедливо.

4. Передо мною лежит письмо Хорша от июня 1928-го года, в нём он посылает мне тысячу поцелуев. Неужели всё это были Иудины поцелуи? В письмах от июня того года ничего не говорится о каких-либо налогах и ничего по этому поводу не спрашивается. Между тем Вы знаете, что налоги вносятся ранней весной, поэтому, вполне естественно, я должен был предполагать, что этот вопрос вполне урегулирован. Он меня извещает о сумме денег, находящейся на моём счету. Разве не должен я предполагать, что эта сумма уже вполне безусловная, очищенная от налогов, если таковые вообще предполагались.

Передо мною лежит и официальная, за подписью Хорша, бумага, утверждающая, что экспедиция продолжалась до 1929-го года, – значит, суммы 1928-го года также были расходованы на нужды и на окончание экспедиции, как сказано в этом письме выше. Передо мною лежат множества писем Хорша с необычайными восхвалениями трудов экспедиции, моими работами и заботами о здоровье Е.И. Имея такие документы, собственноручно им написанные, мог ли я предполагать, что после всех этих излиятий дружбы и преданности Хорш сознательно будет пытаться подвести меня? Вы знаете, как заботливо отношусь я к исполнению законов, по[тому], не будучи осведомлённым об американском законодательстве, я и дал полную доверенность Хоршу – америк[анскому] гражданину, в распоряжении которого всегда находились и адвокаты, и бухгалтеры. Совершаемое им сейчас злоупотребление доверенностью – моим глубоким доверием – есть великое человеконенавистничество. Печально убеждаться, что человек произносил столько высоких слов в то время, когда сердце его всё же было закорюченнее в своекорыстии и предательстве. Нам доподлинно известно, что во время краха в 1929–30-м годах многие даже очень крупные деятели, потеряв средства, неожиданно не могли платить их деловой налог. Правительство приняло во внимание это положение и создало для них особые условия, придя широко навстречу сложившимся обстоятельствам. Это были просто деловые соображения. В нашем же случае дело имеется с культурными трудами, в которых для пользы Америки даже сама жизнь подверглась опасности, и вдруг, именно в этом случае Деп[артамент] налогов поступает так холодно, даже не спрашивая ни о каких привходящих обстоятельствах. История будет знать, как во время, когда мы физически погибали на морозных высотах Тибета – именно в то самое время, как теперь оказывается, мы совершали проступок против Америки. Это простое фактическое соображение настолько чудовищно, что даже не укладывается в мышлении. Хочется сказать себе: тут что-то не так и, конечно, прежде всего налоговый департамент введён в заблуждение злоумышленниками, предателем, держащим мою доверенность с 1923-го года. Не могу допустить, чтобы правительство и, в частности, налоговый департамент, могли бы быть несправедливы и не принимать в соображения обстоятельств, которые, казалось бы, так [ясны] для каждого. Только подумать: ведь мы даже не знаем, из каких именно

цифр складываются 48 тысяч, помянутые в телеграмме. Значит, кто-то эти 48 тысяч какими-то махинациями сложил, умолчав, что эти деньги из себя, в сущности, представляли, на какие цели они были расходованы. Повторяю, экспедиции не платят налогов с экспедиционных денег. Разве Андриус, когда он собрал сотни тысяч на экспедицию, разве он заплатил половину их как налоги? Ведь нигде же это не делается. Значит, в нашем случае злобная предательская воля пытается ввести налоговый департамент в заблуждение. Юристам это положение вещей должно броситься в глаза и вызвать справедливый отпор.

Да будет!

Посылаю Вам Знамя Мира – как видите, оно одно из тех, которые были получены мною ещё в Нью-Йорке. Пусть оно висит в директорской комнате Школы. Я никак не мог предположить, что в Школе не было этого нашего Знака, но Фр[ансис] пишет, что она не могла достать знамя от г-жи Хорш. Если мы хотим, чтобы во всех Школах был бы Знак, напоминающий о необходимости охранения культурных ценностей, то, тем паче, он должен находиться в пределах нашей Школы. Рад слышать из Ваших писем, что ученики Катнера сняли целый дом и преуспевают вместе с ним – со своим Учителем. Передайте им мой привет – ведь наша дружба не должна нарушаться. Рад слышать, что и у Греб[енщикова] дела, по-видимому, налаживаются. Приветствую и их, ведь там Радонега и Часовня Священного Воеводы. Рад слышать о преуспевании Завадских, в своё время мы им чистосердечно помогали и всегда храним к ним доброе чувство. Приветствуйте их и Ниночку – она такая хорошая душа. Сердечно будем приветствовать всех на путях Культуры. Перебором всякие предательства.

Шлём Вам сердечные мысли – духом с Вами,

Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

3 декабря 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

3 декабря 1935 г. Naggar

Дорогой Друг.

Это письмо дойдёт до Вас к праздникам. Шлю всем сердечные пожелания. Великий Год борений наступает. Нужно встретить его достойно. Из наших телеграмм знаете, что Л[уис] Х[орш] снова совершил «деяние» в деле налога. Все это чрезвычайно возмутительно, если не сказать более. Видимо, всё это готовилось давно, и приходится только удивляться двуличию и преступности замысла. Порою кажется, что действует сам Князь Мира. Знаменательно происшествие с портретом, который упал. Знак. Конечно, и это наваждение пройдет, и начнется обновленная работа, но уже без предателей и служителей мрака. Мерзок ответ, полученный Авирах[ом]. Раскрывается вся природа, жадная и беспринципная. Интересно, вернулись ли танки в Институт? При таких обстоятельствах, думаю, мои книги лучше передать «American Express» для пересылки сюда. Посылать можно «collection» [«вместе» (англ.)], т.е. за провоз я уплачу отсюда. Некоторые мне нужны здесь для текущей работы. Итак, пригласите Шаховского или другого верного (конечно, за вознаграждение) и пошлите их сюда via «American Express», Bombay. Работы у меня сейчас очень

много. Приходится писать ботанический отчет, а Вы знаете, что это вне моей области! Но уж так распорядился тот, от которого это зависело – прислать порядочного ботаника.

Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Fran[ces], Ав[ираху] и всем друзьям. Что мои таксы [taxes (англ.) – налоги.]?

Духом с Вами.

Ю. Р.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

5 декабря 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

5.XII.35

Дорогие З[ина], Фр[ансис] и М[орис],

Для памяти записываю, как показательно г-н Хорш прервал со мною сношения. Из сопоставления приведённых здесь фактов ещё раз видно, насколько все его поступки были заранее задуманы.

1. Переписка с г-ном Хоршем до июля-месяца шла нормально. Ещё так недавно мы имели его письма с патетическими восклицаниями о том, что “имя нужно держать высоко” и со всякими другими суперлативами по нашему адресу.

2. В начале июля до нас в Монголию дошла уже почтовым порядком телеграмма г-на Хорша о каких-то новых возможностях. Телеграмма кончалась словами “writing confidential” [англ., пишу доверительно]. Если бы эти слова относились к предыдущему тексту телеграммы, то, конечно, было бы сказано вначале “Confidentially”. Значит, “writing” означало какое-то посланное доверительное письмо, которое мы и ожидали.

3. В моём дневнике, как всегда посланном на имя г-на Хорша, от 10-го июля с[его] г[ода] я отметил: “Последняя телеграмма Луиса о новых возможностях пришла как нельзя более кстати. Ведь чем больше разнообразных возможностей появится, тем удачнее...” Так добродушно и доброжелательно я отметил помянутую телеграмму г-на Хорша.

4. Вместо ожидавшегося нами доверительного письма уже по приезде в Пекин до нас дошло письмо Хорша от 7-го авг[уста], копия которого прилагается здесь. Не буду пересказывать всё его грубое содержание. Всякий прочитавший приложенную копию поймёт всю преднамеренность и злонамеренность этого письма.

5. Хотя я и был глубоко поражён тоном письма г-на Хорша, всё же немедленно от 11-го сент[ября] послал ему опять-таки в дружелюбном тоне письмо, копию которого здесь прилагаю. Доброжелательно просил я г-на Хорша разъяснить мне, почему он считал именно вышеупомянутую свою телеграмму доверительной, ибо весь дневник был послан на его имя, а к тому же ни содержание телеграммы, ни странная приписка в конце “writing confidential”, могла только относиться к какому-то следующему письму. Всем известно, что говоря о телеграмме, пишут “cabling”, а о письме говорится – “writing”. Обычно в конце телеграммы прибавляется одно слово – “writing”, и получивший телеграмму знает, что письмо следует. На моё письмо от 11-го сент[ября] я ответа уже не получил. По приезде в Наггар я нашёл письмо, адресованное на имя Е.И. и моё, в котором г-н Хорш в грубых выражениях сообщал о безвозвратном разрыве с нами всяких сношений.

6. Сопоставив эти факты, можно ещё раз убедиться, насколько злоумышления г-на Хорша были заблаговременно задуманы и, вероятно, лишь ожидали окончания реорганизации. Злоупотребления доверием со стороны г-на Хорша можно найти в целом ряде и других фактов, помимо злостного злоупотребления в вопросе с налогами за годы далёкой Среднеазиатской и Тибетской экспедиций. Каждому юристу, конечно, ясно злоумышление г-на Хорша как моего полного доверенного в вопросе с налогами. Фонды, положенные на экспедицию, как Вы уже знаете, не подлежат налогам, об этом я писал Вам в прошлом письме. Но если бы г-н Хорш был иного мнения, то почему же он девять лет вводил меня в заблуждение и не платил налогов, тогда как всё дело налогов находилось исключительно в его руках, о чём Вы прекрасно знаете? Также Вы знаете, что со времени нашего отъезда в Индию я был в Америке всего три раза. Первый раз в 1924-м году – на шесть недель, второй раз в 1929-30-м [годах] – на девять месяцев и в третий раз в 1934-м году – на один месяц. Значит, в общей сложности за 13 лет я был в Америке всего один год с несколькими днями. Вполне естественно, что за это краткое время специфическая техника г-на Хорша не могла стать очевидной. Теперь же, наверное, и у Вас выясняются множества случаев злоупотребления доверием со стороны господина Хорша.

Например, какой такой liep на мои картины со стороны г-на Хорша был произведён когда-то – или прошлой весной, или летом? Мы ничего не знаем об этом, и лишь З[инаида] Г[ригорьевна] Л[ихтман] в одном из своих писем осенью упоминает о чём-то подобном. Мы уже просили Вас сообщить об этом факте с возможною подробностью. А теперь просим собрать и припомнить всякие другие странные особенности действий г-на Хорша. Также мелькнуло сведение о том, что г-ном Хоршем забраны все семь shares Учреждения. Конечно, пользуясь *безграничным доверием* всех нас, г-н Хорш мог творить очень многое, подобное его злонамерениям в отношении меня. Если же кто-то спросит, почему мы все оказывали г-ну Хоршу такое исключительное доверие, скажите, что ввиду его главного денежного пожертвования мы и не могли поступать иначе. Кто же мог бы предполагать, что человек, вложивший в дело деньги, теперь сам же станет разрушать дело, вредить интересам bondholder'ов и искоренять первоначальных основателей дела и весь престиж Учреждений? Предполагать всё это просто чудовищно, ибо с такого рода поступками нам лично никогда в жизни встречаться не приходилось. Ведь мы даже ничего толком не знаем, как именно происходило такое важное действие, как временное замещение нас прочими. Да и Вы, вероятно, тоже всех действий не знаете, ибо председателем был г-н Хорш, а секретарем – его супруга. Вы уже писали, насколько трудно и даже вообще невозможно для Вас получать деловые осведомления. Вам уже давно перестали посылать копии журналов заседаний, что ещё при мне было решено. Да, *злоупотребление доверием* выказалось чудовищно во всей своей ужасной наготе. Ждём сведений, какому именно адвокату дать доверенность, чтобы ею уничтожить доверенность, имеющуюся у г-на Хорша.

Шлём Вам сердечные мысли.

Духом с Вами,

P.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

5 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к д-ру Кэну

5 декабря 1935 г. Наггар, Кулу, Пенджаб

Дорогой доктор Кэн,

Я был очень рад получить Ваше любезное письмо от 25 сентября и был бы крайне заинтересован увидеть Ваш доклад о травах Внутренней Монголии. Не могли бы Вы прислать мне перечень трав из гербария, собранного во Внутренней Монголии?

Отдельным пакетом посылаю увеличенную фотографию Вас на фоне нового обо², как Вы и просили.

Мы надеемся, что картины проф. Рериха успешно доставлены в Academia Sinica, и хотели бы получить от Вас подтверждение. Картины были посланы из Пекина через «Pacific Storage Co», ул. Марко Поло, 4, Пекин, и должны уже давно прибыть на место.

С наилучшими пожеланиями и в надежде на скорый ответ,
Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

5 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

5 декабря 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

Большое спасибо за Ваши два письма от 1-го и 3 декабря и за плащ. Прилагаю письмо полковника Рейнхольда, за которое премного благодарен. Нас вызвали в Патвари, и по Вашему предложению проф. Рерих сделал устное заявление, которое он зафиксировал на бумаге, и которое было подписано. Затем он отнёс его в Джамма Банди и поставил вторую подпись. Сегодня приезжал конунго [налоговый инспектор (англ.) – ред.], чтобы заверить его, и 7-го ожидается тахлсилдар, чтобы довести дело до конца. Пока всё действительно довольно просто, и надеемся, что дальнейших доказательств не потребуется.

За лес Доналда мы заплатили, думаю, 3000 рупий, что включает все деревья. Думаю, что некоторые поля вокруг небольшого коттеджа были проданы или сданы в аренду заминдарам [индийские землевладельцы – ред.]. 30 000 рупий были довольно устойчивой ценой за коттедж и землю, однако изначально земли вокруг коттеджа было больше.

С нетерпением ожидаем г-жу Махон и Вас в воскресенье. Я покажу Вам мою переписку с Гималайским Клубом, похоже, действительно дело необычное. В одном письме Джеффри Корбетт утверждает, что наши имена будут представлены на выборах, а в следующем секретарь сообщает, что наши членские взносы были возвращены, ибо мы никогда не выставляли свою кандидатуру и не оказывали [Клубу] поддержку. Большое спасибо за экземпляр газетной вырезки из «Sunday Statesman».

С самыми сердечными приветствиями г-же Махон и Вам от всех нас.
Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

---

² Культовое монгольское сооружение в виде груды камней, возведенное для почитания духов местности. – Ред.

6 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

6 декабря 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

В результате вчерашнего неожиданного резкого понижения температуры проф. Рерих слегка простудился, и мы хотели бы узнать, не лучше ли будет перенести нашу воскресную встречу на субботу, 14 декабря. Пожалуйста, дайте нам знать, устраивает ли Вас этот день.

Не будете ли Вы так любезны, прислать мне последнюю страницу из имеющейся у Вас части моего отчёта. Я прилагаю другую часть отчёта о монгольских лесах для Вашего внимательного ознакомления. Мы могли бы детально изучить обе части отчёта при следующей встрече.

Интересно, был ли у Вас в Манали прошлой ночью снег. Он начал падать в Наггаре, но затем передумал. Однако окрестные холмы сегодня смотрятся очень красиво.

С самыми сердечными приветствиями г-же Махон и Вам от всех нас.
Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

6 декабря 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

6.XII.35

Дорогие З[ина], Фр[ансис] и М[орис],

Для памяти записываю разные соображения и факты в связи с происходящим сейчас злоупотреблением доверием со стороны г-на Хорша. Конечно, мы полагаемся на мнение таких известных адвокатов, как Х. и Ш. Они знают местные законные процедуры, а кроме того, они больше нас знают г-на Хорша и его делопроизводство. Ведь последние годы г-н Хорш, безусловно, чаще встречался со всеми адвокатами, чем за всё время с нами. И в отношении Пакта г-н Хорш, будучи сам Председателем Комитета, как видим из Ваших писем, допускает вредные злоумышления. При этом в своей злобе он аннулирует и своё в этом мировом культурном деле участие и значение. Конечно, нетрудно опрокинуть все злобные выдумки, ибо, по счастью, за мною более сорока лет работ определённейшего значения. Не раз уже сообщалось в книгах различными писателями о том, что с самого начала, буквально от моей первой картины "Гонец", шла та же самая весть о сохранении культурных сокровищ. Даже под моим портретом, изданным Общиной [Святой] Евг[ении] в Петербурге, стоял мой девиз: "Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего". А сколько было говорено о Стяге, о священной Хоругви, о Знамени! Сколько было говорено о мире, как об единственном основании творческого труда! Сколько поединков было выдержано за достоинство культуры. А теперь, как Вы пишете, злоумышленники хотят сказать, что всего этого не было, но это им не удастся, ибо свидетельства сорокалетней деятельности и голоса друзей, знающих правду, не умолкнут. Но поразительно, что господин Хорш и две его сообщницы вдруг, скоростижно отрицают все, что ими же было написано в самых решительных выражениях.

Вы сообщаете, что друзья уже пишут. Это вполне естественно, ибо и я сам во всех случаях, где нужно было восстановление истины, выступал очень

твёрдо и неотступно! Вспоминаю, как мы с М.Лихтманом посетили Олбани и как радушно мы были там встречены, – это было светлое начало учреждения [Института] Соединённых Искусств. С тех пор мы видели во многих случаях применённое то же понятие и всегда радовались таким последователям. И теперь вижу, что для Олбани, как видно из Вашего отчёта, я остаюсь Президентом-Основателем. Ведь не вводит же кто-то и Олбани в заблуждение? Вспоминаю, как Вы ездили и хлопотали о Бел[окурой], и мы помогали, насколько могли, в этом деле, ибо всегда радовались открытию возможностей для Америки. Ведь никто же не скажет: такие возможности нехороши, ибо, сколько же подобного осуществляется.

Вы сообщаете о том, что и Вам постоянно выдавались чеки от имени г-на Хорша на Ваше имя, которые, по существу, принадлежали делам. Не включены ли всякие деловые расходы на личные счета? Ведь если в одном случае так явно проявилось подготовленное злоумышление, то ведь то же самое можно предполагать и ожидать и во многих других случаях. Если убийца был пойман с ножом, с которым он уже ходил накануне, то весьма естественно предположить, что он злоумышлял нечто уже давно. Слава Богу, нам нечего скрывать, всегда мы действовали в добротворчестве и в доброжелательстве. Всегда заботились о дружелюбии, о сотрудничестве, о кооперации.

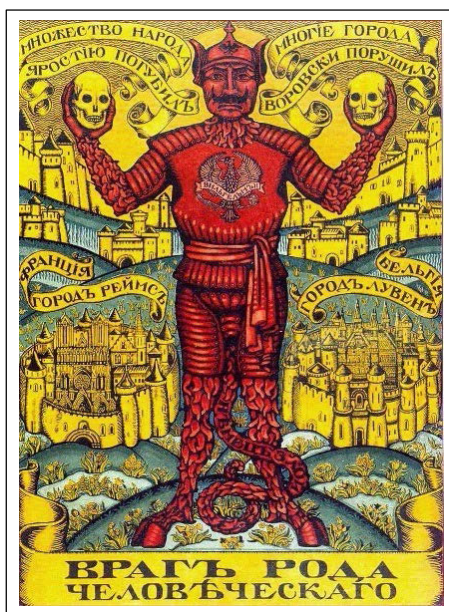
Г-н Хорш сейчас злонамеренно говорит, что всё не увенчивалось успехом, но Вы-то знаете и, если нужно, можете доказать, что Ваши поездки были успешны и лишь недостаток финансовых возможностей, которые были в исключительном заведовании г-на Хорша, не позволял этим начинаниям развиваться. Но даже стеснённый в средствах “Алатас”, всё же существует, а Новый Синдикат и Press могут начать развиваться каждую минуту, когда им будут даны средства. Тем же, кто сказал бы, что Школа не развивается, Вы даёте письмо Брауна, в котором этот посторонний для нас человек высказывает определённое мнение художника и педагога. Запрещением или умалением лекций тоже ничего удачного достигнуто не будет. Удача лежит в качестве внутренних мыслей, в единстве, в честном сотрудничестве, но не в злонамерениях. Как плачевно видеть людей, которые, не стараясь ознакомиться с истиной, как попугаи повторяют злонамеренные измышления. Вероятно, злоумышленники думают, что у них достаточно припасено всяких “мануфактурных” документов, но правда выше лжи, и Свет побеждает тьму! Мы порадовались высокодружественному письму благородно негодующего Стокса. Слышим о выражениях Косгрева и Сторка, Сутро, знаем, как говорит Кунц Бэкер, Уайтсайд, Мавкафери и многие другие истинные друзья, которые открыто восстают против тёмных проделок. Привет ученикам Кетнера, которые понимают Гурушип. У меня к ним было доброе чувство - поприветствуйте их. Приветствуйте всех, кто за правду, за честность, за Свет! Злоумышленники хотят нанести ещё одну рану больному сердцу Е.И. – именно они знают, как она больна и как сердце её реагирует на все тёмные злодеяния! Убийцы духа и тела, ради своих корыстолюбивых целей они злоупотребляют доверием и тем оказывают самое злейшее преступление против человеческого достоинства.

И за Вас болит сердце, когда знаем, каким несправедливым и чудовищным нападкам Вы подвергаетесь ежедневно, когда стоите на Священном Дозоре о делах Культуры! Верю, что юристы примут все необходимые меры, чтобы раскрыть тёмные махинации и выявить истину. Сейчас они будут бороться не только о деловых отношениях, но о чести и достоинстве.

Привет защитникам!

Духом с Вами, Р.

Вероятно, уже в следующем письме, которое мы получим от Фр[ансис], будут подробности её поездки в столицу. Очень одобряем совет, поданный чилийским другом. Ведь в этих странах очень живёт понятие о чести и достоинстве, и потому этот друг, конечно, чувствует, почему его совет так важен. У Вас множество материала, чтобы выполнить совет в самой сильной и звучной форме. Даже при воображении не можем представить себе содержание того тайного письма, о котором Фр[ансис] поминает. И на которое сами получившие его предлагают Вам возразить. Как жаль, что мы не имеем здесь изображения того плаката – Знамени, которое во время великой войны было роздано по воинским частям и прикрепляемо к выдающимся монументальным строениям.

Н.К. Рерих. Враг рода человеческого. 1914.

В середине этого изображения была фигура вандала-разрушителя, а кругом в медальонах были виды разрушенных городов. Таким образом пикториальное изображение уже было введено в жизнь, а теперь, с годами, принимает те размеры, которые и предполагались. Говорю об этом уверенно, ибо покойный государь всегда почитал ценность исторических памятников, и, конечно, если бы не жестокая судьба его, он продолжил бы в мировом масштабе мое предложение.

И в широких культурных кругах та же моя идея отзвучала. Даже когда мы устраивали выставку Искусства Союзных Народов, в которой я был Председателем Комитета, её главное назначение было – напомнить человечеству о сокровищах творческих, подвергавшихся опасности разрушения. Пусть мне скажут, кто же другой столько писал, читал лекций и активно выступал в защиту памятников творчества. Уже со времен Академии Художеств я исследовал памятники, требующие охранения. В 1903-м году мы с Е.И. объехали, можно сказать, всё сердце России, запечатлевая, я – кистью, а Е.И. в пятистах фотографиях, Пантеон древнего Искусства.

В монографиях неоднократно упоминалось о естественности того, что идея охранения культурных сокровищ оказывается связанной с именем ху-

дожника, лично потрудившегося десятки лет для проведения этой идеи в жизнь. Как это недостойно, что какие-то злоумышленники готовы вредить всей культурной идее, лишь бы нанести вред личный. Какая несоизмеримость всемирной полезной идеи и мелких происков вредит ей, лишь бы излить свою злобу. Конечно, я повторяю всё то, что Вы уже давно знаете, но не могу ещё раз не повторить, как я поражён, что злоумышленники пользуются именно далёким отсутствием, чтобы за это время повредить не только мне, но и самому священному культурному делу. Но друзья не дремлют, сумеют встать за правду.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

8 декабря 1935 г. Наггар, Урусвати

Н.К. Рерих

ИТОГИ

В конце прошлого года в Записном Листе "Друзья Культуры" мы вспоминали, что произошло по вопросу об охране Культурных ценностей за истекающий год. Помянули ушедших друзей Знамени Мира и порадовались вновь приближающимся. Также и теперь, когда год на исходе, следует вспомнить, что было за этот срок хорошего в том деле, которое должно бы быть близко каждому чуткому сердцу.

15 апреля в присутствии Президента Рузвельта представители двадцати одного государства Америк подписали Пакт. Помним закрепляющие слова и самого Президента и вдохновлённое слово представителя Панамы Альфаро и других ораторов. Затем в течение лета бельгийский Король Леопольд удостоил Учреждение в Брюгге - Р. Фаундейшен почётным и знаменательным титулом: в память Короля Альберта. Тогда же мы все порадовались этому обстоятельству, ибо храним глубокие чувства к покойному Королю-рыцарю.

Теперь слышим, что уже собираются новые предметы для Брюггского Музея. Ведь и само здание, данное городом, уже является само по себе Музеем, как и большинство домов славного города Брюгге. И стоит этот дом на знаменитой площади Ван-Эйка; имя, которое одним своим произнесением уже напоминает о сокровищах человеческого гения.

За год опять подошли многие дотоле неизвестные друзья и даже образовывали свои группы для утверждения знака сохранения истинных сокровищ. Интересно отметить, что возникали эти новые очаги не только самостоятельно, но даже неожиданно в таких местах, в которых текущие сведения не могли, казалось бы, доходить так легко. Семя брошено, а как и где оно будет расти - не нам судить. Литература о Пакте и Знамени Мира за год была очень обильна. Кроме ежедневных газет широко отозвались и журналы. При этом ценно отметить, что выявились и новые, очень серьёзные защитники Культуры.

От настоящего хочется заглянуть в далёкое прошлое. Хочется вспомнить хоть некоторых из множества друзей и пособников при самом зарождении этой идеи. Было бы несправедливо не вспомнить знатока искусства Д.В. Григоровича, который в 1898 году, избрав меня своим помощником при Музее Императорского Общества Поощрения Художеств, говорил: "Так мысленно и напишите над Музеем: "Храните священные предметы" - ведь должны люди помнить о самом ценном". Запомнилось слово о том, чтобы надписать над му-

зеем. О том же и в тех же годах и другой знаток искусства, В.В. Стасов, поддерживая мои стремления, постоянно ободрял меня в том же почитании плодов творчества человеческого. Когда после первых продолжительных путешествий по России уже оформилось сознание о том, что чем-то нужно повелительно ясно запечатлеть охрану старины, тогда и Председатель Общества Архитекторов-Художников гр. Сюзор и очень чуткий архитектор Мариан Перяткович сердечно сочувствовали и посильно способствовали.

Много хороших людей мыслило в тех же направлениях; были душевные беседы и с А. Блоком и с Леонидом Семеновым-Тяньшанским. Прошли годы, и вдруг приезжают ко мне Леонид Андреев и Голоушев (Сергей Глаголь), настойчиво просят с ними вместе вступить в газету. Одним из наиболее действительных доводов было: "Ведь вам же нужна трибуна для проведения охранительных и знаменных идей во славу искусства и старины; вот мы и зовём вас и предлагаем свободно и неограниченно проводить вашу заветную идею во всероссийском и всемирном масштабе".

Затем возгорается великая война, пишу о необходимости нового Красного Креста Культуры. Сочувствуют, но события нагромождаются. Печатается знаменитый плакат мой и широко рассылается и по армиям, и по военным зонам. Таким порядком пикториальное изображение впервые входит в жизнь и своим видом требует осмотрительности и бережности к сокровищам Культуры. Тогда же обмениваемся письмами с нашим давним приятелем, главным инспектором Министерства Искусств в Париже Арманом Дайо. И у него такие же идеи, он посвящает номера своего журнала осквернённым сокровищам искусства и мыслит в тех же наших линиях.

Хочется не забыть всех добрых друзей, помогавших, а главное, мысливших в том же направлении. Кто-то в шутку сказал, что и Александр Великий, вероятно, уже думал о сохранении ценнейших храмов. Припоминается знаменательное предание о том, как один император остановился в каком-то замечательном строении, чтобы своим присутствием защитить его. Кто знает, может быть, и Орифламма стояла перед этим зданием? Вспоминаю участие моё в Комиссии по реставрации Василия Блаженного, по Музею Старого Петербурга и по Музею Допетровского Искусства. Страницы "Старых Годов" хранят многие такие воспоминания.

Вспоминаю многие встречи уже в течение послевоенных годов. В Швеции проф. Освальд Сирен, в Лондоне Гордон Боттомлей, в Америке Стоке, Сутро, Кунц, Мигель, Хьюитт, Дабо, Джемс Браун Скотт, члены Совета Музея и все многие друзья и сотрудники. Вспомним таких преданных друзей Пакта, как проф. Ла Прадель и Ле Фюр в Париже, покойный председатель Гаагского Трибунала Адачи, в Индии Рабиндранат Тагор, сэр Д. Боше, сэр Раман, проф. Кашьяп, д-р Халдар, Сэн и многие, многие, давшие твёрдую опору культурному делу. Все они мыслили по тем же линиям. Как председатель французского Креста маркиз де Лилльер сразу почувствовал, что и Красный Крест, и мы идём по тому же направлению.

Не забудем же, как Камилл Тюльпинк в Брюгге возымел прекрасную идею первой международной Конференции Знамени Мира. Он же провёл и вторую Конференцию и выставку старинных городов, а затем эта же идея зазвучала и в третий раз в словах профессора Комбелля. Конвенция в Вашингтоне. Отозвались 36 государств. Вспоминаю вдохновенную речь поэта Марка Шено, а также сердечный призыв барона М. Таубе - "удвоим наши усилия". Ле-

мариес едет по Франции и Бельгии с целым рядом лекций о Пакте и Знамени. В нескольких высших учебных заведениях о том же берутся тезисы диссертаций.

В официальных отчётах трёх Конференций, посвящённых лишь заседаниям, речам и приветствиям и постановлениям, не могли быть упомянуты такие искренние труды на пользу нового Красного Креста Культуры, как лекции Лемариеса, или диссертации, или курс барона де Тюн в Военной Школе. Не могли быть упомянуты и лекции д-ра Г. Шклявера (юридически оформлявшего Пакт) в старейшем Университете Испании в Саламанке. Много где звучало сочувственное слово. Ещё не собраны все эти ценные памятники. Но ведь они так же точно ценны, как и речи на официальных Конференциях. Нужно собрать все материалы, чтобы все дружеские лики выявились и запечатлелись.

В полной справедливости нужно отмечать каждое благородное устремление.

Не забудем всю благородную поддержку Пакта со стороны южноамериканских государств и их представителей. В истории утверждения Пакта всегда останется сердечное содействие со стороны г. Коэна, представителя Чили. Ведь он был докладчиком Пакта на Конференции в Монтевидео.

Его труды способствовали единогласному постановлению Конференции в Монтевидео. И на третьей Международной Конференции в Вашингтоне в 1933 году, в которой приняли участие представители 36 стран, мы должны помнить целый ряд блестящих имен, запечатлённых во второй книге Пакта. Не забуду и встречи моей со всегда отзывчивыми д-ром Ровэ и Гиль Боргесом.

Кончим приветом тем, кто так открыто и мужественно встал на Защиту Культурных сокровищ. В знаменательный день 15 апреля я был в далёкой Монголии и только духовно мог приобщиться к культурному торжеству, когда представители двадцати одной Американской республики подписывали Пакт Охранения Культурных Сокровищ. Не мог я тогда сказать всем этим воодушевленным поборникам Культурных ценностей мой сердечный привет. Только теперь, вернувшись из Азийских пустынь, я могу послать самое сердечное приветствие и пожелание всем тем, кто рукою своею скрепил Договор о Ценностях всего человечества. Духовные ценности человечества, выраженные в многообразном творчестве, не могут быть обсуждаемы холодно и формально. В таком огненном предмете выразится всё сердечное накопление, все благородство, всё понимание чести и достоинства человечества. Не хладною рукою подписывали этот Договор представители Великих Республик. Я был рад лично встретиться с некоторыми из них и почувствовал в сердце моём, насколько звучало в них понимание благородства, сердечности и красоты. Когда представители государств звучат на эти высокие понятия, тогда и дела их являются залогом истинного преуспевания. Хочется мне опять встретиться и с д-ром Ровэ, и с Гиль Боргесом, и с Альфаро, и со всеми, с которыми я уже ощущаю духовную близость. Сердечный поклон всем потрудившимся на Общечеловеческое Благо.

8 декабря 1935 г. Наггар, Урусвати

«Врата в Будущее», 1936 г.

9 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

9 декабря 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

Большое спасибо за Ваше письмо от 7 числа. Мадам Рерих просит меня поблагодарить г-жу Махон за её доброе письмо от того же числа. Мы все оценили сон г-жи Махон и надеемся, что злоумышленника изгнали навсегда.

Вам будет приятно узнать, что наши превратности были завершены тахлсиддаром в субботу в три часа дня. Теперь мы должны получить копию документа, но понимаем, что тахлсиддар уехал на север и не вернется в Кулу раньше 13-го.

Согласно Ежегоднику писателей и художников, адрес издательства Оксфордского университета: Amen House, Warwick Square E.C.4 – Хамфри Милфорд, менеджер. А издательство Кембриджского университета имеет два адреса: Кембридж и Fetter Lane, London E.C.4. Секретарь, по-видимому, г-н С.К.Робертс, магистр гуманитарных наук; и он и менеджер, похоже, находятся по лондонскому адресу.

Состояние проф. Рериха намного лучше. В Наггаре этим утром был снег, и, похоже, сегодня он будет идти снова. Во всём остальном новостей не так много, за исключением того, что американские газеты много пишут о «тактиках гориллы (sic!) в Абиссинии». Мы не знаем, будет ли это во благо мира.

С сердечными приветствиями г-же Махон и Вам от всех нас и в предвкушении удовольствия встречи с Вами на этой неделе,

Искренне Ваш.

P.S. Прилагаю другой фрагмент моего отчёта.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

9 декабря 1935 г. Наггар, Кулу
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д.

9 декабря 1935 г. Наггар, Кулу

Уважаемый г-н Ричи,

Вы найдёте приложенным перечень семян, собранных в Спити, С[еверо]-В[осточных] Гималаях, в сентябре-октябре 1935 г. Все перечисленные материалы были посланы в ящике вместе со 192 номерами гербария Дж.С.Робертсу, почтовому агенту США, комн. 5, почтового отделения Ферри, Сан-Франциско, как указано в телеграмме от 1 ноября 1935 г. Надеюсь, что посылка благополучно достигнет своего назначения. Каждая папка гербария имеет ярлык. Фурражная ценность растений указана на ярлыках. Festuca sp., называемая местными жителями «нуиру», считается лучшим кормом для скота в Спити. Alfalfa из Лахула тоже представляет значительный интерес. Это растение завезли из Восточного Курдистана, и сейчас оно растёт по всему Лахулу. Как Вы знаете, до сих пор ботанический мир Спити был мало изучен. Средняя высота долины Спити составляет примерно 13 000 футов над уровнем моря. Большинство растений из приложенного списка были нами здесь изучены, за исключением отмеченных в списке знаком вопроса.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш,

Ю. Р.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

11 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

11 декабря 1935 г. Наггар

Мой дорогой полковник Махон,

Большое спасибо за Ваши письма от 9 и 10 нояб[ря]. Возвращаю письмо от инспектора по печати. Мы думаем, лучше всего ответить ему – коль скоро Вы собираетесь в этом году поехать в Дели, Вы и встретитесь с ним. Непонятно, какое содействие они предлагают. Что нам надо – это чтобы кто-то взял на себя издание книг на средства подписчиков. Трудно найти издательскую фирму или организацию, желающую взять на себя расходы, поскольку, как Вы знаете, печатники, включая издательство Баптистской Миссии, требуют первоначальный взнос и полную оплату по окончании каждой сотни страниц.

Прилагаю следующую часть моего отчёта для Вашего внимательного ознакомления. А г-н Шибаяев прилагает проспекты о наших изданиях, как Вы просили. Я также возвращаю письмо г-жи Туэддл.

С самыми сердечными приветствиями г-же Махон и Вам от всех нас.

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

12 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Е.И. Рерих е Франклину Делано Рузвельту

12 декабря 1935

С полным доверием и открытым сердцем, но на этот раз в глубокой печали я пишу Вам. Уже несколько месяцев я пытаюсь найти возможность предупредить Вас, что те двое, которые передавали мои послания, оказались предателями на 14-м году сотрудничества, и я вынуждена лишиться их моего доверия.

Поддавшись жадности и амбициям, они нарушили святое доверие и передали Вам в апреле свой собственный совет относительно некоторых финансовых вопросов (серебро), выдавая его как исходящий через меня из Истинного Источника. Этот Источник предупредил меня о совершенном предательстве, и мне было приказано запросить их, оба они признались мне письменно, что передали Вам своё собственное послание, создавая у Вас впечатление, что оно исходит из Истинного Источника через меня.

Я была потрясена и возмущена таким предательством и немедленно телеграфировала о запрещении передавать какие-либо послания без полного моего ведения и предварительного на то разрешения. Эти двое очень хорошо знали, что по всем вопросам они должны обращаться ко мне, более того, один из них должен был возвратиться сюда летом и привезти с собой возможные вопросы. Когда они увидели моё возмущение их поступком и осознали серьёзное последствие последнего, то, движимые страхом и ненавистью, вступили на путь открытого предательства и решили не только порвать с нами все отношения, но и начать отвратительную кампанию по дискредитации нашего имени, чтобы уничтожить нас как свидетелей их предательских действий.

В своей ненависти они не останавливаются ни перед чем. Г-н Хорш воспользовался отъездом в экспедицию Основателя Учреждений и снял его имя. Далее, имея с 1923 г. все полномочия нашего адвоката и постоянно контролируя наши личные счёта и налоги, вдруг, спустя 9 лет, ложно представил в Налоговый Департамент фонды экспедиции за 1926 и 1927 годы (когда мы

были в Тибете) как наши личные доходы, вводя нас в заблуждение все эти годы, что наши налоговые дела в порядке. В результате его действий на нашу собственность – наши картины в Америке – без предварительного уведомления был наложен арест. Это всего лишь два примера того, на что они идут, чтобы дискредитировать наше имя. Такова месть людей, чьё предательство было раскрыто.

Я пишу Вам всё это, чтобы предупредить Вас, что Послания не могут передаваться через этих лиц. Символ Иуды и Девадатты вечен; и всё-таки, независимо от того, насколько трудны для нас сейчас времена, мы знаем, что правда и справедливость восторжествуют. Не лёгок путь тех, кто ныне несёт новые идеи и прокладывает ступени для нового сознания человечества. Но идеи движут миром, и так продвигается эволюция.

Я особенно огорчена тем, что не могла предупредить Вас раньше, и не могла связаться с Вами, в то время как моё сердце стремилось передать Великие Слова на рубеже наступающего важного Года. Никакие человеческие доводы не могут решить проблемы современного мира. Только Те, Кто стоит на страже, знают, куда повернётся Колесо Необходимости.

Пусть Высочайшее Благословение остаётся с Вами.

Я знаю, Ваше великое сердце поймёт.

С полным доверием.

P.S. Если Вы одобрите этот канал, Послания можно будет посылать снова.

Публикуется по изданию: В.А. Росов. «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Изд. Ариаварта-Персс. М. Кн. 1.2. 2004. С. 258-259

16 декабря 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

16 декабря 1935 г.

Мой дорогой полковник Махон,

Большое спасибо за Ваше доброе письмо от 15-го числа. Было приятно увидеть Вас обоих в субботу, и я надеюсь, что нога г-жи Махон не стала хуже после подъёма и спуска с холма.

С большой радостью получили Вашу прекрасную статью, которая пришла сразу же после Вашего ухода.

Посылаю Вам следующую часть моего отчёта для Вашего внимательного ознакомления. Параграф о лошадях, вероятно, будет отправлен завтра.

С самыми сердечными пожеланиями г-же Махон и Вам.

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

19 декабря 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Т. Эбергу

19 декабря 1935 г.

Я написал господину Дж. Седербому в Калган 31 октября, но поскольку не уверен, находится ли он до сих пор в Калгане, пишу Вам, чтобы узнать, как

распорядиться автомобилем «Додж», лошадьми и различным оборудованием, оставшимся на продажу в Куэйхуа.

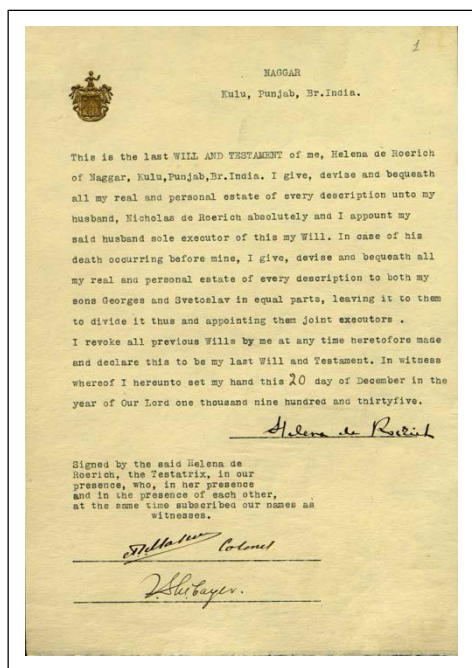
Прошу сообщить мне, как обстоят дела, поскольку Министерство торопит меня с отчётом.

Пожалуйста, передайте наши сердечные приветствия г-же Эберг и г-ну Седербому. С наилучшими пожеланиями в наступающем году,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

**20 декабря 1935 г. Кулу, Пенджаб, Бр. Индия
Завещание Е.И. Рерих**

НАГГАР

Кулу, Пенджаб, Бр[итанская] Индия.

Это моя, Елены Рерих, Наггар, Кулу, Пенджаб, Бр[итанская] Индия, последняя ВОЛЯ и ЗАВЕЩАНИЕ. Я передаю, завещаю и оставляю в наследство всё моё недвижимое и личное имущество всех видов моему супругу, Николаю Рериху, и я назначаю моего упомянутого супруга единственным исполнителем моего данного завещания. В случае его смерти, произошедшей до моей, я даю, завещаю и оставляю в наследство всё моё недвижимое и личное имущество всех видов в равных частях обоим моим сыновьям Юрию и Святославу, предоставив им указанным образом разделить его и назначив их совместными исполнителями завещания. Я отменяю все предыдущие завещания, сделанные мною когда-либо, и объявляю настоящее своей последней Волей и Завещанием. В удостоверение чего я прикладываю здесь свою руку в этот 20 день декабря в год нашего Господа одна тысяча девятьсот тридцать пятый.

(подпись)

Подписано вышеуказанной Еленой Рерих, Завещателем, в присутствии тех, кто в её присутствии и в присутствии друг друга одновременно подписались своими именами как свидетели.

(подпись) полковник ...

(подпись) В. Шибает*

Архив Музея Рерихов, Москва.

21 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщиковым

21 декабря 1936 г.

Дорогие и родные Т. и Н.

Родные Т. и Н.

Всегда радуемся, получая письма Зины¹ с добрыми упоминаниями о Вас. Вот и в последнем письме она сердечно сообщает о том, что у Вас состоялось что-то хорошее относительно земли Вашей. Поистине, доброе сведение, а в особенности в такие смущенные времена, как сейчас. Также слышали мы о выходе следующего тома "Чураевых", но он, вероятно, ещё в пути. Надеюсь, что "Врата в Будущее" и другие приложения дошли к Вам благополучно, а недавно я послал Вам ещё одну сердечную памятку - "Нерушимое". Получили ли Вы от Зины новые книжки Рудзитиса "Сознание Красоты Спасёт" и "Культура"? Среди всяких разрушений поминается это великое слово. Пусть такое цементирование пространства где-то и когда-то принесёт свой урожай. Ведь для лучшего будущего мы все трудимся.

Читали в парижских газетах о происходящей реставрации Софийского Собора в Киеве и об открытии там ценнейших фресок. В моих Листах дневника отметил я этот факт как предтечу нового народного созидания, которое должно обратиться к истинным ценностям. Нынешний год, поистине, армагеддонный, ко всем прочим огромным событиям прибавилось еще и отречение короля, и пленение китайского президента, и новые аспекты войны в Испании. Чем только закончатся последние дни этого замечательного года. Велики посевы и многое взойдет в должном сезоне. В книге Формана, -- наверное, Вы ее видали -- помянуто мое указание, сделанное еще в 1934 году. большие сдвиги происходят, и тем более единение всех культурных слоев требуется. Прямо жаль видеть, насколько невежественные люди не понимают происходящего. Они судят о самых необычных приметах как о ценах на базаре. Из Риги мы слышали, как радостно читаются Ваши книги в некой северной стране. Там, где для близорукого человека тьма -- для дальнорукого мерцает большой свет. Трогательны известия и с Дальнего Востока о том, как воздвигается имя Преподобного Сергия. За текущий год мы приобрели много новых корреспондентов, и вести от них несут большую радость. Ведь идем не по темным знакам, а именно по пути добром. Идем не для себя, но во имя Блага и Строительства. Вы оба от души порадовались бы, узнавая о сердечных весточках, которые даже и не перечислить в письме, и все это для лучшего будущего. На этом слове и пошлю настоящее Вам приветствие. Только в единении можно принять победу Добра. Ценно, что множатся содружества. И тьма рассеивается сердечным Светом. Елена Ивановна и мы все шлем Вам лучшие мысли, Духом с Вами.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

23 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

23 декабря 1935 г.

Мой дорогой полковник Махон,

Большое спасибо за Ваше письмо от 22 декабря. Мадам Рерих просит меня ещё раз поблагодарить г-жу Махон и Вас за чудесную фигурку рыбы и великолепный пирог, который был благополучно доставлен сюда на следующий день.

Проф. Рерих прилагает другое письмо с просьбой к Вам любезно собрать несколько подписей, заверенных в Кулу, которое следует отправить воздушной почтой.

Прилагаю две карточки, показывающие различное членство в нашем Институте, возможно, во время Вашего визита на равнины Вам удастся найти несколько новых членов среди состоятельных индийцев. Надеюсь, что у Вас есть журнал, чтобы показать им, но в любом случае посылаю ещё один экземпляр.

Также прилагаю два письма от Гималайского Клуба для Вашего внимательного ознакомления.

А также три страницы моего отчёта.

Девочки огорчены, что они не сумели надлежащим образом выразить свою благодарность за прекрасную коробку с шоколадом, и хотят, чтобы я передал г-же Махон и Вам их благодарность.

Мы все надеемся, что Ваше путешествие будет приятным, и с нетерпением ожидаем Вашего возвращения в Кулу ранней весной.

С самыми сердечными поздравлениями и наилучшими пожеланиями в будущем году г-же Махон и Вам от всех нас.

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

25 декабря 1935 г. Наггар
Николай Рерих Латвийскому обществу

25-го декабря 1935 г.

Обществу имени Рериха в Латвии, Рига

Дорогие Друзья,

В День Великого Праздника шлю Вам наше самое сердечное пожелание. К Празднику пришли от Вас так прекрасно изданные книги. Пришли от Вас такие хорошие письма, и ещё раз почувствовалось, что нет расстояния там, где дух жив, где он устремлён ко Благу. Чувствуем, что Вы работаете в сотрудничестве. В этом для нас огромная радость. Только подумать, что среди всяких мировых смущений и взаимной злобы группа светлых сотрудников преуспевает. Именно, это и есть то самое добротворчество, о котором столько сказано как о живой основе бытия.

Живая Этика воспринимается Вами не как какие-то отвлечённые пожелания, но как самое неотложное в строительстве новой жизни. Всем позволительно мыслить о лучшем будущем. Это будет не отвлечённость, но повелительный зов к улучшению жизни ближнего. Деятельное сотрудничество нужно, чтобы претворять светлые основы в жизни каждого дня. Вы знаете, как не дремлют тёмные силы разложения. Пытаются они вторгнуться в каждое единение. Пытаются они и явно, и сокрыто внести сомнение и шатание. Между

тем лишь в мужественном единении, в доверии, основанном на чувствознании, можно добротворствовать. Всем нелегко. Тем более нужно соединять все благие силы на преуспеяние. Такое преуспеяние видим в Вас.

Радуемся Вашему желанию издавать продолжение книг Живой Этики. Радуемся собраниям Вашим. Радуемся обоюдному бережливому отношению. Радостно смотрим на снимки Вашей группы и залы собраний. Даже на фотографии запечатлелась светлая атмосфера. А ведь это не так легко достижимо. Только светлыми трудами и кооперацией создаётся непобедимое светлое излучение. Как хорошо, что Вы из разных областей своей деятельности сноситесь воедино своё творчество, опыт и знание. Тут и лекарства, тут и хлеб насущный, тут и все проявления творчества и мысли о будущих расширениях. И придут эти нарастания там, где дух светел. Будет удача там, где посев сердечен. Держитесь прочно и душевно и в духовном взаимном бережении.

Привет столь любимой нами Риге.

В День Праздника пошлём взаимно светлую радость.

Духом всегда с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

27 декабря 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к д-ру Кэну

27 декабря 1935 г.

Уважаемый доктор Кэн,

Пожалуйста, отправьте авиапочтой на мой вышеуказанный адрес Ваш подробный отчёт о расходах, понесённых во время обратной поездки из Куэй-хуа в Нанкин. Министерство торопит меня с отчётами и требует представить отчёт о расходах по авансовому платежу в 250 мексиканских долларов, а также отдельно транспортные расходы и количество дней, затраченных на поездку.

Удалось ли Вам определить образцы Agropyron, указанного в нашем гербарии под номером 748? Мы крайне заинтересованы узнать о Ваших исследованиях материалов гербария.

Мы пока так и не получили подтверждения из Academia Sinica о получении и благополучной доставке картин. Пожалуйста, разузнайте о их судьбе и сообщите нам. Картины были застрахованы и вряд ли могут так просто потеряться по дороге в Нанкин.

С наилучшими пожеланиями от профессора Рериха и меня лично, в надежде на скорый ответ,

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

30 декабря 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е.

30 декабря 1935 г.

Мой дорогой полковник Махон,

Надеемся, что Ваше путешествие в Лахор было приятным и Вы нашли отель «Недоу» весьма гостеприимным.

Нам будет интересно услышать о Ваших лахорских впечатлениях.

Прилагаю чек на 500 рупий за декабрь.

Также здесь ещё несколько страниц моего отчёта, которые прошу любезно вернуть мне после проверки. Пожалуйста, сообщите мне, удалось ли Вам найти маленький винт, подходящий для петли ружья, которое я дал Вам. Мне также понадобится коричневый кожаный ремень, чтобы носить ружье, подходящий для той же петли, и я буду благодарен, если Вы сможете достать его и выслать в Наггар, указав его стоимость.

Мы также надеемся узнать от Вас о хорошем враче для моего брата, чтобы проконсультироваться относительно его растяжения связок. Вероятно, Вы встретили полковника Рейнхольда и сможете сообщать нам о соответствующих расценках у офицера медицинской службы в Наггаре.

Борьба в Нью-Йорке всё ещё продолжается, и пока злоумышленники не преуспели в отстранении остальных. Ожидаем дальнейших новостей на этой неделе с воздушной почтой, которая опять задерживается.

С самыми сердечными пожеланиями г-же Махон и Вам от всех нас.

Искренне Ваш.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

31 декабря 1935 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Стоксу Ф.Г.

31 декабря 1935 г.

Кулу, Пенджаб, Бр[итанская] Индия

Дорогой майор Стокс,

Институт получил от «American Express Co», Бомбей, перевод на сумму 266 рупий (эквивалент \$100) в качестве Вашего взноса, за что, пожалуйста, примите нашу благодарность, так же как и за Ваш постоянный интерес к нашей работе. Прилагаю официальную расписку вместе с отчетом о расходовании Ваших пожертвований, полученных в течение 1935 года. Благодаря Вашей щедрости Институт смог закончить работу над рукописью тибетско-английского словаря и поддерживать ботаническое направление наших исследований, что включает в себя классификацию нашего гербария и пополнение нашей коллекции местных лечебных трав. Вам будет интересно узнать, что доктор Э.Д.Меррилл завершает свою рукопись, посвященную флоре Западного Тибета и Северо-восточных Гималаев, основанную на коллекциях Института. Этот важный вклад в наши ботанические познания будет опубликован в виде отдельного издания или в одном из ближайших томов нашего журнала, если позволят обстоятельства.

Господин С. Рерих скоро отправит Вам масло вишнуприиа, как только необходимое его количество будет готово.

Госпожа и проф. Рерих просят меня передать Вам их сердечные пожелания, к которым присоединяется и весь персонал Института.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,

Директор

P.S. Мы очень сожалеем, что сейчас можем выслать Вам совсем немного масла вишнуприйа, ибо наша плантация была засеяна таким образом, чтобы получить большой урожай в следующем году. Следующим летом мы сможем отправить Вам большее количество этого масла. Считается, что это растение обладает многими ценными целебными свойствами, хотя принцип их действия пока ещё не ясен.

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

31 декабря 1935 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

31 декабря 1935 г.

Дорогой Друг,

Пишу Вам в самый канун Великого Года. Спасибо за Ваше письмо от 11 дек[абря]. Спасибо за все хлопоты с книгами. Из Ваших писем видим, как жестоко-планомерно Леви разрушает здание Учреждений. Очень надеюсь, что наши адвокаты действительно будут нашими и найдут достойные и твёрдые слова. В наш век половинчатых решений и мягкотелости качество твёрдости почти отсутствует у многих.

Из некоторых слов Харт[мана] вижу, что не мешало бы указать ему на прошлую деятельность Н.К. Ведь в Ам[ерику] Н.К. уже приехал с именем и с 30-летним опытом культурной и общественной работы. В течение своей деятельности в России стоял во главе многих как культурных, так и чисто деловых учреждений, которые развивались и под руководством Н.К. достигли своего расцвета. Покажите Харт[ману] большую монографию издания 1916 г., а также монографию Эрнста и Ростиславова. Ведь что могло быть в культурной России, неужели это самое не могло расцвести на почве Америки?

Трагедия наших Учреждений в Н[ью]-Й[орке] заключалась в том, что, в то время как часть сотрудников строила действительно общественное учреждение, Председатель всячески стремился подчеркнуть личную собственность, превращая учреждение в свою вотчину, а сотрудников – в служащих. Ведь это происходило все эти годы, и, в то время как Учреждения росли, дух Леви уже готовил предательство.

Также откуда создалось у Харт[мана] впечатление об «easy life» [«лёгкой жизни» (англ.)] Н.К. на Востоке? Неужели экспедиция в Среднюю Азию, гибель каравана, смерть нескольких спутников и, наконец, подорванное здоровье Е.И., неужели всё это признаки «easy life»? И эта последняя экспедиция во Внутреннюю Монголию – тоже не была прогулкой для удовольствия. Опасности, и большие, были на каждом шагу, достаточно только вспомнить гибель английского журналиста Jones в том же районе и банды хунхузов летом 1935 года. Когда-нибудь расскажу все подробности этого нелёгкого времени.

Но адвокаты должны знать факты, также и то, что все средства, полученные в 1926-27 гг., пошли на экспедицию, которая продолжалась до мая 1929 г. Ведь мог же Свен Гедин продавать свою библиотеку, жертвовать доходы со своих книг, чтобы финансировать свою экспедицию. Будем надеяться, что адвокаты найдут твёрдые слова. Беспокоит меня Министерство. Семена и сборы из Внутренней Монголии (4 ящика) ими получены, но мы до сих пор не имели от них извещения. Не знаем, что это значит, и потому нужна большая осторожность. Ведь по настоящим временам все возможно.

Очень благодарен братьям Фосд[ик] за дружеское содействие. Все же думаю, что книги лучше выслать, ибо здесь они нужны, а платить «Сторедж» тоже расход. У меня должны были быть след[ующие] вещи: один файл (прошу его сохранить у Вас); один чёрный чемодан с перепиской (о нём писал в прошлом письме), один чёрный сундук (посылать и вскрывать не следует, в нём, кроме старых вещей, ничего нет), один красный сундук (лучше посмотреть, там могут быть книги), два ягтана (в одном были книги, которые здесь нужны), одна железная cartine (посылать не следует), остальные ящики с книгами, в том числе один небольшой ящик книг Е.И.

Всё же думаю, что, пригласив упаковщика и купив ящики, можно будет книги сюда переслать. Среди книг много ценных, а у William они всё равно пропадут. Расходы вышлю отсюда, мне как раз удалось хорошо продать имевшийся у меня дубликат, и эту сумму ассигную на пересылку книг. При разборке упаковщикам хорошо бы попросить Шахов[ского] присутствовать, конечно, за вознаграждение. Очень благодарен Авир[аху] за его дружески милое письмо от д[екабря] 12-го, со следующей почтой напишу ему. Всем сотрудникам и друзьям сердечный привет. Не будем забывать, что, несмотря на попытки тёмных, строительство идёт и с ним продвижение.

Сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Фран[сис] и Ав[ираху]. Духом с Вами. Ю.Р.

Е.И. тоже думает, что книги лучше выслать сюда. Всё равно хранить их в Америке – расход. О моей мебели не беспокойтесь!

Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.

«Вот приближается замечательный год. Но многие не уловят значения происходящего. Даже слышавшие захотят, чтобы события совершались по их воображению. Обычно каждый хочет по-своему, но замечайте происходящее непредубеждённо. Приложите внимание честно, зная, что протекает великий срок. Голуби принесут Вам не только масличную ветвь, но и лист дуба и лавра; также Наши жертвенные приношения, не как случайность, но как шаги будущего. Именно, неизменны сроки великого знания. Умейте полюбить борение творящее. Умейте приложить ухо к Земле и засветить сердца, как в великом ожидании. Пусть невежды зло желают, но сроки ткнут ткань Мира. Учитесь распознавать. Учитесь лететь к сужденному. Много одежд и покровов, но смысл един. Наступает год предуказанный».

Мир Огненный. ч. III. 488.:

31 декабря 1935 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Елене Рерих

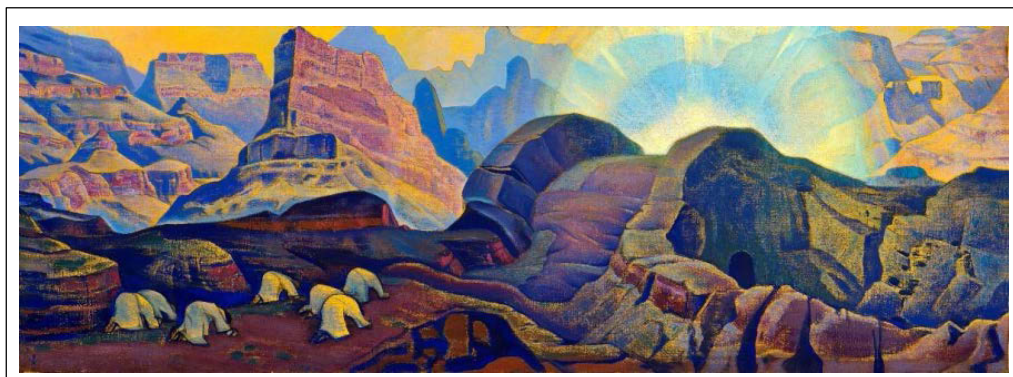
31.XII. 1935

Дорогая Елена Ивановна!

Пишу накануне Грядущего 1936 года, года наших давних глубочайших мечтаний и трепета сердца, года сокровеннейшего для нашего сознания.

Хочу начать этот год картиной Н.К. – Чудо, одной из самых любимейших моих картин Н.К. Но чувствую, что Пришествие должно засвидетельствовать-

ся не только в сердечном и благоговейном ожидании, устремлении навстречу великому событию, оно должно быть встречено в самом насыщенном труде и в созидании, в сотрудничестве – в этой конкретной молитве сердца. Поэтому хотел бы начать этот год молитвой, которой полно сознание и подсознание моё: «Дай мне не пройти мимо труда Твоего, Чашу труда Твоего дай мне испить, Властитель! Владыка, дай силу сердцу моему и ясность сознанию моему, дабы я мог отдаться труду непрестанному!»

Н.К. Рерих. Чудо. Явление Мессии. 1923.

Читал я с сердечной радостью Ваше письмо ко мне от 18. XI о Камне, о 1936 годе и пр. Скоро затем я получил и следующее письмо об индусской девушке, помнящей своё прошлое, и моё сердце искренне благодарит Вас за все откровения. Всё неконфиденциальное читалось и в старшей группе. Одним из глубочайших переживаний явилось для нас место о Пришествии в письме к Зильберсдорфу; это место хотя и поразило, но и восхитило, обновило и возродило наше сознание.

Поистине счастливыми чувствовали мы себя, что нашему сознанию дана возможность прикоснуться к величайшим космическим событиям, имеющим столь невероятное значение для всего человечества.

В День Учителя, 24 декабря, мы собрались у ёлки, осенённые невинным светом свечи, вслушивались в молитвословия из Учения, также и в изречения из *Мира Огненного*, III части. Как полны-переполнены были наши сердца. Полны светозарности, трепета ожидания и благодарности. 27 декабря, в день культуры и мира, тоже у ёлки, мы с глубоким чувством воспринимали вещие слова А. Хейдока в его статье *Пророки*, которая многих заставила призадуматься. Статью мы предложили редакции *Сегодня*, но, как мы и предполагали, редакция отклонила её.

Когда я читал *Потерянный рай* Мильтона, главу шестую, где описывается битва Водителя Света Архангела Михаила с полчищем Люцифера, я думал о событиях, которые теперь происходят и ещё будут происходить в Тонком и Огненном Мирах!

Теперь пару слов о нашем Обществе. Перевод *Иерархии* задержался в цензуре духовного управления целую неделю; с книгой основательно ознакомился сам заведующий управлением. Он имел, кажется, также некоторые возражения, но один из наших членов, служивший в том же министерстве, ходатайствовал и, наконец, получил разрешение. Послал я на Ваше имя 6 экземпляров и пошлю ещё 2 экземпляра в переплёте. Книги Учения розданы по

многим магазинам на комиссию. Никаких ограничений не было, исключая один незначительный случай.

Спасибо за Ваши слова об изданной книге *Мир Огненный*. Одно затруднение было при печатании, что сам шрифт не особенно удачен. Послал на Ваше имя 25 брошюрованных экземпляров *Мира Огненного* и 5 в переплёте. Очень прошу принять их как небольшой подарок от нас. В случае надобности, с радостью пошлём ещё. Сознаю теперь, что произошла несоизмеримость: первая часть напечатана в 600 экз., вторая – 1200 экз. Но надеемся, что первая часть будет скоро распродана, тогда можно будет её напечатать снова.

Гаральд Феликсович уехал со своей супругой (тоже врачом) на месяц в Германию, в Дрезден, работать в местных клиниках. Выписку из Вашего письма я послал ему за границу.

Карл Иванович осенью снова поступил на должность учителя в гимназию (до сих пор он получал пенсию) и, конечно, теперь весьма занят. Занят он также и по своим семейным делам. Потому ведение дел Общества он предоставил комиссии. Общими собраниями руководит главным образом Карл Оттонович Валковский, обладающий даром слова, человек чистого сердца.

Правда, кооператив уже с самого начала претерпевал различные пертурбации. Он, по большей части, приносил лишь убытки. Бывали различные попытки улучшить положение, но безрезультатно. Вначале, по крайней мере, в булочной и пекарне царил дух Учения. Но потом нанимались случайные люди, ибо не было членов Общества, которые могли бы отдать себя лишь этому делу. Весной на короткое время положение как будто стало улучшаться, но потом ухудшилось, и особенно вновь нанятый заведующий снова принёс много неприятностей. Наконец, решили пекарню закрыть. Но в ноябре группа членов воодушевилась и решила снова попытаться использовать все возможности (в дни наших собраний даже тащили корзины и в наше Общество и т. д.). Тут горячее участие принимали Гаральд Феликсович, Вайчулёнис, Драудзинь, Мисинь, но в конце месяца (в декабре обыкновенно бывает самый большой оборот) оказалось, что еле-еле удалось обойтись без убытка, и впредь неизвестно, не ухудшится ли положение. Тут играет роль и то обстоятельство, что потребители мало ищут качество и потому трудно конкурировать с более дешёвым товаром. Но всё же правление кооператива не хочет сдаваться и ищет возможность использовать кооператив для других товаров в лучшее время.

Вступаем в Необыкновенный 1936 год с сердечной улыбкой и радостью, невзирая на все тяготы, которыми человечество себя нагружает. Ибо величайшее счастье и радость даёт нам то сознание, что идёт год под Знаменем Великого Владыки.

Шлю Вам и Н.К. мои самые сокровенные мысли от всего сердца.

Преданный Вам,

Р.Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

1936 г.

«Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы передвижения Далай Ламы и Таши Ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые приметы правителей, при которых страна попадает под обезьян.

Но затем оправится, и тогда придёт некто очень большой. Его прихода срок можно считать через 12 лет. Это выйдет 1936 год...»

Н.К. Рерих. Струны земли

С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1936.

«Дума о Культуре есть Врата в Будущее...»

ЯНВАРЬ

1 января 1936 г.

Н.К. Рерих

ВРАТА В БУДУЩЕЕ

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении культурных учреждений. Перепишем для Вас эту памятку, которую сохраните в архивах. Исполнилось пятидесятилетие нашей встречи для совместной работы, и Вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о культуре.

“Впишем на Щитах Культурных Просветительных Учреждений Заветы старинные, но всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих сил, ведущих к преуспеянию. Скажем:

“Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство - для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата “священного источника”. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем”...

“Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее неслучайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже “земные” люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все “священные врата”. Под знаком красоты мы идём радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесём эти слова не на снежных вершинах, но в суеде города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее”.

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово Музей и остаются далеки от мысли, что Музей есть Музейон, по-гречески, Дом Муз. Обиталище всех Муз, прежде всего, является символом Объединения. В классическом мире понятие Муз вовсе не было чем-то отвлечённым, наоборот, в нём утверждались живые основы творчества здесь - на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых далёких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве. Швейцарский лев крепко держит Щит с начертанием: “В Единении Сила”.

Когда мыслим о созидании школы Объединённых Искусств, со всеми к тому образовательными предметами, мы имеем в виду именно дело живое. Всякая отвлечённость, всякая туманность и необоснованность не должны входить в созидательный план. Туманности - не для созидания. Для постройки нужен свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна, прежде всего, самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его приумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесётся, и сотворит ещё большее общественное благо. В труде - благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется её другом, её верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат Духа заложится среди правильных, освобождённых от предрассудков оснований. Там же, где вознесётся прочно примат Духа, во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещённые Светом Знания Неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать только специальные предметы, не утвердив сознание учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия разумного обмена; легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодёжь любят, когда им поручается серьёзная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих Музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам Культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие, посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к Культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом, строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодёжи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспредельно, и в этом красота беспредельная!

Всё должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчёты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит строение, даже в житейском смысле, признаётся доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при правильном расчёте будут также доходны такие просветительные строения, с общежитиями, школами, Музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инже-

нерно-финансового расчёта зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи художественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых писем в течение самого короткого срока давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шестистам неимущим. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлечённым. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение Примата Духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчётов - построений.

Всякая корысть уже не культурна, но заработок и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перемены, в конце концов, лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почётных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережёт здоровье, но будет Знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры!

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердыни, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и Школ, и всяких Просветительных Учреждений уже достаточно, - он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своём к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зёрна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчётах. Инженер, строитель знает эти расчёты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое неперемное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать культурным построениям. Если благотворительность является священной обязанностью людей, то тем более просвещение, как основание здоровых поколений всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, культура есть достояние всего народа. Решительно каждый

в своей мере, в своём добром желании может и должен вносить своё зерно в общую житницу. Сотрудничество как основа бытия является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустройством, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречия и злонамеренности. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьму, надо рассеивать. Внесённый Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует тёмному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблюдать, чтобы никто из приобщившихся к делу Просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлечённым благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В своё время в России, принимая руководство обширным Просветительным Учреждением, я, прежде всего, поставил условием установление Совета Профессоров, облечённого правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого Комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая Ревизионная Комиссия ведала всеми отчётами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам Искусства и Педагогике. Был Музей — всегда помню просвещённого директора-основателя Д. В. Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принёс он и в стены Хранилища Искусства, внушая доступность и целебность источников красоты. Есть о чём вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на Щите слова, от которых не отречёмся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщающихся, как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твёрдо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и Культура”.

На том знаменательном слове кончалась моя запись. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение Просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы Этики и Культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. “С оружием Света в правой и левой руке”. Всё это не отвлечённость, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю Вам наши старинные мысли как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!

Дума о Культуре есть Врата в Будущее.

1 января 1936 г. Урусвати.

Архив Музея Рерихов, Москва

«Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатлённую в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох ...»

Н.К. Рерих

«СТАРЫЕ ГОДЫ»

Перелистываю кем-то когда-то заботливо переплетённые тома прекрасного бывшего журнала «Старые Годы». Кто-то любил этот журнал, заботливо переплетал его, берёг. Действительно, это не были ежемесячные случайные сборники. В «Старых Годах» отображалась ценность русской культуры.

В прекрасных воспроизведениях и статьях напоминалось русскому народу о замечательных памятниках архитектуры, которые поистине были народной гордостью - по крайней мере, должны были быть такою. Напоминалось народу и о ценнейших Эрмитажных и других художественных собраниях. Напоминалось и о том, сколько в русском народе было искренних собирателей. На страницах «Старых Годов» щедро мелькали имена культурнейших знатоков искусства, оставивших после себя глубоко обдуманное и облюбванное художественные собрания. Давались и сведения о художественной жизни за границей. Такая хроника показывала, насколько близко текла жизнь искусства в европейских центрах. И нам, русским, нечего было печаловаться, ибо и у нас постоянно образовывались художественные и научные учреждения огромной исторической важности. Кроме исторических и археологических Обществ, лучшие люди сходились для охранения художественных сокровищ. «Общество Друзей Старого Петербурга», всякие Общества Ревнителёв Старины показывали, что поверх казённой заботы широко была струя общественности, знавшей ценность истинных сокровищ.

Ещё в 1910 году в журнале «Старые Годы» мне довелось как председателю Музея допетровского искусства и быта обратиться к русскому народу со следующим призывом: «За последнее время среди широких кругов общества замечается отрадное явление - возникает подлинный интерес к старине и ко всей минувшей жизни России. Пробуждается сознание, что прекрасные памятники прошлого нужны не только как музейные редкости, но как самые прочные ступени будущей культуры страны.

Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатлённую в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать ещё не тронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное. Но никакое установление не может выполнить задачу регистрации, охранения и исследования старины, пока народные массы добровольно не отзовутся своими заботами и указаниями. Всякий, знающий что-либо о малоизвестных памятниках старины, не стесняясь изложением, должен считать своим долгом сообщить о них в одно из установлений, работающих над сохранением древностей.

Комиссия Музея допетровского искусства и быта, основанная при Обществе архитекторов-художников и имеющая в своих задачах собирание предметов старины и исследование древнейших населённых мест России, примет с великою признательностью всякие указания (описания, снимки, слепки, изображения и предметы) о старине и озаботится, чтобы каждый живой отклик, каждая благожелательная лепта с пользою вошла в дело изучения минувшей жизни отечества».

В этих кратких строках выражалась всегда нужная неувядающая идея о культурных посевах и о сохранении всего самого ценного, что составляет основы народа. Эти призывы к охранению культуры одинаково неотменны при всяких правлениях. Можно надстраивать над существующим домом всевозможные башни и мезонины, но устоят они лишь тогда, если прочен будет фундамент.

Почему мы имеем право знать, что Россия будет и сильна и всегда передовита? Откуда возьмётся такое победительное суждение, не будет ли оно сомнением и самовнушением? А вот и не будет. И эти тома «Старых Годов» в крепких кожаных переплётках являются свидетельством того, что неискоренимо связано с достоинством русским, русским в самом широком значении этого слова. Эти «Старые Годы» не будут старыми в смысле отжитого, наоборот, каждый такой сборник даёт нам свидетельство стародавнее, но всегда ценное и живое.

Случились за эти годы замечательные вещи. Русский язык стал, как говорят, вторым языком мира. О наших Достоевском и Толстом знают во всех концах Земли. Наша музыка и наше художество почтены и оценены высоко. Сколько иностранных прекраснейших изданий посвящено памятникам нашей архитектуры! Не забудем же при этом, что ступени тому были заложены и Дягилевым, и Александром Бенуа, и Грабарём, и всеми, которые неустанно запечатлевали истинные ценности русского народа.

Когда-то эти смелые люди обращали свои голоса и за границу, на них удивлялись, но сейчас нам особенно ценно помнить всех, кто широко прокладывал пути русской культуры. Всероссийское дело!

Четверть века тому назад писались эти строки, приведённые в «Старых Годах», к этому ещё одному юбилею утверждения Русской Культуры. Опять напомним: «Не знающий прошлого не может думать о будущем».

В тех же «Старых Годах» за октябрь - декабрь 1914-го, в статье «Отражения Войны» (стр. 126) читаю:

«Н.К. Рерихом от лица Общества Поощрения Художеств были посланы горячие выражения сочувствия президенту Французской Республики и обраще-

ние к послу Американских Соединённых Штатов с просьбой вступить за памятники старины».

Сколько воспоминаний! Сколько пожеланий о красоте, о знании, о сотрудничестве - о всех устоях народного достоинства.

Перечитываю тома «Старых Годов» и посылаю лучшие думы тем, кто самоотверженно утверждал сокровище народное. Ведь всегда много было препятствий, но через все пути трудные оставлено нам слово, подтверждённое прекраснейшими воспроизведениями; мы можем радоваться не снам, не мечтаниям, но тому, что было, что есть и что будет.

1936 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

3 января 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Франклину Делано Рузвельту

Наггар, Кулу, Пенджаб, Британская Индия
3 января 1936.

Уважаемый господин президент!

День 15 апреля 1935 года был одним из самых памятных в моей жизни. Под Вашим высоким покровительством в Белом Доме был подписан Пакт о защите Культурных ценностей. Как долго я ждал возможности увидеться с Вами лично и от всего сердца выразить вам моё уважение и глубокую благодарность.

Тогда я не мог ожидать, что буду вынужден беспокоить Вас этим письмом – криком души – и взывать к Вашей справедливости и защите. В Вашем лице находит выражение вся нация. Обстоятельства вынуждают меня рассказать Вам о той тяжёлой ситуации, в которую я попал по злому умыслу моего бывшего сотрудника, которому я полностью доверял.

Как Вы, возможно, слышали, наша Центрально-азиатская экспедиция продолжалась с 1923 по 1929 год, и ей было посвящено довольно большое количество публикаций. Эта экспедиция была организована Американским институтом и финансировалась на американские деньги. Сейчас, спустя девять лет, г-н Хорш, имевший от меня доверенность на право распоряжения моим имуществом и занимавшийся моими финансовыми и налоговыми делами, представил Федеральной налоговой инспекции суммы, потраченные на эту экспедицию, как мои собственные доходы.

В результате этого действия в моё отсутствие на моё имущество в Америке был наложен арест. У меня нет иного имущества кроме моих картин, они являются единственным источником моего дохода. Но самая печальная сторона этого дела заключается в том, что такой арест обычно налагается только в случае умышленного уклонения от уплаты налогов. Возможно ли, чтобы я, в возрасте шестидесяти одного года, получив международное признание, оказался виновен в таком злом умысле. Только враждебность, зависть или подлая месть могут привести к такой трагической ситуации, направленной на то, чтобы запятнать мою репутацию, в течение 62 лет остававшуюся безупречной. Я всегда писал о Соединённых Штатах с таким искренним энтузиазмом, и именно Соединённым Штатам я отдал лучшие результаты своей творческой работы. Известно, что мы провели два года, о которых идёт речь (1926-1927),

в Центральной Азии и Тибете, и большую часть времени находились в местах, отрезанных от внешнего мира. В различных публикациях рассказано об огромных трудностях, которые нам пришлось перенести. Мы жили в палатках в суровую зиму на высоте 15000 футов. Известно, как мы потеряли весь караван и пять наших людей. И как раз в то самое время, когда мы чуть не погибли, когда к-жа Рерих навсегда потеряла своё здоровье, меня обвинили в уклонении от уплаты налогов. Известно, что отпущенные на экспедицию средства не облагаются налогом. Кроме того, эти средства были собраны для экспедиции в то время, когда я находился в Азии и деньгами распоряжался исключительно г-н Хорш. Отправившись в экспедицию и вернувшись в Соединённые Штаты, я имел все заверения со стороны г-на Хорша, что всё было в порядке, и что освободить меня от всех финансовых забот, взяв их в свои руки, было для него особой привилегией, как он писал в своих письмах.

Таким образом, после пятнадцати лет деятельности, посвящённой Соединённым Штатам, мне представлены обвинения, я оказался в очень тяжёлом положении. На карту поставлена вся моя репутация. Я не располагаю каким-либо капиталом и во время моей Центрально-азиатской экспедиции я не получал жалованье. Даже для того, чтобы нанять адвокатов, я сейчас должен обратиться за помощью к своим друзьям, которые сами ограничены в средствах. После 45 лет моей культурной, образовательной и творческой работы, признанной во всех странах мира, меня обвиняют в действиях, которые полностью противоречат моему кредо. Я верил человеку, который этого не заслуживал и который рад своих злонамеренных целей сейчас пытается исказить истинные факты. Но моё сердце не потеряло веру в людей.

Все обстоятельства этого беспрецедентного случая необычайно трагичны, что я вынужден обратиться к Вам, г-н Президент, так как в моей стране России у нас было право в чрезвычайных случаях обращаться к нашему Императору. С самого начала моей деятельности у меня всегда был большой интерес к Соединённым Штатам. Даже первая выставка американского искусства в Санкт-Петербурге 37 лет назад была организована благодаря моим усилиям. Язык Искусства и Науки – это язык Мира и Доброй Воли. А сейчас все ми лучшие надежды растоптаны злой волей одного человека.

Господин Президент, я взываю к Вашему сердцу, к Вашей безграничной справедливости. Ваше справедливое слово рассеет эти тёмные облака. Я уверен, что это обращение не останется без ответа и что в историю Искусства и Культуры не будет вписана ещё одна трагическая страница.

Мои многочисленные американские друзья и верные соратники могут представить Вам факты такими, каковы они есть.

Эти враждебные нападки привели к опасному ухудшению здоровья г-жи Рерих. Она так любит Америку и видит в Вас Великого строителя новой эры человеческого прогресса.

Мы знаем, что Свет всегда побеждает тьму и справедливость должна торжествовать.

Я взываю к Вашему сердцу.

С верой и надеждой

Николай Рерих

NRM. Машинописная копия.

Публикуется по изданию: В.А. Росов. «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Изд. Ариаварта-Персс. М. Кн. 1,2. 2004. С. 258-259

11 января 1935 г. Наггар

Письмо Е.И. Рерих к Франклину Делано Рузвельту

11 января 1936 г.

Нью-Йорк

«Враг не мог бы выбрать более опасный путь, более абсурдный путь, чем борьба против благосостояния фермера. Никакое оружие не может быть мощнее, нежели эта оппозиция. Истинно, народ будет помнить девиз пламенного Сердца – «Мы не должны отступить». Так, тактика Адверза будет мощным оружием. Победа будет с Президентом Рузвельтом».

«Принцип сохранения земли является великой целью, и он привлечет нацию. Слава Президенту Рузвельту».

«Огненные слова Президента, обращенные к народу, достигли сердец. Все послания пламенного Сердца будут действовать как магнит».

Письма Е.И. Рерих. Том IV

Январь 1936 г.

Из воспоминаний Н.К. Грамматчикова¹ о жизни Н.К. Рериха во время Манчжурской экспедиции:

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ

Меня просили рассказать что-нибудь о Н.К. Не перечить всех трудов, толкующих о нём, как о великом художнике и мыслителе. Но за одиннадцать месяцев нашей экспедиционной жизни не раз я имел случай убедиться в том, что у Н.К. кроме колоссальных мыслительных и художественных дарований имеется ещё нечто, гораздо большее.

Жан Дювернуа в своей книге о Н.К. несколько раз касается этого нечто, так что, очевидно, большинство людей, так или иначе общавшихся с Н.К., имели счастье увидеть и наблюдать те светлые особенности этого художника, этого великого человека, которые ставят его выше, чем просто - «великий художник и мыслитель».

Ниже я просто привожу несколько эпизодов из нашей экспедиционной жизни и надеюсь, что они хоть отчасти обрисуют замечательный образ Н.К.

* * *

«Надо уметь заполнять время», - говорит Н.К. и сам является ярчайшим примером человека, у которого каждая минута полезно заполнена.

Послеобеденный час: жара - 160° по Фаренгейту.

Весь лагерь, расположенный посреди раскалённых скал, не движется, точно умер, засох от этого пекла. Даже монгольские привычные кони сбились под деревом и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, силясь отогнать мошкарку. Люди или неподвижно сидят и пьют горячую воду, или лежат, силясь заснуть.

Н.К., сидя на складном кресле, или под деревом, или в юрте, работает...

---

¹ Грамматчиков Николай Васильевич (1908-1988) – один из участников Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха (1934–1935 гг.).

Воет страшный ветер, поднимает тучи жёлтого песка, сдвигает, перевёртывает юрты, изредка начинает падать перемешанный с песком снег, холод проникает в каждую щель. Закутавшись, сидят члены экспедиции, стараясь разогреться около печки.

Н.К. под вой ветра диктует статью о чём-то высоком... прекрасном... добром...

С рёвом несётся по пустыне машина, пробегая милю за милей, идя к нужной цели.

Несётся - час, два, пять, десять, пятнадцать, семнадцать часов подряд; и шофёры и пассажиры утомлены; засыпали по несколько раз, просыпались, сидя, старались расправить затекшие члены, согреться; всё мчались и мчались в туманную даль.

Тяжки монгольские дороги - редко-редко попадает короткая прямая, а потом опять начнёт дорога выписывать вензеля. Машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползёт по глубоким пескам, взбирается на горы, летит по долинам.

Н.К. бросает несколько слов; через некоторое время ещё заговорит, и по его словам видишь, что он и тут работает. Тут, в этой гонке по монгольским степям, ни на минуту не прерывается его мысль.

* * *

Тихо в лагере, на небе мерцают звёзды, всё спит. Только мерные шаги часового раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены, подходит сменяющий, при свете звёзд кажущийся каким-то серым, неясным.

«Ну как, всё благополучно?»

«Всё ладно».

Подошедший кивает головой на юрту Н.К.

«Спит?»

«Нет».

Один шагает по лагерю, чутко прислушиваясь ко всем ночным звукам пустыни, другой отправляется спать.

Через два часа новая смена.

«Спит?»

«Нет».

Только под самое утро слышно из юрты ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из дверей юрты - здоровый, свежий, бодрый...

* * *

Мы стоим в месте мрачном по его прошлому. Это старинный монастырь, в котором произошло двойное убийство и самоубийство. Пролитая кровь прервала служение монахов навсегда...

В соседних горах полегло десять тысяч китайцев...

По ночам дежурных беспокоят какие-то странные звуки, которые никак нельзя объяснить, неожиданно бьёт в нос запах разлагающегося трупа у ступеней, появляются какие-то тени...

Долго не говорят друг другу об этих явлениях часовые, но потом разговариваются и решают рассказать обо всём Н.К. Двое заинтересованы, третий нервничает, на него наводит всё происходящее жуть.

Как всегда, с приветливой улыбкой выслушивает Н.К. рассказы своих подчинённых; больше всех говорит тот, кому жутко, само слово «жуть» часто срывается с его уст. Он храбрый человек, долго дрался с хунхузами в Маньчжурии, но тут нечто, чего не возьмёшь пулей, и ему не по себе.

Долгим ласковым взглядом смотрит Н.К. на лицо рассказчика и говорит: «Интересно, очень интересно, продолжайте наблюдать».

Ночью, вставая на смену, я твёрдо решил довести до возможной точности свои наблюдения, но... ничего в два моих часа не произошло. Не произошло и в дежурство других... И до самого конца нашего пребывания в древнем монастыре никто не слышал больше никаких звуков вокруг, кроме воя ветра да хота и уханья сов и филинов в скалах.

В одно из дежурств я слышал чудный аромат фиалок... двор был бел от свежего снега.

* * *

В узком ущелье расположен беженский халхасский монастырь; от лап вандалов бежала группа лам. С трёхдневным боем пронесли монахи свои святыни через грозную границу и основали монастырь во внутренней Монголии.

Денно и ночью перед древними святынями теплится священный огонёк, монотонно читают монахи молитвы... тихо-тихо, почти шепотом, говорят о Великой Шамбале...

Сегодня в маленьком монастыре оживление, приехали «новые люди», которых монахи никогда ещё не видали. Старик с большой седой бородой, его сын и двое вооружённых людей.

Старший лама приглашает зайти в юрту; следуют обязательные любезные фразы и затем разговор мало-помалу переходит на более оживлённые темы.

Н.К. не говорит по-монгольски, но всё понимает, переводит Ю. Н.

Через некоторое время тихо раздаётся слово «Чамбали». Святое для монгол слово, берегут они его больше всего, не выдадут и не скажут зря, а тут прозвучало оно в устах ламы скоро, всего через час какой-нибудь после начала разговора.

Вскоре радостно сияют глаза лам. Идут показывать свои святыни. А показав, просят Н.К. возжечь, кроме обычных полагающихся к возжжению светильников, ещё большой огонь у святилища. Мало кто, кроме старшего ламы, может возжечь его.

Понял лама своего гостя, потому и попросил зажечь этот светильник.

Светлой рукою зажжённый огонь - добрый огонь.

* * *

Долгое время находимся на одном месте, исколесили порядочные пространства вокруг, но ничего не могли найти.

Ботаника ещё не двигается - остаётся археология и минералогия; но, не смотря на поиски, ничего не нашли.

Вечером, выйдя на улицу из юрты подышать свежим воздухом, встречаюсь с Н.К. Он стоит и смотрит на голые в красных отблесках скалы, на растилающуюся перед нами пустыню.

Н.К. протягивает руку и показывает на расположенное верстах в десяти, кажущееся в лучах заходящего солнца тёмным провалом, ущелье.

«Съездите завтра с Мишей туда, думаю, что найдёте что-либо».

На другой день возвращаемся нагруженные костями, чуть ли не каменного века, кусками добытого из-под земли дерева и прочими интересными вещами.

Утром, после чая, то есть около семи часов, Н.К. даёт распоряжение на день.

Предстоят дальние поездки за семенами. Всё, что было поблизости от лагеря, выбрано в «пешем и конном строю», теперь очередь наших машин. Кругом горы и степи; куда поехать, где найти интересующие нас виды? За день можно исколесить сотни миль и не найти ничего.

«Поезжайте за Олон Суме, на север, поищите там».

Еду на своём додже в указанном направлении. Могучая машина по гладкой степи проходит милю за милей, то взлетая на холмы, то спускаясь в распадки.

Вот вправо остаётся Олон Суме. Беру направление на север и несусь по прямой, насколько возможно.

Десять, пятнадцать, двадцать миль; монотонно гудит мотор.

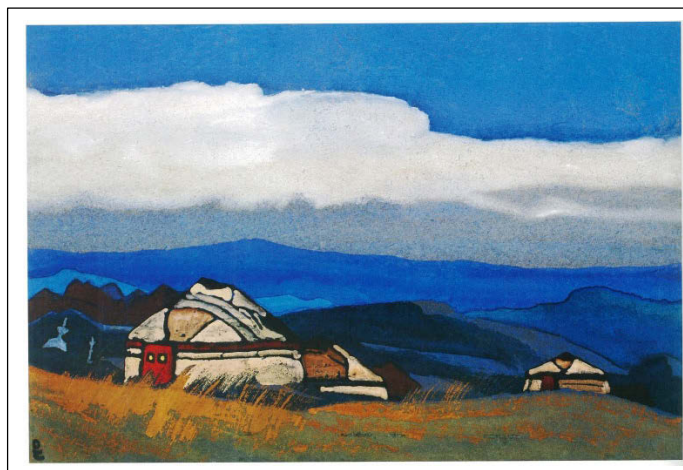
Сидящий рядом со мной в кабине китаец-ботаник напряжённо всматривается в окно кабинки на мелькающие мимо кустики и травинки. Нужного ничего нет, одна каргана да чий.

Стараясь перекрычать гул машины, ботаник кричит, что ничего мы в этой стороне, вероятно, не найдём.

Цифра за цифрой выползает под зеркальным стеклом счётчика.

Вдруг ботаник оживился, замахал руками, высунулся в окно: «Стоп, стоп».

Н.К. сказал ехать на север от Олон Суме, распоряжение выполнено, найден новый, очень ценный вид агропирума. Сам он туда никогда не ездил.

Н.К. Рерих. Олон Суме. Монголия. 1936.

* * *

В роскошном номере отеля, после окончания трудного дня, расходимся по своим номерам, поговорим о делах и о том, и о сём. Прощаемся, и Н.К. говорит как-то особенно своё «спокойной ночи».

Уже затемнело, с большой скоростью въезжаем в Чапсер. Граница Китая и Монголии. Дальше ехать невозможно, темень хоть глаза выколи, дорога опасна.

Приходится ночевать здесь в этом пограничном селении, притулившемся своими серенькими глинобитными фанзами к горам с правой стороны ущелья.

Шофёр Сарат заезжает на один из постоянных дворов. Посреди ограды пылает солома, освещая лица греющихся китайцев и монгол. Лица у всех бронзовые, красным отблеском костра поблескивают узкие раскосые глаза.

Сарат пытливо всматривается в окружающих и вдруг, не говоря ни слова, резко даёт задний ход и вылетает со двора.

В чём дело?

«Мо байна».

Спорить не приходится, он местный житель, опытен, бывал во всяких передрягах и каким-то шестым чувством стреляного воробья чувствует это «мо байна».

Заезжаем во второй постоянный двор. Тут ещё хуже, к автомобилю бросается какой-то китаец. Сарат делает крутой разворот и даёт полный ход, китаец не успевает схватиться за дверцу и со страшными ругательствами остаётся во дворе.

«Мо байна».

Опять это «мо байна», дело плохо, в чём именно суть, не разберу, но опять какие-то непонятные для европейца истории Средней Азии, которые иногда случаются и так и остаются для нас непонятными.

Едем в третий. Удаётся занять какой-то сарай, холодный, насквозь продуваемый ветром, но всё же есть крыша, а это большой плюс, так как если пойдёт снег, то мы спасены от него.

Нашего каравана из двух грузовиков не видно и не слышно, где-то, видимо, отстали. Может быть, заблудились, потеряли дорогу, а может быть, там, около разбитой хунхузами деревни... Лучше об этом не думать, еще накличешь беду.

Там наши тёплые спальные мешки и пища. Мы не ели целый день, так как торопились.

Всё, что мне удалось достать, это несколько крутых яиц и чайник кипятку. Достāju две охапки соломы и делаю постель для Н.К., постилая её прямо на какой-то остаток старого кана. Н.К. укладывается на солому. Тушим свечку. Ю. Н. и я решаем по очереди дежурить.

«Спокойной ночи», - раздаётся из темноты.

То же спокойное «спокойной ночи», как и в фешенебельном отеле, тот же ровный, спокойный, ласковый голос. Никакая обстановка, никакие обстоятельства не имеют значения для Н.К. Ночь проходит спокойно.

Сарат гонит. Его фордик даёт всё, что может, стрелка спидометра подходит к 50 и колеблется около этой цифры. Сарат торопится, опять, видно, «мо байна».

На такой скорости шофёрская привычка даёт себя знать, невольно впииваешься глазами в колею, не обращая внимания на виды, мелькающие по сторонам.

Вдруг становится заметным и быстро приближается к нам оказавшийся за поворотом большой камень, уютно примостившийся в нашей колее. Затор-мозить нет времени. Сарат делает лёгкий рывок - хочет перескочить в другую колею, но случается то, что обыкновенно случается в большинстве таких слу-

чаев: передок машины подпрыгивает и идёт по другой колее, а зад заедает, и машина, со скрипом и шипением, задом начинает залетать в сторону.

По всем соображениям мы должны перевернуться.

Кузов у машины старенький, разбитый, лопнет обязательно. Слышу, как правый скат отделяется от земли, крен всё больше и больше... Но вот машина замедляет своё вращательное движение, хлопается поднявшимся на воздух скатом о землю и останавливается.

Поднятая пыль застилает всё кругом, шумит на холостом ходу мотор.

«А здорово, - прерывает молчание Ю. Н., - задом встали».

Здорово-то не то, что задом встали, мелькает у меня в мозгу, а то, почему мы вверх ногами не встали.

Сарат тоже шофёр, и по его побледневшему лицу и изумлённым глазам вижу, что и у него в голове то же.

Н.К. спокойно сидит и поглаживает свою серебристую бороду.

Случаев, подобных этому, когда так просто можно было выйти из состояния равновесия по той или иной причине и когда Н.К. оставался всё тем же ровным и спокойным, как будто ничего не произошло, можно привести столько, что получится целая книга. Никакие обстоятельства никогда не влияли на его настроение.

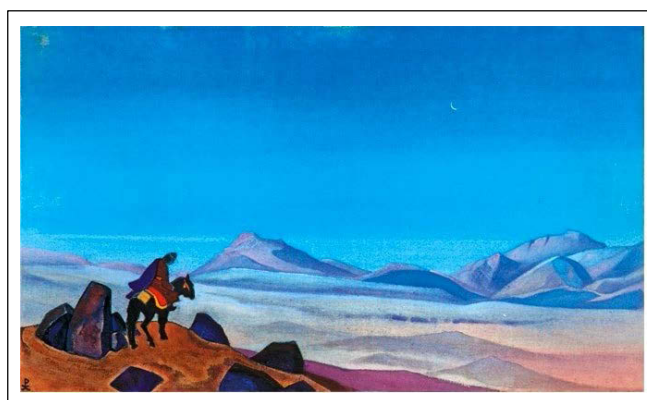
Невольно приходится обратить внимание и на то, что, несмотря на наличие шаек в окрестностях нашего расположения, на убийства, несколько раз происходившие вокруг, с нашим составом не произошло ничего, хотя по всем обыкновенным рассуждениям, пожалуй, и должно было произойти.

Помню, как подошёл ко мне однажды один из наших бурят - Таши и говорит:

«Э-э, паря, а дедушка-то, паря, шибко много знает, всё, паря, знает, всё, ничего не будет».

Говорят, что простые люди сердцем иногда узнают больше, чем развитой человек своим тренированным умом. Похоже на то.

* * *

Н.К. Рерих. Монголия (Следы). 1936.

Мало ли чего может прийти в голову человеку, который в течение целого дня едет на лошади по жаркой монгольской степи. То рысью, то намётом, то шагом продвигается низкорослая степная лошадка. А кругом всё степь да степь. Едешь и не знаешь, сдвинулся ты хоть немного с места или нет, - до того всё подчас бывает однообразно.

Вот и остаётся только смотреть по сторонам и думать. Много мыслей при таком времяпрепровождении пройдёт за день в голове, и текут они ровным потоком, претворяясь из одной в другую до тех пор, пока вдруг не придут к чему-то такому, чего как будто нельзя разрешить.

Как ни ломает себе голову всадник, ничего не выходит. Не может он пробить невидимую стенку, к которой привели его собственные же мысли. И чувствует, что одному не выйти из этого тупика, болезненного из-за своей неразрешимости.

Но не унывает всадник.

Скоро поднимется он на горный перевал, виднеющийся вдали, а за ним покажется ряд юрт и палаток, и в одной из этих юрт он найдёт ответ на мучающий его вопрос.

Живёт в этой юрте человек. Все монголы по окрестным степям знают его и почтительно о нём говорят, называя его Ихи-Бакша, что значит в переводе на русский - Великий Учитель.

Входит приехавший всадник в юрту и задаёт свой вопрос.

Что бы ни делал Ихи-Бакша, а никогда не откажет и всегда на вопрос готов ответ. Тихим ровным голосом льются слова, согревает ласковый добрый взгляд, и всё яснее и яснее становится мысль, рушится тупик, вот он и совсем рухнул. То, что казалось неразрешимым, теперь кажется простым и понятным. Выходит человек из юрты, посмотрит на небо, на догорающий закат и заметит, что мир стал ещё прекраснее.

* * *

Не спит маленький серенький, ждёт каждого удобного момента, в который можно было бы влезть в сердце человеческое, забросить туда дрянненькую мысль. Авось да клюнет, попадётся на удочку, засомневается, а тогда уже за маленьким сереньким проберётся и большой чёрный. Прoberётся, словно вода в треснувший камень плотины.

Возится человек с засушенным растением, а сам думает и не может уяснить себе, хороша ли его мысль.

Входит в юрту Н.К. и смотрит, как укладывается растение.

Работающий видит, или, вернее, чувствует, что чем-то Н.К. недоволен. Думает, что работа не в порядке, спрашивает об этом.

«Нет, всё хорошо».

Видно, дело не в растении. Опять вопрос.

«Мысли мне ваши не нравятся».

«Как... почему...», - растерянно бормочет человек, а сам-то в то же время уже начинает сознавать, что мысли-то действительно плохи.

В присутствии Н.К. как-то сразу резче становится граница между тьмою и светом, и вот в голове уже формируется вопрос. Дается ответ.

Через несколько минут маленький серенький летит стремглав туда, откуда он так настойчиво столько времени процарапывался и уже было залез. Летит и ревет от бессильной злобы и бешенства.

В следующий раз ему уже не влезть. Человек уже осознал, кто около него находился и в следующий раз он будет осторожнее и разборчивее.

А ведь цель-то была уже так близка. Ох, если бы не этот могучий, светлый, который без труда узнал его, притаившегося, и указал на него тому, около которого он так хорошо было устроился; да и не только указал, а ещё и помог так его отшвырнуть, что вот теперь он летит разбитый и посрамлённый.

Тёмная мысль пресечена, идёт дальнейший разговор. Н.К., как всегда тихо и ровно, говорит о том, как надо любить Иисуса Христа и Преподобного, как проникнуться любовью к ним, чтобы при одном имени их, самим ли произнесенном или услышанном, на сердце становилось трепетно тепло.

И чувствует слушающий, что от этих слов светлых, произнесённых с такой силой, у него самого затрепетало теплой радостью сердце. И вместо маленького серенького входит что-то Большое, Светлое, Прекрасное, Святое.

* * *

Вот так и по всему миру словом, печатью, прекрасными творениями и ещё иными путями сеется Н.К. спешно и неумоимо это Большое, Светлое, Прекрасное, Святое...

Отъезд из Тимур-хады. 1935.
(Фото экспедиции)

Публикуется по изданию: Грамматчиков Н.В. [Замечательный образ] // Рассвет. Чикаго. 1936. 7, 8 янв.

**26 января 1936 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М. А.**

Доверительно.

Дорогой Михаил Александрович,

Спасибо Вам большое за письмо, которое пролило нам свет на происходящее в Нью-Йорке. Когда-нибудь лично расскажу Вам такие неожиданные махинации и злоупотребления, доведшие до подлога, что Вы ужаснётесь. Как теперь мы видим, уже значительное время подготавливался план захвата, главным образом, здания, а с ним и Нью-Йоркских Учреждений. Как Вы знаете, с 1932 года происходила финансовая реорганизация, которая закончилась успешно, благодаря нашим друзьям и просветительным задачам Учреждений, и закончилась в Феврале 1935 г. Очевидно тогда же чета Хоршей с их соучастницей мисс Эстер Лихтман решила привести в исполнение план захвата, воспользовавшись моим отсутствием. Таким образом, в начале июля, без всякого повода с нашей стороны, вдруг всё перевернулось. Вместо высочайших суперлативов, наполнявших их письма в течение четырнадцати лет, всё самым грубейшим образом перевернулось обратно. Мало того, г. Хорш вдруг объявил

себя единственным собственником всех шер Мастер Института Объединённых Искусств, которому после реорганизации было передано здание. Ложь г. Хорша немедленно обнаружилась, ибо у других членов Трестис оказались его же расписки в принятии этих шер лишь на хранение. Вы можете себе представить, на что оказался способен вдруг возродившийся дух брокера! Пользуясь фальшивым присвоением шер, г. Хорш единогласно пожелал выбросить всю остальную первоначальную группу основателей. По счастью, это темнейшее намерение было почти чудесным образом накануне дошло до сведения верных сотрудников, и они в один вечер успели передать дело адвокату и за ночь составить протест, который представили утром судье. Было наложено запрещение на незаконное поползновение г. Хорша, и теперь дело находится всецело в руках адвокатов. В то же время среди всяких других махинаций, г. Хорш и его две сообщницы начали рассылать письма, подобные полученному Вами, а может быть, ещё сильнее и темнее. В каком-то припадке они хотят всё нарушить и завладеть домом, - ведь просветительная сторона для них вдруг оказалась на последнем месте. Между прочим, они стараются показать Мастер Институт Объединённых Искусств новым Учреждением, тогда как он является нашим старейшим Учреждением 1931 года мною основанным ещё до подхода четы Хоршей и мисс Эст. Лихтман.

Всякими манипуляциями они овладели Уоллесом, к которому проникли по нашей же рекомендации. Надо знать, что Уоллес в наших организациях не участвовал и появился лишь на Конвенции в Вашингтоне. Разрыв с Уоллесом в прошлом Июле произошёл с того, что он по какому-то, до сих пор неизвестному нам навету злоумышленников грубо прервал свои сношения с Мисс Фр. Грант, с которой был знаком десять лет, при этом также неожиданно грубо обошёлся и с г. М. Лихтман, которого до этого называл своим братом. Конечно, мы всецело остались на стороне Зин. И М. Лихтманов и Фр. Грант - первоначальной группы, начавшей с нами в 1921 году Мастер Институт.

Со стороны злоумышленников были намёки, они не будут работать с тремя помянутыми сотрудниками, но согласны работать с нами. Когда же мы по справедливости ещё утвердили этих сотрудников, то злоумышленное трио также яростно набросилось и на нас. Конечно, подводя итог, каждый скажет, что невелика потеря, если брокер с женою и Эст. Лихтман не выдержали экзамена просветительной культурной работы. В каждом обществе есть и приходящие, и уходящие, тем более, что здание в Нью-Йорке нельзя же считать альфой и омегой наших культурных зданий. Но это обстоятельство злоумышленникам всегда не нравилось, потому они всегда были против Парижа, против Вашего участия в Центре и против всех Обществ и Групп в других странах.

О Шейлоке² Шекспир давно написал. Да и Иуда достаточно известен. Но происходит выявление ликов. Лучшие люди с нами, и мы имеем от них самые трогательные заявления. Морис Лихтман торжественно отказался от своей сестры Эстер, и очень терзается, что именно его сестра запятнала себя таким тёмным злоумышлением. Среди любопытных по этому делу формул вспоминается тирада известного писателя К.: «Я всегда думал, что это чудо, если такой человек, как Хорш с его лишь Уолл-стрит. инстинктами, мог бы пожерт-

---

² Шейлок (англ. Shylock) — один из главных персонажей пьесы У. Шекспира «Венецианский купец». По сюжету пьесы Ш.- еврей-ростовщик, ссужающий деньги купцу Антонио под залог фунта мяса из его собственной груди и упрямо добивающийся по суду выполнения заключённого между ними договора - *ред.*

воват на такое дело. Я объяснял это себе лишь прикосанием Св. Духа в лице Николая Рериха. Очевидно, Хорш не мог выдержать и вернулся к своему прежнему состоянию». В разных вариантах эта формула запечатлевается в пространстве. Весьма интересно – ответят ли трое на Ваше письмо. Надеемся, что этот ответ Вы также нам сообщите. Просим Шкл[овского] сообщить нам все подробности, ибо из общеписательных выражений нельзя вывести определённых заключений, а сейчас именно нужны факты. Ведь весь смысл и вся правда на нашей стороне, на стороне притесняемых сотрудников. Слышим, что из Комитета Пакта ушёл, очевидно, по тем же наветам, но по его некоторым особенностям мы не жалеем. И вообще, если кто не даёт себе труд разобраться в существе, и слушает уличную клевету, то он уже и деятель серьёзного дела. Любопытнейший отпор ликов происходит! Но ушедшие с избытком заменяются новыми хорошими друзьями.

Ещё раз спасибо за Ваши дружеские сообщения, надеемся, что у Вас всё идёт ладно и Ваша семья находится в добром здоровье.

Все мы шлём Вам и супруге Вашей сердечный привет. Странно, что Вы не получили Рижскую книгу – пошлём её. Твёрдо знаем, что без борьбы нет и победы.

Духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва

ФЕВРАЛЬ

**25 февраля 1936 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.**

Дорогой Гавриил Григорьевич, спасибо за Ваше письмо от 3-го февраля. Всё, что вы сообщаете о г-же де Во, всё удивительно. Странно представить, чтобы кто-нибудь предпочёл людей, незнакомых и даже никогда невиданных, многолетним друзьям. Неужели такие люди не подумали, насколько просто чисто низменными инстинктами объясняется происходящее. Вот мы уже дали доверенность адвокатам на взыскание с г. Хорша, присвоенных им наших шер. Теперь же мы послали доверенность вчинять иски против клеветы, ибо и с этим ядовитым злом нужно бороться, как оно того заслуживает.

31-го января должно было быть слушание дела, вчинённого вице-президентом М. Лихтаном против Хорша, но уже несколько раз адвокаты Хорша оттягивают, и потому и это слушание отнесено на продолжительный срок. Такая тактика лишь показывает, что противная сторона старается избежать открытого суждения, а в то же время и наши адвокаты получают новую возможность ещё детальнее войти в дело. Вы правильно замечаете о беспринципности противной стороны. Так, например, – накануне предположенного слушания дела, т.е. 30 Янв. злоумышленники сфабриковали в жёлтой прессе невероятную безобразную клевету, основанную на столь же клеветнической заметке, помещённой известным негодяем Поуэлом ещё прошлым летом. И эта мерзкая игра не удалась, ибо все поняли, что заметки были помещены накануне слушания дела, чтобы повлиять на решение судей. Но на следующий день, в день суда, утром, уже вышли пространные опровержения, помещённые нашими друзьями и адвокатами, и злоумышление развалилось.

Вот какими мерами пытаются пользоваться насильники, захватчики и предатели. Но все знают, что там, где тёмные силы особенно ополчаются, там ими замечено нечто светлое и значительное. После отвратительных наскоков слугителей тьмы, немедленно получилась светлая реакция. Под председательством уважаемого деятеля майора Стокса составился новый Комитет Друзей Музея. В него вошли редактор Херстовского Америкен г. Меррит, известный писатель Охара Косгрев, г-жа Сутро, вдова большого финансиста, жена проф. Шепперд, - очень влиятельная особа, г-жа Спорборг, пользующаяся большим влиянием женских клубов, писатель Уартон - Сторк и др. лица влиятельного и независимого положения.

Кроме этого Комитета предполагаются и другие образования. Посылаю Вам выписку, сопоставляющую некоторые факты, в простейшем виде, далеко не исчерпывающем все проявления изощрённейшего предательства. Прочтите её и дайте Григорию Гавр. и некоторые друзья ознакомятся с этою, бросающейся в глаза, истиной. Как Вы видите, отвратительные действия своекорыстных апостатов не имеют ничего общего с культурою, а тем более, со Знаменем Мира. И сколько преднамеренности обнаружилось в этой попытке присвоения чужой собственности. Но конечно, выход четырёх индивидуумов не может иметь значения в культурном деле. Вполне естественно, что некоторые личности не могут воспринять света культуры. Вчера, через Лондон мы получили вырезку из Геральда с письмом некоего Аллана из Руана. Очевидно на это письмо и отвечал Георгий Гавр. в той же газете. Хорошо, что мы получили письмо Аллана, а следовало бы узнать кто он такой, ибо его письмо построено симпатично. Если он интересуется делом, то ведь старый город Руан может дать интересные возможности. Что решает М. Шено? Ведь такое привхождение поэтов и искателей чрезвычайно желательно. Вы пишете, что мадам де Во уговорила и Таубе уйти. Этому можно удивляться, ибо Таубе знает меня и слышал обо мне десятки лет? А в то же время, как Вы пишете, Таубе был шокирован грубой невоспитанностью Эстер Лихтман; а что же он бы сказал, если бы встретился с самим Хоршем, который почему-то принял другое имя, ибо по рождению его фамилия было Леви. То, что Вы пишете о масонах и буддистах, показывает лишь полную невежественность лиц, произносящих такую комбинацию, ибо буддист не будет масоном, а масон не будет буддистом.

Как прискорбно убеждаться о всеместном существовании глубоких степеней невежества. Не войны ли доводят человечество до такого одичания и наблюдаемой сейчас преступности. Получаем с каждой почтой много симпатизирующих писем. Между прочим, учреждённое мною Содружество Имени Пр. Сергия прекрасно работает и научают участников настоящему сотрудничеству. Очень милое поздравление получено от кардинала Пачоли, а вчера пришло поздравление от престарелого митрополита Антония. Также много новых друзей оказывается и на дальневосточных островах. Вы правы, что обновление Комитетов принесёт новую жизнь, только это нужно сделать очень поспешно. Надеемся, что здоровье Ваше благополучно и мы все шлём Вам и супруге Вашей и Георгию Гавр. наши сердечные приветы. Будет светла заря после тёмной ночи.

1936 год знаменательный.

Духом с Вами.

Архив Музея Рерихов, Москва.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Единение или гибель». Так называлась хорошая статья. О том же были наполнены наши письма в Америку. Этими же самыми словами Е. И. уговаривала и заклинала Нью-Йорк, где раздоры среди сотрудников достигли предела. Сохранились потрясающие письма Е. И. Из них ясно, что уже в 1933 году нечто разрушительное должно совершиться. Точно черная завеса прикрыла глаза не видевших свою погибель». (Н.К. Рерих. 15 дек. 1940 г.)

ЕДИНЕНИЕ

Дорогие друзья! Радостна нам весть о Вашем единении. Сойтись в добре, ради блага общего уже будет истинным подвигом. В слове этом соединены и движение, и преуспеяние, и самоотвержение, и беспредельность. В нем заключено все потребное для эволюции. Подвиг по существу своему не может быть безобразным. Подвиг - всегда прекрасен. Идите путём прекрасным.

Хочется послать Вам и укрепление и светлый взгляд на будущее. Поверьте, если основы будут прочны, то и всё остальное будет нарастать. Лишь бы не подгнивали корни или трениями или какими-то посторонними отвлечениями. Ведь корешок, необдуманно высунувшийся, прохожий может обрубить и сжечь. Всюду сейчас много таких корней, кем-то когда-то обрубленных. Пусть сама природа напоминает о целесообразности и соизмеримости. Ведь одни из главных несчастий происходят оттого, что иногда люди бывают безрасчётно расточительны или небрежны и теряют всякую соизмеримость. Когда мы посещали древние катакомбы, то всегда являлась мысль о том, какое горение, какая светлая деятельность излучалась из этих подземелий. Да, нужна деятельность как рассадник растущих энергий. В творчестве даже самые трудные обстоятельства проходят незаметно. Всякое уныние обычно возникает от недостатка творчества - скажем вернее - добротворчества. Конечно, одним из лучших пособников добротворчества будет дружеское сотрудничество, а Вы его имеете. Также необходимо и сердечное руководство, а Вы и его имеете. Значит, Вы и укреплены и обеспечены в продвижении всегда, когда к нему готовы.

Не повторяю о том сердечном доверии, которое Вы должны питать друг к другу. Это уже такая примитивная основа, о которой, при Вашей осведомленности, уже и повторять не нужно. И без того Вы каждоминутно помните, что все, что Вы мыслите, все, что Вы творите — Вы являете на пользу общую. Дерзнёте ли Вы нарушить строение каким-либо нерадением, дерзостью, сквернословием или, чего Боже сохрани, предательством? Конечно, никто из Вас не допустит, чтобы прямо или косвенно наносилось огорчение или расточалась бы благодатная энергия. Из высоких примеров Вы найдете и сердечную бережливость друг к другу.

Радостно сознавать, что самоусовершенствование не есть самость, но именно широкое добротворчество. Только в этом сияющем горниле Вы можете преуспеть. Люди особенно часто вредят и себе и всему окружающему, допуская злоречие и глумление за спиною, подло, тайком. При случае выясняйте людям, что всякое злоречие и глумление на них же обернётся удесятёрённо. Обернётся в самую неожиданную для них минуту, когда, может быть, они находятся в иллюзии победы. Часто люди воображают своё победительное благополучие именно тогда, когда они находятся уже на краю вырытой ими

самими же пропасти. Но там, где сердце чисто, где оно было раскрыто, там не может быть темных зарождений. В то время, когда темные будут клеветать и глумиться и кривляться за спиною - Вы будете радостны духом, ибо в духе Вы будете сильны, тверды, нерушимы.

У каждого из тружеников есть своя благодатная миссия. У каждого есть великое поручение. Сумейте не только почитать, но и сердечно полюбить светлое созидание. Именно в любви и преданности Вы не допустите умаления или глумления. Каждый глумящийся уже предательствует. Вы же должны уберечься от всякого предательства; ведь оно, как темная отравка, заражает весь организм. Не преувеличим, если скажем, что большинство человеческих болезней и несчастий происходит от предательства и прочих низких и грубых выявлений.

"Не всякий глаголющий Мне: Господи, Господи, войдёт в царство Небесное". Поймите эти потрясающие Заветы, в которых так ясно и четко и повелительно определено должное состояние духа. Странно подумать, что ещё и по сейчас люди думают, что мысли их могут быть тайною. Именно нет ничего тайного, чтобы не стало явным. А сейчас эта явность обнаруживается как-то особенно быстро. И злобный бумеранг как-то особенно сильно и немедленно ударяет метнувшего его. Разве не прискорбно видеть метателей зла, которые в каком-то безумии мечут отравленные стрелы и сами корчатся от разбросанного яда своего? Очаги добротворчества нужны так же, как врачбно-санитарные учреждения. Повсюду жалуются на отсутствие достаточных санитарных мероприятий. Так же точно следует стремиться к тому, чтобы очаги добротворчества умножались на благодатных основах. "С оружием Света в правой и левой руке" следует пребывать в Священном Дозоре. Вы-то уже достоверно знаете, насколько такие дозоры вовсе не отвлеченность, но самое действенное и неотложное выявление благоразумия. Самое простое благоразумие повелительно требует от людей соблюдения чистоты мыслей. Ведь в чистоте мысли нет ничего ни сверхъестественного, ни отвлечённого. Мысль действительна более слова. Мысль творяща, и потому она является рассадником добротворчества или злоумышления. Человек, вложивший злую мысль, не менее, если не более, ответственен, нежели производящий злое действие. И это Вы знаете твердо, но Вам придется твердить это много, много раз.

Не огорчайтесь, что Вам придётся повторять эти простейшие истины неслучайное число раз разным встречным. Найдите слово самое доходчивое. Примите во внимание все условия быта вашего собеседника. Сумейте решить, где нужно тишайшее слово, а где нужна поразительная молния Света.

Обнаружьте для себя, где возможно, нечто стремительное, а где, может быть, тихо заронено семя добра. Без огорчения наблюдайте эти всходы. Всякое доброе семя рано или поздно процветёт, и не нам судить о том, когда и как должно расцвести добро посеянное. Сеятель должен сеять и не воображать себя жнецом. Сожнёт тот, кому будет указано приступить к жатве. И никто не скажет, что прекраснее: посев или жатва. От посева рука устаёт, и в жнитве спина утруждается. И то и другое в поту - в труде. Но радостны эти труды, ибо в них полагается утверждение блага. А сердце Ваше, когда соблюдено в чистоте, отлично знает, где истинное благо. И наедине и в беседах дружеских Вы будете неустанно и неотложно сеять добро и найдете в себе радость и бодрость в трудах этих. Помыслите о духовности. Побеседуйте о красоте и о знании. Пошлите добрые пожелания женскому движению. Потрудитесь о ко-

оперативных началах, о взаимопомощи, о сердечной поддержке молодых поколений во имя светлого будущего.

Любите самодеятельность во всем самоотвержении. Часто мы желали Вам стать великими гражданами Ваших стран. На Ваших языках в творчестве растущем Вы несете народу радость и усовершенствование. Да будет! Поддержите друг друга, обоюдно помогите на трудной пашне общечеловеческой Культуры. Да будет! Содружество есть сотрудничество, а сотрудничество есть общая песнь труду и творчеству. Молитва о творчестве будет сильна и благодатна. Да снизойдет Благодать на Вас во всех Светлых трудах Ваших!

1936 г.

Архив Музея Рерихов, Москва

28 февраля 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

28-2-36

Дорогой Георгий Гаврилович, несмотря на необычные снежные заносы, происходящие здесь, Ваше письмо № 5 всё же дошло. Уже несколько дней сидим без телеграфных сообщений, ибо линия была повреждена снегами. Таких поздних снегов здесь не запомнят. Очень характерно то, что Вы сообщаете о газетной заметке в Геральде. Можно всем определённо говорить, что эта заметка, конечно, сделана с явным клеветническим намерением. Экспедиция кончилась, отчёт только что послан, а в Феврале и Марте, как всему миру известно, никто семян не собирает. Ни я, ни Юрий никогда не собирались поступать или оставаться на службе Земледельч. Деп. У меня имеется определённая бумага, что Деп. предлагает мне «ту лид энд ту протект Американ экспедишен» [(англ.) возглавить и охранять американскую экспедицию- ред.] Но оставаться служащим Деп. мы никогда не собирались, а почти двухлетняя экспедиция, во всяком случае, не могла быть сделана бессрочной. Мой заработок – мои картины и почти два года было потеряно для моего искусства. И так, и эта клевета подстроена предателями, но с теми же негодными средствами. Больше того, у нас имеются телеграммы от Департам., в которых нам предлагается ехать в Куку-Нор в сентябре, на что мы должны были категорически ответить отказом. Причин много: во-первых, мы могли бы доехать туда лишь в Октябре, уже по окончании семенного сезона, а во-вторых, эта местность была занята шестидесяти тысячным корпусом красных китайцев, и мы попали бы в безысходную ловушку. Эти обстоятельства были нами определённо телеграфированы Департам., и у нас имеется ответ, что Деп. признаёт непрактичность своих предложений. Всё это очередная клевета. Ведь сейчас, судя по газетам, в Америке происходит какая-то волна преступности. Многие американцы покидают страну, так перепечатывают здешние газеты американские сообщения. Как Вы знаете, Линдберг должен был спастись в Англии, а теперь многие крупные деятели переселяются в Австралию. Хорш с двумя сообщницами показывает во всей своей мрачности. Но каждое их отвратительное действие вызывает к жизни новые светлые силы. Не было ли от Вас какого-либо пакета, адресованного Хоршу, полученного там 9-го Января. Мы понимаем, что там видели Ваш конверт Хоршу и нас запрашивали об этом. В чём дело? Е.И. сомневалась, выдержит ли Шено данное ему испытание. Удивительно сложна психология – оставаться членом комитета, но не входить в Президиум. Из письма Гавр. Гр. мы поняли, что [Шабас] остаётся, и таким

образом, хотя бы за отсутствием, вице-председатель и генеральный секретарь, иначе говоря, Комитет существует. А тем временем, уже в спокойном темпе можно подыскать Председателя, отвечающего задачам Учреждения. Следует подыскать каких-либо платных Обществ, которым можно было бы под временное заседание сдавать наше помещение. Тем самым, можно бы, хотя бы частично, облегчить вопрос о сумме на помещение. Ведь Вы знаете, насколько всё напряжено, и нужно найти возможности, чтобы продержаться это трудное, но высоко-строительное время. Только слепой не видит, куда всё идёт.

Ко времени выявилось и предательство трио в Нью-Йорке. Ведь с такими типами никакая строительная работа не была бы возможна. Если для начала выявились с присвоением чужих шер, то что же можно бы ожидать в будущем. Наши группы проявляют прекрасное понимание происходящего. Уже не говоря о Филадельфийской группе, о новом Комитете в Нью-Йорке и о др. В Юж. Ам. и Латв. Общ. Показало себя с самой лучшей стороны. Как только туда было послано циркулярное письмо от трио, они сейчас *в оригинале* препроводили его нам, а мы, в свою очередь, имели возможность дать такой оригинал адвокатам. Имейте ввиду, что незаверенная копия не имеет значения, адвокаты требуют оригиналы или фотостаты, или, в крайнем случае, копии, заверенные магистратом. Любопытно, как ответит мадам де Во и М[ихаил] А[лександрович] на письма от наших верных сотрудников? Если де Во так предупредительно, как Вы сообщаете, вошла в сношение с неизвестным ей Хоршем, то не может же она оставить без ответа фактическое письмо противоположной стороны.

Особенно печально, что во всём этом и нектор. Наши соотечественники принимают самое горячее участие. Велико среди них разложение. И Макар, разбросавший шишки, потом вопит для себя же о их последствиях. За каждую мою помощь русским, русские же меня поносили. Немало было русской ругани после того, как я помог Харб[ину], дому Милосердия, где призрываются самые несчастные старики. Ругали меня за помощь инвалидам комбатам в Харбине. Поругали и за помощь русск. больницам, а каждая помощь отдельным лицам вызывала прямо какое-то злобное рычание. Да ведь и С вященный Дозор, данный в пользу Дома Милосердия, запрещён русским цензором. Ведь и Васька Иванов не испанец. А Родзиевский и Голицын не португальцы. Вот провокатор Петерец, нарыгавший клевету в Шанхае, уже арестован Франц. полицией. Так все клеветующие несут определённое клеймо, которое, рано или поздно, обнаруживается. Посылаю для Вашего архива только что появившуюся статью лучшего поэта Латвии, появившуюся в газете «Сегодня», 8-го Февр. Характерно отметить, что «Сегодня» до сих пор было явно враждебным.

Итак, наши адвокаты уже уполномочены нами вчинять иски о клевете. Предупредите об этом и всех клеветников, буде с таковым встретитесь. И бывшая председательница де Во, и прочие, должны об этом знать. Никакие большие имена нас не запугают. Чем шире дело, тем ярче будет и Правда.

Сердечный привет Вашим родителям и всем друзьям.

Так будьте бодры, зная о сужденной победе.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

МАРТ

2 марта 1935 г. Наггар

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Pungab, Br. India

2 марта 1936 г.

ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Дорогой Рихард Яковлевич,

Пишу Вам и от себя, и от Елены Ивановны. Она очень больна – кроме сердечных явлений также есть и воспаление центров, а это всегда требует особой осмотрительности. При нынешних напряжениях, конечно, всякие такие явления ещё и усиливаются.

Мы оба были глубоко тронуты Вашим доверительным письмом, а потому и пишем доверительно.

Вы совершенно правы, относясь особенно осторожно к Обществу ввиду всяких нынешних настроений. Такое время действительно нужно пережить, всячески избегая каких бы то ни было осложнений. Очень хорошо, что у Вас имеется и комитет-правление. Таким образом, другие Ваши соображения сглаживаются и не должны вызывать каких-либо резких разногласий. Если, как Вы пишете, у Вас предстоят выборы, то по нынешним временам желательно было бы избежать каких-либо перемен. Когда так много всяких злопыхательных глаз кругом, то и всякое действие ими было бы истолковано вредительно. Вы сами знаете, какими событиями наполнился мир. Этот Армагеддон сказывается решительно во всех проявлениях всех масштабов. Наверное, Вы и все Ваши друзья по Обществу такого же мнения и понимаете, что какие бы то ни было изменения сейчас нежелательны. Конечно, мы чуем все Ваши соображения, но и Вы так же, как и мы, отлично понимаете особые обстоятельства.

Очень драгоценно, что *Мир Огненный* уже печатается. В присланных Вами корректурных листах опечаток не было. Если нужно соединить два параграфа в один, то очень удобно соединить §§ 509 и 510. Впрочем, если бы вместо шестисот семнадцати параграфов оказалось 618, это вполне возможно. Сделайте так, как в данном случае удобнее, или соедините эти указанные параграфы, или допустите 618-й последний.

Вероятно, Вы уже получили манускрипт *Общины*. Будет прислан и рисунок для обложки, с годом, который должен стоять на ней. Как в книгах того времени, в эту книгу не нужно включать последнюю страницу с общим перечнем и адресом. Цвет обложки для *Общины* должен быть подобен цвету двух первых книг.

Большое спасибо за присылку статей Перова и Судрабкална, обе они очень интересны. Таким образом, по-видимому, антагонизм, бывший в *Сегодня*, сломлен. Пожалуйста, передайте двум авторам мой сердечный привет. Все трудящиеся на ниве культуры должны взаимно понимать друг друга и участвовать в одном крестовом походе за великое начало просвещения. Ведь положение культуры сейчас настолько поколеблено, что люди даже начинают стрелять в знак Красного Креста. Вот Вам и охранение духовных ценностей. Тем более все культурные работники должны объединяться. Ведь путь Света един.

Не может быть губительных препирательств там, где нужно служить Живой Этике и Культуре. Много терпения должно быть положено на такой пашне. Конечно, во всём и всегда мы предлагаем самодеятельность. Всякое насилие неместно Культуре. Но самодеятельность сильна истинным содружеством – которое есть не что иное, как сотрудничество. Каждое живое сердце подскажет, где добро и где истинная Культура. Пример происшедшего в Америке с тремя апостатами весьма поучителен. Обуянные злоумышлением и корыстью, они выказали себя акультурными, но тем ярче возгорелись все лучшие, в сердцах которых истинная культура была жива. Карл Иванович поступил прекрасно, прислав нам оригинал полученного им злопыхательного циркуляра. Конечно, хорошие члены Треста¹⁴ и новый Комитет друзей Музея скажут и своё слово. Каждое восстановление истины требует времени, но зато и в этом процессе выражается множество строительных обстоятельств. Отбор ликов необходим.

Тот же отбор ликов происходит не только в мировом плане, но и в двух планах. Даже внешние сведения газетных листов показывают умеющим читать глубоко размер происходящего. Об этих сроках было известно. Конечно, толковались они многообразно, но внутреннее их значение издавна предчувствовалось. Возносится Чаша, и не может быть незначительным время такого возношения.

Елена Ивановна и я так радуемся всем Вашим и прочим сочленов письмам из Риги. Группы Живой Этики, конечно, всегда нужны, но сейчас они нужны чрезвычайно. Вы уже не раз видели, как находчивы и изворотливы силы тьмы. Тем более для Воинов Света требуется и сплочённость, и содружественность.

Елена Ивановна шлёт Вам всем свой искренний привет, и мы оба всегда близки в мыслях ко всем Вам.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

20 марта 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

20-3-36

Дорогой Георгий Гаврилович,
во вчерашней почте Вашего письма не было – вероятно, аэроплан запоздал. Не пишу о поручениях, ибо Юрий уже писал Вам об этом. Всё-таки странно подумать, что Правит[ельство] может руководиться какой-либо нелепой газетной заметкой. Теперь ежедневная пресса настолько полна всякими вымышленными известиями, что казалось бы пора людям привыкнуть относиться осторожно ко всякому печатаемому вранью. Во всяком случае, наблюдайте очень пристально, где возникает юридически обоснованный состав клеветы. Эту ехидну нужно выводить на свет. Прилагаю ещё сильные письма в редакции. Очень хорошо, что на каждый выпад наши друзья сейчас не отвечают в самых сильных выражениях. Из Загреба письма получены, и мы послали им сорок восемь воспроизведений – всё, что у нас

здесь имелось. Пошлите по адресу Плаут и Девис на имя Зин. Гр. Лихтм. десять книг «Твердыни Пламенной».

Кстати, о книгах: очевидно происходит какое-то недоразумение. Нам не так нужны сведения сколько именно книг выдано, но сейчас скорейше необходимо получить инвентарь книг, находящихся в помещениях Центра. Следует просто перечислить, какие именно книги и в каком количестве сейчас находятся в Центре. Путём сложных вычитаний и прочих арифметических действий цифра может получиться неточной, а нам нужно попросту знать – сколько именно, и каких книг находится в Центре. Будьте добры прислать нам такой инвентарь-перечень. Также интересно мне слышать, какие именно приблизительно цены возможны за мои картины (имею ввиду ту, о которой писал) в Париже? Ведь нам нужно думать и о хозяйственной стороне. Вообще, всякие общественно-хозяйственные соображения весьма неотложны. Потому сообщите нам, что именно в этих направлениях могло бы быть сделано? Поблагодарите Джамбулата-Дзанти³ за его прекрасное письмо. Я всегда был твёрдо уверен в благородном характере Осетинов, каждая весточка от кунаков лишь подтверждает это моё мнение. Отлично понимаю грустное соображение Джамбулата о невозможности издания «Осетии» по финансовым соображениям. Всё это я очень хорошо понимаю, но, тем не менее, всё-таки предложил бы продолжать действовать в этом направлении. С самого начала, как Вы помните, я был против ежемесячного издания, ибо такая периодичность обычно недолговечна, лучше всё же ежегодник, или, по крайней мере, полугодовое издание. При этом тема могла бы быть расширена, как например, - «Кавказ». Такое неполитическое, но историко-литературное издание могло бы захватить гораздо более широкие круги. За Осетией остался бы благородный почин, который и мог бы быть, так или иначе, отмечен в издании. Джамбулат писал о Мдивани, кто знает, может быть, вдова второго брата брата или сестра их, которая замужем за [*Серт'ом*], и откликнулись в данном случае. Серьёзное историческое издание могло бы привлечь и более широкие круги. Может быть Джамбулат знает и других кавказцев, которым такая идея «Кавказа» показалась бы по душе. Ведь кроме Комитета Осетии мог бы быть редакционный комитет, составленный из нескольких кавказцев. Книга приблизительно в двести или двести пятьдесят страниц не могла бы быть дорогой, но всё же дала благотворное движение мысли. Во всяком случае, следовало бы иметь подписку на такую книгу, если бы даже она осуществилась не сразу, то, во всяком случае, открытие такой подписки показало бы движение мысли в определённом направлении. Ведь никогда не знаете, откуда может прийти друг – лишь бы двери были гостеприимно открыты. По безденежью мы уже отчаивались издать следующую книгу моих Записных Листов, но вдруг последняя почта принесла совершенно неожиданное предложение, вследствие которого эта книга, вероятно, увидит свет. Будем светло и неотступно держать бессменный дозор. Будем помнить, что каждый удар чёрного молота выбивает и светлые огненные искры. Каждое нападение порождает и новых неожиданных друзей. Тёмные, как всегда бывает, примут на себя и уборку всей порождённой ими грязи. Кроме друзей американцев, к нашей радости, нашлись новые друзья соотечественники,

---

³ Джамбулат-Дзанти – редактор журнала «ОСЕТІЯ» Комитета Осетиноведения при Европейском Центре Музея академика Н.К. Рериха. – Ред.

которые честно и справедливо горят желанием приобщиться к этой борьбе Света со тьмою. Замечательно и то, что они оказываются для нас совсем новыми людьми. Пусть враги знают, что уже дано распоряжение собирать весь состав клеветы и преследовать за него строжайше. Очень хорошо, что у нас теперь имеются корреспонденты во многих новых местах. Не дальше как вчера один наш молодой друг сообщил очень ценное сведение, вполне фактическое, которое без него никогда не дошло бы до нас.

Так стан друзей множится и <...> что он так широко раскинут.

Так будем <...>

Р.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

21 марта 1935 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

21 марта 1936 г.

Сердечноуважаемый и дорогой Николай Константинович!

Получил Ваше письмо и приношу Вам свою искреннюю благодарность и радость. Шлю также Елене Ивановне, в её болезни, самые сокровенные и самые прекрасные мысли моего духа – её Сердцу, несущему во благо человечества подвиг величайшего сострадания, священную огненную Ношу Любви.

Я собирался отправить письмо Елене Ивановне, как получил Ваше послание. В сущности, этим своим письмом я хотел поспешить вдогонку письму Фёдора Антоновича Буцена от 15 марта, копию с которого он дал мне прочесть, и оно озадачило меня, так как Фёдор Антонович поспешил с преждевременным решением. Но на днях, в связи с Вашим письмом, мы созвали новое собрание, где участвовали десять членов из самых активных, и потому я хочу в этом письме заодно ответить Вам. Такое обсуждение было необходимо и в связи с перевыборами, ибо мы знали настроение членов. На этом собрании, на котором мы кооптировали и женское сердце, было прочтено Ваше письмо и был принят сердцем Ваш совет при теперешних обстоятельствах избегать каких-либо осложнений и перемен. Члены долго обдумывали и обсуждали последний вопрос. Настроение членов было, что при теперешнем характере Карла Ивановича весьма трудно сотрудничество с ним в Обществе. В его отношении ко многим чувствуется нагнетённость. Члены просили Буцена, Волковского и меня передать Вам, что все теперь сплотились вокруг центра так, как давно этого не было, и что даже в случае ухода К.И. у нас эта сплочённость сохранится и мы готовы принять все трудности.

Чувствуем ответственность не только за Общество, но чувствуем ответственность отчасти и за Карла Ивановича. Но главное – сознаём свою ответственность за истину. Где она? объективная, неприкрашенная истина и правда? Ведь К.И. в духовном подъёме давал и знание, и широкое понимание. Нужно сказать, что лично мне он доверял, может быть, больше, чем другим, читал почти все письма и т. д. Я вынес впечатление, что в самом характере Карла Ивановича есть некоторая необщительность (может быть, скрытые зародыши «солласизма»), которая уже раньше, до вступления в Общество, отчуждала от него людей. Несогласие в отношениях с некоторыми членами, которое началось уже прошлой зимою, перешло в нём постепенно в несознательное огорчение, которое, может быть, и является причиной его осудительного отноше-

ния ко многим. Отчасти и из-за этого несогласия он, как он мне ещё недавно говорил, передал в прошлом году ведение Обществом комитету, ибо «не хотел сидеть за одним столом и чувствовать противовесное отношение». Далее, он мне выразился, что он не хотел своей волей воздействовать на членов, но под водительством комитета дать им свободное развитие. Так, должно быть, он сам почувствовал, что не может сотрудничать с членами, потому и на время отошёл, ожидая, как сам выражался, дальнейшего. И ему Общество теперь всецело заменяет семья, он ушёл в неё весь с горением, как дитя. Уже с Нового года он ездит два раза в неделю к своей молодой супруге, учительнице, в Двинск, ездит по ночам, так что три-четыре ночи в неделю проводит почти без сна. Так совсем не бережёт здоровье, но советов, конечно, не слушается.

Теперь я хочу поведать Вам свои мысли в связи с вышеуказанным письмом Ф.А.Буцена. Самое лучшее, если всё могло бы пойти эволюционным путём. Грустно думать о другом председателе, когда не выяснено окончательно отношение К.И. к Обществу. Моё личное убеждение на собрании было, что если когда-либо придётся думать о другом председателе, то в настоящий момент я радовался бы избранию Карла Оттоновича Волковского, который уже руководит собраниями в Обществе и завоевал признательность всех членов. Фёдор Антонович упомянул о моей кандидатуре. Я Елене Ивановне раз уже открыл своё сердце. Могу ли я думать об этом poste, так как совсем не владею словом и нет у меня также организаторского таланта. Но, конечно, по своим способностям я рад отдать все силы и помыслы свои на продвижение Общества и дела Учения. Но я чувствую, что при настоящих обстоятельствах всё же главное не звание председателя, но возможность проявить действие на общее благо. Теперь ведь председателя у нас заменяет нуклеус комитета, и, по моему убеждению, это самый лучший исход у нас. Втайне чувствую и надеюсь, что к выборам (в конце апреля) найдётся какой-нибудь счастливый исход-синтез.

Все грядущие события и нападки заставляют нас ещё более дружно сплотиться вокруг Владыки Мира. И мы всей своей сущностью чувствуем, что вместе с неистовством врагов возрастает в нас и непоколебимая вера и убеждение в Великой Победе.

Получил также *Общину*, эту новую сокровенную радость для нашего духа, и мы прочли на собрании первые страницы этого Евангелия великой красоты братства и сотрудничества. Мы скоро приступим и к печатанию.

Я выслал два экземпляра *Мира Огненного*, ч. III, на имя Е.И. уже десять дней тому назад. Недавно мы получили разрешение и от цензуры. На днях вышлем и другие экземпляры.

Мы обрадовались также выходу прекрасной книги Зильберсдорфа *Воспитание духа*.

Большое спасибо Е.И. за 20 долларов, но впредь просим денег не присылать, так как в настоящее время мы обладаем средствами, достаточными для издания ещё 3–4 книг. Наш член Вайчулёнис пожертвовал снова Ls 2000, также и Мисинь и др. И потому повторяю здесь то, о чём я уже писал Елене Ивановне, – что мы с большой радостью издадим не только книги Учения, но и Ваши книги и т. д., если только Вы найдёте возможным и нужным издать их у нас.

Чувствуем всю неповторимость и нагнетённость времени. Чувствуем также, с какою осторожностью и находчивостью теперь нужно подходить ко

всем событиям и явлениям. Потому и мы долго будем задумываться над Вашими драгоценными советами.

Самый искренний привет и пожелания Вам и Елене Ивановне от меня и наших сотрудников.

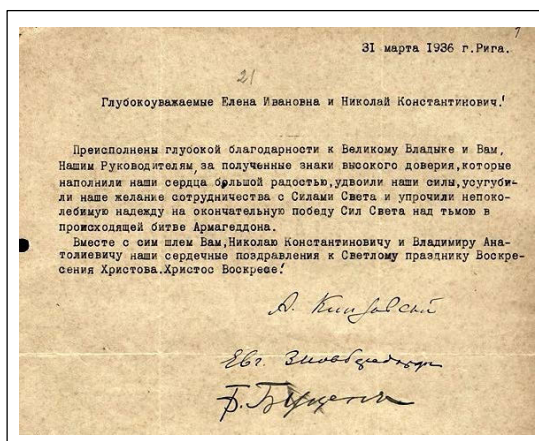
Сердечно преданный Вам,

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

31 марта 1936 г. Рига

Письмо Латвийских сотрудников к Рерихам Е. И. и Н.К.

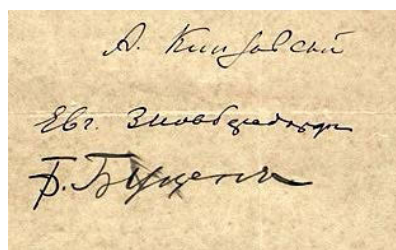

31 марта 1936 г. Рига.

Глубокоуважаемые Елена Ивановна и Николай Константинович!

Преисполнены глубокой благодарности к Великому Владыке и Вам, нашим Руководителям, за полученные знаки высокого доверия, которые наполнили наши сердца большой радостью, удвоили наши силы, усугубили наше желание сотрудничества с Силами Света и упрочили непоколебимую надежду на окончательную победу Сил Света над тьмою в происходящей битве Армагеддона.

Вместе с сим шлём Вам, Николаю Константиновичу и Владимиру Анатольевичу наши сердечные поздравления к Светлому празднику Воскресения Христова. Христос Воскресе!

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

АПРЕЛЬ

1 апреля 1936 г. Наггар, Куллу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

1-4-1936

В книге *Врата в Будущее* последнюю статью вместо *В добрый час* прошу назвать *ВРАТА в БУДУЩЕЕ* и к концу статьи прибавить на отдельной строчке фразу:

«ДУМА о КУЛЬТУРЕ ЕСТЬ ВРАТА в БУДУЩЕЕ».

Если не удорожит книгу, бумагу можно несколько толще.

При наборе просим обратить внимание на описки. Так, например, нашли, что в статье *Держатели*, 3-я страница, 13-я строчка, перед словом *кого* пропущено *у*. По одному экземпляру каждой русской изданной в Риге книги (*Учения, Оригена, Сборник НКР и, когда будут, Врата в Будущее*) просим послать по адресу:

Madame E. Turkina
Droviannaia201 New Town, HARBIN (Manchukuo) Far-East

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

3 апреля 1936 г. Нагга, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Буцену Ф.А.

Дорогой Фёдор Антонович,

Мы были чрезвычайно обрадованы Вашим письмом, только что полученным, которое пришло вместе с прекрасно изданной третьей частью М.О. Радовались мы слышать, что издательство вообще наладилось кооперативно, и Бог даст принесёт свои прекрасные плоды. Пишу это не только Вам, но и для всех друзей, ибо, и радость, и забота, и печаль – всё должно быть общее. А на ниве культуры такая общность особенно необходима, ибо ничто так не топчется опустошителями, как нива культуры.

По всей истории человечества можно замечать какой-то садизм в отношении всяких культурных проявлений. Тёмные силы находят какое-то особо мерзкое наслаждение в разрушении, клевете и во всяком поношении всего культурного. Значит, силы Света должны быть особенно зорки и предусмотрительны на своём бессменном священном дозоре.

Радовались мы слышать, что Вы будете близки издательскому кооперативу. При Вашей общей любви и просвещению и к книге, можно быть уверенным, как любовно пойдёт это дело, к которому вы все приложите Вашу общую заботу.

Постоянно приходится слышать какие-то жалобы о том, что кто-то не знал, где ему купить ту или иную книгу. Конечно, в этом сказывается и ненаходчивость и неустремлённость самого покупателя, но повинны так же и книготорговцы, так часто небрегающие своим делом. Потому необходимо хорошо поставить дело осведомления. Конечно, газеты могут быть полезны в этом, но, кроме того, необходимо иметь сношения с книжными торговлями за границей. При этом конечно нужно иметь в виду, что некоторые книготор-

говли никогда не платят за проданные книги. Такое обстоятельство мы не раз уже ощутили. Особенно много пропало у нас за Поволоцким в Париже.

Теперь очень серьёзно попрошу Вас всех о следующем.

Вы упоминаете о смущениях, происходящих в некоторых редакциях. Мы не удивляемся этому, ибо ехидны клеветы ползают неутолимо. За последнее время в Америке в газетах появились настолько ярко клеветнические заметки, что я при всём моём миролюбии вынужден был предложить моим адвокатам вчинять иски за клевету. В настоящее время оба моих адвоката заняты собираньем фактов для судопроизводства. Поэтому очень прошу Вас и всех друзей, если бы вы услышали какие-либо клеветнические суждения с ссылками на американские или какие-либо другие газеты, или иные источники, сообщить мне об этом. Если эти сообщения могут быть усилены вырезками из соответственных газет, или другими документальными данными, то не откажите прислать мне такие материалы в двух экземплярах. Только что один наш корреспондент прислал такое вполне деловито обставленное сообщение, и я знаю, что наши американские адвокаты будут весьма признательны за такую защиту правды. Мне приходилось встречаться и с такими обстоятельствами, когда из самых лучших намерений, не желая беспокоить, друзья не сообщали о поразительных обстоятельствах. Но мы всегда просили не оберегать нам таким способом – всегда лучше и нужнее знать всю действительность.

В Америке друзья музея называют свою защиту крестовым походом за культуру. Так оно и есть, ведь личный элемент превращается в общественный. Клеветники бросают в меня свои ядовитые снаряды, как по головному кораблю, но в сущности они хотят действовать вообще против всех культурных и светлых проявлений. Вы уже знаете, какой год переживает земля. Потому, по завету апостола Павла, встанем за правду с оружием Света и в правой, и в левой руке. Заранее благодарю Вас всех за спрошенные мною сообщения. Ведь, в конце концов, мы даже не знаем первоисточника тёмных попыток. Конечно, мы знаем, что это не что иное, как сатанинская ложа, но какие у неё ответвления иногда уследить чрезвычайно трудно.

Теперь к делам Общества. Можем ещё раз подтвердить, что в всех делах мы настаиваем на общественности и самодеятельности. Просим лишь об одном: ввиду совершенно особых текущих обстоятельств, следует избежать каких-либо осложнений, которые могут выйти за пределы общества и будут истолкованы злоумышленниками в самом превратном смысле, во время особенно смятенных месяцев не следует давать враждебным элементам хоть какой-либо материал для злостолкований. Вы все как испытанные деятели вполне понимаете, о чём я говорю. Могут быть всякие у кого-либо даже вполне справедливые соображения, но и их придётся взвесить перед лицом общественности. Вы сами справедливо упоминаете о смущениях и редакциях. Значит, чьи-то глаза будут особенно пронзительно направлены на всё, что делается, и всё, решительно всё будет переоценено и перетолковано.

Если в общественных делах всегда нужна великая осмотрительность, то сейчас она необходим сторицею. Злоумышленники изобретают такие вымыслы, которые поражают своей грубостью и невежеством. Но если даже и такие грубые вымыслы находят место в разговорах и писаниях, то мы все должны твёрдо помнить, с какими чудовищно низкими и невежественными силами приходится встречаться.

Е.И. и я чрезвычайно ценим, что общество находится в руках такой заботливой и отзывчивой группы, как все вы. Поистине вы творите светлое дело, вы чувствуете, насколько нигде не должно быть места не только тьме, но и потёмкам. Все вы должны оставить молодому поколению наследство доброе. Если когда-то и Пушкин, и Лермонтов были убиты общественным небрежением, а Ломоносов и Менделеев не были приняты в Академию Наук, то ведь такого преступного небрежения не должно быть в будущем. Потому-то каждая дума о культуре должна быть вратами в будущее. И никому не может быть запрещено мыслить о лучшем будущем, о взаимопонимании, взаимоуважении и о правильной оценке истинных сокровищ.

Е.И. очень тронута Вашими общими пожеланием о здоровье её. Неудивительно, что здоровье её в плохом состоянии сейчас – ведь каждое сердце может вместить лишь известное количество ядовитых стрел. Предательство мрачное и неслыханное потрясает сердце, направленное к высокому творчеству. Наверное, Вы читали среди присланных моих записных листов ВЕЛИКИЙ ОБЛИК, и поняли, о ком я говорю. Когда же люди научатся бережливо относиться к своим истинным ценностям. Не пора ли отставить чудовищное людоедство, доставляющее лишь радость самому сатане.

Вы, только что совершившие прекрасное дело, издание НАЧАЛА Оригена, верно не раз подумали о том, сколько ужасных преследований перенёс этот высочайший просветитель, подвижник Света, и посейчас мне приходилось слышать, увы от священнослужителей о том, что Ориген еретик. Даже и написать такое кощунство страшно, а ведь оно всё же произносится. По такому же предписанию были запрещены в Харбине ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ, а имя Толстого ещё раз было предано презрению. Вот в какие времена мы живём. Сплотиться надо перед лицом такого потрясающего невежества. Всякие внутренние соображения тонут во время атаки вандалов и клеветников. А ведь будущее спешит, и прекрасно это будущее – лишь бы дотерпеть в дружном единении. Просим Вас всех об этом и шлём Вам наши лучшие сердечные пожелания.

Письмо это придёт уже после Светлого Христова Праздника. Христос воскреसे – во всё глубочайшем значении этих двух великих слов. Заповедан человечеству воскресение Духа и светлое обновление Бытия. Станем крепко со всем мужеством и непобедимостью.

В мыслях и в духе мы оба всегда с Вами со всеми.

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих. Чаша Христа. 1924.

Н.К. Рерих Пасхальная ночь. (С нами Силы Небесные невидимо служат). 1936.

**9 апреля 1936 г. Наггар, Кулу
Николай Рерих Рихарду Рудзитису**

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
9 апреля 1936 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогой Рихард Яковлевич,

Спасибо за письмо Ваше, из которого видим, что Вы все поняли наши советы. Поистине, в такие трудные дни, как сейчас, нельзя мыслить обычным порядком и нужно помнить, что тёмные силы из обычного образа мышления делают свои предательские выводы. Не буду углублять этот предмет, ибо из письма Вашего ясно видим, что Вы все того же мнения и понимаете, что во время битвы нельзя усложнять положение. Словом, мы уверены, что Вы делаете так, как лучше. Ведь доверие и выражается именно в уверенности, что, если друг что-либо делает, он поступает именно так, как нужно по обстоятельствам.

Посылаю Вам страницу посвящения, которую Вы вставите перед текстом книги *Врата в Будущее*. Из присланных Вами двух образцов обложки для *Общины* лучше более красный, на котором пометка: образец для *Иерархии*. О книге *Община* не нужно делать какое-либо особое объявление. Пусть она входит в жизнь своим чередом, как и указывает год на обложке. В конце *Общины* будут помечены только первые три книги, но не последующая серия Агни-Йоги.

Нас чрезвычайно радует и сама идея издательства-кооператива, и Ваше общее горячее и вдумчивое отношение к этому делу. Мы уверены, что при терпении, бодрости и настойчивости это дело станет прочно. Ярким примером этому является журнал, издаваемый Асеевым. Приятно видеть, как за сравнительно короткое время это издание широко распространилось буквально по всему свету. Уже на Дальнем Востоке повсюду мы слышали о нём, и в Польше, и во Франции, и в Америке – всюду оно распространяется и обсуждается. Есте-

ственно, оно обсуждается различно: и дружественно, и враждебно. Иначе и быть не может, ведь тёмные силы не могут приветствовать такое полезное и своевременное издание. Но рычание тёмных сил и есть уже яркая похвала самой сущности издания. Ужас заключался бы в том, если бы какие-либо мракобесы нашли возможным восхвалять Учение Истины. От всякой правды, от всякого истинного знания и красоты мракобесы впадают в корчи. Знаю, что и это Вы понимаете всем сердцем, и потому нам так ценно общаться с Вами, понимающими сущность дела. Ведь слагать лучшее будущее можно лишь в полном понимании. Елена Ивановна шлёт Вам лучший привет и вместе со мною радуется о Вашем глубоком понимании и преуспевании. Привет всем друзьям.

Сердцем и духом с Вами, Н. Р.

Ещё раз повторяю, что в копии манускрипта *Врата в Будущее* могут быть опiski.

С этой же почтой послан Знак Карлу Ивановичу и сообщено, кому он дан.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

9 апреля 1936 г.

Письмо Н.К. Рериха к Муромцевым⁴

Христос Воскресе

9-го Апреля 1936 г.

Большое спасибо за Ваши милые письма. Все мы так рады были получить эти всточки.

Также спасибо и за всё Ваше сочувствие в наших делах в Америке. Кто бы мог думать, что так долго трое злоумышленников скрывались в овечьих шкурах. Ведь мы ни на кого не нападали, а на нас и на трёх честных сотрудников скоропостижно напали разбойники на большой дороге. Только подумать, на что дерзают злоумышленники. Несмотря на имеющиеся расписки, они объявляют, что шеры принадлежат им – прямо явное вредительство. Затем они объявили, что все манускрипты Е.И. являются их собственностью, несмотря на все явные письменные доказательства противного. Кроме того, они донесли также департаменту о том, что девять лет тому назад я, будто бы, не платил налога с экспедиционных сумм. Но ведь все знают, что суммы экспедиции налогу не подлежат. К довершению своих злодеяний они поместили в газетах зловреднейшие и нелепейшие вымыслы о Манжукуо-спай. Вот до чего доходит человеческая мерзость, когда люди, сбросив с себя личину и пользуясь моим отсутствием, хотят завладеть чужою собственностью.

Вы, вероятно, уже слышали, что буквально накануне Рождества они собирались выбросить на улицу трёх сотрудников, положивших пятнадцать лет труда в деле образования. Также осведомились мы, что из того же гнусного источника рассылались подмётные письма против Пакта. Не буду говорить в письме ещё об одном их мерзком злодеянии, о котором расскажу Вам лично. Скажу только, что к довершению всего они совершили именем Е.И. отвратительный подлог в таком масштабе, на который даже не дерзнут опытные гангстеры.

---

⁴ Муромцевы: Илья Эммануилович, Ксения и Галина, родственники Е.И. Рерих – Ред.

Особенно же всё это отвратительно, ибо происходит там, где было водружено Знамя Мира, и где в основу были положены начала Живой Этики. Ведь эти люди знали Благое Учение, и всё же звериная природа взяла верх, и для овладения они преступно и самоуправно нарушают все Законы Божеские и человеческие. А если бы Вы только видели все бесчисленные хвалебные суперлативы, которыми они наполнили все письма, вплоть до середины прошлого года.

На первый взгляд такой стремительный полный вольт-фас прямо необъясним, но присматриваясь к некоторым таинственным подготовкам, можно видеть, насколько всё это было заблаговременно задумано.

Конечно, все лучшие люди с нами. Уже создан новый Комитет защиты. Кроме того, во всех других городах и странах деятельность не только продолжается, но и растёт. Так всё время мы узнаём об образовании новых наших отделов на новых местах, напр. В Загребе, в Австралии и на Дальнем Востоке. Но Вы можете себе представить, как вся эта предательская мерзость отражается на сердце Е.И. Сколько сил и средств приходится затрачивать на отражении е сил тёмных, вместо того, чтобы двигать вперёд культурную работу. А ведь время такое особенное, и наверное Вы чувствуете весь Армагеддон текущего года.

На очень тронула преданность И.З. Учению, и как Вы при каждом удобном случае распространяете слова Правды. Вы будете рады узнать, что наше латвийское общество издало и третью часть Мира Огн., и будет печатать ещё некоторые книги. Наверное Вы видите и Журнал доктора Асеева «Оккультизм и Йога», издаваемый в Югославии. За короткое время это издание широко распространилось.

Итак, Ваше молодое поколение двигается вперёд, пожелаем молодым преодолевать жизненные трудности. Как всегда, мы все в работе, и шлём Вам наши самые сердечные пожелания. Каждая Ваша весточка нас искренно радует.

Сердцем и духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

15, 16 апреля 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. и Е. И. Рерих в Америку

15.IV.36

Родные наши З[ина], Фр[ансис], Ам[рида] и М[орис],

Получено доброе письмо от Формана, на которое и ответим. Он совершенно справедливо возмущается на тех, кто выказывали такой интерес к книгам Живой Этики, [а] теперь выбросили их как негодные вчерашние газеты! Действительно, такое отношение к тому, чем трио будто бы жило 14 лет, поистине потрясающе. Также и уничтожение знака, значение которого им было известно. Разве это не святотатство! У Фр[ансис] имеются вырезки из прошлогодних июньских газет с клеветническими статьями Поуэла. Одна газета была "Chicago Tribune", а другая, если не ошибаюсь, "Washingt[on] Post". Может, были и перепечатки тех же мерзких статей. Не думают ли адвокаты предъявить иск и к этим газетам за статьи Поуэла? Ведь со времени помещения этих статей не прошло ещё и года, а они, во всяком случае, содержат ложные сведения, бросающие тень. Ведь мы имели доказательство, что перепечатаны они были во многих других газетах. Д-р Хассельман из Манилы прислал нам такую

местную вырезку, возмущаясь ею и спрашивая, будет ли достойный amendment? Такое же возмущение произвели эти статьи и в Китае. Конечно, они же подали повод и к злощептаниям, и злорадству во всяких старых домах. Пусть Франс[ис] ознакомит адвокатов с этими вырезками, и пусть они решат, не следует ли тронуть и эти газеты, если наши адвокаты будут вполне уверены в достаточном доказательстве. Конечно, адвокаты должны иметь в виду, что эти большие газеты могут выпустить на них своих очень сильных адвокатов, и потому с такими противниками можно состязаться лишь при наличности твёрдых, по местным законам, данных. Помните поуэловские измышления о большом казачьем отряде, снаряжённом нами? Ведь такое измышление затрагивает многие страны. И сделано оно с явной вредительской целью, чтобы в некоторых странах создать впечатление о чем-то политическом. Вы ведь знаете, что весь этот огромный казачий отряд был персонифицирован одним стариком поваром. Ведь Фр[ансис] помнит, что именно эти статьи положили начало разрыву бывшего Друга с нею и нами. Таким образом, первый и всякие последующие ущербы уже налицо. Получается какой-то заговор, и, в конце концов, нужно же когда-то распознать, где же его истинная основа и источник? Нелепее всего то, что, по совести говоря, мы не знаем, в чём состоят эти заговоры. Мы знаем, где они, и знаем сущность их, но внешняя местная формулировка необходима для отражения и пресечения. Ведь для адвокатов не только нужно знать о сущности, но и о формальных выражениях. Мы знаем о заговорах и не удивляемся их существованию, иначе и не было бы тьмы вообще. Знаем также, что чем успешнее мы будем в одной части процесса, тем глубже будет вражеский подкоп с какой-либо другой. Ведь битва есть битва! Во всём её и тёмном значении. Хотелось бы нам уже послать что-либо и для Клайд, но неясность с тайной Меррита ещё раз напоминает нам об осторожности. Как характерно всё, что Мерр[ит] сообщал Фр[ансис] о местном положении, – если зло так широко распространилось, то ведь оно будет отражаться и на всех делах. Потому-то такая небывалая предусмотрительность и убедительность нужна. Вы читаете теперь пресловутые дневники и герорт'ы и ещё раз убеждаетесь и понимаете, как трудно было строить и как нужно было дотянуть до срока. Ведь Вы всё помните и наше последнее собрание перед моим последним отъездом. Вы чувствовали, в каком настроении мы уезжали. Да и могло ли быть иначе, ведь в напутствие мне было самой предательницей сказано, что они не будут с Вами работать. А затем начались кощунства и святотатства уже явные. Создался ли второй Комитет? Сейчас должны быть призваны и все резервисты. Встречайте больше людей. Фогель есть тот адвокат, о котором слышала Франс[ис]. Конечно, он не может быть нашим адвокатом, но, как Сказано, может быть полезен, ибо у него есть друзья в политических кругах. В этих путях может быть существенная польза. Не откладывайте. Указанная Мартин находится при Клайд. Удивлялись мы встретить имя Линден в описанной Вами комбинации. Неужели она на той стороне? По видимости она была порядочной. Nincomпроор писал Морису о disloyalty. Любопытно, какая же такая формула существует и какие к ней доказательства? Думаем, не передаются ли кому, возможно, какие-то сфабрикованные чёрные messages! Вот почему так важно, что сейчас ускоренным порядком выходят книги Учения в Риге. Уже вышла третья часть [“Мира Огненного”], и печатается “Общ[ина]”, и готовится к печати “Аум”. Скоро приступят к изданию первой части моих последних записных листов и просят составить книгу из писем Е.И., но, к сожа-

лению, она не имела ещё времени их проредактировать. Чрезвычайно важно, что и книга Франс[ис] подоспела, и так нужны были бы, как Указано, и добрые заметки в газетах и журналах. О книге Франс[ис] можно было бы получить целый ряд отзывов. Но не знаем, насколько издатели книги располагают свободными для этого экземплярами. Вы знаете, что без посылки книги невозможно получить отзыв о ней.

16.IV. Указано повидать людей из Аргентины – полезно. Также – заговор сил тёмных не мал. Старый дом пытается собрать всякие ложные показания. Они грубы и ложны. Следует при появлении их не обнаруживать никакого смущения. Нужно назвать их ложью, но внутренне нужно понять, что и они полезны, – так пусть лопнет нарыв ст[арого] дома. Значит, подготавливается новая фаза заговора тёмных. Но раз Вы о ней будете знать, то отразите этим кустарные попытки с лёгкостью. Может быть, такие лица, [как] Фог[ель], располагая новыми кругами знакомства, могут быть полезны. Куда исчез Баттль? Ведь его мнение о всех этих обстоятельствах чрезвычайно ценно. В списке лекторов мы видим проф[ессора] Оверстрита, о котором Фр[ансис] была хорошего мнения. И Бабет Дейтч, которая написала о моём искусстве такую прекрасную статью. Интересно, какие именно инволюции происходят с людьми, которые уже выразались определённно? Любопытно, в чём же именно заключается эта disloyalty, о которой поминает pincompoor в своём письме к Морису? Такие злобно туманные словоизвержения нужно выявлять, иначе их невозможно пресечь. Ведь тёмные должны же противопоставлять хоть и измышленные, но конкретные наветы. Если допустить такому чертополоху разрастаться, то ведь негодьям слишком легко твердить о какой-то disloyalty to the case, надеясь, что никто не спросит их уточнить их мерзкое клеветническое словцо. Ведь культурная деятельность не только продолжается, но и разрастается. В последней почте пришло новое сведение, что в Белгр[аде] некоторые проф[ессора] хотят создать тип свободной Академии имени Р[ериха] (пока об этом очень не распространяйте, ибо уже ранее мы знали, насколько тамошнее амер[иканское] посольство враждебно), не будем тёмным давать пищу. Пусть думают, что ничего не делается. Также любопытно, какими же наветами может пользоваться Ст[арый] Дом? Неужели они дойдут до того, что по указке трио вытащат харб[инское] враньё Васьки Иванова и Голицына? Вы уже знаете, насколько низки эти оба типа. Кроме того, харб[инская] мерзость была в ноябре 34-го года, а 15-го марта 1935-го года токийское министерство извещало нас о “sheer ignorance” этих русских низких типов. Таким образом, токийская бумага, копию которой Вы имеете, вполне опрокидывает всякую ссылку на выпад харб[инских] жёлтых листков. Как образец этой грубой лжи можете указать, что в этих статьях указывалось, что Е.И. постоянно живёт в Адиаре и вместе с Безант готовила Кришнамурти к его деятельности мирового Учителя. На самом деле, как Вы знаете, Е.И. никогда в Адиаре и не была и ни Безант, ни Кришнамурти не встречала. Там же сообщалось, что я выдаю себя за перевоплощение Св.Сергия! После таких нелепо грубых и лживых сообщений для каждого здравомыслящего ясна степень той “sheer ignorance”, о которой упоминалось в имеющейся у Вас бумаге. Пусть адвокаты не отложат своего посещения к яп[онскому] консулу с этой копией токийской бумаги и проведут эту беседу в дружеских тонах, чтобы ещё раз утвердить нейтральность консула. Сообщите также адвокатам, какого свойства были ам[ериканские] представи-

тели в Харб[ине]. Вы ведь помните сведения об ам[ериканском] вице-консуле. Также помните о пресловутых телеграммах Ст[арого] Дома, копии которых переданы бывшим другом Франс[ис]. Вообще всё полученное Франс[ис] от бывшего Друга необходимо хранить в одном файле, ибо никогда не знаете, как и для чего пригодятся эти пресловутые документы. Потому так необходимо держать их наготове в полном порядке. На крайний случай у нас есть эти копии. Вся мерзкая кампания о Маньчж[оу-Го] тем нелепее, что за всё наше пребывание в Монголии я не имел буквально ни одного разговора, касавшегося политики. Письмо монг[ольского] князя, напечатанное в газете, достаточно подчёркивает просто дружественные сношения, в которых никакой политики нет. Если бы бывший Друг хотел объяснить сельскохозяйственный кооператив как политику, то каким же образом он сам в нём хотел участвовать и внёс 4500 ам[ериканских] долларов на начало кооператива? Пусть и об этом адвокаты знают, ибо идея культурно-экономических кооперативов всегда была в нашей программе, чтобы все культурные дела не рассчитывали только [на] пожертвования, но были бы самостоятельными и самооплачивающимися. Ведь и здание Музея предполагалось на том же кооперативном основании, и лишь амер[иканский] кризис 30-го года подорвал эту программу. Вот и в Риге сейчас сложился издат[ельский] кооператив, проектируется и другой.

Итак, будьте в полной готовности отражать всякие заговорщицкие попытки. Ведь и “Бел[уха]”, и “Ур” – все они предполагались, как кооперативы для широкого экономическо-культурного преуспевания. Всё происходящее сейчас в мире достаточно доказывает, насколько успешно нужно прививать основы Культуры. Так, помните, родные, что “всё на пользу”, и встречайте все тёмные атаки с оружием Света в доспехе Культуры. Возмущение вод необходимо для исцелений! Шлём Вам, родные, все наши самые сердечные думы, любимемся милой карточкой Мориса. Она доставила нам истинную радость. На (Е.И.) столе целая галерея портретов близких, и мы любим посылать им привет сердца. Берегите здоровье. Обнимите Амр[иду]. Она ещё раз проявила трогательную заботу. И так любовно относится к Вам.

Ещё раз окружаем Вас сердцем.

Духом с Вами,

Е. и Н. Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

19 апреля 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку

19.IV.36

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Ам[рида] и М[орис],

Вчера отправили Вам телеграмму, предупреждая, чтобы предатели не стали извращать и злоупотреблять манускриптами-тетрадами. Ведь манускрипты были даны лишь на хранение, а некоторые тетради были даже запечатаны. Потому если бы предатели стали злоупотреблять извращением смысла, то они покажут этим злоупотребление им доверенным на хранение имуществом.

Наверное, адвокаты знают соответствующую статью закона, охраняющую имущество, доверенное на хранение. “Вор поможет” – Вы помните это. Потому если будет достаточно выявлен преступный лик предателя в воровстве shares, или манускриптов, или в каких-либо других деталях дела, то все

остальные его ухищрения приобретут в глазах старых домов и прочих построений совсем иную окраску. Был ли в “Нов[ом] Русск[ом] Слове” русский перевод письма Ст[окса] или Косгрева? Если они ни с того ни с сего напечатали письмо Флейш[ера], то они обязаны поместить и ответ на него.

Также весьма любопытно выяснить причины охлаждения Кунц Бэкер, о которой мы говорили так много хорошего и хотели, чтобы именно она стояла и во главе Женского Единения. Как Вы помните, обе предательницы были именно против этого нашего предложения и поделили все места между собой. Действует ли теперь Единение Женщин, и вообще, какие организации перекинулись на ту сторону? Также любопытно выяснить и позицию Кеттунен. Не думал я, что в ней может жить неблагодарность. Ведь с самого начала буквально постоянно мы окружали её вниманием и доброжелательством. Какие же причины могут быть к тому, чтобы она вообще даже не ответила на мой привет? Вообще осталось неизвестным, получили ли некоторые лица приветы от Е.И., посланные ею с Леви отсюда в 30-м году. Со слов Гребенщ[икова] мы знаем, что он такого письма не получил. Возможно, что и другие также не получили. Также любопытно, вернулись ли Греб[енщиковы] из своей поездки? Ничего о них не слышно. Имеете ли Вы какие-либо данные от Завадск[их], ведь Ниночка вызывала к себе большое доверие и не раз выказала своё честное отношение. Всё больше и больше необходимо выяснять состояние общественного мнения, ибо никто не сомневается в том, что с противной стороны употребляются все самые низкие меры, чтобы затемнить или, по крайней мере, усложнить отношения. Телеграфировали Вам и о танке Мерриту. Ведь по нынешним временам всякие неожиданности возможны.

Сейчас получили Ваши письма от 1–3 апреля. Прекрасно, что наши адвокаты чувствуют под собою такую твёрдую почву. Нужно надеяться, что другие два советника не будут их чем-либо расхолаживать. Понимаем Ваши соображения относительно того, что жалоба district attorney должна быть принесена после гражданского дела. Но во всяком случае такое уголовное преследование, подсказанное самим Ф.Ст[оксом], должно оставаться как истинное устрашающее обстоятельство для преступников. Удивляемся, что за целую неделю Вы не имели наших вестей. Ведь мы пишем отсюда не менее двух раз в неделю, а иногда и три, а за прошлую неделю было даже четыре. По номерам писем можете следить, в порядке ли всё доходит. Также важно установить, сколько именно дней берёт наше письмо отсюда. Ваши письма мы получаем через семнадцать-восемнадцать дней, но был случай, когда получили даже на шестнадцатый день. Все эти соображения тем более необходимо устанавливать, что никогда не знаете, какие специфические затруднения могут возникать; потому мы также беспокоимся о танке для Меррита, посланной ещё в декабре. Неимение сведений о её получении останавливает и посылку нашу вещей для Клайд. Кто знает, может, где-то изобретены какие-то препятствия? Относительно самой Клайд, конечно, нам всё равно, начнёт ли она своё дело самостоятельно или в каком-либо партнерстве. Конечно, если галерея, в которой она теперь работает, обременена долгами, то, естественно, невозможно принимать на себя такую чужую тягость. Если две подруги, из которых одна была названа (Мартин), также желают фактически участвовать в её деле, то такой триумvirат может быть очень жизненным. Конечно, Вы помните всегдашний наш совет о том, что каждое дерево должно расти постепенно, а потому не следует зарываться вначале слишком большими размерами. Ведь и не боль-

шое размерами дело может вполне носить культурный достойный облик. Лишь бы не было пошлого безобразия. Журнала “Земля Колумба” мы ещё не получили. Посылаю Зине для передачи им моих статей (“Стойкость” и “Помощь”), кажется, обе они ещё не были в амер[иканской] прессе. Если одна из них уже была напечатана, то пусть Зина заменит её другим Записным Листом. Благодарим Фра[нсис] за южноам[ериканские] адреса. Конечно, Вы понимаете, что об Аргент[ине] мы писали не по поводу тамошнего местного общ[ества], но имели в виду Собрание, созываемое главою, о котором Вы нам и писали. Через местных людей следует оградиться от опасности, чтобы это собрание не вылилось во что-то вредное для Пакта. Ведь в Аргент[ине] были хорошие друзья и, насколько помню, книга Коразон была издана в Б[уэнос]-Айресе с аргент[инским] предисловием. Наверное, эти друзья Франс[ис] не замолчали? Также интересно, когда именно наши адвокаты предполагают начать беспокоить бывшего Друга по поводу медицинских корней К., – ведь у Франс[ис] имеется переписка об этом, выдержки из которой она пересылала Свят[ославу]. Как только будет нужно, Свят[ослав] вышлет и все остальные части переписки.

Получили мы и читали с великой радостью коллективное послание, составленное 24-го марта. Сердечно благодарим всех и устроительницу этого дружеского собрания. Трогательна такая забота её. Ответим также соборным посланием. Находит ли Эвелин удобным, чтобы муж её принял участие в Комитете? Ей виднее. Если Брэгдон так ответил предателям, то это очень хорошо и ещё раз показывает его истинную культурность. Пусть ещё и ещё наши адвокаты имеют в виду, что чем больше будет лучших фактов на их стороне, тем мерзостнее будут вымышлять и нападать предатели. Предполагаются ли какие-либо заседания Комитета, учредился ли окончательно второй Комитет и что происходит в среде bondholder’ов? Ведь Сутро писала в комитет bondholder’ов, а затем и Косгрев; вообще нет ли каких-либо шевелений и с этой стороны – ведь предатели, наверное, разбрасывают всюду свои посягательства? Сказано: “Можно себе представить, какие кощунственные выкрики допускаются одержимыми!” Письмо Леви к Зине безобразно и ещё раз доказывает их методы и образ мышления. Когда shares будут возвращены их настоящим собственникам, то тогда опять двое Леви окажутся против пяти, ведь все самозванно назначенные должны будут убраться из Мастер-Института. Долго ли Эрнст будет продолжать вести дело против своих же клиентов и прикрывать такие, явно тёмные, махинации? Даже слух о том, что Эрнст не брезгует и такими тёмными делами, будет очень губителен для его карьеры. В “Добротолюбии” говорит Преп[одобный] Исайя: “Если простишь противоборца – получишь врага”. Так важно со всею яркостью обнаружить вор[ов] и их тёмные махинации – это упростит дальнейшее. Глин окажется другом вора!

Наступившие жаркие дни, к сожалению, не способствуют здоровью Е.И. – глубина напряжения очень велика. Шлём Вам, родные, наши мысли о грядущей яркой победе. Радуемся единению – сим победиши! Берегите здоровье.

Сердцем и духом с Вами,

Н. и Е. Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

МАЙ

*8 мая 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Клизовскому А.И.*

8-го Мая 1936 г.

Пишу Вам и за Е.И. Елена Ивановна опять нездорова, опять возгорание центров и целый ряд дней была в постели. Сейчас есть улучшение, но нужна большая осторожность.

Спасибо за Ваше письмо и статью. Возвращаем её с некоторыми пометами. Вы правы, предполагая, что для журнала она будет длинна. Если даже Вы вынете отмеченные места, то и то она не будет журнального размера. Потому Ваше предположение издать её в виде совершенно общедоступной брошюры, наиболее удачно. В журнал Асеева эту статью не посылайте. Только что мы послали Асееву очень важное для него сообщение. Скажу тоже самое и Вам, и Вы, наверное, глубоко поразитесь тому, что и такие крупные обстоятельства возможны в наши смущённые дни. Никто иной, как тот же самый Васька Иванов получил торжественную грамоту от Карловацкого Синода в Югославии, с выражением благодарности за «защиту исконных русских начал». Таким образом делается очевидным изругать Петра Великого, назвать Кутузова изменником, очернить Пушкина, Толстого и всю Россию есть наисквернейший путь к получению торжественной синодальной благодарственной грамоты.

Вот до какого мрачного одичания доходит человечество. Мало того, тот же В. Иванов в сообществе двух столь же мрачных сопутников избирается в качестве лучших людей представителями от Харбина на духовный Собор в Югославии. Вот до чего дошло человечество. Об этом мы известили Асеева, ибо при наличии таких махровых мракобесов могут быть всякие выпады, и потому с его стороны должен быть проявлен особый священный дозор.

Воображаю, как вы и Ваши друзья будете изумлены такими сведениями. Когда мы получили от нашего содружества в Харбине с приложением газетной вырезки, мы были искренно изумлены, ибо очевидно, что мракобесие не имеет предела.

Также Вы будете изумлены и другому сообщению, которое мы получили сегодня из Парижа. Может быть Вы знаете, что газета Возрождение перепечатала американскую клевету. Теперь же эта газета, по извещению из Парижа, оказалась провокаторской. Второе отделение французского генерального штаба произвело обыск, причём был арестован некий тип с тёмным прошлым. Вот какого типа газеты нападают на нас и являются рассадниками всяческой клеветы. Даже франц. ген. штаб должен был действовать. Поистине распространение мрачных сатанинских сил. И явно, и закулисно во всевозможных отделениях работают тёмные силы. Невозможно различить, кто работает с ними сознательно и кто бессознательно. Ведь мрачные сущности могут приближаться ко всяким алтарям и маскировать себя всякими перефириалиями. Потому-то так нужен священный дозор, во всей своей бесслепоте и бдительности. Мрачные силы заняты лишь разрушением. Вот разрушены древние Коптские храмы, вот горят коптские монастыри.

Лишь бы было для кого ненасытного разрушение – кровопролитие, взаимоудушение, лишь бы земля делалась ареной всевозможных мрачных проявлений. Как я уже писал многожды, силы тьмы организованы, а соратники Света часто рассеяны и шатки, и легко склоняются ко всяким сомнениям. Чтобы противостоять всем ужасам Армагеддона, требуется полнейшее единение и сердечное доверие. Культурный слой земли весьма тонок. Какая же сугубая бережность должна быть проявлена, чтобы охраниться и найти силы преодолеть все препятствия.

Но знаем мы, что тьма конечна, Свет беспределен. Потому возможно лишь служение Свету. Всякие шатания и колебания недопустимы. Если синодальные грамоты даются на поругание всех деятелей русской культуры, это значит, что сатанинские силы особенно изобретательны в своих проникновениях. Сейчас в Америке наблюдается любопытное явление. Предатели всячески стараются отложить судоговорение. Даже прибегают к ложным показаниям и болезни своих адвокатов. Дают удостоверение в том, что адвокат их в день суда находится в госпитале, тогда как они были в своей конторе и принимали посетителей. Надеемся, что и Вас всё благополучно. Получили мы ещё экземпляры Третье части М[ира] О[гненного] и радовались сердечно, видя как растёт древо благое и прочное.

Передайте всем сочленам и содружникам наши самые душевные пожелания, и будьте все на бодром священном дозоре.

Е.И. шлёт Вам свои сердечные мысли и ответит на Ваши вопросы, когда здоровье позволит.

Сердцем и духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва, (машинопись)

Руины коптской церкви возле храма Хатор, Дендера (Фото 1934 г.)

12 мая 1936

Письмо Н.К.Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
12 мая 1936 г.

Дорогой Рихард Яковлевич,

Получили Ваши прекрасные письма от 30-го по 2-е. Получили их перед самой отправкой воздушной почты, и потому спешу ответить Вам сейчас же. Е.И. всё ещё нездорова, и потому пишу и за неё. Очень медленно идёт поправление, да и современные обстоятельства не способствуют. Дай Бог, чтобы Ваше собрание, бывшее позавчера, привело бы к мирным, соответственно к нынешним обстоятельствам, решениям. Очень рады, что Вы и Ваши сочлены понимаете нашу точку зрения и ту особую осмотрительность, которая диктуется обстоятельствами. Благодарю за присланную газету *Радость о книге*. Вы отметили очень характерный пропуск, и для меня совершенно непонятный, ибо в этой фразе я именно хотел отметить достижения Латвии. Благодарим и Валковского за газеты. Будем очень рады, если назначаемый председатель культурного объединения окажется именно тем желательным лицом, как Вы это указываете. Нас очень поразило Ваше сообщение о том, что книга *Священный Дозор* продаётся в Риге. По моим сведениям, она была запрещена харбинской цензурой. Кроме того, книга эта принадлежит мне, и потому мне надлежало бы знать о её движении. Будьте добры, приобретите для нас и пришлите сюда два экземпляра. Весьма интересно, совпадает ли её текст с присланным Вам экземпляром. Что-то весьма таинственное звучит около этой книги.

Нельзя ли узнать в книжных торговлях, много ли имеется продажных экземпляров? И не знают ли книгопродавцы, имеется ли книга в Париже, в Берлине, в Югославии и в других местах? Если для печатаемых книг ещё не разрешено издательство *Агни*, то ведь вполне возможно употребить присланный знак как заставку и, может быть, соединить его со словом *Огонь* по-латышски. Впрочем, на месте Вам виднее, как легче и лучше устроить ко Благу. Ведь и кооператив – сотрудничество заключается не в формальной бумаге, а, по существу, в сердечном содружестве. Очень рады слышать, что *Врата в Будущее* уже набираются. А *Община*, вероятно, уже и напечатана. Радуемся, что Гаральд Феликсович сделался активным членом, и весьма было горестно слышать о некоторых переживаниях. Поистине, как сказано, «радость есть особая мудрость». Тем более можно ценить радость о Свете. Относительно Алексеевых уже было сказано совершенно определённо. Вообще, Вы можете не раз убедиться в жизни, какие бывают последствия одержания. Спешу отправить. Пожелаем Вам, всем друзьям-сочленам успех и радость. Скажите мой привет Судрабкалну. Кто напишет о *Вратах в Будущее* для *Сегодня*? Всего светлого,

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Прилагаемое воспроизведение можно было бы закантовать на тёмно-коричневом фоне и повесить в помещении Общества.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

14 мая 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериху в Америку

14.V.36

“Родные наши З[ина], Фр[ансис], Ам[рида] и М[орис],

Всё ещё Е.И. не совсем поправилась, очень медленно восстанавливается здоровье, а, впрочем, по текущим обстоятельствам всего мира это вполне понятно.

Разве не характерно, что Браун настоятельно хочет наедине видеть К.? Тигр приглашает к себе в берлогу, чтобы наедине показать свои зубы. Можно себе представить, какие бездны лжи, вымогательства и устрашения измышляются тёмными силами. Опять вспоминается, как Белокурая здесь обрезала конец телеграммы и вытирала, и вписывала в письмо Леви, которое Е.И. потребовала показать ей. Если известны два таких безобразных поступка при существовавшем тогда полном доверии, то можно себе представить, какая кухня подделок и подтасовок существует сейчас. Ведь они могут приписать и подделать всё, что угодно. Например, Белокурая в бытность её здесь переводила и писала на своей машинке все письма Е.И. Легко можно себе представить, сколько страниц можно изменить в многолистном письме, ведь подпись, или монограмма, лишь на одном листе! Там, где преступная злая воля готова очернить весь мир, лишь бы завершить свои преступления, там можно ожидать всевозможнейших подделок и наветов. Посылаю Вам по-англ. для Вас и для друзей, крик моего сердца. Ведь действительно ужасно подумать, что по мановению одного злоумышленника целые группы людей будут совершать безобразнейшие действия, которые останутся накрепко вписанными в историю Искусств и Культуры.

Очень хорошо, что наши адвокаты вполне уверены в своих доводах по делу налогов. Но пусть они всемерно осознают, насколько находчивы и организованы тёмные силы. Ни дня, ни часа не может быть потеряно для того, чтобы противостоять злу. Может быть, даже слишком слабо сказано: ни дня, ни часа, но уже нужно сказать: ни часа, ни минуты. Ведь отличие тёмных в том, что они необычайно яры, лукавы и неразборчивы в средствах. Нужно помнить, что силы тьмы знают, что это их восхождение и усиление кратковременно. Потому-то они спешат уничтожить и разложить всё, что могут, чтобы продлить своё мрачное существование. Не следует думать, что силы тьмы нечто откладывают, потому что они чего-то боятся, наоборот, им нужно время лишь для приготовления новых ядов и всякого подкопного вредительства. Тигр настаивает, чтобы увидеть свою жертву наедине, и думает, что кто-то пойдёт в его берлогу. Конечно, это наивно, лишь показывает, насколько тёмные пользуются всеми средствами. Помните, как и Вам предлагались квартиры на один год, но с тем, чтобы Вы подписали бумагу с отказом от всего Вашего достояния. Это тоже было крайне наивно со стороны сил тёмных. Также наивно срезать конец телеграммы или грубо подчищать письмо, но ведь и с такими фактами мы уже встретились. Какая необыкновеннейшая бдительность, и зоркость, и подвижность нужны всюду, где возможны тёмные тропы! Малейшая неосторожность может производить неприятные последствия. Сейчас мы встретились с таким, хотя и небольшим, но показательным проявлением. Вернувшись из экспедиции, я нашёл книгу некоего виндавского писателя Конр[ада] Принца – Рыбакова с посвящением мне, копию которого Вам для сведения посылаю. Прочтите её внимательно и оцените в ней и “скребу-

щегося в дверь”, и одержание империлом. В то же время я узнал, что председ[атель] нашего Латв[ийского] Общ[ества] Стурэ имел с этим Принцем раз-молвку по поводу его книги “Импер[атрица] Нур”, окончившуюся разрывом и воспламенением авторского самолюбия Принца. Теперь мы получили сообщение о том, что Принц в своей последней книге “Во власти Кармы” до половины книги хвалит Учение и цитирует его, а затем во второй части свирепо и кощунственно на Учение и на нас нападает. Подробности мы ещё не знаем, ибо книги не имеем и просили нам её выслать. В этом эпизоде всё показательно. Явная ненормальность автора, превозносящего в первой половине то, что он поносит во второй части. Не есть ли это повторение методов тёмных сил и в Нью-Йорке? Показательно также и то, что критика произведений К. Ив. Стурэ вызвала взрыв и ползание новой клеветы. Это лишь показывает, насколько нужно быть осторожным и “не дразнить диких зверей”. Неожиданно узнали, что “Священный Дозор” продаётся в Париже и Риге. Как всегда, о Париже мы увидели это здесь в газете, но не от Ш[клявера]. Непонятно, каким образом это произошло? Нет ли этой книги и в лавках Америки? Если есть, то можно бы послать отзыв в “Рассвет” и “Свет”. Прекрасно написали наши адвокаты своё заявление по делу о клевете. Будем надеяться, что справедливость восторжествует. Главное же, чтобы адвокаты не падали духом и всё время находили бы новые аргументы. Наверное, они понимают, что противная сторона во всех отношениях будет изобретать всякие ухищрения. Тёмным, конечно, хотелось бы безобразно распродать картины, и, наверное, такое вредительство в их плане, но наши адвокаты должны быть во всеоружии. Посылаем для Франсис отзыв о её книге из хорошего южноиндийского журнала “Сколяр”. Надеемся получить и ещё два отзыва. Можно бы иметь и больше, но, не посылая экземпляров самой книги, это невозможно. Сегодня Е.И. опять себя чувствует хуже, должно быть, затевается новое злоумышление. Наши адвокаты пишут, что за 35-й год с меня налогов не причитается. Не выходит ли, по их мнению, что Юрий за прошлый год заплатил зря? Впрочем, в таких вопросах лишь местные адвокаты могут судить. Письмо это дойдёт к Вам уже в июне. Пожелаем, чтобы за летнее время устремление друзей не поникло, а, наоборот, укрепилось бы в сознании справедливости. Конечно, знающие Живую Этику знают, за что они сражаются. Берегите драгоценное единение и здоровье.

Все наши мысли с Вами, сердцем с Вами. Р.

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Учителю Николаю К[онстантиновичу] Рериху.

“Ты, позвавший меня на путь труда, прими умение моё и желание моё”.

Примите, Владыки, “скребущегося в дверь” – я хочу научиться Радости. Вы знаете мои нужды лучше меня. – Но я обращаюсь за подачкой:

У меня слабое здоровье; страдаю от империла; шум в левой половине головы и головокружение, и вся левая часть тела очень слаба. Плохо переношу климат на Севере. Думаю, в Индию, в Общину, на послушание и работу.

Имею сильное устремление и готовность на трудности. Но если моя работа лучше будет принята здесь, то дайте здоровье.

Желаю принять не “частицу”, но Всю Чашу Блага.

Учение узнал только два месяца, но оно наполнило меня энтузиазмом.

К.Принц – Рыбаков

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

14 мая 1936 г.

Письмо Н.К. Рериха к Дукиш-Дукинской В.А. (Югославия)

Дорогая Вера Александровна,

В Вашем последнем письме, нами полученном, Вы сообщаете нам любопытные человеческие документы. Конечно, когда Вы прочтёте прилагаемый мной записной лист «Эпика Скорби» и речение из Св. Евангелия от Св. Луки «Горе Вам, когда все люди будут говорить о Вас хорошо» - из этого вы поймёте, насколько мы понимаем ваше сообщение. Очень показательно для нашего века Ваше сообщение о Принце. Хотя Вы сами отмечаете, что Принц настолько неуравновешенный человек, что в первой половине своей книги хвалит то самое, что во второй половине ругает, но всё-таки его поступок остаётся в пределах явной ненормальности.

Книг его я вообще не знал. Вернувшись из нашей экспедиции, я нашёл присланные им книги с посвящением мне, копию которого прилагаю для Вашего и Ваших друзей сведения. Не успел я ответить Принцу, как осведомился о том, что между ним и Председателем нашего Латвийского Общества К.И. Стуре произошла крупная размолвка. Стуре указал Принцу на некоторые места книг его, с которыми он был не согласен, а Принц, воспламенённый авторским самолюбием, сразу же возненавидел его. Нам остаётся совершенно неизвестным, по какой причине г. Принц перенёс эту ненависть и на нас, и на книги, и на всё сущее. Согласитесь сами, что выражение его посвящения мне присланного слишком далеко от ненависти, в которую он впал. Впрочем, и сам Принц не скрывает, что он страдает о империла¹, не правда ли этим всё сказано.

Говорит о том, что в первых книгах выражено одно, а в последних указывается нечто противоположное и несовместимое – это такой абсурд, о котором нельзя и говорить. Вообще, мне чрезвычайно тягостны все невежественные разговоры об анти-христианстве. Повторить такую нелепость, вредную и кощунственную, могут лишь люди, которые и книг Учения не прочли сердечно, а с другой стороны, вообще не знают и всей нашей деятельности. Тот, кто читал мои «Пути Благословения», «Державу Света» или «Твердыню Пламенную», или «Священный Дозор» - если читавший честный человек, то не будет говорить кощунственные нелепости.

Также надеюсь, что достаточно известна целая тысяча картин на религиозные сюжеты и моё участие в построении семи храмов. Говорю это не для разъяснения Вам, ибо всё это Вы и без того знаете. Упоминаю это лишь потому, что Вы в письме ссылаетесь на каких-то епископов и священников, которые почему-то злословят и злорадствуют. Думаю, что такие занятия для священнослужителей вообще неуместны. Кроме того, полагаю, что епископы должны быть люди начитанные и просвещённые, которым и сущность моего искусства и моих книг вполне известна.

Вообще, если кто-либо чего-то не вмещает, то и не должен чрезмерно утруждать себя тем, что в его природу не входит. Всякое постижение должно входить естественно, когда сердце наше и сознание открыты к познанию добра. В мутном колодце добро не живёт. Если ругают какие-то скверные люди, то такая ругань есть не что иное, как похвала. Было бы прескверно, если тём-

---

¹ Империл – яд раздражения. – Ред.

ные невежды и злонамеренные разлагатели стали бы хвалить – вот такая похвала была бы горше суперлативной ругани.

Елена Ивановна сейчас нездорова и напишет Вам, когда явится улучшение. Вообще, сейчас во всём мире свирепствует Арамагеддон – во время которого все истинно культурные силы должны быть в единении и взаимопонимании. Книгу Принца, о которой Вы поминаете, мы не видали, и при ближайшей возможности выпишем её. В всяком случае, спасибо, что Вы уведомили нас об этой книге, которая, по-видимому, так чётко характеризует самого его автора. Помню, как мой учитель Куинджи, про которого завистники шептали невероятные небылицы, однажды, когда ему рассказали новую сплетню, задумался и сказал: «странно, я ведь я этому человеку никакого добра не сделал». Так заметил старый мудрый мыслитель, о котором я храню самую добрую память.

Итак, ещё раз спасибо Вам за письмо, полное добрых пожеланий. Посоветуйте ругателям быть осведомлённее и честнее. Спешу послать это письмо с ближайшей воздушной почтой и предвижу, как Вы будет изумлены, читая посвящение Принца. Очевидно, и такие люди бывают. Но будем тверды в добре и неустанно будем нести в доспехе Света священный дозор. Слышали, что и эта книга моя имеется в Рижских магазинах. Есть ли она и в Югославии[?]

Елена Ивановна шлёт Вам душевный привет, всего светлого Вам и друзьям Вашим,

Искренно, (подпись)

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

14 мая 1936 г. Кулу, Наггар

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

14 мая 1936 г.

Дорогой Рихард Яковлевич,

Только что послали Вам письмо, как явилась новая надобность известить Вас о некоторых любопытных обстоятельствах. Вчера мы получили от В.А.Д[укшта-Дукшинской] из Белграда длиннейшее письмо, в котором она, кроме сетований (странных и необоснованных) на книгу Клизовского, сообщает удивительный факт появления новой книги Принца *Во власти Кармы*. В этой книге Принц, по словам В.А.Д., в первой части хвалит Учение, а во второй части делает полный вольт-фас и неприлично кощунственно ругает то же Учение. Любопытнее всего то, что на своей предыдущей книге Принц написал мне посвящение, текст которого посылаю Вам для Вашего и друзей осведомления. Конечно, в посвящении своём Принц сам называет себя «скребущимся» и страдающим от империла. Конечно, в таких определениях выражена вся его сущность. Но всё-таки чрезвычайно показательно, что он так свирепо напал на то самое, от чего только что был в полном энтузиазме. Конечно, у него была размолвка с Карлом Ивановичем, но почему же переносить обиду и на Учение, и на нас? Во всяком случае, просмотрите эту книгу, а также какую-то другую книгу Принца *Мраморный сон* и, кстати, будьте добры, пришлите нам по одному экземпляру и этих двух книг и сообщите, сколько они стоят.

Вообще, этот эпизод с Принцем чрезвычайно показателен. Нет ли около него в свою очередь какого-то скребущегося? Будем знать всю истину, чтобы избегать лишних врагов. Может быть, кто-либо из сочленов и ещё слышал что-либо в этом отношении.

Вчера мы имели также почту из Харбина. Во всех полученных письмах нет никакого упоминания о пропуске или выходе *Священного Дозора*, между тем об этом, несомненно, кто-либо из местных содружников, наверное, упомянул бы. Уже месяца два тому назад я писал им о судьбе напечатанных листов *Священного Дозора*, и потому всякое шевеление с этой книгой, конечно, было бы ими немедленно отмечено. Тем таинственнее оказывается появление этой книги на рижском рынке. Очень прошу Вас сообщить нам всё, что сумеете узнать по этому поводу.

По нынешним временам, нужна полная осведомлённость. Происходит многое, что можно объяснять лишь сатанинскими силами. В Америке одна из наших сотрудниц пишет целую летопись происходящих злобных безобразий. Получается такая удивительная хроника человеческого невежества, злобы и преступности. Кто бы мог думать, что Хорш после четырнадцати лет сотрудничества и высоких суперлативов^[1] окончит тем, что преступно похитит акции всех прочих членов Совета, начнёт лжесвидетельствовать, клеветать и доносить. Кроме того, он пытается присвоить себе манускрипты Е.И., бывшие у него на хранении. И даже такое восстановление собственности приходится делать через судебные власти. Для исследователей одержания этот пример является поистине поразительным. Как я уже писал, наши адвокаты вчинили иск и газетам за их клевету. Только что мы получили текст иска, и нужно отдать справедливость, что адвокаты наши изложили обстоятельства очень ярко. Посмотрим, как отзовется человеческая справедливость и в этом случае. Очень интересно было бы знать, не происходят ли и в Ваших краях какие-то злостолкования, основанные на клевете некоторых американских газет. Мы знаем, что наши друзья в Америке чрезвычайно оценили бы каждое фактическое сведение в этом отношении. Вероятно, Александр Иванович даст Вам прочесть моё письмо о некоем посольстве на Собор в Югославию. Не буду повторять то, что я писал А.И., но можно лишь ещё раз удивиться, какие мракобесы могут ползать всюду. Вот теперь и с Принцем происходит та же какая-то неопишуемая, но, просто говоря, сатанинская мерзость. Вероятно, за неимением других книг и эти книги читаются, особенно же на Балканах и на Дальнем Востоке. Но какие же меры можно принимать против такого мерзкого кощунства! Повторяю, точного текста мы не имеем, но и по нескольким фразам полученного извещения можно ждать, что в самой книге окажутся мрачные безумства. Следует охранить *Общину* от всяких мрачных поползновений. Также и *Врата в Будущее* можно давать для отзыва только в случае уверенности в справедливости и доброжелательстве.

15 мая

Сейчас получили сведение, что уже с 21 апреля *Священный Дозор* продаётся и в Париже. Крайне таинственная история. Так как Вы знаете адрес нашего друга Евгении Николаевны Туркиной (Дровяная, № 201, Новый Город, Харбин), то не спросите ли её, не известно ли им, когда именно и как появился *Священный Дозор* в продаже. Конечно, меня в этом запросе не поминайте, так же как и Общество. Харбинские странности велики.

Всё ещё нездорова Е.И. – это очень прискорбно. Шлём Вам всем наши лучшие мысли.

Духом с Вами,

Н. Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

21 мая 1936 г. Рига

Письмо А. И. Клизовского к Рериху Н.К.

21 мая -36 г. Рига

Высокоуважаемый и дорогой Николай Константинович!

Спешу ответить на полученное вчера Ваше письмо. Во-первых, выражаю своё соболезнование и огорчение по поводу постигшего Елену Ивановну нездоровья, но точно также и надежду, что этот выход из строя не будет продолжительным, и Е.И. скоро снова окажется на своём высоком посту исполняющей свою высокую миссию.

Рад сообщить Вам, Нашим Дорогим Руководителям, что наши опасения за 10 мая, когда должны были произойти выборы, не оправдались, и у нас всё сошло благополучно. Эта отсрочка выборов, на которой настоял К.И., принесла лишь пользу. Вспыхнувшие было страсти улеглись, погорячившиеся поняли неуместность своей горячности и благоразумие взяло верх. В сущности, всё произошло так, как наметило правление. Статут общества составлен так, что иначе никак произойти не могло. Активные члены общества выбирают членов правления, а они избирают председателя, а так как К.И. получил мало голосов и не попал в члены правления, то не мог быть избран и председателем. Из старых членов правления остались: Рудзит[ис], Волковский и г-жа Мисин, вновь избраны: Буцен, Лукин и я. Собственно говоря, я и Войчуленас были избраны кандидатами, но потом оказалось, кажется по настоянию Фёдора Антоновича, меня поместили в число членов правления, как получившего довольно много голосов, а кандидатом выбрали кого-то другого.

Выиграли мы или потеряли от этой смены правления, и главным образом, председателя покажет будущее. Первое выступление Рихарда Яковлевича, как председателя, с обращением к членам общества, которое по-латышски и по-русски прочла его супруга, произвело очень благоприятное впечатление. Он также, как и ставший вице-председателем за уходом Лидии Андреевны Волковский, воодушевлены желанием работать тому делу, для которого существует общество, а ведь это самое главное. Те посторонние веяния, которые замечались в обществе последний год, тоже, надо думать, не будут иметь места, когда будет одно правление, а не два, как это последнее время, и некоторая слабость характера председателя, точно также, как некоторая ограниченность вице-председателя будет уравниваться твёрдостью воли и трезвым и широким взглядом на вещи Фёдора Антоновича.

Присланная обратно моя статья, ответ Иванову, будет отпечатана с теми выпусками, которые Вы указали отдельной брошюрой, и сделано это будет в самом непродолжительном времени. Сообщаю для сведения Е.И., что я изменил своё решение относительно последней главы во второй книге. Я решил не помещать её во второй том по следующим соображениям. В последнем письме я сообщил, что передаю эту главу согласно указания Е.И., но у меня не было времени приступить к этой работе, и когда я вник в

сущность ответа и указаний Е.И.. то мне стало ясно, что касаться этого вопроса преждевременно, что вопрос этот очень щекотлив, и подходить к нему нужно осторожно. Между тем, моя книга печатается², и для того, чтобы поместить эту главу во второй том, мне нужно было торопиться, чтобы не задержать печатание, между тем, как некоторые детали этого сложного вопроса не совсем ясны мне самому, и я мог бы чего-нибудь напутать, или, вообще, сказать то, чего не следует. Поэтому я её отложил. Пусть она останется, как залог и как начало следующей моей работы. Хочу думать, что это не последний мой труд, и когда наберётся серия подходящих вопросов, то она будет включена в следующую книгу.

На днях получил письмо из Варшавы от Янушкевича. Он пишет, что кончил перевод моей книги на польский язык и, будучи недавно в Лодзи для распространения идей Нового Учения, прочёл в собраниях некоторые главы из переведённой им книги. Многим понравилось, и спрашивали, когда будет книга отпечатана. Он предполагает выпускать её отдельными выпусками по минимальной цене, чтобы дать возможность широкого распространения. Елена Ивановна как-то писала, что г-жа Муромцева хотела перевести мою книгу на английский язык. Интересно было бы знать, находится этот вопрос ещё в области предположения, или уже осуществляется?

Интересный случай рассказывает член нашего общества Фрейман, который произошёл с одной читательницей моей книги. Он дал читать свою книгу одной из своих знакомых. Когда она читала главу девятую, то место, в котором говорится, что отставшие в земной эволюции выпадают из неё и отбрасываются на низшую по своему развитию планету, на Сатурн, вблизи неё раздался недоверчивый смех, хотя, кроме неё в комнате никого не было. Это на неё очень сильно подействовало. Дело происходило вечером. Она дочитала главу, и, отправляясь ко сну, молилась Богу, чтобы Он дал ей какой-нибудь знак, если то, о чём говорится в книге, верно. Она оставила книгу раскрытой на столе. По утру, ниже того места, где кончается глава, она обнаружила рисунок руки. При взгляде видно, что кто-то положил на книгу руку с раскрытыми пальцами, и чем-то острым её обрисовал. Она приняла это за просимый знак.

Член литовского общества художник Тарабильда писал мне, что он задумал и хотел написать картину «Огненное крещение Матери Агни Йоги», но ему нужны некоторые сведения, которых я ему дать не мог. Он хочет обратиться с просьбой об этом к Елене Ивановне, и я ему обещал, что предупрежу об этом Е.И.

Заканчивая этим своё письмо шлю пожелания скорейшего выздоровления Е.И и свои неизменные чувства преданности и любви нашим дорогим Руководителям.

ые чувства преданности
А. Клизовский

Архив Музея Рерихов, Москва (машинописный текст с автографом А. Клизовского)

---

² Клизовский А.И. «Основы миропонимания новой эпохи».

*26 мая 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха Рихарду Рудзитису*

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
26 мая 1936 г.

Дорогой Рихард Яковлевич,

Большое спасибо за Ваши письма и пароходной почтой, и воздушной почтой. Пишу Вам и от себя, и от Елены Ивановны, которая всё ещё больна, а в текущих условиях вполне естественно, что и напряжение чрезвычайно.

Поздравляем Вас с избранием председателем нашего Общества в Латвии и шлём Вам всю уверенность нашу, что Вы приложите всю Вашу глубокую сердечность для того, чтобы дело могло расти как истинное культурное достижение. Вы сами знаете, насколько дух человеческий нуждается в любви и сердечности, которые могут вдохновлять к творению дел добрых и просвещённых.

Просим Вас передать наши приветы и ближайшим Вашим сотрудникам, избранным в качестве должностных лиц Общества. Пусть каждый из них внесёт всё лучшее понимание Живой Этики и Культуры, чтобы в несломимом единении с Вами дружно улучшать пашню Культуры.

Все Вы уже приложили сердечно устремления свои к процветанию Общества. Все Вы знаете, какое бережное отношение должно быть проявлено и ко всем сотрудникам, и ко всем гостям наших просветительных дел. Все Вы знаете, как нужно любовно открывать входы всем истинно стучащимся. Все Вы знаете, насколько нужно различать этих светлых стучащихся от тёмных, скребущихся в дверь. Все Вы знаете, что неустанный священный дозор нужен всюду, где дело идёт о добре, о сотрудничестве, об устремлении к высшим светлым Началам.

Мы знаем, что все Вы всемерно привлечёте новых ищущих и горящих добрым желанием сотрудников. «Промедление – смерти подобно», потому Вы благодетельно используете все местные возможности, чтобы культурные элементы страны были бы истинными доброжелателями Вашего труда. Сказано в Писании: «Горе Вам, если все о Вас будут говорить хорошо – ибо так поступали со лжепророками отцы их». Никто из Вас не захочет получать похвалы от сил тёмных. Вы работаете для добра и Истины, а не для лжедобра. В Вас не будет человеконенавистничества, и Вы не впустите к себе ехидны розни. Из Живой Этики знаете Вы, что клевета есть факелы дикарей. Вы не убоитесь этих факелов и всегда будете помнить, что в каждом препятствии заключена и какая-то возможность – лишь бы усмотреть её.

Пашня культуры настолько необозрима, что, как я уже и говорил Вам ранее, для каждого желающего трудиться на этом благородном поле найдётся прекрасное применение, потому бережно и внимательно выслушивайте каждого вновь приходящего. Если по обстоятельствам вновь пришедший не нашёл себе применения сегодня, то это не значит, что завтра не откроется блестящая возможность к выполнению его идеи.

Мертвящее «нет» должно быть изгнано из словаря нашего Общества. Всё доброе должно найти в сердцах Ваших благозвучное «да», которое радостно отзовётся в сердцах ищущих и молодых. Полюбите молодёжь со всеми её сердечными стремлениями, пылайте сердца и творите любовью. В конце концов, эти заветы не трудны и должны быть применяемы не только по праздникам, но во всём каждодневном обиходе.

Вся жизнь полна высшими дарами, но человечество, так часто обуянное ненавистью, топчет и разрушает сады самые лучшие. Горы духовных богатств заповеданы человечеству, но оно, не разглядев ценности их, часто само же стремится разрушить своё суждённое достояние. Вы знаете, что такое **Знамя Мира**. Вы знаете, что если под этим объединяющим знаком Культуры сойдутся люди, то не дерзнут они более на постыдное разрушение своих же истинных сокровищ.

Вы отлично знаете, насколько бессильно самолюбивое и ограниченное «я» и насколько безмерно мощнее и непобедимее дружеское «мы», когда за пределами личных интересов вырастает Общее Благо, заповеданное человечеству всеми Высшими Заветами. Культура есть служение Свету. В этом сияющем луче возникает Общее Благо, которое принесёт и каждому содружнику своему и счастье, и благосостояние. В содружестве духовном Вы замыслили благой издательский кооператив. Разве не прекрасно, что от очага Вашего по миру полетят слова о Правде и о Благе. Каждый такой вестник есть вестник о победе духа человеческого. Об этой Победе Владычной мы шлём Вам наши самые сердечные мысли и уверены в успехе светлой работы Вашей.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

29 мая 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Шанхайскому содружеству

ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Копия письма в Шанхайское содружество для архива и сведения.

29-5-36

Дорогой мой,

Ваше письмо с интересными приложениями обрадовало меня, ибо в нём Вы отлично устремляетесь по правильному пути, принимая всё прекрасное без предубеждений, в полном доброжелательстве. Если кому-то вместо слова *содружество* более нравится – *ревнителю*, то ведь это основного дела не меняет. Менее всего нужно держаться наименования и лишь смотреть в сущность. Важно, чтобы такое Содружество-Ревнительство жило и приносило добро на всех культурных путях.

Не будем ограничивать поле культурной работы. Каждый содружник может выявить свои индивидуальные дарования в самых широких применениях. Все наши Общества-Содружества так и поступают. Где читаются лекции, где устраиваются выставки и концерты, где идут сердечные собеседования. Где издаются книги. Словом, применительно к местным условиям выявляются все благие намерения содружников. Если добротворчество всегда было нужным, то теперь оно оказывается неотложною необходимостью.

В дни злейшего Армагеддона все культурные работники должны быть на бессменном дозоре. В труднейшие времена Преподобный Сергей, Воспитатель народного духа, строил сто монастырей – рассадников Просвещения. Этим даётся великий пример тому, что и в труднейшие дни можно насаждать свет и воспитывать дух человеческий. Ведь только в борьбе, только в самых несказу-

емых трудностях куётся несломимый клинок духа. Там, где тёпленькое благополучие, там нет напряжения, там нет огня духа. Недаром стара истина о том, что и враги благословенны, ибо натиск тьмы, как молот из клинка, высекает самые сияющие искры. Радужны эти искры – потому не будем вносить в культурное строительство каких-то ограничений.

Во флоте во время бури даётся приказ: «Действовать по способности». Так и теперь, – дорогие, ревностные сотрудники, действуйте по способности, выявляйте все возможности во благо культуры, ибо каждое приношение в эту чашу уже благодетельно. Всегда буду рад слышать о том, какие именно добрые намерения возникали и где и как удаётся их применить. Вы просите о руководстве. Готов подать совет на пашне Добра и Культуры. Для этого и Вы сообщайте мне все Ваши устремления. Дайте характеристику содружников. Как всегда, не гонитесь сразу за количеством, но устремляйте внимание на качество.

Вы сообщаете о каком-то предполагаемом приезде двух Белых Братьев. Ничего подобного не предполагается, и следует обратить внимание, из каких таких источников подобные слухи возникают. Сейчас столько волков надели овечьи шкуры, тьма настолько деятельна и изощрённа, что можно ожидать всевозможных подделок. Может быть, кто-то просто злоупотребляет этим высоким названием и имеет в виду приезд обыкновенных людей, но в таком случае недопустимо злоупотреблять высокими понятиями. Будьте уверены, что если бы такой высокий Приезд предполагался, то никто бы о нём не был извещён. Достаточно известно, как происходили высокие Посещения: в полной неожиданности совершались они. Предупреждаю Вас обо всём этом, тем более что сейчас, в дни Армагеддона, появилось много таких лжепосетителей.

Нам известно, что и в других странах появлялись такие скрытые волки, которые вместо доброго единения очень изысканно пытались вносить разложение и разрушение. Вспоминаю и такой случай: в 1932 году один индус, позировавший в Америке на Махатму, сообщил, что в Нью-Йорк прибыл Белый Брат Сен-Жермен, посетил наш Музей и завтракал в ресторане при Музее!!! А затем по спешным делам отбыл в Калифорнию, откуда должен был вернуться, чего на самом деле никогда не было. Выдумщики всегда сопровождают свои небылицы неудачными подробностями, как, например, завтрак в ресторане. В другой стране появилось воплощение Александра I, приехавшего тоже под видом Белого Брата.

Много писем с обращением как к воплощению Е.П. Блаватской получает и моя жена. Но по возрасту такого воплощения не могло быть! Вам же известна харбинская кощунственная басня, что я являюсь перевоплощением Преподобного Сергия!!! Вот куда заходят темнота, невежество и кощунство! Также в Латвию приезжал представитель болгарского учителя Донова с целью объединить все духовно-культурные группы под эгидою Донова. Но из этого ничего не вышло.

Недавно нам сообщили, что в книге некоего К. Принца *Во власти Кармы* поносятся книги Агни-Йоги. Любопытнее всего то, что, вернувшись в Индию в конце 35-го года, я нашёл у себя другую книгу того же Принца с весьма суперлативным мне посвящением, копию которого прилагаю, – и такие житейские гримасы и вольт-фасы бывают! Причиной всему маленькое авторское самолюбие, ибо потом мы узнали, что председатель нашего Латвийского общества критически отнёсся к книгам Принца, чем и воспламенил его мелкое самолю-

бие. Кстати, не поступил ли в продажу в Шанхае мой *Священный Дозор*, который в апреле неожиданно появился на рынке Парижа и Риги, тогда как мы продолжали полагать, что книга всё ещё находится под пресловутым запретом харбинской цензуры. Поминаю все эти обстоятельства как примеры всяких неожиданностей, с которыми во всяком культурном деле и во всяком добротворчестве неминуемо каждому работнику придётся встретиться. Всякие такие вехи жизни не должны огорчать, но лишь преисполнять опытом, чтобы тем бесстрашнее вступать в новую благую работу.

Сказано – «если ты изнемог, начни опять и опять». Если неисчерпаемость духовных сил так ярко подчёркнута, то это сделано для практического ободрения. Знаю, как Вам всем, дорогие Содружники, трудно и какие всевозможные препятствия воздвигаются тёмными силами. Знаю, сколько наветов и предательств непременно будет сопровождать каждое благое начинание, иначе в чём же была бы битва сил мрака?!

Посылаю Вам для Вашего и сотрудников пользования книги и открытки. Дайте эти изображения туда, где они могут принести радость. Буду рад Вашим сведениям и шлю Вам всем мои самые искренние сердечные мысли и пожелания всего светлого.

Духом с Вами,

Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

29 мая 1936 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

30 мая 1936 г.

Сердечноуважаемый и дорогой Николай Константинович!

Получил на днях от Вас с сердечной благодарностью два письма, от 12 и 14 мая. Мы тоже изумились, найдя в рижских магазинах книгу *Священный Дозор*. Мы думали, что цензура уже пропустила издание и что Вы уже оповещены. Справляясь, я узнал, что три рижских магазина получили по 2–3 экз. из Парижа, из *Дома книги*, а откуда и каким образом получил последний, пока не знаем. Вчера во всех магазинах я нашёл ещё *один* экземпляр, единственный, и, присоединив один из наших (в нашей библиотеке ещё имеется 1 экз.), я послал на Ваш адрес: 2 для Вас и 1 для Владимира Анатольевича. Мы заказали ещё из Парижа. В книге бросалось в глаза лишь то, что на заглавном листе на слово *Харбин* была наклеена бумажка. Если узнаю больше, сообщу Вам. Сегодня послал также письмо Е. Туркиной с запросом. Харбин нам представляется каким-то непостижимым конгломератом добра и зла.

Жаль, что о К. Принце мы не оповестили Вас раньше. Прилагаю отзыв Волковского, которому приходилось соприкасаться с Принцем и который прочёл также его книги. Уже давно мы наблюдали некоторую духовную инволюцию Принца, но в то, что он дойдёт до открытого чудовищного выступления против Учения, мы не хотели верить. В своих последних книгах он представляет самое опасное для читателя – под личиною света и высшей мудрости он подсовывает нередко свои астральные видения и познания. Принц – чистый пример психизма, и как грустно, что именно душевнобольные стремятся вы-

ступать носителями и целителями культуры. Две последние книги Принца я послал сегодня на имя Владимира Анатольевича.

Других золоткований в нашей прессе не наблюдается. О нападке в нашем официозе прошлой весной Вас, должно быть, уже осведомила Е.И. Как автора статьи мы по некоторым признакам заподозрили нашего проф. П. Шмидта, издавшего когда-то во Владивостоке несколько книг по китайской грамматике. Два года тому назад он выступал также в двух своих обычных университетских лекциях против Вас. Но, кроме своей профессорской кафедры, этот профессор никакой общественной роли не играет. Злополучная брошюрка Иванова навестила и редакции наших русских газет, по крайней мере, известно, что её получила редакция журнала *Для вас*.

На известное письмо Хорша Карл Иванович решил ничего не отвечать, игнорируя его. Но, может быть, лучше было ему ответить сильным отпорным словом?

Буцен получил от министра принципиальное согласие на издательство *Агни*. После Пасхи он надеется получить разрешение.

Община только что отпечатана, но в цензуру пойдёт сейчас же после праздников. *Врата в Будущее* будет готова к 10–15 июня. Обе книги несколько задержались оттого, что они печатались совершенно новым шрифтом, причём букв в обеих типографиях не было в достаточном количестве.

В нашем Обществе недавно пережитое как бы совершенно забылось, и все вместе дружно устремляются по пути сотрудничества духа. Летом мы будем собираться лишь раз в неделю, по четвергам. Мы задали на лето всем выписать из книг Учения известные темы.

Шлю Елене Ивановне самые чистые и самые сердечные мысли и пожелания. самого светлого, самого радостного и прекрасного также и Вам.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

ИЮНЬ

10 июня 1936 г. Урусвати, Гималаи.

Н.К. Рерих

БОРЬБА С НЕВЕЖЕСТВОМ

«Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может хвалиться, что он достаточно просвещён. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требуется постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться учёным.

Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти ве-

ликое даже в поисках малого. Спросите великих учёных – сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и мозг не запылён. Путь умеющих смотреть свободно будет путём будущего. Именно борьба с невежеством неотложна как с разложением и тлением. Нелегка борьба с тёмным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом».

Уже за пять веков до нашей эры с Востока раздались благословенные слова: «Невежество есть тягчайшее преступление». Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали что «невежество есть ад». Действительно, из этой тёмной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу ещё не значит жить. Так же точно быть грамотным ещё не значит быть просвещённым. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной и вредной, так же и значки грамоты могут служить и Свету и тьме. Просвещение и Культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть служение человечеству и миру. Истинный учёный имеет глаз открытый и мысль нестеснённую. Но, как и всё в мире, глаз должен быть воспитан, и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Учёный и художник знают значение слова «вдохновение». Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утончённые формы и познаются доселе не замеченные, а, может быть, и позабытые высокие энергии. Из далёких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход учёного мышления. Все мы были свидетелями, как ещё совсем недавно невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных её наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм был осмеян и осуждён, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые химические элементы, теперь вполне признанные, должны были быть прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования проф. Бехтеревым Неврологического института, все, кому не лень было, насмеялись над его опытами передачи мысли на расстояние. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования про-

цессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романтических увлечениях и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких Геркулесовых столбов доходили судороги невежества. Помню, как при этих злошептаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье «Мученики науки». Куда же дальше идти, когда ещё на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мёртвым, официальным ярлыком учёности. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостаивалась мирового признания её работ по высшей математике. А сколько прекрасных учёных и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их невежественными коллегами, должны были даже покинуть свою родину.

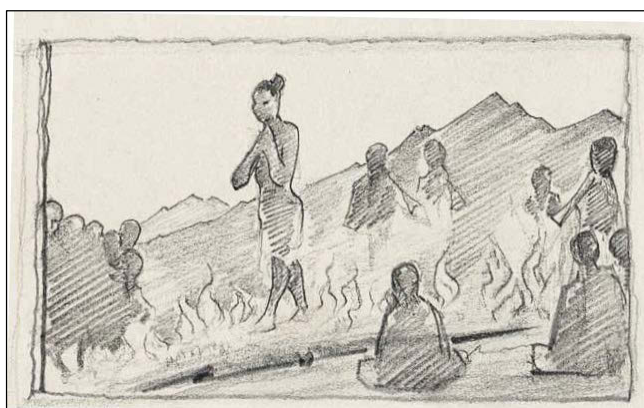
Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта нобелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине, никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не прикроют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Бороться с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества со всеми её атрибутами зависти, сомнения, пошлости, злошептания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества - позорные синонимы - весьма сплочённы. Из всех чувств - любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все ярые попытки невежества, светлое познание продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, поразившие просвещённый мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше [в области науки] о жизни растений. Проф. Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором мира. Проф. Метальников даёт исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Д-р Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В.Стемпель доказывает существование незримых излучений от всех живых существ. Д-р Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование ещё недавно осмеянных излучений Земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М.Джонсон, проф. университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Д-р Отриан, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский учёный д-р Леви Валенси предостерегает об эпидемиях безумия. Д-р Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Д-р Бернард Рид, британский учёный, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах. Венгерский молодой учёный открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Ришэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лоджа. Проф. Лейденского университета В. де Хааз иссле-

дует абсолютный нуль, доказывая его невозможность. Профессор Гарвардского университета д-р Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Минглей даёт смелый прогноз грядущих открытий. Проф. Гарвардского университета Иосиф Раин и Уильям Мак-Дугалл достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстояние. Сколько прекрасных достижений! Итак, в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И всё-таки эти великие люди остаются единицами и вынуждены каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении, преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведённых за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как проф. Джине, Аббот и др., напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и ещё одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окружённые великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведённых опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причём излучения некоторых людей убивали зловредные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты проф. Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. Итак, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовёт человечество к ближайшим изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к жизни через несколько недель - всё это лишь ловкие фокусы и шарлатанство.

Н.К. Рерих. Хождение по огню. 1931-33.

Но вот в весьма позитивном и распространённом журнале «Модерн ревью» можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чём журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: не знаем,

не было ли какой-то подводной поддержки. Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для неё вполне доступно как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условий науки, манифестациях баварки Т. Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в целой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в средневековье все эти злосчастные по необыкновенности своей люди были бы, наверное, сожжены на кострах. Но и в настоящее время человек, улавливающий самосильно радиоволны, всё-таки отведал сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны Д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели её на костёр. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям.

Вспомним несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспредрассудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С одной стороны, открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но, с другой стороны, каждое необычное явление, не вошедшее ещё в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в конченостности.

«Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает ещё более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от неё отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем по причине крайнего невежества некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей. Получались акты, которые когда-то будут рассматриваться как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность. Как бы неверие в солнце предписывалось, потому что кто-то по слабому зрению не мог взглянуть на солнце.

Кто-то по незнанию и по самости запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвигнут человечество к честности и справедливости».

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен в своей области по мере сил бороться с невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому, — это было бы неправдой. Невежество, — и явное и тайное — со всей его притворностью и изворотливостью, увы! существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и

грязь должны быть убраны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конкурируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещённого.

Если даже кто-то и не преуспеев в своих благих попытках, то всё же это будут попытки, а не только отвлечённые намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о Культуре и Просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к Культуре и Просвещению несвоевременно. Эту свою формулу служители невежества и выдают себя. Ведь именно добро, Культура и Просвещение всегда своевременны.

Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразии было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое во мраке своей берлоги всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине, от мала до велика каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежества. Каждый труд уже заключает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд, как таковой, и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания работник Культуры найдёт и действительную мысль, и яркое слово и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения.

Слава поборникам Культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

10 июня 1936 г. Урусвати, Гималаи

Н.К. Рерих «Нерушимое», 1936.

12 июня 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

12 ИЮНЯ 1936 г.

Дорогой Рихард Яковлевич,

Радовались получить Ваше сердечное письмо от 3 июня. Спасибо за все Ваши сведения о *Священном Дозоре* и о Принце. Одновременно с Вашим письмом получилось письмо из Парижа, в котором сообщается, что *Дом книги* получил *Священный Дозор* из харбинского магазина Зайцева. Тем самым дело становится ещё страннее. Книжный магазин Зайцева в Харбине, и нельзя предполагать, чтобы хозяин его похитил эту книгу. В то же время мы имеем несколько писем из Харбина, упорно подтверждающих, что книга цензурой не пропущена и даже не может быть вывезена как бумага за границу. Наши харбинские содружники, конечно, знают местное положение вещей, а потому было совсем удивительно получить парижское сведение, совершенно явно толкующее о магазине Зайцева. Так как книга была дана мною в пользу Дома милосердия (богадельня), то теперь окончательно неясно, в чью же пользу книга

продаётся в Париже и в других городах. Характерно Ваше сообщение, что слово *Харбин* и год заклеены. Сделано ли это с целью скрыть старый год книги, или вообще кому-то нужно скрыть город издания – всё это энигма^[1]. Если случайно Вам удастся что-либо услышать по этому поводу, сообщите, пожалуйста.

Очень интересно всё сообщаемое Вами и Волковским о Принце. В парижском письме Принц называется тёмною личностью. А из Ваших и Волковского сообщений видно, что темнота его – одержимость и безумие крайнего порядка. История с уличной шалостью с черепами и костями весьма забавна. Но, к сожалению, кроме забавности, эпизод с Принцем призывает к крайним мерам осторожности. Личностей в таком тёмном одержании нужно не только избегать, но и не дразнить чем-либо. Кроме того, через кого-либо следовало бы узнать, с кем именно общается Принц. Спрашиваем это с особым значением, ибо в этом Вы найдёте некую разгадку. Сообщите, пожалуйста, и нам об этом. По нынешним временам необходима чрезвычайная осведомлённость. Вы замечаете на мировых событиях, какие сдвиги происходят. Поистине, каждый день приносит такое множество сведений, как прежде и в месячный срок не укладывалось.

Посылаю для Вас и для Общества мою последнюю статью *Борьба с невежеством*. Если признаете полезным её перевести или где-то напечатать – поступите во благо, как по местным условиям лучше, – можно и по-латышски, и по-русски. Хотели бы иметь в случае напечатания по-русски десять газет (вырезок).

Рады были слышать о том, что *Община* уже напечатана, а сейчас кончается и печатание *Врат в Будущее*. Если моя книга ещё не закончена к печатанию, то можно прибавить, как следующую в приготовлении. *Нерушимое*.

Г.Г. Шклявер сообщает в письме от 24 мая о том, что он «рад был получить книгу *Община* 1927 года». Опять загадка. Каким образом эта книга опередила издающуюся? Откуда сие?

Община. 1927. (Угра)

Община. 1926. (Рига)

Мы были рады узнать из Вашего письма, что настроение Общества вошло в русло. От души пожелаем всякого успеха. Приятно слышать, что получено принципиальное согласие на издательство.

Характерно сообщаемое о Шмидте. Видали ли Вы книгу *Мы* Всеволода Н.Иванова? Он противоположен мракобесу Вас. Ф. Иванову. Все эти классификации полезно знать, ибо велика сложность и смущённость мира.

Здоровье Елены Ивановны сейчас как будто поправляется. Будем надеяться, что это не временно. Рады были слышать об экскурсии загородной, предпринятой членами Общества. Такие дружеские поездки очень сближают и дают возможность познавать друг друга в обрамлении природы – всё возвышающей.

Итак, будьте бодры, мужественны и радостны. Шлём Вам и всем друзьям наши самые сердечные пожелания. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

14 июня 1936 г. Урусвати

Н.К. Рерих

ЗНАК ЭРЫ

«Мы любим ту жизнь, которая нам являет себя на земле, оттого что мы о другой ничего не знаем».

(Еврипид)

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Раина в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения ещё далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Всё же каждый непредубеждённый наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время как истинные знаки эпохи расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят в случае очевидной утилитарности опытов. Как в средневековье легче всего находились средства на производство золота из неполноценных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все ещё с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остаётся столько недомолвок или недоумений, что уже предсуждённые выводы опять замедляются. Но всё же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчуждёнными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы

невежества всё ещё оглушительны, но в общественном мнении всё-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как ещё недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Всё же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда недостаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оценённый сейчас, в своё время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Ещё на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесённые им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: «Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?». В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за Культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — всё это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии! «Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдём силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко обороть атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твёрдо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отопрётся и следующий, когда поймём, зачем должны приложить в земном мире всё действие. Только таким путём дойдём и до третьего входа, где поймём сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать её, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явление ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нём самом. Мудрость всех веков указывает: «Познай самого себя». В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего.

Не будем надеяться, что люди легко признают своё достояние, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но, тем не менее, путь един».

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого - решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт.

Записной лист «Борьба с невежеством» написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование. Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся учёных, например, Алекс[уса] Карреля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает чёткий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса - найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. «Изучай всё окружающее», «Познавай без утомлений», «Сердце есть бездна», «Крылата мысль».

Множество ободрительных призывов несётся из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего и нового познания.

«Излучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряжённая сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать».

«Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живёт психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остаётся в небрежении».

«Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон - не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений».

«Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную - граница будет несуществующей».

«Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешить при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей несколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание. Каждый век несёт свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем».

«Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не даёт себе отчёта, как он настроен в данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее своё настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения».

«Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте её на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что весёлая музыка сообщает радость, а печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трёх двигателей».

«Люди, наконец, поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они

окружат себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни».

«Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести своё сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания».

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять делается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

14 июня 1936 г. Урусвати

Рерих Н.К. Нерушимое. Рига: Угунс, 1936

22 июня 1936 г. Урусвати

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

22-6-36

НЕРУШИМОЕ

Предоставляется издательству по примеру прошлых томов (*Пути Благословения, Сердце Азии, Врата в Будущее*) сделать небольшую заметку от издательства. Конечно, желательно включить понятие Культуры, Лиги Культуры, борьбы с невежеством, бесстрашие и нерушимость.

Манускрипт выслан сегодня заказной бандеролью 22-6-1936 г. медленной почтой.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

Н.К. Рерих. Меч мужества. 1919.

24 июня 1936 г. Урусвати, Гималаи

Н.К. Рерих

ОБОРОНА

Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно - в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к родине было бы, прежде всего, некультурностью.

Культура есть истинное просветлённое познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культур а есть красота во всем её творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра — во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа.

Всякое культуроборство есть невежество. Всякое против культуры сквернословие есть признак животности. Человечность и служение человечеству воздвигнутся от культуры. Нести знамя культуры - это значит охранить лучшие мировые ценности. Если мировое понятие близко душе человечества, то насколько же ближе и проникновеннее звучит слово о Родине.

Утверждение о Родине не будет отвлечённым, туманным понятием. Кто берётся утверждать, тот и сознаёт всю ответственность подвига утверждения. Люди не могут удовлетворяться отвлечённостями. В мире всё реально, и в высшей красоте реальны сияющие вершины. На земле покоится вершина. На кристалле мысли зиждется осознание Родины, в общечеловеческом её понимании. Защита Родины есть защита и своего достоинства.

Защита Родины есть и оборона культуры. Поверх каждодневной пыли сияет понятие Родины. Тот, кто осознаёт это понятие - прекрасное и нерушимое, - тот может почитать себя сознательным работником культуры. В трудах, среди препятствий, будто бы необоримых, находятся молодые силы. В любви к человечеству, в любви к Родине найдут молодые сердца неосудимое, светлое стремление к подвигу. В этом русском слове - в подвиге - заключено понятие движения, преуспевания и неустанного созидательства.

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизречённые красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах - мы будем оборонять. Не найдётся такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о её счастье, о её преуспевании всенародном. Через всё и поверх всего найдём строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить её на всех её путях.

“Поверх всяких Россий, есть одна
незабываемая Россия.
Поверх всякой любви, есть одна
общечеловеческая любовь”.

1936 г.
Урусвати, Гималаи.

*Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)
См. также: Н.К.Рерих. Нерушимое. Рига, 1936. (24 июня 1936г.)*

**24-го июня, 1936 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н. К. Рериха к Бенуа А.Н.**

Дорогой Александр Николаевич,

Только что прочёл в «Последних Новостях» Твой прекрасный фельетон, посвящённый памяти Альберта Николаевича. Хочется мне через все океаны и горы послать Тебе и памяти Альберта Николаевича мои самые сердечные мысли. С братом Твоим исполнилось сорокалетие моего знакомства, и всё это время, несмотря даже на многие общественные неурядицы, у нас с ним оставались отношения добрые, не омрачённые ни одним недоразумением. Ещё в прошлом году с Камиллой Альбертовной мы вспоминали Альберта Николаевича как друга всего культурного и просветительного, сумевшего донести не расплёсканным и своё прекрасное творчество, так справедливо отмеченное в Твоей статье. Большое счастье хранить память, ничем не омрачённую. Вспоминаю я часто Твои сердечные слова из статьи 1916-го года о том, что друзьями нам надо быть. И действительно, на пашне искусства и просвещения все, идущие в одном направлении, уже не враги. А чем длиннее этот общий путь, тем дружественнее должны быть сердца путников. В каждом обиходе много всяких загромождений, но именно радость об искусстве всегда является тем общим языком, который взаимно открывает сердца. Вот мы работаем в разных странах под разнообразными знаками, а в то же время путь-то этот един. Не знаю, доходили ли до Тебя мои записные листы, где мне приходилось упоминать Твоё имя. Несколько раз мне приходилось писать о необходимости бережности к деятелям, незаменимым и драгоценным на путях, культуры. Много разных достижений, и познаний, и открытий, но культурный синтез всё же, редок. Для такого синтеза нужны уж очень многие наслоения и благожелательные впитывания. В Твоём же творчестве, в Твоих писаниях и исследованиях именно звучит настоящий синтез культуры. И вот эта подлинность действий и переживаний сейчас нужна в мире, как никогда. Среди миражей и измышлений дух человеческий тоскует о подлинности, о той культуре, которая всегда будет Светом истины. На этом объединяющем понятии мне и хочется послать Тебе и семье Твоей самое сердечное слово. Теперь мы здесь получаем «Последние Новости», а потому буду в состоянии следить за Твоими статьями. Слышу, как неустанно Ты работаешь, работаю и я. Шлю Тебе искренний привет.

Душевно с Тобою

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

**27 июня 1936 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.**

27. VI. 36

Дорогой Николай Константинович!

Сердечную радость мне принесло Ваше поздравительное письмо от 26 мая. Затем вскоре я получил письмо и от Елены Ивановны. Как благодарен я Вам обоим, моим духовным родителям. Как много духовного обновления мы черпаем из Ваших писем, статей и советов. Ценные указания из Вашего пись-

ма, копии с которого мы роздали членам правления, мы не только перечитываем, но и думаем, как их приложить к жизни. Ваше письмо было прочтено также в общей группе.

Вчера я снова получил от Вас письмо – от 12 июня. Как Гаральд Феликсович уже писал, *Община* была разрешена цензурой на 3-й день. Вы, должно быть, уже получили посланные мною два цензурных экземпляра. 19 июня мы начали рассылать и остальные экземпляры. Мы вышлем на имя Е.И. всего 50 экз. (в том числе 20 экз. в переплёте). Пошлём *Врата в Будущее* на Ваше имя 100 экз. Конечно, считаем Вас и Е.И. собственниками изданий Учения и *Врат в Будущее*. С радостью вышлем Вам всегда то количество, какое Вы определите. Все книги Учения мы печатаем в 1200 экз., а *Врата в Будущее* в 1100 экз. Мы вчера послали на Ваше имя один цензурный экземпляр *Врата в Будущее*. Я говорю «цензурный» потому, что мы в цензуру посылаем наспех приготовленные экземпляры, чтобы в то время, когда книга находится в цензуре, мы могли бы выиграть время на обдумывание и печатание обложки и пр. Так и в данном случае обложка книги будет другая, чем в цензурном экземпляре, я в посылке приложил настоящий образец. Далее, в заглавном листе книги слова *Врата в Будущее* будут поставлены не в три, а в две строки. Книгу печатали на бумаге двух сортов: один – как в *Общине*, а другой – как в книгах Учения и в цензурном экземпляре (для 200 экз.), но так как размер книги на последней бумаге на полсантиметра уже, чем в *Твердыне Пламенной*, то мы искали и нам удалось приобрести бумагу немного лучшего качества и немного более широкую, но лишь для 400 экз. Мы пошлём Вам оба образца, но сначала распространять будем главным образом книгу с бумагой лучшего качества. Вообще, частным издателям у нас с бумагой большие затруднения, крупные издатели заказывают на фабриках бумагу, какую желают, остальные вынуждены довольствоваться бедным рыночным товаром. Мы дадим переплести 50 экз. книги, 10 экз. пошлём и на Ваше имя. Прилагаю образец подходящего цвета. Но несколько экз., кажется, можно будет переплести также в другой цвет, например, тёмно-красный. *Врата в Будущее* мы отдали в цензуру 22 июня, ответ обещали только послезавтра, но ответ, конечно, будет положительный.

При чтении корректуры *Врат в Будущее* были и некоторые затруднения, и потому простите, если в манускрипте несколько мест я разобрал не так, как следовало бы. Прежде всего, многие имена собственные я хотел проверить по энциклопедиям, но, конечно, азиатские названия мне редко удавалось найти. Например, оказалось, что многие из названий сатрапий <нрзб.> разные источники называют различно. В статье *Напутствие* на стр. 116 имеется предложение: «На Курукшетра тоже бой». Я думал, не географическое ли название Курукшетра, тогда нужно было бы – *ре*, но по манускрипту можно понять также, что Курукшетра какое-то лицо. В *Песнях Монголии* (на стр. 220) встречается слово *Шуер*, не гора ли? При некоторых словах в манускрипте были поставлены вопросительные знаки. Например, в статье *Открытые врата* (на стр. 270) в манускрипте было: «Ничто оригинальное». После долгого колебания мы решили исправить: «Ничего оригинального». Но теперь, к сожалению, вижу, что заведующий типографией (который, как принято, читал корректуру) самовольно исправил: «Ничто не оригинально». Далее, в одной статье слова «доказательное хозяйство», где тоже был поставлен вопросительный знак, мы переменили на «показательное хозяйство». На стр. 151 я думал, не поставить ли в слове «брахман» прописную букву, но всё же оставил, как в манускрипте. Не-

консеквентность^[1] произошла со словом *Упанишады*: на стр. 100 (в статье *Corasori*) напечатано *Упанишад*, на стр. 150 – *Упанишады*. Под конец я должен просить у Вас прощения за одну погрешность: в статье *Монголы* (на стр. 93) напечатано: «Так же точно – Иваном Грозным?» В манускрипте после первого предложения было приписано карандашом: «Прежняя хула превратилась в похвалу». Я после долгого колебания это опустил, я боялся, что наша публика, которой об Иване Грозном сказано так много плохого и которая не знает новейших исторических источников, придёт относительно этого предложения в недоумение. Ещё раз простите. Наконец, я нашёл ещё одну ошибку: на стр. 33 вместо «Переселения искусства» напечатано «Переселение». В практике корректора я убедился, что совершенно избежать опечаток весьма трудно. Даже если в окончательной корректуре исправлено правильно, печатник может исправить по-своему, как случилось в *Мире Огненном*, ч. III, § 9, где вместо *империла* было напечатано *империлал*. Так и Асеев в *Оккультизме и Йоге* (VI сборник) в связи с допущением в списке Ваших книг опечаток написал мне письмо, полное искреннего горя.

Врата в Будущее мы разошлём, между прочим, также по списку, полученному от Владимира Анатольевича. Понятно, мы и со своей стороны намереваемся её раздать видным лицам и вообще по возможности шире её распространить.

В *Общине* пока крупных опечаток я не заметил, исключая несколько опущенных при печатании знаков препинания. Колебания были у нас на стр. 7: «говорят ли в твоём сознании основы». Мы напечатали так, как было в манускрипте. По смыслу было ближе «горят», но можно было понять и в первом смысле.

Очень прошу сообщить мне, где я ошибся в вышеприведённых случаях.

Меня также поразило сообщение, что Г.Шклявер получил *Общину* 1927 г. Должно быть, он как-то достал прежний экземпляр. Ещё недавно я говорил с Е.А. Кезберг, которая теперь проживает в Германии, об этих экземплярах. Её экземпляр и экземпляр Феликса Денисовича уничтожены. М-ме Картош.^[1] ей утверждала, что у неё книги нет. Но куда делся её экземпляр? Может быть, она передала его Вреде? А как известно, Вреде некоторое время проживал в Париже. Может быть, прямо или косвенно, от Вреде Шклявер и получил свой экземпляр. Не запросили ли, чтобы Шклявер свой экземпляр вернул в Индию? Помню, как Е.И. мне писала об этих экземплярах после ухода Феликса Денисовича. В день получения Вашего письма оказалось, что наш сотрудник уже послал Шкляверу 5 экз. новой книги.

Стараюсь навести справки о Принце. На днях при встрече Карл Иванович мне его характеризовал как неуравновешенного человека. Он уже раньше состоял в группе Учения в Виндаве, исписал книгу Учения гнусными примечаниями, за что его исключили из группы. К.И. сам скоро поедет в Виндаву и тогда осветит весь этот вопрос подробнее. Как упомянул Валковский в своём письме, Принц когда-то под своим именем в письмах стал помещать знак M.R. Мы тогда тотчас же подумали, что он это заимствовал от Тарабильды. Он тогда переписывался с последним. Но, кажется, оба они уже давно перестали употреблять этот знак. С кем теперь Принц переписывается, не знаю. К.И. думает, что у него связь также с главою рижского Космософского общества Бал од ом (это общество правительство недавно закрыло), о котором Ф. Буцен уже писал Е.И.

Один рижский магазин снова получил *Священный Дозор* из *Дома книги* в Париже. Но снова поразительная вещь: в то время как в прошлый раз я в одном магазине за книгу заплатил со скидкой Ls 2,14, в другом – Ls 2,80, теперь один наш член купил за Ls 4,50 (!). Значит, цены повышаются и книга становится антикварной редкостью! Не думаю, чтобы наша фирма повысила цену, это сделано или в Париже, или в Харбине. Между прочим, я узнал, что те два магазина, которые получили книги непосредственно из Харбина, получили из Вами упомянутого магазина Зайцева.

Вашу статью *Борьба с невежеством*, которую мы прочли также в Обществе, я передал редакции *Сегодня*. Ответа ещё не получил.

Ф. Буцен в конце концов добился разрешения лишь на латышское издательство *Uguns (Огонь)*, которое мы и напечатали на Вашей книге. Вообще издательство ему пока ограничило лишь несколькими им указанными книгами. Но в случае надобности, без сомнения, выхлопочем разрешение и на другие издания. Так постоянно приходится бороться с ограничениями.

Книгу Всеволода Иванова *Мы я не видал*. Не та же [ли] монография, которая лежала в харбинской цензуре? Вы, должно быть, уже читали статью в *Возрождении* о Дальнем Востоке, где есть нападения также на Всеволода Иванова и др.?

До сих пор собрания в нашем Обществе прекращались на летнее время. Мы теперь решили собираться без перерыва каждый четверг.

Шлю Вам и Е.И. мои самые чистые и радостные мысли. Искренне преданный Вам,

Р.Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

ИЮЛЬ

11 июля 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
11 ИЮЛЯ 1936 г.

Дорогой родной Рихард Яковлевич,
Спасибо Вам за письмо Ваше от 27 июня, которое весьма порадовало и Е.И., и меня. Всё, что Вы пишете о маленьких недоумениях в манускрипте моей книги, неважно. *Курукшетра* – это то самое слово, с которого начинается Бхагавад-Гита. Значит оно «поле Куру», место, которое и до сих пор в Индии служит для ежегодного паломничества сотен тысяч пилигримов. Затем, не всё ли равно, будет ли это «Переселение» или «Переселения искусства», во всяком случае, мы очень ценим Вашу зоркость и желание сделать как можно лучше. В этом устремлении к качеству и заключается истинно культурное преуспеяние. Если Общество, руководимое Вами, будет следовать таким путём внимательности и желания совершенствования, то это будет истинно культурное начинание. Все наши общества и содружества хотя в разных странах и носят разные названия, которые и должны оставаться за ними, но в сущности своей все мы принадлежим к одной и той же всемирной лиге культуры. Мировые события каждый день напоминают, насколько культура нуждается в обороне. В

прошлом письме мы писали Вам о Швеции^[1]. Хотелось бы послать в некоторые музеи туда нашу литературу и журнал *Урусвати*. Пожалуйста, сообщите нам, можно ли переслать их через Ригу. Ведь все вопросы культуры должны быть повсюду освещаемы. Нет такого места на земном шаре, где речь о культуре была бы ненужной. А в самых трудных местах она является особенно неотложной. Культурный подвиг должен твориться широко – совершенно так же, как Красный Крест, так и наш Красный Крест культуры на всех языках для всех сознаний должен быть бестрепетно вносим во славу красоты, знания и прогресса. Никогда не знаем, кто и какими путями загорится идеями Света. Наше дело – питать сознание человеческое. Посылаю Вам статью *Знак Эры*, являющуюся как бы продолжением *Борьбы с невежеством*. Так же как и первую статью, Вы можете и переводить, и давать в прессу, и поступить с нею во Благо. Ведь всячески нужно напоминать о свободе познания, о неограниченности творчества мысли и о красоте Беспредельности. По всему миру много разрозненных стремлений к тому же, но эти одинокие попытки нуждаются в объединении. Конечно, Вы, наверно, догадываетесь, что цитаты в кавычках в этих двух статьях взяты из книги Аум. Медленной почтой Е.И. посылает Вам две серии продолжения Аум: одну для будущего печатания, стр. 49–83, и другую для Вас, стр. 47–80.

Предоставляю Вам решить о цвете переплёта *Врат в Будущее*, жёлтый тоже хорош.

Знак Эры может быть включён в *Нерушимое* после статьи *Борьба с невежеством*. Е.И. шлёт Вам и всем сочленам свои самые сердечные приветы. Последние дни её здоровье опять было не очень хорошо. Вообще всё очень напряжено везде, и решительно во всех странах это напряжение ощущается. Передайте всему правлению и сочленам и мои сердечные пожелания.

Духом и сердцем с Вами,

Н.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

12 Июля 1936 г. Урусвати

Н.К. Рерих

БЕЛОВОДЬЕ

"Ещё до сих пор держится старообрядческая легенда о Беловодье - - райской стране, где нет и не может быть антихриста, где живут православные христиане и нет никаких гонений за веру. Такая мифическая страна, сохранившая в чистоте веру, казалось, должна была быть где-то на востоке. Быть может, на эту мысль наводили предания о распространении христианства в Средней Азии, Индии, Китае, на Цейлоне и в Монголии ещё с III века манихеями, и несколько позднее, с V в., несторианами. Возможно, что легенда поддерживалась тем соображением, что христиане в глубине Азии, оторвавшиеся давно от главной церкви, потерявшей свой авторитет, лучше сохранили первоначальную чистоту веры. Эти легенды о такой стране, где сохранилась истинная православная церковь, особенно широкое распространение получили к концу XVII века, когда в Московском государстве начались преследования старообрядцев. В XVIII веке среди старообрядцев появилось рукописное опи-

сание путешествия некоего беспоповского инокa Марка³ из Топозерского скита Архангельской губернии. В этом путешествии дано точное описание пути за Урал, через Сибирь, через пустыню Гоби и Китай до океана, называемого Беловодьем, на котором стоит "Опоньское" (японское) царство; здесь-то и находится место, где живут истинные христиане и где имеется до сорока российских церквей. Под влиянием этой легенды, так реально описывающей самый маршрут с указанием даже лиц, к которым можно "зайти на фотеру",⁴ среди старообрядцев укрепилось стремление найти эту обетованную землю. Такое Беловодье искали старообрядцы в разных местах Сибири, куда из Европейской России их тянули простор и глушь ещё не тронутых, не заселённых мест. Приходя в Сибирь, старообрядцы сталкивались постепенно и здесь с "антихристовыми" порядками, и само Беловодье в их представлении отодвигалось ещё дальше. Долгое время Алтай и сама Бухтарма, куда не достигал глаз начальников, считались таким Беловодьем и притягивали к себе беглецов из старообрядческой среды. Но попадая сюда, в обетованную землю, на Бухтарму, старообрядцы при всех положительных и привлекательных сторонах этого края всё-таки видели ряд несоответствий своему идеалу и, в силу присущей человеку неудовлетворенности, стремились найти ещё лучшие места, и опять это легендарное Беловодье отодвигалось ещё дальше на восток, в Китай и в "Опоньское царство". Легенды об этом Беловодье, лежащем далеко на востоке, не раз в истории бухтарминских кержаков претворялись в действие; известны неоднократные попытки бухтарминского населения идти на поиски такой обетованной земли, где в полном благоденствии живут праведники. Сама Бухтарма уже перестала быть Беловодьем и превратилась в своего рода "сборный этап беловодцев"⁵, т. е. ищущих легендарное Беловодье.

Известны случаи, когда в 40-х и 60-х годах прошлого столетия большие партии старообрядцев снимались с места и уходили из Бухтарминского края на поиски Беловодья. О путешествии бухтарминцев в 40-х годах мы имеем мало сведений, но на Бухтарме немногие из кержаков ещё помнят рассказы об этом хождении. Так, нами были записаны некоторые, правда, весьма спутанные сведения от Г. Н. Коновалова, одного из наиболее передовых кержаков д. Печей, о хождении его деда на Беловодье⁶ вместе с другими двумя братьями в числе большой группы беловодцев. По этим сведениям, беловодцы ходили в Китай, направляясь через Зайсан на Чёрный Иртыш, оттуда в глубину Китая. Китайцы их ловили как беспаспортных и направляли обратно. Ходили также в Афганистан и в Индию (немного не доходили до Калькутты). По-видимому, эту попытку следует поставить в связь с возникновением в 40-х годах в Буковине (Австрия) в селении Белая Криница белокриницкой, или австрийской, иерархии. Ещё в 30-х годах намечалась тяга наиболее предприимчивых старо-

---

³ В. Г. Короленко в предисловии к ст. Г. Т. Хохлова "Путешествие уральских казаков в "Беловодское царство" (Записки Русск. Геогр. О-ва, по отд. этнографии, т. XXVIII, в. 1, СПб., 1903) считает это путешествие отголоском посещения восточных стран в XIII в. Марко Поло (*примеч. Н. К. Рериха*).

⁴ А. Н. Белослюдов. "К истории Беловодья", Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва., Т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 32-35 (*примеч. Н. К. Рериха*).

⁵ А. Новосёлов. Умиравшая старина. Записки Семипалат, подотдела. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, вып. X, Семипалатинск, 1915, стр.5 (*примеч. Н. К. Рериха*).

⁶ Дед его, Андрей Коновалов, умер 104 лет в 1912 году, "по Беловодью" же ходил в течение восьми лет, до 35-летнего возраста, когда окончательно вернулся в Печи, женился и осел; следовательно, его хождение относится к 1835-1843 гг. (*примеч. Н. К. Рериха*).

обрядцев на восток, в целях отыскания епископов дониконовского благочестия. После последней попытки иноков Павла и Алимпия в 1844 г., побывавших в Сирии, Иерусалиме, Египте и не нашедших нигде чистой веры, эти поиски до некоторой степени теряют свою остроту, и внимание старообрядцев обращается на Белую Криницу, селение, образовавшееся в 1783 г. Самое название этого селения - Белая Криница - на языке буковинских славян есть то же Беловодье. Часть старообрядцев признала святость этой новой иерархии, часть же от неё отвернулась и не признаёт белокриницкого священства. И бухтарминские старообрядцы, так жадно искавшие древнее Беловодье, живя бок о бок в одном селении с белокриницкими священниками, не признают их. Наиболее передовые из кержаков сознают трагедию кержаков, искавших прежде Беловодье на востоке, в Китае (и верящих и сейчас, что оно там), в то время, как оно на западе, в Буковине, в Румынии, и не сознающих, что презираемая ими "крымская" (исковерканное от "Криница") вера и есть то древнее благочестие, которое разыскивалось стариками.

О более поздней попытке найти Беловодье в 1861 году сохраняются более яркие воспоминания. Так, в д. Белой ещё сейчас живы некоторые 75-80-летние старики, которые сами, будучи детьми, принимали участие в этом походе. От одного из них, ещё ныне здравствующего Ассона Емельяновича Зырянова в 1914 году А.Н. Белослюдовым⁷ записан рассказ об этом путешествии, с приложением даже маршрутной карты, составленной самим стариком Ассоном без всякого знания географии, и, конечно, с внесением целого ряда субъективных представлений о расстояниях и положении тех или иных пунктов. Самому Ассону было всего 12 лет, когда он вместе с остальными кержаками в числе 130 человек отправился на Беловодье под предводительством его отца Емельяна, не раз бывшего в Монголии и знавшего китайский, монгольский и маньчжурский языки. В описании, данном А. И. Белослюдовым, рассказывается только о путешествии жителей д. Белой. По словам Данилы Петровича Зырянова ("дедушка Данила", как зовёт его вся деревня), много рассказывавшего нам о поисках Беловодья вообще и, в частности, об этом последнем путешествии, в этом походе принимали участие не только беловодцы, но и кержаки из деревень - Коробихи, Сенной и других. По словам Данилы Петровича, беловодцы отправились семьями "аргышем большим", т. е. большой толпой, с женами и детьми, захватив с собою старые книги и иконы; на коней навьючили пропитание, сколько могли увезти с собой, и пошли на восток, через китайские земли. С Бухтармы вышли в июле. Шли сначала по знакомому для предприимчивых кержаков торговому тракту на г. Кобдо, далее по озеру и р. Кара-Уссу (в кержацком произношении р. Карыша) на г. Улясутой (в кержацком произношении Валустой). Китайские власти встречали их хорошо: препятствий не чинили, кормили, снабжали провиантом и давали проводников. Далее уже пошли места незнакомые.

Через три месяца пути по степям Монголии, когда путники уже устали от долгого пути и потеряли надежду придти в обетованную землю - среди них начались несогласия; часть решила вернуться назад: начались споры между отчаявшимися и упорными, вплоть до драк. Большая часть, потеряв в пути многих своих членов, умерших от истощения и болезней, растратив все, что

---

⁷ "К истории Беловодья". Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 32-35, с картой (примеч. Н. К. Рериха).

имела, вернулась назад. Небольшая же кучка отправилась дальше; трое из них добрались до Пекина и некоторое время жили там, а затем вернулись на Бухтарму. Дальше они и не пошли. "Но немного им и осталось дойти-то, - говорит Данила Петрович. - Дальше идёт море глубокое, и на том его берегу стоит крепость страшная, и живут в ней праведники, сохранившие веру истинную, бежавшие от бергальства, от солдатства (ратники были). Попасть к ним можно, перейдя это море, а по морю вывешена дорога фертом (лошади по брюхо, на одни сутки пути). Слух идёт, что и сейчас живут они там, хранят древнее благочестие".

Следует отметить, что до сих пор рассказы о Беловодье передаются с полной верой в реальность его существования". Так рассказывают Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова в книге "Бухтарминские старообрядцы"⁸.

В "Огнях в тумане" Вс. Иванов приводит эпизод из беловодской эпопеи:

"Где-то на востоке сохранилась до сей поры нерушимо сказочная страна, именуемая Беловодией; по другой версии - называется она Камбайское царство; в ней царствует истинная, православная вера, насаженная там непосредственно еще апостолом Фомой. Там есть патриарх, епископы, церкви; там царит справедливый царь. Правда, церкви там все больше ассирийские, но есть и русские, числом 40. Там нет ни убийства, ни татьбы (воровства), там царит истинное благочестие.

Как же пройти туда? У Мельникова-Печерского имеем сведения, что известен туда маршрут со слов инока Марка Топозерской обители, ходившего туда в XVII веке.

В середине XIX столетия явился на Руси некий епископ Аркадий, который во всеуслышание объявил себя "епископом Беловодского ставления"; были у него и документы: ставленая грамота за собственноручным подписом "смирненного патриарха Славяно-беловодского, Камбайского, Англо-индийского, Ост-Индии, Юст-Индии, и Фест-Индии, и Африки, и Америки, и земли Хил, Магелланские земли, и Бразилии и Абиссинии".

Со слов-то этого епископа Аркадия и были получены точные сведения о том, где именно находится эта блаженная страна; вот что он повествовал: "Есть на востоке, к южной стороне за Магеллановым проливом, а к западной стороне - за Тихим морем Славяно-беловодское царство, земля Патагонов, в котором живут царь и патриарх. Вера у них греческого закона, православного, ассирийского или просто сирского языка, царь там христианский, в то время был Григорий Владимирович, царицу же звали Глафира Осиповна. А патриарха же звали Мелетий. Город по-ихнему названию Беловодскому - Трапезанцунсик, а по-русски перевести, значит - Банкон или Левек. Ересей и расколов, как в России, там нету, обману, грабежу и лжи нет же, но во всех - единая любовь..."⁹

Туда-то и была отправлена в 1898 году экспедиция из уральских казаков-староверов. В депутацию вошли - урядник Рубеженской станицы Бонифатий Данилович Максимычев, Онисим Ворсонофьевич Барышников, Григорий Терентьевич Хохлов; от ревнителей древнего благочестия было им отпущено 2.500 рублей на путевые расходы, да город Уральск прибавил 100.

⁸ Издание Академии Наук СССР, Ленинград, 1930. (примеч. Н. К. Рериха).

⁹ Ст. "Пермския Губернска Вѣдомости" номер 253, 1899 г. (примеч. Н. К. Рериха).

Выехали они 22 мая из Одессы и скоро были в Константинополе, где чуть-чуть не засыпались, потому что везли с собой как люди военные для радиального пути револьверы и патроны; с трудом высвободил их русский консул.

Как водится, нанесли наши казаки визит патриарху Константинопольскому по своим раскольничьим делам и видели массу достопримечательностей: в церкви Балаклы сами видели рыбу, которую в зажаренном виде кушали царь Константин, когда турки ворвались в Византию - рыбы как были, так и соскочили в воду и до сих пор плавают с обжаренным боком; осматривали знаменитую церковь Дмитрия Солунского, причём при переходах в тёмных катакомбах храма, опасаясь вероломства проводника, за неимением отобранных револьверов держали наготове ножи, чтобы воткнуть их гиду в живот в случае его подозрительных действий. Но всё обошлось благополучно. В Иерусалиме посетили, между прочим, подлинный дом милосердного самаритянина и видали ту самую смоковницу, на которой сидел Закхей; любопытствовали посмотреть обращённую в соляной столб жену Лота, но оказалось, что её вывезли уже в музей проворные англичане...

Двинулись дальше на французском пароходе без языка, без проводника и шли Красным морем; всю ночь просидели на палубе, ожидая фараонов, которые должны были бы спрашивать наших путников: "Скоро ли светопреставление?" Но ничего не видали и не слышали...

24-го июня прибыли в Сингапур, и тут высадившись, были немало изумлены видом "извозчиков", которые не имеют ни рубахи, ни штанов, сами входят в оглобли и везут людей.

С "извозчиками" этими вышел инцидент - зашли благочестивые казаки в какой-то магазин, и "извозчики" стали требовать расчёта. Тогда Григорий Терентьевич Хохлов вскочил со стула, чтобы расправиться с ними по-казачьи. Насилу успокоили.

29 июля подошли к Сайгону, по мнению уральцев - к Камбайскому царству (Камбоджа), и на восходе солнца над пальмовым лесом услышали благовест. Наши, стало быть! Радость была большая!

Спустившись с корабля, сели на "бегунов" и двинулись на зов. Оказалась французская церковь с латинским крестом...

Напрасно наши казаки расспрашивали и какого-то русского фармацевта, торгующего в Сайгоне, и русского консула - никто ничего про страну истинного благочестия - Беловодье сообщить им так и не мог... Не нашли они этой страны!

Только одно их там весьма заинтересовало - изображение Майтрейи - так называемого "Грядущего Будды", у которого оказались пальцы сложены для двуперстного знамения... И через Китай - где обратили внимание на "белые воды реки Кианги", Японию и Владивосток вернулись домой.

Они так и не нашли на земле истинного блаженства Беловодского царства.

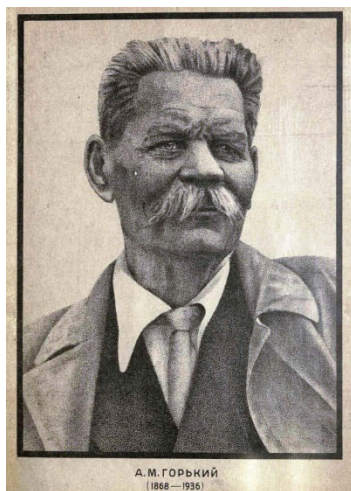
Но какой ещё народ пойдёт искать по земле, чтобы найти где-то привлекательную сказочную мечту свою, найти её в реальных формах?"

В 1926 году мы на Алтае записали несколько сведений о странствиях в "страну чудную". Видели и письмо, написанное с пути в Беловодье. Живут сказания! Искры действительности и пленительный вымысел в них переплетены щедро и вдохновенно. Азийские просторы в неисчётном изобилии овеяли странников, взыскующих светлого града.

Смутитель не преуспеет. И монголы, и сарты, каждые в своих словах, подержат путника. Бережно и сердечно отзвучат на его поиски. Шабистан. Шамбала. Беловодье.

12 Июля 1936 г.
Урусвати

Газета "Свет", 21 и 28 января 1937 г.

Портрет М. Горького. 1936 г.¹⁰

12 июля 1936 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ГОРЬКИЙ

Восемнадцатого июня в Горках, около Москвы, скончался великий русский писатель Максим Горький.

За последние месяцы ушло три великих русских: физиолог Павлов, композитор Глазунов и теперь Горький. Всех троих знал весь мир. Кто же не слышал о рефlekсах Павлова? Кто наряду с Чайковским и Римским-Корсаковым не восхищался Глазуновым? Кто же в ряду корифеев русской литературы не читал Горького, запечатлевшего неувядающие русские образы?

Более полумиллиона людей пришло поклониться праху великого писателя, а в день похорон гроб сопровождали семьсот тысяч почитателей. Представители государства держали почётный караул и несли, после сожжения праха, урну для установки её в стене Московского Кремля. Присутствовал весь дипломатический корпус. Пушечный салют проводил знаменитого писателя. Некоторые французские газеты были поражены, что писателю всею нацией были оказаны такие высокие почести. Были венки от французского и чехословацкого правительства. Иностранная пресса единодушно откликнулась, достойным словом почтив память Горького.

В Москве постановлено воздвигнуть на государственный счёт памятники М. Горькому в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде, который теперь именуется именем Горького.

¹⁰ Сборник «База курносых в гостях у Горького».. - Иркутск : Восточно-Сибирское краевое издательство, 1936. -96, с. 1. Портрет М. Горького, ил. ; 23x17 см. -

Муниципальный совет Праги постановил присвоить одной из улиц столицы Чехословакии имя Максима Горького...

Ромен Роллан по телефону из Швейцарии прислал следующее письмо, почтив память умершего: «В этот мучительный час расставанья я вспоминаю о Горьком не как о великом писателе, и даже не о его ярком жизненном пути и могучем творчестве. Мне вспоминается его полноводная жизнь, подобная его родной Волге, жизнь, которая неслась в его творениях потоками мыслей и образов. Горький был первым высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт... Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушёл оттуда не один. Он увёл с собой, он спас своих товарищей по страданиям».

В парижских газетах, дошедших в Гималаи, сообщается много показательных знаков повсеместного почитания умершего писателя. Почтили его и друзья, почтили все страны и секторы. Даже в самых сдержанных отзывах высоко вспоминаются произведения Горького: «На дне», «Буревестник», «Городок Окуров», «Мещане», «Мать» и его последние произведения: «Дело Артамоновых» и «Клим Самгин». И, в конце концов, добавляется: «Умер человек и художник, которого мы все любили», Итак, искусство объединило и врагов и друзей. От самого начала своей яркой писательской деятельности Горький (его имя было Алексей Максимович Пешков, но все его знали по псевдониму) занял выдающееся место в ряду русских классиков. Как о всяком большом человеке и великом таланте, около Горького собралось много легенд, а с ними и многонаветов. Кто-то хотел его представить бездушным материалистом, кто-то вырывал из жизни отдельные словечки, по которым нельзя судить ни человека, ни произведение. Но история в своей неподкупности выявит в полной мере этот большой облик, и люди найдут в нём черты, для многих совсем неожиданные...

Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний. Во всём этом многообразии вспыхивали постоянно новые, замечательные черты характера Горького, подчас совершенно не совпадавшие с суровой наружностью писателя. Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: «Да о чём тут рассуждать, вот лучше вы, как художник, почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самую сущность».

Помню и другой случай, когда в дружеском кругу Горький проявил ещё одну, неожиданную для многих, сторону. Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: «А всё-таки, замечательные люди эти индусы».

Он очень хотел иметь мою картину. Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой «предвоенной» серии — «Город осуждённый», именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту. Да, автор «Буревестника» и не мог не быть большим поэтом. Че-

рез все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шёл путём русского народа, вмещающая всю многогранность и богатство души народной.

Парижские газеты сообщают любопытное сведение: «Горький в роли Гаруна Эль-Рашида. «Известия» (21 июня) печатают фотографию Горького в роли бродяги. Было это в 1928 году. Горькому захотелось посмотреть, что делается в новых пивных, что за люди сидят там, нет ли среди них его старых типов со «дна», что с ними случилось, каковы новые посетители и т.д. Но как реализовать такую экспедицию? Горький решил потрянуть стариной, побродить. Он пристраивает бороду и – волосатый, заросший, как медведь, искусно загримированный – ведёт задушевные беседы. В результате этого бродяжничества появился очерк, включённый в книгу «По Союзу Советов».

Знающие Горького, понимают, что этот эпизод вполне для него характерен. Будучи истинным реалистом во всей вместимости, он считал нужным убеждаться на деле не только для внесения в свою записную книгу новых типов, но для установления синтеза для истинного расширения своего сознания.

«Он был доверчив, он доверял, он любил доверять, его обманывали... Однажды он вышел из своего кабинета, напевая и выражая лицом такое сияние восторга, что все остолбенели. Оказывается, он прочёл очередную газетную заметку об открытом кем-то, где-то, каком-то микробе».

Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве «Нива». Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность корбила Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду «Дом всемирной литературы», «Дом учёных» и «Дом искусств». Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронёс свою чашу служения человечеству.

От имени Лиги Культуры принесём наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в Пантеоне Всемирной славы.

12 июля 1936 г. Гималаи

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

21 июля 1936 г. Нью-Йорк

Письмо Зинаиды Лихтман к Франклину Делано Рузвельту

21 июля 1936

Меня глубоко тронуло Ваше сочувствие по поводу сложившейся сегодня серьёзной ситуации, с которой мы столкнулись, и огромной несправедливости по отношению к Основателям организации, Николаю и Елене Рерихам. Я изложу мои ранние доводы с некоторыми деталями, которые, я уверена, полностью объяснят причины возникновения данной ситуации.

Как я уже упоминала, в течение 13 лет мистер Хорш всё время относился с уважением и пониманием к профессору Рериху и мадам Рерих. Поверив в его искренность и желание помочь, профессор и мадам Рерих полностью доверились ему. Профессор Рерих даже передал ему все полномочия по ведению дел, и Хорш постоянно занимался этим с 1923 года. Мы сами, три доверенных лица,

с полным доверием следовали его рекомендациям, как финансового, так и юридического характера. Именно поэтому, когда мистер Хорш в прошлом феврале выступил на собрании Доверенных лиц и сообщил, что для принятия мер по реорганизации здания необходимо, вместо профессора и мадам Рерих, находящихся за пределами Америки, выбрать других лиц, которые будут подписывать юридические документы, мы согласились сделать это, поверив в такую необходимость. Он уверил нас в том, что это временные меры и что сразу же по завершении реорганизации Основатели будут восстановлены в своих правах Доверенных лиц.

В качестве заместителей он предложил своего родственника и одну из своих помощниц, мисс Э. Дж. Лихтман. Только после завершения реорганизации и реставрации здания на условиях, обещавших большие перспективы, мистер Хорш дал понять, что он имел совершенно чёткие цели. Выбрав именно этих помощников, он хотел, чтобы большинство Совета Доверенных лиц было на его стороне. Воспользовавшись этим приёмом, он мог принимать решения, за которые проголосует большинство. Стало совершенно очевидно, что его единственной целью является отставка оставшихся Доверенных лиц и полная передача здания в его распоряжение. Мы, трое Доверенных лиц, случайно узнали об этих намерениях и решили передать дело в суд. Слушание должно было состояться 17-го января. В прошении, переданном в суд, мы заявили, что намерены сделать всё, что в наших силах, для того чтобы защитить работу, которой мы в течение 15 лет занимались под руководством Николая Рериха.

С целью добиться большего эффекта своих действий, мистер Хорш посетил друзей и знакомых профессора Рериха, а также наших друзей и знакомых, где с пренебрежением отзывался о профессоре Рерихе – любыми способами пытаясь опорочить его доброе имя и его бескорыстный и великий труд в области искусства и науки.

Эти злобные попытки опорочить профессора и мадам Рерих и нашу работу стали нам известны через наших друзей, выражавших огромное возмущение предательством, совершенным в отношении Основателей в их отсутствие. Профессор и мадам Рерих не могут защитить сами себя и полагаются только на преданность тех, кто остался верен их идеалам, а также тому бескорыстному и достойному труду, которым в течение последних 15 лет они занимались на благо Америки.

Среди обвинений, выдвинутых мистером Хоршем против профессора Рериха, были «неприятности с выплатой подоходного налога». Это показалось нам довольно странным, поскольку именно мистер Хорш занимался всеми финансовыми делами профессора Рериха в его отсутствие. Таким образом, в обязанности мистера Хорша входила ответственность за ведение всех дел профессора Рериха в это время.

Что скрывалось за этими заявлениями мистера Хорша, мы узнали в начале декабря, когда получили две телеграммы от 28 ноября 1935 года, которые отправил нам профессор Рерих. В них говорилось:

«Федеральный Департамент по налогам требует немедленной уплаты Ваших налогов и заполнения деклараций за 1926 и 1927 года. Сумма составляет 48195 долларов, а также 562 доллара за 1934 год. Хорш»

«Федеральный Департамент по налогам наложил арест на Ваше личное имущество в Америке до полной выплаты Вами налогов. Хорш»

Таким образом, становится ясно, что делались попытки намеренно запутать профессора Рериха, а также сделать его ответственным за то, чем, в силу своих обязанностей, должен был заниматься мистер Хорш.

Несомненно, правительство было введено в заблуждение полученной информацией, поскольку абсолютно непонятно, на каких основаниях мог быть рассчитан такой налог. Мы уверены, что правительство Соединённых Штатов не станет намеренно преследовать художника и учёного, который в течение 15 лет, часто с риском для жизни, посвящал всего себя и свои труды на благо развития Американской культуры.

С 1923 по 1928 год профессор Рерих находился в экспедиции, направленной музеем Рериха в Центральную Азию. В течение 1926 и 1927 годов, а также небольшого периода 1928 года, профессор Рерих пребывал в Китайском Туркестане, Монголии и Тибете. Как известно, он находился в очень труднодоступных для связи местах, несколько раз мы вообще думали, что он не сможет вернуться. Он, как и все исследователи, испытывал доселе неизвестные, почти нечеловеческие трудности. Дважды, а именно в 1926 и 1927 годах, местные условия не позволяли ему выходить на контакт. Лишения в этот период стали причиной гибели всех животных в караване, а также пяти участников экспедиции.

К телеграммам мистера Хорша, которые мы получили, профессор Рерих приложил своё письмо: *«Вам известно, что фонды, полученные мной от Музея, использовались исключительно на нужды экспедиции. Я не получал жалованья, и в течение всех пяти лет я использовал свои личные сбережения для завершения экспедиции. Никто не может сказать, что я брал средства для себя лично. Длительное время мы находились в очень удалённых местах без средств связи, и были в полной власти местных условий и существующих обстоятельств. Смерть нашего каравана из 100 животных, а также пяти участников экспедиции получила широкую огласку в прессе. Тем не менее, несмотря на все эти трудности и опасности, мы закончили работу, которая, как мы уверены, принесёт пользу Америке. Мне не известно ни одного случая, когда бы человек, посвятивший всю свою жизнь работе на благо общества, подвергался бы таким преследованиям, особенно во время его пребывания в неисследованных районах Тибета».*

В период с 1926 и 1927 годов, о котором идёт речь, профессор Рерих дважды возвращался в Америку, а именно в 1929 и 1934 годах. Очевидно, что если бы в отношении подоходного налога профессора Рериха возникли какие-либо проблемы, мистер Хорш имел возможность попросить его лично предоставить интересующую его информацию и прояснить обстановку. Мистер Хорш, однако, ни разу не проявил интереса по этому поводу. Более того, трое Доверенных лиц, включая мистера и миссис Лихтман, а также мисс Грант, по очереди участвовали в работе экспедиции в Центральной Азии в 1926-1928 годах. Таким образом, мистер Хорш, наделённый полномочиями решать юридические вопросы профессора Рериха, имел возможность получить с их помощью интересующую его информацию. Также непонятным остаётся то, почему мистер Хорш, занимавшийся налогами профессора Рериха с 1925 года, пропустил 1926, 1927 и 1934 года, хотя во все остальные годы налоги платились исправно. Если бы мистер Хорш не собирался намеренно повредить профессору Рериху, он бы проинформировал его или же спросил его совета. Нам приходится, таким образом, признать, что совпадений здесь нет, и мистер Хорш прилагал

все усилия для того, чтобы навредить профессору Рериху и претворить в жизнь свой план исключить из Совета профессора и мадам Рерих, а также и нас, их помощников.

Кроме того, достойно сожаления то, что министр Уоллес, в течение девяти лет бывший горячим поклонником профессора Рериха, культурного лидера и создателя Пакта Рериха, подпал под влияние мистера Хорша и его помощников, вследствие чего изменил своё отношение к профессору и отказал нам в возможности защититься от обвинений мистера Хорша.

Кажется невозможным, что человек такого международного значения, как профессор Рерих, посвятивший всю свою жизнь служению человечеству и 15 лет отдавший работе на благо Америки, может быть просто выкинут из организации, которую он создал, и которая впоследствии развивалась на основе его идеалов. Кажется невероятным, что какое-либо правительство может так несправедливо обойтись с человеком во время его отсутствия, и в особенности с человеком, бескорыстно посвятившим себя работе во благо прогресса человечества.

Благодарю за возможность объяснить Вам ситуацию, а также надеюсь на Вашу поддержку в том, что касается идей культуры.

Искренне Ваша

Зина Лихтман

Публикуется по изданию: В.А. Росов. «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Изд. Ариаварта-Персс, М. Кн. 1.2. 2004. С. 258-259 (NRM. Машинописная копия)

22 июля 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
20 ИЮЛЯ 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Посылаю Вам мой записной лист о Горьком. Вы, как поэт, наверное, оцените, как я выявил именно те стороны Горького, которые нам с Вами так близки. Поистине всегда нужно идти по добрым знакам. Если считаете, что эту статью своевременно где-то напечатать, так и поступите (или в Латвии, или даже за пределами её). Во всяком случае, включите эту статью в книгу *Нерушимое* и поставьте её между статьями *Борьба с невежеством* и *Знак Эры*, т. е. предпоследним номером. Кстати, на статье *Знак Эры* имеется ошибочная дата, и потому вместо 4 июня поставьте *14 июля*.

Получена следующая партия книги *Община* и книги *Начала* Оригена. Очень хорошо вышли обе эти книги.

Мне хотелось бы передать Тагору для его библиотеки в Шан-тиникетан Вашу книгу о нём, а также Вашу статью, бывшую в газете теперь ко дню его семидесятипятилетия. По-видимому, он их не имеет в Шантиникетанской библиотеке. Также пришлите, пожалуйста, для этой же цели и первый номер литовского журнала. Всё это тем интереснее, что как латвийский, так и литовский языки содержат в себе санскритские корни.

Будем всеми силами поддерживать добрые отношения со всеми, кто может быть значителен [для] грядущей эволюции.

П.П.Балакшин из *Земли Колумба* в Сан-Франциско пишет, как они были рады читать отзыв об их журнале, появившийся в рижской газете за подпи-

сю: Пётр Пильский. Таким образом, ещё одна добрая ниточка протянулась. Если имеете этот номер газеты, пришлите для нашего архива эту вырезку. Вы, вероятно, уже слышали, что *Возрождение* в Париже уже закрыто, таким образом, ещё одно тёмное гнездо прекратилось. Вот именно такие газеты против нас бывали, но ведь похвала от такого тёмного сборища хуже, чем их поношения.

Е.И. и я шлём Вам и всем сочленам самый сердечный привет. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

22 июля 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Знамеровскому Юлиушу Стефану (Польша)

22-е июля 1936 г.

Многоуважаемый г. Знамеровский,

Ваши оба письма, воздушное от 22 июня и пароходное от 28 Мая дошли в наши далёкие Гималаи. С удовольствием ознакомился я, как с Вашими звучными стихами, так и с проектом издательства и всех прочих культурных построений. Конечно, не найдётся человека, который бы сказал, что культурное издательство не нужно. Оно нужно везде. Должно оно расти, как растёт каждое благое дерево.

Вот в Югославии, в далёком пограничном местечке самосильно вырос журнал д-ра Асеева и быстро нашёл читателей по всему миру. Сейчас наше Латвийское Общество образовало издательский кооператив и самодеятельно приступило к работе. Наше Литовское Общество выпустило первый номер своего издания «Новое сознание». В Бельгии городское управление даёт дом. Отмечаю лишь о ближайшем, но можно бы перечислить различные культурные выступления, как во Франции, так и в Индии, и в др. странах. Повсюду культурная работа происходит кооперативно и самодеятельно. Это последнее обстоятельство положено в основу каждого такого проявления. Пусть каждое зерно процветает из малого зародыша, и каждый народ в этих своих действиях показывает своё горячее устремление к познанию и творчеству.

Не смущайтесь тем, что и Вам придётся начать Ваши добрые культурные построения, может быть, в одной маленькой комнате. Именно так в 1921 году и мы начинали культурное дело в Америке. Помню также, как в двадцатых годах прошлого столетия началось Общество Поощрения Художеств в Петербурге, которое ютилось буквально в одной комнате, но затем выросло в большое просветительное учреждение. Напрасно Вы слышали о какой-то многомиллионности наших культурных учреждений. Единственная многомиллионность есть многомиллионность Духа, которая проявляется множеством светлых душ, рассеянных по всему миру во имя добра и познания.

Ваше выражение о том, что я могу свободно выдавать какую-нибудь тысячу фунтов стерлингов заставило меня улыбнуться, в культурной работе и не может быть таких свободных сумм. А те малые трудовые крохи, которые вы-

рабатываются художественным трудом, имеют многие сотни аспирантов. Если бы только вы видели этот длинный список прекраснейших учреждений и проектов, нуждающихся даже в самом малом.

Но ведь культура есть, во всяком случае, не материальное богатство. Но выявление культурных устремлений всегда приносит постепенно и средства. Если нельзя сразу мечтать о ежемесячном журнале, то можно мыслить хотя бы о годовом альманахе, из которого могут развиваться и более учащённые выпуски. Если не имеется готовых средств на выпуск альманаха, то ведь его можно осуществить предварительной подпиской. Этот мой совет вовсе не нов, и мы неоднократно его уже применяли в разных странах.

То, что Вы имеете в себе большие проекты, мне это очень нравится. Из большого всегда можно выделить самое насущное, вменяемое в мерах местной действительности. Кто знает, может быть, Вам удастся по примеру других стран образовать общество или кооператив в тех пределах, которые предусмотрены местным законодательством.

Хотя моя бабушка была Лещинская, и я имел много польских друзей – Домоховский, Ционглинский, Рушиц, Стобровский, Перетяткович и многие другие, но язык я знаю не вполне, хотя и достаточно понимаю. В характере этих перечисленных моих друзей всегда был духовный порыв, и я верю, что это качество поможет Вам посеять зерно доброе и радоваться, как из малейшего зачатка растут крепкие ветки познания.

Посылаю Вам мою книгу «Твердыня Пламенная». Имейте в виду, что мои книги всегда подписаны полным именем, и потому Ваше обращение в письме от 28-го Мая неправильно. Также Вы понимаете, что по почте вообще нельзя пересылать ценных портретов. К сожалению, условия современной почты не всюду надёжны. Также посылаю Вам брошюру о Пакте. О сохранении культурных ценностей все должны мыслить и приложить к этому делу свои лучшие порывы.

Также Вас могла бы заинтересовать моя книга «Держава Света» и «Пути Благословения», а также «Сердце Азии», но, как всегда бывает, автор, менее других, располагает своими книгами, и здесь в Гималаях у нас их не имеется.

С последней почтой получили мы первый экземпляр моей новой книги, изданной кооперативом нашего Латвийского Общества в Риге – «Врата в будущее». Вероятно, и в Польше она поступит в продажу. Итак, шлю Вам Доброе пожелание в Ваших духовных устремлениях, и буду рад слышать, как доброе зерно, посеянное Вами на Польских нивах даст добрые ростки.

Со светлым приветом,

Доходила ли в Польшу моя книга «Цветы Мории», изданная в 1921 г. в Берлине.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

24 июля 1936 г. Урусвати.

Н.К. Рерих

МИР

“Мир” не случайно означает и вселенную, и мирность. Не случайно эти два великих понятия объединены в одном звучании. Вспомнишь о вселенной, представишь и труд мирный. Приступая к труду, осознаешь и вселенную.

О мире особенно говорят, когда боятся войны. Но ведь войны бывают всякие - и внешние, и внутренние. И зримые, и незримые. Которая война страшнее - это ещё вопрос...

“Да, истинное несчастье обоих человечеств, древнего и нового, что их величайший поэт и мудрейший учитель - певец не мира, а войны, слепой Гомер. Вместе с верой в богов утратил он и веру в мир.

Нет, и не будет меж львов и людей никакого союза:
Волки и агнцы не могут дружитья согласиём сердца:
Вечно враждебны они, злоумышленны друг против друга,
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, доколе один, распростёртый,
Кровью своей не насытит свирепого Бога Арея.

Это и значит: “Все будут убивать друг друга”. “В мире конца не будет войне...”

“Илиадой”, Троянской войной начинается бесконечная война, та самая, которая через все века всемирной истории длится и до наших дней”, - восклицает Мережковский в “Атлантиде”. Мало ли надрывных стенаний. И Данте нашёл палящие места для убийц и злобствующих.

Если рассмотреть все символы и скрижали, то в образах и иероглифах всюду найдем то же желание, сердечно-сокровенное моление о мире.

“Не делай зла животным”, - заповедь Триптолема, посланного Деметрою к одичалым людям послепотопного мира, чтобы, научив их земледелию, высвить от звериной жизни к человеческой. “Зла не делай животным” - в Евангельском смысле звучит: “блажен, кто милует тварь”, ибо “вся тварь совокупно стонет и мучится доньше”, вместе с человеком, и вместе с ним “освобождена будет от рабства тлению”: с ним погибает - с ним и спасается.

Надо человеку убивать животных, чтобы питаться мясом? Нет, не надо, - учит Деметра Плодоносящая. Дух убийства, войны входит в человека с кровавою пищею, а дух мира - с бескровною.

И Гезиод, пастух, пасущий овец на Геликонской горе, поёт:
Бог законом поставил и зверю, и птице, и рыбе,
Чтоб пожирали друг друга, - на то им неведома Правда!
Людам же Правду послал.

Правда: не убий. Всем и всегда возможный, первый шаг: не убивать - не воевать. “Убей - умрёшь, дай жизнь - жив будешь: это и младенцу понятно, это же и тайна тайн”.

Нужно ли оборонять культуру? Нужно, всегда и во всём.

Нужно ли помочь труженикам культуры, утесняемым и обремененным? Нужно, всегда и во всём.

Нужно ли объединяться вокруг знака культуры, чтобы обороть попытки разложения? Нужно, всегда и во всём.

Может быть, культура, знание, красота достаточно всюду защищены и утверждены? Может быть, уже вполне и всюду укреплены основы культуры?

Может быть, работники культуры имеют особый оплот в законах и в сознании народов?

По-прежнему Лига Культуры как голос общественного мнения неотложно нужна!

О мире, о неубийстве приходится говорить. Что же это такое? Неужели все тысячелетия не научили людей тому, что заповедано всеми скрижалями? Но что же видим? Чем дальше, тем неотступнее нужно твердить о сущности мира. Где же тут эволюция, если грозная пушка уже наведена и смертный яд сеется безумно. Даже так умудрились люди, что яд и отравы уже налетают с неба! Из того самого неба, откуда лилась панацейная прана.

Что же это? Под землёю - мины, подкопы! С неба - яд и отравы. Высоко подняты жерла чудовищных пушек. Скоро будет "праздник" ядра, когда оно совершит кругосветное путешествие; когда достигнет всего, что можно разрушить.

"Народы не догадываются, перед какою ужасающею опасностью стоит человечество в случае новой войны", - пишет в своём докладе Лиге Наций проф. Андре Мейер. "Газы прошлой войны были игрушкой, детской забавой, по сравнению с тем, что мы увидим, если разразится новая война", - добавляет другой эксперт, проф. Колумбийского университета В. Каннон.

По недавнему сообщению д-ра Хильтона Айре Джонса в Нью-Йорке, новоизобретенный газ может уничтожить целую армию так же легко, как "потушить свечу".

Правда! Изобретатель отравы думает, что творит правду. Литейщик пушки гордится, что его орудие сразит человека и за горизонтом. Точильщик клинка предвкушает, как железо пронзит все покровы... Мысли человека!

Ох, не такая правда нужна. "Людам необходима другая правда", - говорит Горький, правда, которая повышала бы творческую энергию. Правда нужна, возбуждающая доверие человека к воле своей, к разуму, к добротворчеству.

Другие делают непробойные брони и панцыри. Может быть, они надеются создать оборону против всех злобных вторжений? Пусть будет так.

Оборона культуры, оборона родины, оборона достоинства не мыслит о насильственном вторжении. Броня обороны не есть яд разрушения. Оправдана оборона и осуждено нападение.

Не удивительно ли, по-русски слово мир единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозначны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны. Всеми иероглифами хотели древние дать понять это целебное, спасительное единозначие.

Мир - вселенная и мир - труд мирный вселенский, посев - творящий, красота мира - победительница.

24 июля 1936 г. Урусвати.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

29 июля 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериху Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
29 июля 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Вчера получили мы прекрасно переплетённые книги *Общины* - большое спасибо. Приятно видеть, когда книга обрамлена так заботливо и с любовью. Прилагаю ещё четыре адреса для посылки *Врат в Будущее* для отзыва. Эти адреса годятся лишь для этой книги, и Вы сохраните их для себя лично – это мои друзья. Также по списку, данному 1 июня Гаральду Феликсовичу, мы предполагали посылку тоже лишь книг *Врата в Будущее*. За исключением Варфоломеевой, Шклявера, Асеева и Зинаиды Григорьевны эти списки не для *Общины*.

За последние дни имеем несколько хороших телеграмм из Нью-Йорка: на некоторых позициях злоумышленники потерпели опять поражение. Конечно, из-за летнего времени и судебных вакансий дело с похищением шер затягивается до осени. Злоумышленники настолько стараются всё затянуть, что даже на день разбирательства поместили своего адвоката в госпиталь – без всякой болезни. Вот с какими тёмными силами пришлось иметь дело.

Какие новые встречи происходят у Вас? Давно мы не слышали ничего о Пранде, а ведь он, как бывший ученик нашей Школы, по существу, наверно, дружелюбен. Мне приходилось за эти годы в самых неожиданных городах встречать наших бывших учащихся, и везде было выражаемо самое доброе отношение. Посылаю Вам записной лист *Мир*. По газетам видно, что это слово должно быть повторяемо вроде мантрама – уж очень велико напряжение. К синодику разрушенных памятников приходится прибавить и знаменитый Собор в Севилье. Повсюду можно видеть, насколько необходим Пакт. Нужен моральный стимул, чтобы предупреждать вандализмы.

В прошлом письме мы упоминали Вам Петра Пильского из *Сегодня*. Интересно бы при случае с ним встретиться – если он, может быть, и далёк от Учения, то, во всяком случае, он мог бы хорошо откликнуться на общекультурную программу. В конце концов, Живая Этика для тех, кто уже духовно продвинут, но общекультурная программа может захватывать и привлекать самые широкие круги. А теперь, как Вы можете замечать в газетах ежедневно, повсюду нарушаются даже примитивные культурные обязательства. Шлём Вам и всем друзьям наши лучшие пожелания. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Посылаем статью *По лицу Земли*¹¹ – прошу вставить её в книгу *Нерушимое* между статьями *Король Альберт* и *Желанный труд*. Прилагаем конец оглавления в новом, исправленном виде.

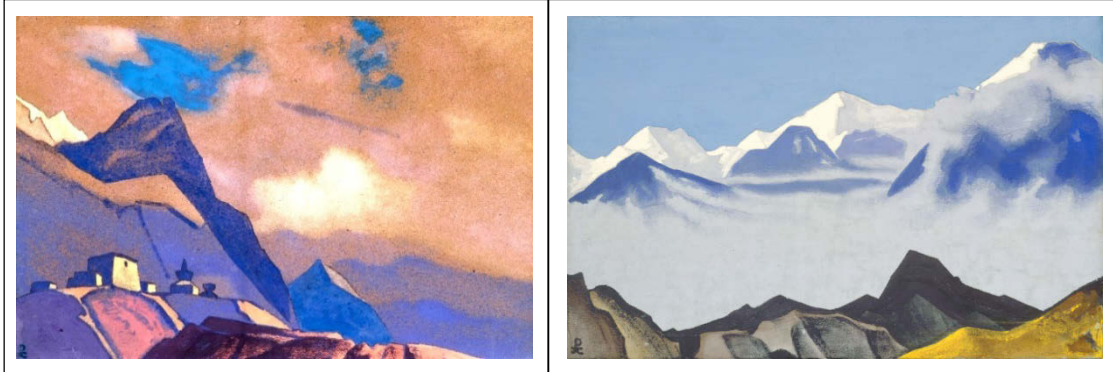
Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

---

¹¹ См. Н.К. Рерих. По лицу земли. 15 июня 1935. Цаган Куре. – Ред.

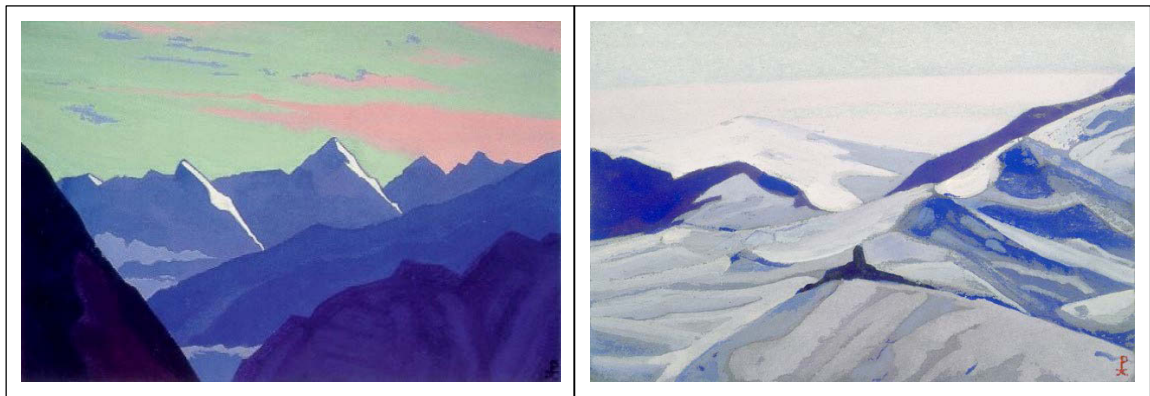
АВГУСТ

*«Сейчас передо мною в облаках Тибетские горы - на север. К югу побежала долина Кулута, связанная со многими именами Махабхараты. ...
На Восток - большие горные перевалы...»*

Н.К. Рерих. Тибет. Гималаи. 1936.

Н.К. Рерих. Кулута (Небесное строительство). 1936.

Н.К. Рерих. Ротанг. Горный перевал. 1936.

Н.К. Рерих. Перевал. (Снежная пустыня). 1936.

***4 августа 1936 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.***

NAGGAR, Kulu, Punjab, Brit. India
4-го августа 1936 г,

Дорогой Александр Николаевич, Твоё дружеское письмо от 7-го июля доставило и мне и всем моим большую радость. Вот Ты удивляешься, почему, проезжая Париж, я не повидался с Тобою. Я же со своей стороны удивлялся, почему в те дни никак нельзя было достичь Тебя. Наконец, мне сказали, что Тебя нет в городе. Я же, со своей стороны, искренно стремился повидаться. Те же самые чувства, которые Ты подчеркиваешь в письме своём, живут и во мне. Если, как мы оба нерушимо чувствуем, мы служим на пашне культуры, то это сознание прежде всего должно быть стимулом общей работы. В конце концов, она - эта общая работа - и происходила все время. Телесно мы могли быть в различных частях света, но по существу мы шли тем же путём, видя перед собою те же вехи пути искусства и знания. Жалею, что некоторые мои записные

листы не дошли до Тебя. В «Пантеоне Русского Искусства»¹² я просил оберегать наши культурные силы. Конечно, Твоё имя и художника, и писателя - знатока трудной области искусства - упоминалось прежде всего. Скорбно звучат слова Твои о том, что часто приходится говорить «как в подушку». Родной мой Александр Николаевич, эти же слова могут быть повторены всюду. Не забуду, как Леонид Андреев²⁸ писал мне: «Говорят, есть у меня где-то читатели, но ведь я-то их не вижу и не знаю». Против такой сердечной скорби может быть лишь одна панацея - единение. Ведь единение есть не только нравственное понятие, но и реальнейший двигатель.

Мне хочется, чтобы мои письма и Твой дружеский сердечный отклик являлись бы доказательством того, что никакие физические границы не могут препятствовать истинному единению и доброжелательству - попросту говоря, дружбе. Вся Твоя работа, все Твои писания, все то, что младшие поколения от Тебя получают, всё это так ценно, как истинные вехи по пути правильному. Должны же люди когда-то понимать, в чём заключается истинная ценность, и научиться беречь то, что неповторяемо. При этом поразительно наблюдать, насколько сплочены полчища вандалов-разрушителей и насколько разрозненны культурные силы, которые в каких-то даже неуловимых для сознания междуусобиях обессиливают себя. Ты пишешь, что, может быть, оставаясь в России, можно бы больше сделать. Но ведь скоро мы там встретимся. И поверх всего принесём молодым поколениям все, опытом накопленное. Радовались мы Твоим поминаниям о Твоей семье. Там, где истинная культура, там и устои прочны. Привет от всех нас всем Твоим.

Ты спрашиваешь, где и как мы живём. Сейчас передо мною в облаках Тибетские горы - на север. К югу побежала долина Кулута, связанная со многими именами Махабхараты. По долине вьётся бурно каменистая река Беас. Имя её от Риши Виаса, или Беаса. Река знаменательна тем, что явилась пределом для Александра Великого. На Восток - большие горные перевалы, а за ними селение Малана, где до сих пор говорят на неизвестном языке. На запад опять горы, а за ними Лахор и пути к Афгану и Туркестану. Вот Тебе наша топография. Все мы, как всегда, работаем усиленно. Действительно, сердце Елены Ивановны натрудилось во время наших горных Тибетских экспедиций и теперь требует величайшей осмотрительности. Но если бы Ты видел всю её самоотверженность, и устремленность к работе, и постоянное вдохновение всех, её окружающих, Ты преисполнился бы радости. Это большой подвиг. Не жалея себя, Е. И. работает целыми днями, и как раз надо мной на втором этаже её машинка пишущая стучит, не переставая. Много написано, многое переведено. Многим доставлена радость. Юрий работает, не покладая рук, над англо-тибетским словарём, в который уже вошло до 3.000 ранее не отмеченных слов; одновременно он пишет историю Средней Азии. Сначала думал, что она уложится в один том, но тема так велика, что и в два больших тома с трудом уложить можно. Святослав написал много отличных картин - сильных красками и чётких в форме, кроме того, он занимается медицинскими растениями, для которых Гималаи являются настоящим рассадником. Предлагали мне выставку в Лондоне, Стокгольме и других местах, но для этого нужно, прежде всего, самому там побывать, а это не так-то легко. Все мы твёрдо верим, что близки сроки, когда каждый в своей области принесёт пользу в России. Нельзя зани-

---

¹² См. Н.К. Рерих. «Пантеон русской культуры». 1931.

маться лишь бывшим. Нужно помочь будущему. Посылаю Тебе мою очередную книгу «Врата в Будущее». Надеюсь, что это письмо достигнет Тебя ещё в милой Швейцарии, а книгу для верности pošлю прямо на Париж.

Слышали мы - и Дризен, и Рауш умерли - хорошие были люди. Также слышали, что Билибин едет директором в Ташкент. Если увидишь его, передай ему мой сердечный привет.

Очень интересуемся и работами Коки. Только подумать, что уже четверо внучат. Поистине, крепость семьи есть настоящая твердыня. За эти дни читал ещё два Твоих фельетона о Парижских выставках. До чего нужна Твоя ясная мысль и знание фактов. Столько нагромоздилось около искусства, что, лишь опытный садовник может расчищать эти заросли. А о мировом положении уже лучше и не говорить. Точно бы всё человеконенавистничество задалось целью порушить планету. Откуда такая злоба. Если всем трудно, то ведь ненавистью ничего не достичь. Единение и добротворчество путь единый. Сердечный привет Анне Карловне и всем Твоим. Привет П. Н. М<илюкову>. Привет всем друзьям - Тебе виднее.

Сейчас прочёл о Твоём успехе в Лондоне - от души радуюсь.
Сердечно, духом с Тобою,

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

4 августа 1936 г. Melluzi¹³

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К.Рериху

Melluzi, 4 августа 1936 г.

Дорогой Николай Константинович!

Получил Ваши письма от 11 и 20 июля и приношу Вам свою сердечную благодарность. Ваши статьи *Борьба с невежеством*, *Горький* и *Новая Эра* присоединил к сборнику. Первая статья, как обычно, потерпела неудачу в редакции *Сегодня*. Знаю, что здесь ещё всё же есть настроение против Вас. Если что и напечатали, то лишь то, что писал их сотрудник, или в связи с ним. Статью о Горьком pošлю также в Эстонию и Литву. Хорошо было бы и в Швецию, но не знаю как. Нужно знакомого в высших кругах. О Швеции отвечу подробнее Владимиру Анатольевичу.

Получил также драгоценные посылки – *Нерушимое* и 200 параграфов *Аума*. Вашу книгу уже начинаем набирать.

Мы разослали, между прочим, также *Врата в Будущее* по Вашему списку. *Врата в Будущее* недавно мы начали Вам высылать и экземпляры брошюрованные, печатанные на другой бумаге, и также в переплёте. Оказывается, что первая, белая бумага всё же для чтения не так приятна, как вторая, которую мы считали немного более худшего качества.

Я получил от Е. Туркиной ответ на мой запрос о *Священном Дозоре*. Хотя здесь, должно быть, ничего нового для Вас не будет, всё же прилагаю для Вас копию этого письма. Послан ли Е. Туркиной экземпляр *Врат в Будущее*? Если нет, то мы вышлем.

---

¹³ Мёллузи (латыш. Melluži) — составная часть города-курорта Юрмалы. – Ред.

Буцен в своём письме к Вам о своей поездке в Эстонию, между прочим, сердечно отзывался о m-me Ким из Таллина, в которой он видит будущую опору нашего Учения в Эстонии. Также и некоторые другие члены в восторге от неё. Хотя я не познакомился поближе, но и моё впечатление было благоприятным. Главным образом привлекает её большая энергия, её культурный ум и её чистое сердце. Но моё мнение, что первое условие для её дальнейшего продвижения – она должна освободиться от влияния Розендорфа, без этого она со всеми своими прекрасными планами останется на полпути. Она выступила также раз на нашем общем собрании, но нас неблагоприятно поразило её утверждение, которым она начала речь, что она имеет великое счастье быть ученицей Розендорфа и что последний получает непосредственные указания от Белого Братства (должно быть, через астральных проводников, подобно Балоду в Риге и многим другим, более или менее подверженным психизму). Одна из отличительных черт нашей эпохи, как Вы знаете, та, что в ней выступает множество различных пророков, основателей сект и пр., которых Учение хорошо охарактеризовало. Также и у нас в Риге их не мало. Главное, что все они открыто или тайно дают другим понять, что их учение единственное в своём роде, что они являются или высшими посланниками, или реформаторами, что единственно по их плану мир будет спасён. О Балод, под влиянием которого находится виндавский Принц (как прекрасно они охарактеризованы в *Мире Огненном*, ч. III, 267!), Вам подробнее напишет Буцен, который сам когда-то краткое время состоял в его обществе. Хочу лишь здесь заметить, что Балод считает себя посвящённым, и даже псевдоним для себя выбрал «Рофант», т. е. Hierophant!

Буцен мне прочёл копию своего последнего письма к Вам. Меня удивило, что он между прочим сообщает, что Карл Иванович уклонялся от сотрудничества. Я уверен, что Буцен своё суждение сформулировал слишком резко. Я говорил с К.И., и уверился, что мы его привлечём вновь к более активному сотрудничеству на пользу Обществу, лишь только найдём подходящую форму сотрудничества, в которой он психологически мог бы участвовать с неподдельной радостью. Мы думаем, не предложить ли Карлу Ивановичу какую-нибудь почётную должность, например, в связи с Пактом и пр. Но это можем предложить ему лишь внутренним порядком, так как наши внешние статуты этого не предвидят, а изменить статуты в настоящее время, когда всё ещё закрываются общества, пока невысказано. При последней встрече К.И. обещал мне просмотреть немецкий перевод *Листов Сада Мории*, он в принципе не был также против чтения рефератов и т. д. Мы решили предложить ему руководство новой группой Учения. Я хотел бы добавить к сообщению Буцена ещё и то, что он отнёс Карлу Ивановичу наше письмо – сердечную благодарность нашего правления за его труд на пользу Обществу и с приглашением и впредь нам пособлять своими сердечными советами и трудом.

Нас обрадовало, что в латышском журнале *Sejejs* в трёх номерах помещена длинная статья Дуцмана, бывшего нашего посла, теперь международного судьи при Лиге Наций, – о «расширении сознаний». Дуцман был другом Феликса Денисовича, от него он получил также первые сведения об Учении, но наше Общество не посещал. Когда я послал ему свою книгу о Вас, он ответил мне с большим энтузиазмом, потом я писал ему дважды, послал книгу Клизовского, потом и книги Учения, но он не ответил. В этой статье растолковываются основы эзотерического христианства, но проводятся параллели с новым во-

сточным Учением. Утверждается, что это новое Учение сменит Учение Христа как следующее откровение, приводятся цитаты из Учения, хотя и не упоминаются названия книг. Между прочим, интересно его заключение, что место в Евангелии, где Христос говорит: «Я буду с вами до конца мира», неправильно переведено и растолковано. Так, в шведской Библии вместо «до конца мира» переведено «до конца эпохи». При этом автор делает вывод, что Христос сам утверждал, что Его Учение предназначено только для данной эпохи, но после него появится новый Учитель. Особенно приятно, что эта статья появилась в официозе, где мы менее всего этого ожидали, и конечно, как принадлежащая перу дипломата, вызвала широкое внимание. Лишь в месте, где автор истолковывает понятие реинкарнации, редакцией поставлено особое примечание.

Шлю Вам и Елене Ивановне самые искренние и самые чистые мысли и пожелания моего сердца.

Сердечно преданный Вам,

Р. Рудзитис

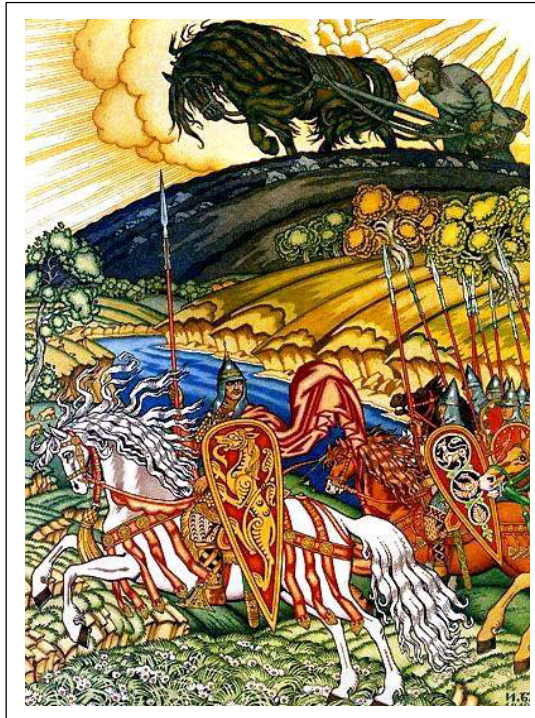
Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**16 августа 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку**

16.VIII.36

Родные наши З[ина], Фр[ансис], М[орис],

Опять, наверное, не знаем, дойдёт ли сегодня к вечеру Ваша воздушная почта. Но всеми силами души чуем, что сейчас должны происходить спешные накопления для реферее и прочих выступлений. Только подумать, что это письмо к Вам дойдёт уже в сентябре! Какие же новые попытки злоумышленников обозначатся к тому времени? Советы указывают, что эти попытки будут очень и злобны, и определённы. Можно ожидать их около картин. Но если наши издатели и все друзья соберут все материалы правды и защиты, то каждая злобная попытка окончится торжеством справедливости. Главное же, необходимо, чтобы publisher'ы могли без запинки правильно ответить на всём широком фронте. Ярая злоба преступников может бросаться на самые, казалось бы, неожиданные пункты. Широко за пределами Нью-Йорка сеются всякие попытки. Наверное, эти попытки также нелепы, как замочный приход для Вашего ареста, но злоба в своём самоотвержении не считается с нелепостью. Ей нужно лишь выпустить яд и сеять зло. Но, в конечном итоге, даже тёмные действия окажутся полезными. Например, по[добные] нападения мракобесов на Дальн[ем] Востоке породили неожиданных друзей и такие полезнейшие легенды, которые без старания мракобесов не получили бы такого нужнейшего распространения. Наверное, и Вы оцениваете этот поразительный пример тактики адверза. Впрочем, наверное, помянутые легенды до Вас не доходят, и потому, конечно, Вам труднее судить об этом. Но действия мракобесов и вандалов нуждаются в бдительном контроле, ибо они дают нам возможность проявить удары Света. Мощь ударов зависит от сопротивления. Разве не замечательно, что Билибин сейчас пишет фреску "Микула Селянинович" для здания посольства в Париже?

И. Билибин. Вольга и Пахарь Микула Селянинович.

Таким образом, русский исторический эпос, одна из древнейших былин о торжестве земледелия и строительства, опять победоносно появляется на стендах во славу будущего строительства. Вот насколько неисповедимы пути! Мог ли кто-нибудь до этого года помыслить, что именно в указанный срок свершатся такие замечательные подвижки? Всё предсказанное совершается с такую точностью и в таких особо широких размерах, что каждый хотя бы ежедневно газеты читающий может поражаться, как осуществляется предсужденное.

К вечеру пришли письма Зины от 30-го и Франс[ис] от 31-го июля. Кошунство, произведённое в часовне св. Сергия, поистине потрясающе!!! Вот на какие кошунства и вандализмы посягают тёмные силы! Теперь Вы ещё раз понимаете, почему даны Советы о возможности атаки на Музей, картины и всё около этой сферы. Если до всякого суда можно (вероятно, ночью) врваться и кошунствовать даже в самых священных местах, то, что же можно предположить в отношении всего остального! Из письма Зины и из письма Франс[ис] видим, что все Вы рады сотрудничеству с Миллером. Это очень хорошо, ибо этот опытный и философски настроенный сотрудник может быть истинно полезен. Надеемся, что Стокс знает о том, что Милл[ер] Указан. Наверное, все Вы ему об этом достаточно сказали. Что касается до названия Общества, то если бы, паче чаяния, оказалось, что Общество Р[ериха] инкорпорировано, то мы писали, что может быть и Ассоциация Р[ериха] или Центр Р[ериха] – словом, в любой форме может быть выражено общественное мнение. Ведь такая организация может иметь и бюллетень, и все прочие общественные функции. По-сылаем это письмо, как несколько предыдущих, в двух копиях, чтобы одна осталась у Зины, а другая у Франсис. Мы помним, что Франсис вполне понимала язык, который был даже в их доме. Очень ценим все хлопоты Франсис об успехе Бостонской выставки. Конечно, кроме материала, посланного отсюда,

весь главный материал Вы имеете в Нью-Йорке, а само выставочное помещение может подсказать, какими вещами и предметами его можно декорировать.

Конечно, было бы прекрасно, если осуществится аргент[инская] выставка. Всё зависит от того, насколько сами художники почувствуют, что она им полезна. Очень тронуты сердечным письмом Фосдика и всем его отношением. Поистине, о друзьях, так ревностных, в тяжкие дни редко приходится слышать. В литературе иногда такие характеры указываются, но в современной жизни такая героическая самоотверженность – явление величайшей красоты. Да будет им Светло! Получаем вести с Дальн[его] Вост[ока], показывающие, что там очень хорошо воспринимаются современные сдвиги. Ко времени получения письма, вероятно, уже будет известно имя ref[eree]. Можно представить себе, как ref[eree] должен справедливо возмутиться повторными вандализмами, кощунством в часовне, самовольными попытками действий до определения суда, чудовищною попыткой Вашего ареста. Помимо статей законов, вся человеческая мораль и честь должны возмутиться такими преступлениями. Грозно время переживаемое, и судьи должны подумать, что они являются выразителями и утвердителями нравственного уровня всей нации. Берегите прежде всего здоровье духовное, иначе говоря, единение. Благо тем, кто выступил на защиту имени преподобного. Чудесный цветок вплетут они в свой победный венец.

Сердцем и духом с Вами, *Н. и Е. Р.*

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

19 августа 1936, Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
19 августа 1936 г.

Дорогой Рихард Яковлевич, родной наш.

Сейчас получено Ваше письмо от 11 августа, как видите, побившее рекорд скорости. На это письмо, так же как на предыдущее, по всем затронутым Вами вопросам ответит Вам Елена Ивановна. Мне же хочется предупредить Вас, что части книги Аум, Вам посылаемые, отнюдь не представляют из себя всей книги. Поэтому всё постепенно Вам пересылаемое с пометкой «Для печати» складывайте в одну папку. Когда же придёт последняя часть с надписью о том, что она представляет собою окончание всей книги, тогда можно начать и печатание. Посылаю маленькую добавку к статье *По лицу Земли*. Прошу Вас поставить эту выдержку из Пифагора в самом конце, с большими полями (направо и налево), нежели остальной текст.

Вы пишете, что из Шанхая выписано 80 книг Учения. Даже и в случае дружественной выписки, поставьте дело на прочных деловых основаниях. Особенно это нужно сейчас, когда мир находится в таких потрясённых условиях и трудно говорить о безопасности ближайшего времени. Не хотелось бы, чтобы издательство могло страдать от каких-либо внешних условий. С большим нетерпением ждём от Вас сообщений о Швеции – о чём писал Вам Владимир Анатольевич ещё 29 июня. Большое спасибо за Ваше сведение, что ответ на это письмо придёт очень скоро. Действительно, мы его ожидаем чрезвычайно. И в моём письме был очень нужный вопрос о способе пересылки книг и

журналов туда же. Обо всём – и о пересылке книг и журналов, и сообщении письмами нужно иметь данные очень спешные. Вы сами видите, какие спешные сдвиги совершаются. Происходит именно Предуказанное. Ввиду всяких чрезвычайных событий нужно выяснять и пути сообщения и вообще быть в курсе всего происходящего. Спасибо за копию письма Туркиной из Харбина. Письмо очень хорошее, но, Вы правильно замечаете, оно не прибавило никаких новых сведений. Остаётся непонятным, почему местные жители не могут справиться в магазине Зайцева сами или же через другие книжные магазины. Например, там имеется так называемая *Маньчжурская книготорговля* – лавка вполне дружественная, не проще ли всего через неё запросить, в чём дело. Ведь хлопочу я не как автор, но чтобы злоумышленники не создавали бы какой-то легенды о таинственном вывозе книги. По нынешним временам нужно проявлять во всём чрезвычайную осмотрительность и зоркость. Ведь злоумышленникам нужны не факты, а легенды, ими же самими изобретаемые. Итак, будем очень ждать Ваших спешных сведений о Швеции. Впрочем, вероятно, они уже летят на следующем аэроплане. Пришлите также и Ваш проект предисловия к *Нерушимоу*. Все мы шлём Вам, Вашей супруге и всем друзьям сердечный привет. Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

24 августа 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (Для Зины и Мориса)

24.VIII.36

Родные З[ина], Фр[ансис], Амр[ида] и М[орис],

Хотя Ваша воздушная почта опять не дошла и объявлено о размытых путях, уже третий день идёт проливной дождь, но всё же шлём Вам краткую весточку, может быть, она дойдёт как раз к началу разбора referee. Продолжает заботить нас Указание о возможности появления лжесвидетелей. Помимо всяких служащих в доме, злоумышленники могут найти и других pincomproor'ов. Ознакомили ли Вы адвокатов с биографиями их приспешников-pincomproor'ов? Ведь все эти pincomproor'ы – бывшие люди. Каждый из них по разным причинам должен был покинуть свои прежние занятия, и адвокаты непременно должны знать это. Давали ли Вы читать Миллеру мои статьи, в которых так хорошо отзываюсь об Америке, и эту сторону полного доброжелательства адвокаты должны твёрдо знать. Мы шли к Америке с открытым сердцем, принесли весь наш опыт, и знание, и творчество, и сейчас смотрим на Америку как лучшие друзья. Конечно, всю клевету и наносимый огромный ущерб мы не относим к стране, но локализуем около одной зловредной группы. Мы до сих пор не знаем, какие же причины, кроме трио, так действовать. В преступлениях трио там всё ясно: и кража, и кощунство – всё направлено, чтобы доказать, насколько они хотят оскорбить все великие Основы. Для нас особенно показательно последнее оскорбление часовни, этим злоумышленники показали, Кому они объявили войну. Дело не в том, что вынесено несколько икон, но смысл кощунства был в том, чтобы показать своё враждебное отношение к этому священному месту. Ведь не в разорении дело, но именно в явном желании произвести кощунство.

Может быть, кто-то посторонний и не оценит случившегося в полной мере, но Вам-то всем, знающим её основы, должна быть вполне ясна неслыханная преступность этих деяний. Какова же была мера лицемерия трёх преступников, когда они будто бы негодовали о совершившихся вандализмах и приносили лицемернейшие речи в защиту культурных сокровищ! Какова же должна быть природная грубость и подлость, чтобы после стольких лет общения к Основам, к утончённому мышлению, к высшей культуре, они сразу могли скинуть как неуместное одеяние всё культурное, всё священное, всё прекрасное! Если Леви хотел вернуть вложенный им в дела капитал, то разве такими преступными деяниями можно достичь успеха? Неужели же и всё происходящее в мире не заставит этих преступников задуматься! На днях даже в местных английских газетах мы читали об Армагеддоне. Даже в самых, казалось бы, далёких сознаниях очевидность заставляет просыпаться чувство опасения о будущем. Но *pinсomпроор*'ов-преступников, служителей тьмы, происходящее лишь наполняет злобою и мерзостью. Давно ли *pinсomпроор* восхвалял Высшие Силы, спасшие его от смерти, а теперь он будет оправдывать всякое кощунство против тех же Сил! Происходящее является просто кучею каких-то мерзостей, клевет и лжесвидетельств.

Получили ли Вы посланное нами Вам письмо Кеттунен? Вот во что превращается скудное сознание. Истинно: невежество есть ад. А в то же время уже пишутся фрески о Микуле Селяниновиче. Сокровище народного эпоса опять приобретает своё значение. Как замечательно наблюдать борозды судьбы! Недаром так обеспокоены силы ада. Пробуждение стремления к истинному знанию и культуре духа есть главное поражение тьмы. Мы написали Казинсу об удачном свидании Франсис с Селенами. Казинс известил нас, что моя картина так оценена махараджей, что он поставил её среди своих любимых предметов искусства. В следующей почте передам Франсис просьбу редактора "Twenty Century" поставить его в связи с газетами Америки. Ввиду того, что он очень хороший журналист, может быть, херстовские газеты таким контактом заинтересуются? Как здоровье Косгрева, этого достойного друга и первоположника выступлений против тьмы? Просим передать ему наш самый сердечный привет. Вероятно, уже вернулся Ф.Стокс – его голос у *referee* будет так необходим. Сегодня из-за размытых дорог не мог заезжать к нам наш Ман, везший журнал с рецензией о книге Сутро. Значит, лишь на будущей неделе сумеем послать этот журнал. Как-то откроется Школа? Но будем надеяться, что, хотя бы в повреждённом виде, она без опоздания начнётся, ибо такая деятельность тоже является поражением сил тьмы. Надеемся, что и адвокаты окончательно оформили свою защиту правды. Ведь у них в руках столько документов высокого морального значения, которые нужны будут для *referee*. В связи с происходящим в мире так повелительно необходимо утверждать моральные основы. Только этим путём придёт и всё остальное. Ждём ответа на наш запрос о положении Лиги Культуры. Также, инкорпорировано ли новое Общество? Такой ответ общественного мнения тоже будет ударом для преступников. И ударом особо чувствительным. Ведь главная их задача – уничтожить авторитет, после чего остальное легко рассыпается. Все мысли с Вами.

Сердцем и духом,   *Е. и Н. Р.*

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

26 августа 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (Для Зины и Мориса)

26.VIII.36

Родные наши З[ина], Амр[ида] и М[орис],

Хотя и с опозданием, вследствие порчи пути, сейчас всё же дошли письма от Зин[ы] по 7-ое авг[уста] и от Мор[иса], Кл[айд] и Дорис по 6-ое авг[уста], от Франс[ис] письмо от 8-го пришло неделей раньше. Очень тронуты соображениями Франс[ис] о Буффало и Зин[ы] относительно Зейдель в связи с картинами. Примем во внимание необходимые при этом деле обстоятельства. Не забудем, что из-за действий Леви нам приходится сейчас особенно высоко держать знамя Музея. Вы знаете о цифре, в которую ценился Музей. Значит, если бы сейчас почему-либо произошло крупное падение расценок, то помимо всяких художественных и материальных соображений, это, прежде всего, создало бы большие осложнения и для всего дела. Ведь это не осталось бы тайной, и Вы можете себе представить, что на этом стал бы разыгрывать злоумышленник. Ведь между юристами многое становится обоюдно известным, Вы об этом прекрасно знаете, и таким путём всякие слухи могут достигать совершенно нежелательные уши. И без того для удобства посылки будут избегать город, и будут приниматься в соображение и размеры, ибо для посылок, как Вы знаете, существуют определённые правила, предусматривающие и размеры, и вес. Но, конечно, как Вы знаете, ценность картины не в весе и не в её размере. Каждый коллекционер знает, как часто он платил за малую вещь во много раз больше, нежели за большую того же мастера. Припоминаю курьёзный эпизод из Японии. На местной выставке я имел неосторожность похвалить картину одного известного художника, величиною, думаю, не менее 150 кв. футов, изображавшую туман в горах. Представьте себе однотонное безбрежное море тумана, чуть тронутого по холсту, из которого наверху холста поднималась небольшая снежная вершина. На другой день я был осчастливлен сообщением, что художник, тронутый похвалой, подарил мне этого "слона". Мы конфузливо принуждены были замолчать этот дар, ибо с таким грузом мы двигаться не могли и заплатили бы за пересылку его большую сумму. Ценность каждого художественного произведения не в размере, но в его сущности. Если в Буффало имеется в виду определённая галерея, то относительно Лос-Андж[елеса] следует сообщить Зейдель, что сам способ выставления или ознакомления с картинами должен быть очень достойным. Ведь невозможно приносить картины на дом в неизвестную обстановку и там оставлять их на неизвестных людей. Нельзя показывать без рам. Публика менее всего ценит вещи, которые будто бы так легко циркулируют. Потому-то реноме самой галереи, где картины показываются, так важно. Уронив достоинство и ценность, невозможно будет их восстановить; к этому помню слова Акселя Галлен-[Каллела]. Конечно, Вы все эти соображения знаете, но Зейдель, оказавшаяся в этом деле новичком, может себе не представлять всех таких основных, крайне важных условий. Конечно, вспоминая Зейдель, я чувствую, что она найдёт достойный вкус и такт, чтобы охранить поручение. Кто знает, может быть, и для Бостонской выставки некоторые небольшие картиныгодились бы. У Вас имеются две вещи, имеющие внутреннее отношение к экспедиции, может быть, успеют подойти и ещё несколько. Не будем чересчур обременять почту. И то уже риск довольно велик. Помимо прочего у нас вследствие дождей путь затруднён временно. Какая разница в сроках корреспонденции! В то время как

с Гинденбургом одно письмо дошло в девять дней, а пароходная почта берёт пять недель, не говоря уже о долгих сроках почтовых посылок или грузов.

Понимаем все трудности Зины к открытию Школы – ведь столько разрушено и исковеркано. Полагаю, что было бы полезно немедленно же создать, кроме деканов, маленький Совет преподавателей. Наверное, кроме доброжелательных – Мордкина и Врионидеса, найдутся ещё двое или трое, чтобы из них образовать нуклей и тем ближе иметь их суждение и советы. Таким образом, будет ещё одна инстанция, с которой Зина будет в состоянии обсуждать создающиеся положения. Помнится, один из племянников Пальмера показался Юрию и Свету довольно симпатичным. Между прочим, вспоминаю, как хорошо покойные сестры относились к Зине, неужели их симпатии потом почему-то замерли? Чтобы не забыть, напомните Зейдель о некоторых бывших недавних ценах. Хисс – 6500 долл[аров], Мэри Гардин – 3800, Пальмеры – 5000, Крейн (по знакомству) – 3000; размеры этих картин Вам известны. Также не забудем и картины у Сутро. Снабдите этими сведениями и Зейдель, ей они могут очень пригодиться, как фактические данные. Также помните, что Сторк, по случаю, купил у Кошиц мою картину за 1800 долл[аров]. Моё “Святое озеро” в Ливерпуле дало хорошую цену, свыше 500 анг[лийских] фунтов. В Швеции за маленькую картину платили 6000 крон. Всё это полезно для записной книжки Зейдель. Передайте ей наш сердечный привет.

Очень благодарим Инге за журнал заседания от 9-го июня. Вероятно, пришлёте нам и журналы заседаний предыдущих собраний? Для истории дел такие документы чрезвычайно важны.

Здесь нам трудно установить, было ли собрание 9-го июня первым Комитетом Защиты или Комитетом Друзей Музея? На месте Вам виднее, как разделяются эти два Комитета. Впрочем, когда будет зарегистрировано наше Общество, то может быть один Комитет Защиты, а все другие могут действовать уже от имени Общества, будучи его членами.

Читали мы в газетах о завещании Пальмера, и ещё раз становилось нам ясным, что атаки Леви на Учреждения могут отталкивать всех друзей. Пусть и адвокаты поймут, что делает клевета и вандализм. Действительно, можно представить отход многих друзей, если будут читать в газетах всевозможные клеветнические мерзости. А ведь такие друзья, как Пальмер, как Вы теперь видите, имели достаточно средств, чтобы посмертно откликнуться на нашу Школу и научно-художественные Учреждения, которым они уже начинали помогать. Вот плоды клеветы! Теперь, если бы кто-то сказал, что в газетах допустили всякие клеветнические выпады и общественное мнение вовсе не должно вставать на защиту правды, то такому человеку следует напомнить, что и в каждой культурно-цивилизованной стране общественное мнение особенно сильно выражается. Какой же вред причинили прекрасное письмо Ф. Стокса и Косгрева и упоминание газетами имени Плаута в связи с январской клеветой – наоборот, все эти голоса были заслушаны далеко за пределами Америки и вызвали удовлетворение в людях, преданных Культуре. На всё дело о клевете мы не смотрим как на дело личное и частное – оно тоже составляет Крестовый поход за Культуру и прокладывает этап прогресса страны. Не лично боеем о клевете; только что в журнале “Вера и Жизнь”, полученном из Риги, читаем следующий пассаж: “В древности за колесницей победителя-триумфатора бежал клеветник, который громко кричал, обвиняя во всех самых ужасных преступлениях украшенного лавровым венком триумфатора. Но

этим клеветник не только не вредил последнему, а ещё усиливал овации и рукоплескания в среде чествовавшего победителя народа”. К такой манифестации пришла классическая мудрость. Знаем мы с Вами, что “клевета – как факелы дикарей в ночных переходах”. Видите, как классическая мудрость заботилась об общественном мнении и пользовалась всеми средствами для того, чтобы её вызвать. Если кто думает, что в истории Культуры достаточны неопубликованные определения суда – кто о них помнит!

Кроме того, очевидно, не без причин во всей истории человечества высказывалась забота о мужах праведных. Ведь и Плаут уже имел случай убедиться в странно формальном отношении суда, когда его ходатайство было отклонено. Ведь без общественного мнения не может быть и суда! Недаром многоопытный адвокат Дэрроу так ещё недавно скорбел о всяких несправедливостях и причину этого видел в отсутствии общественного мнения. Вы уже знаете, как блестяще окончилось дело Юсуповых за клевету и дело бельгийского министра за клеветническое название его. Очень важно, что дело Юсуповых протекло в Америке и велось американским адвокатом-женщиной. Очевидно, этот адвокат очень понял элементы всего дела. Так же точно, если бы у кого-то ещё осталось недоумение о причинах неприезда, то скажите ему совершенно ясно о всех семи причинах. Казалось бы, каждый вдумчивый человек поймёт, что болезнь Е.И., сложившаяся на служении культурным делам, уже одна является решающим основанием. Если же к этому прибавить все последствия клеветнических выпадов и все отвратительные угрозы, всякие последствия докладов Лабуле и финансовые трудности, то ведь это получается целое нагромождение обстоятельств, из которых ни одно ещё не было разрешено удовлетворительно. Покинуть же сердце Е.И. в смертельной опасности и одним опрометчивым решением всё ниспровергнуть – ведь это недопустимо ни с какой человеческой точки зрения. Ведь те же люди, которые невдумчиво настаивают, после непоправимо случившегося хватают себя за голову в ужасе, что такое непоправимое несчастье произошло. Но Вы-то, родные, знаете, насколько невозможно идти против Указаний.

В Париже всё время продолжают хлопоты по урегулированию последствий клеветы в передаче Лабуле. Без документов уже двигаться нельзя. Вообще, ни в чём не теряется ни дня, ни часа. Укрепляются и завязываются новые отношения. Постоянно получают доброжелательные доказательства из мест совсем неожиданных. Только что получили из Варшавы на польском языке целую брошюру о Пакте и даже не знаем, какие такие неведомые друзья её напечатали. Но брошюра лежит перед нами и так же, как деятельность в Латвии и журнал литовский, напоминает, сколько неведомых друзей бодро работают во славу Культуры, понимая, что сейчас самое важное время для посева этих зёрен, для своевременного урожая. Не дальше как вчера наш новый корреспондент из Гонконга прислал интереснейшие газеты. И вот при этом размахе происходящего как сугубо отвратительны преступления трио. Замечательны предложения в Лондоне и Варшаве руководить Домами Культуры. <...> Пусть все моральные основы дела будут особенно всемерно закрепляемы, полное Ваше единение будет залогом скорой победы.

Сердцем и духом с Вами,

Е., Н. Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера», 1998.

28 августа 1936, Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
28 августа 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Пишу Вам несколько строк, чтобы успеть на сегодняшнюю воздушную почту. На пути столько поломок от дождей, что чем скорее отправить, тем лучше. Да и Вы весьма мудро отмечаете необходимость спешности в Вашем последнем письме к Елене Ивановне, только что полученном. Действительно, всякая спешность нужна. Обложка может быть для *Нерушимого* такого же цвета, как в *Мире Огненном*, и напечатать на ней можно тою же краскою, как на *Мире Огненном*. Что касается бумаги для самой книги, то лишь бы она была не тоньше, чем в полученных нами *Вратах в Будущее*. Очень тонкая бумага легко мнётся и ломается, к тому же более пухлая бумага всегда была не только не дороже, но даже дешевле тонкой. На пухлой бумаге и шрифт ложится более жирно и отчётливо.

Кто именно пишет отзывы для рижских газет о *Вратах в Будущее*? Сами ли Вы, или Судрабкалн, или Пильский, или кто иной из доброжелательствующих? Из присланного Вами отзыва Пильского видно, что он точно бы хотел писать о Пакте. Досмотрите, чтобы о Швеции сейчас ничего дурного не писалось в связи с нами. Дайте Пильскому рижский сборник и книги о Пакте, если лишние имеются. Как гремит Армагеддон! Но предсуждённое неисповедимыми путями сбывается. Тороплюсь отправить – с нетерпением ждём вестей относительно Швеции. Е.И. скоро прийдёт продолжение *Аума*. В субботу выслали Вам страницы, о которых Вы писали, для Вашего манускрипта *Аума*. Сердечный привет Вашей супруге и всем друзьям от всех нас.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Если будете писать в Харбин, то, пожалуйста, пишите так, чтобы каждый местный жандарм мог бы прочесть в своё удовольствие – многих имён вообще лучше не поминайте. Недавно читали в газетах, что там хватают невинных людей и льют им в нос керосин, - комментарии излишни.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

«Обложка может быть для *Нерушимого* такого же цвета, как в *Мире Огненном*...»

СЕНТЯБРЬ

М. Чюрлёнис. Сказка королей.

М. Чюрлёнис. Дружба.

3 Сентября 1936 г. Урусвати, Гималаи
Н.К. Рерих

ЧЮРЛЯНИС

Слышу, что имя Чюрляниса стало национальным именем в Литве, сделалось гордостью народа литовского. От души радуюсь этому. Каждое признание истинной ценности всех веков и народов должно быть приветствовано. Там, где ценят своих героев, творцов и тружеников, там возможно и светлое будущее. Довольно бывшего невежества, когда на разных путях истории мы видели, как попирались и оскорблялись лучшие человеческие достижения. Довольно невежественных отрицаний. Народ может жить лишь светлым допущением и утверждением. Когда постройка идет - всё идёт.

Ещё недавно было принято или осмеивать, или скептически пожимать плечами на всё новое и необычное. Ох, уж эти скептики, которые в своих зачерствелых сердцах готовы придушить каждое молодое достижение. Если кто-то является в новой форме, то разве такое обновление уже должно стать уделом растерзания?

Вспоминаем Ван Гога, пославшего своему домовладельцу в уплату за квартиру своё отрезанное ухо как символ пресловутого Шейлоковского мясного вознаграждения. Вспоминаем, как Модильяни умер с голода, и лишь этот потрясающий конец открыл доступ к общему признанию его произведений. Вспоминаю происходившую на наших глазах трагедию гениального Врубеля. Но сошёл ли он с ума от всех тех жестоких несправедливостей, которыми невежественные дикари кололи и обжигали его возвышенное сознание?

Трудна была земная стезя и Чюрляниса. Он принёс новое, одухотворённое, истинное творчество. Разве этого не достаточно, чтобы дикари, поносители и умалители не возмутились? В их запылённый обиход пытается войти нечто новое - разве не нужно принять самые зверские меры к ограждению их условного благополучия?

Помню, с каким окаменелым скептицизмом четверть века назад во многих кругах были встречены произведения Чюрляниса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенно

обдуманых тонов, ни прекрасною мыслью, которая напывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нём нечто поистине природно вдохновенное. Сразу Чюрлянис дал свой стиль, свою концепцию токов и гармоническое соответствие построения. Это было его искусство. Была его сфера. Иначе он не мог и мыслить и творить. Он был не новатор, но новый. Такого самородка следовало бы поддержать всеми силами. А между тем происходило как раз обратное. Его прекраснейшие композиции оставались под сомнением. Во время моего председательствования в "Мире Искусства" много копий пришлось преломить за искусство Чюрляниса. Очень отзывчиво отнёсся Добужинский. Тонкий художник и знаток Александр Бенуа, конечно, глубоко почувствовал очарование Чюрляниса. Но даже и в лучших кругах, увы, очень многие не понимали и отрицали.

Так же точно многими отрицалось и тончайшее творчество Скрябина. В Скрябине и в Чюрлянисе много общего. И в самом характере этих двух гениальных художников много сходных черт. Кто-то сказал, что Скрябин пришёл слишком рано. Но нам ли, по человечеству, определять сроки? Может быть, и он и Чюрлянис пришли именно вовремя, даже наверное так, ведь творческая мощь такой силы отпускается на землю в строгой мере. Своею необычностью и убедительностью оба эти художника, каждый в своей области, всколыхнули множество молодых умов.

В конце концов, разве мы знаем, где происходит наибольшее восприятие творчества? Леонид Андреев незадолго до смерти писал мне: "Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не знаю и не вижу". Скорбно звучали такие признания писателя. Другой прекрасный художник недавно писал мне: "Говорю, как в подушку". Истинно, не знаем мы путей творчества. Формула - неисповедимы пути - весьма реальна. Но рядом с этим невидимым для самого художника восприятием его творчества живет и напряжение его сил. Все помнят жизненную трагедию Рембрандта или Франца Хальса. Но и в трагедии этой так много торжественности. Без героической торжественности облики названных художников потеряли бы многое. Сами костры и факелы дикарей являются лишь озарением пути. Без врагов люди забыли бы о многом полезнейшем и прекраснейшем. Недаром приходилось писать похвалу врагам.

Вот и Чюрлянис в своих прекрасно-напевных мирных созданиях тоже мог бы написать похвалу врагам. Дикари и враги много потрудились для его будущей славы. И пришла она, эта легкокрылая гостья, не для того, чтобы только переночевать около произведений Чюрляниса, но чтобы озарить его творения навсегда. Велика радость, когда можно отметить, что весь народ признал свою истинную ценность. Недавно всенародно хоронили великого писателя Горького. В этой всенародности был крик признательности всеобщей. Не ему, ушедшему, но во имя справедливости прекрасен был порыв дружный, превознёсший ценность искусства.

Прекрасно признание Чюрляниса литовским народом. Это тоже будет не временный взрыв сантимента, но твёрдое признание, низкий поклон всенародный творцу и труженику. Радуюсь вестям из Литвы о признании прекрасного художника Чюрляниса.

*3 Сентября 1936 г.
Урусвати, Гималаи*

Н. К. Рерих. "Зажигайте сердца". М., 1975

7 сентября 1936 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

Рига, 7 сентября 1936 г.

Дорогой и сердечноуважаемый Николай Константинович!

Ваше письмо от 19 августа я получил 4-го сентября и собирался сегодня Вам ответить, как получил Вашу телеграмму. Я и мои сотрудники получили из Наггара уже столько знаков ободрения, дружбы и любви, столько духовной силы, столько хлеба насущного нашему духу. Ведь не только каждое наше собрание есть духовное общение с нашими Светлыми Водителями, когда мы читаем страницы Учения, Ваши статьи и выдержки из писем Е.И. Но мы искренно желаем, чтобы такое общение было у нас ежедневным, чтобы оно стало лейтмотивом всех наших стремлений и чаяний, чтобы мы свою благодарность Великому Владыке, Вам и Елене Ивановне могли бы показать в наших жизненных действиях.

Да, оказалось, что Гаральд мне сделал сюрприз, поздней ночью, после нашего собрания, переведя мой реферат и послав его в Наггар. Конечно, он послал Вам лишь наши планы, но их нужно ещё осуществить.

Мне всё время было совестно, что я всё ещё не выяснил вопрос о помещении статей в журналах Швеции, хотя и справлялся об этом. Как я уже сообщил Владимиру Анатольевичу, научные книги и журналы можно выслать туда и через нас. Я имею также точные адреса главных научных учреждений и музеев. Я думал: не послать ли туда Вашу статью о Горьком в какую-нибудь литературную газету? О Пакте, думаю, там поместили бы лишь в том случае, если бы написал кто-нибудь из их сотрудников.

У одной из наших дам прошлой зимой на границе со Швецией отобрали книгу Александра Ивановича.

Недавно я был на взморье у Пильского, которому уже раньше послал *Врата в Будущее* и сборник. Его супруга – убеждённая антропософка. Сам он тоже человек, верующий в потусторонний мир, хотя интересуется, кажется, главным образом лишь литературно-культурными вопросами. Тут пришёл также г-н Keuchel, член парапсихологического общества, которого, наверное, хорошо знает и Владимир Анатольевич. Он принёс с собою новейший номер *Оккультизма и Йоги*. Задавал много вопросов (его как парапсихолога интересовала больше «чисто эмпирическая сторона всего «окультурного»»), и беседа затянулась до поздней ночи. Keuchel заинтересовался моим сообщением, что у нашего профессора психологии г-ну Дале советовал открыть семинар по парапсихологии в нашем университете и также учредить институт парапсихологии. Как известно, проф. Дале в данное время стоит во главе вновь образованной комиссии, которая исследует латышскую девушку, читающую мысли. Он также участвует в нашем институте психологического исследования молодёжи. Пильский обещал написать о *Вратах в Будущее* в *Сегодня*. Но все переданные Ваши статьи редакцией *Сегодня* не были приняты.

Прилагаю два варианта введения в *Нерушимое*, составленные двумя из нас, и приятно было бы, если бы мы получили обратно по-новому скомбинированный вариант. Я полагаю, что можно было бы взять из одного варианта начало, из другого – самый конец.

Сегодня я снова справлялся об участии моей статьи о Музее, которая была набрана (вместе с клише) для одного самого большого латышского журнала *Atputa* прошлой осенью, но была отсрочена после известной Вам нападки в

официозе. Мне сказали, что её не могут печатать, пока не выяснится отношение нашего правительства к движению Рериха. Таково настроение и остальной прессы.

Я послал Вам свою книгу о Тагоре и газетную вырезку о нём, но, к сожалению, должен сообщить, что сам Тагор уже получил всё это от моего сотрудника по переводам сочинений Тагора, получен даже ответ от него.

У нас три дня гостили д-р Серафинене и художник Вайткус.

Уже отпечатаны 15 печатных листов книги *Нерушимое*, остаётся ещё 6–7, так что через 15–20 дней книга будет окончена, к этому времени подоспеет и введение. Также сообщите мне, какой образец обложки из посланных Владимиру Анатольевичу был бы подходящ для книги. Некоторое затруднение у нас вызвало заглавие Вашей статьи *Serencipity*, в словарях такого английского слова не оказалось, но в сущности такое словообразование возможно (*seren + cipity*), так что мы оставили это название. В оглавлении было напечатано даже *Serencipity*.

Я несколько раз говорил с Пранде. Подарил также книги. Он говорил, что давно собирался писать Владимиру Анатольевичу. Обрадовался сообщению, что Вы о нём вспоминаете. Он относился всегда доброжелательно к Вашему движению, но активной поддержки до сих пор мало оказал. Он теперь руководит художественным отделом самой большой латышской газеты *Jaunakas Zinas*^[1] и журнала *Atputa*.

Я получил также Ваше письмо от 29. VII со статьёй *По лицу Земли* и 6 экз. *Combating Ignorance*^[1].

Шлю Вам и Елене Ивановне всю свою сердечную благодарность и привет.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Ещё небольшая добавка к моему письму Владимиру Анатольевичу. В упомянутой стране люди могут свободно переписываться лишь с лицами, о переписке с которыми они зарегистрировались у правительства.

Также и агитационная пресса Швеции подтвердила, что книги, посланные учреждениям Швеции, будут получены, но поместят ли они их в свои библиотеки, зависит от усмотрения директора заведения.

Атташе также относится благосклонно к Пакту Мира.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

9 сентября 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

9 сентября 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Из письма Гаральда Феликсовича узнали мы о прекрасном собрании, на котором Вы Вашей вдохновенною речью так воодушевили всех присутствующих. От души порадовались мы этим добрым, содержанию Вашей речи и всему подъёму духа, который рождается из чистых дум. Там, где чисто мыслят, там создаётся и магнит, называемый добрым сотрудничеством.

С последней почтой получили мы перевод Вашей главы из латышской монографии – *Культура*. Как хорошо, сердечно и убедительно Вы сложили эту весть о культуре. Пришли мы к единогласному заключению, что эта глава *Культура* (из книги *Николай Рерих – Водитель Культуры*) должна быть в *Угунсе* напечатана как отдельная маленькая книжка, по возможности общедоступная. Можно бы часть сделать на хорошей бумаге, а всё остальное, для широкого распространения, – на бумаге самой дешёвой. Такая книга о культуре пригодится и для Востока, и для Запада. Конечно, она должна быть по новой орфографии, как и есть в Вашем манускрипте. Вы указываете в этой статье, что Лига Культуры была мною создана в Америке. По нынешним обстоятельствам лучше слова *в Америке* выпустить, в конце концов, важно само понятие этой Лиги, а случайное место – Америка – не важно. Также можно бы вставить или в самый конец, или где Вы найдёте нужным нечто вроде такой фразы: «Все многочисленные общества, группы, содружества и учреждения в разных странах, объединившиеся около имени Рериха, представляют из себя части Всемирной Лиги Культуры». Таковую вставочку в той или иной форме будет полезно включить. Ведь во всей культурной деятельности наших обществ в основу положены те самые кооперативные основы Лиги, о которых я и писал, когда зачаток Лиги образовывался. И в книге *Твердыня Пламенная*, которая по-русски уже издана от Лиги Культуры, имеется целая соответственная глава. Помнится, у Вас в Обществе должны были быть мои пункты о деятельности Лиги Культуры. Если бы этот лист куда-то затерялся, посылаю Вам копию. Также посылаю записной лист *Старые годы* и прошу Вас, если ещё не поздно, включить его в книгу *Нерушимое* между статьями *Нерушимое* и *Злата Прага* к концу книги. Конечно, если набор уже сделан, то в таком случае отложите его вообще на будущее. Также на всякий случай посылаю записной лист *Мир*, который мог бы быть включён между статьями *Горький* и *Знак Эры*, чтобы дать круглое число 80. Впрочем, если включение представляет хлопоты, то останемся при прежнем оглавлении. Хочется ещё раз приветствовать Вас всех, так же мы сделали и телеграмму – да будет Вам светло! Очень ждём сведений о возможности сношений со Швецией – хотелось бы послать письма. Привет Вашей супруге и всем содружникам.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Нельзя ли узнать через сотрудников *Сегодня*, кто такой Анри Гри, пишущий из Америки? Редакция навряд ли скажет, а может быть, Судрабкалн знает?

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

11 сентября 1936 г. Рига

Из письма А. И. Клизовского к Рериху Н.К.

11 сент. -36 г. Рига

Высокопочитаемый Гуру и дорогая Елена Ивановна.

Получил Ваши письма от 10 и 24 августа и отвечаю. Премного благодарен за разъяснение вопроса о Матери Мира. Теперь мне всё ясно. Я никогда не мог предположить, что мистификация со стороны А.В. и её сотрудников-апостолов могла зайти так далеко, что обыкновенную индуску, супругу Арун-

деля, они сделали воплощённой Матерью Мира, и от её имени написали призыв к женщинам. Сопоставляя указанные Вами сроки, вижу, что открытие Матери Мира в лице Рукмини Арундель, совпадает с прочими открытиями В. Точно также, вижу, что и слог этого призыва совпадает со слогом других творений Арунделя, а именно «Дух Нерождённых» и «Пробудитесь, Дети Света» которые появились тоже приблизительно в это время.

<...>

Теперь о других делах и вопросах. Марии Андр. я писал ещё раз и постарался её успокоить и объяснить то, что ей было неясно. Я думаю, что теперь она вернулась в своё прежнее состояние душевного равновесия. Она мне писала, что на этот сезон она в Ригу не вернётся. Так что, до конца сезона, то есть, до весны будущего года, она пробудет в Югославии.

Вполне соглашаюсь с Вами, дорогая Елена Ивановна, что мы должны судить о людях по их внутренним качествам. Но беда в том, что сразу они не видны, и истинный человек представляется нашему сознанию лишь после более или менее короткого, или длинного знакомства с ним. Нечто подобное произошло со стариком М., о котором я писал Вам в последнем письме. Он оказался далеко не таким идеальным и безупречным, каким он старался представиться мне. Я высказал свою точку зрения и остался при особом мнении, и больше в это дело не вмешиваюсь! Но я хотел обратить внимание правления общества и на другие более мелкие отрицательные явления, и когда наступила моя очередь руководить собранием, я прочёл прилагаемый при сём доклад «О борьбе с врагами, видимыми и невидимыми». Когда был жив *Ф[еликс] Д[енисович] Лукин*, он сурово обличал всякие отрицательные явления, которые иногда имели место в обществе. Карл И. от открытых осуждений отрицательных явлений воздерживался, а П.Я., по своей мягкости, тоже не хотел их касаться. Но, кажется, моё выступление возымело своё действие, и в непродолжительном времени после того Р.Я., высказал свою точку зрения на цели и задачи общества и на обязанности членов его. Это было необходимо, ибо явления в последнее время участились.

Если Вы не найдёте в этом докладе ничего, требующего исправления или изъятия, то отправьте его доктору Асееву. Он обещался напечатать его в одном из очередных номеров своего журнала. В противном случае, прошу прислать мне для тех исправлений, которые могут быть найдены Вами.

Вместе с тем я прилагаю другую статью: «Евразийство, как исторический замысел». Статью эту прочёл один из евразийцев, в тесном кругу, в котором было несколько членов нашего общества. Одна из наших членов, мадмуазель Фрицберг, интересуется евразийством и состоит в переписке с главарями этого движения. Прилагаемая статья есть, в сущности, программа евразийцев. В ней много общего с нашим Учением Живой Этики, но содержание её является сферой деятельности Николая Константиновича. Я не сомневаюсь, что Н.К. знает об этом движении и, может быть, состоит в контакте с ними, но я хотел бы знать, стоит ли нам сближаться с ними или воздержаться? Они говорят об государственном и экономическом строительстве, мы – о духовном развитии. Хотя сферы деятельности у нас разные, но цель одна и та же. Приезжавший евразиец скоро снова будет в Риге. Первый раз я ничего не говорил, я только слушал. Но теперь я хочу отметить, в разговоре. Соответствие некоторых пунктов программы евразийцев с Учением Ж.Э., а также некоторые слабые места (отсутствие указания на роль и значение

женщин в новом мире, на сильную веру в непогрешимость православия, что явствует из других трудов евразийцев). О зазывательстве к нам не может быть и речи, но для ознакомления с Учением Ж.Э. подарю ему свои книги. Пусть читает.

Вы спрашиваете меня, как расходуется мой второй том? Так как он вышел из печати в середине лета в, так называемый, мёртвый сезон, то пока слабо. Теперь по моей просьбе Слетова написала небольшую рецензию о втором томе, которую постараюсь поместить в местной газете. Точно также попрошу, чтобы магазины выставили книгу в окнах своих книжных торговлей. Отзывы читателей о втором томе также благоприятны, как и о первом томе. Некоторые говорят, что второй том им больше нравится, нежели первый. На днях меня очень порадовал один случай. Ко мне пришёл один человек, некто Гофмейстер, обрусевший немец, который сказал, что читал мою книгу и пришёл познакомиться и посмотреть на того человека, который написал такую прекрасную книгу. Он сказал, что моя книга дала ему озарение, и что в ней он нашёл ответы на многие вопросы, которые мучили его всю жизнь. Он спросил меня, откуда я позаимствовал изложенную в книге мудрость, ибо многие, прочитанные им книги не дали ему того, что дала одна моя книга. Пришлось показать ему книги Учения и познакомить с основами его. Мы провели часа три в беседе, и он произвёл на меня впечатление ярко загоревшего факела.

Вы пишете, что будете ждать третью книгу, Конечно, я буду писать ещё, ибо этот труд стал для меня насущной потребностью. У меня уже есть целый ряд тем, которые я хотел бы разработать. Я хочу написать о Беспредельности, о Матери Мира, о Монаде, о принципах человека, о Психической Энергии и способах развития её, об Общей жизни и Общем Благе, о Силах Светлых и тёмных, и некоторые другие, но надеюсь с помощью Сил Высших и моего дорогого Гуру эти трудности одолеть. Я всегда в своей жизни брался не за самое лёгкое, но за то, что потруднее.

Приводя в последнем письме выдержки из параграфа Агни Йоги, вы пишете: «Прочти внимательно весь §». Это обращение на «ты» было для меня очень приятно и трогательно, ибо так, по моему мнению, Учитель называет своего ученика. Но дальнейшее обращение на «вы» показало мне, что это была только описка.

Говоря в своём письме о тех фактах, которые имели место по отношению ко мне, я забыл упомянуть, что обидчивостью я, вообще, не страдаю. Кто может меня обидеть? Именно, как Вы говорите: «обижающийся ставит себя на один уровень с обидчиком. «Культурный человек, видя бестактность другого человека, обыкновенно делает вид, что этой бестактности не заметил. Я сделал вид, как будто ничего не было, и никогда ни с кем в разговор на эту тему не вступал. Но я дал понять им их некультурность иным способом, а именно, когда читал в обществе доклад «о красоте и искусстве». Там были такие места, которые относились к ним, и они это поняли.

Не так давно в Ригу приезжала Надежда Павловна Серафинина¹, и я имел удовольствие познакомиться с нею лично. Она была вместе с одним членом Литовского общества, художником Вайткусом. Они пробыли в Риге три дня. Принял их к себе Рих[ард] Яковл[евич Рудзитис] Мы вместе совершили поезд-

---

¹ Серафинине (Серафинина) Надежда Павловна / Serafiniene. (1876-1959) - литовская сотрудница Рериховского движения, основательница (16.6.1935 состоялось торжественное открытие) первого в Литве Каунасского Общества Рериха. – Ред.

ку в Ливонскую Швейцарию, в так называемый Зегевольд, где имеет свою виллу г-жа Вестур. Они два раза посетили наше общество и познакомились с нашей деятельностью. Над[ежда] Павл[овна] - дама солидная, энергичная, решительная, натура, вообще, властная. Она объединяет и держит в повиновении своих птенцов, которые не собраны в одно место, как у нас, а рассыпались по всей Литве, и вполне справедливо называет себя строгой мамашей. Не зная её, я вполне правильно чувствовал, что она мной недовольна за то, что я близко вошёл в дела Литовского общества и нанёс ущерб её авторитету. Поэтому в последнее время от дел Лит. общ. Я отошёл. Полагаю, что личная встреча несколько парализовала её недоверчивое отношение ко мне.

Как Вы правильно предполагали, отголоски из недр тьмы на мою брошюру уже последовали. Феод. Ант. уже послал Вам газету «Новое Слово», в которой помещена статья, показывающая всё непонимание автора ни происходящих событий, ни вопросов, которые он затрагивает. Именно. Сквозь «Дымовую завесу» своего сознания он ничего не понял и недоумённо спрашивает: «К чему это? Какая польза от этого иудейству?» Он полагает, что если кто-нибудь пишет не так, как думает он, то это должно быть непременно для пользы иудейства. Я мог бы показать ему всю убогость его мышления, но стоит ли отвечать, стоит ли связываться?

Когда я заканчивал это письмо к Вам, ко мне пришла Слетова с просьбой послать её письмо к Вам. Вместе с тем она спрашивала моего совета, как ей поступить с ребёнком. Врачи говорят, что нужна операция, но они боятся отдавать в больницу ребёнка, ибо там его будут поить бромом. В течение 10 дней, что он там пробудет, он будет получать по шесть раз в день бром для того, чтобы он не беспокоил больничного персонала. Врачи говорят, что без брома они не могли бы лечить детей. Действительно, положение знающих родителей тяжёлое. Без операции он может помереть от ущемления грыжи, после операции он может стать идиотом.

Когда мне приходится бывать в книгоиздательстве Гудкова, он всегда говорит, что хотел бы издать Агни Йогу, но не знает к кому обратиться за разрешением. Я сказал, что я справлюсь на этот счёт. В случае благоприятного ответа он хотел бы знать, сколько экземпляров А.Й. он должен послать автору?

Шлю Вам и Н.К. мои лучшие чувства и мысли,

А. Клизовский

Архив Музея Рерихов, Москва (машинописный текст с автографом А.И.Клизовского)

**17 сентября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису**

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
17 сент. 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Сейчас получено Ваше сердечное письмо от 7 сентября, и я спешу с ближайшей воздушной почтой ответить, чтобы не задержать выхода книги *Нерушимое*. Как всегда, Вы совершенно правы, что из двух присланных Вами проектов предисловий следует взять отмеченное Вами начало из одного и конец

из другого. Так мы и сделали, и в склеенном виде оно летит к Вам. К тому, что Вы говорите об отношении правительства, нам приходит мысль, что следует поднести нынешнему президенту журнал *Урусвати*. На днях Вам посланы были пакеты с изданиями нашего Института. Из них экземпляр III тома Ежегодника 1933 г. можно поднести президенту. Очень хорошо, что у Вас имеются шведские адреса. Отдельно пошлём Вам записочку с названиями учреждений, и Вы поймёте, которые из них – в северный город, а которые – в центральный^[1]. Ваша и Буцена телеграмма об имеющихся средствах на издание *Тайной Доктрины* пришла утром 16-го числа, а этот день, как Вы, конечно, слышали, имеет огромное значение в текущем Армагеддоне. Только истинные служители Блага могли угадать, чтобы телеграмма о таком значительном предмете пришла бы именно в такой торжественный день. Очень часто люди не ощущают самого существенного момента сужденных слагающихся событий. Часто людям кажется, что один из последующих моментов был самым главным, а между тем нужно смотреть в сущность вещей, – не в следствия, а в зарождающие причины. Как ценно, что с Вами можно говорить истинными выражениями, зная, что Вы их поймёте именно в их настоящем значении.

На днях окончится Аум – и мы пошлём Вам конец манускрипта и рисунок обложки. Обложку нужно сделать синюю, как на латвийской *Агни-Йоге*, а для переплетённых экземпляров – по прилагаемому образцу. При случае передайте Пильскому мой сердечный привет. На днях Сергей Горный в очень добром письме поминал его.

Родные наши, творите друзей, находите молодые звучащие сердца. Широко сейте зёрна добра, красоты, культуры. Скажите привет Пранде. От многих бывших учеников нашей Школы я получал сердечные приветы, в которых звучала истина, что «Добро не ржавеет». Е.И. просматривает манускрипт первого тома *Тайной Доктрины* и шлёт Вам всем, нашим родным и верным сотрудникам, свои лучшие мысли.

Сердцем и духом с Вами, *Н.Рерих*

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

24 сентября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
24 сентября 1936г.

Родной Рихард Яковлевич,

Посылаем Вам конец Аума – из нашей телеграммы Вы уже знаете о необходимости выпустить эту книгу со всякою спешностью. К этому имеются особые причины.

Прилагаем и знак обложки. Может быть, в этом случае и на первом листе можно ставить 1936 г., ибо книга выйдет без всякого запоздания. Цвет обложки синий, такой же, как на латвийской *Агни-Йоге*.

Прилагаем список адресов для журналов *Урусвати* – пожалуйста, разошлите их, чем скорее, тем лучше. Ведь теперь «каждый день равняется целому году».

Также посылаем для Вашего сведения выписку из одного моего недавнего письма в Европу. Среди биографических данных и такие сведения существуют. Посылаем для библиотеки Общества высшей школы имени св. Миры. Получили от Буцена Ф.А. воздушной почтой два номера берлинской газеты с отвратительной клеветой на книгу Клизовского. Подписана она «Рижанин» – интересно знать, кто скрылся за этим псевдонимом. Не напоминает ли это Вам какую-то подобную же подпись? Как оборотисты тёмные силы, и такую интерпретацию своей книги Александр Иванович вряд ли предполагал. Вообще, творится что-то невероятное, и тем более должна быть напряжена зоркость во всех направлениях.

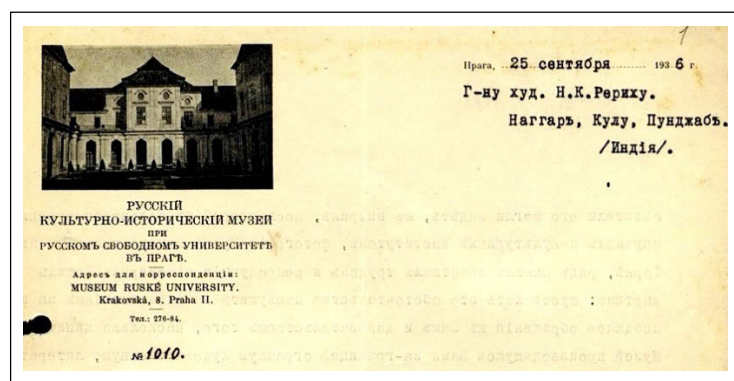
Также прилагаем наши предложения о лифлете^[1] *Угунса*. Какие уже сделало связи наше молодое издательство? Вопрос распространения книг является целой особой наукой, и желательно, чтобы издательство в этом отношении сразу встало бы на правильно практический путь. Мы удивлялись, как *Священный Дозор* сразу попал во все каталоги европейских книжных магазинов – очевидно, книга попала в какую-то уже проторённую обычную колею. О положении в Харбине Вы можете судить хотя бы по тому факту, что с апреля до сих пор никто ещё не расхрабрился зайти в магазин Зайцева и хотя бы скромно спросить о *Священном Дозоре*. Вчера ещё было получено письмо из Харбина, в котором пишущий удивляется, почему никто до сих пор не зашёл в магазин Зайцева. Конечно, и сам пишущий этому не посодействовал.

Верим, что нынешний сезон Общества начнётся в бодром и вдохновенном настроении. Е.И. и мы все шлём наши лучшие пожелания Вам, Вашей супруге и всем дорогим сотрудникам. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

25 сентября 1936 г. Прага.
Письмо В.Ф. Булгакова² к Рериху Н.К.

Фрагмент автографа письма

² Валентин Фёдорович Булгаков - русский литератор и мемуарист, личный секретарь Л.Н.Толстого)

Высокочтимый Николай Константинович,

Русский Свободный Университет в Праге и его Музейная Комиссия настоящим имеют честь обратиться к Вам с выражением глубокой, искренней признательности за Ваш ценный дар состоящему при Университете Русскому Культурно-Историческому Музею, а именно: собрание Ваших книг и брошюр на русском и английском языках, Вашу русскую биографию, газетную статью о Золотой Праге и открытки-репродукции Ваших картин. Мы, тем более, тронуты Вашим вниманием, что до сих пор сами, по незнанию Вашего адреса, не могли обратиться к Вам, хотя и думали о необходимости этого обращения с самого начала возникновения Музея в 1934 г. Это обращение казалось нам вполне естественным, поскольку дело наше идёт совершенно в русле давно ведущейся Вами, с беспримерной последовательностью, великим мужеством и большим успехом, пропаганды о необходимости охраны памятников культуры вообще, и русской культуры, в частности. Мы чувствовали, что в этом отношении силы наши должны быть объединены, и верили, что вы не откажете Русскому Культурно-Историческому Музею в Вашем, дорогом для нас, посильном просвещённом содействии. Наш Музей торжественно был открыт в Збраславском замке 29 сентября 1935 г., и с этого самого дня для посетителя его могли видеть, в витрине, посвящённой деятельности русских научных и культурных институтов, фотографию Музея Вашего имени в Нью-Йорке, ряд Ваших печатных трудов и репродукции некоторых Ваших картин: пусть хоть это обстоятельство послужит нам извинением за запоздалое обращение к Вам и доказательством того, насколько ценит Музей производящуюся Вами за границей огромную художественную, литературную и общественно-просветительскую работу.

К сожалению, нам не хватает хорошего Вашего портрета, а также какой-либо подлинной Вашей рукописи для витрины автографов выдающихся деятелей русской культуры, и мы им были бы глубоко признательны Вам за любезную присылку того и другого.

Не скроем также от Вас, Николай Константинович, что нашей мечтой с самого начала возникновения Музея, было также, и в особенности, иметь в нашей картинной галерее какое-либо из Ваших художественных произведений: картину или рисунок. Мы считали, что наличие в Музее Вашего великодушного дара – оригинальной Вашей художественной работы было бы *наиболее выразительным и живым смыслом той духовной связи, которая существует между нами, и Вашего живого участия в деле собирания и сохранения памятников русской культуры за рубежом*. С этой просьбой мы и имеем честь в данный момент почтительно обратиться к Вам, художнику, именем которого мы, как и все русские, гордимся. Признательность наша будет безгранична.

В художественном отделении Музея имеются в настоящее время произведения И.Е. Репина, Ив. Билибина, акад. М.В. Рундальцева, акад. Л.М. Браиловского³, Сергея Мако, Г. Мусатова, Барона В Клодта, молодого талантливого скульптора Александра Головина и мн. др. художников.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

---

³ Леонид Михайлович Браиловский (Брайловский) — русский архитектор, художник, сценограф, декоратор и преподаватель, участник Русского апостолат в Зарубежье. – Ред.

*25 сентября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщиковым Г.Д. и Т.*

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
25-го сентября 1936 г.

Дорогие и родные Т. и Н⁴.

Сейчас получили Ваше сердечное письмо от 22-го авг. Также получили и Вашу статью "Отравленный Колодезь". Только подумать, с какою кромешною тьмою приходится иметь дело. Нельзя даже предполагать, что всякие мракобесия творятся лишь по незнанию, по невежеству. Увы, во всём этом мраке Вы прежде всего чувствуете адскую руку. Все эти типы, прикрывающиеся личинами правосудия, прежде всего, являются волками в овечьих шкурах, заправскими вредителями всего Доброго. Вот и в Нью-Йорке последнее кощунство Часовни Преподобного Сергия открыло, наконец, доподлинно, с какими волками в овечьих шкурах мы имеем дело. Ведь это уже не просто кража шэр, это заведомое кощунство над святейшим Именем. При этом кощунники хотели всемерно подчеркнуть всю воинственность и сознательность своих злодеяний. Вот с какой кромешною тьмою приходится иметь дело. Что же делать, всякое насаждение Добра и культуры неразрывно связано с претерпением всяких посягательств со стороны тьмы. Мы это знали давно, а сейчас будем радоваться, что Преподобный удостоил нас удостоверить служение ему Ему на деле.

Очень хорошо, что Ваша основательная статья о всяких Гладиках и сорниках предупредит легковверных невежд, чтобы они не поддавались на темнейшую провокацию. Вредительство Васьки Иванова и всяких прочих служителей тьмы поставлено очень широко и питаемо иностранными источниками. Постоянно приходится в этом убеждаться. Тем самым, и тем более, мы должны оборонять нашу Родину, где сейчас происходят давно предуказанные сдвиги. Действительно, разве не Армагеддон происходит? Для кого-то среди происходящих нагромождений не видны знаки Света, но множатся чудеса Преподобного, и можно изумляться и восхищаться путями неисповедимыми. Конечно, Вы различаете эти истинные чудеса, происходящие вопреки ограниченной человеческой логике. Что должно уйти, то и уходит, что должно прийти, то и является. Получаем много вестей и наблюдаем многообразие происходящего, тем более все культурные силы должны стоять на светлом дозоре. Посылаю Вам записной лист "По лицу земли". такими грамотами о стоянии крепком (надо) ободрять человеческое сознание. Надеюсь, что Вы уже получили "Врата в Будущее" и скоро дойдёт "Нерушимое". Вот ради этого слова мне и хотелось воздушной почтой послать Вам этот привет. Поверх всяких переходящих волн всегда останется нерушимое великое служение Добру и Свету. Везде сейчас трудно, получают вести о трудностях неопишуемых. Но разве во дни сужденного Армагеддона могут быть лёгкости? Понимаем, как и Вам трудно. Видите ли Василия, а ему не трудно? Вспомним о всяких трудностях покойного нашего друга митрополита Платона. Сейчас писали мне, что в Харбине в очередной травле бесстыдно изругали митрополита Сергия японского. Для этих "православных" в кавычках нет ни сана, ни возраста и ничего святого. Посылаем выписку из беседы Шаляпина - вот какой ужас. Шлём мысли о бодрости - Сердцем и духом с Вами.

Архив Музея Рерихов, Москва

---

⁴ Т. (Тарухан) и Н. (Нару) - изотерические имена Георгия и татьяны Гребенщиковых.

27 сентября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

27. IX.36

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и М[орис],

Получили Вашу телеграмму о первом дне краткого слушания и с вопросом: нужно ли растягивать дело? Совет получил: “Мудрое протяжение советуется, Милл[ер] поймёт”. Так Вам и телеграфировали сегодня. Значит, не просто механическое откладывание, но именно полезно протяжение дела, чтобы дать возможность подойти новым обстоятельствам. Кроме того, и злая изобретательность трио когда-то начнёт иссякать. Тот, кто не обессилит, тот и возьмёт окончательный верх. Теперь ясно, что и Школа, и Press, усиленные советами, о которых уже говорилось, начнут сезон. А вторгаться посреди сезона уже гораздо труднее, ибо каждый учащийся в таком случае может предъявлять крупный иск. Жаль, что когда узурпаторы пришли закрывать Школу, то никто из учащихся, которым запретили взять их же вещи, не написал протеста и не угрожал судом. Статья о кощунстве, насколько нам известно, всюду произвела сильное впечатление. Ещё раз стало ясно, с кем мы имеем дело, на что предатели способны и что именно лежит в основе из мерзких действий. Вот именно это лежащее в основе их мерзкого действия является непростительным и всегда, и в особенности в переживаемое сейчас время. Для людей, скользящих по поверхности, происшедшее кощунство мало что говорит, но Вы-то знаете все причины и последствия таких мрачных деяний. Из телеграммы Вашей заключаем, что первый день слушания, вероятно, прошёл довольно бесцветно, иначе Вы отметили бы это в телеграмме; но всё же, вероятно, опытные адвокаты по некоторым признакам могли вынести впечатление о настроении ref[eree].

Если ref[eree] вообще против Глина, то странно предположить, чтобы глиин[ские] приспешники могли бы влиять. Казалось бы, именно наоборот, всё дело представляет прекраснейший способ оценки и деятельности самого Глина. Из Риги получена прекрасная статья известнейшего писателя Петра Пидского “Последователи Рериха и Риге”. Наши рижане тем более рады этой статье, что газета “Сегодня” до сих пор была полу-враждебной. В основу статьи положена книга “Врата в Будущее”. Теперь уже заканчиваю и следующий том – “Нерушимое”. Уже приступлено к печатанию “Аума”, и всячески торопят Е.И. с присылкою манускрипта перевода “Тайной Доктрины”. Сейчас Е.И. целыми днями за спешной последней корректурой манускрипта перевода.

Сейчас получены письма от Зины и Фр[ансис] от 10-го и 11-го сент[ября]. В обоих письмах так много значительного. Открытие какой-то театральной школы, конечно, направлено на разрушение. Оба leaflet'a сделаны чрезвычайно безвкусно и свидетельствуют о какой-то третьей разрядности. Очень характерно то, что Вы слышали о Бринтоне в связи с домом. Неужели и тут Спарофучилли? Следует обратить большое внимание на то, что услышала Франсис. Хорошо делаете, что ознакомите с этим адвокатов. При этом имейте в виду следующие обстоятельства. Как Вы знаете, я пишу всегда в форме Дневника. Листы Дневника даже издаются отдельными книгами, доказательством чего служат книги “Врата в Будущее” и “Нерушимое”. Таким образом, мои Дневники являются моим литературным материалом. Если Дневники вращаются в пределах Совета Trustees, то я против этого ничего не имел. Но каждая выдача их за пределы Совета Trustees могла быть сделана лишь с моего специального согласия. Поэтому, если Вы узнаете, так или иначе, что мои писания

или Дневники, которые я Вам посылал вместо писем, злоупотребляются для каких-то внешних умышлений, то адвокаты, прежде всего, могут и должны защищать их как мою собственность.

Кроме того, твёрдо помните, что все Дневники, посылавшиеся Вам, писаны на машинке не мною самим. Все они диктованы. Вероятно, и Вы убеждены в том, что в писаниях было немало описок, ибо человек, которому я диктовал, к сожалению, не был опытным секретарем. Также перевод делался, как Вы сами знаете, без моего ведома, и за точность его, конечно, я не отвечаю. Также Вы должны помнить, как я уже неоднократно заявлял Вам, что я удостоверяю лишь то, что подписано моим *полным именем и собственноручно*. То самое нужно сказать и о подписях Е.И. Все эти обстоятельства все наши адвокаты должны очень твёрдо запомнить, ибо вполне возможно, что злоумышленники делают всевозможные гнусные подтасовки. Например – всюду, где имеются в виду сельскохозяйственные кооперативы, злоумышленники могут сказать, что это было нечто политическое. Но Вы-то все знаете, что наши Культурные *Общ[ества]* и организации решительно ничего политического в себе не содержат. И в странах, где каждый политический намёк был бы недопустимым, именно наши *Общ[ества]* не вызывают никаких противодействий со стороны местных правительств. Вы отлично знаете, что в наших программах всячески подчёркнута исключительно культурная деятельность. Та же исключительно культурная деятельность так ясно подчёркнута и в бумаге из “Гаймушо”, которую Вы прекрасно знаете. Таким образом, если бы Вы обнаружили злоупотребление моими Дневниками, которые вместо писем Вам посылались, то адвокаты должны немедленно пресекать такое новое злоупотребление. Если же производили какие-то выписки о харбинских мракобесах, то теперь Вы имеете сведения о шляпинской истории и о гнусных выпадах тех же мракобесов против митрополита Сергия.

В последних письмах наших корреспондентов подчёркивается, что этот троичный выпад мракобесов весьма характерен по своему выбору известных лиц. Лживость Вас. Иванова (брошюру Клизовского Вы уже имеете) и преступность Петереца, участвовавшего в той же мракобесовской атаке, Вам достаточно известны. Петерец уже успел побывать во франц[узской] тюрьме в Шанхае. Всё это Вы знаете. Пусть будут все адвокаты на страже. Юрий послал для передачи Плауту отчет и чек через Зину. Просим его переслать это в департамент без всякой задержки. Корреспонденту Франсис из Аргентины пошлём отсюда привет. Обратите внимание, что последняя книга *Жив[ой] Э[тики]* помечена 26-м годом. Это и есть настоящая версия и год. Мало ли какие могли получаться последующие издания. Вы прекрасно знаете, что книги эти не наши и не Ваши. Рижский издательский кооператив знает издание 1926-го года. Что касается договора о картинах с другом Кл[айд], то в нём нужно отразить некоторые обстоятельства.

1. Нужно сказать, что цена – по стоимости нынешнего доллара.
2. Не все картины сразу могут быть выданы по получении лишь четвертой части общей цены. Выдача может быть лишь пропорциональна.
3. Картины могут быть выдаваемы из места по обоюдному соглашению.

Конечно, всё это пишется не по недоверию, но жизнь человеческая в руках Божьих, и мало ли в какие руки могут попасть такие соглашения. Как мы уже передавали Вам Совет – следующая книга для издания будет “Аум” в новом Agni Press. Поэтому перевод книги стоит на первой очереди. Потому мы

были так счастливы узнать, что м-р Гартнер знает так прекрасно русский язык и уже перевел часть этой книги. Потому Е.И. его просмотрит и пошлёт Франсис на окончательное утверждение. Надеемся, что и *Общ[ество]*, и новый *Press* уже инкорпорированы.

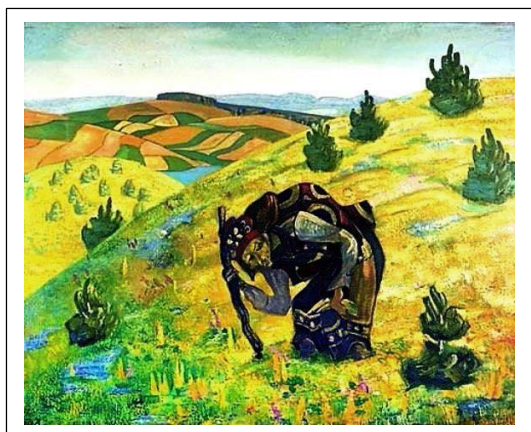
Вы правы, предполагая, что всевозможные злоумышления будут проявлены. Но пусть адвокаты следят, из какого именно злоупотребления может получиться явная польза. Всё, что делается злоумышленниками настолько грубо и безвкусно, что и в этом случае они наверное проявят такое же безобразие, как при закрытии Школы и кощунстве с часовней. Надеемся, что Мор[ис] написал Кауну о всех безобразных фактах.

Шлём Вам самые бодрые мысли ко дню битвы. Сердцем и духом с Вами,
Н.Р.

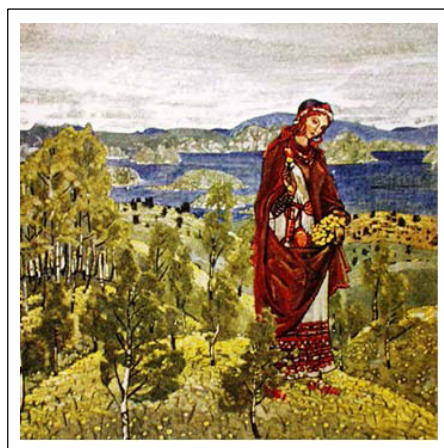
.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

ОКТЯБРЬ

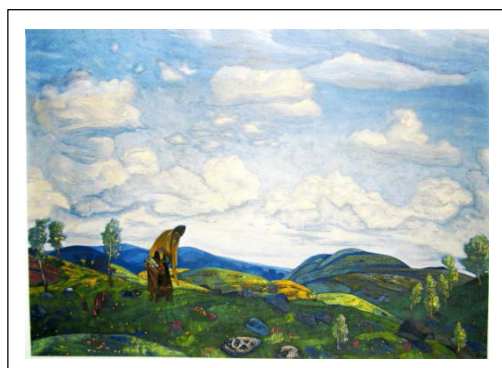
"Да процветут пустыни" являлось давнею мечтою...»

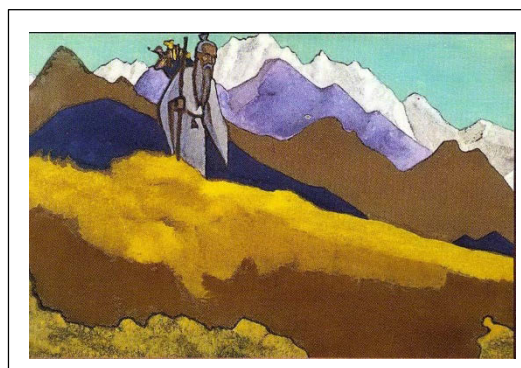
Ведунья (Знахарка). 1916.

Ункрада. 1909.

Св. Пантелеймон Целитель. 1916.

Гуру Чарака. 1933.

ИЗ МОНГОЛИИ

Уже много лет тому назад были написаны картины, имевшие содержанием значение целебных и полезных трав. Ещё в России были написаны "Знахарка" и "Ункарада" – и та и другая по цветочным новгородским холмам собирали полезные целительные травы. Затем был написан "Св. Пантелеймон Целитель", ходивший по безбрежным увалам и степям в поисках целения человечества. Три года тому назад был написан "Гуру Чарака" – знаменитый аюрведический врач, о котором в древнейших писаниях Индии упомянуто так значительно. Если две первых картины остались в России, то "Святой Пантелеймон" – в Нью-Йоркском музее, а "Гуру Чарака" – в особом зале музея Бенареса. Так уже давно предвиделось то, что теперь произошло воочию. Так же точно, как произошли предвоенные картины, так же предчувствовалось и о целении полезными травами. "Да процветут пустыни" являлось давнею мечтою, а сейчас удалось вложить свою лепту и в эту чашу, так нужную для человечества.

Монгольская поездка сложилась очень удачно. Перед нами оказались именно нужные районы, граничащие с Алашаньскими песками. Поучительно было видеть, насколько приспособившаяся растительность могла противостоять губительному движению барханов и представить собою, кроме сильного задерживающего барьера, еще и полезную пищу для скота.

Приятно видеть, насколько в настоящее время находятся в хорошем теле табуны и стада монгольские. Иные кони тучны – словно бы из самой холёной конюшни. А ведь они не видят особого зерна и питаются всецело степными травами. Несомненно, что многие из подобных трав, хотя и имеют аналогии в других частях света, но своеобразно приспособились к местному суровому климату. Веками они научились противостоять засухам и зною, а также сильнейшим вихрям и морозам иногда бесснежной зимы.

Конечно, семена этих трав и растений сохраняют в себе накопленные веками особенности и представляют из себя новую защиту беспощадно надвигающимся пескам и в некоторых районах Америки. Не будем предвосхищать перечисления полезных трав, которые сделаны в особых докладах. Интересно отметить, что хотя травы и не так разнообразны, как в некоторых других менее песчаных районах, но зато вы ясно видите происшедший отбор наиболее жизнеспособных произрастаний. Любопытно наблюдать, как одна из самых полезно применимых трав – агропирон иногда растёт на совершенно безводных каменисто-песчаных склонах. При этом корни этой травы делаются необыкновенно длинными и прочно сидящими. Вообще некоторые из здешних растений до такой степени прочно внедряются в каменистый грунт и оседают между расщелинами скал, что требуется большое физическое усилие и особо острые инструменты, чтобы отделить их.

Такое естественное приспособление доказывает, что и на новых местах те же особенности могут быть сохранены. Для того же, чтобы облегчить это приспособление, взяты образцы почв, которые могут помочь первым росткам освоиться с новыми местами. В записных листах "Да процветут пустыни" уже не раз указывалось, насколько насущным сделался за последние годы вопрос о засухах. С одной стороны, где-то происходят небывалые местные наводнения, а с другой стороны, даже в неожиданно ближайших к ним районах происходит жгучая губительная засуха.

Конечно, в этих несоответствиях работали и руки человеческие, которые, по прискорбному неведению, оголяли почву, уничтожая леса, и держали в небрежении речные системы. Известный учёный, аббат Лисан доказывает, что уже в течение неолита люди приложили свои старания к уничтожению лесов в Средней Азии. Ещё и теперь в раскопках находятся мощные пни и корни, и кое-где еще пытаются произрастать вязы-карагачи. Стада, в особенности козы и овцы, являются большими вредителями для лесонасаждений. И в гималайских местностях нам приходилось убеждаться, насколько правительству приходится употреблять меры для упорядочения горных пастбищ. Каждый срубивший или обезобразивший дерево не чувствует свою ответственность перед страной и всю природу. Между тем он должен бы возместить этот ущерб, по крайней мере, насаждением десяти деревьев вместо одного повреждённого. Также оставались в небрежении и реки. В песках среднеазиатских можно подчас слышать шум подземного потока. В далёкие времена эти местности, как свидетельствуют раскопки, а также добросовестные описания древних китайских путешественников, были цветущими. Свен Гедин правильно ещё недавно указывал, что безводные пустыни могли бы быть обращены в цветущие сады. Мы сами убеждались, как жердь, воткнутая в забор, или брошенный картофель и горох быстро произрастали в так называемом песке. Поистине, лессовые и вулканические породы Средней Азии представляют из себя плодороднейшую почву.

Эти сведения о возможности местного плодородия подтверждаются богатыми сартскими плодовыми садами Туркестана и китайскими огородами и полями на окраинах Монголии. Нетронутость целинных степей монгольских позволяет делать многие благожелательные заключения.

Очень приятно подчеркнуть то дружелюбное отношение, которое мы встретили повсюду со стороны как китайских, так и монгольских властей. В газетах мелькнуло неизвестно кем измышленное сообщение о каких-то недоразумениях с монголами. Мы удивлялись, откуда такая злостная выдумка могла зародиться, ибо во все время мы ничего недружелюбного не ощущали. Наоборот, как среди народа, так и среди властей, оказывалось и гостеприимство и содействие. За всё время никаких неприятных встреч не происходило.

Кроме собирания гербария и большого количества семян засухоустойких трав, Юрий имел возможность беседовать с бурятскими и монгольскими ламами-врачами, а также приобрести несколько полезных для изучения местной медицины монгольских книг. По газетным сведениям мы узнали несколько приятных для нас сообщений о трудах почетного советника наших учреждений доктора Рида. От души приветствую работу этого широкомыслящего учёного, который, исследуя древние фармакопеи Китая, уже нашёл многое приложимое и для новейшей современной науки. Мне это тем более приятно, что подтверждает мои давнишние соображения о том, насколько многое полезное должно быть сохранено в многовековых старинных наблюдениях.

Конечно, это не значит, что старинные фармакопеи могут быть дословно применяемы. Ведь многое в них отмечено в чуждых нам своеобразных и символических выражениях, а кроме того, для многих современных нам понятий не находилось выразительных эквивалентов. Но, во всяком случае, многие самоновейшие открытия, как, например, в области витаминов и целебности животных веществ – вполне отвечают забытым стариннейшим умозаключениям.

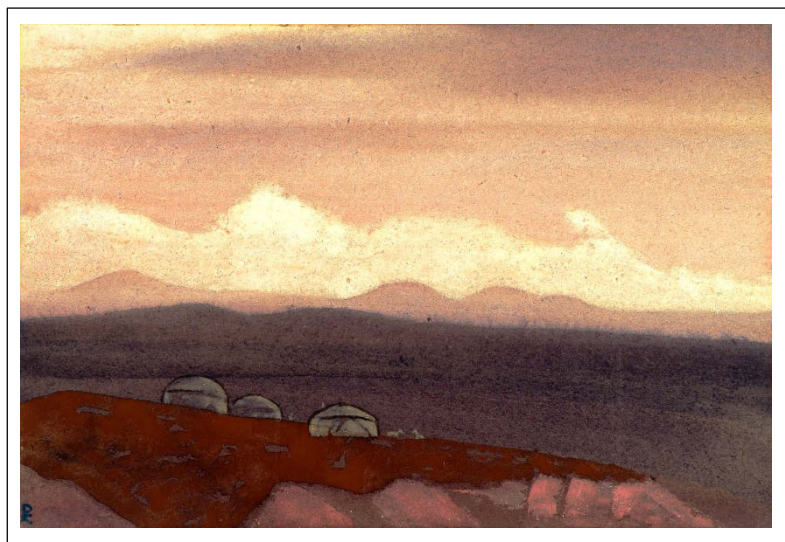
Потому имеет большое значение отнестись с полной внимательностью к старинным наблюдениям.

Вообще, если бы только в наши дни больше применялось благожелательство, доверие и беспристрастное изучение! Пора отрешиться от предрасудков во всем их парализующем значении.

Хотелось бы послать сердечный привет всем, кто помогал нам за время нынешней экспедиции. Будем надеяться, что наш привет и доброе пожелание дойдут до всех благожелавших и в Пекине, и в Калгане, и по всем посещённым монгольским хошунам. Результаты удачны, тем ценнее помощь прямая и косвенная, оказанная по пути. Шлём привет и нашим китайским учёным сотрудникам, из которых член Китайской Академии Наук доктор Кэнг явился не только временным сотрудником, но и сохранились с ним связи на доброе будущее. Привет и сердечное спасибо всем помогавшим. Работы по экспедиции, по тем же заданиям, будут продолжены и в других местностях – за горами, за морями. И оттуда мы пошлём привет Китаю и Монголии, давшим нам так много ценных наблюдений.

1 Октября 1936 г.
Пекин

Н.К.Рерих. "Врата в Будущее". Рига, 1936

Н.К. Рерих. Монголия (Сойкан). 1936.

**5 октября 1936 г. Кулу, Пенджаб.
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.**

5 октября 1936 г.

Дорогой Павел Федорович!

Шлю Вам искренний привет и желаю, чтобы здоровье Ваше окрепло. Все тонко настроенные духовно, конечно, особенно страдают и телесно в наше неслыханно напряжённое время. Поистине, гремит Армагеддон. По всему миру несутся стенания о нерешённых проблемах. Но сердце человеческое давно решило всё о земной жизни. В сердце человек знает всё, но не может претворить в плотном слове. В искусстве иногда вспыхивают искры прозрений. Недаром именно творчество от древнейших времен, от Вед незапамятных, считалось связью с Высшим. Пьёте ли Вы валериановый чай? – это незаменимый

жизнедатель, если его употреблять долговременно и непрерывно. По чайной чашке вечером, перед сном. Вместе с сердечным приветом шлю Вам несколько последних открыток и мысль с пожеланием всего Светлого. Бандеролью pošлю Вам мою последнюю книгу «Врата в Будущее». Да pošлёт Вам Преподобный Сергей силы и здоровье.

Искренно,

Н.Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва

Публикуется по изданию: Письма Н. К. Рериха П. Ф. Беликову (1936–1939).

9 октября 1936 г.

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

9 октября 1936 г.

Дорогой и сердечнoуважаемый Николай Константинович!

Получил я воздушной почтой 6 октября из Наггара целое богатство. Столько радости! Тут и страницы Аума (теперь имею весь манускрипт), и Ваше письмо, и статьи, и каталог книг. Шлю Вам всю мою радость и благодарнoсть.

Уже набрано три печатных листа книги. В типографии обещали отпечатать за неделю 5 листов, может быть, и больше. Затруднение было с обложкой, так как среди здешней продукции бумаги тёмно-синего цвета нет, а из-за границы мало ввозят, но сегодня случайно в двух небольших магазинах нашёл подходящую бумагу, остаток, но из обоих магазинов вместе хватит на всю книгу (будет лишь совсем небольшая разница в оттенке). Так в настоящее время во всех, даже в самых обыденных, практических условиях нужно бороться с ограничениями.

Нерушимое пошло в отдел прессы 6 октября, ответ обещали к 12-му. Мы послали на Ваше имя цензурный экземпляр (на других экземплярах будет матовая краска).

Я получил также в двух пакетах 4 экз. III тома журнала^[1] и 2 *Tibetica*. II том ещё не получил, когда получу, тотчас же pošлю в указанные места. Высылаем пока лишь в Публичную библиотеку III том. У нас есть справочник на немецком языке – *Minerva*, где указаны все учреждения всех городов мира. Единственно, такого Института Востока Академии наук не мог найти. Там есть Восточный институт имени Е., но исторически этот институт как будто не имеет связи с Академией наук. В другом городе есть Институт востоковедения, но тот произошёл из другого института. Пошлю журнал одному из них. Пошлём от имени Общества, с сопроводительным письмом.

Фёдор Антонович был у консула Швеции. Под конец побеседовал сердечнo. Консул подтвердил, что учреждения присланные книги сохраняют, но посланные частным лицам отсылаются большей частью обратно. Консул относился также благосклонно к идее Пакта Мира. Конечно, Ф.А. говорил о мире и о сохранении культурных ценностей убедительно. Ф.А. оставил консулу III том журнала (у нас был лишний), II том *Pacte*^[1] и мою статью о П[акте] М[ира], тот обещал послать в Швецию. Я уже давно хотел послать туда и Сборник^[1] разным журналам и пр., но знаю, что он «не по сознанию». Переписку лучше всего вести с официальными учреждениями, так как всё другое может идти через цензуру.

Я лишь сегодня достал на прочтение 15-й номер индусского журнала *Yoga* (Febr. 1935 г.), издаваемый Jogenol'oft, в котором помещена статья рижского руководителя йогического центра Н. Dikman'a под заглавием *Foreign Prejudice*. Тут он с полной иронией намекает на автора *Агни-Йоги*. Как на такую акультурность способен был «йог», уверенный в исключительности своей миссии?! Вы, должно быть, уже знаете про эту статью. Тот же Dikman собрал о Вас также разные сплетни. Даме, его слушательнице, которой он передал клевету, я сказал о Вашем отношении к клеветникам и об отношении Куинджи.

Журналист Анри Гри – Гарри Гиршфельд (еврей), рижанин, проживает теперь в Америке, New York, 1326, Madison Av.

Шлю самый сердечный привет и самые лучшие пожелания Вам и Елене Ивановне.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

12 октября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
12 октября 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Спасибо Вам сердечное за большую радость, нам доставленную Вашей новой книгой. Спасибо и за посвящение, и за весь текст, полный духовного горения. Поистине, кроме вдумчивого увлекательного изложения, вся книга привлекает к себе своей духовной чистотой. Аура книги полна аурую автора; как ценно, что в Латвии издаются такие чистые идейные книги, и можно лишь пожелать, чтобы она проникла в широкие слои общества. Пусть книга войдёт в школьные библиотеки. Пусть она найдёт путь и за границу, пусть и в других странах знают, чем горит дух Латвии. Ещё раз спасибо за праздник духа.

Очень рады, что Вам нравится идея подношения президенту книг. Конечно, Вам на месте виднее, какие именно книги для этого полезнее и как лучше оформить это подношение. Также радуемся Вашим добрым отношениям с П.Пильским. Такие опытные писатели весьма ценны как друзья. Радовались и Вашему сообщению о том, что неприятности у Гаральда Феликсовича улаживаются. Всякие такие жизненные испытания совершенно неизбежны, и самое ценное в них – то внутреннее чувство, с которым они встречаются. Конечно, не имеет значения, будет ли в книге *Нерушимое* 79 или 80 статей. Как быстро закончилось печатание этой книги!

Спасибо за готовность издать общедоступную книжку *Культура*. Все заветы о культуре необходимо по возможности протолкнуть и в Швецию. Ведь у них следующая задача – красота жизни. Разве это не чудо? Какой именно магазин занимается распространением изданий *Угунса* за границу? Особенно важно в начале издательства установить пути распространения. У Вас уже имеются адреса, по которым, подобно *Вратам в Будущее*, следует послать и *Нерушимое*. Посылаем Вам Библиографию, изданную здешним журналом *Янг Билдер (Молодой строитель)*. Когда получим ещё экземпляры, пошлём Вам для библиотек и для ближайших друзей. Кстати, здешний материал не мог

быть полным, и потому просим друзей прислать всякие дополнения, которые им известны... Теперь самое главное. Вы уже знаете о том, как Свыше одобрена Ваша деятельность. Теперь Указано, что Общество может расширяться, привлекая молодёжь. Вообще, всякое общение с молодыми поколениями совершенно необходимо для каждого живого дела. Предчувствуем, как эти зёрна Указаний упадут на Вашу чуткую почву. Поистине красота спасёт мир. Все наши общества и содружества являются и отделами Лиги Культуры. Ведь в культуре кристаллизуется красота. Шлём Вам и Вашей супруге и всем добрым друзьям лучшие мысли и сердечные напутствия. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

16 октября 1936 г.

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

16 X. 36. Утро

Дорогой Николай Константинович!

Мы послали 12 октября первую посылку – 3-й том журнала в Публичную библиотеку центрального города. Сопроводительное письмо было написано на бланке Общества, с моей подписью. Кончили письмо, изъявляя желание, чтобы и учёные Швеции высказали свои отзывы по вопросам, трактуемым в журнале. В тот же день я послал туда же двум редакторам журналов свою статью о Пакте Мира. Если и не поместят, то, по крайней мере, я рад познакомиться. Чувствую, что это был значительный день и что этот первый шаг был так важен! Последующие посылки пойдут уже по инерции. Позавчера я получил и 2-й том журнала, оказалось, что из-за приложенных открыток задержали на таможне. Сейчас же было послано и двум остальным учреждениям северного города.

Не послать ли также в музеи, академии и пр. – Ваши рижские издания?

Оказывается, что представителем *Алатаса* в Риге отправлены в прошлом году в Швецию, через едущих туда, частным лицам следующие книги: *Пути Благословения*, Сборник, моя латышская книга о Вас и *Гонец*. Ответ был получен главным образом о *Гонце*, что три семьи в одной квартире им зачитывались.

Нерушимое выпустить из цензуры обещали сегодня или завтра. Послать ли по тем же адресам, как и *Врата в Будущее*? Кому послать в Харбин? Моя брошюра о Культуре выйдет через неделю, послать ли и её по тем же адресам?

Я уже писал Вам о проф. Шмидте в связи с нападками в официозе и в народном университете. В прошлый четверг он прочёл публичную лекцию на тему: что нам даёт Восток? Оказывается, что и здесь он открыто напал на Вас, на Вашу экспедицию и пр. К сожалению, из-за нашего собрания никто из наших членов не присутствовал. Нам приходится молчать, так как пресса наш протест не поместила бы. Да, тьма и вокруг нас как бы сгущается, но и чувствуем всей своей сущностью наступление Победы Света. Интересно, между прочим, что в ночь с 12 на 13 октября я видел сон, что Е.И. стояла на высокой горе, вокруг была битва, и я как бы участвовал, я пел торжественный гимн победе.

«Рижанин», написавший о брошюре Александра Ивановича в берлинской газете, может быть, старый знакомый наш – Вреде, проживающий в настоящее время в Берлине. Сначала мы думали, что это Есс.^[1], молодой священник в Лейпциге, которого Феликс Денисович исключил 5 лет тому назад из группы за нападки на Александра Ивановича. Ему была послана брошюра Александра Ивановича. Но скорее – Вреде.

Вчера я получил сюрприз – письмо от А.Хейдока на латышском языке. Оказывается, что автор *Пророков* – латыш. Как тронуло нас всех это письмо, которое пришло из самого непостижимого города на свете, где все живут как бы под психозом утрашения и т. д. И книги Учения можно посылать лишь по одному экземпляру за раз. Хейдок писал по-латышски (хотя и совсем отвык) для избежания цензурного любопытства. Письмо, как видно, и было вскрыто. Такова теперешняя жизнь. С одной стороны, как бы средневековый дух. Но никогда и духовный голод не был так силён, как теперь. Шлю Вам и Елене Ивановне свои самые сердечные, самые чистые мысли.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

19 октября 1936 г. Прага.

Письмо Н.О. Лосского к Рериху Н.К.

Prague Bubeneč Bučkově, 27

Czechoslovakia

19. X. 36.

Дорогой Николай Константинович, очень благодарю Вас за доброе отношение к моей книге, издаваемой по подписке. Ваш адрес я уже сообщил казначею УМСА Ф.Т. Пьянову, а деньги, любезно присланные Вами (50 крон), pošлю 1 ноября со своим сыном Борисом, который на зиму едет в Париж. Очень благодарю Вас также за «Врата в будущее». В ней много интересных и важных тем. Между прочим, интересуют меня такие, как «Старинные лекарства». Восточная древняя медицина начинает интересоваться Европу. Наша добрая знакомая женщина – врач Толль-Вернадская (дочь академика-геохимика, жена археолога, который ежегодно ездит зимою из Праги в Месопотамию на раскопки, начатые несколько лет тому назад проф. Ростовцевым) читает книги по китайской медицине и кое-что пытается применять (надавливания, по-видимому, возбуждающие с периферии нервные центры и т.п.).

Вкладываю воззвание о подписке на мою книгу. В нём есть оглавление её.

Все члены Вашей семьи духовно деятельны, и то, что все Вы вместе, - большое преимущество Вашей жизни. Мои три сына все тоже живут интенсивно духовною жизнью, но, к сожалению, зимою все трое далеко от нас: двое старших в Париже, а младший, специализирующийся по истории, учится в Лондонском университете.

Мария Николаевна Стоюнина⁵, (которой через 1 1/2 месяца будет 90 лет), Людмила Владимировна, Борис и я шлём сердечный привет Вам и всей Вашей семьёй.

Душевно преданный Вам,

Н. Лосский

Архив Государственного музея Рерихов, Москва.

22 октября 1936 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха в Правление Русского Культурно-Исторического Музея в Праге .

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India

Окт. 22-го 1936 г.

В Правление Русского Культурно-Исторического Музея в Праге.

Друзья,

Сердечно благодарю Вас за письмо от 25-го сент[ября]. Оно дает мне возможность приветствовать Ваше светлое начинание. Каждое собрание культурных ценностей особенно нужно сейчас, когда столько смятения в мире. Охотно отвечаю на Вашу просьбу и ближайшей паровой почтой пошлю вам посылку следующего содержания.

1. «Эверест» /из серии Гималайских этюдов/.

2. «Кинченджунга» /тоже из серии Гималайских этюдов/.

Оба эти этюда должны быть поставлены под стекло и в случае прекращения Музея должны быть возвращены мне.

3. Воспроизведение моего портрета, работы Святослава Рериха.

4. Каталог Музея 1930 г. на англ. яз. / В каталоге содержатся и биографические данные. После 1930 г., от 1934–1936 г. я был в экспедиции в Китае и Монголии, а 15 апр[еля] 1935 года 21 американская республика подписала в Вашингтоне предложенный мной Пакт о Сохранении Культурных Ценностей. 6-го июля 1936 г. Был открыт в Брюгге Музей «Fondation Roerich pro Pace, Arte, Scientiae et Labore in Memoriam Alberti Regis Belgarum». В 1936 г. вышли 9-ый, 10-ый и 11-ый тома моих книг «Священный дозор», «Врата в будущее» и «Нерушимое».

5. Автограф-черновик моей статьи «Ригор Мортис».

6. Библиография, изданная в 1936 г. журналом «Young Builder» в Карачи.

7. Журнал «Урусвати» Гималайского Института Научных Исследований.

8. «Message 1930» - ежегодник Музея, из которого можно видеть биографические данные.

9. «Le Messenger Français du Roerich Museum». 1930.

10. Roerich Museum Bulletin Vol. II, # 4.

11. Revue Internationale/ mars. 1934.

12. Indian Magazine Sept. 1933, Scholar Annual 1933, for «Peace and Culture» by V. Sarti (2 экз.).

Также несколько воспроизведений с моих картин.

---

⁵ Мария Николаевна Стоюнина (1846-1940). Педагог и общественный деятель.

Надеюсь, что эти посылки дойдут сохранно, и по получении их прошу уведомить. Ещё раз шлю Музею мои сердечные пожелания и надеюсь, что под руководством Вашим это полезное Учреждение будет неустанно расти.

С искренним приветом

Душевно преданный

Н. Рерих

Российский государственный архив литературы и искусства, Ф. 2408, оп. 1, д. 27

24 октября 1936 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

Октябрь 24, 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Только что получили Ваше славное письмо от 16-го, и сегодня же спешу написать Вам, хотя бы и не заказным, ибо сегодня почта по случаю местного праздника закрыта. Ваша мысль об издании Сборника, посвящённого памяти Ф.Д.Лукина, превосходна. Именно, к трёхлетию его ухода такая книга очень хороша. Конечно, кроме статей друзей и сочленов могут быть включены и его статьи. Со своей стороны я дам статью *Светлой памяти Ф.Д.Лукина*. Именно, нужно достойно отмечать память незабываемых больших деятелей. В истории латвийского нашего Общества такой памятник останется лучшим поощрением молодых начинающих работников. Итак, ещё раз скажу, что мы все в восторге от этой мысли и желаем Вам успешно, как всегда, осуществить её.

С этой же почтой было получено любопытное письмо с Дальнего Востока, а также трогательно сердечное письмо Ф.А. Буцена. В письме с Дальнего Востока прислали вырезку из японской газеты *Харбинское время*, где некий Морозов (думаем, что псевдоним) под заглавием *Драгоценная откровенность адептов Белой ложи* на четырёх с половиной больших колонках всячески ругает книгу А.И.Клизовского о масонах^[1]. Конечно, такой отклик мерзкой газеты и нужно было ожидать. Конечно, каждому покажется странным, почему именно японская газета так занимается этими вопросами, но зная, какие отбросы в ней работают, можно не удивляться происходящей нескончаемой гадости. (Газета от 21 сентября.) Любопытно, что именно не даёт спать рижскому Шмидту. Сопоставляя его выпады с харбинским мракобесием, можно заподозрить его участие в этой подкупной шайке. Не к ней ли относится и Дикман? К сожалению, этого номера журнала *Йога* мы не имеем, но выпишем его из Бомбея. Вполне оценивая все выпады чёрной ложи и не придавая им особого значения, всё же нужно внимательно следить за ними, чтобы быть в курсе всего происходящего. Ведь дни не простые, но Армагеддон гремит. Также Фёдор Антонович сообщает, что какие-то власти считают меня «жидом», сообщите, пожалуйста, кого он имеет в виду, ибо это наименование слишком напоминает Ваську Иванова, с тою лишь разницей, что в Харбине тот относил это название не ко мне, а к Елене Ивановне. До сих пор мы не слышали, чтобы какие-либо власти впадали в такое грубое невежество. Будьте добры пояснить нам подробнее. Вполне одобряем все Ваши соображения о посылке журналов и книг в Швецию. Сделайте так, как лучше, ибо Вам на месте пути виднее. Обо всех результатах будем рады слышать. *Нерушимое* прошу послать по всем адресам, ранее данным. Там же будут радоваться и Вашей книге. Кроме того, пожалуйста, пошлите Г.М.Калантаевскому по адресу: почтовый ящик №40, Чифу,

Китай. По его же адресу, пожалуйста, пошлите *Врата в Будущее* и *Нерушимое* для Всеволода Иванова (сам он находится в Шанхае, но его я не знаю). Калантаевские – прекрасные люди. Е.И. и я шлём Вам всем наши лучшие приветы. Е.И. погружена в манускрипт *Тайной Доктрины*.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Сердечно радуемся тому, что Альфред Хейдок вспомнил свой родной язык, – это ему облегчит почтовые сношения с Вами. Полагаю, что Вы имеете его книгу *Звёзды Маньчжурии*. Пошлём ему отсюда Вашу книгу *Kulturas Celvedis*. Хейдок – талантливейший человек, но, как Вы отлично поймёте, ужасная харбинская атмосфера болезненно отзывается на такой одарённой натуре. Вы Вашею всегдашнею сердечностью, отзывчивостью и уравновешенностью можете очень помочь его кипучей натуре. Конечно, имейте в виду, что вся почта вскрывается, и потому ни Швеция, ни другие страны не должны быть вообще поминаемы.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

ПРИЛОЖЕНИЕ (*Русское слово*, Варшава 26.10.37 г.)

ЛЕГЕНДАРНЫЙ РЕРИХ

На днях в Париже праздновали пятидесятилетие художественного творчества профессора Рериха.

Рерих – художник мировой. В разных странах Рериху посвящено много изданий – больших монографий и малых брошюр. Как бы разнородно ни подходили к Мастеру исследователи его произведений, они всегда признают высокую знаменательность его явления, незабываемость его творчества и убедительность его картин в великих красочных симфониях. Сколько раз сказано и повторено: “облака Рериха”, “страна Рериха”, “орлы Рериха”, “вороны Рериха”, “синева Рериха”, “вершины Рериха”.

Рерих – художник мировой. В целом ряде стран и государств существуют музеи Рериха, картинные галереи Рериха. Миллионам людей во всех частях света известно и дорого имя Рериха.

Рерих художник мировой – но мы с гордостью можем сказать: “Рерих прежде всего наш русский художник. Художник, родившийся и воспитывавшийся в России и глубокими корнями неразрывно связанный с русской землей.

Николай Константинович Рерих родился в Петербурге в 1874 году. Отец Рериха был известным нотариусом и вращался в передовых кругах образованного общества. Особенно близок он был с К.Д. Кавелиным, защитником прав человеческой личности, сторонником мирного общественного прогресса, принимавшим деятельное участие в проведении великих реформ 60-х годов прошлого века.

Передовые кружки того времени едва ли могли способствовать развитию любви к искусству и красоте в душе восприимчивого мальчика. Но это сделала русская северная природа. Лето мальчик проводил в петербургском

имени отца “Извара”, и здесь влилось навсегда в его душу очарование солнечных закатов, восходов и таинственная прелесть белых ночей.

Окружённый, замороженный северной природой, мальчик делается ботаником, энтомологом и, наконец, страстным охотником. Воспринимаемые впечатления требуют выявления в слове и красках, и ещё учеником гимназии Мая Рерих начинает сотрудничать в “Природе и охоте” и других изданиях.

В старших классах гимназии Рерих увлекается наиболее древними периодами русской старины и становится охотником-археологом. Он раскапывает курганы, составляет коллекции, и красота древнего искусства даёт незабываемое направление и неизгладимую печать в восприимчивой душе мальчика.

Окончив гимназию, Рерих поступает на юридический факультет Петербургского университета и в то же самое время – в Академию Художеств. Первая выставленная им картина – “Плач Ярославны” – сразу показала выдающиеся способности юного художника. Увлечение русской древностью сказалось, и появляется ряд новых картин: “Иван-царевич”, “Утро и вечер богатырства киевского”, “Ушкуйник” и так далее. Любовь к родной старине не угасает. Рерих изучает летописи, роется в архивах, и под его кистью воскресает русская древняя быль. И вот новая картина – “Гонец” – выдвигает юного ученика знаменитого Куинджи в первый ряд современных русских художников. “Гонец” приобретает Третьяковская галерея.

В 1900-м году в Париже Рерих заканчивает своё художественное образование под руководством выдающегося французского художника Кормона.

В краткой газетной заметке нет возможности исчерпать огромную тему о Рерихе. Для этого нужна книга или, вернее, книги.

От древнейшей старины Рерих переходит к русской старине церковной. Он носится по всей России, изучая старинные иконы и архитектуру древних церквей. Количество картин растёт, и надо только удивляться, когда успевают их творить неутомимый художник? Как он проникает в глубины древнего быта, в глубины русской народной души?

Когда-то в разговоре со мной Лев Николаевич Толстой заметил, что настоящее художественное произведение за внешним первым планом скрывает ещё другой, более глубокий план, а иногда даже не один, а несколько. В ряде картин Рериха чувствуется скрытая, но осязаемая тайна, загадка, иногда пророчество. Последнее особенно ясно в картине 1914-го года.

Я давно был знаком с картинами Рериха и считал его только выдающимся художником. Здесь, за границей, я познакомился с его книгами и увидел, что есть ещё Рерих-мыслитель.

И оказывается, что и это ещё не весь Рерих. Есть ещё Рерих – общественный деятель. Есть Рерих – проповедник Красоты, Добра и Знания. Есть выдающийся борец за мир на Земле и благоволение в людях, борец за Культуру. Это иностранное слово Рерих называет служением Свету.

Да продлит же Господь его годы для этого творческого служения.

А. Хирьяков

“Русское слово” Варшава, 26.X.1937

26 октября 1936 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

26 Октября 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Прилагаю при сём статью, посвящённую памяти Феликса Денисовича. По моей привычке всё полезное не должно быть отложено. Полагаем, что эта памятная книга будет по-латышски, и потому предчувствую, как прекрасно Вы переведёте мою статью. Конечно, если найдёте нужным дать её куда-то в прессу и по-русски – всё это предоставляю Вашему усмотрению. Скажите, пожалуйста, Ф.А. Буцену, что ещё недавно с ведома митрополита Евлогия была издана в Париже книга проф. Карсавина об отцах церкви, и, конечно, в ней было отведено видное место Оригену. Никто за это Карсавина не называл безбожником. Станные вещи творятся. Казалось бы, все митрополиты молятся одному Христу, а между тем указания их совершенно противоречивы. Впрочем, и иерархически, и по возрасту митрополит Евлогий гораздо старше всех прочих митрополитов. Я лично знаю его, так же как и недавно умершего Антония, уже более двадцати восьми лет. Думаю, что иерархия должна быть во всём соблюдаема. Ещё раз прошу: поясните нам, о каких именно властях писал Фёдор Антонович, поминая такие невежественные выклики о жидовстве.

На обороте повторяем письмо, посланное два дня тому назад, ибо в тот день нельзя было отправить заказное почтой.

Всегда радуемся Вашим вестям и ещё раз шлём Вам, Вашей семье и всем друзьям наши сердечные приветы. Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

30 октября 1936 г.

Письмо Н.К. Рериха к Дальневосточному содружеству

Копия письма к Дальневосточному содружеству для сведения.

30 октября 1936 г.

Дорогие Друзья,

Из Парижа (*Дом книги*) прислана нам брошюра Ю.Н. Лукина *В мире символов* – г. Харбин, 1936. На обратной стороне обложки упомянуты все ближайшие участники этой невежественной брошюры, изданной 12-7-1936 г.:

Издательство Морозова В.А., Коммерческая, 32.

Издатель Всеволод Александрович Морозов – Коммерческая, 32.

Автор Юрий Николаевич Лукин – Черногорская, 8.

Заведующий типографией Алексей Петрович Мельников (иеромонах Иннокентий) – Крестовоздвиженская, 18.

Типография Казанско-Богородицкого мужского монастыря – Крестовоздвиженская, 18.

Издано 12/VIII г. эры Кан-Дэ

Тираж 1000 экз.

Таким образом, кроме тайных побудителей, все явные участники этой брошюры, в назидание потомству, перечислены. Комментарии излишни. Между прочим, брошюра называет мою картину *Святая Покровительница* кощунственной, ибо знак Троиственности помещён на груди Богородицы. Трудно классифицировать это сообщение. Будет ли оно сознательно кощунственным

или кощунственно невежественным – это не меняет мрачного поползновения составителей брошюры. Спрашивается, неужели невеждам неизвестно, что подобный знак Троиности в большом размере, так же как на моей картине, находится на груди Христа знаменитой картины Мемлинга в Королевском музее Антверпена? Именно это помещение знака Троиности послужило мне прототипом для помещения его в таком же применении и на моей картине. 2) Неужели невеждам неизвестно, что этот же знак Троиности находится на иконе св. Сергия, помещённый на епитрахили Преподобного. Невежды могут удостовериться, посмотрев на издание Киево-Печерской лавры 1860 года *Служба Преподобному Сергию Игумену Радонежскому Чудотворцу*. 3) Неужели невеждам неизвестно, что этот же знак находится на иконе св. Николая Чудотворца в Бар-Граде, воспроизведение которой утверждено председателем Высшего церковного управления Антонием, митрополитом Киевским, Карловцы-Сремские, 10 марта 1922 г. 4) Если предположить, что указанные три сведения невеждам неизвестны, то, наверно, им неизвестно, что тот же знак находится на головном уборе св. Михаила Архистратига в Испании или на Богоматери в Страсбурге и ещё на очень многих древних православных крестах и в иконных орнаментах. Не может быть, чтобы люди, причисляющие себя к православию, не знали всех этих вышеупомянутых общеизвестных данных. Нет, мы имеем дело не с простым невежеством. Совершается мрачное кощунственное действие. Закупленные врагами писаки готовы извратить всё. «Без лести преданные», они готовы произнести любую ложь, не стыдясь выказать низость своей души. Им поручено внести смуту, опорочить всеми средствами пути созидательства. Прискорбно видеть, какие именно типографии участвуют в распространении кощунственных, ложных данных. Конечно, тощая брошюрка Лукина останется в недрах соответственных тёмных кругов, но всё же она издана, как видим, в 1000 экз. и, будучи услужливо раздаваема, может смущать слабые умы. Конечно, для смущения подобные брошюрки и печатаются. Плачевно убеждаться, что в то время, когда каждый деятель должен бы напрягать все свои силы для разумного светлого строительства, именно тогда расплозятся по разным порогам маленькие ехидны, стремящиеся разнести наибольшее количество лжи, яда и смущения. В той же брошюрке говорится о каком-то «рериховском кресте». Что именно под этим подразумевается, мне неизвестно, ибо если на картинах, мозаиках и фресках моих были изображения креста, то все они представляли древнейшие, всем известные изображения. Никаких личных интерпретаций в это изображение я не вносил, и потому, говоря о каком-то особенном «рериховском кресте», составитель брошюрки намеренно произносит ещё одну заведомую ложь. Да будет стыдно этому молодому человеку, который заведомо погружается в мрачные бездны лжи. Конечно, со всякими лживыми наветами приходится встречаться на жизненных путях. Эти факелы дикарей неизбежны, но всё же хочется ещё раз утвердить сведение о знаке, подвергающемся таким мерзким доносам и ложной клевете. Уже давно в моих Записных листах я указывал, насколько организованны силы тьмы. Пусть и добро сплотится в дружном подвиге.

Духом с Вами,

Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

НОЯБРЬ

5 ноября 1936 г. Наггар

Письмо Н.К. Рериха к Буцену Ф. А.

Дорогой Фёдор Антонович,

Большое спасибо Вам за славное сердечное письмо. Именно таким дружелюбием и взаимопониманием можно сотрудничать. Спешу передать от Е.И. два обстоятельства:

1. Для некоторого удешевления печатания можно бы выпустить вс значки над санскритскими словами, написанными по-русски. Это всё-таки должно несколько удешевить набор.

II. Даже при самой спешной работе – Елена Ивановна сейчас сидит за корректурой перевода буквально от самого утра до вечера – невозможно напечатать и второй том до будущего мая.

Думается, что труд в нескольких томах, если первый том уже будет напечатан к этому сроку, не может быть прерван до середины печатания. Об этом посоветуйтесь с местными юристами. Кроме того, может быть следовало бы напечатать хотя бы одну часть второго тома и, тем самым, уже получить разрешение на окончание его. Трудно сказать, которая именно версия пригоднее на месте. Наверное местные юристы Вам подскажут, как удобнее всего это сделать. Кроме пересылки самого манускрипта перевода, ведь и печатание с такой ответственной корректуры не может быть поспешно. Будем ждать Ваших соображений и местных юристов.

Елена Ивановна временно даже прекратила всю корреспонденцию, чтобы всецело сосредоточиться на корректуре перевода – ведь кроме самого изложения в этом труде такое множество иностранных слов, которые в разные периоды произносились различно. Мы оба чрезвычайно оценили Ваше желание прислать нам крупно напечатанную Библию.

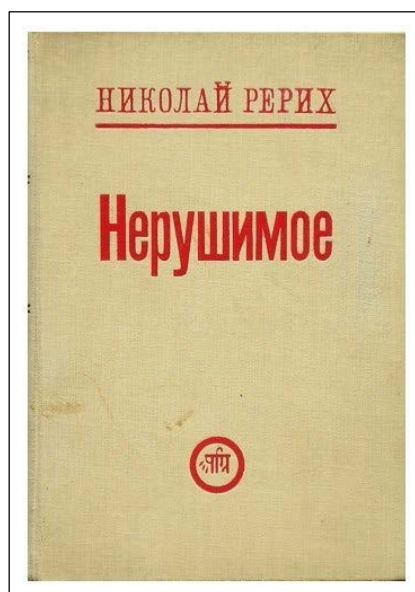
Книги с особо мелкой печатью так пагубны для зрения, и в этом отношении я особенно болею за Е.И., которой приходится так много читать непозволительно мелко напечатанных книг. К тому же вся наша семья дальнороякая. Вероятно А.И. покажет Вам моё письмо нашим обществам и содружествам по поводу невежественной брошюры харбинского Ю.Н. Лукина, по которой выходит, что и общеизвестный знак триединности, есть знак кощунственный. Вот до какой мрачной бездны докатились подобные мракобесы. Хорошо, что на каждое их невежественное заявление Вы и прочие Ваши сочлены можете отвечать твёрдо, с фактами в руках. В дни Армагеддона большинство человечества выказывает какую-то свирепую невежественность.

Больно видеть, куда катятся тёмные разрушители, но именно в такое время нужна особая твёрдость, убеждённость и деятельное добротворчество.

Елена Ивановна шлёт Вам и всем друзьям свои лучшие пожелания. Примите и мои сердечные чувства.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

5 ноября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
5 ноября 1936г.

Родной Рихард Яковлевич,

Только что получили цензурный экземпляр *Нерушимого*. Большое Вам спасибо. Относительно рассылки его, как я уже и писал, она может быть сделана по прежнему данным адресам. Хорошо бы иметь вкладываемую печатную карточку с просьбой подтверждать получение по моему адресу в тех случаях, когда это идёт по моему списку, – конечно, карточку нужно иметь без названия книги, чтобы она годилась на разные случаи. Пожалуйста, пришлите и нам дюжины две-три. Эта мера совсем не лишняя, ибо постоянно приходится убеждаться в «странностях» почты. И за последнее время нам пришлось узнать к этому вопросу некоторые любопытные подробности. По адресу А.И. Клизовского пароходной почтой послана копия моего письма к Дальневосточным содружествам по поводу невежественной брошюрки некоего харбинского мракобеса. Из Бомбея мы достали номер журнала *Йога* с нелепой статьёй Дикмана. Вы поступили совершенно правильно, назвав кому-то эту статью клеветой. Хорош последователь Йоги, который ухитрился в одной фразе передать две неправды, и касательно авторства, и о том, что будто бы Агни-Йога ниспровергает все остальные Йоги. Ведь это нигде не сказано, наоборот, в предисловии *Агни-Йоги* подчеркнута приветствие Раджа-Йоге. Вообще, всякое отрицание совершенно не в характере Живой Этики, и можно лишь пожалеть, что Дикман, мнящий себя последователем Йоги, занимается распространением лжи. С 1923 года мы связаны с Индией, и во всей многообразной индусской печати не было ни одного нелепого суждения, таким образом, единственное таковое от Дикмана, к сожалению, пришло из Европы, да ещё из Латвии. Йога прежде всего выражается не в позах, а в очищении духа. Прилагаем три марки¹¹, которые могут быть, как памятные предметы, в рамочке под стеклом повешены в помещении Общества. Также прилагаю последнюю появившуюся

здесь статью о Пакте для архива и статью из американской газеты *Свет* – всякое осведомление полезно. Насколько слышали – писал эту статью Е. Москов. Состоялись ли у Вас какие-либо сношения по продаже книг в Циндао с Зенкевичем, адрес которого мы сообщали. Внешность *Нерушимого* вышла очень удачно; вообще, вырабатывается тип издания *Угунса*. Из Литвы мы слышали о даре Обществу моего бюста работы г-жи Тарабильды – даровитая скульпторша. Елена Ивановна сейчас всецело погружена в корректуру манускрипта *Тайной Доктрины* и ради этого временно даже должна пожертвовать большей частью своей корреспонденции. Она шлёт Вам, Вашей супруге и всем содружникам лучший привет.

Ещё раз сердечное спасибо. Получилось и прекрасное письмо от Гаральда – какой славный человек.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

9 ноября 1936 г.

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

9 ноября 1936 г.

Дорогой Николай Константинович!

Сердечно благодарю Вас за Ваши письма от 12 и 24 октября. Манускрипт *Тайной Доктрины*, в двух пакетах, в сохранности я получил 3 ноября. Конечно, он принёс нам большую, большую радость, но и ответственность. На днях, надеемся, прибудет и английский экземпляр и тогда немедленно приступим к печатанию. Шрифт будет, как в книге *О Началах*. В данной типографии работа делается машинным набором, так сможем поспешить, если понадобится.

Разрешение от цензуры на выпуск книги *Аум* на сей раз мы получили сразу, а именно 6.XI. Так скоро мы даже не ждали, потому и книгу не успели ещё сброшюровать. Но во всяком случае завтра или послезавтра начнём рассылку книги.

Мы послали на Ваше имя 30 экз. моей брошюры о Культуре. Также высылаем Вам пакет с *Нерушимым*. Послано в Наггар уже около 25 экземпляров.

Моя первая посылка в Швецию, в Толстовский музей – *Сознание Красоты спасёт* – позавчера вернулась обратно. На обложке была печать: «Non admis» по такому и такому-то параграфу такого и такого-то международного почтового закона. Да, это поразило меня, но не удивило. Ещё три пакета отправлены. Пошлю *Культуру* отдельным пакетом. Высылаем завтра *Нерушимое* отдельно, с сопроводительным письмом, в Академию художеств, как первую посылку. Посланные научные журналы там, конечно, давно уже получены.

Я хотел бы послать мои книги и теософскому журналу *Вестник* или же на имя Гельмбольдт. Как относится последняя к Учению? Сеплевенко, должно быть, уже оповестил Елену Ивановну о теософском конгрессе, состоявшемся в Софии, в котором участвовали также Арундель и Рукмини. Всё же хочу Вам привести здесь мнение Арунделя об Учении, высказанное им на конгрессе, в такой форме, в какой он ответил на поставленные вопросы. Мне передает его Сеплевенко в своём письме:

«Существуют и другие пути, кроме пути Белой Ложи, он их не знает, но думает, что они опасны, и так как он принадлежит к Белой Ложе, то он и зовёт братьев по этому пути. Учение Агни-Йоги он знает, но книг, написанных Рерихом, он не читал, и, насколько ему известно, Великие Учителя не имеют своего участия в этом деле. В таком же духе говорит о Рерихе и другой архат – Джинарадхадаса в своём внутреннем циркуляре по секциям. Таково приблизительно мнение теософских архатов по нашему вопросу».

<...>

Вашу статью *Мастерская Куинджи* газета *Сегодня* тотчас же напечатала, но, как видите, видоизменив заглавие. Я послал оригинал и газетную вырезку и самому Пурвиту, с приветом от Вас. Жаль, что я не исправил в статье – «бывший» глава Академии, ибо как я уже писал Владимиру Анатольевичу, Пурвит со времени переворота в Латвии больше не является ректором Академии, на его место назначен художник Я. Куга.

Мы имеем написанную на машинке статью Савицкого о культурном сдвиге в Швеции в последнее время. Можно ли послать Вам?

Кончая это письмо, я получил Ваше письмо от 26 октября вместе с первым драгоценным вкладом в наше построение в память Феликса Денисовича. Это будет истинным благословенным основанием нашего строения. Как прекрасно – проникновенно-величественно написана эта статья, как радостно читать каждую строку. Конечно, я сам, и с радостью, переведу статью. Мы работали план и теперь обращаемся к общественным деятелям, к друзьям и знакомым Феликса Денисовича. В одной Латвии их наберётся несколько десятков лиц. Конечно, некоторые напишут лишь несколько строчек. За границей мы пригласим Асеева, Шклявера, Лихтман, Фореля, может быть, ещё кого-нибудь. Буду очень рад, если и Елена Ивановна и Владимир Анатольевич напишут несколько строчек. Это совсем не спешно, можно прислать до середины января. Как образцы перед глазами имею две знаменательные книги-посвящения: *Liber amicorum*¹¹, посвящённую Р. Роллану, и *Золотую Книгу*, посвящённую Тагору.

Радуемся также об Указании расширить деятельность Общества, привлекая молодёжь. Много мы думали по этому вопросу. Мы очень желали бы образовывать специальные группы Учения для детей и для молодёжи. Но закон не разрешает это в таком виде, ведь в Общество могут поступить лица не моложе 18 лет. Можно лишь через детский сад действовать, через школы и курсы. Но и здесь трудно будет получить разрешение, ибо даже прошение об основании английских курсов нам в первый раз отклонили, лишь после вторичной просьбы разрешили. Оказывается, что наш член г-жа Е.И.Бумбер в Виндаве устроила небольшую детскую группу частным образом в своей квартире. Спрашивает от нас материал. Да, самое радостное было бы работать с молодёжью, сознание которой ещё так подвижно, восприимчиво и не засорено. Но надеемся, что, если будем мыслить в этом направлении, у нас явится и возможность.

Наше Общество весной уже послало партию наших изданий Культурному фонду, который распределяет подаренные книги по школам. Теперь пошлём в русские школы *Сознание Красоты спасёт и Культуру*. В настоящее время свою книгу перевожу на латышский язык и через десять дней приступлю к печати. Не встречались ли Вам при чтении книги места, которые желательно было бы поправить?

<...>

Власти, о которых пишет Фёдор Антонович, – это лишь один из чиновников отдела прессы. И, конечно, нельзя обвинять весь отдел прессы, хотя и тут настроение, которое я описал в прошлом письме Владимиру Анатольевичу. Да, Шмидт, должно быть, имеет переписку с Дальним Востоком, так как состоял долгие годы профессором во Владивостоке, по крайней мере, он получает газеты с Востока. Про Дикмана не знаем, откуда он черпал «сведения», некоторые о нём как о человеке отзываются хорошо. Медленной почтой pošлю Вам копию с его статьи. Александр Иванович хотел бы послать в данный журнал своё возражение, но не поздно ли, и, самое главное, поместят ли статью?

Ко всему этому я должен сообщить Вам ещё нечто неприятное. Мой товарищ мне только что позвонил, что в книге *Нерушимое* на стр. 335–336 повторяется тот же текст, что и на 339-й странице. Оказывается, что и типография, и переплётчики допустили прискорбную небрежность. Когда я получил Вашу статью *Мир* с пожеланием её поместить в книгу, всё было уже отпечатано, включая конец *Новой Эры*. Но мне эта статья показалась столь необходимой и насущной, особенно в данное время, что я решил для того, чтобы поместить статью, перепечатать снова 21 лист. Но вот при посылке листов к переплётчику и произошла небрежность: были отправлены оба листа – и правильный, и перепечатанный, и роковым образом переплётчику в руки попался прежде всего неправильный лист. Так как все экземпляры уже сброшюрованы, то остаётся лишь вырвать 335–336-й лист и вклеить правильный с оглавлением *Мир*. За границу мы ещё не многим послали. Вдогонку pošлём лист с просьбой вклеить в книгу. Также pošлём соответствующее число (прилагаю при сём 5 листов) в Наггар. Мы поспешили с работой, чтобы рассылка не остановилась. Посланный цензурный экземпляр был в порядке.

Пишу это письмо в дни, когда до сознания нашего сердца долетают отголоски самого ужасного, самого бесчеловечного в мире, а именно – битвы в Мадриде. Борются люди, которые через десять лет будут недоумевать: за что они боролись?

Мы решили совместно с литовскими членами в одни и те же часы утром и вечером посылать мысли о мире всего мира и об общем благе.

Письмо успею послать лишь 11.XI утром. Получил 10.XI и английскую *Тайную Доктрину*, и библиографию, и оттиск статьи, за что большое спасибо.

Наше Общество получило от г-жи Тарабильды Ваш бюст – довольно удачный, во всяком случае, лучше, чем на фотографии.

Шлю Вам и Е.И. всё самое сердечное и лучшее.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

19 ноября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой

19-XI-1936

Сердечное Вам спасибо за Ваше письмо от 25 октября с приложением фото. Всегда лучше иметь изображение друга – это ещё более укрепляет мыс-

ленные сношения. Спасибо Вам также за все Ваши добрые слова о моём искусстве и за сведения об *Алконосте* и парижском доброжелательстве. Действительно, было бы чудовищно, если доброжелательство с одной стороны встречало бы преднамеренную несправедливость с другой. Теперь хочу очень доверительно и сердечно побеседовать с Вами уже не о наветах, а о фактах, лежащих передо мною. И до нашей переписки с Вами я всегда соединял имя Ваше с понятием доброжелательства, а теперь с каждым Вашим письмом я лишь укрепляюсь в этом убеждении. Вот и хочу просить Вас, как друга доброжелательного и справедливого, разъяснить мне некоторые факты, которые так не умещаются в моём представлении о духовных вопросах. Хочется мне спросить Вас о недавнем сравнительно постановлении Женевского Совета. Не буду приводить его полностью, но лишь процитирую некоторые выражения, требующие разъяснения. «Совет постановил точно формулировать своё отношение к Р. ...Критически относиться к Р. ...к его книге *Агни-Йога*... У Р. они слишком переполнены *психизмом*... Эти методы приемлемы в Монголии и Тибете, но не для АРИЙСКОЙ расы... У нас принят метод чисто духовный... В заключительном слове А. Каменская сказала... Не можем согласиться с *ЕГО* учением... Книги его носят странный отпечаток. Некоторые из них не подписаны... Эти методы могут быть подходящи для ЧЕТВЁРТОЙ расы, но совершенно не подходят для пятой. Поэтому для нас они НЕПРИЕМЛЕМЫ». Дорогая Елена Фёдоровна, согласитесь сами, что я имею полное право просить разъяснения указанных, в лучшем случае, непонятных выражений. Так как и Вы знакомы с этим постановлением, то, наверное, можете мне разъяснить, какие именно мои книги не подписаны. Почему мои книги носят странный отпечаток? Почему книга *Агни-Йога* считается моей книгой? Где именно я рекомендую психизм (против которого я неоднократно выражаюсь)? Причём тут четвёртая раса и почему мы не принадлежим к пятой? Кроме этих недоуменных вопросов, позволю себе спросить, почему постановление восстаёт против валериана и мускуса, употребляемых, как Вам известно, всюю пятою расою? Думается, что употребление патентованных аспирина или фенацетина безмерно хуже. Упомянутые пункты постановления Совета невольно наводят на мысль, что лица, заседавшие в этом Совете, попросту говоря, моих книг вообще не читали и вместо основательного ознакомления предпочитают питаться какими-то необоснованными и, чего Боже сохрани, злонамеренными наветами. Иначе как же Вы объясните хотя бы утверждение о том, что некоторые мои книги не подписаны. Ведь, наверное, Вы были так добры и в своё время сообщили А.А.К., что ни анонимных, ни псевдонимных книг или статей у меня нет. За этим обстоятельством я слежу настолько бдительно, что ещё недавно, когда один иностранный журнал вместо подписи под одной моей статьёй поставил одну букву Р., я сейчас же указал на это, чтобы не уклониться от принципа. Наверное, Вы согласитесь со мною, что приведённое постановление, во всяком случае, недружелюбно и вредительно, ибо, разосланное по разным странам, оно лишь разносит ложные сведения. Не понимаю, почему Вы можете действовать так доброжелательно и, стремясь к правде, а в то же время некто, вопреки Вашим добрым намерениям, всё же будет упорствовать и принимать участие в неправдивых постановлениях. Если Вы не знаете, какие именно мои книги не подписаны, то очень прошу Вас осведомиться, что именно под этим наветом имеется в виду. Однажды, уже давно, мне пришлось слышать злую сказку о том, что я будто бы заказываю мои картины известным художникам.

Согласитесь сами, что постановление о неподписанных книгах, увы, равносильно этой злой сказке. Сказка была измышлена человеком, действовавшим по зависти, спрашивается, какому же чувству приписать измышление об анонимных книгах?! Чрезвычайно прискорбно, что в нашей такой доброжелательной обоюдной переписке приходится просить о таких разъяснениях. Но Вы, наверное, будете одинакового со мной образа мысли в том, что я имею право восстанавливать истину. Я уже имею перед собою и прискорбные последствия вышесказанного постановления. Мне известно, что во время своих лекций в Европе, уже после конгресса, президент отзывался совершенно в тех же тонах, и можно было лишь пожалеть, что из русского источника было умалено нечто русское. Что бы сказала об этом Е.П.Б.?! При этом президент заметил, что моих книг он вообще не читал. Значит, его отзыв основывается не на личной достоверности, а на каких-то опять-таки совершенно неуместных сплетнях. Итак, Вы понимаете, почему мне хочется знать, какие именно книги считаются моими. Уверяю Вас, что даже самых прекрасных книг я ни на минуту не решусь назвать своими, тем нарушая авторство – истину. Если мы хотим приближаться к духовным предметам, то ведь прежде всего нужна Истина. Всюду, где истина нарушена, там не может быть устремления к духовности. Разве не наш долг восстанавливать истину, где бы она ни нарушалась! Разве не сказано – нет религии выше Истины! Спрашивается, зачем же люди будут читать или слушать все данные им Высокие Заветы, если они не будут стремиться прилагать их к своей жизни. Только подумать, что люди, читавшие Высокие Истины, могут по каким-то неуместным неосновательным соображениям допускать неправду. Сейчас я вовсе не хочу диспутировать о том, что полезнее, [валериан](#) или аспирин, или о четвёртой и пятой расе. Сейчас мой вопрос гораздо проще. Мне хочется знать, на каком основании допускается и распространяется неправда. Если неправда распространяется по неведению, то должна быть восстановлена истина. Если же неправда распространяется кем-то по злобности с невежественно-разрушительными намерениями, то и такой акт вандализма должен быть пресечён. Точно бы индусы не пятая раса, точно бы их кто-то хочет из какого-то самомнения перевести в четвёртую расу и таким образом унижить все высокие индусские источники. Впрочем, чувствую, что этими вопросами сейчас не нужно усложнять положение. Сейчас болезненно встал вопрос о неправде, о неверных, настойчиво употребляемых кем-то данных. Я верю, что своевременно Вы уже говорили кому следует обо всём, что от меня узнали, почему же и Ваши слова где-то, видимо, перетолковываются и не принимаются в прямое соображение? Если на лекциях говорится, что «книг не читал, но в них Света мало», то как же следует истолковать эту формулу? Как же понять приглашение в журнал и в то же время такую аттестацию? Если бы мне было не шестьдесят два года, а вдвое меньше, то ещё можно было бы найти хоть какие-нибудь объяснения. А тут, кроме лекций, из одной островной страны человек, лично меня издавший, также продолжает повторять несколько видоизменённое вышесказанное постановление. Не следует ли думать, что постановление было умышленно распространено. Раньше были какие-то шёпоты, а теперь дожили до постановлений. Если в шёпотах истина как-то вуалировалась, то в постановлении она явно искажена. Где же доброжелательство, где же добротворчество и всё же оборона всего самого драгоценного? Знаю, что Вы весьма огорчитесь происходящим, но в данной

области я могу к Вам обратиться с полным доверием, зная, что для Вас действительно нет религии выше Истины.

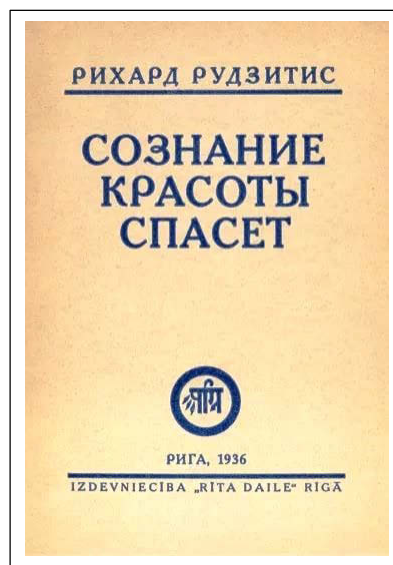
Итак, поможем восстановлению Истины.

Бандеролью посылаю Вам рижский Сборник, в котором найдёте статью Москова *Служение Человечеству*, о которой Вы поминали, а также вновь вышедшую книгу известного латышского поэта Р. Рудзитиса *Сознание Красоты спасёт*. Если бы только сознание красоты и духовность могли помочь восстановлению Истины! Мне только что писал Н.О. Лосский о том, что М.Н. Стоюниной только что исполнилось девяносто лет. Я порадовался сердечно такому благу долголетию – ведь вся жизнь М.Н. была наполнена доброжелательством и добротворчеством. Такие светлые очаги горят долго во Благо Общее. Рад слышать, что Вы именно у М.Н. читали о Благом Движении. Уже требуется ближайшее сотрудничество всех культурных сил. Сами видите, каковы нынешние армагеддонные дни. Не искажениями, но бодрым трудом и утверждениями добрыми должны быть преисполнены все устремлённые ко Благу.

Н. Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**20 Ноября 1936 г. «Урусвати»
Н.К. Рерих**

«СОЗНАНИЕ КРАСОТЫ СПАСЕТ»

В китайских дальневосточных городах расхаживают всякие мастера-починщики. Станным песенным складом несётся по улицам: «платье починяйт!», «джонтики починяйт», «чайники починяйт» - чего только не починяют китайские хожалые мастера!

Но вот среди всяких перечней сокровищ, требующих починки, слышится странное и точно не подходящее слово. Хожалый мастер распевно предлагает: «Деньга починяйт!» Новоприезжим кажется, что они ослышались. Слишком

заманчиво! Ведь и многие правительства не отказались бы от предложения починить деньги. Но старожилы поясняют, что вопрос о починке ветхих китайских бумажных знаков имеет самое обиходное значение. Истрёпанные банкноты нужно чинить, как протоптанную подошву или протёртые локти.

Починка денег происходит тут же, на улице, если дождь и ветер не мешают. И странно, и смешно, и трагично наблюдать, как мастер соединяет порванные части бумажек. Из нескольких погибших банкнотов штопальщик выберет нужные буквы и знаки. Лишь в случае особой неизлечимости, может быть, попадутся буквы из объявления о мыле или хозяйственных принадлежностях. Склеенные, проглаженные, опять выявляются к жизни знаки валютные. Их опять признают, ими опять оценят труд человеческий.

Немало обрезков останется на улице после такой операции. Самые настоящие крохи ценностей - уже не нужны. Впрочем, штопальщик подберёт всякую букву - не сегодня, так завтра она где-то очень пригодится. У каждого мастера большая коллекция букв и значков на случай починок.

«Деньга починяйт!»

Бумага рвётся. В слитках серебра может оказаться медная или оловянная начинка. Опытные люди советуют не пренебрегать деревянными палочками - деньгами игорных домов. Без обмана знаки игорных домов. Не изорвутся, дерево - без начинки, а главное - «честь» игорного дома ручается, что их не отвергнут.

Видели австрийские и германские марки на винных бутылках. Видели всякие вольтфасы и сальто-мортале разных знаков. Почему же удивляться доверию к знакам игорных домов? Не ими ли иногда решались дела целых областей?

Древние гривны были ценою коровы, а теперешняя их ценность дала бы кусок хлеба. Наверно, мильрейсы получились тоже ценою всевозможных превращений. Когда-то один дукат находил место в завещании, а ведь сейчас ни один франк, ни даже один доллар уже неуместны, лишь могут являться символическою ценностью.

Большой переполох во многих столицах вызвал бы зазывный крик: «Деньга починяйт!».

Сколько починок требуется везде! Люди научились сложнейшей операции - брать в долг у самих себя. На некоторое время и это годится. А там? Может быть, удастся подклеить недостающие буквы.

На том же Дальнем Востоке до сих пор вы слышите и другое сказание: «Вам открыты теперь многие двери, вход в которые раньше был запрещён под страхом смерти; многое вы использовали и узнали, но всё же есть ещё некоторые вещи, которые вы никогда не постигнете, и некоторые тайны, которые всегда для вас будут непонятны. Под этим холмом вместе с останками императоров находятся неисчислимые богатства: драгоценные камни, связки слоновых бивней из Индии, шёлк из Аннама, серебро из Тибета и золотые слитки Монголии. Всё было принесено как дань Китаю побеждёнными им народами. Первый император Минской династии в Нанкине Мин Тай-су выбрал самые ценные из своих богатств и приказал схоронить их вместе с его телом. Он боялся, что его потомки потеряют свою мощь, и сокровища будут разграблены армиями врагов. С торжественной церемонией тело императора было перенесено в склеп. Тысячи слуг несли за ним его отборные сокровища. Через несколько дней по окончании тризны все слуги были умерщвлены, и тайна по-

гребённых сокровищ ушла вместе с их жизнью. Умерли один за другим и прочие свидетели тайны, и, когда пришли армии врагов, разрушили храмы и дворцы, разграбили Нанкин - богатства династии Минов остались нетронутыми, охраняемые душами тысяч погребённых там же слуг. Никто не рискнёт разыскивать места спрятанных сокровищ...»

«Вестник Китая» напоминает о старых, вечно живых преданиях. Существуют ли эти захороненные сокровища? Отчего нет? Возможно, что они ещё прекраснее предания. Но также возможно, что они никогда и не существовали. Может быть, они созданы лишь народным приукрашением, как орнамент на саркофаге.

Фольклор нуждается в орнаментах. За народными сказками оказывается вышивной узор, полный исторического значения. Народ ищет красоту жизни. Для неё он поёт и слагает мелодии, для неё он должен расцвести узором каждый ворот, и подол, и нарукавник. Ради красоты народный творец закончит крышу коньком и зацветит ставни травным богатством. Ради красоты!

Ради красоты всякие пятилетки неизбежно закончатся заданиями о красоте жизни.

«Деньги починяют», придумывают всякие новые заплаты, грызут друг друга... Мир армагеддонно содрогается... Когда же пройдены все закоулки, когда вылиты чаши ненависти и произнесены все заклятия злобы, тогда опять, сперва робко, а затем и повелительно, зазвучит приказ о Красоте. Пройдут все штопальщики. Подобьют подошвы, заштукуют локти.

«Сознание красоты спасёт». Поведут эту изначальную песнь поэты и художники. Загремит она на струнах и хорах. И долъётся песнь до народных скрынёв, где захоронено много красоты и подвига. Без красоты жизни не одолеть тьму.

* * *

Ходит по свету прекрасная книга поэта Рихарда Рудзитиса «Сознание красоты спасёт». Постучится этот вестник в разные врата. Где-то послушают, где-то восхитятся, где-то возрадутся в желании озарения жизни.

«Сознание красоты спасёт».

20 Ноября 1936 г.

«Урусвати»

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

20 ноября 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

20 ноября 1936г.

Родной наш Рихард Яковлевич,

Сердечно благодарим Вас за письма от 8–11 ноября. Рад слышать, что статья моя о незабвенном Феликсе Денисовиче Вам по сердцу. Если хотите, в своё время её можно дать и в *Сегодня* по-русски. В статью о Ф.Д. включено и вдохновенное письмо Е.И., ибо, как Вы знаете, она сейчас фактически не отходит от письменного стола весь день от раннего утра до вечера. Ведь не только нужно прокорректировать конец первого тома *Тайной Доктрины* и весь большой второй том, но и нужно ещё переписать и проверить копию, а также корректировать английский перевод *Аума*. Вы понимаете, насколько сейчас занята Е.И.

Сеплевенко известил и нас о том же. Для Вашего и всех друзей сведения посылаю Вам копию постановления Совета в Женеве, а также копию моего письма члену Теософского общества, живущему в Италии. Из этих приложений Вы можете видеть и нашу реакцию на происходящее. Также посылаем Вам отпечатки моих статей в *Теософисте* за август и сентябрь со статьёй редактора. Конечно, Вы крайне удивитесь, что, с одной стороны, приглашают в журнал и высказываются редакционно так звонко, а в то же время на лекциях произносятся сообщения явно клеветнического характера. Во всяком случае, с нашей стороны было выражено достаточно доброжелательства, а если некие господа поступают таким непозволительным в их положении способом, то пусть это останется на их совести. Особенно прискорбно, что именно русская А.А. Каменская приняла во всём этом такое участие. Но мы уже привыкли ко всяким факелам дикарей. Конечно, Александр Иванович не должен писать в бомбейский журнал. Также и Вы не посылайте Ваших прекрасных книг в Женеву – не в коня корм. Брошюру Савицкого мы имеем. В *Нерушимое* вклеим пять дополнительных листов. Попросите переплётчика вклеить остальные возможно тщательнее. Не лучше ли обрезать книгу по краям, чтобы не было заметно вклейки? Очень рады будем слышать о судьбах Ваших посылок в Швецию. Из их разной судьбы можно делать соответственные выводы. Конечно, общение с молодёжью, если даже оно будет происходить в частных беседах или на маленьких детских праздниках и представлениях, всегда будет полезно. Перемена заглавия статьи в *Сегодня*, в конце концов, не имеет значения. Получилось даже неплохо, что таким образом имена Пурвита и Рылова упомянуты в заглавии. Хорошо, если бы статья дошла до последнего. Вероятно, в пути находятся ещё несколько вырезок из этой газеты. Будет радостно получить Вашу *Культуру*. На первое время тридцать экземпляров совершенно достаточно. Наверное, Вы её пошлёте по имеющимся у Вас адресам, и скажите нам, куда именно её пошлёте, чтобы мы не посылали дважды. Пусть магазин, который распространяет книгу, постарается, чтобы они были включены в каталоги новых изданий. Иначе они не проникнут широко. Поистине, мир нуждается в мире. И Вы все теперь видите, что означает Армагеддон. Какое единение сил Добра требуется! Будьте бодры и мужественны. Е.И. и все мы шлём Вам, Вашей супруге и всем содружникам сердечный привет. Наверное, Вы уже получили и вторую посылку следующей части первого тома *Тайной Доктрины*. Теперь просматривается последняя часть этого тома. Итак, радостно идите в Великом Служении. Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Мы просили Абрамовича попросить Вас переслать один экз. *Аума* сразу по выходе по следующему адресу:

J. L. Gartner. Esq.
1519 South Elwood St.
(Post Box 1765)
TULSA, Oklahoma, U.S.A.

Туда же можно послать *Культуру* и *Сознание Красоты спасёт*.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

22 ноября 1936 г. Калифорния
Письмо Александра Кауна к Рериху Н.К.

22 Янв. 1936

Дорогой Николай Константинович:

У меня было столько невзгод и хлопот, что я совершенно забросил корреспонденцию. Получил и Ваши писания и письма. Насколько я помню, по получении книги писал я Вам из Лос-Анжелеса, где проводил лето. Я очень тронут последним Вашим письмом. Для меня знакомство с Вами все эти годы является неоценимым даром. Ваше творчество и Ваша личность даю мне бодрость в мрачайшие моменты повседневности. Я Вам бесконечно благодарен за всё, что Вы мне дали. И продолжаете давать – намеренно и ненамеренно.

К сожалению, я не человек «дела», и не могу разбираться в для меня невероятных затруднениях и расхождениях в Ваших Нью-Йоркских учреждениях. Просто не в состоянии. Вы-то лично стоите одиноко и парите высоко, сверх мелких дрызг. Но другие, ведь, простые люди, каждый говорит своё и уверяет всех в своей правоте. Мне мучительно, что Ваше имя втянуто в эти раздоры. Всё ещё хотел бы надеяться, что обе стороны найдут к миру, и что Ваше имя снова будет реять над Вашими учреждениями, как залог идеализма и красоты.

Писал мне некий Б.М. Цирков из теософского Университета в Point Loma, о желательности переводить их на русский язык. У меня решительно нет времени для такой работы, помимо того. Что я не чувствую себя в силах постичь их мудрость. Горе, горе! Время летит, я всё боле и более занят будничными делами, а о духе подумать нет возможности.

Крепко жму Вам руку и желаю здоровья и творческой операции.

А. Каун

Архив Музея Рерихов, Москва.

25 ноября 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

25 ноября 1936 г.

Дорогой Николай Константинович!

Получил Ваше письмо от 5 ноября с приложением статьи, далее, библиографическую брошюру, журнал и оттиски Ваших статей. За всё это Вам большое спасибо. Как я уже писал, мы все экземпляры *Нерушимого* исправили и успели уже разослать по Вами указанным адресам. Я оповестил также письменно, что Ваши книги посылаются по Вашему поручению. По тем же адресам я послал и свои книжки. Конечно, Вами указанная карточка очень пригодилась бы впредь, и мы её скоро закажем. Но так как книги уже разосланы и следующая посылка так скоро не предвидится, то посылаю Вам образец карточки для Вашей проверки.

Спешу сообщить, что из Швеции вернулись обратно три посланные туда *Иерархии*. Две были вместе с брошюрой *Культура*. Один экземпляр *Нерушимого* ещё там остался. Две книги были посланы в центральный город, две – в северный город. Мы послали и официальное извещение, значит, письма носили одни, без книг. Но только что получил извещение от почты, что на наше имя имеется одна из присланных обратно книг, но в тот же день мы получили радость – официальную благодарность из северного города о получении журна-

лов, письмо на моё имя на адрес Общества. Не имеется ли у Вас ещё несколько экземпляров журналов в запасе, для посылки в Швецию? Мы получили благодарственную карточку также от президента нашей страны за посланные книги.

На прошлой неделе мы выслали на имя Е.И. один экз. *Аума*. Теперь начинаем высылать остальные.

В манускрипте *Тайной Доктрины* над некоторыми словами иногда поставлены слова в латинской транскрипции. Я понимаю так, что нужно оставить только русские слова, латинские – лишь для ориентации.

В *Мире Огненном*, ч. III, как Е.И. уже знает, имеются некоторые опечатки. Нашли ещё пару опечаток. Мы желаем отпечатать отдельный листок с опечатками. Как я уже писал Е.И., §§ 169–203 манускрипта после их набора, из-за ошибки знакомых заведующего типографией были уничтожены. У Карла Ивановича была копия, но, кажется, неточная. Мы теперь вновь сравнили по копии недостающие параграфы и нашли следующую разницу между текстом копии и напечатанного, и очень просим дать нам об этих местах свой отзыв.

В копии:	Напечатано:
196. Мы собираем _____	Мы творим
197. 4-я строка сверху. Явление формы жизни _____	Явление форм
200 (199). 8-я строка снизу. Омыть _____	Смыть (Должно быть, правильное <i>омыть</i> ?)
203 (202). 6-я строка снизу. Можно особенно _____	Нужно

Зенкевичу в Циндао мы послали письмо и экземпляры наших изданий книг Учения, когда я получил извещение о нём от Владимира Анатольевича. Правда, мы летом получили от него письмо, но медлили с ответом, так как две наши фирмы, распространяющие книги за границей, воздерживались от связи с этой фирмой. Вообще, с магазинами теперь беда. Асеев когда-то писал мне, что 75 русских магазинов не любят рассчитываться. Вот что он мне написал на днях о *Доме книги*: «Будьте осторожны с *Домом книги*». В последнем письме Г.Г. Шклявер сообщает, что получить с этой фирмы деньги за проданные книги стало почти невозможным. Он просит меня прекратить посылку Сборника этой фирме. Я недавно вновь написал этой фирме, но не получил ответа. Лучше обстоит дело с отделом заказов.

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

28 ноября 1936 г.

Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф.

28 ноября 1936

Профессору В.Ф. Булгакову с искренними пожеланиями и новогодним поздравлением!

Спасибо за сердечную весточку - оценил её по существу. Ваше сочетание с обликом Л. Толстого мне особенно дорого - ведь он горячо напутствовал в

Москве мою первую картину «Гонец». Пусть моя картина «Св. Сергей Строитель» напомнит о нерушимом строительстве.

Всего светлого к празднику и к Новому году.

Н. Рерих

РГАЛИ. Москва. Фонд Булгакова, 2226, опись 1.

«В "Нерушимом" прочтёте и мой лист "Злата Прага", уже более тридцати лет питаю к ней симпатию...»

Н.К. Рерих

ЗЛАТА ПРАГА

Нынешний год является памятным сроком многому. Переносюсь за четверть века, за тридцать пять лет, и всюду встречаются жизненные вехи, полные внутреннего значения. Тут и зачинание картин, и росписи, и сроки общественной работы. Всего много. Среди всего этого разнообразия встают некоторые памятки особо сердечного значения. Среди них - незабываемый год начала иностранных выставок. Сейчас мы привыкли переплывать океаны, переноситься через горы и необозримые пространства, но ведь тридцать лет тому назад люди были гораздо неподвижнее. Каждое путешествие сопрягалось с какими-то особыми решениями. Где уж тут говорить о заграничных путешествиях или об экспедициях, когда и сама Россия-то была не обследована, а ездить по отечеству считалось чуть ли не каким-то дурным, квасным вкусом. Именно тогда мы спрашивали на газетных листах, отчего россияне не любят свою родину и так мало знают её драгоценные памятники старины и природные красоты. И на такие вопросы мы получали в ответ холодные взгляды и пожимание плечей.

Когда приходилось встречаться с такими замечательными путешественниками, как Пржевальский, Потанин, Миклухо-Маклай и другими такими же, можно сказать, подвижниками познания, то на них смотрели, как на каких-то особенных людей, почти что как на фанатиков. Впрочем, тяжеловесность неотрывной оседлости свойственна была не одним нам, русским. Приходилось слышать и о французах, которые с гордостью говорили, что за всю свою жизнь они не покинули родного города.

Конечно, всюду был особый тип людей, так называемые странники. Отяжелевшие домоседы, даже и те, любили послушать сказочные хождения по святым местам, по миру, когда каждый ночлег являлся яркой страницей бытописания. Вспомним хотя бы Афанасия Никитина Тверитянина, который из пятнадцатого века восклицает: "От всех наших печалей уйдём в Индию". И сам он проделывает многолетний путь, о котором не говорят, так же как о Марко Поло, только потому, что и о Менделееве в своё время мало говорили. Тому есть особые причины. Вспомним тоже из далёких веков Прокопия Праведного, который с высокого берега Северной Двины благословлял неведомых плывущих. "О плавающих, путешествующих..."

При несломимой окружающей оседлости не так-то легко было тридцать лет тому назад помечтать, как бы выйти за пределы, за границы - "за морями - земли великие". Но ко всяким таким землям далеким, ко всяким горам зовущим, к высотам вдохновляющим нужно найти какой-то ключ, нужно, чтобы вестник какой-то постучал и позвал. Приходит письмо от Общества "Манес" из

Праги с приглашением на выставку, предлагают перевезти картины, всё устроить, и слышится в этом приглашении что-то такое сердечное, что открывает всеславянские, всечеловеческие сердца. Тридцать лет прошло с тех пор, но как сейчас помню всю радость, расцветшую от такого сердечного зова. Ведь это была та приоткрытая дверь, которая сразу расширяла возможности, поиски и утверждения прекрасные. Пришла эта неосознанная, но внутри долгожданная весть от людей совсем незнакомых - просто из голубого неба. Ведь тогда я совсем не знал милого Милоша Мартена. Там, где-то за горами, за долами образовался этот новый друг и позвал на путь, жданный в глубинах сердца.

И не от случайного народа пришла весть, но от близких в духе славян. Ведь братьями их считаем, и в каждой славянской встрече сразу создаются созвучия родственной души. Поехали картины на выставку. А потом пришли радостные вести. Пришёл отдельный номер журнала "Дило" с прекрасной в своей искренности статьей Мартена. Ф. Сальда в "Волне смерти" посвятил статью сильно звучащую. Губерт Цириак в "Модерни ревью" прочувствованно поэтически назвал выставку "сен minulosti" - сон прошлого. В этом сне прошлого мне-то снилось вовсе не прошлое, но будущее. Потому-то Злата Прага навсегда осталась для меня вратами в будущее.

Помню, как Елена Ивановна, всегда устремлённая в будущее, радовалась именно этому приглашению из Праги. В каждом обстоятельстве, помимо внешности, заключено ещё зерно внутреннего смысла. Зерно Пражской выставки заключало в себе нечто необыкновенно дружеское. Конечно, Милош Мартен и Ф. Сальда, и Г. Цириак, так же как и другие высказавшиеся о выставке, были очень тонкими культурными ценителями. Но помимо этих специальных познаний в области искусства они были, прежде всего, людьми, полными того общечеловеческого чувства, которое делает возможным истинный прогресс культуры.

В ближайшие же годы обнаружился этот неудержимый прогресс Чехословакии. Сама великая война для чешского народа была лишь вратами в славное будущее. Сколько славных чешских имён утвердилось за это время ренессанса Златой Праги. Именно Чехословакия дала незабываемый для мира пример, как маститый учёный, профессор Массарик явился истинным вождем Культуры и доказал, что действительно примат духа, примат культуры слагает народную твердыню. С тех пор каждая встреча с представителями Чехословакии наполняла нас радостью. И Ян Массарик в Лондоне, и Осусский в Париже, и Новак в Нью-Йорке, и многие другие деятели и ученые Чехословакии лишь подтверждали своими суждениями, что давняя радость моя о Златой Праге была не случайной.

Вспомним, как сказал чехословацкий посланник в Вашингтоне Фердинанд Веверка в 1933 году на конвенции нашего Пакта: "Главная причина, почему народы отвергают войну, лежит не только в ужасах её, но в её глупости, в её бессмысленности, в её непроизводительности в экономическом и политическом смысле. Война обернулась от выгодного в особо невыгодное предприятие. Отвергание войны как средства разрешения мировых конфликтов - эта новая гипотеза, приносящая миру понятие мира как изначального общественного состояния, заставляет нас, конечно, пересмотреть и изменить самые основы цивилизации. Мир есть состояние ума, мир есть элементарное положение вещей, не обратная сторона войны, не свободный вздох между бит-

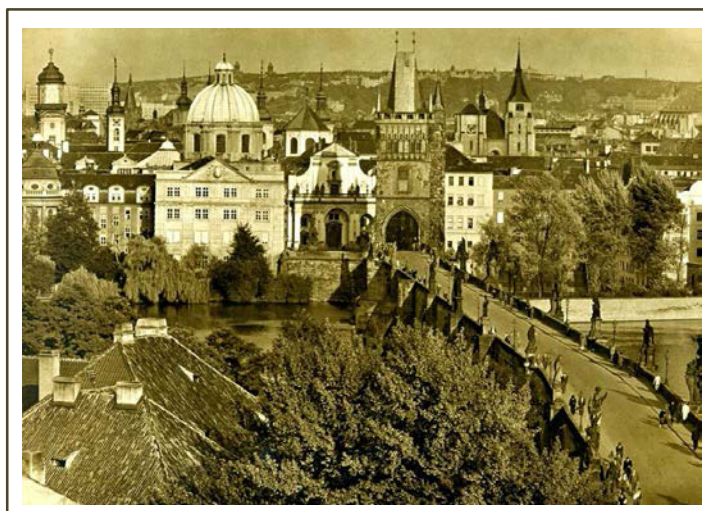
вами. Когда это осознание снизойдёт на нас как реальность, тогда придёт время, когда угнетённое и измученное человечество поймёт и примет истинный мир - мир Евангельский, мир на земле и всем народам благоволение".

Эти слова являются зовом истинного носителя знамени Культуры. Мыслить о таком всеосознанном, действенном мире может народ, который понимает всю жизненность основ труда, сокровищ творчества, которые всегда будут сокровищами истинными. Под таким уклоном взаимного доброжелательства и обоюдного понимания протекают мои сношения со Златой Прагой.

Ещё одна встреча. Бурный рейс из Гавра в Нью-Йорк. Пассажиров мало на "Париже". И вдруг мы встречаемся с друзьями, о которых столько слышали, к которым сердце наше было столько лет открыто, но встреча случилась только в Атлантическую бурю. Эта встреча напомнила мне ещё одну встречу, происшедшую в Париже, в доме княгини Тенишевой; там совершенно неожиданно и просто я встретил моего незримого друга Милоша Мартена. А здесь, среди бурных волн, мы встретили его вдову, супругу генерала Клечанды, и самого генерала, едущих в Колумбию. Встретились - точно бы уже годами были лично знакомы. Зазвучало обоюдно то доверие, без которого не имеют смысла человеческие отношения. Дай Бог каждой стране таких деятелей, как генерал Клечанда. Перед исполнением тридцатилетия дружбы со Златой Прагой именно встреча с генералом Клечандой и его супругой была завершающим аккордом, который лишь подтвердил ещё раз правильность радости о Златой Праге, вспыхнувшей уже в 1906 году. Разного характера бывают воспоминания. Иногда они - лишь ожерелье фактов, коллекция наблюдателя. И такие накопления можно записать, в каких-то взаимоотношениях и они будут нужны. Но в таком собирательстве сердце может остаться вне трепета восхищения. Только там, где обстоятельства сплетаются в сердечное восхищение, - там есть настоящий смысл записать то, что дало радость. "Будем радоваться". Легко сказать, но не всегда легко выполнить этот призыв. Потому так особенно бережно будем ценить всё, что может живоносно поддерживать радость духа. Истинна радость, когда в основе её лежат культура, дружба и человечность. Привет Златой Праге.

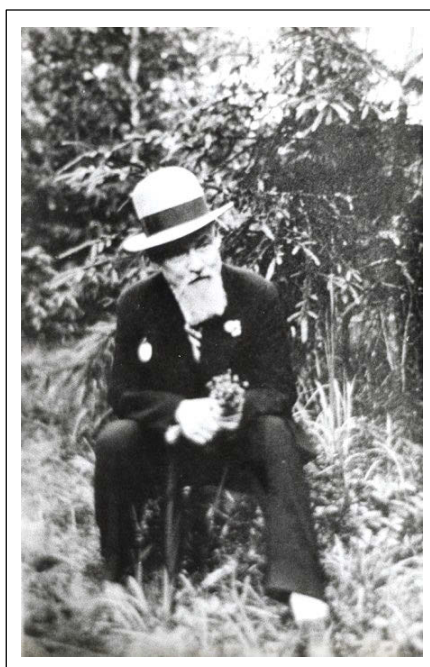
1936 г. Урусвати, Гималаи.

Н.К. Рерих «Нерушимое», сб. 1936 г.

Центр Строго Города. Чехия, Прага. 1935.

ДЕКАБРЬ

Ф.Д. Лукин. Рига.

1 декабря 1936 г.

ДОКТОР Ф.Д. ЛУКИН

На трудных и бурных перевалах какими-то неведомыми друзьями поставлены высокие камни - менгиры. Напоминают они путнику об опасностях, о долгом пути, в котором должно быть проявлено всё терпение, вмещение и преданность избранной цели. Напоминают об успехе и радости.

Так же нерушимо останется память о самоотверженной деятельности Ф[еликс] Д[енисович] Лукина, в полном смысле слова положившего душу за други свои.

Как истинный учёный, вне предрассудков и суеверий, Ф.Д. Лукин бодро искал лучшие врачебные средства. Он внёс в дело врачевания всю любовь и неутомимость. Он знал, когда улыбнуться и когда настоять на спасительном средстве.

Конечно, по обычаю многих веков Ф.Д. Лукину пришлось немало претерпеть от непонимания, от невежества. Но нужно было видеть, как спокойно и с каким доброжелательством он сам рассказывал о терниях пути. Он настолько далеко и светло заглянул вперёд, что лишь сожалеть мог о ненужных препятствиях. К тому же Ф[еликс] Д[енисович] понимал значение совета: «Благословенны препятствия, ими растём».

В сношениях с Ф.Д. постоянно вспоминалась благословенность. Он знал, как не расплескать этот драгоценный сосуд.

Самая высокая этика для Ф.Д. была не приказом, но зовом просветлённой души. Память о таком светлом строителе не только не испепеляется в жгучем вихре времени, но, наоборот, растёт в свете прекрасном. Ф[еликс] Д[енисович] по природе своей должен был быть врачом, целителем. Он был объединяющим началом, целителем сотрудничества. Для него оно было содружеством, в котором родственно сходились искавшие Света.

Ф.Д. без труда не мог жить; к нему он устремлял и всех сотрудников. При таком кормчем можно было быть спокойным за корабль. У руля был не только знающий, но преданный деятель. Ни страха, ни отступничества, ни предательства не выносил Ф.Д., ибо в нём самом не было этих зачатков тьмы. Зато каждое доброе стремление и искание радовали его. Будь это в области науки, медицины, или воздухоплавания, или искусства - двери врача доброго были широко открыты.

Широко был открыт взор Ф.Д. Каждый вновь приходивший хотел открыть ему душу свою, зная, что не будет ни унижен, ни осмеян. Такое целебное ободрение жило неувядаемо в сердце Ф.Д. «Стучащемуся открой», и этот завет нёс в себе Ф.Д., понимая, как открыть и как оценить стучащегося.

Когда мы узнали, что Ф[еликс] Д[енисович] стал во главе нашего Латвийского Общества, почувствовалось, что устои Общества будут прочны. Так оно и было. Умел внести Ф.Д. прочность и твёрдость не на время, но по существу навсегда. Могут меняться поколения, могут создаваться новые отношения и оценки мироздания, но основы культуры нерушимы, если они любовно заложены.

Встретились мы в Париже летом 1930 года. Радостна была встреча, точно бы всегда знали друг друга. В течение немногих дней можно было убедиться в ценнейших качествах Ф.Д. Видели его энтузиастом-собеседником. Узнавали как незаменимого, всегда доброго сотрудника и восхищались глубокою культурностью, без всякого шовинизма и ограничительства. Однажды Ф.Д. имел полную возможность вспылить. Но вместо того он пришёл ко мне, прося разъяснить ему нечто непонятное во встреченных людях. Он не только понял чуждую ему точку зрения, но даже благодушно согласился, вникнув в глубокие причины. Такое благодушие не было следствием равнодушия. Не мог быть холодным Ф.Д. Но зато он умел быть справедливым, а это так редко.

Знал Ф[еликс] Д[енисович] Латвию и любил свою родину. Не узкий шовинист, но светлый труженик, он горел сердцем о Латвии и умел служить своей стране не словом, но делом. Каждый молодой новый работник радовал Ф.Д. Так любить народ может лишь познавший истинную Культуру.

Подобно Гуру Чараке, великому аюрведисту, подобно Авиценне, Ф.Д. прилежно искал новые медикаменты. Целый ряд ценнейших наблюдений он произвёл и оставил будущим преемникам многие испытанные лечения. С умилением вспомним о всех бесплатных леченьях и широкой помощи бедным. Велика была неоскудевающая благостыня.

Всех жалел Ф[еликс] Д[енисович]. Только себя не жалел. Мог быть с нами Ф.Д. ещё долго, если бы ограничил труд свой и не производил утомительных опытов над собою. Неудержимым был познавателем он. Служение человечеству так прекрасно выразилось в несменных трудах нашего друга. Необоримо было его желание сделать лучше и поделиться удачею со всеми близкими.

Ф[еликс] Д[енисович]. мыслил и писал о школьных вопросах. Много благожелательства сказалося в слове о женском движении. Знамя Мира и охрана культурных ценностей были близки сердцу Ф.Д. Не было ни одной области культуры, к которой Ф.Д. отнёсся бы холодно и небрежительно.

«Лев добрый» - так сказали о Ф.Д. Оба слова о нём определительны. Отвага и мощь львиная украшены истинною добротою, деланием мудрым.

Мои лучшие воспоминания о Латвии, о её древних местах, о чудесных пейзажах, мои латышские друзья, жизнь моего деда в Риге - все эти обстоя-

тельства ещё более сближали нас с Ф.Д. Мы чувствовали, что он приближает к Обществу духовно испытанных сотрудников, для которых пашня культуры будет любимым общением. Так оно и было.

Когда получились снимки с помещения Общества, то даже в фотографиях чувствовалась чистая атмосфера, в ней могли нарастать культурные совершенствования. Начались мысли о кооперативах, о лекциях, об экскурсиях, а теперь возникло кооперативное издательство. Разве такая работа не есть выражение культурных заданий? Разве такие общие труды не являются желанным подсобничеством государственного образовательного дела? Общественное сотрудничество поистине желанно каждому преуспевающему правительству. Именно к тому общему сердечному сотрудничеству устремлено правительство Латвии в лице главы государства. Газеты приносят вести о широком строительстве происходящем. Каждое Культурное учреждение принесёт и свою лепту на общее благо. Будем радоваться, видя, как наши сотрудники устремлены по этим образовательным путям.

Из потустороннего мира Ф[еликс] Д[енисович] тоже порадует, видя, как любимое им детище преуспевает, трудясь на необозримой пашне культуры. Ненасытимы культурные потребности. Каждый может нести своё знание и опыт в государственно-культурную сокровищницу.

Естественно, такие приношения на пользу общую должны быть сердечны, доброжелательны. Ехидна своекорыстия, узурпаторства, нападения не может гнездиться в сердце, взыскующем лучшее будущее. Живая этика и любовь к строительству могут двигать вперёд от самых молодых лет. И не в возрасте эти молодые силы, но в бодрости духа. Кто обращал внимание на посебрённые волосы Ф.Д.? Кто мог бы назвать его старым?

Дряхлости, старости, увядания не было в огненном сердце Ф.Д. Физические условия не могли угасить его горение. Это не было спазматическим пыланием, но растущим, ровным огнём. Именно такой огонь освещает пути правды и достижений.

Уже недомогая, в начале 1934 года Ф.Д. всё-таки стремился к предположенной нашей встрече в Париже. На пути из Индии нас настигли три скорбные вести. Ушли три друга-доброжелателя.

Отошёл о. Георгий Спасский, погиб Король Альберт и покинул земной мир доктор Феликс Лукин. Не верилось. Нужно радоваться о переходах в мир лучший, но сердце по-земному трепещет, когда покидают здешний мир прекрасные люди. Сердце знает, сколько они ещё могли совершить здесь и приложить свой опыт в ближайшем сроке.

Мало деятелей культуры. Во всех областях жизни эти добрые силы на счету. Их нужно хранить, о них надо радоваться, ими можно укрепляться на трудных всходах пути.

Неужели уже три года, целых три года, более тысячи дней прошло с ухода Ф.Д.? Опять не верится. Настолько свежи и прочны его заветы в нашем Латвийском Обществе. Незримо присутствует, охраняет добрые отношения, ободряет к единению и к неустанному труду, шлёт доброжелательство и радость.

Уже сменились некоторые руководители. Сантана - река жизни - не останавливается. Все живёт, движется, не теряет ритма. Сейчас председатель Общества, задушевный, истинный поэт Рихард Рудзитис, свято хранит заветы Ф.Д. Знаменательно, что секретарь Общества - сын Ф.Д., тоже врач, Гаральд Лукин является прямым и пламенным продолжателем трудов Ф.Д. и на меди-

цинском поприще, и в общественной деятельности. И все члены Правления как лучшие друзья Ф.Д. берегут его память и вдохновляются его трудами. Значит, живут в Обществе добро и культура. Понимают содружники, что они сошлись для служения человечеству. Как сказала Елена Ивановна в письмах своих:

«Латвийское Общество под руководством незабываемого Ф.Д. так радовало нас, в нём чувствовались организованность, и самостоятельность, и сотрудничество, согретое сердцем. Сотрудничество при самостоятельности, лежащее в основании каждого истинного достижения, в наше время является редким исключением. Тем более мы ценим достигнутое Ф.Д.

Утрата Ф.Д. очень тяжка, ведь для нас он был братом по духу, был радостью сердца. Мы знали, что там, где он, все будет хорошо. Дух его был так предан Великому Служению и так чист во всех побуждениях. Общество было его любимым детищем, и все письма его были полны забот и радости о своих учениках и сотрудниках. Сейчас на всех ближайших сотрудниках и помощниках лежит обязанность не только продолжать, но и развивать начатое им великое дело. В переживаемое нами грозное время приблизившиеся к Великому Служению должны приложить все усилия, чтобы ещё теснее сплотиться вокруг зажженного им светильника. Пусть он вырастет в мощный маяк всех ищущих и страждущих духом. Это будет лучшим почитанием памяти светлого духа Феликса Денисовича. Пошлём ему наши самые светлые мысли и выразим их в действиях прекрасных. Пусть будет ему светло и радостно! Верю, что ближайшие сотрудники найдут в себе всё мужество, всё горение духа и сердца, чтобы провести через все трудности и прочно утвердить начатое светлое строительство на благо человечества» (5.04.34).

Члены Латвийского общества в день похорон 31 марта 1934 г.

Итак, памятный день Ф.Д. обращается в день приветия и радости. Да будет светло!

На трудных перевалах прочно стоят менгиры. Если вьюга занесёт все тропы - эти высокие знаки напомнят путникам, где их путь добрый и верный.

Да будет светло!

1 Декабря 1936 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М., 1995. Т.2

1 Декабря 1936 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Два газетных сообщения - одно о Южной Америке, другое о Сибири за полярным кругом. Совсем разные, но сущность их близка. Ещё не так давно научные инквизиторы осудили бы за оба предположения. Но жизнь не медлит оправдывать самые отважные догадки.

Давно ли слово «Атлантида» снова вошло в обиход? Давно ли древние сношения с Америкой считались невероятными? Давно ли сибирские тундры вместо мертвенного лика начали являть свои богатые сокровенности?

Жизнь, сама неприкрашенная жизнь, дала и замёрзших викингов, и сохранённых в ледяном покрове мамонтов, открыла храмы Майев и ацтеков, подарила новые алфавиты и глифы. Много дано. Широко приоткрыты сокровища.

Сообщается:

«Бразильский археолог Бернард де Сильва Рамос, занимавшийся в течение многих лет в Центральной Бразилии археологическими исследованиями, выпустил недавно книгу «Надписи доисторической Америки», в которой устанавливает, что Америка была известна культурным азиатским народам за 2500 лет до открытия этого материка Колумбом.

Главным доказательством является надпись на скале Гавеа в Бразилии, которая до сего времени оставалась неразобранной и которую Рамосу удалось расшифровать. Надпись, по его словам, составляет следующую фразу: "Тир, Финикия. Бадецир — перерождённый Ишбаал".

Бадецир, или, иначе, Валтазар, был царём Финикии в девятом веке до Р.Х. Отец его — Итобал или Ишбаал. Надпись на скале Гавеа, по всей вероятности, была высечена подданными Валтазара, прибывшими в Бразилию с торговыми целями. По мнению Рамоса, финикияне вели с Америкой оживлённую торговлю, переплывая океан на парусных судах, пользуясь попутными течениями и останавливаясь на островах, расположенных между Африкой и Америкой.

Некоторые селения в Южной Америке до сих пор носят семитические названия.

Обстоятельство это ставило в тупик учёных, но расшифрованная Рамосом надпись объясняет загадку. Финикияне, не довольствуясь торговлей с туземцами Америки, основывали здесь свои селения, нечто вроде "факторий", и, разумеется, давали им семитские имена».

С другой стороны, газета «Сегодня» сообщает о вновь открытых в Сибири около Салегарда в долине Оби за полярным кругом двух древних городов. Найдено свыше тридцати тысяч поделок, многие из кости, в характере звериного стиля:

«В прошлом году экспедицией Академии Наук СССР под руководством Андрианова в устье реки Полуя, около Салегарда (Ямало-Ненецкий округ Омской области), были начаты раскопки городища неизвестного народа, жившего в глубокой древности в Обском Заполярье.

Во время раскопок экспедиция нашла высокохудожественные предметы, свидетельствующие о высоком уровне материальной культуры жителей городища.

В этом году раскопки продолжались. Экспедиция обнаружила вторую стоянку — в 40 километрах от Салегарда.

В обоих городищах собрано около 36 000 различных предметов, носящих на себе элементы скифской культуры. Раскопки с полной очевидностью говорят о том, что во времена существования городищ флора и фауна были здесь иными. Кости птиц и зверей, найденные на стоянках, указывают на обильную растительность и большие леса там, где теперь простирается голая тундра. Удалось также определить тип жилищ — это были легкие городища, окружённые рвом или валом.

Что это был за народ, живший в Заполярье в отдалённые времена, остаётся пока исторической загадкой, которую должны разгадать учёные».

Такие известия необыкновенно знаменательны. И от Южной Америки, и от Сибири справедливо ожидали откровений о далёком прошлом. И вот эти области давних поселений начинают открывать свои тайны. Ещё раз становится ясно, что открытия не только не исчерпаны, но, вернее сказать, ещё не вполне начаты.

Странно вспомнить, как недавно многое считалось невозможным. Смеялись над «фантазиями» Шлимана о Трое. Пожимали плечами над Астартой из раскопок в Киеве. Не хотели уделить внимания замечательному звериному стилю. Мало того что не знали всего этого, но не хотели увидеть уже показавшихся предвестников.

К историческим подтверждениям присоединяются и знаки из других областей. Смеялись, когда кто-то стал воспринимать радиоволны без аппарата. Смеялись, когда какая-то труба в кухне загремела радиопередачей. Теперь есть повод для нового «смеха». Печать сообщает: «Так называемые "воздушные аномалии", замечавшиеся периодически каждый 54-й день радиостанциями во всех государствах, в последнее время стали предметом серьёзного научного изучения.

«М.Т.Т.К⁰» также ведёт непрерывные наблюдения, стремясь к разгадке этого загадочного явления. В результате своих наблюдений "М.Т.Т.К⁰" обнаружила некоторые новые факты. Так, оказалось, что данный феномен возникает непременно лишь в 54-й день, но случается, что в 54-й день ожидающейся аномалии не наблюдается, и она происходит в 43-й день.

На предстоящее 19 июня полное солнечное затмение возлагаются большие надежды в том смысле, что организуемые во время него специальные наблюдения помогут найти разгадку проблемы этого феномена.

Начальник радиоотдела "М.Т.Т.К⁰" по данному поводу высказался так:

— Все радиостанции оказывались в нынешнем году на некоторый промежуток времени парализуемыми 8 февраля, 2 апреля, 15 мая и 27—28 мая.

Явление это поставило перед радионаучным и астрономическим миром весьма интересную проблему, которая и явилась сейчас предметом общего изучения.

Было подмечено, что феномен совпадает с моментами появления и интенсивного передвижения чёрных пятен на солнце.

Кульминационными пунктами максимальной и минимальной фаз феномена был отмечен период в 27 суток, то есть именно тот срок, в который солнце совершает полный оборот вокруг своей оси.

Однако 15 мая феномен случился в 43-й день, считая от 2 апреля, и это явилось исключением в подмеченной периодичности.

23-го же мая, т. е. в 54-й день от предшествующей "регулярной" аномалии, феномена не наблюдалось, и он произошёл только 27 и 28 мая, причём 28 числа аномалии наблюдались дважды: в полдень и около 3 часов дня.

Измеритель насыщенности ионов в верхних слоях атмосферы 26, 27 и 28 мая также показал наличие явной аномалии в состоянии этих "ионовых" зон.

Соображаясь с указанными фактами, а также с тем, что нынешний год - кульминационная точка в периодических усилениях деятельности солнца, наступающая в каждый 11-й год, и что радиоаномалии происходят исключительно лишь в дневное время, — нет сомнений в том, что данный феномен происходит под влиянием активности солнца.

Результаты ведшихся до сих пор научным миром наблюдений приводят к гипотетическому заключению, что данная аномалия вызывается тем, что под влиянием активности солнца плотность слоя ионов "Е" в атмосфере увеличивается настолько, что препятствует прохождению электроволн коротких фаз.

Этим объясняется тогда и тот факт, что данный феномен не влияет на электроволны длинных фаз, которые не проходят через слой ионов, а передаются непосредственно вдоль поверхности земного шара.

Предстоящие наблюдения с передачей электроволн во время полного солнечного затмения могут в значительной степени раскрыть ту загадку, которую таят расположенные в нескольких стах километрах от поверхности земли "ионовые" слои атмосферы».

Все такие наблюдения заставят ещё раз подумать о множестве неречённых условий и возможностей, мерцающих каждому пытливому глазу. Сгоряча много явлений приписываются солнечным пятнам. Мало ли «пятен», подлежащих исследованию?

* * *

Рассказывают, как некий корабль тёмною ночью должен был выполнить одно мрачное поручение. Капитан корабля принял все меры, чтобы неслышно подойти к условленному месту, - были потушены все огни, ни один звук не выдавал присутствия судна. Казалось бы, все человеческие предосторожности были приняты. И вот в момент, когда корабль уже приближался к назначенному месту, никем невидимый и неслышимый, вдруг весь такелаж корабля засиял огнями Св. Эльма. Нечто пресекло все человеческие ухищрения.

1 Декабря 1936 г. Гималаи

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т. 2

7 декабря 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
7-ДЕК 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Спасибо за письмо Ваше от 25 ноября. Вы совершенно правы, что в настоящее время обе мои книги уже разосланы, и потому печатание карточки в данный момент не требуется. А в будущем увидим, как лучше. Весьма рады слышать о получении Вами от Президента Республики благодарности за поднесённые ему книги. Все эти ценные исторические документы должны хра-

ниться в архиве Общества на почётных местах. Также рады мы слышать о получении из северного города письма и будем рады узнать подробности. Таким образом Вы постепенно выясните, как именно и куда лучше доходят книги и журналы. Хотя бы кратко сообщите нам, где именно воспринято, а где отклонено. Первые под знаком плюса, а вторые под знаком минуса. Посылаем Вам на тот же предмет три номера журнала. А Е.И. посылает отдельно исправленный экземпляр *Агни-Йоги* – она сама пишет Вам подробности. Будет прекрасно, когда выйдет исправленная *Агни-Йога* – затем, после второго тома [*Тайной Доктрины*], Бог даст, выйдут и письма Е.И. Также имейте в виду, что на имя д-ра Гаральда Лукина только что нами выслана посылка с лекарственными растениями. Так как посылка идёт медленно, то в следующем письме к Г.Лукину напишем о распределении содержимого – что именно для него и что для Швеции. Очень сочувствуем Вашим перипетиям с книжными магазинами. У нас самих за парижскими магазинами, по-видимому, окончательно пропала значительная сумма, а за последнее время они даже вообще не дают никаких расчётов. Видимо, д-р Асеев испытывает то же самое. То же я слышал и о книгах Краснова. Поэтому Ваше предположение о прямом контакте с читателями-заказчиками является наилучшим выходом. По сообщениям из Харбина, там осталось всего лишь несколько экземпляров *Священного Дозора* (продаваемых там тайно). Но кто получил деньги за всё это издание и вообще получил ли – остаётся загадкой. Может быть, книжные магазины между собою рассчитываются обменом книг. Как прекрасно вышла Ваша книга *Культура*, только что полученная. Складывается как бы целая серия общедоступных культурных вестников. Посылаю новую статью *Толстой и Тагор*, поступите с нею по Вашему усмотрению, как полезнее. Из Польши сообщают, что в то время, когда я помянул Рушица, он скончался в Вильне. Не подумал ли и он тогда обо мне? Нет ли ответа от Пурвита? *Сколько СМУЩЕНИЯ ВО ВСЁМ МИРЕ*. Поистине год Армагеддона, и странно видеть, что некоторые близорукие люди не замечают небывалой экстраординарности событий. Требуется необычайное единение всех культурных сил. Будьте и Вы все крепки и объединённы. Сердечный привет Вашей супруге, Вам и всем друзьям. Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Р. С. Вместе с *Агни-Йогой* посылаем тибетскую газету со статьёй о Пакте (если хотите, можно этот лист и первый лист газеты вставить в рамочку под стекло).

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

9, 11 декабря 1937 г.

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку

9.XII.37

Родные наши З[ина], Ф[рансис] и М[орис],

К этому письму на всякий случай приложим копию письма №174, ибо только что узнали из газет, что аэроплан “Цигнус” потерпел крушение около Бриндизи. Какая-то часть почты будто бы спасена, но на всякий случай всё-таки прилагаем копию. С этой же почтой были и другие письма, и теперь придётся их всё повторить.

В “Literary Digest” от 13-го ноября на стр. 32 Вы найдёте заметку о чтении мыслей и ясновидении, в которой поминается профессор Райн. Таким образом, и в общепринятых журналах сочувственно поминаются изыскания и наблюдения, за которые апостаты и все невежды, которые с ними, пытаются нас всех преследовать. Прочтите эту заметку, а также собирайте при случае все соответственные сообщения. Против злобы и наглого невежества нужно противопоставлять факты. Совсем недавно, тоже по американской прессе, было указание о том, что уже сорок профессионалов работают над передачей мыслей на расстояние. Эти изыскания никому не ставятся в вину, а, наоборот, сообщаются как похвальные научные труды.

Спрашивается, какой же такой тёмный заговор существует в нашем деле, что даже области, похвальные для других, нам ставятся в вину?

Вообще понимают ли друзья наши и юристы, что дело идёт о целом заговоре? Кроме апостатов и злобных невежд и должностные лица вовлекаются в заговор, где подкупом, а где какими-то таинственными махинациями. Ведь не просто дело там, где глава целого департамента в замаскированном виде пробирается по чёрному ходу. Одно это обстоятельство должно бы породить во всех здравомыслящих правдивых людях соображение о том, что происходящее имеет какие-то глубокие корни. Казалось бы, и адвокаты наши должны бы, наконец, понять, что имеют дело с “pushed case”, как говорили в Карачи. При таком положении вещей нельзя же думать, что можно отбиться лишь одними защитными позициями. Нужно на мрачных врагов нападать и поражать их в их слабые места. А таких слабых мест немало. Адвокат, взявшийся за такое глубоко психологическое дело, должен не только заботиться о своём ежемесячном гонораре, но и шевелить мозгами, изобретая новое яркое и драматическое положение.

Посылаем Вам копию статьи Хирьякова, появившийся в варшавской газете. Удивительно наблюдать, как единодушно самые различные авторы подчеркнули некоторые стороны моего искусства. Это показывает, что когда к большим срокам подводятся итоги, то суммируется правда, и звучит она в самых разных странах. Бирбалова линия Балтийского Конгресса оказалась, как и нужно было думать, чрезвычайно полезной. Теперь можно ощущать различные шевеления, происходящие как последствия Конгресса. Спасибо З[ине] за присланные заметки о юбилее из русс[ко]-амер[иканских] газет. Здесь всё время продолжают запоздавшие журнальные выступления – ведь некоторые журналы за октябрь, увы, выходят лишь в декабре. Очень жаль, что литературный завтрак в Нью-Йорке не состоялся. Такая Бирбалова линия была бы особенно полезна по местным обстоятельствам. Если в совершенно постороннем для нас Дельфийском Обществе в Чикаго происходят такие отличные отзывы о моём искусстве, то насколько же больше мог откликнуться литературный и журнальный мир Нью-Йорка. Если апостаты, не имеющие литературного значения, со своей стороны яро действуют, то колыми паче можно мобилизовать литературные силы и молодых журналистов, тем приготавливая их для выражения общественного мнения. Общество Марка Твена избирает [меня] на место Маркони почётным вице-президентом, и тем ещё раз показывается, что апостатский заговор имеет локальное распространение. Он, то есть заговор, весьма мерзок и отвратителен, но такими подкупными средствами невозможно стереть целую художественную и литературную работу. Заговорщики могут действовать лишь мерзкою клеветой, но ведь нельзя допустить, чтобы

опытные, достойные граждане могли бы быть совращаемы гнусно-примитивною злопыхательною ложью. Жаль, что литературный завтрак не состоялся, ибо и такая Бирбалова линия была бы чрезвычайно полезна. Вооружайте обществ[енное] мнение.

ДОВЕРИТЕЛЬНО

10.XII.37.

Ю[рий] и В.А.Ш[убаев] только что видели магистрата, который сказал им, что он готов принять deposition, но ещё никаких бумаг об этом ни от Плаута, ни вообще из Америки не получал. При этом он сказал, что некоторое время тому назад был запрос от ам[ериканского] консула о том, заложено ли (mortgage) имение. Он ответил, что не заложено. Непременно сообщите это обстоятельство Плауту и спросите, что именно сие может означать. Ведь это нужно знать безотлагательно. Мы не знаем, по какому именно делу был этот запрос, а может быть, и ещё что-нибудь происходит. Наверное, адвокаты пояснят Вам свои соображения спешно. По дальнейшим сведениям магистрата этот запрос был получен им около десяти дней тому назад, и он ответил, что имение первоначально принадлежало Н.К., затем было передано Е.И., а теперь передано ею Ю[рию] и С[вятославу]. По его словам, запрос, очевидно, идёт от адвоката, ибо в запросе было упомянуто, что клиент его готов уплатить расходы. Не имеют ли наши юристы какой-либо спешный совет?

Совершенно доверительно сообщаем, что в запросе речь идёт об Институте “Урусвати” и запрос исходит от Master Institut’a. <...> Апостаты умышленно хотят связать Институт “Урусвати” с Hall Estate’ом и таким образом готовят какие-то злокозненные действия. Непременно предупредите Плаута об этом. При этом имейте в виду, что: 1) передача земли, причину которой Вы понимаете, нисколько не нарушает основ и уставов нашего Института в Индии. У меня хранится письмо от Ю[рия] и С[вятослава], подтверждающее неприкосновенность имущества Института; 2) для охраны знака и титула Института в Индии сделана была регистрация на наше имя в Калькутте; 3) Вы сообщите нам о том, что апостаты отказались от [Института] “Урусвати” и даже требовали немедленно убрать коллекции и прочее имущество. 4) Вы сообщите нам, что по справкам Фосдика оказалось, что Институт не был инкорпорирован в Нью-Йорке. Пожалуйста, ещё раз подтвердите это. Немедленно примите к сведению все эти новые данные и сообщите нам совет Плаута.

11.XII.37.

Пришло письмо З[ины] от 16-го по 23-е нояб[ря].

Потрясающее сведение, которое лишь показывает, что только общественное мнение, а также оппозиционеры Глину могут вывести дело на путь справедливости. Радовались мы описанию З[иной] собрания друзей у Флор[ентины]. Такие собрания чрезвычайно полезны. Жаль, что на нём не был Плаут, который мог бы доложить о ходе судопроизводства, а также, по видимому, не были Косгр[ев], Нар[одный] и Мер[рит]. Ведь кроме финансового значения таких собраний они являются укрепляющими, цементирующими обстоятельствами, и друзья видят, что они представляют из себя целую разнообразную группу, а не разбиты в одиночестве. Во всех выступлениях всюду должно быть подчёркнуто имя Х[орша], а не Учреждения, ибо он всюду выдвигал свою личность. Пожалуйста, заклеивайте письма возможно крепче. Печати

приходят, как видите из прилагаемой, совершенно гладкими, а ведь такую печать без всякого труда любой человек может снять и опять поставить. Также лучше давайте на конверте отправительский адрес другой, ибо может случиться, что письмо будет в случае недоставки возвращено в руки апостатов. От Плаута и со вчерашней почтой не получено бумаг для deposition по делу манускриптов. А между тем магистрат скоро уедет на продолжительный срок, и, таким образом, этот deposition не по здешней вине затянется. Неужели Плаут, когда передавал Вам карбонкопии вопросов, не говорил Вам, каким каналом и когда именно будет выслан оригинал вопросов магистрату? Ведь мы не можем идти сами с полученными неофициальными копиями. Передайте Флор[ентине] нашу искреннюю признательность за её гостеприимство. Всеми силами хотим охранить общественное достоинство и потому тем более радуемся каждому общественному проявлению. Каждое новое дело действительно может давать Плауту полезный материал, и потому все дела должны быть весьма координированы в полном согласии. Радуемся, что Инге поправляется, – действительно, большое чудо в том, что катастрофа не окончилась губительно. Душевное единение всех добрых участников, как видите, делается с каждым днём всё более повелительным. Приходится быть в письмах осторожными, ибо шайка вредителей работает яро. Им можно противопоставить лишь самое несломимое единение.

Сердечный привет всем собравшимся 17-го ноября.

Все наши мысли с Вами.

Всегда сердцем и духом,

Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

10, 12 декабря 1936 г.

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

10.12.36

Дорогой Николай Константинович!

В Риге вчера была открыта 5-я конференция министров иностранных дел Балтийской Антанты. Нас эта конференция особенно интересует по следующему поводу. За день до конференции я получил от председательницы Ковенского общества г-жи Montvydiene извещение, что их Общество, по совету Шклявера, составило широкий меморандум, излагающий великое значение признания и продвижения Пакта Мира, и поднесло его литовскому правительству с просьбой поднять вопрос Пакта на съезде Балтийской конференции. Меморандум, кроме членов Общества, подписали также многочисленные художники, писатели, профессора и культурные деятели. В последнюю минуту и мы обсудили этот вопрос, я советовался также с Карлом Ивановичем. Вы уже знаете отношение нашего правительства к Пакту. Оно, должно быть, подняло бы этот вопрос уже на первой конференции, если бы получило официальное приглашение от Панамериканской Унии или от другой инстанции. К.И. тогда несколько раз обращался к президенту и уведомил его. Под конец Е.И. писала, чтобы больше не обращались, чтобы оставили вопрос пока на решение и ответственность самого правительства. Как я уже писал Вам, недавно мы послали также Ваши книги – *Держава Света*, *Врата в Будущее*, *Нерушимое* и Сборник о Вас. Настоящее время кажется самым неблагоприятным для поднятия вопроса. Пожалуй, на следующей конференции, когда международная полити-

ка придёт к более уравновешенным итогам, может быть больше надежды на конкретное решение вопроса. Не знаем, каково положение этого дела в Пан-американской Унии теперь, с уходом Уоллеса? Насколько понимаю, и там осуществление Пакта приостановилось на время. Мы рады, что литовское правительство к Пакту относилось всегда благосклонно. Но при заключении всех международных договоров все Балтийские государства решили действовать сообща, особенно считаться с мнением латвийского правительства, министерство иностранных дел которого входит в Совет Лиги Наций. С другой стороны, как Вы знаете, при заключении договоров известным образом считаются также с известной великой державой. Нейтральнее всего к Пакту относилось эстонское правительство. Я, конечно, сердечно приветствовал решение литовского правительства, но и описал г-же Монтвидене теперешнее положение дела. По газетным сведениям о первых днях конференции ещё неизвестно, поднимал ли литовский представитель вопрос о Пакте. Но даже в случае неудачи меморандум всё же будет иметь значение и принесёт благие результаты: правительства снова убедятся, что за Пактом стоит Сила, что интерес к Пакту также и в их государствах большой, и с этим более или менее должны будут считаться, и в связи с этим также и деятельность наших обществ может облегчиться. Мы со своей стороны решили обращения не делать, может быть, даже лучше, что оно исходит из другой страны. Пакт Мира – и наша надежда, и вера, и любовь; живём убеждением в скорой победе его.

Сердечно благодарю за письмо от 20.XI и за всю приложенную ценность и радость. Получил я также продолжение манускрипта *Тайной Доктрины*, теперь в нашем распоряжении уже 453 страницы.

Сознаём, что эта книга для Будущего, для всех стран всей планеты, потому хотелось бы, чтобы за издание не было стыдно перед странами, где техника стоит так высоко.

О печатании *Тайной Доктрины* мы сначала пришли к соглашению с типографией, где печатали *О Началах*. Но из-за дефектов в шрифте, нехватки курсива и пр., мы, в конце концов, отказались и заключили новый договор с типографией *Ryti*, где печатается *Сегодня*, самой большой русской типографией в Латвии. В ней имеется, кроме газетного набора, ещё 5 специальных машин для книг, так что с работой могут поспешить. Типография *Ryti* телеграфно заказала из Германии совершенно новый шрифт всех нужных видов, на днях этот шрифт должен уже прибыть сюда, и тогда немедленно приступят к работе, и надеемся, что печатание пойдёт успешно. Конечно, в договоре мы все сроки предусмотрели. Надеемся, что и опечаток не будет, ибо первую корректуру будут читать два корректора в самой типографии, потом – 3 пары наших членов. К сожалению, в книгу *Аум* снова вкралось несколько опечаток, но мы теперь их сами исправляем и высылаем все экземпляры лишь в исправленном виде. Также исправляем упомянутую раньше опечатку в *Нерушимом*. В большинстве русских типографий в Риге имеется лишь ручной набор, а это влечёт за собою не только много лишней затраты времени, но и погрешностей. Надеемся, что будем печатать лишь машинным набором, как это делается с латышскими книгами.

Как я уже писал Вам, обе мои брошюры я послал по тем же адресам, что и Ваши книги. Именно <...> Кроме того, я послал следующим духовно либеральным философам и писателям <...>. В Швецию я послал 4 экз. *Сознание Красоты спасёт*, один, как я уже писал Вам, вернулся, но два экз. были лишь простой

бандеролью. Вернулся и 4-й экз. *Нерушимого* (и письмо, как я писал Вам в прошлом письме). Свои книги я, по большей части, посылал или с сопроводительным письмом, или с посвящением.

Спасибо за Ваш совет не посылать моих книг в Женеву. Но, к сожалению, один из наших членов, который выписывает из Женевы *Вестник* и изредка переписывается с Гельмбольдт, в обмен на *Вестник* послал некоторые книги и приложил по неведению и мои брошюры. И вот какой он получил ответ от Гельмбольдт о брошюрах:

«Прекрасное издание и очень полезное для людей, которые только подходят к духовным вопросам. Прекрасная популяризация теософских идей, которые знакомы нам, теософам, по нашей литературе. Ничего нового для себя не нашла, но думаю, чем больше духовной литературы, тем лучше для заблудившегося человечества. Если бы человечество смогло подняться до понимания истинной культуры (которая у Рериха, с моей точки зрения, – замаскированное Высшее Я), то до каких высот мы смогли бы подняться». Не вполне ясным для нас осталось предложение в скобках.

Из Харбина я получаю милые и проникнутые духом письма от Туркиной, Инге, Варфоломеевой, Хейдока. Запрашивали о книгах ещё двое: значит, несмотря на все нагромождения тьмы, и тут духовная устремлённость. Не знакомы ли Вы с г-жой Е. Инге? Получил также от Зенкевича прекрасное письмо. Странно, что все экземпляры *Священного Дозора* от магазина Зайцева в Харбине мы получаем без обложек.

Простите, если утруждаю Вас своим почерком.

Шлю Вам и Е.И. всё самое сердечное и радостное на Рождество.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

12.XII, утром

Как и следовало ожидать, официальное сообщение о результатах работы Балтийской конференции вовсе не касается Пакта Мира. Сообщается лишь о продолжении прений по отношению к Лиге Наций и к политике невмешательства. Я не смог ещё узнать, обсуждался ли вообще этот вопрос официально на конференции. Если и были, то скорее частные переговоры, так как мне сообщили, что план работы конференции на сей раз предоставила Латвия. Если узнаю подробнее, сообщу Вам. Может быть, г-жа Montvydiene уже известила Вас об ответе литовского правительства.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

12 декабря 1936 г. Урусвати
Письмо С.Н. Рериха к Вавилову Н.И.

12-го декабря 1936 г.

Уважаемый Профессор,

С большим интересом следили мы за Вашими блестящими научными достижениями, в которых Ваши экспедиции в Азии занимают такое выдающееся место. Ввиду этого Вашего особого интереса к Азии полагаем, что Вам, и руководимым Вами научным учреждениям, могут быть весьма полезны некоторые

материалы по культуре медицинских и экономических растений, которые были собраны в работе нашего Института.

Одновременно высылаем Вам через наше Общество *R[ericha]* в Риге, семена медицинских растений по прилагаемому списку (номера соответствуют номерам на пакетах семян). Пока мы посылаем краткий перечень, но если вы пожелаете иметь дальнейшие сведения, мы будем весьма рады сообщить их Вам, также как и результаты некоторых наших экспериментов, которые, кроме научного значения, могли бы иметь и крупный экономический интерес для нашей родины.

Итак, настоящим прошу Вас, г. Профессор, передать наше пожертвование семян в одно из руководимых Вами научных учреждений, как вклад в культурное строительство нашей родины, и будем надеяться, что эти семена и в местных условиях принесут ту же существенную пользу как и здесь.

Ваш ответ просим направить по адресу:

Rericha Muzeja Draugu biedriba, Elisabetes iela № 21-a, ds. 7, RIGA, Latvija.

С искренним уважением

Проф. Н.И. Вавилову,
Директору Всесоюзного Института Растениеводства.

Святослав Николаевич Рерих.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

Софийский собор в Киеве.
(Старая открытка)

17 декабря 1936 г.
Н.К. Рерих

СОФИЙСКИЙ СОБОР

«Во время работ по реставрации Софийского Собора на северной лестнице открыты две большие композиции. Первая, у стен собора, изображает три женские фигуры. В центре - жена князя Ярослава - Ирина, около неё - служанки. Они выходят из дворца. Вторая композиция представляет сидящего в кресле князя Ярослава, возле которого стоят два воина со щитами. У первого воина на щите изображена птица - геральдический знак, у второго - рисунок неразборчив и представляет, по-видимому, голову князя Ярослава. На северной стене раскрыта композиция "Сошествие во ад"» («Известия», 21 ноября).

Отличное сведение. Вспоминаю, как тридцать лет тому назад я писал в Москву Тароватому о скрытых сокровищах Киева и о возможных открытиях в Софийском Соборе. Предполагали мы тогда Всероссийскую подписку на реставрацию этого замечательнейшего памятника. Итак, оправдались предположения.

Затем в лекции о радостях русского искусства говорилось:

«Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего».

Когда идёшь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная десятиллионная столица цезарей. Даже когда идёшь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было всё занято шумом ганзейского города. Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью; скудные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные, большею частью с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, всё-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времён Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазийского характера работа. Ещё раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный приём. Думаю, палата Рогеров в Палермо даёт представление о палатах Киева.

Скандинавская стальная культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

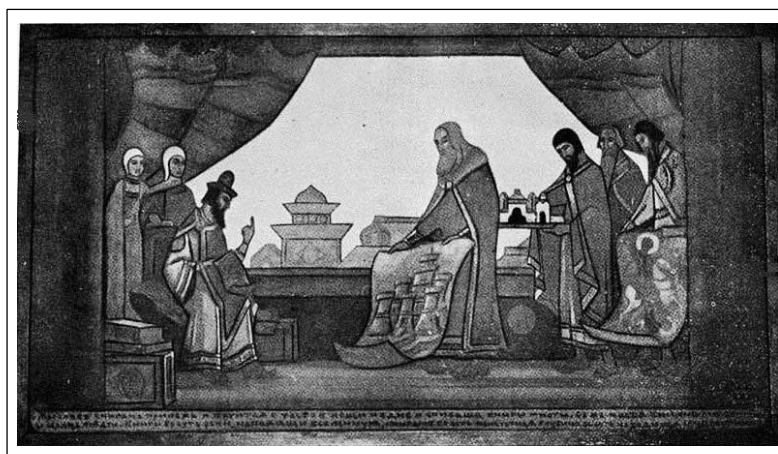
Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходует только на блеск подвигов.

Предлагаю на былинные описания посмотреть по существу. Перед нами детали, верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится её. Эта культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные доли княжеские, весёлые скоморошьи забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святых Софии, митрополию и посем церковь на Золотых Воротах святой Богородице Благовещение, посем святого Георгия монастырь и святых Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежал и почитая е часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же населя книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напающе вселенную, се суть исходща мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софии, юже созда сам, украсил ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовавшиеся Ярослав, видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Н.К. Рерих. Радовался Ярослав граду Киеву. 1938.
Слева внизу на книге монограмма: P/x

Великий Владимир сдвигал массы. Ярослав сложил их и возрадовался о красоте. Этот момент для старого искусства памятен. Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далёк от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев ещё раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скулиста и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Дири. До Аскольда Киев уже платил дань Хозарам, и основание города отодвигается к легендарным Киею, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был Апостол Андрей. Зачем прибыл в далёкие леса Проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в 17-16 века до нашей эры. И тогда уже для средоточения культа должен был существовать большой центр. Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев ещё покоится в земле в

нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Бывшая приблизительность суждений не может огорчать или пугать искателей; в ней — залог скрытых блестящих горизонтов. Молодёжь, помни о прекрасных наследиях минувшего!

Даже в самых, казалось бы, известных местах захоронены нескрытые находки. Вспоминаю наше исследование Новгородского Кремля в 1910 году. До раскопок все старались уверить меня, что Новгородский Кремль давно исследован. Но, не найдя никакой литературы о розысках жилых слоёв Кремля, мы всё же настояли на новых изысканиях. Часть Кремля оказалась под огородами, и таким порядком, ничего не нарушая, можно было пройти за глубину до 21-го аршина - до первого Скандинавского поселения, с характерными для IX-X веков находками. В последовательных слоях обнаружилось семь городских напластований, большею частью давших остовы сгоревших построек. Понятно было наблюдать, как от X века и до XVIII можно было установить летописные и исторические потрясения Новгородского Кремля. Разве не замечательно было знать, что даже такое центральное место оказалось неисследованным! Конечно, мы могли произвести этот исторический разрез одной широкой траншеей, но можно себе представить, сколько прекраснейших находок осталось во всех прочих соседних областях.

Вспомню это не в осуждение, но как завет молодёжи о том, насколько мало еще сравнительно недавно знали родную старину; значит, какие блестящие вскрытия предстоят каждому наблюдательному искателю.

Сколько истинных кладов заложено на Руси! Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам и какое великое будущее суждено! Пусть молодёжь соединится всей силой тела и духа и для великолепных истинных достижений!

Много где проявлялась расточительность. Застрелили Пушкина и Лермонтова. Изгоняли из Академии Наук Ломоносова и Менделеева. Пытались продать с торгов Ростовский Кремль. Длиннен синодик всяких расточительств, от давних времён и до сегодня. Довольно. Бережно и любовно должна быть охранена Культура.

Реставрация Софийского Собора, все недавние исследования и раскопки, все снятые покровы веков вскроют новую русскую красоту и величие.

17 декабря 1936 г. Гималаи

Рерих Н.К. Листы дневника М.: МЦР, 1995. Т.2

19 декабря 1936 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
19-ДЕК 1936 г.

Родной Рихард Яковлевич,

Вчерашняя почта принесла нам редкую радость. Прилетела *Брамапутра*^[1], покрытая подписями всех дорогих сердцу нашему рижских сотрудников. Именно истинные содружники могут так трогательно и душевно выразить свои чувства. Передайте всем пятидесяти двум подписавшимся сердечный привет от всех нас.

Именно в прочном единении в мыслях возвышенных и направленных во Благо человечества строятся ступени лучшего будущего. Как бы ни было сму-

щено настоящее разрушительною злобою, но каждый имеет право и должен мыслить о прекрасном созидательном будущем.

Вы знаете, как мы любим Латвию и какие знаменательные воспоминания сохраняем о Риге. Положим и эти незабываемые воспоминания тоже в основу будущего. Пойдём знаками добрыми. Так и передайте всем нашим дорогим сотрудникам. Посылаю Вам статью *Мастерская Куинджи*, напечатанную в *Рассвете*. Если бы найти путь, чтобы эта копия дошла до Рылова. Может быть, Вы найдёте или его адрес, или адрес учреждения, ему близкого. Может быть, самый простой путь будет, если кто-либо из едущих артистов передаст.

Также посылаем статью *Софийский собор*. Ведь такая реставрация является добрым знаком пробуждения народного сознания к культурным ценностям. Каждый добрый знак должен быть поддержан.

Скажу пока только для Вас и правления, что мы имеем в виду прибавить к выставленным в Обществе картинам ещё несколько моих и Святослава Николаевича. Если для получения картин требуются какие-то особенные формальности, то, будьте добры, сообщите нам. Предполагаем послать их в Лондон, а оттуда на Юнайтед Балтик Корпорейшн^[1] линии. Когда открывается навигация в Риге? Ещё раз сердечный привет Вам, супруге Вашей и всем сотрудникам от Елены Ивановны и всех нас.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Прим. Елена Ивановна очень просит исправить в манускрипте *Тайной Доктрины* на странице 158 на 14-й строке снизу слово *Дэвипракрити* и написать вместо этого *Дайвипракрити*. То же слово и на странице 243, строка 7 снизу, и на странице 326, 6-я строка сверху. Также слово *Кабалла* лучше писать *Каббала*, где оно встречается.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

19 декабря 1936 г. Наггар, Кулу
Из письма Ю.Н. Рериха к Шкляверу Г.Г.

19-го Дек. 1936.

Дорогой Друг,

Спасибо за письмо Твоё от 6-го Дек. За № 47. Очень рад слышать, что наши Учрежд. заключили вновь союз и скрепили его рукопожатием в Твоём присутствии. Всё же мне неясно, что именно произошло между ними и откуда появились гоцлиберданы¹, о которых Ты писал, а также устремление некоторых в сторону керенщины, о чём ты также сообщал. Вполне согласен с сообщением Ю.А. о необходимости работы среди приезжающих. В настоящее время это сделать значительно легче, ибо имеется богатая тема о величии и значении русск. культуры и о прошлых эпохах национального величия. На этом фоне можно создавать образы будущего и укреплять в молодёжи стремление к охране и осознанию достояния прошлого. Что-то произошло с возвращ. В газетах писали, что вместо родины, их отвезли на реку Мансанарес², где мно-

¹ Теория коммунистического заговора евреев – Ред.

² Мансанарес — река в центральной части Испании, берёт начало в Сьерре-де-Гвадаррама, приток реки Харама. –Ред..

гие из них успели переселиться в иной мир. Неужели они не знали куда их везут?

Охрана памятников искусства должна быть поставлена на подобающую её значению высоту. Время не терпит, и я надеюсь, что наш Франц. Комитет и Комитет Пакта проявят должное внимание этому вопросу, и хотя бы путём лекций и газетных статей обратят внимание сограждан на необходимость принятия срочных мер в богатой памятниками Франции. Ведь никакие воздушные заграждения не спасут города от разрушения, безумного и бессмысленного, ибо все эти разрушения городов не оправдываются требованиями стратегии или тактики, где главным объектом боевых действий продолжает быть живая сила государства и до известной степени промышленные центры, которые редко стоят в непосредственной близости от городских центров и лучших памятников.

Я надеялся, что переговоры о создании нейтральной зоны в центре Мадрида окончатся неуспешно, и это послужит началу нового подхода к проблеме обороны города, его памятников и мирных обывателей. Но, видимо, переговоры не привели к желательным результатам.

<...>

Архив Музея Рерихов, Москва

22 декабря 1936 г.

Письмо А.С. Кауна к Рериху Н.К.

22/XI/ 1936

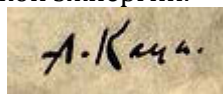
Дорогой Николай Константинович,

У меня было столько личных невзгод и хлопот, что я совершенно забросил корреспонденцию. Получил и Ваши послания и письма. Насколько я помню, по получению книги послал Вам из Лос Анжелеса, где проводил время. Я очень тронут последним Вашим письмом. Для меня знакомство с Вами все эти годы является неоценимым даром. Ваше творчество и Ваша личность дают мне бодрость в мрачайшие моменты повседневности. Я Вам бесконечно благодарен за всё, что Вы мне дали и продолжаете давать намеренно и ненамеренно.

К сожалению, я не человек «дела», и не могу разбираться в для меня невероятных затруднениях, происходящих в Ваших Нью-Йоркских учреждениях. Просто не в состоянии. Вы-то лично стоите одиноко и парите высоко, сверх мелких дрызг. Но другие, ведь, простые люди; каждый говорит своё и уверяет в своей правоте. Мне мучительно, что Ваше имя втянуто в этот раздор. Всё ещё хотел бы надеяться, что обе стороны найдут путь к миру, и что Ваше имя снова будет реять над Вашими учреждениями, как залог идеализма и красоты.

Писал мне некий Б.М. Цирков из Теософского Университета в Point Loma, о желательности переводить их литературу на русский язык. У меня решительно нет времени для таких работ, помимо того, что не чувствую себя в силах постичь их мудрость. Горе, горе! Время летит, я всё более и более занят будничными делами, а о духе подумать нет возможности.

Крепко жму Вам руку, желаю здоровья и творческой энергии.

[А. Каун]

Архив Музея Рерихов, Москва (автограф)

23 декабря 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

23.XII.36

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Пришло письмо от Зины от 3-го декабря, дополняющее описание неприемлемых условий соглашений, а также письмо Мор[иса]. Кроме того, получили и невероятный документ от газеты "Sun", присланный Зиной. Мы телеграфировали Вам, что были крайне amused, читая его, и посылаем Вам меморандум наших ответов. Читая это неслыханное нагромождение подтасовок и цитат из лживых харбинских газет, право, не знаешь, смеяться или плакать. За целый почти год адвокаты с голландскими фамилиями высидели документ весьма слабый. Конечно, на каждый его пункт можно отвечать и можно лишь поражаться, что газета "Sun", считающая себя большим изданием, может цитировать харбинскую белиберду из человеконенавистнических фашистских газеток. В своё время мы Вам послали выписку из фельетона шаляпинского, в котором достаточно характеризованы харбинские нравы. Вы ведь помните, что и с меня фашистская газета требовала 500 долларов и по причине отказа проявила себя. Газета "Sun", если любит цитировать ложь и ерунду, должна бы цитировать из тех же газеток и другие абсурды: например, что я будто бы выдаю себя за воплощение Сергия Радонежского, что мы питаемся человеческим мясом, что я антихрист, что я глава мирового Фининтерна, что на нас напали в Пекине хунхузы и тому подобную ложь, которой они преследовали не только нас, но и всех порядочных выдающихся деятелей, например, проф[ессора] Гинса, Гондатти, Шаляпина, митрополита Сергия и других. Странно, что адвокаты газеты "Sun" не сообразили, что имеющаяся у Вас бумага от "Гаймушо", а также письмо в газету монгольского князя Деванга совершенно аннулируют все их лживые нагромождения. Из этих двух свидетельств видно, что Япония нас вовсе не преследовала и считает харбинскую выходку как sheer ignorance русских эмигрантов, а князь Деванг свидетельствует о наших с ним прекраснейших отношениях. Кроме того, неужели Глин и многие другие, а также Агр[ик[ультурный] Деп[артамент] не опасаются, что, отвечая на все эти ложные вымыслы, мы вынуждены будем предъявить как переписку о ботаниках, так и прочие письма и телеграммы, относящиеся к этому делу. Вряд ли Глину улыбается такой оборот, не потому ли трио в своих наглых условиях требовало прекращения дела о клевете. Вообще можно сразу понять, откуда был доставлен газете "Sun" весь материал. Совершенно нелепо указание на "мою" книгу в Урге. Книга не моя, и никаких анонимных или псевдонимных книг у меня нет. К тому же у Вас имеется издание 1926-го года. Неужели же на основании приведённого вздора, взращённого в преступных умах, можно называть сру'ем и говорить о шпионаже? Кроме того, каждому бросается в глаза, что приведённый материал настолько противоречив, что никто не может даже понять, о чём же, собственно, идёт речь.

Юрий называется "tsarist officer", а между тем при отречении императора Юрию было четырнадцать с половиною лет. Согласитесь сами, четырнадцатилетних офицеров не бывает. Весь этот ерундовский документ может доставить для нашего адвоката повод не только разбить противника, но и насмеяться над ним. Как тщательно скрыто, что не нас увольняли, а мы отказывались ехать в Кукунор вследствие тяжкого там политического положения и за поздним сезоном. А где же четыре с половиною тысячи долларов, данные са-

мим секретарём на кооператив? А где же ярое желание Хорша обогатиться на концессиях, которыми он вообще не умел воспользоваться? Да и что говорить? Вы трое знаете всё. Конечно, в наших ответах мы лишь отвечаем в пределах произнесённого вздора, не ввязываясь в дальние суждения. Ведь, прежде всего, нужно ответить. У Вас также находится и вся переписка о ботаниках, а также отчёт экспедиции, написанный Юрием, в котором содержатся некоторые полезные данные. Сколько раз в пресловутом “солнечном” документе повторено о том, что мы были арестованы. Но во всю нашу жизнь никто из нас никогда арестован не был, ибо под арестом понимается физическое заключение. Когда мы все читали “солнечный” документ, невольно вырывались восклицания – для какого же затмения умов потребовался этот биографический скетч, вкрапленный грубейшим враньём. Например, сказано, что мы были высланы из Кашгара, но ведь именно там мы были вполне хорошо приняты. Сказано, что мы были высланы из Манчукуо, но ведь это наглая ложь, ибо, мы там задержались почти на месяц дольше, нежели предполагали. На таком сплошном вранье строится целый “документ”, представляемый в суд. Неужели правосудие не распознаёт, где именно ложь. Во всяком случае, и Вы, и мы одинаково понимаем причину, почему трио хочет пресечь это дело. Ещё раз лучшие пожелания к Новому году – о единении и победе.

Сердцем и духом с Вами,

Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера», 1998.

28 декабря 1936 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
28-ДЕК 1936 г

Родной Рихард Яковлевич,

Спасибо Вам за Ваше прекрасное письмо, где Вы описываете некоторые данные о Пакте. Как Вы знаете, Пакт несколько не застыл, и за это время уже добрая половина подписавших Пакт успела его ратифицировать в своих сенатах. В Южной Америке в некоторых из её республик подобные ратификации происходят довольно медленно, и известны случаи, когда Пакты и договоры дожидались ратификации около пятнадцати лет. Таким образом, в нашем случае можно усмотреть даже довольно быстрое движение сравнительно с обычными для этих мест темпами. Поэтому безошибочно можно подавать правительству заявление о желательности Пакта, подписанное не только членами Общества, но и вообще культурными деятелями, как это и было сделано в Литве. В Париже также происходят движения с Пактом. По словам Шклявера, конференция интеллектуальных работников обещала адоптировать^[1] наш Пакт. Чем больше будет раздаваться общественных голосов за принятие Пакта, тем лучше. Ведь дело не в одних только правительствах, но именно в выражениях общественного мнения. Вы очень хорошо сделали, что процитировали нам письмо, полученное Вашим другом от Гельмбольдт. Считаем это письмо не только сухим и чёрствым, но и высокомерным. Нужно быть бессердечным человеком, чтобы так отвечать на голос сердца. Вообще, если читающие духовное учение, как *Тайная Доктрина*, делаются такими бессердечно сухими, то это лишь значит, что «не в коня корм». Можно предположить, какой

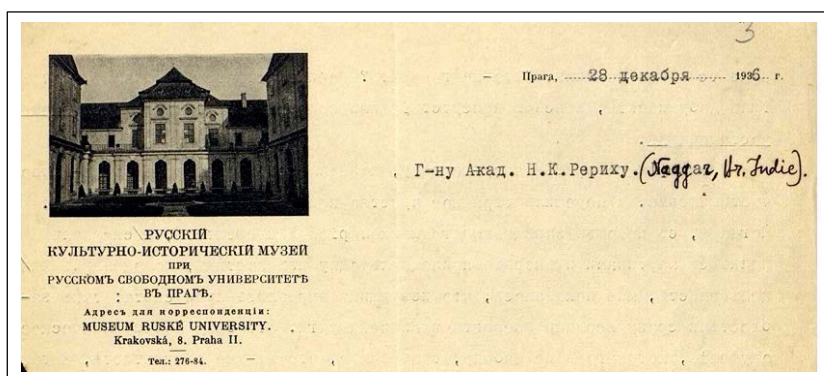
вред сеется этими бессердечными людьми. Но тем более все духовно преданные сердечные люди должны объединяться стремлением облагораживать массы духовными зовами. Конечно, Писарева тоже борется против всякой чѣрствости и несправедливости, она как человек интеллигентный и духовный отлично расценивает происходящее.

Уже десять дней, как Е.И. опять больна. Хорошо, что, по словам Фѣдора Антоновича, печатание второго тома не обусловлено непременно весенним сроком. Ждѣм Ваших вестей о посылках в Швецию, также, пожалуйста, сообщите нам, сколько имеется квадратного стенного пространства в большом зале общества, пригодного для хорошей развески картин, – может быть, дадите чертѣж стен. Хотелось бы усилить и эту сторону нашего любимого Латвийского общества. Ведь это даст и новый приток посетителей разных стран. Посылаем Вам переводы моих статей г-жи Мюллер в Вене, может быть, представится случай поместить их соответственно в Ваших краях. Посылаем их медленной почтой. Также Вы будете порадованы узнать, что в Париже состоялся завтрак посланников и представителей Прибалтийских стран, на который был приглашѣн, как наш представитель, Г.Г. Шклявер. Во время завтрака был произнесѣн тост за меня – этот дружеский жест Вам будет и приятен и полезен. Обрадовались получить 20 экз. *Аума*. И так, даже в армагеддонные дни многое движется благоприятно. Е.И. шлѣт Вам всем свои душевные приветы. Мы все присоединяемся.

Сердцем и духом с Вами, *Н.Рерих*

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

28 декабря 1936 г. Прага
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

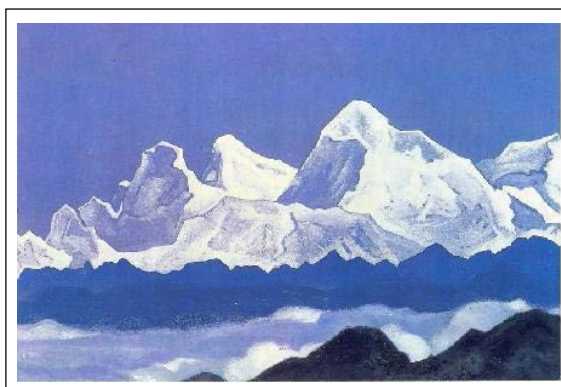
Фрагмент письма В.Ф. Булгакова.

Прага, 28 декабря 1936

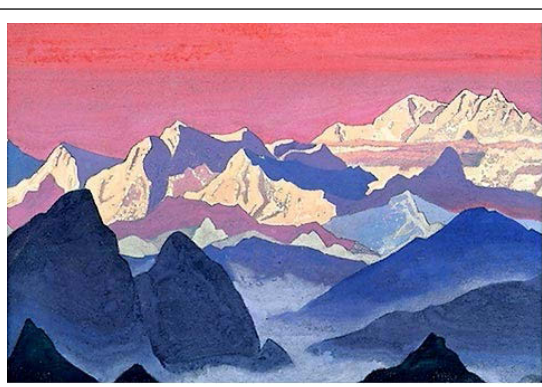
Высокочтимый Николай Константинович,
Позвольте присовокупить к официальному письму с выражением признательности ещё несколько строк. Картины Ваши, благодаря прекрасной упаковке, дошли в идеальном порядке. Само собой разумеется, что обе поставлены были тотчас под стекло. Кроме того, я поручил рамовщику (одному из лучших в Праге), с оборотной стороны заделать картины наглухо деревянными дощечками, чтобы предохранить их от всяких неблагоприятных и хотя бы случайных внешних влияний. Повешены картины в главном зале Музея, но не

вместе, а отдельно, или вернее, друг против друга, ради достижения лучшего эффекта с освещением: горы освещены теперь из окна с той же стороны, что и на картинах. – Картины всем в Праге в высшей степени понравились. Третьего дня, например, долго любовался ими в нашем Музее художник М.В. Добужинский, приехавший в Прагу ненадолго из Лондона для художественного руководства постановкой оперы «Князь Игорь» в Чешском Национальном театре, и посетивший Музей в сопровождении молодого художника и архитектора Б.Г. Клодта (происходящего из знаменитой семьи художников). Потом я показывал Мстиславу Валерьяновичу репродукции с Ваших картин, которые он с величайшим вниманием осматривал. Кто-то спросил его, как ему нравятся эти картины. «Что же говорить? – Рерих остаётся Рерихом», - ответил Добужинский, и всем присутствующим подобный ответ показался вполне достаточным.

Продолжая говорить на ту же тему, позволю себе перейти к чистоличной части письма. Я пережил странное чувство при получении Ваших этюдов. Когда я, с помощью заведующего канцелярией Университета, вскрывал ящик с картинами и впервые приподнял одну из картин, положенных лицом вместе, мне показалось, что из ящика вырвались лучи света: так заблестали сразу вершины Эвереста и Канченджунга. Это было почти физическое ощущение, которого я не забуду, тем более, что я – не оккультист, а также не мистик в дурном смысле.

Н.К. Рерих. Эверест . 1936.

Н.К. Рерих. Канченджунга. 1936.

Мне ясно, однако, относительно Ваших картин, и я не устаю повторять другим, что они полны не только художественной прелести, но и могучей духовной силы. И, по крайней мере, я лично это в них, как, разумеется, и во всём Вашем художественном творчестве высоко ценю.

- Я получил весточку, с приветом от Вас и со снимком картины, изображающей Сергия Радонежского, и был глубоко тронут и этим милым (я бы сказал – незаслуженным) вниманием ко мне, и упоминанием о Льве Николаевиче за 3 года до его плотской кончины и последний год его жизни – трагический год, - провёл в его доме под одной с ним крышей. Это был мой духовный отец и человек такой необыкновенный, такой обаятельный в личном общении, полный такого благородства, такой нежности и любви, и внимания к людям, что я обожал его при жизни и не перестал обожать теперь. Я- не слепой по отношению к нему. Мои очи совершенно зрячи. Я – во всём

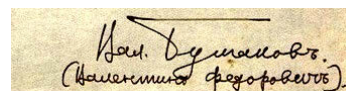
свободен и не раб ему. В смысле мировоззрения, с годами, я в некоторых отношениях отошёл от него, но как человека я люблю его просто, чем дальше, тем больше, если только это возможно. Вы сказали, что он первый одобрил Вашего «Гонца». И я готов дать голову на отсечение, что Лев Николаевич, очень строгий и требовательный в суждениях об искусстве, человек необычайной чуткости (поскольку дело не шло о каких-либо чисто теоретических парадоксальных утверждениях), ещё и в то время понял и оценил всю силу, именно не только эстетическую высоту, но и духовную силу Вашего творчества.

Вы упомянули о наших «смятенных днях». Да, переживаемый нами период истории – неясный, тёмный, ответственный. Злые силы, чуя, быть может, что они выявлены, что им грозит опасность, что им нужно защищаться, напрягаются и готовы обрушиться на голову человечества. И вот, в этом духовном бою, для меня, Вы – огромная сила того же разбора, что и Толстой: сила добрая, ратующая за лучшее, сознательное, разумное будущее человечества.

Я говорю об этом на основании знакомства с Вашими картинами, с Вашими книгами и статьями, с Вашими собственными начинаниями, каков, например, Рериховский пакт об охране во время войны культурных ценностей – души мира, с Вашим тяготением к Востоку, словом, со всеми проявлениями Вашего вечно юного, вечно бодрого и плодотворно-деятельного духа. И я не могу не любить Вас так, как я любил и люблю никогда не умиравшего для меня, но вечно живого Льва Николаевича. Вы, наверное, поймёте, что это не потребность говорить комплименты, но, скорее, потребность исповедаться, открыть кому-то близкому душу в эти тяжёлые, «смятенные дни», потребность в самой этой откровенности засвидетельствовать Вам глубокую признательность за всё великое и доброе. Что Вы сделали для мира, а, следовательно, для меня. Я счастлив, что судьба дала мне этот случай обратиться к Вам в связи с моей работой над созданием Русского Музея за границей. Не посетуйте на меня за эти строки, высокочтимый и дорогой Николай Константинович!

Кончая письмо, от всей души поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам доброго здоровья и плодотворной, светлой деятельности, на благо Ваше – душевное – и всех людей! А завеликодушный отклик на обращение Музея и за поддержку этого молодого, но всё развивающегося учреждения – земной поклон!

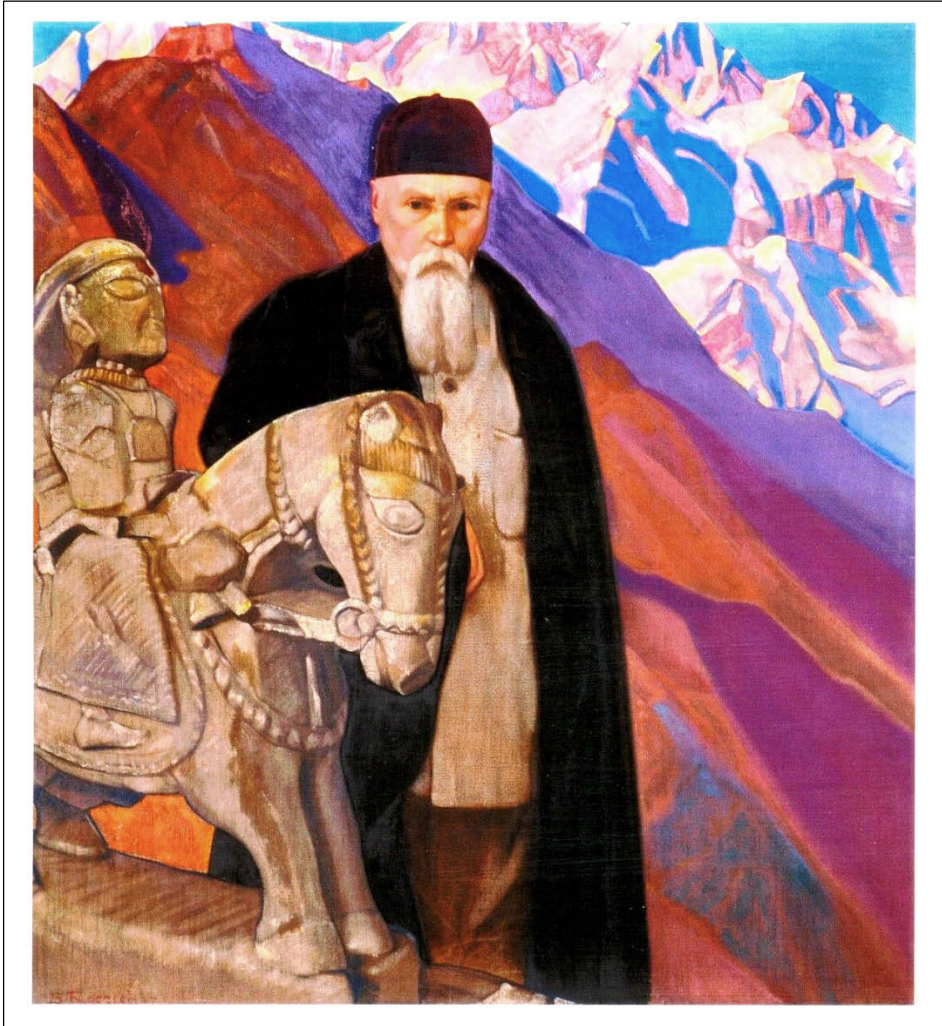
Глубоко уважающий и душевно преданный Вам

Н. Булгаков.
(Валентин Федорович).

РГАЛИ. Москва. Фонд Булгакова. 2226. опись 1.

С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. Конец 1930-х.

Часть 2. АРМАГЕДДОН

1937 г.

В 1937 году окажется противостояние Сатурна и Нептуна в знаках Девы и Рыб. Такое противостояние является важным показателем политической астрологии. С древних времён, при возникновении противостояния именно этих планет, в мире происходят необычайные по своему диапазону политические события.

Последний раз такое противостояние Сатурна и Нептуна было в 1917 г. Перед этим оно всегда совпадало с большими революциями, социальными движениями и т.д.

1937 год является последним в цикле так называемых "марсиальных лет", начинавшихся с 1917 года.

В 1937 году произойдёт война. Угроза её для этого года столь же значительна, как и в 1914 году.

(Из письма Е.И.Рерих к Н.К. и Ю.Н. Рерихам. 12.04.1935)

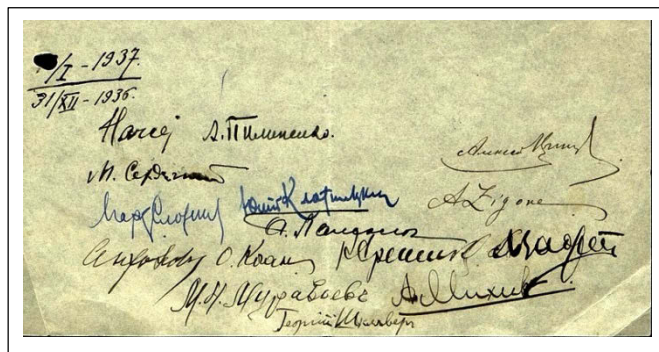
31 декабря /1 января 1937 г. Париж
Поздравительное письмо Русского эмигрантского оборонческого движения.

Многоуважаемый и дорогой Николай Константинович,

На исходе нынешнего тревожного года, мы считаем долгом обратиться к Вам с приветствием и с благодарностью за ту духовную поддержку, которую Вы оказали и оказываете Оборонческому Движению.

Несмотря на все трудности, которые приходится переживать нашему начинанию, мы твёрдо помним, что в единении – сила, и стремимся преодолеть все препятствия и образовать группу людей единомыслящих и единых.

В особенности мы были тронуты Вашим посланием, которое было зачитано на нашем собрании и в котором отразились Ваши чувства патриота и защитника русской культуры. Именно на этих путях обороны Родины и её культурного достоинства мы и мыслим нашу работу и сотрудничество с Вами.

Фрагмент автографа с подписями.

Архив Музея Рерихов, Москва

1 января 1937 г. Рига
Из письма Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих

Рига, 1 января 1937 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Прошёл 1936 год. Год столь напряжённый во многих отношениях, небывалый, решительный. И во всепланетарном масштабе. Отчасти и в жизни нашего Общества. И в жизни членов. И лично в моей жизни. Являлись неиспытываемые ранее нагнетения, препятствия, боли. Но верю, в конце концов, всё поведёт к лучшему. Сознаю теперь также, что можно было бы проявить и больше соизмеримости, и больше спокойствия, и больше моментальной находчивости и прозорливости. Но каждое испытание несло новые обстоятельства и новый опыт. Также и я лично, сознаюсь, был поставлен в условия и в роль, о которых никогда не думал. Много приходилось познавать как бы в первый раз в жизни. Это было радикальной школой жизни для меня. Но жизнь идёт теперь более ускоренным темпом. И чувствую, что завтрашнее наше «я» уже не будет больше вчерашним. Ведь мы вечно растаем в Будущее. И даже самое непривычное, немислимое становится для нас радостью, лишь бы этим можно было принести пользу. Моя сокровенная мечта – чтобы в нашем Обществе образовался истинный дух кооперации и единения. Наш идеал: содружеский Ашрам, община труда. Именно этим понятием общины труда мы вчера в Обществе и кончили последний день старого года, призывом к самому активному сотрудничеству и дисциплине служения, к проведению своей жизни как бы перед Ликом Владыки – пусть лейтмотивом всей тональности нашей жизни будет сокровенный призыв Владыки: «Помогите строить Мою Страну!» Так вчерашнее собрание мы начали мыслью о следующем годе как о годе насыщенного труда, а кончили параграфами из *Иерархии*.

Именно теперь, в дни самого тяжкого напряжения человеческого сознания, когда всё под угрозой войн и новых катастроф, наше сердце полно Зарёю Новой Эпохи Света. Мы чуем, что уже близок тот Мост Величия, который прозревал Преподобный. Этот мост лежит через огненно зажжённые человеческие сердца. Этот мост к будущему единению и гармонии мы желали бы и в своей жизни проложить. Там, в Будущем – и наша радость!

Много радости нам доставили все Ваши письма (от 30.XI; 7.XII; 19.XII) и приложения. Сердечно благодарю также за слова, посвящённые памяти Феликса Денисовича. Последние, так же как и места из письма о терпении и торжественности, мы прочли 24 декабря у ёлки, когда читались и места, и молитвы из Учения, и под конец раздавались звуки *Парсифаля*. <...>

Сознаём также, что хлебом нашим насущным должна являться теперь и торжественность. Это осознал и Гаральд Феликсович, прочитав на одном общем собрании места из Учения о торжественности. <...>

С радостью и благодарностью на правлении мы читали известие, что Вы пришлёте нам ещё новые картины. Мы навели справки. Можете присылать свободно, но лишь на имя нашего Общества: Reriha Muzeja Draugu biedriba Latvija. Все формальности, нужные для получения картин, мы сами уладим. После высылки сообщите нам воздушной почтой о числе картин и, главное, о весе, так как по весу берут пошлину (мы надеемся, что совсем освободят). Вес укажите нам netto, т. е. картины в рамке, и лучше укажите немного больший. Вес нужно указать в прошении Валютной комиссии, от которой нам нужно по-

лучить разрешение для ввоза картин. Надеемся, что это разрешение получим уже до прибытия картин. Для навигации наша гавань открыта обыкновенно целую зиму, даже при замерзании моря пароходы входят с помощью ледоколов. Остановка единственно может быть при особо суровом морозе, и то лишь на пару недель. Но в этом году, до сего дня, мы зимы ещё не дождались.

Н.К. Рерих. Брамапутра. 1932.

Репродукцию с картины *Брамапутра* мы сделали в 600 экз. на карточке и 2200 на тонкой бумаге. Мы желаем последнюю поместить и в сборнике, посвящённом памяти Ф.Д., так как она была самой любимой его картиной, и мы повесили её над постелью тяжелобольного. Репродукция на тонкой бумаге, кажется, вышла как будто удачнее. По ошибке 100 экз. было отпечатано с издательством *Agni-Joga*, всё прочее – с *Uguns*. Конечно, первые открытки распространяем среди членов, 20 экз. посланы Вам, вышлем Вам и другие.

Я получил также 3 экз. третьего тома *Урусвати*. Жду известий, кому послать. 1 экз., согласно указанию Владимира Анатольевича, пошлём в то же учреждение, куда будут посланы и семена. Желаю Вам всего самого сердечного и радостного. С искренней благодарностью,

Ваш Р. Рудзитис

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

3 января 1937 г. Калифорния
Письмо Александра Кауна к Рериху Н.К.

3-го января 1937

Дорогой Николай Константинович:

Возвращаюсь в Калифорнию после месячного отсутствия. В Нью-Йорке прожил несколько недель, в Вашем доме. Как и в прошлом году, пребывание по Вашим кровом было для меня и приятно, и радостно. Часто виделся с Вашими сотрудниками и водил моих посетителей по музею. В одинокие часы я сам ходил по галереям и вдохновлялся Вашим Светом.

Годы проходят, а я всё ещё не нашёл в себе силы и готовность вступить на Ваш путь определённо и твёрдо. Повседневные заботы отнимают и время, и энергию.

Очень рад, что Вы продолжаете свою ценную деятельность. Среди моих слушателей Ваше имя вызывает всё растущий восторг.

Желаю Вам бодрости и счастья.

Александр Каун

Архив Музея Рерихов, Москва (автограф)

6 января 1937

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

6 января 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Письмо Твоё от 11-го декабря, сейчас к нам доплывшее, и обрадовало нас, и огорчило. Огорчило оно тем, что Твоё чуткое сердце так болезненно воспринимает современность со всеми её эксцессами. Действительно, можно ли не болеть душою, когда видишь и вандализм, и невежество, и какой-то океан злобы и клеветы. Не думай, что в наше отшельничество не долетают воздушные вести об ужасах происходящего. Так трудно бывает, что и сказать невозможно. Тебе может казаться, что у нас-то всё легко, а мы на расстоянии видим, что у Тебя всё ладно и прекрасно. Ничего не подделаешь — и в подушку приходится говорить, и выдерживать поток самой невежественной клеветы. Потрясающе всё, что Ты пишешь о трагедии Браза. Мы уже читали и прекрасный сердечный фельетон Твой о нём, а теперь Ты дополнил его Твоими свидетельствами о его последних минутах. Опечалились мы и Твоими сведениями о кончине Гиршмана. Если выдаешь вдову его, передай ей наше самое сердечное соболезнование. Ты правильно пишешь в Твоём фельетоне, что многие уходят, и это обстоятельство ещё более обязывает остающихся держаться в единении, в традициях культуры и преданности всему прекрасному. По корреспонденции нашей из разных стран видно, какво катастрофично положение во всём мире. Страшно подумать, что человечество, обуянное яростью разрушения, выливает воду из ванны вместе с ребёнком. Ещё недавно Рабиндранат Тагор записал мне о том, что хотя голоса наши об охране культурных сокровищ и теряются в бранном шуме, но мы должны неустанно твердить о сохранении всего прекрасного, ибо иначе лишь молчанием своим будем ускорять конец цивилизации.

Когда мы говорим об охране культурных ценностей, конечно, мы не надеемся на то, что враждебные ядра перестанут летать по миру, но мы хотим неустанно напоминать человечеству, от ранних школьных лет, о ценностях, которые каждый человек во имя своего достоинства должен оберегать. Должен сказать, что в этом движении мы находим много друзей в разных странах. Трогательно видеть, как люди малоимущие на последние гроши издают широко расходящиеся брошюры и тем пробуждают сознание народа. Уже двадцать одно правительство признало Пакт, а во многих других странах правительства хотя и не подписали формально, но представители их уже дружелюбно обсуждают возможности. Посылаю Тебе брошюры о Пакте, а также мою последнюю книгу «Нерушимое», в которой опять твержу о том, что нам всем нерушимо дорого. Конечно, Ты правильно пишешь, что многое приходится говорить в подушку, но не нам судить о путях, на которых воспринимается слово о Культуре и Красоте. Можно лишь сказать, что поистине неисповедимы пути эти. Никогда не знаешь, кто и где загорается идеей спасения истинных ценностей. Но скажу лишь одно, что даже в этой же почте получилось несколько трогательных писем всё о том же. Так, Например, группа молодёжи с Дальнего Востока отправляется в кругосветное путешествие со Знаменем Мира, не убоившись всех трудностей такого пути. В Литве и Латвии предложены конгрессы всё о том же. В Польше распространяют во многих тысячах Польскую брошюру - значит, в совершенно неожиданных местах вспыхивают очаги, охраняющие священный огонь. И Ты не можешь предугадать, где Твои

замечательные художественные письма пробуждают молодое сознание. А вот нам постоянно приходится слышать искреннее почитание Твоего слова. И мы рады всячески подчеркнуть, что такое авторитетное суждение, как Твоё, сейчас является исключительным маяком просвещения. Хочется, чтобы ещё теснее и дружелюбнее держались кружки, стремящиеся к тому же благому пути. Древние заветы о единении всё же живут и, главным образом, живут в молодых сердцах. Много в чём обвиняют современную молодёжь. Но поверх всякого такого брюзжания справедливо раздаются указания и о жертвенном служении, которому предана молодёжь. Имеем множество примеров, когда именно молодые подвижнически противостоят злобе и разрушению. Но уж больно много клеветы в мире. Приходится встречаться с таким Невежеством и с таким человеконенавистничеством, что прямо диву даёшься, каким образом, несмотря на грамотность и кажущуюся цивилизацию, люди могут безответственно бормотать всякую ложь. Не пришлось бы создавать особые общества, борющиеся с общественной ложью. Иногда даже считается дурным вкусом говорить о добротворчестве, единении и содружестве. Но видим, что нужно говорить обо всём этом, так нужно, как никогда. Перед Праздником я послал Тебе мой лист дневника, Тебе посвящённый. Если бы только люди ещё более себе уяснили, что такие неповторённые явления, как Твоя деятельность и Твоё творчество, должны быть почтены всем сердцем. Если нельзя разрушать памятники культуры, то нельзя вредить прямо или косвенно и живым явлениям Культуры. Нельзя убивать соловья, чтобы когда-то потом восхищаться былым пением. Поистине, лишь «в единении - сила». Шлём всей семье Твоей и Тебе наш общий сердечный привет. Сейчас все горы и долины засыпаны сияющим снегом. Уже вчера прекратился телеграф. В этой временной полной отрезанности помним о мысленных посланках, о передаче мыслей, так прекрасно разработанной проф. Рейном. Каждая Твоя весть приносит нам большую радость. Прими её и от нас.

Сердцем и духом с Тобою,

Н. Рерих

Сейчас прочёл отличный Твой фельетон о Рубенсе .

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

15 января 1937 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

15 января 1937 г.

Дорогой мой П. Ф.,

Ответ мой на Ваше милое письмо я несколько задержал, ибо ожидал предлагаемую сейчас книгу Рудзитиса «Культура». Из Риги книга идёт в Индию, а потом опять на Балтийское побережье – так путешествуют по миру мысли человеческие. Вы спрашиваете, как понимать Абсолют. Именно так, как само слово подсказывает – Всё во всём и Всё от Него. Никаких ограничений или подразделений ставить не следует. Главное человеческое несчастье – в надстройках условных комнатшек, чем шире – тем лучше. Также Вы спрашиваете, почему в Знаках на книгах одна буква отличается. Внутреннего значения это не имеет, ибо это та же самая буква, но лишь в разном правописании. Также Вы спрашиваете, что означает слово на изданиях нашего Рижского Ко-

оператива. Это – санскритское слово «Агни», что значит «Огонь», или по-латышски «Угунс». Если воспроизведения с моих картин доставили Вам радость, я буду посылать Вам их по мере выхода в свет. Сейчас в Риге издана моя картина «Брамапутра», но отпечатков здесь мы ещё не имеем. Если бы Вы хотели снестись с А.И. Клизовским по следующему адресу: Riga, Kuldigas iela № 47, dz.l., то наверное Вы могли бы обсудить вопросы из его двух томов. Главное, не смущайтесь и не делайте никаких разделительных выводов. Например, почему пол должен являться таким непреходимым условием в воплощении. Ведь достаточно известно о бывшем и даже по сие время сохранившемся совмещении полов. Ведь андрогинность и посейчас встречается. Вы совершенно правы, что, прежде всего, нужно искать Высший Свет, но находить его можно прежде всего через своё сердце. Утончая своё сознание, люди достигают и расширения его. Сейчас особенно необходимо дружелюбие в общечеловеческом понимании. Человечность во всём мире сейчас страдает. Клевета и ложь безумствуют по миру. Недаром прошедший год назван был назван годом Армагеддона. А наступивший год должен будет пожинать многое накануне посеянное. Сейчас вышла в Риге и книга «Аум». В ней даются указания по усвоению значения психической энергии. Это не есть низкий и вредный психизм. Всеначальная психическая энергия имеется в каждом человеческом организме и должна быть обережена всеми лучшими помыслами и душевными устремлениями. Всё это не отвлеченность, но профилактика каждого дня, когда с утра до вечера человек сеет или добро или зло. Для очень многих все эти реальнейшие соображения всё-таки остаются отвлечённостью. Потому так нужна борьба с невежеством. Шлю Вам мои добрые пожелания и при случае пошлю Вам всё могущее Вас интересовать. Искренно,

Подпись

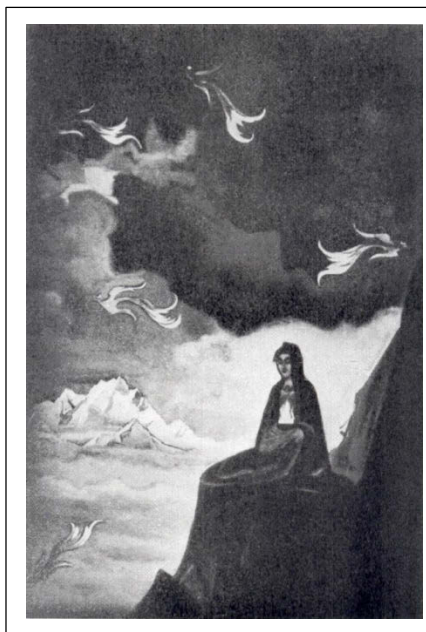
Из архива П.Ф. Беликова.

16 января 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Муромцевым

Naggar, Kulu, Punjab, India
16-ЯНВ-37

Родные наши Саночка и Илья Эммануилович,
Письмо Ваше нас сердечно порадовало. Так часто вспоминали мы Вас, знали из Вашего предыдущего письма о предполагаемом отъезде из Питсбурга, а новый Ваш адрес был нам неизвестен. Слава Богу, что Вы все здоровы и работа продолжается. Также хорошо, что дух Ваш устремляется по верхним линиям – без этих путевых вех дорога отемняется. Прошедший год был поистине годом Армагеддона. Столько мировых событий потрясли бедную землю. А теперь будут всходы всех посеянных семян. Казалось бы, в такие необыкновенные времена люди – все культурные работники должны бы держаться особенно объединённо, а на деле выходит, что точно бы большинство людей устремлялось к планетарной гибели. Впрочем, не большинство всегда творило мировые всходы. А на меньшинство не будем жаловаться. Видим многие трогательнейшие культурные знаки. Не будем поминать Вам о преступных проделках трёх апостатов, дошедших в бешенстве своём до присвоения и похищения, и до непомернейшей лжи и клеветы. На месте Вы об этом слышали. Но и в Америке приятно отметить работу и расширение отдельных групп. Вот и

Филадельфийский Центр устраивает шествие под Знаменем Мира, и в Соединённых Штатах Америки группа, и из Канады получают прекрасные групповые весточки. В Париже примкнули новые деятели и новые группы. В Брюгге растёт Музей и предполагается Международный Съезд. Наше Латвийское общество за один год издало четырнадцать книг и наметило на ближайшее будущее целый ряд издательских выступлений, какой сильный темп работы. Не отстаёт и Литовское Общество, теперь работающее над идеей созыва Конгресса всех наших Балтийских обществ будущим летом. Ведь в одной Литве – в Каунасе, Скуодас, Клайпеда и Шяуляй работают отдельные культурные группы. В Польше неожиданно обнаружился целый ряд сотрудников, издавших во многих тысячах брошюру о Пакте. В Праге укрепились сношения – такая же работа имеется и в Югославии. На Дальнем Востоке работает пять Содружеств, образовались группы в Австралии и Новой Зеландии. Таким образом, именно в истекшем году произошли ценные накопления. Наверное вы слышали о Восточной выставке, а теперь Группа моих и Светика картин находится в Правительственной Выставке в Лекиоу. Индия за прошедший год нас весьма порадовала. Наш Аллахабадский Центр за истекший год устроил ряд выставок и под эгидой его выходят интересные издания.

Н.К. Рерих. Огненные мысли. 1933-36.
(ч/б воспроизведение)

В Траванкорском Музее - картина «Огненные мысли», а около Мадраса трогательно основалось студенческое общество, открывшее дом моего имени, и для пятнадцати журналов неустанно приходится по просьбе их посылать статьи. Как Вы вероятно слышали в Риге за истекший год вышли книги Учения II и III часть «Мира Огненного», «Община» и «Аум». Последние две Вам посылает. Наверное Вы уже имеете от З[инаиды] Г[ригорьевны] мои книги «Врата» и «Нерушимое», а также книги нашего латвийского Председателя Рудзитиса «Осознание Красоты Спасёт» и «Культура». Вообще очень многое движется. Почта приносит совсем неожиданные вести. Например, группа молодых энтузиастов из Шанхая готовится совершить кругосветное путешествие под нашим Знаменем Мира. Елена Ивановна занята буквально целыми днями

от раннего утра до вечера – пишет, переводит, ибо сейчас готовятся некоторые большие издания. Одно жаль, что здоровье её очень напряжено. Часто она страдает сильнейшими болями, сердечными и в прочих центрах. События, землетрясения и всякие космические волны, всё это отзывается. Слава Богу, что я могу быть здесь.

Светик написал много отличных картин. Юрий усиленно пишет историю Средней Азии, которая вырастает свыше тысячи печатных страниц. Итак, всё работает, движется и устремлено в будущее. Как хотелось бы повидать всех Вас и душевно побеседовать. Пусть всё это своеобразно, но ценно то, что началось движение и устремление. Если вы читали книгу Формана «О Пророчествах», то, наверное, видели там то, что я ему сказал в 1934 году.

Имеете ли Вы новые вести от Лиди и прочих близких. Всё растёт, всюду образуются свои устремления, и приятно слышать, насколько эти устремления серьёзны. Духовное устремление и научное познание должны идти рука об руку. Довольно было всяких разрушений и поношений. Пусть молодое поколение поймёт, в чём заключается истинное строительство и будущая слава Родины.

Родные наши, будьте бодры. Пишите нам – радостны Ваши весточки. Все мы крепко Вас обнимаем и сердечно желаем всё светлое.

Сердцем и духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

16 января 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
16-ЯНВ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

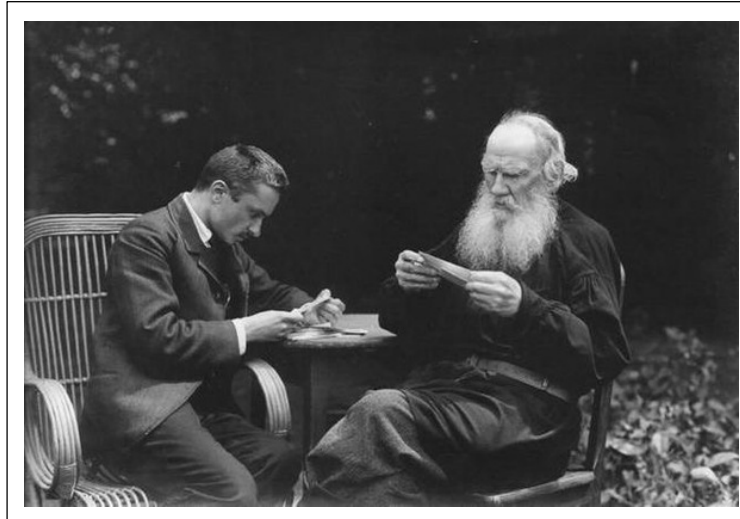
Глубоко порадовало нас Ваше письмо с вложением такого прочувствованного слова Вашего. Именно такими огненными призывами Вы пробуждаете сердце человеческое и ведёте содружников к истинной радости. У каждого имеются свои трудности и своё горе – тем более нужна радость духа и сознание, что имеется прекрасный круг друзей, в среде которого можно найти и напрячь новые силы. Борьба за просвещение, за культуру не есть какое-то спорадическое явление. Эта священная борьба есть рост эволюции, и не может восходящий человек выйти из этого потока жизни. Итак, вперёд, пусть обновляются силы в постоянном взаимном общении и духовной поддержке. Все нападения тьмы являются лишь своеобразными её похвалами подвигу. Ничтожно было бы движение, если бы оно не вызывало ярости тьмы. Елена Ивановна сердечно благодарит за присланную страницу из *Т. Д.* Бумага, шрифт и размер хороши, может быть, при печатании начисто, как всегда бывает, оттиск будет несколько ярче. Сколько труда Вам придётся потратить на корректуру, ибо и на этой странице уже видно, насколько первый корректурный набор требует выправления. Спасибо и за новый портрет Ваш. Ещё недавно Гаральд писал нам такие душевные слова о Вас, и мы радовались, видя, какое истинное сердечное содружество у Вас существует. Спасибо и за *Браманутру*. Вы совершенно правы, что оттиски на тонкой бумаге лучше. То же самое нам приходится испытывать и здесь, где тоже на тонкой бумаге почему-то краска ложится лучше, нежели на толстой. Конечно, Вы можете вставить *Браманутру* в книгу о нашем незабвенном Феликсе Денисовиче. Трогательно слышать от

Вас, что именно эта картина была ему так близка. Из письма Валковского видим, сколько полезнейших переводов и начинаний находятся в процессе работы. Спасибо Волковскому за все эти сведения. Поистине можно проводить большую культурную линию, вспоминая об Акбаре и Бирбале в статье *Действие в Путих Благословения*. Прекрасно, что у Вас крепнет мысль о Конгрессе будущего лета. Конечно, место и все прочие ближайшие условия Вы выработаете совместно с Литовским обществом. Мы так сердечно расположены к председательнице Монтвид и потому особенно порадовались, видя и в Вас такое же чувство к ней. Наверное, Конгресс будет иметь пять секций: 1) Учение Жизни – философская; 2) Пакт и Знамя Мира; 3) научная; 4) художественная и 5) женского единения. Какое широкое поле представится для дружественного обмена мысли. Сколько прекрасных докладов может быть запечатлено. Ведь в одной Литве уже четыре группы – в Каунасе, Скуодасе, Клайпеде и Шяуляе; и у Вас, кроме Риги, имеется группа в Двинске, да, наверное, и в других городах. Кроме того, имеются корреспонденты и в Эстонии. Имейте в виду, что Кайгородов, хотя и принадлежит к антропософам, но откликнулся очень дружеским письмом. Две небольших картины (насколько позволяла по размерам почтовая посылка) уже в пути к Вам. Вес картин с рамами – три английских фунта 8 унций. Следующие картины пошлём, когда установится навигация, ибо именно февраль может быть особенно лютым, ведь он недаром в старину назывался лютец. К тому времени получим от Вас и размеры свободного места на стенах. Очень хорошо, что не требуется непременно закончить второй том к маю. Из писем Фёдора Антоновича мы понимаем, что закон не может препятствовать окончанию книги, если первая часть, а также и начальные главы второго тома уже отпечатаны. Вы понимаете, что Елена Ивановна работает одна над корректурой второго тома, и это является необыкновенно трудной работой, ибо при сложности текста приходится решать и правописание имён собственных, а это иногда представляет необыкновенные трудности. Со своей стороны я всячески уговариваю Е.И. не так спешить, не чрезмерно утомлять глаза, ибо если печатание второго тома продолжится и летом, то во многих отношениях это будет правильно. Очень хорошо, что Ф.А. узнал из компетентного источника, что закон не будет иметь влияния на окончание книги. Видим из письма Валковского, что предполагаются несколько книг по-латышски – это очень хорошо, ибо даст новый круг читателей. Беспokoюсь, как именно распространяет издания Угунса «Вальтере и Раппа». Мы их не видим в последних каталогах Парижа, и, таким образом, многие люди не будут в состоянии своевременно узнавать о них. Как бы это обстоятельство не нанесло ущерба издательству. Почему-то упоминается в каталоге *Дома книги* и в *Последних новостях* лишь один *Священный Дозор* – жаль, что другие книги не поминаются. Наш сердечный привет Вам, Вашей супруге и всем дорогим друзьям.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

Л.Н.Толстой и В.Ф.Булгаков (последний секретарь Л.Н.Толстого), Кочеты, Тульская губерния, 1910 год. (Фотограф: Т.А.Тансель.)

19 января 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф.

19 января 1937

Дорогой Валентин Федорович,

Письмо Ваше от 28 декабря меня глубоко порадовало. Именно сердечностью и взаимным пониманием мы можем противостоять мировому смятению. По Вашей первой весточке с изображением Вас и Толстого я уже понял — мы идём по одному пути. Посылаю Вам мою книгу «Нерушимое» и знаю, что записной лист «По лицу Земли» и некоторые другие будут близки Вашему сердцу.

Много чего было по неведению разрушено. Застрелили Пушкина и Лермонтова, отлучили от церкви Толстого, препятствовали Ломоносову и Менделееву войти в Академию Наук. Можно написать ужасающий синодик и давних, и недавних всяких поношений и разрушений. Через сто лет люди оплакивают смерть Пушкина, но ведь современники его вовсе не чрезмерно старались о нём. Мы говорим об охране культурных памятников - это неотложно. Но так же неотложно беречь и деятелей культуры. Ведь они являются живыми памятниками эпохи. Пора отставить всякую зависть, клевету, умаление и взглянуть на дела глазом справедливости. Больно бывает наблюдать, как деятели и работники одной пашни пытаются толкнуть друг друга. Неужели все мировые события, неужели вся история человечества ничему не научила?

Русский культурно-исторический музей - это звучит так своевременно. Музеон - дом, где дружески собираются все искусства и науки, является сейчас показателем нужд нашего времени. Кто-то говорил, что школ, университетов и музеев уже достаточно. Ведь так мог говорить лишь полный невежда. Наоборот, именно теперь ощущается неслыханная потребность в познании.

В письме к правлению Музея я спрашиваю, каким настенным пространством Вы располагаете. Думаю, что мне удастся увеличить мои присылки. Если даже не отсюда, то из некоторых других стран я мог бы направить Музею ещё несколько моих картин, а также и картины моего сына. Потому хо-

телось бы знать настенное пространство, а также каталог или список уже имеющихся в Музее вещей.

Кроме книги «Нерушимое» (для Вас лично), посылаю для библиотеки Музея рижский сборник «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» и брошюру о Пакте Охранения Культурных Ценностей. Удивляюсь, что в Праге до сих пор не существует комитета нашего Пакта. Во Франции, в Бельгии, в Латвии, в Литве, уже не говоря об Америках, они имеются. Прежде чем добиться правительственных утверждений, необходимо поднять и сплотить общественное мнение. Каждый из таких комитетов и имеет перед собою, прежде всего, эту задачу. Между прочим, посланник Чехословакии в Париже Осусский - друг нашего Пакта. Также Вам небезынтересно будет слышать, что наше Общество в Литве представило правительству петицию за подписями культурных деятелей о принятии Пакта. В частном разговоре было сказано, что «если очень будете настаивать, то, может быть, Пакт и будет принят». В этой формуле как бы указывается о желательности настояния. Конечно, во всех вопросах культурного значения особый вес имеет общественное мнение. Для этого не нужно широковегательных организаций, но каждый доброжелательный комитет может внести в культурное строительство свою прекрасную лепту. Что-то в этом отношении хотел сделать профессор Вергун, но я от него уже давно ничего не слыхал. Конечно, не следует огорчаться какими-либо кажущимися неудачами. Не забудем, что введение Красного Креста потребовало семнадцать лет.

Ваше поминание о «Князе Игоре» напомнило мне мои постановки этой оперы в Париже и в Лондоне. *В «Нерушимом» прочтёте и мой лист «Злата Прага», уже более тридцати лет питаю к ней симпатию.* Если бы Вы заметили, что в чём-то ещё можно помочь трудом, творчеством - скажите мне. Содружество, сотрудничество, кооперация всегда были моими основами, и потому каждое движение в этом направлении драгоценно.

В февральском номере индусского журнала «Двадцатый Век» идёт моя статья «Толстой и Тагор». Знаю, что это сопоставление Вами будет оценено. Итак, ещё раз спасибо на добром слове. Примите и от меня душевный привет, помня о едином пути.

Сердечно Вам преданный

Н. Рерих

РГАЛИ. Москва. Фонд Булгакова, 2226, опись 1.

Н.К. Рерих

ТОЛСТОЙ И ТАГОР

«Непременно вы должны побывать у Толстого», - гремел маститый В.В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной Библиотеке, когда я пришёл к Стасову после окончания Академии Художеств в 1897 году: «Что мне все ваши академические дипломы и отличия! Вот пусть сам великий писатель земли русской произведёт вас в художники. Вот это будет признание. Да и "Гонца" вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймёт, с какою такою вестью спешит ваш "Гонец". Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-

Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Ещё и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непременно, непременно едем».

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улёгся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идёт длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая этика «Китеж-Града» по сердцу.

«Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от неё», - грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о Толстовских «Что есть Искусство» и о «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен представлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги. Шептались неправдоподобные анекдоты о Толстом. При этом совершенно упускалось из виду, что он может рассказать прекрасную притчу о трёх старцах.

Жалею, что не имею под рукой текста этого сказания. Но каждый желающий помыслить о великом Толстом должен знать хотя бы краткое его содержание. На острове жили три старца. И так они были просты, что единственная молитва, которою молились они, была: «Трое нас — Трое Вас. Помилуй нас». Большие чудеса совершались в таком простом молении. Прослышал местный архиерей о таких простецах-старцах и недопустимой молитве и решил сам поехать к ним, вразумить их молитвам достойным. Приехал архиерей на остров, сказал старцам, что их молитва недопустима, и научил их многим приличествующим молениям. Отплыл архиерей на корабле. Только видит, что движется по морю свет великий, и рассмотрел он, что три старца, взявшись за руки, бегут по воде, поспевают за кораблем. Добежали. Просят архиерея: «Не упомянули мы молитвы, тобою данные, вот и поспешили опять допросить».

Увидав такое чудо, архиерей сказал старцам: «Лучше оставайтесь при вашей молитве».

Мог ли невер дать такой замечательный облик старцев, достигших Света в их простейшем молении? Конечно, Толстому, этому великому искателю и познавателю, было близко всё истинное, доскональное. Все же последующие осложнения Истины, конечно, дух его не воспринимал.

Все помнят и «Плоды просвещения» Толстого, повесть, полную сарказма, о невежественных спиритических сеансах. Некоторые люди хотели увидеть в этом отрицание Толстым вообще всей метафизической области. Но великий мыслитель лишь бичевал невежество. В его эпическом «Войне и Мире», «Анне Карениной» и во многих рассказах и притчах явлены искры широчайшего понимания психологии в её высочайшем значении. В пылу спора Толстой действительно мог утверждать, что простой деревенский танец для него равен высочайшей симфонии. Но когда вы могли наблюдать, насколько писатель был глубоко потрясая именно лучшею музыкою, то вы отлично понимали, что в его парадоксах заключено нечто гораздо более тонкое и обширное, нежели слушатели его хотели из них сделать в своём разумении. Великий Учитель, уходящий перед концом жизни в Оптину пустынь, разве не дал хотя бы одним этим уходом высочайший аспект своего земного бытия?

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вёз какие-то подар-

ки. Римский-Корсаков - свои новые ноты, Гинзбург - бронзовую фигуру Толстого, Стасов - какие-то новые книги и я - фотографию с «Гонца».

Тот, кто знавал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделённые от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта, - тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Всё было такое простое и вместе с тем утончённое. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовкой». Характерный жест рук, засунутых за пояс, — так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не любилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. И против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговоров не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделав несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец в ладье спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше - жизнь всё равно снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт».

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить моё внимание в сторону народа.

«Умейте поболеть с ним» — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но **за** ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника».

Удивительна вся судьба Толстого - и великого писателя и великого учителя жизни. Каждое событие его жизни лишь увеличивало всенародное почитание его. Когда же произошло отлучение его от церкви, то, казалось, не было границ симпатии и сочувствия народным. Кроме уже напечатанных произведений Толстого в обществе ходили и многие неразрешенные цензурой вещи и письма. Шёпотом передавались подробности отлучения от церкви, шли слухи о свидании с императором. Наконец, говорилось о пророчествах Толстого. Впоследствии это замечательное пророчество широко обошло прессу. В

прозрениях своих маститый писатель уже предвидел и войну, и многие другие потрясающие события.

Каждая весть о новом слове Толстого воспринималась напряжённо, точно бы поверх официальных авторитетов, где-то, как мощное внутреннее течение, неслась творческая прозревающая мысль Толстого. Помимо его громоподобных речений о непотворении злу, о любви всечеловеческой, об истинном просвещении, остались и такие глубокие строки, как описание смерти дерева. В Индии особенно были бы понятны эти простые трогательные слова, в которых заключалась глубокая мысль о вездесущей жизни. Излюбленная героиня Толстого Наташа говорит: «Да, я думала сначала, что вот мы едем и думаем, что мы едем домой, и мы, Бог знает, куда едем в этой темноте и вдруг приедем и увидим, что мы не в Отрадном, а в волшебном царстве. А потом ещё я думала...»

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шёл за сохой, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса, и когда он, подобно Бёме, тачал сапоги и вообще искал прикоснуться ко всем фазам труда. Без устали разбрасывал этот сеятель жизненные зерна, и они крепко легли в сознание русского народа. Бесчисленны дома имени Толстого, толстовские музеи, библиотеки и читальни имени его. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги. Удивительнейший конец великого путника. Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню, как Елена Ивановна первая принесла эту весть, повторяя: «Не верится, не верится. Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы отграничилась жизнь».

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а перед окном от самой земли и до самого неба - через все пурпуровые и снеговые Гималаи - засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба! Так же именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз довелось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и «Гитанджали» Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре в России знали лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветственно имя Тагора во всём мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, ещё не было случая прикоснуться.

«Гитанджали» явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветлый отклик о душе народной внёс Тагор. Какой такой он сам? Где и как живёт этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости Востока нашла своё претворение и трогательное созвучие в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной сим-

фонии, так же победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно, как сказал сам Тагор в своём «Что есть искусство»:

«В искусстве наша внутренняя сущность шлёт свой ответ наивысшему, который себя являет нам в мире беспредельной красоты поверх бессветного мира фактов».

Все поверили, верят и знают, что Тагор принадлежал не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведёт ли судьба и здесь, в этом мире, ещё увидеть того, кто так мощно позвал к красоте-победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь ткёт прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь — лучшая сказка.

Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэт-террас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия — панно «Сны Востока». Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помним, как прекрасно вошёл он и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление и сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора.

На завтраке мирового содружества религий в 1934 году в Нью-Йорке Кедарнат Дас Гупта так вспомнил эту нашу первую встречу с Тагором: «Это случилось 14 лет тому назад в Лондоне. В это время я находился в доме Рабиндраната Тагора, и он сказал мне: "Сегодня я доставлю вам большое удовольствие". Я последовал за ним, и мы поехали в Саут Кенсингтон в дом, наполненный прекрасными картинами. И там мы встретили Николая Рериха и м-м Рерих. Когда м-м Рерих показывала нам картины, я думал о нашем прекрасном идеале Востока: Пракрита и Пуруша, человек, явленный через женщину. Это посещение навсегда осталось в моей памяти».

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах красоты и человеческих взаимопониманий. В суэте левифана города слова Тагора иногда звучали так же парадоксально, как и волшебная страна Толстого, жившая в сердце великого мыслителя. Тем больше был подвиг Тагора, неустанно обходившего мир с повелительным зовом о красоте. Сказал поэт о Китае: «Цивилизация ждёт великого завершения выражения своей души в красоте». Можно цитировать неустанно из книг Тагора его моления и призывы о лучшей жизни, такие легковыполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеки от жизни эти зовы? Разве они лишь мечты поэта? Ничуть не бывало. Вся эта правда во всей своей непреложности дана и выполнима в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять, что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда.

Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и питывать всё окружающее просвещением? Ведь это всё вовсе не утопия, но сама реальность. Если бы хотя в отдельных притушенных искрах не проникал

в потёмки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы немыслима. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание и приказы о вечных основах жизни. Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразие, что удушено будет каждое живое дыхание.

Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание.

Тагор знает не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда, смело он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить, сколько шипения невежества где-то раздаётся о его призывах о мире.

Последнее его письмо, полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: «Мой дорогой друг! Проблема мира сегодня является наиболее серьёзною заботою человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе с всевозрастающей яростью. Безобразное проявление обнажённого милитаризма повсюду предвещает злое будущее, и я почти теряю веру в самую цивилизацию. И всё же мы не можем сложить наши устремления — это только ускорило бы конец».

Сердце великого поэта насыщено скорбью о происходящем смятении. Также он знает, что каждый культурный деятель должен мужественно оставаться на своём посту и самоотверженно защищать сокровища мира. И в этом самоотвержении тоже явлен знак толстовского служения человечеству. Как Толстой не был политиком, так же точно и Тагор всегда остаётся учителем жизни.

Можно ли назвать кого-либо, кто с такой убедительностью сочетает модернизм с заветами древнейшей мудрости? Именно такое сочетание для большинства людей кажется непримиримым. Даже признанные философы говорят своё пресекающее «или — или». Точно бы жизнь не имела единый источник и законы мироздания были незыблемы. Мне самому приходилось слышать, как очень образованные люди говорили, что несвоевременно цитировать Конфуция или Веды. Они заподозривали какое-то ретроградство или нежизненность в изучении древних заветов. Только теперь наука начинает в лице нескольких рассеянных по лицу земли тружеников признавать всю ценность познаний, дошедших до нас из глубины несчетных веков. В Тагоре такие познания врожденны, а его глубокое знание современной литературы и науки дает ему ту уравновешенность, тот золотой путь, который в представлении многих казался бы неосуществимой мечтой. А он здесь перед нами, лишь бы внимательно и доброжелательно рассмотреть его.

К семидесятилетию Тагора мы писали: «Виджая Тагор!» - победа Тагора! Трудна такая победа, но тем драгоценнее наблюдать светлого победителя, просиявшего служением человечеству.

Для внешнего наблюдателя различны Тагор и Толстой. Кто-то досужий до изыскания противоречий, наверное, закопошится в желании ещё что-либо разъединить. Но если мы пытливы и доброжелательно посмотрим в существо, то каждый из нас пожалеет, почему у него нет портретов Толстого и Тагора, снятых вместе, — в углублённой беседе, в середине мудрости и в желании

добра человечеству. В рижской газете «Сегодня» был портрет Тагора к семидесятилетнему юбилею. Прекрасный поэт Латвии Рудзитис сердечно и утонченно характеризовал великого Тагора, а сейчас из Праги проф. В.Ф.Булгаков прислал мне отлично исполненную открытку с изображением Толстого и его самого в 1910 году в Ясной Поляне. И опять два прекрасных облика Толстого и Тагора встали передо мною во всей глубине мудрости своей и во всем благожелании человечеству. Вместе, на одном изображении, хотел бы я видеть эти два великих облика. Низкий поклон Толстому и Тагору!

[1937 г.]
«Урусвати», Гималаи

Впервые опубликовано в газете «Рассвет», 14—15 сентября 1937 г.

(Эта статья с большими сокращениями была опубликована в журнале «Октябрь» в 1958 году, № 10.)

26 января 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Павлу Северному

NAGGAR, Kulu, Panjab, Br. India
26 января 1937 года
Павлу Северному¹.

Дорогой мой,

Сердечно благодарю Вас за книги Ваши, посвящённые Пушкину и Тургеневу. Прочёл их с большой радостью, ибо такие характеристики наших великих людей, по моему мнению, совершенно необходимы. Помимо отличного слога, Вы умеете так бережно выявить все прекрасные стороны великих характеров, что для молодого поколения Ваши книги будут ведущими вехами. Каждый писатель и художник в своих произведениях являет и свою характеристику. Один увидит мрак, а другой увидит свет. Говоря о других, писатель невольно говорит о том, что ему самому близко, и даёт в образах, им изблённых, и свою характеристику. Вы так бережно и любовно очертили Пушкина и Тургенева. Вы сделали это убедительно, а ведь таинственное качество убедительности так нелегко даётся. Нужно иметь истинное дарование, чтобы без всяких осуждений оставить в читателе облик светлый — ведь оба описанные Вами героя русской жизни навсегда и останутся светочами. Вы правильно подчеркнули все терния, лежавшие на пути их великого шествия. Читатели должны знать об этих терниях, чтобы на будущее русские люди, да и вообще все люди, научились оберегать живые памятники культуры. Празднуется сейчас юбилей Пушкина. Празднуется торжественно - будем и этому радоваться, но было бы ещё радостнее, если бы современники Пушкина уберегли бы поэта и вместо наветов и злоречий охранили бы его трудный путь от покушений тьмы. Застрелили Пушкина, застрелили Лермонтова, не уберегли Грибоедова, отягчили жизнь Гоголя. Изгоняли Ломоносова и Менделеева, свели с ума Врубеля, клеветали на Куинджи. Что же это такое? Почему же общественное мнение молчало. Неужели нужно целое столетие для того, чтобы над прахом Пушкина прозвучало единогласие. Потому-то так особенно ценно то, что Вы тво-

---

¹ Павел Александрович Северный, уральский писатель, почти 35 лет провёл в эмиграции в Китае, где и познакомился со знаменитым художником. Ред.

рите, направляя общественную мысль к охранению живых памятников культуры. Люди сперва убивают соловья, а потом начинают изучать его. Всегда вспоминаю с радостью наше краткое свидание на пароходе в Шанхае. Буду рад встретиться с Вами. Вижу из посвящения Вашего, что с Вами идёт большой друг Ваш - Ваша жена. Скажите и ей мой привет. Вы хотели иметь мой портрет - посылаю его Вам, и буду рад иметь и Ваши портреты. Итак, бодро переходите трудные потоки - ведь Армагеддонные годы трудны всем - тем более нужно объединить все культурные силы, ибо служители тьмы всегда организованы. Посылаю Вам «Врата в Будущее» и «Нерушимое» и всегда буду рад Вашим весточкам.

Искренно и сердечно,

Н.Рерих.

Публикуется по изд.: Журнал «Дельфис. М. 2009. № 1 (57)

29 января 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
29-ЯНВ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Сердечное спасибо за Ваше письмо от 17 января. Благодарим также Абрамовича, потрудившегося над планом помещения Общества. Примем во внимание размеры стен для будущих посылок. Конечно, уже на месте Вам самим придётся вешать картины как удобнее, сообразуясь с освещением. Отсюда трудно представить себе, насколько могут быть освещены простенки между окнами, а также каково именно электрическое освещение. Всё это Вам виднее на месте. Пока в пути сейчас находятся три картины моих: две – небольшие, посланные почтовой посылкою, а третья, *Канченджунга*, идёт из Парижа, о чём Шклявер уже извещён, и ему оплачена дорога картины до Риги, и, как Вы просили, написали ему указать вес нетто. Затем обдумаем и следующую посылку. Конечно, картины должны быть под стеклом и где-либо на стене может висеть в рамочке список – каталог картин. Когда все картины соберутся, то можно бы устроить специальное открытие, пригласив и лиц из правительства. Вам виднее, кого полезнее. Помнится, давно уже мне приходилось встречаться с археологом Баллодом, – очень серьёзным учёным, которого мы все ценили. Не есть ли он тот самый Балодис, который сейчас заведует охраною старины в Латвии. Если это так, то, пожалуйста, передайте ему мой поклон, а кстати скажите, что я вполне уверен в его сочувствии нашему Пакту. Вы будете рады узнать, что, судя по письмам Шклявера, в Бельгии обнаружилось хорошее движение в пользу Пакта. Итак, будем неустанно твердить о благе человечества. Рад слышать, что у Вас был Тарабильда и Вы уже имели предварительное обсуждение о будущем Конгрессе. Когда приблизительно наметится его время, я пришлю Вам и приветствие, а также указание, какие мои статьи в виде докладов могут быть прочтены. Конгресс важен во всех отношениях. Спасибо за сведения о Швеции – посылаем первый том журнала с целью, Вами указанною. Во всяком случае, запрос о первом томе благоприятно показателен. При случае назовите нам это учреждение. Радовались мы все отзыву Пильского о Вашей книге. Если бы найти возможность приблизить его и его жену поближе. Ничего, что она, как Вы писали, антропософка, в конце концов,

путь един. Лишь бы только в ней не было той злобности, которою отличилась Женева. *Вестник* (если сие назвать вестником) мы имеем. Сколько злобы и тайных подкопов со стороны женеvских заседателей – как волка ни корми, а он всё в лес смотрит. Любопытно, что газета сократила в фельетоне два идеологических места. Посылали ли им и статью об Александре Бенуа? Не имеется ли в этой газете ещё каких-либо полезных сотрудников вроде Пильского – такие знакомства пригодились бы для будущего Конгресса. Укрепляйте сношения и с латышской прессой. Всего светлого Вам и всем друзьям. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Мы пересмотрели письма Ф.Д. Лукина – в них большею частью говорится о текущих делах, а помещать отдельные выдержки было бы неудобно. Зинаида Григорьевна прислала копию своего приветa по поводу Ф.Д.Л. – очень сердечно написано.

Прилагаю записной лист *Латвия*, который пригодится Вам при разговорах о Пакте.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

«Прилагаю записной лист Латвия...».²

Н.К. Рерих

ЛАТВИЯ

Если припомнить все вехи личных общений с Латвией, то их окажется очень много. Более полувека тому назад припоминаются Майоренгоф, Кеммеры, Туккум - всё Рижское побережье, куда мы ездили летом. Одним из самых ярких впечатлений было собирание янтарей. Оно соответствовало поискам в курганах, которые сызмальства привлекли внимание. Может быть, в поисках янтаря заключалось какое-то смутное предвидение будущих курганных находок, доказывавших существование далёких общений уже в неолите. В те же далёкие дни услышались впервые сказания о народных героях Латвии, о зыбучих песках Куришгафа, о развалинах замков, хранивших увлекательные предания.

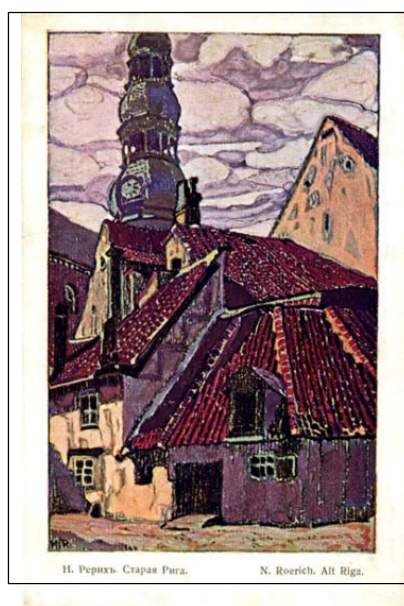
Затем в 1893—1897 годах в Академии Художеств произошла встреча с двумя замечательными латышами - превосходными художниками - Пурвитом и Яном Розенталем. Оба они, совершенно разные в характере своего творчества, являли общий тип, так присущий Латвии. Самоуглублённость, серьёзность в жизненных проявлениях, работоспособность и доброе товарищество всегда вспоминаются. Рано ушёл от нас Розенталь, а ведь он, наверное, создал бы немало сильных обликов. Но Пурвит со своим тончайшим пониманием природы оставил в искусстве Латвии и в искусстве европейском своё неповторенное место. Оба они являлись как бы живым введением в понимание Латвии. Затем мы высоко ценили и археологов - историков Латвии. С покойным Спицыным мы не раз упоминали их, обращая глубокое внимание на значение латвийской археологии.

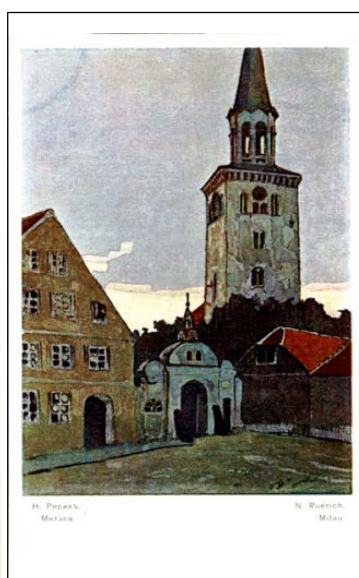
² Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису 29 января 1937 г.

В 1902 году в Бежецком Конце Новгородской Пятины мною были вскрыты курганы с очень необыкновенным содержанием. Среди каменных неолитических орудий было найдено несколько сот янтарных украшений. Многие из них были в обломках, но их удалось в значительной степени склеить и восстановить. Они были на выставке в Археологической Комиссии. Древность находки приблизительно была определена в 2000 лет до нашей эры. Археологическое Общество Кёнигсберга весьма заинтересовалось этими явными сношениями с Прибалтикой и считало найденные янтарные поделки происходящими из окрестностей именно Кёнигсберга. Но тогда же в докладе моём в Археологическом Обществе я указывал, что ни к чему обращаться за аналогиями так далеко, когда они могут найтись ближе, а именно на Рижском побережье. Вспомнились наши ранние поиски янтарей, и было ясно, что такие дары моря естественно издавна обращали на себя внимание и, вероятно, очень ценились. Во всяком случае, такое соединение неолитических орудий с хорошо обработанными янтарными изделиями считалось весьма важною находкою.

Затем в 1903 году мы с Еленой Ивановной объехали более сорока городов и исторических мест, среди которых наша поездка по Латвии навсегда осталась памятной. Кроме самой Риги, Митавы и Виндавы мы подробно осмотрели Ливонскую Швейцарию - Венден, Зегевольд - все эти удивительно живописно романтические памятники прошлого, которые теперь носят такие многозначительные имена, как Сигулда, Кримульда, Елгава. Сколько замечательных исторических и поэтических преданий! Сколько прекрасных образцов и неолита и бронзового века нам удалось собрать! Сколько раз, останавливаясь в поместьях, мы слушали интереснейшие повествования о древних делах. И сама Рига с древними зданиями ввела нас в свое славное прошлое. Было написано несколько картин и этюдов, которые сейчас разбрелись по Калифорнии и Канаде. Тоже где-то рассказывают они о Риге, о Митаве, о Зегевольде и как посланники добрые напоминают о красотах Латвии.

Н.К. Рерих. Старая Рига.

Н.К. Рерих. Митава.

(открытки)

Сергей Эрнст в своей книге жалел о том, что именно эти картины разошлись по миру так далеко. Но нужно ли жалеть об этом? Нам ли судить, где и когда нужны вестники добрые?

В 1910 году опять пришлось побывать в Риге. В то время мы также интересовались старинными картинами. Это посещение дало нам ознакомление и с этой стороной старого быта. Много чудесных образцов и в старинных картинах, и в мебели, и в вещах прочего обихода удалось наблюдать. Осталась неизданною рукопись об этом посещении Латвии.

Среди бывших учеников Школы Общества Поощрения Художеств остаются в памяти имена Правде и многих других, которые теперь уже сделались выдающимися деятелями искусства и художественного образования. Вспоминаем и почтенного Витоля, имя которого связано с именами лучших композиторов. Помним его на известных Беляевских концертах.

Прошло десять лет. Опять судьба свела нас с лучшими Латвийскими друзьями. В Лондоне мы встречаем В.А., с тех пор нашего сотрудника. Через него подошёл и незабвенный д-р Ф.Д. Лукин. За ним выявилась целая плеяда сердечнейших латвийских сотрудников. Образовалось общество, так преданное культурным задачам. Радостно было видеть, что вместо несовершенного шовинизма Латвия проявляла широкое понимание и глубокую оценку мировых явлений. Конечно, так и должно было быть. Язык страны, в котором сохранилось так много санскритских корней, уже одним этим счастливым напоминанием выводил народ к широким пониманиям. Такое блестящее наследие не может проходить бесследно. В нём нужно искать и причины богатства латвийской поэзии, песен, костюмов, преданий - фольклора. Народ, владеющий такими неотъемлемыми сокровищами, знающий такое своё прошлое, будет бодро работать и для будущего.

Прошло время, когда люди могли легкомысленно отбрасывать свою старину, когда могли вандалски разрушать незаменимые памятники. Вы скажете мне на это, что, увы, и сейчас во многих местах мира происходят непоправимые разрушения. Правда, прискорбная правда! Но зато в лучших слоях человечества нарастает и сознание о необходимости неотложно оберегать памятники культуры. При этом понимается, что обережение это не может быть заключаемо в границах одной страны, но должно быть понимаемо в мировом масштабе. Наш Пакт о мировом охранении культурных сокровищ со Знаменем Мира, которое должно быть охранителем всех народных ценностей, уже во многих странах приобрёл признание, а в других благожелательно обсуждается. Не будем огорчаться, что подобные обсуждения требуют значительного времени. Ведь и Красный Крест, при всём своём ясном общечеловеческом задании, был введён лишь после семнадцати лет упорнейших усилий.

Охранение культурных ценностей в связи с Латвией особенно чётко встало предо мною, когда сейчас мы прочли в последних газетах душевные речи на выставке Латвийской старины.

Прекрасные слова, а сама выставка в своей действительности показывает, что это были не только слова, но претворение культурной идеи в дело. Среди присутствовавших я увидел имя проф. Баллодиса, Председателя Управления по Охране Памятников Старины, и оно напомнило мне наши давние беседы о нём с А.А. Спицыным. Так завершаются круги жизни. Хорошо, если эти встречи являются в доброжелательном аспекте. Настолько сложны сейчас течения че-

ловечества, что каждая возможность встречи сердечной уже оказывается настоящим камнем созидания.

Этим сказана не завершающая страница школьного учебника, но открыта светлая работа, не знающая границ и преград.

«Не знающий прошлого не может мыслить о будущем». Но ведь это прошлое нуждается не только в просвещенном понимании, оно требует сердечного охранения. Не может быть властей народного просвещения, которые сказали бы, что не желают охранять старину своего народа. А в данном случае ещё народа, даже в корнях языка своего соединенного со светлыми началами Арийварты. Каждая выставка народных сокровищ не есть только археология, в том узком смысле, как иногда она понимается. Ведь такая выставка есть шаг народной культуры. Каждая раскопка, каждое восстановление древности не есть лишь обращение к прошлому, но всегда будет признаком расширения народного сознания.

Как радостно слышать, что Латвия так устремлена к охранению народных сокровищ, иначе говоря, к расширению народного сознания. На этих светлых общих путях особенно приятно послать привет и сердечное слово.

Вдохновенный поэт Латвии Рихард Рудзитис в своей последней книге «Сознание красоты спасёт» прекрасно говорит о красоте:

«Сознание красоты воистину спасёт человечество. Спасёт через утончение, одухотворение и преображение форм. Спасёт через расширение и озарение сознания. Спасёт через очищение сердца - источника водопадов благодати. Спасёт через неугасимый свет сотрудничества, единения и любви».

Так может мыслить народ, слагающий светлое будущее.

1937 г.

«Zelta Gramata» Puga, 1938.

30 января 1937 г.

Н.К. Рерих

ВЕЛИЧАЙШИЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПУШКИН

(К столетию его смерти)

10-го февраля 1837 года скончался величайший русский поэт Пушкин, застреленный на поединке. Произведения Пушкина знают и в русских и во всемирных школах. Печальный день насильственной кончины поэта будет почтён всюду, где есть русский человек. Не только по всей безбрежной России, но ко всему миру в этот день состоятся торжественные заседания, будут открыты Пушкинские выставки, выйдут в свет новые издания его произведений. На сценах русских и европейских театров будут поставлены бессмертные произведения, оправленные музыкой лучших русских композиторов. Траурное событие вырастает в великий день русской, скажем вернее, мировой культуры. Бессмертное Пушкинское творчество, подобное творению Шекспира, Гёте, Бальзака, оно являет собою вечно живой, неисчерпаемый источник духовного обогащения нынешних и грядущих поколений человечества. Евгений Онегин, Полтава, Медный всадник, Капианская дочка, Руслан и Людмила, Пиковая Дама и сотни других

Пушкинских произведений навсегда остаются драгоценными, немеркнущими сияниями мысли, чувства истинного благородного вдохновения. Стихи Пушкина, написанные сто с лишним лет назад волнуют сердца человеческие также глубоко и сильно, как волновали многих его современников. Только теперь слава Пушкина стала подлинно всенародной славой. Кто же отразил подлинную жизнь своей страны в таких волнующих захватывающих художественных образах? Для Пушкина поэта не было ни географических, ни исторических границ. Древняя Эллада, Рим, Италия, Испания, древний и новый Восток все славянские мысли отображались им с одинаковым проникновением. Никто в поэзии до Пушкина и после него так щедро не обогатил русскую культуру, как он, этот величайший поэт своей страны. Он был действительным создателем Русского литературного языка. Он завоевал для родной литературы почётное место в мировой художественной литературе. Произведения Пушкина – это неисчерпаемое богатство человеческой речи. Пушкин был создателем великолепного, гибкого, выразительного русского литературного языка. Он сообщил русской литературной речи дух народности, обогащал язык неисчислимым количеством слов, взятых из глубин народных сокровищниц. Он ввёл в литературу жемчужины поэзии народных сказочников. Современники говорили о Пушкине: спокойствия у него не было, мятежным он прожил и мятежным он умер. Великий русский критик Белинский писал о стихах Пушкина: “что же это за стих!” Античная пластика и строгая простота сочетались в нём с обаятельной верою романтической рифмы. Всё акустическое богатство, вся сила русского языка явилась в нём в удивительной полноте; он нежен, сладостен, мягок, как ропот волны, густ как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как веснакрепок и могуч, как удар меча в руке богатыря... Если бы мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству поэтический художественный, артистический стих, и этим бы разгадали тайну пафоса всей поэзии Пушкина.

Горький говорит о Пушкине: “Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо для европейского искусства... Перед нами встаёт великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа Евгений Онегин, - автор лучшей нашей исторической драмы Борис Годунов, поэт до сего дня никем не превзойдённый ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт – родоначальник великой русской литературы. В примере Пушкина мы имеем писателя, который, с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, чего достигал с гениальным умением. Его произведения – драгоценное свидетельство умного знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи, они суть гениальные иллюстрации и русской истории”.

Как и полагается каждому великому человеку, Пушкин много перенёс несправедливостей от своих современников. Гениальный поэт был ссылаем, и долгое время над ним тяготели всякие подозрения. Что же делать, без этих факелов дикарей не проходит ни одно великое шествие. Своим всечувствующим сердцем Пушкин всегда примыкал ко всему передовому, ко всему мяслящему. Мы его встречаем среди декабристов. Видим Пушкина среди масонов, к которым принадлежали лучшие русские умы. Поэт всюду

искал правды и слушал сказки своей няни, как говорят, заложившей в нём любовь к народному языку, и изучая русские исторические хроники, поэт оставался принадлежащим к самому новому, нося в себе семя великого русского будущего. Ещё будучи в Лицее, Пушкин поразил всех своим звучным стихом, и маститый Державин как бы благословил его на славное будущее. Редко может сочетаться в одном сердце так всеобъемлюще и Восток, и Запад. Каждый читатель востока поймёт Пушкинского “Руслан и Людмилу” или “Кавказского пленника”. Но “Евгений Онегин”, “Герой нашего времени”, “Дубровский” зазвучат в сердце жителя запада. А “Борис Годунов”, в котором с необычайной глубиной развёрнута драма правителя, достигшего власти справедливо, и сейчас привлекает мировое внимание. В Праге “Евгений Онегин”, в Берлине - “Борис Годунов”, всюду с реди разнообразных и даже противоположных слушателей глубина творчества Пушкина вызывает одинаковое почитание. Как мы видим, Пушкин шёл сразу всеми путями. За двадцать семь лет своей литературной работы он сумел стать и великим поэтом, и великим прозаиком, и великим драматургом. В его творчестве мы имеем образцы почти всех литературных стилей. С одинаковым совершенством он владеет всеми всевозможными жанрами словечного мастерства. Каждая новая вещь Пушкина не только один ещё новый шедевр, но и новая глава в истории развития всей нашей литературы. В неизмеримой художественной мощи Пушкина, в необычной многогранности его творческого облика, в небывалой стремительности развития выразилась озарённость и сила породившего его великого народа.

Вспомним его самохарактеристики – они поучительны, как взгляд поэта на задачи его в жизни. (“Эхо” и “Пророк”)

30 Янв.1937 г.

ЭХО

”Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт! ”

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

20 Янв. 1937 г.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

Автопортрет А.С. Пушкина в Ушаковском альбоме 1829 г.

ФЕВРАЛЬ

4 февраля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
4-ФЕВР-37

Родной Рихард Яковлевич,

Посылаем Вам список картин, которые сейчас готовятся к отправке в Ригу. Как видите, пойдёт моих десять картин и Святослава Николаевича две картины – всё это будет в одном ящике. Кроме того, Вы, вероятно, уже получили две небольшие картины, посланные почтовой посылкою, а из Парижа мы направили Вам в Общество картину *Гималаи*, о чём Шклявер и получил отсюда нашу инструкцию и деньги на посылку. Как увидите, некоторые из десяти приготовляемых к посылке картин будут без рам, но характер рам Вы будете иметь на других картинах в том же ящике. При этом не следует снимать чёрную обивку картины, но наложить раму поверх неё, и таким образом стекло не будет касаться картины и будет сидеть плотно. Помимо того, что большие рамы утяжелили бы посылку, сейчас здесь не имеется ни сухого дерева, ни хорошего столяра – в наших Гималаях на многое существуют особые условия. Итак, Общество будет иметь двадцать пять моих картин на выставке и две картины Святослава Николаевича. Кроме того, Вы имеете на выставке две моих вещи от В.А. Шибаева. Когда всё это соберётся воедино, можно бы устроить открытие выставки с приглашёнными, а может быть, временно тогда же выставить на короткий срок и картины мои от частных владельцев в Риге. Конечно, Вам на месте виднее, что и как полезнее сделать. Кто знает, может быть, тоже приурочится к Конгрессу, если он будет в Риге, – это тоже Вам на месте удобнее решить.

Вчера Е.И. получила книгу *Вопросы теософии* от Волковского. Больше половины занято частью *Тайной Доктрины*, и потому Е.И. полагает, что нет причин эту книгу перепечатывать, ибо это лишь создало бы сложности, ибо начало *Тайной Доктрины* было бы издано два раза.

Е.И. полагает, что если бы в Риге нашёлся подходящий переводчик с английского, то можно бы издать *Оккульт Уорлд* Синнетта. В этой книге много подробностей жизни Е.П. Блаватской и явлений Учителей, а так как книга уже упоминается в *Письмах Махатм*, то ей во всяком случае более 50 лет. Е.И. говорит это лишь на тот случай, если Ловжель, о котором пишет Волковский, имеет намерение что-либо издать на свои средства.

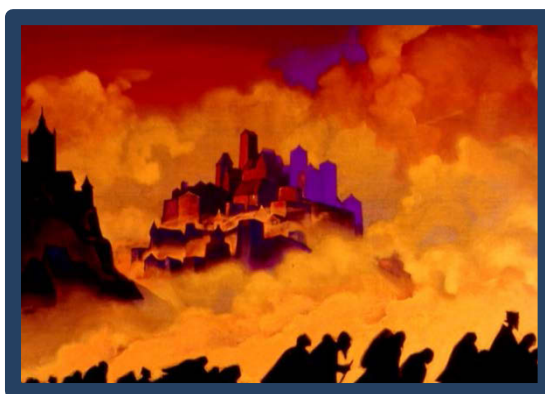
Посылаем Вам отзывы о *Нерушимом* и о Ваших книгах из журнала *Земля Колумба* (Сан-Франциско), а также статью М.Андар о *Нерушимом* из чикагской газеты *Рассвет*. Также прилагаем любопытный сон, сообщённый нам из Харбина. Имели письмо от Хейдока. Он болел это время и, видимо, очень нервничает. Вообще, по нервности его с ним следует быть очень осторожным. Говорю это вполне доверительно, для пользы дела. Впрочем, ведь Вы главным образом переписываетесь с Туркиной.

К Вашей переписке со Швецией приведём Указанное: «Советую, чтобы в Риге не переставали искать сношений со Швецией. Имеются полезные возможности. Можно не только писать, но будут и полезные приезжающие. Сама судьба приведёт встречи. Не нужно отчаиваться, если не везде одинаково отношение, Земля велика. Писать можно в Академию материальной культуры, в

Академию художеств и Академию наук по отделу народоведения». Итак, примените, как лучше, и, насколько вместится в письмо, извещайте нас.

Обычные для подписи списки картин хотя и посылаем теперь же, но можете вернуть их по получении вещей. Вчера мы послали для Общества большую фотографию моей недавней картины *Армагеддон* – 1936. Фотографию можно поставить на паспарту чёрного или тёмно-синего (индиго) цвета, под стекло в узенькой чёрной рамке. Вообще характер рам должен быть самый простой, во всяком случае, без всякого золота и орнамента.

Н.К. Рерих. Армагеддон. 1936.

Из Парижа Шклявер продолжает писать о том, что в деле Пакта происходят различные подвижки. Главное, чтобы сама идея Пакта не умолкала и продолжала бы интересовать общественное мнение. Таким образом и правительственные круги постепенно привыкнут.

В различных книжных каталогах продолжаем видеть лишь упоминание о *Священном Дозоре*, но не о всех изданиях под знаком *Угунс*. Что делает для распространения *Вальтере и Рання*? Имеют ли они свои каталоги и куда их рассылают? Иногда бывает полезно послать в книжные магазины, печатающие свои каталоги, хотя бы по одному экземпляру книг хотя бы на комиссию, чтобы тем самым получить возможность включения в каталог. Кстати, спросите Сергея Горного, не будет ли в газете, где он пишет, отзыва о *Нерушимом* и *Вратах в Будущее* и о Ваших книгах. Скажите ему, что в Америке и в Шанхае отзывы были. Вопрос отзывов и включения в каталоги особенно важен для того, чтобы книги по истечении года не остались бы без оборота. Если книги включаются в каталоги, то, значит, прямо или косвенно это способствует обороту издательского капитала. Ещё раз радуемся Вашим встречам с Тарабильдою, ибо кооперация местных обществ так полезна. Шлём Вам, Вашей супруге и всем друзьям наши самые душевные приветы.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Сейчас получили из Америки добрую весть. Гартнер перевёл Вашу книгу *Культура*, а братья Фосдики были так воодушевлены ею, что дали средства на английское издание её. Это нас очень обрадовало.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

9 февраля 1937 г. Париж
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К.

9 февраля 1937 г. Париж

Дорогой Николай Константинович,

Получил Ваше письмо и книжку, за которые очень благодарю Вас. Очень был рад получить весточку от Вас и узнать, что все благополучно у Вас, что Вы пишете прекрасные картины и книжки. Только живя так далеко от городской суеты можно так много работать и творить. Я не могу похвастаться тем же. Жизнь в большом городе, постоянные собрания и заседания, лекции и бесчисленные заботы и бедствия русских эмигрантов страшно утомляют меня и мешают работе. Я не успеваю сделать и десятой доли того, что нужно сделать. А тут еще меня втянули в огромные дела. Вот уже несколько лет, как я работаю над болезнями насекомых, и мне удалось открыть целый ряд микробов, вызывающих болезни у вредных насекомых. Теперь образовалось большое общество для эксплуатации этих методов. Это дело берет много времени и работы, т.к. нужно выработать новые способы фабричного приготовления микробов. И всякая неудача страшно мучает меня.

Посылаю Вам несколько последних статей, а также введение в мою новую книжку «La lutte contre la mort», котор[ую] уже печатают, и [она] выйдет недель через 5 — 6. Относительно Бехтерева я ничего не знаю. Сам Бехтерев умер, а его ученик, которого я знаю, д-р Осипов также умер год тому назад.

В своей книжке я говорю о Йогах и их способах лечения. Эти сведения я получил от одной женщины-врача, которая [была] в Индии.

Крепко жму Вашу руку, привет всем Вашим.

Сердечно преданный Вам,

С. Метальников

Архив Государственного музея Рерихов, Москва

10 февраля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
10-ФЕВР-37

Родной Рихард Яковлевич,

Посылаем Вам наш Привет к 24-му Марта, а второй экземпляр, будьте добры, перешлите Зильберсдорфу, чтобы во всех группах этот памятный день был помянут. Такие же приветы посланы и в литовские и в другие общества. Также посылаем Вам марки Пакта, которые могут быть употребляемы в письменных сношениях всеми членами, конечно, и за границу, например в Швецию. Если бы по местным латвийским законам требовалась надпись на марке по-латышски, то можно сделать такие же – по тому же образцу, но с латышской надписью. Конечно, для международных сношений лучше посылать с английской и латинской надписью. Интересно, сколько стоили бы такие же марки в Риге? Здесь 2000 марок, включая и клише, стоили 29 рупий, то есть приблизительно 58 латов. Также посылаем Вам последнюю статью *Оттуда*. Можете прочесть её членам, а также дать в *Сегодня*, как бы ответ на заметку, у них бывшую. Интересно, давали ли Вы им статью об Александре Бенуа – ведь эта фамилия должна бы быть близка этой газете. (Они недавно писали о его сыне и о его племяннице.) Возвращаясь к вопросу о *Вопросах теософии* – её было бы неудобно перепечатать и потому, что в ней находятся статьи ещё жи-

вущих Каменской и Писаревой, которые могли бы протестовать. Только что Вы писали о неуместной выходке Гельмбольдт по отношению к Вашей книге в ответном письме к одному из членов Латвийского общества, а сейчас мы читали в адьярском журнале о её смерти. Вообще теософы должны бы научиться стать добрее и справедливее. Из Шанхая Зенкевич сообщает весьма странное сведение о Батурине и о его подозрительном издательстве, с которым нельзя иметь дело. Кажется, и Вам Зенкевич писал об этом. Также Зенкевич пишет, что из Европы ему написали о том, что вторая часть *Листов Сада Морию* и *Чаши Востока* полностью распроданы. Откуда могут получаться такие сведения, ведь *Чаши Востока* несколько сот экз. в Америке у З.Г. Лихтман, а *Листы Сада Морию*, ч. II, имеется и в Риге. (Надеюсь, что это не ошибочные издания, о которых в своё время В.А. Шибяев при отъезде уведомлял.) Но если там издание без многих опечаток, то его можно послать Зенкевичу. Зенкевич также прислал несколько шанхайских газет с отзывами о Ваших книгах. Также Зенкевич прислал нам шанхайскую перепечатку старинной хорошей книги Эккартгаузена. Жаль, что Зенкевич намеревается скоро уехать в Циндао. Без него Шанхай останется осиротевшим. А между тем каждое его сообщение весьма содержательно. Фотографии Шанхайской группы, присланные нам Зенкевичем, хороши, и большинство их членов очень дельные. Буду просить Зенкевича по отъезде оставить кого-либо за себя, заслуживающего доверия. Ведь и Вам для сношения с Шанхаем такое лицо будет нужно. Всего светлого от всех нас Вам и всем друзьям. Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

20 февраля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Волковскому К.О.

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
20-ФЕВР-37

Дорогой Карл Оттонович,

Спасибо за Ваше письмо, в котором так живо отображена прекрасная деятельность Латвийского общества. Можно лишь порадоваться, что работа идёт так воодушевлённо и разнообразно. Ваши сообщения о переводах книг показывают, сколько устремлённых сотрудников работает во славу культуры. Приятно слышать, что и собрания Общества проходят под знаком воодушевления и взаимного доверия. Оба эти качества нужны до последней степени. Всюду, где они проявляются, спеют и плоды добрые. Можем себе представить, какая напряжённая работа происходит с теперешним печатанием первого тома. Мы понимаем, что если второй том будет хотя бы начат, то закон не может иметь обратного действия. Также мы были рады слышать о приезде Тарабильды и происходивших предварительных беседах о будущем конгрессе. Такое дело, как конгресс всех местных групп, конечно, с приглашением и полезных гостей и с обращением к иностранным группам, – всё это требует времени и очень деловитой подготовки. Потому очень хорошо, что беседы о будущем летнем конгрессе происходят уже зимою. Прошу Вас переслать прилагаемую карточку в Либаву. Хорошо, что Вы для коллекции уже послали литературу. С прошлой почтой мы послали Рихарду Яковлевичу марки Пакта. Посылаем Вам ещё десять, которые могут расходиться на корреспонденции. Как мы и писали

– если бы для Латвии были нужнее марки с латышской надписью, то можно их сделать по точному этому образцу. Очень хорошо вышли открытки *Брам-путры*, о которых мы уже писали. Подготовляем большой ящик картин и выждем для отправки его лучшую погоду. В наших удалённых горных местах приходится считаться со многими необычными для других мест условиями. Многие корреспонденты не отдают себе отчета, что в нашем месте предпоследняя почтовая станция и сама дорога иногда по причине дождей и обвалов бывает вообще непроходима. Читали мы хороший отзыв Пильского в *Сегодня*. Интересно, каково положение газеты *Для всех*? Ведь с журналом *Для вас* прежде были добрые отношения. Не запросите ли Вы писателя Сергея Горного (адрес его в Обществе имеется), не было ли отзывов его по месту его жительства. Мы имели письмо из Харбина о том, что Е.Н.Туркина переезжает в Тяньдзинь, – таким образом, переписка с нею из Риги будет ещё проще. Жаль, что тяжёлые условия Харбина требуют такой чрезмерной осторожности в корреспонденции, которая, как мы знаем, обычно вскрывается. Через Тяньдзинь легче дойдут сведения и до Харбина, ибо китайская корреспонденция всё-таки менее досматривается, нежели заграничная. Прискорбно говорить об этих досмотрах. Точно бы у нас были бы какие-то тайны, но по местным уродливым условиям в Харбине даже суждение о нравственности под подозрением. Всегда рады Вашим весточкам. Шлём Вам и всем друзьям лучшие приветы. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

20 февраля 1937 г. Наггар, Кулу
Н.К. Рерих

ОТТУДА

Есть особый вид людей, называющих себя скептиками и требующих «вещественных доказательств». При этом на каждое доказательство они найдут своё опровержение. Если явится свидетель, они скажут, что ему просто показалось. Если окажется множество свидетелей, то наверняка будет объявлено, что произошёл массовый психоз. Если они увидят отпечатки чего-то на документальной фильме, то, наверное, будут подозревать какие-то хитроумные подделки. При этом они упустят из виду, что человек, слишком много подозревающий других, не носит ли в себе самом эмбрионы того самого, в чём он готов обвинить и прочих.

Среди всяких показаний всё-таки наиболее поражающими для скептиков будут знаки, оказавшиеся на вещественных предметах. Если на фильме проясляется нечто, не бывшее перед аппаратом в момент съёмки, то даже присяжный сомневатель (если такое слово существует) будет всё же поколеблен в своём заскорузлом скептицизме, иначе говоря, в своём неведении. Сколько раз каждому приходилось встречать людей, которые торжественно объявили, что если им будут предъявлены доказательства, они всенародно объявят о том, в чём убедились. Но когда ожидавшиеся ими доказательства оказывались налицо, то никто из них не только всенародно ни о чём не объявлял, но преспокой-

но продолжал пребывать в прежней тоге скептического самодовольства. Не сослаться ли на примеры?

Оставим пока личные наблюдения, временно пренебрежём множеством свидетелей и вспомним лишь несколько эпизодов фотографических. Большая литература накапливается по вопросам фотографирования образов «оттуда». В книге Коутса можно найти целый ряд снимков, в подделке которых трудно сомневаться. Также точно нельзя заподозрить подделку тех случайных снимков, которые считались самими съёмщиками просто испорченными фильмами. Вспоминаю, как однажды в Индии сняли фотографию одного умершего лица и на снимке, кроме тела, оказался целый ряд фигур, в которых близкие умершего вполне признали ранее умерших его родственников. Также нам приходилось видеть простые паспортные фотографии, на которых в самых неожиданных местах проявлялись непроявленные лица. Фотографы горевали об испорченных фильмах, А ведь такая «порча» могла происходить гораздо чаще, нежели можно предполагать.

Удивительную историю, случившуюся во время киносъёмки в одном из залов ателье Холливуда, рассказывает знаменитый американский киноартист Уорнер Бакстер. При съёмке очередной фильма ему, по ходу действия, пришлось изображать мужа, оплакивающего смерть своей жены. Артист был в ударе, и режиссёр заметил, что он никогда ещё в жизни не проводил свою роль с такой правдивостью.

Вечером снятая фильма демонстрировалась в зрительном зале в студии в присутствии режиссера. Через несколько минут он бросился к телефону и позвонил Бакстеру.

– Приезжайте немедленно! – заявил он дрожащим голосом. – Случилось что-то совершенно невероятное.

Бакстер в автомобиле помчался в студию. Режиссер провёл его в зрительную залу и приказал кинооператору продемонстрировать снятую утром фильму.

То, что увидел на экране Бакстер, потрясло также и его. Он увидел себя в позе отчаяния, сидящим в кресле. Вдруг за его спиной появились еле заметные очертания женской фигуры. Ни Бакстер, ни режиссер не находили объяснения этому удивительному явлению. Возможность незаметного появления постороннего лица перед объективом аппарата во время съёмки совершенно исключалась. Также не могло быть и речи о техническом трюке. Кинооператор клятвенно утверждал, что он снимал на совершенно чистую фильмовую пленку.

На другой день была повторена съёмка той же сцены, причём приняты были все меры предосторожности. Когда приступили к демонстрации этой второй фильма, пораженные зрители снова увидели за спиной артиста загадочное привидение.

По словам Уорнера Бакстера, до сегодняшнего дня так и не удалось разгадать это удивительное явление. Одни из фильмовых артистов, верующие в оккультные науки, утверждают, что в данном случае имело место явление какого-нибудь духа.

Другие утверждают, что мысли артиста, достигнув высшей степени напряжения, приняли материальный образ. То, что загадочное явление повторилось дважды во время двух съёмок, исключает всякую возможность обмана или трюка.

Пока оставим в стороне приведённые в конце рассуждения о том, как именно объяснять появление нежданной фигуры на снимке. На эти темы можно дискутировать много, и для скептиков такие предположения будут неубедительными. Но само проявление фигуры на фильме, показанное многим эту съёмку видевшим, остаётся неопровержимым. Особенно характерно, что эпизод повторился дважды. Совершенно невозможно делать предположения и выводы о том, какие именно привходящие условия могли способствовать такому проявлению. Очевидно существуют такие сложные для человеческого мышления условия, которые пока ещё не поддаются формулировке.

Нам приходилось слышать о том, в каких неожиданных условиях происходили самые замечательные снимки. А в то же время, когда по человеческому разумению, устраивались будто бы «самые лучшие» условия, то результаты не получались. Особенно останавливает внимание именно неожиданность удачных проявлений. В этой неожиданности исчезает всякий намёк на подделку. Да и какие же подделки могут быть в тех случаях, когда люди не только радуются загадочному явлению, но, наоборот, считают его просто порчею фильма.

Нам рассказывали, как один наш друг с трудом отнял у фотографа так называемую неудачную свою фотографию, на которой в разных положениях вышли непрошенные незнакомые лица. Фотограф извинялся за такую странно испорченную пленку и даже не хотел отдать такой неудачный, по его мнению, негатив. При этом характерно то, что само помещение фотографа было совершенно обычным, в котором ежедневно происходили многочисленные съёмки. А сам наш друг находился в самом обычном житейском настроении, будучи совершенно далёк от мысли о чём-то необычном. Много раз нам приходилось слышать, что неожиданные проявления получались именно не тогда, когда их человеческим рассудком ожидали, но в самых неожиданных обстоятельствах. Нам приходилось видеть обстановку комнат, где происходили замечательные снимки, и можно было поражаться, что в этой обычной атмосфере могло происходить нечто необычное. Очевидно, существуют особо тонкие условия, неуловимые пока человеческим мышлением.

Также люди нередко своими преждевременными выводами сами же нарушают возможности значительных явлений. Грубейшие рассуждения при тончайших проявлениях лишь вредят. Прежде всяких самовольных выводов следует непредубежденно собирать факты. Пусть при этом назовут вас материалистами, – неважно, как будут определять ваши методы. Но прежде всего важно проявить во всех отношениях беспристрастие. Фильма – материальный предмет. Никто не заподозрит фильму и фотографический аппарат в чем-то «сверхъестественном». Но если эти материальные предметы отметят нечто тончайшее, то всё равно каким путем и каким методом, лишь бы новые факты проникали в человеческое сознание. Всё расширяющее и дающее новые возможности должно быть принимаемо с признательностью.

Если замечательный факт произойдёт не в особо устроенной лаборатории, но среди самой житейской обстановки, то ведь это нисколько не умалит его истинное значение. Можно вспомнить, сколько полезнейших открытий было сделано неспециалистами в этой области, но иногда как бы случайными работниками. Из области металлургии нам приходилось слышать, как специалисты обращали внимание на особые приёмы, употребляемые некоторыми опытными рабочими. Именно эти «случайные» приёмы потом оказывались

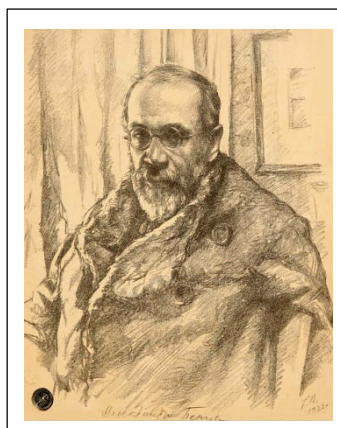
особенно полезными в руках специалистов, оформивших их в целое значительное усовершенствование.

Среди специалистов также существуют два лагеря. Одни, даже будучи серьезными учеными, самомнительно пройдут мимо интереснейших фактов, если они не облечены в научную форму. Другие же и среди самой ординарной обстановки сумеют усмотреть и оформить самые замечательные усовершенствования. Ведь известно, что обследована лишь самая незначительная часть мозговой деятельности. Недаром нередко обращалось внимание, что человеческие взаимоотношения менее всего изучены. Называйте эти области психологией или, по обстоятельствам, рефлексологией; давайте им любые названия, которые могут помочь вашим опытам, но уберегите ценнейшие области от легкомысленного поругания.

Показательно, что такие книги, как «Неизвестный человек» Алексея Карреля, выдержали десятки изданий и считаются наиболее распространёнными на международном рынке. Человек – всё-таки стремится к познанию. Кроме эпидемии танцев и нововыдуманных игр, люди международно стремятся к просвещению. Доброжелательная наблюдательность будет первым орудием продвижения вперёд.

20 Февраля 1937.

«Сегодня», № 180 – 4.У11.1937.

Г. С. Верейский. Портрет Александра Бенуа. 1922 г.

21 февраля 1937 г.

Н. К. Рерих

***Об Александре Бенуа, его славной семье,
картинах, постановках и истории искусства***

Из Лондона пишут о новой волне восхищения перед балетом и театральными постановками. Русским такое письмо особенно радостно. В основе известия лежат успехи русского искусства, Бенуа, Дягилев, Шаляпин, Стравинский, Прокофьев, Павлова, Фокин, Нижинский, Мясин и многие прекраснейшие художники, каждый в своей сфере, вложили великий дар в успехи русского и мирового искусства. Их не перечислить! Ими, их творчеством, несмотря на всё мировое потрясение, неустанно растёт признание искусства. А ведь осознание красоты спасёт мир.

Вспоминаю всю долгую славную деятельность Александра Бенуа. Редко случается, чтобы целая семья дала столько замечательных деятелей искус-

ства, как семья Бенуа. Отец Александра Бенуа - выдающийся архитектор Николай Леонтьевич. Братья Александра Николаевича - Альберт, прекрасный художник-акварелист, и Леонтий, известнейший архитектор и ректор Академии Художеств. Но не заглохли традиции служения искусству на этом старшем поколении. Сын Александра Бенуа, Николай, уже занял выдающееся место в европейском искусстве. Кроме врождённого таланта помогла ему и высокохудожественная атмосфера дома Александра Бенуа. Необычайна вся обстановка жизни Александра. Пусть молодое поколение чутко прислушивается и оценит это культурное гнездо - настоящий рассадник прекрасных творений, писаний, собирательства и чуткой отзывчивости на все события мирового искусства.

Александр Бенуа - неповторенный мастер и в картинах, и в театральных постановках. Бенуа - редкий знаток искусства, увлекательный историк искусства - воспитавший целые поколения молодёжи своими убедительными художественными письмами. Бенуа - собиратель предметов искусства. Не только знание и начитанность, но тонкий вкус и прозрение дали его собранию особую привлекательность. Наконец, Бенуа - незаменимый деятель культуры в её широком понимании; гуманизм, этот цемент всех человеческих взаимоотношений, запечатлен во всей жизни Бенуа. Когда же такое редкое качество утверждено на почве, расцветшей истинным искусством - тогда-то получается редчайший синтез культуры. В жизни, здесь, среди земного смущения, необычайно, редко такое соединение. Когда думаешь о нём - наполняешься радостью и энтузиазмом. Без них, что же возможно?

И для русских такое неповторимое сочетание особенно вдохновительно. Не так уж они богаты щедрыми синтезами. Кроме того, частенько бывали случаи жестокости и небрежения к великим дарованиям. Не о Пушкине ли, не о Лермонтове ли припомнить? Не о Врубеле ли опять пожалеть? Много примеров! Что делать! Если в прошлом со многими обошлись неприлично, то хоть в настоящем - для будущего - будем бережны ко всему прекрасному - неповторимому.

Александр Бенуа в своём щедром синтезе дал знаменитый пример для молодёжи. Каждое из его дарований уже отвело бы ему почётное место в истории искусства и культуры. Но сочтите, сложите все эти дары, и какое славное служение человечеству получится.

Мастер-художник Бенуа даёт много картин, слагает свой особый стиль и сочетает традиции лучших эпох с современным пониманием художества. И в технике он замечателен, выразителен и в то же время ясен. Возьмёт ли он образы любимого им Версаля, или Петровской эпохи, или Кальдерона, Гольдони, Шекспира, или же образы Стравинского - он везде дома. Всюду он внесёт своё понимание эпохи и примет во внимание всё, что может подчеркнуть, типичность и убедительность. Таинственно зовуще это последнее качество. Лишь истинное дарование обладает возможностью гармонией частей дать новое неоспоримое целое. Словами не выразишь, в чём кроется убедительность. Или прилетит эта легкокрылая гостья, или не коснётся вовсе. В творчестве Бенуа именно есть убедительность.

История искусства Бенуа даёт особый тип жизнеописания художества. Только художник может так смело и суммарно пройти по бесчисленным путям творчества. Справедливость суждений своих Бенуа не раз подтверждал, возвращаясь к прежним определениям, утверждённым новыми фактами. В потоке жизни Бенуа ищет правду. В молодости мысли он не стремится к осужде-

нию, в чём повинны многие завзятые критики, но готов принять во внимание каждый новый, полезный факт. Замечательна неувядаемая познавательность Бенуа. Для него нет тупиков предрассудков. Он хочет знать, и в таком постоянном познании он остаётся молодым, - качество счастливое и редкое.

Собиратель Бенуа являет пример, как нужно слагать хранилища искусства. На своём собрании он рассказывает, как нужно любить основы собирательства. Не сухая номенклатура, но свечение радуги творчества для Бенуа каждый музей и собрание. Жаль, что Бенуа так коротко был во главе Эрмитажа. Именно он мог руководить такою многообразною сокровищницей. Глава государственного музея не сановник, не чиновник. Он есть руководитель живого дела, от которого произрастает возрождение искусства целого народа. Не кладовая-Музей, но Музей - дом всех искусств, заповеданный классическою Элладой. На таком посту хочется видеть Бенуа. Пусть и такая мысленная посылка работает в пространстве.

Деятель культуры Бенуа запечатлел свои труды во многих журналах, обществах, комитетах и всевозможных просветительных учреждениях. Как опытный врач, он всегда готов подойти, выправить, посоветовать. Представим ли себе «Мир Искусства» без Бенуа? Или издательство Евгениевской Общины? Или «Старые Годы»? Или «Общество Старого Петербурга»? Или «Старинный Театр»? Или Дягилевский балет? Или портретную выставку в Таврическом Дворце? Или выставку союзного искусства? И не перечить всего, где потрудился, боролся и побеждал во имя искусства Александр Бенуа. Были у него и враги. Но у кого из деятелей их нет? «Скажи, кто твой враг, и я скажу, кто ты есть». Окаменелый академизм был всегда врагом Бенуа. Но ведь это одно уже является отличием. Были несправедливые наветы и злошептания, но разве эти факелы дикарей не сопровождают каждого выдающегося деятеля? Не часто понята бывает ценность. Целые Академии расписывались в позорных ошибках. Не сказать ли примеры?

Не о бывшем хочется говорить. Важно то, что Бенуа во всем своём даровании, во всём знании и опыте неустанно действует. Недавняя его выставка в Лондоне - широкий успех. Не только восхвалены вещи, но и раскуплены. Художественные письма Бенуа ждуются и читаются, на них сложилось много молодых сознаний. Живёт радость, что Бенуа без усталости творит большое русское культурное дело. Как никогда, оно нужно.

Народ пришёл к осознанию, что красота спасёт. Встало задание об украшении жизни. Каждый деятель, могущий внести камень культуры, должен это сделать, как долг, как обязанность. И каждое знание, каждое дарование должно быть бережено, как ценность неповторимая.

Полвека тому назад впервые мною было почуяно дарование Александра Бенуа. В гимназии Мая праздновался юбилей её основателя. Географу Маю было устроено шествие с дарами от разных стран. Бенуа представлял Хоанхо от Китая. Он читал приличествующие случаю стихи. Сказано было это приветствие так особенно убедительно, что до сего дня помню и золото-чёрный китайский наряд, и глубокий, спокойный голос, уже знавший и готовый ко многим будущим трудам и достижениям. Славно, что Александр Бенуа творит и работает неустанно.

1937 г.

"Сегодня". Рига, 21 февраля 1937 г.

27 февраля 1937 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

27 II.37

Н.К.

Получили 2 картины *Гималаи, Сергей*. К залу присоединили 2 смежные комнаты. Комната Сергея Радонежского. Комната Учителя. Когда издадим *Т. Д.*, купим и картины Н.К. Какие картины Н.К. имеются в Риге? Не разрешаете ли нам заплатить за пересылку картин?

Fiat Rex и переживание. При свете лампы Аура сияла серебряным чарующим Светом. Эти Лучи-Молнии, высшая невыразимая Динамика Огня. Когда я думал о красоте, мне постоянно вспоминалась эта картина, и тогда я постигал, совсем реально и жизненно, в чём состоит Краска всех красок, Краска Мира Огненного.

Армагеддон и другие снимки. Об официальном открытии Музея. Феликс Денисович раз пригласил художников на чашку чая.

Получил I и III тома журнала для Швеции. Высылаем по плану. Сборник в память Ф.Д. 56 авторов. Может быть, издадим и на русском языке.

Марки Пакта. Вдвое дешевле, чем в Индии. Не печатать ли здесь? Разрешается наклейка.

Статья Н.К. о Бенуа. Не послать ли ему? Послали Рылову.

Зенкевич нам писал и прислал вырезки. Мы послали официальное письмо Зенкевичу.

Листы Сада Мори, I и II ч., *Община* у нас были распроданы. Получили снова. Вышлем Зенкевичу.

Затруднения с распространением книг. Напишу впредь подробнее.

Археолог Балодис, нет надежды на сотрудничество. Отрицательно к Пакту. Человек, напоминающий другого Балодиса. Напишу ещё после переговоров с Карлом Ивановичем.

Станцы. Питрисы. Пополь (Popol) Vuch.

Мы послали 10 *Аум* и 12 *Сознание Красоты спасёт*.

Разрешаете ли Вы издать в Риге *Сергия* Ваших репродукций?

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

Помещение Латвийского общества Н.К. Рериха в Риге. 1937 г.

МАРТ

Зbrasлавский замок в Праге. Русский культурно - исторический музей.
Справа: Зал имени академика Н.К. Рериха. 1938 г.

2 марта 1937 г. Прага
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

2 марта 1937

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович,
От всей души благодарю Вас за Ваше прекрасное письмо и за «Нерушимое» с милой и дорогой для меня надписью. Поверьте, что я буду читать (нет: читаю!) «Нерушимое», так же как и другой сборник Ваших тихих, мудрых бесед - «Врата в будущее», с самым глубоким и сосредоточенным внутренним вниманием, так что не растеряю ничего. Я особенно люблю читать эти книги, когда, по закрытии музея, я иногда остаюсь на ночлег в Зbrasлавском замке: среди этого уединения, под сводами величественного бароккового здания, в своём кабинете-келье (на самом деле - бывшей келье монастыря Цистерианского ордена), в тишине, с видом из окна на прекрасный парк, - как дорого мне тогда это духовное общение с Вами, как близки мы тогда, несмотря на разделяющие нас моря, горы и доли! Мне было близко не только «По лицу Земли», но многое-многое другое. Помню, как по поводу морализирования Льва Николаевича говорили, что он, вообще, придаёт преувеличенное значение слову: слово-де вовсе не так сильно действует на человека, вернее - совсем не действует, нечего, стало быть, и беспокоиться «просвещать» людей словом. Но никогда я не был с этим согласен и, как я ни плох, никогда не мог оставаться равнодушным к глубокому, верному, мудрому, прочувствованному слову — не в смысле только теоретической оценки и согласия, но и в смысле практических последствий, в смысле непосредственного влияния слова на жизнь. И именно так обязан я за многое Вам, дорогой Николай Константинович. Пример? Да вот, мне, например, случается поддаваться ностальгии, и тогда хочется роптать, что ты вырван из прежних, родных, естественных условий и не можешь якобы сделать всего, что хотел бы. А вот у Вас, в беседе «Порадуемся» читаю: «... Так же, как теперь, случалось и раньше, что отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею». Никогда, в такой ясности, не приходило мне это в голову. И слова успокоили, утешили, влили бодрость в душу.

В письме Вашем также неожиданной явилась для меня мысль о некотором лицемерии (говорю не Вашими, а своими словами) всеобщего, в нынешний юбилейный год, каждения памяти Пушкина. Лицемерие в посмертном возвеличивании выдающихся людей я всегда чувствовал очень живо, но тут, в эмиграции, вслух об этом не говорят. И опять был дорог Ваш независимый, бодрый голос. Да, «не украшайте гробницы пророков, которых отцы ваши гнали, как... не сознавая этого, вы сами гоните пророков современных». На эту тему написана мною даже драма («На кресте величия» - смерть Льва Толстого), о постановке которой в Вене, на немецком языке, я веду сейчас переговоры. Кстати, о Пушкине. В Париже его чествовали в «Союзе русских дворян» по признаку дворянства (!). Но доклада об отношении высшего петербургского общества к великому поэту при его жизни на этом собрании, конечно, никто не прочёл. Всё это только показывает, как нужно насаждение настоящей, духовной, просвещающей человека культуры.

Препровождая Вам формальное письмо Музейной комиссии Русского свободного университета, прилагаю и список выставленных в нашем Музее художественных произведений. К счастью, удалось его закончить до отправки письма. О перспективе получения в Музее ещё нескольких Ваших картин и картин Святослава Николаевича мы говорим здесь как о будущем великом событии. Место для них найдётся во всяком случае. Не сердитесь на нас за идею «Рериховского зала». Всякому деятелю простительно мечтать о наивысшем успехе в его деле. Не считите же, пожалуйста, дерзостью, что мы проговорились. Это, быть может, только дерзание. Кстати, я надеюсь в скором времени послать Вам чешскую книжечку о Збраславском замке, где помещается Музей. Текст Вы едва ли поймёте, но Вас заинтересуют прекрасные иллюстрации. Таким образом, Вы получите наглядное представление об обстановке, в которой находится Музей. Бандеролью я послал Вам 4 первые номера «Справочного Листка» за этот год. Дошли ли они до Вас? Если нет, то высылка может быть повторена. Сейчас посылаю номера 5-8. Из них Вы узнаете, между прочим, о нашем договоре с Объединением Русских архитекторов в Ч.С.Р. относительно организации Архитектурного отделения.

Профессор Д.Н. Вергун однажды, при случайной встрече, уже сказал мне, что он предпринимает некоторые шаги для проведения Вашего Пакта. Он спрашивал меня, может ли он рассчитывать и на моё участие в этом деле. Разумеется, я ответил полным согласием. Но обо всём этом я напишу Вам подробнее, когда снова увижусь с Дмитрием Николаевичем и смогу переговорить и посоветоваться с ним обо всём подробно. Профессор М.М. Новиков, являющийся профессором чешского Пражского университета и хорошо известный в чешских кругах, надеется также помочь этому делу. Мне не нужно писать о том, что я разделяю все Ваши соображения о важности Пакта. Ваша параллель с Красным Крестом также совершенно верна. О Пакте мы говорили ещё с покойным Ив. А. Якушевым, председателем Общества Сибиряков. Мы были в Праге соседи и приятели. Я знаю о его переписке с Вами. И тогда я больше надеялся на его инициативу. Может быть, было бы лучше проявить собственную. Но... до свидания с Д.Н. Вергуном не буду ничего предпринимать.

В Вашем письме ко мне Вы спрашиваете, не можете ли Вы «ещё помочь, трудом, творчеством». Великое Вам спасибо, Вам, уже сделавшему для нас так много! Если только мы смеем ещё просить, то мы просили бы: 1) не отказать в любезности прислать номер «XX-го века» с Вашей статьёй «Толстой и Тагор»,

2) при случае, написать о нашем Музее другим русским художникам — Вашим друзьям и добрым знакомым и побудить их прислать Музею что-либо из их произведений, 3) также при случае не отказать сообщить, нет ли у Вас хорошей, прямой связи с Фондом Карнеджи, на предмет получения оттуда материальной поддержки. Я слышал, что Фонд Карнеджи помогает только тем учреждениям, которые доказали свою жизнеспособность, сами встав на ноги. Мы являемся как раз таким учреждением: у нас есть определённый бюджет, и мы могли бы скромно существовать самостоятельно, но, например, приобретать картины и пр. мы не можем. Возможности же для развития нашего дела, при более или менее благоприятных условиях, огромные, т.е. собрать, сосредоточить в Русском Музее за границей можно было бы в высшей степени ценный и обильный материал. «Собрать», а это во многих случаях значит: *сохранить, спасти*. Тут такое учреждение, как Фонд Карнеджи, могло бы выполнить блестящую миссию.

Но всё же простите, дорогой Николай Константинович, если я просто-напросто злоупотребляю Вашим безмерным великодушием.

Ещё раз примите за всё мою глубокую, сердечную признательность!

Дай Вам Бог здоровья и дальнейшего успеха и достижений в водительство культуры!

Искренно Ваш

Валентин Булгаков

P.S. В прошлом письме я ошибся, упомянув, что художник Добужинский приезжал в Прагу для руководства постановкой «Князя Игоря». «Князь Игорь» поставлен был в Праге при участии Николая Александровича Бенуа, а М.В. Добужинский ставил - и это так естественно - «Евгения Онегина».

РГАЛИ. Фонд 2226 Булгакова. опись 1.

**2 марта 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.**

2 марта 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Письма Твои, несмотря на Твой пессимизм, приносят нам большую радость. Наконец-то совершилось то, <что> должно было быть данным давно. Ведь и я, и Ты - мы обоюдно всегда понимали нашу общую работу, ибо работа на культурной пашне всегда будет общей. Так и теперь, несмотря на океаны и горы, мы устремляемся всё к той же культуре. Чем больше она оскорбляема, тем дружнее и сильнее все защитники её должны быть вместе. Могут быть всякие препятствия, трудности, ущербы, но, тем не менее, мы должны быть вместе, чтобы и младшее поколение видело, насколько сплочённо работают те, кто от юности уже прилежал к Культуре, познанию её и её защите. Нам обоим приходится встречаться с молодым поколением. Ясно вижу, насколько ему нужно видеть и чувствовать наше несломимое стояние за культуру. Мы не имеем права ни уставать, ни огорчаться, ибо каждый такой знак обессиливает и молодёжь, которая среди нынешних смятений ищет зова бодрости и крепости.

Ты совершенно прав, видя неслыханные вандализмы и горюя о них. Какое же человеческое сердце не содрогнётся от одного рассказа о прививке бешен-

ства, о чём Ты писал в прошлом письме. Действительно, даже не верится, чтобы люди могли доходить до такого неизреченного безумия. В то же время сама действительность постоянно подтверждает, что возможно и такое омрачение. Если человечество низринулось в такие бездны, то те, которые понимают весь ужас происходящего, обязаны сплочённо противодействовать злу невежества. Прекрасны твои художественные письма. Ведь они, как светлые маяки, напоминают мятущимся толпам о том, что нерушимо. Недавно мы видели в английских и американских журналах новые постройки Желтовского, Щуко и Щусева. Хорошие здания в традициях славного русского ампира. В рижской газете читали мы об успехе архитектора Белобородова в Риме, там же я радовался прочесть прекрасную статью об успехах постановок Коки. Много других знаков несломимой крепкой поросли можно находить. Вот эти знаки труда даже в самых невообразимо тяжких условиях сейчас так неизмеримо ценны. И Ты это отлично чувствуешь. Потому, когда Ты пишешь о пессимизме, я не хочу понимать это слово в его обычном значении. Ты имеешь в виду сердечное горе, видя омрачение и одичание. Но Твою светлую веру в Культуру ничто не может поколебать. Если же мы и перекинемся словом огорчения по поводу страшных знаков невежества, то это будет лишь наше внутреннее чувство, когда мы знаем, что, будем обоюдно поняты. Великое дело - уверенность в правильном душевном обоюдном понимании. Столько раз в жизненных препятствиях нам приходилось испытывать настоящее неприкрытое предательство. Столько раз самые лучшие намерения истолковывались подло и невежественно. Столько раз мы видели очевидную несправедливость и ложь, что все эти жизненные удостоверения должны научить ценить обоюдность, добрую и сердечную. Она для молодого поколения является прибежищем. Много раз мне приходилось убеждаться, насколько ценят молодые поколения каждый знак твёрдости и строительства. Как видишь, мы говорим об одном и том же. И это немудрено, ибо, когда мир раскалывается по определённым сферам, тогда не может быть шатания. Нужно оборонять всё прекрасное и ценное от посягательств невежества. Когда-то, может быть, нас заподозрили бы в общих и туманных выражениях, не понимая, насколько насущна такая оборона, но сейчас уже настолько многое стало очевидным даже и недальнорукому глазу, что не посмеют сказать о том, что оборона прекрасного это есть туманная отвлечённость.

Жаль, не имею фотографии моей последней картины «Армагеддон» (1936), которая, наверное, нашла бы отклик в Твоём сердце. Жалеем о нездоровьи Анны Карловны. Когда и без того столько тягостей, а тут ещё болезнь. Вот и Елена Ивановна всё время болеет. После наших замерзаний и бедствий в Тибете на больших высотах у неё пострадало сердце. А теперь произошло, что она положительно не может спуститься к уровню океана. Даже спуск на две, три тысячи футов для неё уже болезненен и опасен. Очень я тронут Твоей оценкой Листов моего Дневника. Ведь если Ты говоришь, то это так и есть. Такая же твёрдая справедливость суждения была у Серова. Удивительная эволюция происходит. Вот уже оценили и Репина, и Сурикова, и многих, кто был по разным причинам забыт и отставлен. Только что вышла в одном здешнем ежемесячнике моя статья о Пушкине к его «юбилею»³. Опять был случай

---

³ См. Очерк Н.К. Рериха ВЕЛИЧАЙШИЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПУШКИН (К столетию его смерти)
(30 янв. 1937 г.)

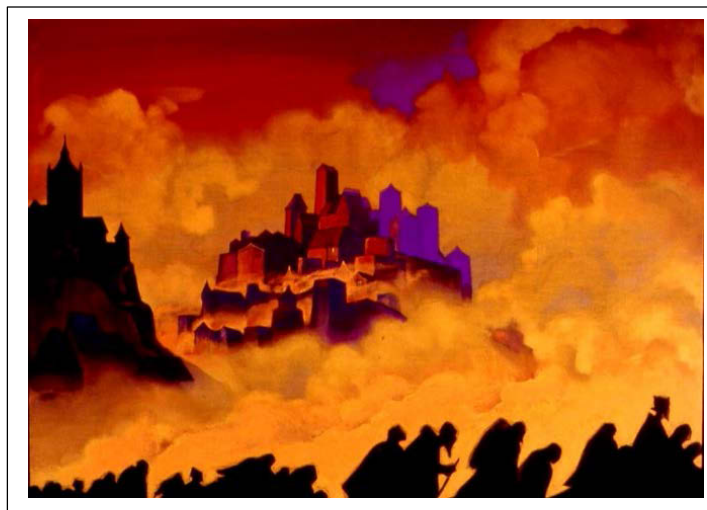
напомнить, что человечество должно бы уничтожить причины к таким юбилеям и научиться оберегать, охранить, оборонить своих лучших людей. Как собаки, в своё время клеветники бросались на Пушкина, а теперь весь мир единодушно встаёт в почитании. Юбилей превращается в нечто гораздо более торжественное и величественное. В нём почитаются уже мировые понятия. Дай Бог, чтобы люди сие запоминали.

Каждая Твоя весточка читается нами с сердечным трепетом. Ведь Ты скажешь то, что так редко можно услышать. Полвека тому назад прозвучало Твоё *unendlich land* и, действительно, эта бесконечность творчества и, подвига во имя Культуры так поразительна. Все мы шлём Тебе и Анне Карловне и всем, кто сейчас с Тобою, наш лучший привет. Духом с Тобою,

Н. Рерих

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

«Жаль, не имею фотографии моей последней картины «Армагеддон» (1936), которая, наверное, нашла бы отклик в Твоём сердце...»

Н.К. Рерих. Армагеддон. 1936.

*10 марта 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису*

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
10-MAPT-37

Родной Рихард Яковлевич,

Долетело письмо Ваше от 27 февраля, как всегда, светлое и доброе. Радуюсь, что две картины уже дошли. Будем надеяться, что и из Парижа одна, а затем и тяжёлый ящик отсюда дойдут в полной сохранности. Если Общество хочет принять расходы по пересылкам – мы сообщим их. Хотя мы и тронуты намерениями Общества покупать мои картины, находящиеся у местных собственников, но думаем, что Обществу это делать не стоит. Во-первых, наверное, многие из этих картин весьма потёрты в бурных перевозках, а кроме того, лучше сосредоточить средства на каких-либо нужных изданиях. Так, например, Ваша мысль об издании новой монографии с воспроизведениями серии последних картин в размере открытого письма весьма хороша. Не торопясь, можно об этом начинать думать. Туда же могла бы войти и переснятая из

большой монографии старая Рига и Митава. Пошлём Вам выдержки из книги Бурлюка, Кузьмина и проч. Попробуем получить от М.М. Лихтмана по-русски статью Бабенчикова (часть её была по-английски в журнале *Скаляр*, а также в журнале *Арчер*). Конечно, обо всех новых картинах требуется и новая статья, полагаем, что Вы как пламенный поэт сделаете её лучше всех других. Будем рады получить от Вас все Ваши планы и предложения по этому поводу. Спасибо за вырезку статьи о Бенуа, которую я перешлю ему, ибо, наверное, Вы пришлёте нам ещё по обыкновению. Замечательно, как газета любит менять названия. Между прочим, посылая в газету, можете к фамилии приписать *академик*, ибо, как я вижу, другие этим званием пользуются. Конечно, не думаю, чтобы с этой газетой можно и нужно было углублять какое-то постоянное сотрудничество, но всё же следует поддержать с нею самые добрые отношения, ибо она является как бы балансом для некоторых парижских газет. Теперь относительно Баллода. Я полагал, что когда Вы доведёте до его сведения мои сердечные слова из статьи *Латвия*, то лёд может быть сломан. В конце концов, не может быть соревнований в деле охранения культурных ценностей. Очень хорошо, что Вы продолжаете посылки в Швецию. При этом лучше посылать их в разрезанном виде, – пусть даже по пути их читают. Ведь пути неисповедимы. Извещайте нас, насколько благополучно посылки доходят. У нас имеются ещё журналы *Урусвати*. Каждое сведение о новых сдвигах наполняет радостью. Ведь так и Сказано. Прилагаю записочку от Е.И. для некоторых корректурных вставок. Также совершенно доверительно для Вас и ближайших друзей посылаем копию письма от Е.Ф. Писаревой, в котором Вы усмотрите полную перемену декораций. Ещё в прошлом письме от января были разные странности, а теперь воздушной почтой прилетела полная капитуляция. Посылаю Вам для сведения и копию моего письма к ней – все эти сведения пригодятся Вам со временем, когда будут разговоры о *Т. Д.* Вы правы, люди должны благодарить, и было бы странно от культурных людей слышать нечто обратное...

Для некоторых посылаемых картин потребуются рамы по образцу других посланных – в Латвии дерева много. Ваши мысли об открытии с приглашёнными – правильны. Ведь могут быть иностранцы, шведы и пр. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

10 марта 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой
ДОВЕРИТЕЛЬНО.

10-МАРТ-37

Добрый Друг наш, дорогая Елена Фёдоровна.

Сейчас долетело Ваше сердечное письмо от 27 февраля. Конечно, Ваше тонкое понимание Основ, Ваша справедливость и правдивость подсказали Вам совершенно верное суждение об Агни-Йоге. Действительно, Йоги не могут противоречить одна другой, а тем более ниспровергать идущее от Тех же Высот. Многогранность мироздания выявляется во времени в связи с человеческим пониманием. Таким образом, Агни-Йога может ли в чём-либо противоречить Раджа-Йоге? Несоответствие могут находить лишь служители авидьи,

которые не дают себе труда дочитать то, о чём им хочется говорить. Потому что мы так и сожалели тех, кто, не ознакомившись с предметом, пытались вносить о нём смуту в разных странах. Мы можем лишь сожалеть о том, что поминаемая и Вами Соловская яро призывает к борьбе там, где имеется полное сотрудничество и доброжелательство. Между тем её милитантное^[1] устремление могло бы найти себе гораздо лучшее применение там, где подымается настоящее мракобесие. Наверное, Вам известно, что за один прошлый год вышло пять омерзительно мракобесных книг против Теософского общества. Пошлю Вам краткую выписку из одной из них – *Враги Вселенной*. Чувствуется изысканное мракобесие. Книга вышла под именем Моллера, но оказывается, что никакого Моллера не существует, а этим именем прикрылись некие шанхайские личности с русскими фамилиями. Такой натиск, выраженный в полудюжине изданий, означает, что тёмные силы чрезвычайно деятельны в отношении опасных им проявлений Света. Вот против каких клевет и подделок нужно проявлять милитантность. О восстании сил тёмных имеем сведения из разных стран, и тем более сожалеем о смуте, вносимой по причине авидьи – о чём Вы так хорошо пишете. Посеять смуту и разослать вестников-смутьянов по почте очень легко, а вот как их заполучить обратно и восстановить правду, сие гораздо труднее. Помню, как покойный Д.В Григорович говаривал: «Вызвать духов легко, а вот как их загнать обратно в банку, – это много труднее». Словом, Вы понимаете, о чём я говорю, и можно только радоваться, что Вы, по мере прочтения всех книг Агни-Йоги, составите себе справедливое суждение. Чтобы больше не возвращаться к этому предмету, скажу, что Учения Добра не могут исключать друг друга. Наоборот, Свет един и всё под лучами его едино в своей последовательности. Естественно, что ближайшее единомыслие с истинной наукой во всём является прочным основанием. С прошлой почтой мой старый друг С.И. Метальников (Пастеровский институт) прислал мне два интересных своих труда: *Le role du systems nerveux et des reflexes conditionnels dans l'immunité et l'anaphylaxie & L'Evolution de la Mart dans le regne animal*^[1]. Очень ценно, когда глубокий учёный прилежит и к духовности. Жаль, что русские труды выходят на иностранных языках, и кто знает, когда удастся их явить на языке родном. То, что Вы пишете о движении в Италии, мы слышали, и можно лишь радоваться, что в разных странах дружно проявляются те же высокие пути. «На всех путях ко Мне встречу тебя». Ведь нигде не сказано о какой-либо исключительности или монополизации «Учений». Пусть всё Светлое распространяется как можно шире и как можно быстрее. Когда мы слышим о том, что кто-то и где-то переводит и печатает Агни-Йогу, мы лишь радуемся, ибо пути неисповедимы. Мир велик и, если можно видеть ещё один ручей Добра и Правды, можно лишь радоваться. Добрые намерения так ценны. Из них протекают и действия. Очень жаль, что Ваша прекрасная статья, посланная нами г-же Сокол, не дошла. Удивляемся, как это могло случиться, ибо она была послана заказной бандеролью. Может быть, г-жа Сокол во время свалившихся на неё несчастий меняла адрес или была в разъездах, хотя у нас в Китай и Японию бывали потери писем и без видимых причин. Очень сожалеем о несчастьях г-жи Сокол, – если она Ваш друг, то, наверное, очень хороший человек. В текущем месяце переезжает в Тяньдзинь наш хороший друг Евгения Николаевна Туркина, и, наверное, она встретится с г-жой Сокол. Относительно Алисы Бейли ничего дурного сказать не могу, ибо она относится с большим уважением к Учениям Света. Итальянский астролог, с одной стороны, усмотрел пра-

вильно, но с другой, видимо, не понял грядущих великих судеб нашей Родины. Имейте в виду, всё происходящее сейчас на пользу Ей. Конечно, пути неисповедимы и многие по самости своей не могут понять их. Но даже и близорукие уже начали прозревать происходящее. Посылаю Вам ревью книги Формана. Очень рады, что Вам понравилась моя картина *Брамапутра*, оригинал которой находится в Музее нашего Латвийского общества.

Н.К. Рерих. Брамапутра. 1932.

Ведь около этих мест были Ашрамы. Вообще, сколько несказанно чудесного и прекрасного в мире, лишь бы только глаза не омрачались каждодневной пылью. Лишь бы усмотреть и принять всем сердцем. Если считаете полезным, можно дать наш адрес помянутому Вами англичанину. Сейчас заповедана торжественность и единение. Запомним этот светлый приказ в сердце и в духе и не отягчим Великие Энергии. Привет от всех нас.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

11 марта 1937 г.

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

11 марта 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Вдогодку моего недавнего письма посылаю Тебе вырезку из рижской газеты «Сегодня» с моим листом о Тебе. Газета почему-то любит удлинять заглавия — вероятно, с самыми добрыми намерениями. Также посылаю Тебе оттиск моей записи о Толстом и Тагоре для Твоей библиотеки. Сейчас как никогда нужно закреплять добрые знаки. Уж очень много самых зловредных умышлений, умалений и клеветнических выдумок. Слышал я, что моя записка о Чурлянисе⁴⁶ в Литве понравилась. Радовался этому, ибо о Чурлянисе вспомнили, и конечно, как всегда, мнения разделяются.

Будем рады иметь от Тебя весточку. Надеемся, что здоровье Анны Карловны наладилось и всё у Тебя хорошо. Шлём Вам всем наши искренние приветы.

Духом с Тобою,

Н. Рерих

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

Март 1937 г. Наггар, кулу

Обращение Елены и Николая Рериха к Латвийскому обществу

(К 24-му Марта 1937 года.)

Привет Вам, Дорогие Друзья.

Большая радость в том, что мы все в самых разных странах будем помнить этот незабвенный день. Мы соберёмся почти в то же самое время; будем в сердце нашем знать, что друзья наши, тем же путём идущие, в этот же час собрались в полном содружестве. Все Вы уже полюбили это слово – *содружество*. Оно напоминает Вам не только о дружбе, но и о единении. Драгоценно, когда можно собраться во имя этих двух понятий, рождающих и любовь и мощь. Все Вы уже твёрдо знаете, что единение не может быть притворным и лукавым. Всякая ложь в единении будет разрушительна. Но светло и непобедимо единение, в котором нет ничего ложного, в котором открыто сердце. Только в таком сердечном порыве мы поймём, что есть общий труд.

Когда Вы собирались в содружества, Вы отлично знали, что не для безделья, не для пустословия Вы сходились, но для труда. Вам всем, в осознании великого понятия труда, навсегда ясно, что трудовой источник не может быть исчерпан. В беспредельности живёт труд. Именно, творческим трудом объединены миры. И велика радость, что можно в труде приносить свою лепту мировому преуспеянию. Не в гордыне, не в высокомерии произносим мы это слово о посильной лепте. В ней же, в этой завещанной издавна лепте живёт и красота.

В содружествах Ваших Вы несёте священный бессменный дозор о красоте. Для Вас красота не есть просто красивость прибаутки, но есть основа жизни. Без красоты не может быть и живых устоев всего бытия. Живая Этика может быть живой лишь для того, в ком и слово о прекрасном всегда живёт. Сперва в словах, а затем в немолчном биении сердца живёт прекрасная правда. Не нужны внешние слова там, где самое глубокое чувство сливается с биением сердца. Без сердца, без красоты и самый труд превратится в подъяремную работу. В этих двух словах скрыт намёк о насилии. Но в творческом труде выражено постоянное делание – и умное, и сердечное.

В беседах Ваших Вы воздали значение мысли. Вы навсегда оценили, что сила мысли является тою незримою мощью, которая соединит Вас с самим Превышним. Когда Вы сходитесь, то, как в Великом Служении, Вы несёте в себе молитву прекрасную Тому, к Кому стремится сущность Вашего сердца. Многие из Вас не однажды получали Великую Высокую Помощь. Вы записываете эти минуты, когда лучшее Ваше чувство получало общение с Тем, от Кого Вы имели силу, ободрение и Ваше единственное достояние – крепость Вашего духа.

Никто не понуждает Вас сходитья в Вашем содружестве. Но Вам уже ценно знать, что каждый из Вас имеет место у общего очага, куда он принесёт свои лучшие помыслы. У каждого своя радость и своё горе. И в том и в другом человеку тяжело быть в одиночестве. Неправильно в минуты напряжения стремиться к рассеянию. Наоборот, в часы напряжения человеку хочется быть с теми, в ком он уже уверен. Претерпев от всяких обманов, человеку нужно сойтись к какой-то твердыне, в которой он был бы уверен ясно и непоколебимо, что он будет понят, обережён и труд его будет оценён.

В памятные дни будем сходитья. Пусть каждый принесёт с собою самые возвышенные мысли; ведь то, во имя чего мы сошлись, может быть окружено

лишь самым возвышенным, на что только способен дух человеческий. В мире много и ужаса и смятения. Но в каждом собеседовании Вашем Вы объедините Вашу мыслительную мощь во благо. Вы станете крепко, станете вместе, зная, что объединённая мощь умножается безмерно. В собрании Вашем не будет никакой условности, суеверия и лукавности. Наоборот, в отличие от многих других собраний, Вы сойдётесь в чистоте сердца, в улыбке радости. Наверное, каждый из Вас принесёт какое-то задушевное слово. Может быть, вспомнит о чём-то наиболее глубоком в его существовании. Осенится воспоминанием о самом прекрасном, и Ваша беседа будет новым звеном, взаимно укрепляющим Вас на путях в великой Беспредельности. Мир Вам. Привет Вам.

Е. Рерих, Н. Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

24 марта 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
24-MAPT-37

Родной Рихард Яковлевич,

В прекрасный памятный день пишем Вам и ещё раз шлём наши лучшие приветы. Тороплюсь отослать письмо, ибо наступают почтовые праздники. Е.И. просит передать Вам, чтобы Вы не очень огорчились разницею в правописании некоторых имён, ибо и в самом оригинале некоторые имена различно написаны. Главное смущение могут вызывать все еврейские имена и их правописание, но об этом можно посоветоваться с местным раввином (хотя, по видимому, и сами раввины различно произносят древние имена). Получено радостное письмо от Карла Оттоновича и прекрасное сведение от Гаральда. Ждём оригинал агрикультурного ответа, чтобы соответственно ответить и углубить эту возможность. Продолжайте посылать книги в Швецию. Также непременно пошлите в Институт востоковедения Академии наук, в оба города по адресу Академии наук, это очень важно, ибо такой институт существует. Послать туда нужно журнал и *Тибетику*. Вышлем ещё по пять экземпляров каждого. При посылке книг посылайте их в разрезанном виде. Было Указано, что разрезанные книги легче читаются в пути, и тем самым добрые сведения распространяются. Напишите нам, можно ли послать без отправителя простой бандеролью несколько экземпляров книги *Община* в Швецию и в какие именно места там это вообще возможно и удобно. В прошлом своём письме Е.И. не приложила копии своих писем к Янушкевичу и Ливскому – посылаем их сейчас для Вашего сведения. Напрасно Янушкевич так волнуется каким-то невежественным отзывам в маленьком журнальчике: «собаки лают – караван идёт». Из посланной Вам копии письма Писаревой Вы видите, как легко просят простить «авидья». Между тем Женева продолжает писательствовать – и это не имеет никакого значения. Получили копию Вашего письма к Зенкевичу. В подобных случаях можно предупреждать таких издателей о том, что печатается уже новое издание в Риге. Но самый факт печатания (конечно, без искажения) в Шанхае не должен служить предметом какого-то судоговорения. Ведь и *Т. Д.* печатается с самыми благими целями на пользу человечества. Очень хороша

приписка Валковского на обороте копии из Публичной библиотеки об отзывах в местной прессе о журнале и книгах. Какую духовную битву ведёт наш милый Гаральд Феликсович и как прекрасно всегда он Вас поминает, это свидетельствует об истинной дружбе и сотрудничестве. Как сердечно написала Ведринская – она прекрасная душа. В наши дни особенно ценно явление огней сердца. Можем себе представить, как напряжена издательская деятельность Общества, но в этом напряжении рождается и новая энергия. Великое дело, когда в памятные дни по всему миру можно чуют светлые сердца друзей. Готовим к отправке картины. Е.И. и мы все шлём Вам, Вашей супруге и всем содружникам наши сердечные приветы.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзиты.)

Автобиография И.Э. Грабаря «МОЯ ЖИЗНЬ». 1937 г.

Н.К. Рерих

ГРАБАРЬ

Некоторые говорят о ненужности автобиографий. Не правы они. Каждое такое жизнеописание даёт неповторимый материал. Вспомним Челлини. Автобиография Грабаря даёт множество характеристик. К тому же она сообщает о молодости Грабаря - нелегко ему было. Эти трудности - ключ ко многому. Пусть даже некоторые сообщения в книге неверны - может быть, стёрлись годами, но вся книга полна значения. К Грабарю бывало несправедливое отношение. Щербов зло перефразировал имя: Ирод Грабер. Щербов и Рауш уверяли, что, когда у Грабаря глаза круглые - тогда он привирает. Говорили о неискренности. Мало ли что шепчется, а о деятеле - тем более. Грабарь закрепил себя не только в искусстве, но, подобно Визари, и в писаниях. Сообразите всё им сделанное и скажете спасибо. Разве уж так много подобных деятелей? Жаль, что осталась неоконченной «История русского искусства». Грабарь задумал её оригинально. Отделы были поручены знатокам дела. А у нас так мало было издано о неисчислимых сокровищах русских просторов. Свой организаторский талант Грабарь проявлял не однажды. И каждый знает, как это было

нелегко в среде недоброжелательства и под косым взглядом академической рутины.

Грабарь сам пробил свой путь - без богатых или сановных родственников. Елена Ивановна и я одинаково ласково относились к Игорю и радовались его достижениям. Последний раз мы виделись в Москве летом 1926 года. Тогда Грабарь руководил реставрационной мастерской. Без сомнения, много добра для старинного искусства произошло от его советов и указаний.

Как всегда деятельный, он был полон замечаний о работах. И всюду, где он появлялся, зарождалось какое-нибудь новое, полезное дело! И на словах, и в книге своей Грабарь выражается твердо. В наше шаткое время деятельность и деловитость особенно нужны. От многого Грабарь мог бы поникнуть духом. Развалились выставки Мекка и Щербатова. В 1915-м во время немецкого погрома в Москве в типографии Гроссмана и Кнебеля погибли все материалы биографий русских художников. Много препон и задорин на пути созидательства. Но Грабарь не унывал, и это качество всегда нам было ценным. Картины Грабаря - в лучших Музеях. В русской школе они составили отличное звено между московским и питерским течениями. И сейчас, приближаясь к восьмому десятку⁴, Игорь мыслит бодро и даёт целую галерею выдающихся портретов. Вспоминали мы в Гималаях Игоря и жену его, а тут с почты несут его книгу.

1937 г.

Публикуется по изданию: Рерих Н.К. Художники жизни. М.: МЦР, 1993

**26 марта 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.**

26-МАРТ-37
№ 79

Дорогой Георгий Гаврилович,

Большое спасибо за письмо Ваше от 14-го марта. Со всеми сведениями о нашем друге Климасе и прочих добрых друзьях. Пути Пакта, очевидно, приходят к тому поворотному пункту, из которого должно произойти и многое другое полезное. Не случайно в целом ряде стран заговорили о Пакте, и обнаруживается, что где-то внутри существовало доброжелательство к нему. Вот этими обстоятельствами и нужно воспользоваться со всею спешностью. Потому-то я уже и писал Вам, насколько всё сейчас спешно и неотложно. Также нужно охранить это движение в Европе от тех тёмных рук, которые мечтали бы вредительски протянуться. Потому представляется особенно ценным, чтобы Европейские страны действовали бы в отношении Пакта самостоятельно, не связывая себя с другими странами, - теми, откуда могло бы быть вредительство.

Письмо Ваше к Войэ очень хорошо, также как и сама статья в «Науке». Всюду, где только можно, нужно добиваться результатов. Благоприятный поворот к Пакту в среде интеллектуальной кооперации меня несколько не удивляет. Вообще, друзей и врагов не считайте. Сегодня так - а завтра этак. В этом отношении нужно быть несломимым философом, зная природу вещей. Вообще, если увидите, что так называемые враги вдруг делаются друзьями -

⁴ Игорь Эммануилович Грабарь Род. 25 марта 1871 г., [Будапешт](#), Австро-Венгрия

не препятствуйте этому, и даже помогите им в этой эволюции. Считаю чрезвычайно важными разговоры Клим., бывшие у него с приезжими. Также весьма интересуемся действиями Балтрушайтиса. Не считает ли Клим. полезным, чтобы я написал Балтрушайтису. Ведь переслать можно бы и через их легации.

Если он одобрит это, то сообщите мне отчество Балтрушайтиса, ибо я знаю лишь его имя – Юрий. Также хорошо бы ему переслать мою статью «Литва». Номер Литовского журнала с переводом моих статей вы уже получили, а статья о Чурлянисе была в другом тоже Литовском журнале Ромува Самоне. Итак, на всех парусах плывите по этим неотложным стезям. Нам писали, что Арбелов и Тип. Были в Америке, что Вы знаете о причинах такого переселения.

Кириллов в Музее так и не был – об этом я уже писал Вам, - это немного странно для вице-председателя. Очень рады слышать, что собрания, собеседования, и вообще, оживление Центра так возрастает. По общей конъюнктуре так и должно быть – используйте ближайшее время в самом спешном порядке. Сколько добрых знаков на горизонте, и не нужно, чтобы эти паруса скрылись за горизонтом. Медали пришли, хотя и в разбитом ящике, но без повреждения. Плата за квартиру уже выслана, и теперь прилагаем квитанцию за апрель.

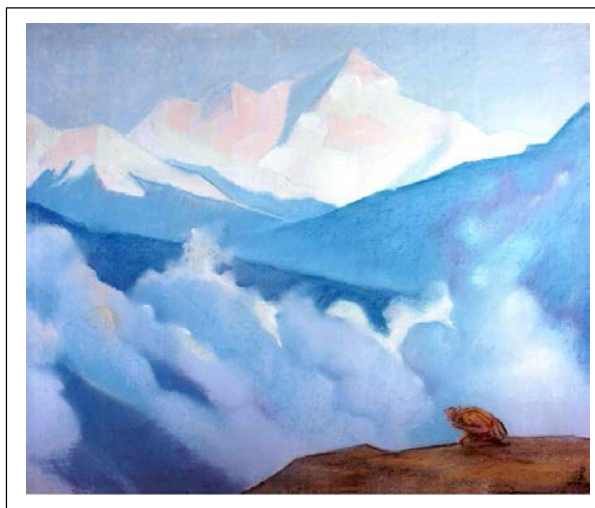
Требуйте от книгопродавцов отчёты.

Привет Вашим родителям и друзьям –

Духом с Вами Р.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

АПРЕЛЬ

Н.К. Рерих. Гималаи. 1937.

5 апреля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И.

5 апреля 1937 г.

Дорогой Сергей Иванович,

Сердечно порадовался я, получив Ваши прекрасные статьи и весточку. Вы затрагиваете такие нужные для человечества темы и пишете так до души доходчиво, что, думается, именно сейчас и нужно такое научное оповещение.

Люди так часто разделяют науку от философии, а между тем единая истина не может быть легкомысленно делима. Ваше причастие к духовным исканиям дает Вам ту богатую возможность, чтобы сказать именно о том, чем так часто болеет дух человеческий. Сейчас так много тьмы и смущения умов. Только сердечное единение людей просвещённых, отдавшихся на служение человечеству, может восстанавливать нарушенное мировое равновесие. Знаю о Вас и из научных, и из духовных кругов, и всем сердцем радуюсь Вашим блестящим достижениям. Если бы мы знали, что именно из йогической медицины и прочих методов Вас интересует, мы были бы чрезвычайно рады поделиться с Вами нашими накоплениями. Ведь Гималаи навсегда останутся не только родиной ценнейших лекарственных растений, но и основой духовной мысли, тысячелетиями живущей среди прекрасно белых снежных высот. Благодарю Вас за сведение об Осипове и очень жалею, что и этого сотрудника Бехтерева уже нет с нами. Мне так хотелось знать о последних достижениях Бехтерева по передаче мыслей на расстояние. Как раз теперь об этом идет интересная переписка, а мы уже давно следили за опытами Бехтерева в этом отношении. Как сейчас помню Бехтерева с нами в Финляндии в 1918 году, - были прекрасные беседы. Если бы Вы знали кого-либо из французских ученых, интересующихся этой областью, я был бы весьма благодарен за оповещение. Нужно быть вместе, необходимо единение, рождающее и умножающее энергию. Имеем вести о сдвигах на Родине и радуемся видеть, какими неисповедимыми путями побеждает Истина.

По-прежнему все мы усиленно работаем - каждый в своей области - и шлем Вам наш душевный привет.

Духом с Вами, [Н. Рерих]

Архив Музея Рерихов, Москва

16 апреля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
16-АПП-37

Родной Рихард Яковлевич,

Ваше доброе письмо от 31 марта, как всегда, содержало много светлых новостей. А перед этим пришло славное письмо от Гаральда Феликсовича, а ещё ранее было письмо Волковского со многими данными о деятельности. Всё это чрезвычайно утешительно. Одно беспокоит нас, чтобы Вы не слишком утомлялись. Живо можем представить себе, сколько всяких хлопот возникает с печатанием нескольких книг одновременно. Берегите себя, ведь всюду требуется так много энергии. Спасибо Вам, а также Гаральду Феликсовичу за Ваши добрые мысли о будущей монографии. Не будем чрезмерно торопиться с нею, а за это время пусть соберётся материал. Кроме того, что мы уже написали мисс Грант о присылке в Ригу ряда клише, мы получили сведение от Шклявера, что Цитрон и Коган имеют в Париже целую серию трёхцветных и других клише, заготовленных ими для издания, до сих пор не состоявшегося. Мы просили Шклявера выяснить количество, сюжеты и цену этих клише. Такое ценное добавление могло бы много удешевить будущую монографию, ибо полагаем, что клише, сделанные уже несколько лет тому назад, не должны стоить чрезмерно дорого. За это же время постепенно выясним и литературу-

ный матерьял. Можно иметь и статьи некоторых шведских писателей. Например, Бабенчикова, Кузьмина, Вс. Иванова, Бурлюка и Вольтера. Таким образом, будет опровергнута легенда о боязни где-то, о какой-то духовности. Конечно, не будем со всем этим торопиться, ибо, чем обдуманнее сделать книгу, тем лучше. Если в Шанхае уже вышла *Агни-Йога*, то, конечно, уже поздно производить какие-либо исследования. Но хотелось бы, чтобы и у Вас, и у нас для проверки было бы хотя по одному экземпляру. Я уже писал Вам нашу точку зрения на это издание. Конечно, прискорбно, что оно появилось одновременно со вторым изданием *Агни-Йоги* в Риге. Но если оно напечатано без ошибок или искажений, то к самому факту мы должны отнестись терпимо. Такое же отношение должны обнаруживать и теософы, когда что-либо делается для вящего распространения добрых идей. Ничего не имею против, что *Сегодня* приделало новое название и подзаголовок, ибо, таким образом, упомянутые в тексте имена оказались подчеркнутыми. Имейте на руках несколько экземпляров, чтобы дать упомянутым в статье лицам. Хорошо, если бы эта статья появилась и в латышской прессе, чтобы кто-то не заподозрил чрезмерную причастность к *Сегодня*. Рады слышать, что 29-го апреля опять будете проталкивать идею Пакта. Имейте в виду, что в Ревеле Рудникова от своей группы ещё недавно симпатично к нам обращалась – значит, и её группа может содействовать. «Gutta cavat lapidem» [*Капля камень точит*] (лат.) – ред.]. Шлём Вам всем лучшие мысли. Берегите себя – Сердцем и духом с Вами.

Н. Р.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

**19 апреля 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо С.Н. Рериха к Вавилову Н.И.**

19 апр. 1937

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

Очень рад был получить Ваше письмо от 8 марта с.г., из которого вижу, что семена, посланные для руководимых Вами учреждений, дошли сохранно. Также буду рад способствовать Вашими запросам, касательно образцов и семян зерновых, бобовых и других растений – при ближайшей возможности вышлю Вам здешние виды.

Благодарю Вас за передачу лекарственных семян по ближайшему назначению. Наш Институт занимался преимущественно лекарственными растениями, которыми так знамениты Гималаи. В прошлой посылке были семена Кут'а (*saussurea Larra*). Кроме этого растения весьма ценятся и представляют крупный доход для целого края.

Посылаю для Вашей библиотеки три номера журнала нашего Института и благодарю Вас за Ваш труд, в котором так много ценных для нас сведений и выводов. Нам неизвестны специальные труды по агрикультуре Тибета, но у нас есть записи и наблюдения, которые я соберу и перешлю Вам. Наши наблюдения велись главным образом в западных Гималаях и западном Тибете, в местностях, прилежащих к долине Кулу, где находится Институт. Сейчас готовится книга о флоре западных Гималаев, основанная на наших гербариях. Но должен сказать, что новый материал поступает постоянно. Есть и новые виды,

что при богатстве здешнего края неудивительно. Если Вы имеете ещё какие-либо запросы, будем всегда рады содействовать по мере возможности.

Будем рады, когда придётся встретиться, побеседовать с Вами о Ваших достижениях, о которых нам столько приходилось слышать и читать.

Ввиду значительности расстояния очень прошу Вас сообщить нам о получении наших журналов, а также указать наиболее удобный Вам способ пересылки семян и растений из Риги.

Искренне уважающий Вас

Святослав Николаевич Рерих

Академику Н.И. Вавилову

Директору Всесоюзного Института растениеводства

Если по отделу этнографии или востоковедения наш Институт мог бы быть полезным своими материалами, то мы были бы очень рады, если Вы поставите нас в связь соответственно.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

К ПРОДВИЖЕНИЮ ПАКТА МИРА В ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАНАХ...

21, 23, 25 апреля 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих

Riga, 21 апр. 1937 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Сегодня у нас день Радости: мы получили разрешение от отдела прессы на I том *Т. Д.*, который был послан туда вчера. Также сегодня было сразу получено разрешение на книгу, посвящённую памяти Феликса Денисовича. К тому же именно сегодня мы с Волковским были на аудиенции у министра народного просвещения и подали лично ему наше прошение, чтобы он содействовал проведению Пакта Мира, причём мы приложили также копии договора, меморандума и подписей общественных деятелей, которые мы в оригинале передадим министру иностранных дел. Министр хотя и высказывался, что идея охраны культуры уже везде проводится без договоров, но отнёсся благосклонно, и обещал познакомиться ближе с нашей просьбой и самой идеей Пакта.

Сегодняшний день ознаменовался для нас радостью и надеждою, потому послали Вам телеграмму. Как я Вам уже писал, мы решили в деле продвижения Пакта сотрудничать с Литовским обществом и с Эстонией. Потому мы и обратились в Таллин к художнику Э. Таске, чтобы он взял в свои руки инициативу по продвижению Пакта в Эстонии и по собиранию подписей для меморандума эстонскому правительству. Под конец мы получили от него коротенькое письмо, по которому почувствовали, что дело в Таллине замедляется, потому решили сейчас же поехать в Таллин. Как Гаральд Феликсович, должно быть, Вам уже писал, мы решили так: Гаральд поедет 9.IV вечером, а мы с Волковским на другой день.

Мы послали телеграмму Таске относительно нашей поездки, но Таска тотчас же ответил телеграммой, чтобы мы не приезжали, что ничего ещё не приготовлено, но тут вмешалась судьба, и телеграмму, посланную на место

моей службы, я получил лишь на другой день, и Гаральд успел уехать накануне. И, без сомнения, было прекрасно, что он поехал, так как попал на открытие выставки литовских художников и был познакомлен с видными культурными деятелями. Притом Таска тут же энергично пропагандировал идею Пакта. Как Гаральд Вас уже извещал, в Таллине при министерстве просвещения существует особый Совет художников, в котором все относятся благосклонно к идее Пакта и члены которого подпишут эстонский меморандум. Мы с Волковским, конечно, тогда уже не поехали. Так Гаральд исполнил первую свою миссию нашего «министра иностранных дел», и полагаем, что удачно, ибо, хотя он и не обладает ещё даром слова, но его огненность весьма внушительна.

Да, наше сотрудничество с Гаральдом всё больше усиливается. Меня привлекает его огненность и решительность, но и культурный кругозор. Ведь устремлённость при недостаточности культурного кругозора чужим может показаться сектантством. Не только устремлённость, но и именно культурность так хотелось бы видеть во всех сотрудниках, что так помогает каждому делу. Жаль, что у Г.Ф. остаётся так мало времени; исключая субботу и воскресенье, он стал принимать больных теперь с 8 часов утра до 8 часов вечера с перерывом на несколько минут для обеда. Такой популярности, кажется, нет ни у одного другого рижского врача. Хорошо, что его супруга теперь, по крайней мере, начинает признавать его лекарства.

Неоценимым сотрудником в деле Пакта и вообще в деле административном нашего Общества является Волковский, в руках которого всё ещё и дела секретаря, в последнее время, и бухгалтерия издательского фонда. Жаль, что Александр Иванович по незнанию латышского языка, исключая совет, меньше может помочь в чисто общественных делах.

Теперь расскажу Вам подробнее об истории собирания подписей культурных деятелей под нашим меморандумом. Отношение их к нашему движению многому нас научило. Большинство лиц, к которым мы обратились, восприняли идею охраны культуры с отзывчивостью. Нашлись даже некоторые молодые подвижные сознания, которые поблагодарили за честь участвовать в таком содружественном обращении. Но были и противоположные переживания. Опишу Вам такой случай. Мы обратились также к ректору университета Аушкапу – будущему президенту намеченной Камеры культуры, заблаговременно послав ему соответствующую литературу о Пакте. Но он ответил нам, что у него теперь мало времени, чтобы углубиться в этот вопрос, и просил нас обратиться к проф. теологии Адамовичу, президенту Латвийского отдела комитета интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций. Жаль, ибо с интересом читали его культурные речи. Ректору, должно быть, было неудобно подписать, как высокопоставленному лицу при правительстве. Далее, также от Адамовича получили ответ, который по опыту и ожидали, «меня этот Пакт не интересует, и я не намерен подписываться, но, если Вы желаете, подайте мне заявление, и я доложу на заседании комитета интеллектуального сотрудничества». Нужно заметить, что Адамович, как председатель этого комитета, является советником при правительстве. В Литве, напротив, как мне писала Монтвидене, в комитете относятся с симпатией к Пакту.

Адамович спрашивал нас также, имеем ли мы право собирать подписи ввиду теперешних обстоятельств. Мы ответили, что справились уже в отделе обществ и неофициально нам сказали, что не имеют ничего против того, что мы собираем индивидуальные подписи.

Далее мы обратились и к проф. Балодису, но, как мы и предвидели, он уже в самом начале высказался вполне откровенно против Пакта, и что «Общество Н.К. не то общество, и Рерих не то лицо, которое компетентно заняться этим делом». И почему связывают эту идею с именем Р. Мы опасались, что Балодис в таком же духе информирует и правительство, что нет надобности в Пакте Мира. Привожу для Вашего сведения место из интервью с Балодисом, которое напечатано в одной газете: международная археологическая конференция в Каире рассматривает различные методы работы археологов и приёмы в охране памятников старины, как от порчи, причинённой временем, так и от порчи, причинённой песочными морями. В связи с последним вопросом о защите памятников путём закона была принята и резолюция, и Институт интеллекта при Лиге Наций будет вырабатывать законопроект, общий для всех стран, входящих в Лигу Наций. Между прочим, в общих беседах выяснилось, что латвийский закон об охране памятников является одним из самых совершенных во всём мире. Проф. Балодис обещал многим заграничным учёным послать этот закон и его толкование.

Далее он сообщил, что два года тому назад Министерство иностранных дел запрашивало у управления памятников отзыв о Пакте, и управление решило, что для нашей страны этот Пакт неприемлем. (Но Балодис был весьма поражён, когда прочёл, что среди подписавшихся находится и один член управления, декан археологии проф. П. Кундзинь.) Наконец, он сказал, что этот Пакт Мира в настоящее время отпадает и по следующей причине. Он только что вернулся из Каира в Египте, где происходил археологический конгресс и где рассматривался также какой-то новый проект охраны памятников, но на совсем других основах, чем Пакт Мира, и что в этот новый проект уже входят все государства Лиги Наций. Мы потом узнали, что это был лишь чисто археолого-исторический конгресс, и он не имеет никакого отношения к самой охране культуры. Мы передали Балодису также Ваш привет и Вашу статью о Латвии. Можете понять при всём этом и наше настроение.

Хочу ещё поведать о наших обращениях к теологам. Один профессор теологии, Малдонис, человек либеральный, хотел уже подписать лист, но когда увидел имя первого подписавшегося – сенатора Дуцмана, вдруг остановился и воскликнул: «Да у вас уже подпись Дуцмана, он на весьма хорошем счету у правительства. Тогда уж Ваше обращение будет иметь прекрасные результаты, тогда уж моя подпись не так важна». Малдонис тогда сказал, что вопрос Пакта они обсудят в Лютеранском церковном управлении. Как я уже писал Вам, Дуцман выпустил книгу о христианской цивилизации, где говорит, что Христос дал своё Учение лишь для известной эпохи, но что за его Учением теперь следует «новое следующее откровение» или «новое Учение Востока». Его книга представляет смесь нашего Учения с идеями Лорбера. Книга эта когда-то вызывала протест среди пасторов. Теперь и Вы понимаете дальнейшее.

Мы обратились далее к нашему лютеранскому архиепископу Гринбергу. Он ответил, что идея Пакта хороша, но он, как должностное лицо, не может действовать самостоятельно, но должен поговорить с церковным управлением. Итак, в пятницу, 16 апреля, представители нашей церкви обсуждали Пакт Мира на своём заседании. И в этот же день мы получили от архиепископа следующий ответ: по решению управления он должен переговорить по этому вопросу с министром иностранных дел.

Далее, два наших художника возражали, почему эта идея охраны идёт не из Латвии, что нам надо популяризировать своё искусство и т. д. Один писатель говорил: хотя мне и не нравится, что идея связана с именем Н.К., но я подписываю, потому что другие это делают. Были и такие, которые ещё критиковали идею, но подписали. С другой стороны, проф. Юревич, хотя и знал все сплетни об Америке, но охотно подписал. По этой охотности и можно познать друзей, по их радости можно свидетельствовать, что эти сплетни коснулись лишь весьма незначительной части, что большинство относится к идее охраны культуры весьма доброжелательно, чего я вначале совсем даже не ожидал, по теперешним нашим обстоятельствам. Именно, отказались лишь те, о которых мы предвидели, – как Вы можете судить по спискам, посланным Вам Гаральдом Феликсовичем.

Итак, подписали 2 сенатора, ректор академии Куга, ректор консерватории Иозус и почётный председатель современной консерватории Я. Витол. Далее, Пранде и Пурвит, директор городского музея Дзенис, директор государственного музея, директора обоих наших театров, бывший президент государства Земгалис, два декана университета, 2 генерала Бангерскис и Гопперс, водитель скаутов. Далее, бывший начальник окружной военной комиссии, 14 профессоров, 4 доцента университета. Директора государственной и городской библиотек, заведующий государственной типографией художник Либерт, директор Латвийского телеграфного агентства Берзинь, который подписался лишь как писатель. Председатель Общества книгоиздателей, председательница Общества академических женщин. Далее, наши самые лучшие писатели, композиторы, оперные певцы, актёры, режиссёры и дирижёры и художники (к сожалению, мы не успели всех последних навестить, я знал, что именно художники относятся различно к нашему движению). Наконец и композитор А. Калныньш, который со своей дочерью когда-то выступал на концерте и в Американском Музее. Многие подписавшиеся, должно быть, уже известны Владимиру Анатольевичу.

Мы собрали всего 80 подписей и продолжали бы собрание, если бы не узнали, что Министерство прав принимает лишь раз в неделю, именно сегодня, потому и должны были прекратить. Последним подписал Пурвит, который только что возвратился из-за границы. Я беседовал с ним полтора часа: долго и внимательно он разбирал «по косточкам» все пункты договора и – критиковал. (Пурвит, кажется, и является единственным, кто прочёл этот договор!) Он говорил, что этот договор является нереальным. Ибо, какая же из больших держав заключит подобный договор, когда под Знаменем будут все культурные и образовательные учреждения – значит, и школы? Так как именно школ громадное число, то это должно исключить всякую возможность войны: противнику некуда будет прицеливаться, везде он должен будет опасаться, чтобы не попасть в заведения, защищённые Знаменем Мира. Ответил ему, что в том-то и состоит вся гениальная тактика Пакта, что сотрудничество в охране культуры, в конце концов, исключает самую возможность войны. Далее Пурвит утверждал то, что нам говорили и другие, именно, что большие европейские державы могут обидеться, если малые страны первые примкнут к Пакту. Ответил я так, как мы утверждали и в своём меморандуме, что настало время именно молодым странам явить пример большим державам на поприще культуры и культурного сотрудничества.

Сердечно отозвался на наше предприятие и Пранде. Он помогал мне собирать подписи в Художественной академии. Чувствую, что даже в случае, если меморандум не будет иметь теперь реальных результатов, даже тогда нами предпринятое дело имеет для нашего Общества громадное значение. Мы показали, что НАША идея о Культуре есть Сила и что за неё стоит ВЕСЬ ЦВЕТ ЛАТВИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Даже министр просвещения проф. Тентелис был поражён, увидев среди подписавшихся многих своих коллег. Потому и впредь с нами как организацией не могут не считаться. С другой стороны, большое значение имеет и то, что мы, все три страны, выступали коллективно и что мы обращаемся не только к нашим правительствам, но и к самой конференции, заранее уведомив об этом и свои правительства. Для продвижения идеи Пакта в сознание нашего народа достигнуто то, что атмосфера несколько прояснилась и что подписавшиеся, по крайней мере, чувствуют себя теперь как бы кармически связанными с идеей охраны культуры. Им была оставлена или потом послана также моя книга о Н.К. Как видите, были и печальные моменты, но мы старались не допустить в себе сомнения.

23 апреля 1937 г.

Вчера, 22 апреля, мы подали наш меморандум с оригиналом подписей и с копией на французском (для Балтийской конференции) и обращение к министру просвещения – заведующему отделом Балтийских стран при Министерстве иностранных дел. Нам сказали, что меморандум подаётся слишком поздно (конференция – 29 апреля), что вряд ли успеют ознакомиться со всеми вопросами, но всё же возможно, что вопрос Пакта будет обсуждаться на конференции.

Вчера мы получили весьма неприятное известие: Таска, на которого мы возлагали такие надежды, относился к нашему делу с полнейшим пренебрежением. Гаральд получил от него письмо, что он всё время был в отъезде, что ничего не делал для нас, что передал весь материал секретарю Совета художников Тамму, и чтобы мы обратились к нему. Можно понять наше огорчение, ведь он обещал Гаральду заняться делом Пакта и собирать подписи под эстонским меморандумом, мы послали ему несколько писем, материалы и книги и пр.! Если он очень занят, то он должен был бы уже в самом начале отказаться от содействия нам и мы нашли бы иной выход. Самое неприятное то, что мы в своих обращениях к правительству приписали, что подобного рода обращение будет подано и Литовским обществом и инициативной группой в Эстонии

Далее, к французскому меморандуму для Балтийской конференции мы должны присоединить также копию эстонского меморандума с копией имён подписавшихся (!!). Пришлось не теряться духом. «Героев насильно не создать». Сегодня мы с трудом отыскали двух знающих эстонский язык, которые взялись перевести обращение и договор на эстонский, и сегодня вечером Гаральд вместе с Александром Ивановичем отправляются снова в Таллин. Они должны завтра получить, по крайней мере, подписи под французским меморандумом. Гаральд должен тотчас же вернуться в Ригу, передать меморандум нашему члену Блюменталю, который тотчас же отправится в Ковно, чтобы в понедельник Ковенское общество могло передать меморандум г-ну Лазорайтису, как председателю президиума Балтийской конференции. Искренне надеемся на успех. Такие неожиданные осложнения обыкновенно являются в последнюю минуту. В конце своего меморандума мы утверждали идею про-

тектората Панамериканской Унии. Мы не могли больше исправить латышский текст, но из меморандума перепечатали французский текст, как Волковский Вам уже писал. Но потом получили письмо Шклявера, где он говорит, что лучше, по Вашему указанию, теперь не упоминать об Американской Конвенции. К сожалению, письмо Шклявера запоздало на три дня. Он был оповещён и раньше.

Наша тактика была – «не дать опомниться». Чувствознание в первый момент всегда восхищается прекрасной идеей, но если дать человеку долго подумать, то чаще всего холодный интеллект возьмёт перевес. Так было и с собиранием подписей: если человек говорил: я ещё подумаю до завтра, то мы с улыбкой уходили, – это уже означало вежливый отказ.

Тайную Доктрину мы дадим переплести в синий цвет с серебряными буквами, подобно *Ауму*. Какой будет Ваш совет? В брошюрованном виде столь толстую книгу невозможно будет держать. Будем брошюровать приблизительно 150 экз.

Во втором томе я стараюсь согласовать главные Станцы со Станцами, повторяющимися в комментариях. В Станце VI, 23-й стих: «Не так было с сынами их», в комментариях: «Но сыны их были истреблены». Я оставляю первый вариант.

Далее, во II-м томе, над главными Станцами есть заглавие: *Из книги Станц Дзиан*. Не лучше ли наоборот? В первом томе было лишь – *Станцы Дзиан*.

Получил от Вас 18 латов на фризии. После покупки осталось ещё 10 латов.

Получил письмо от 24.III, с двумя копиями писем в Варшаву. Получил от тиски статей на английском языке.

Хочу добавить, что отказался подписать меморандум также председатель Красного Креста д-р Б. Мы не успели обратиться к генеральному секретарю Акментыню, он бы подписал.

25 апреля

Вчера ночью возвратились наши друзья из Таллина. Они уже вчера оповещали нас телеграммой, что всё благополучно. Истинно, успех у них был поразительный. Должно быть, Гаральд Феликсович уже сам Вас известил обо всём, потому повторяю это вкратце. Таска принял их несколько сконфуженный, не просил даже присесть. Но по телефону выхлопотал для них аудиенцию у В.Пятса, вице-министра просвещения, который в этот день был очень занят. Пятс – человек простой, но культурный и решительный, вначале несколько колебался, но когда ему показали эстонский текст, сразу дал свою подпись на французский меморандум (для Балтийской конференции), потом, кроме него, подписали ещё директора эстонских музеев и директор какого-то музея (как группа инициаторов). Потом обещал, что 27 апреля, на заседании Совета художников, председателем которого он является, он соберёт подписи членов под эстонским меморандумом, который будет подан эстонскому правительству. Итак, мы подписали французский меморандум 23-го, эстонцы – 24 апреля, а сегодня подписывают его в Ковно. Так дело шло самым превосходным образом. Оказалось, что если и было где влияние тёмных, то, в конце концов, они работали именно на нашу пользу. Первые неудачи, при усилении энергии, принесли ещё большие удачи.

Сегодня мы узнали, что Балтийскую конференцию решили *отложить*. (О чём догадались уже раньше, когда узнали о болезни Акеля, эстонского министра иностранных дел.) Теперь неминуемо вопрос Пакта войдёт в порядок дня Балтийской конференции, потому что теперь у правительства будет время ознакомиться с Пактом.

Р. Рудзитис

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

Знамя Мира на конгрессе обществ Рериха Прибалтийских стран, посвященного 50-летию творческой деятельности Н.К. Рериха (1937 г.)

24 апреля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщиковым Н. и Т.

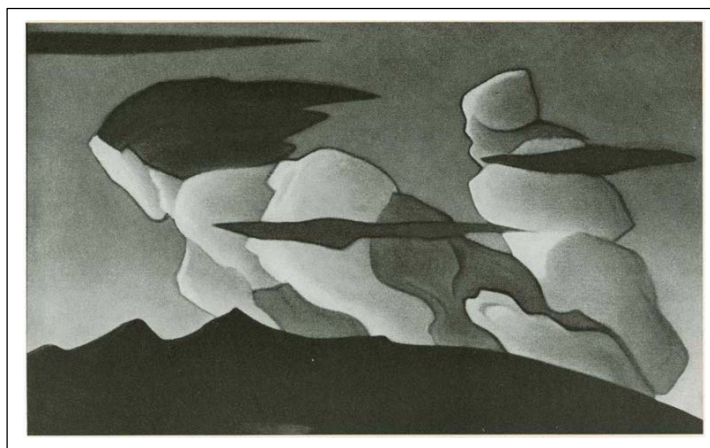
Родные Н[ару] и Т[арухан],

Спасибо за Ваше душевное письмо -- видим, как кипит у Вас дело, и преодолеваются всякие неизбежные в светлом деле препятствия. Рад слышать о тех прекрасных отзывах о Вашей последней книге, которые так совпадают и с моими заключениями. Ждём и следующий том. Ведь читатели обычно не принимают в расчёт всех трудностей, которые окружают каждую книгу, а хорошую в особенности. Прекрасно, что и лекции Ваши вызывают такое внимание. Сеятель добрый находит и добрую пашню. Конечно, много путей и тропинок приходится пройти, прежде чем находится лучшая земля для посева. Но и в хождениях этих творится столько добра, что всякие трудности забываются. Не поняли мы в письме Вашем двух выражений. Вы называете себя "блудными детьми". Что сие значит, ведь Библейский блудный сын прежде натворил что-то и за то получил это название. Но ведь такой эпизод совершенно непреложен к Вам, ибо Вы оба не могли ни в чем подражать Библейскому прототипу с таким названием. Разъясните, в чём дело. Другое непонятное нам выражение

было, что Вам приходится перекрашиваться. Спрашивается, во что перекрашиваться и зачем перекрашиваться? Носитель Культуры не только не перекрашен, но даже и вообще не выкрашен. Светом сердца сияет каждый работник прекрасной правды.

Каждый деятель Культуры - как Свет во тьме. Он несёт миру то непреложное, которое не может подвергаться никаким окраскам. Возьмите все Ваши писания, разве в силу чего бы то ни было приходится в них менять что-либо. Ведь ни чуточки не приходится. Во всех народных сдвигах место истинной Культуры остаётся непоколебимым, и благо всем тем, кто жил и мыслил о Culture, которая всегда остаётся в основе мировой правды. Выдумщикам приходится хитрить и вывертываться, но труженики Культуры идут неизменно и знают, что посев их добр. Вот мне уже 63 года. Оглядываюсь и вижу, что никогда меняться не приходилось. Шли мы в искусстве и в жизни единым путём. Не раз замечалось, что в искусстве от моего первого "Гонца" и до вестников самого последнего времени задание было едино. О той же правде, о том же несении добра народу мы можем мыслить и прилагать все наши неусыпные усилия на той же пашне.

Н.К. Рерих. Великий пахарь - Микула Селянинович. 1937.
(ч/б воспроизведение)

Недавно написал я картину "Великий Пахарь - Микула Селянинович". Над тёмным силуэтом земли возносится в облачно-небесном облики богатырь труженик. Пашет и посеет потом. И пожнёт жатву.

На днях мы высчитали, сколько здесь приносит одно зерно ячменя за год - получилась цифра 5964 зерна. Сами считали. Вот и из Ваших добрых посевов, над которыми Вы оба так прекрасно трудитесь, возрастут тысячи добрых зерен. Сейчас время больших сдвигов, а помните мою поэму "вместо сдвига скажешь ты подвиг". На этом великом русском слове шлём Вам сердечное "Христос Воскресе" - а скоро будет и день Преподобного Сергия. Кланяемся этому Великому дню. Поясните два Ваших выражения, пишите о всех Ваших добрых посевах. Е.И. и все мы шлём Вам обоим наш сердечный привет. Духом с Вами.

Хотелось Вам послать мою статью о Пушкине, бывшую а инд(ийском) журнале, но ещё не получил оттисков.

Архив Музея Рерихов, Москва

27 апреля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Волковскому К.О.

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
27-АПР-37

Дорогой Карл Оттонович,

Спасибо Вам за письмо Ваше от 14 марта с приложением копий Вашего письма к Зенкевичу и письма Савицкого к Фрицберг. Сегодня мы получили телеграмму от Р.Я. Рудзитиса о том, что конференция министров в Литве отложена. Это извещение дало нам возможность сегодня же телеграфировать д-ру Шкляверу, предлагая ему просить посланников Балтийских стран в Париже и с их стороны произвести спешные воздействия по движению Пакта. Д-р Шклявер хорошо знает литовского представителя и ещё недавно писал нам о благорасположении к Пакту в Литве со слов этого представителя, недавно вернувшегося в Париж. Во всяком случае, нужно всеми силами и во всех направлениях продвигать дело Пакта. Неужели недавние испанские печальные примеры не научают людей осторожности в охранении истинных ценностей. Благодарим Е.П. Фрицберг за сообщение письма Савицкого – от него вестей не имели. По делу издания *Агни-Йоги* в Шанхае наша точка зрения следующая: будем радоваться каждому достоверному распространению Учения Живой Этики. Если шанхайская книга вполне отвечает теперь переизданной в Риге, это благо. Но если она издана с прежде бывшими в первом издании опечатками, то это прискорбно. В этом смысле можете и написать Зенкевичу. Пусть он предупредит Бобынина, чтобы в его издании были избегнуты ошибки, вкравшиеся в первое парижское издание. Пошлите Зенкевичу пару экземпляров рижского издания *Агни-Йоги*, пусть сравнят. Конечно, ни о каком судебном преследовании не может быть и речи. Вчера мы были сердечно обрадованы получить телеграмму о цензурном разрешении первого тома *Т. Д.* и книги памяти Ф.Д. Лукина. Как хорошо, что книга памяти Феликса Денисовича вышла так благожелательно. Такие большие светлые личности должны быть освещаемы Светом Добрым. Во всём мы любим глаз добрый, и только изыскивая все цветы добра можно строить прочно. Какое впечатление произвела моя статья *Латвия*, и была ли она и в латышской прессе? Нужно устанавливать благое взаимопонимание, и всегда радостно, когда можно чистосердечно устанавливать благие вехи. Курьёзно, что Савицкий пишет о сходстве моих воззрений с недавним евразийством. Моим-то воззрениям уже более 35 лет. Воображаем, как Вы все заняты. Добрые эти Ваши труды, и нужны они человечеству особенно в нынешние смутные дни. Извещайте о всех подробностях переговоров о Пакте. В случае каких-либо странностей очень важно знать все детали, которые помогут принять дальнейшие меры. Продолжайте посылки в Швецию и сообщайте нам, где и как они принимаются. Это тоже поможет уяснить, которые каналы более доступны. Е.И. и все мы шлём Вам и всем друзьям лучшие приветы.

Духом с Вами, *Н.Рерих*

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

30 апреля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
30-АПП-37

Родной Рихард Яковлевич,

Вчера мы получили с письмом Карла Оттоновича от 19 апреля, за которое его очень благодарим, прекрасно обработанные меморандумы для представления на будущую конференцию балтийских министров. Очень хорошо, что успели вынуть фразу относительно протектората, очень – как пишет Валковский – справедливо предупредил Шклявер. Одно нас беспокоит: в основном меморандуме Пакт называется «Пакт Мира Рериха», – а между тем Пакт всюду называется «Пакт Рериха для охранения культурных ценностей». Знамя, входящее в Пакт, называется «*Знаменем Мира*». Мы опасаемся, как бы изменение титула Пакта не внесло затруднения недоразумения. Если одни страны подпишут «Пакт Рериха», а другие «Пакт Мира Рериха», то в международном значении это может показаться чем-то совершенно различным. Кроме того, опасаемся, что Пакт Мира вряд ли может быть подписан отдельными государствами, и министры могут счесть это вторжением в сферу международной политики и мирных конференций. Ведь одно дело бесспорное охранение культурных ценностей, а совсем другое – отвлечённое рассуждение о мире вообще. Очень опасаемся, чтобы это обстоятельство не внесло бы отрицательных следствий. Если конференция отложена и имеется ещё достаточно времени, то не лучше ли хотя бы в общем французском меморандуме назвать Пакт по его первоначальному титулу: ROERICH PACT

(Treaty for the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments) [(англ.) *Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников*]

Если почему-либо в общем тексте меморандума это уже изменить неудобно, то нельзя ли приложить дополнительное письмо, в котором, между прочим (не подчёркивая предыдущее название как ошибку), было бы упомянуто название Пакта в его первоначальном виде. Это тем легче, ибо в литовском меморандуме упоминается именно «Пакт Рериха». Кроме того, если придётся дать это дополнительное письмо или переговорить по этому поводу, не называйте *Пакт де Рерих*, а просто *Пакт Рерих*, ибо и такие изменения в титуле иногда могут вести к нежелательным последствиям. Интересно, какой именно текст Пакта был представлен Вами правительствам для подписания. Если текст для подписи взят первоначальный (французский из первого тома о Пакте) и если есть время, запросите Г.Г. Шклявера, нужно ли, чтобы был подписан этот полный текст, или же теперь будет выражено принципиальное согласие на такой Пакт Рериха для охранения культурных ценностей. Сообщите нам, пожалуйста, по каким мотивам личным Балодис и Адамович не подписали меморандум. С моей стороны ничего лично отрицательного с ними никогда не было, а мой добрый отзыв о Балодисе я даже подтвердил в статье *Латвия*. Очень желательно выяснять причины таких действий – ведь не можем же мы предположить, чтобы председатель Комитета по охранению латвийских древностей был вообще против охранения культурных сокровищ в мире. Кроме того, как мы слышали от Г.Г. Шклявера, интеллектуальные работники в Париже согласны с Пактом, поэтому, на чём же может быть основано воздер-

жание г. Адамовича? Таким образом, будем всячески выяснять истинное положение вещей, что поможет для устранения многих недоразумений.

Теперь о титуле самого нашего Общества. Покойный Феликс Денисович незадолго до своего ухода хотел по примеру прочих обществ переименовать длинное название в краткое «Латвийское общество Рериха», но за болезнью не успел это провести. Мы бы ничего не имели и против существующего названия, если оно будет относиться к Музею Рериха, существующему в Риге. Вы понимаете, нужно избежать, чтобы какой-либо другой Музей не стал высказывать каких-либо претензий на картины. Поэтому, если сейчас неудобно менять титул Общества, то, во всяком случае, внутренним постановлением правления нужно закрепить, что в данном случае имеется в виду Музей в Риге. Число картин с вновь прибывающими вполне позволяет это считать Музеем. Кроме того, впоследствии могут быть присоединены и отделы латвийского искусства – это было бы очень желательно.

Прилагаем копию письма к Зенкевичу, из которого Вы видите нашу точку зрения относительно шанхайского издания *Агни-Йоги*. Сегодня же запаковывается последняя часть второго тома, и завтра будет выслана. Таким образом, этот жертвенный труд закончен. Сколько любви, труда и рвения будет собрано около этого. Скажите, какие именно письма были от Елены Фёдоровны – эта психология нам интересна. Можем себе представить, сколько труда было Вами положено на последнее издание. Радуемся, что книга памяти Ф.Д. вышла и будет книгой доброй. Вы знаете, как мы ценим во всём глаз добрый. А в такой памятной книге, насыщенной добром, именно, должна быть выражена светлая память о незабвенном Ф.Д.

Вероятно, у Вас разовьётся [*сотрудничество*] с Таллином и, вероятно, послужит импульсом к созданию там Комитета или Общества. Ведь там живёт и Кайгородов, недавно мне сердечно писавший. Наверное, у Вас продолжают и прочие посылки, которыми интересуемся. Е.И. и все мы шлём Вам лучшие приветы.

Копию этого письма для осведомления по вопросу о Пакте посылаем Г.Г. Шкляверу. Шлём Вам, супруге Вашей и всем друзьям наши самые сердечные пожелания.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Е.И. просит, нельзя ли найти русский перевод Шекспира *Measure for Measure* и взять оттуда строки для *Т. Д.* – страница 703, 1-й отдел.

Спасибо за высылку марок – чем больше их разойдётся, тем лучше.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите.)

МАЙ

*4 мая 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису*

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
4-МАЯ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Сейчас получили Ваши и Гаральда Феликсовича письма от 21 и 25 апреля. Прекрасные письма, они показывают, что Вам удалось совершить огромный шаг, приобретя общественное мнение. В конце концов, совершенно неважно, по каким правительственным перипетиям будет кататься Пакт. Прежде всего, общественное мнение должно принять его и осознать значение охранения культурных сокровищ. Такое приобретение общественного мнения послужит и для развития Общества вообще. Из более или менее закрытого Вам удалось выйти на широкую общественную арену. Таким образом, Вы – все участники Общества приобретёте всевозможные новые пути к продвижениям. Каждый правильно служащий делу культуры неминуемо и сам продвинется. Это очень хорошо, делайтесь все большими, замечательными, истинными строителями народного достояния. Да будет.

В предыдущем письме мы писали о титуле Пакта. Конечно, если заявление уже подано и подписи собраны, то, конечно, перестраивать что-либо сейчас не имеет смысла, и может внести даже вредную путаницу. Но после конференции, когда Вам, естественно, много раз придётся поминать Пакт, Вы скажете не «Пакт Мира Рериха», но «Пакт Рериха» – по охранению художественных и научных ценностей. Спешу написать это, чтобы Вы не стали что-либо перестраивать в уже законченных бумагах. Ведь мы должны всячески избегать каких-либо неувязок. Конечно, при переговорах с лицами духовными Вы подчёркиваете, что и церкви входят в круг охранения.

Очень забавно суждение Пурвита, и Вы правильно ему возразили, что если Знамя воспрепятствует ведению войны вообще, то это было бы замечательнейшим достижением. Подобные Пурвиту суждения нам пришлось слышать от одного американского доктора, который таким образом явился неожиданным апологетом войны. Но тот был весьма некультурный, и потому мы совсем не удивились его диким выводам. Странновато, что ни Пурвит, ни Балодис не откликнулись на мои сердечные о них отзывы. Другие многие поступали иначе.

Во всяком случае, чрезвычайно поучительны все мнения, выслушанные Вами «про» и «контра». Это поможет Вам ориентироваться и при всяких будущих культурных выступлениях. Ведь когда придут картины, то опять-таки, конечно, произойдёт движение воды, и Вам опять придётся призвать под знамёна всех действующих и резервистов. Благодарим и Вас, и Гаральда Феликсовича за трогательные заботы о будущих книгах. Если, по мнению местных знатоков, бумагу приобрести выгодно и средства для этого имеются, то, конечно, такое полезное имущество всегда выгодно. Книги памяти Феликса Денисовича мы ещё не получили и потому не знаем, о какой именно бумаге в письмах говорится. Так же точно сейчас довольно трудно судить о размерах. Например, монография сильно будет зависеть от количества цветных воспроизведений. А это количество зависит и от цены, по которой удалось бы их получить. Может быть, кое-что будет Вам выслано и из Америки, о чём мы уже

просили мисс Грант. Кроме того, Шклявер должен известить нас о том, что именно имеется у Когана и какие его условия. Как только эти сведения будут поступать, мы будем извещать Вас. В смысле количества думается, что полезнее иметь четыре тысячи русской и не более двух тысяч английской. Количество текста, думается, не менее 200 страниц для русской и, может быть, немного менее для английской. Размеры, конечно, не менее литографского издания *Сердца* или монографии Петрова-Водкина. 37x30 см было бы слишком велико. Святослав сердечно благодарит Гаральда за присланные прекрасные книги. В конце концов, формат монографии Петрова-Водкина вполне подходящий, но, конечно, книга будет много толще.

Очень трудно решить сейчас и по размерам книгу писем Е.И. Но если мы возьмём предположительно размер издания *Угунса*, то, наверное, книга соберётся больше *Нерушимого*. Количество – такое же или больше. Все прочие подробности выяснятся, когда содержание оформится. А ведь сейчас у Е.И. множество срочной работы, так, например, проверка английского перевода *Аума* и других книг. Во всяком случае, всё движется, нарастает. По газетам Вы видите, что творится.

Интересуемся посылкою в Швецию¹. Наверное, посылки продолжают, и любопытно выяснять, какие именно каналы при существующем разнообразии оказываются наилучшими. Отлично вышло издание *Сирдс* по-латышски. Вообще и этот тип изданий может быть весьма полезен. Очень радуемся, что и латвийские издания будут накапливаться, ибо таким путём будут расширяться круги читателей. Не было ли отзывов о латышском издании *Сознание Красоты спасёт*? Вообще хотелось бы знать отношение с латвийской прессой. Ведь и для Пакта, и для всех будущих действий это обстоятельство чрезвычайно существенно. Радовались мы и сведениям Гаральда Феликсовича из Таллина. Непосредственность атаки во имя Блага и Культуры всегда прекрасна. Правильно поступаете, не настаивая там, где гнилость или аморфность очевидны. Е.И. и все мы мысленно всегда с Вами, шлём всё светлое.

Сердцем и духом,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите).

10 мая 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Павлу Северному.

NAGGAR Kulu, Panjab, Br. India

10 мая 1937 года

Дорогой мой,

Спасибо за доброе письмо Ваше от 10-го апреля, сейчас полученное. Вижу из него, что Вы неустанно за работою - а это самое главное. Радуйтесь, если всякие завистники злобствуют. Ведь такая злоба есть ничто иное как «обезьяньи ласки». Хуже было бы, если злошептатели не обращали бы внимания. По своему они воздают Вам честь, ибо похвала их была бы бесчестием для Вас. Именно творите и творите. Спасибо за посвящение мне книги Вашей о Гоголе².

---

¹ Швеция – СССР. – Ред.

Вы не ошиблись, полагая, что именно этот великий писатель, поэт и провидец мне особенно близок. Кроме незабываемых его образов поразителен и язык его, за столетие нисколько не устаревший. Хорошо делаете, что отмываете великие лики, часто запылённые в базарной людской неурядице. Рад слышать и о решении Вашем создать кружок. Такие кружки-содружества чрезвычайно нужны, ибо в них взаимно поддерживается горение культурное. Когда так много сожигания культуры, то свет её нужно оберегать всеми силами. Для начала этого кружка примите мой постоянный совет: начните кружок с самым малым числом участников. Из малого зерна вырастают мощные деревья. Если трое или четверо сходятся во имя культурного сотрудничества, то есть вероятность, что они поймут друг друга и не поссорятся. Каждое же большое сборище неспянных идейно полуслучайных посетителей всегда несёт в себе раздор и взаимное поношение. А именно этих двух ехидн нужно всячески избегать. Ведь ЕДИНЕНИЕ является самым мощным фактором, и только людское недомыслие не соображает, какое непоправимое разрушение вносится каждым разъединением. Итак, начинайте с Богом в твёрдой вере, что культурное объединение неотложно нужно. Кажется, Вы знаете Елену Корицкую - она писала мне, что с Вами встречалась. Пришлите мне и Вашу, и жены Вашей карточку, а если выберёте сотрудников, то и их фотографии, хотя бы наименьшего, «паспортного» размера. Мы поместим их в собрание изображений наших сотрудников в разных странах. Ещё раз скажу, не смущайтесь ни завистью, ни клеветой. Помните Гоголевское напутствие. Ведь такие строки написаны кровью сердца. Помните и слова Гоголя о женщине. - Из-за мёртвых душ встают вечно живые души.

Итак, творите. Супруге Вашей привет.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Воспроизводится по изданию: Николай Рерих. Неизвестные письма. Публикация В.Нечаева // Журнал «Наш современник» (Москва). 1964. Май. № 5. С. 102-111.

10 мая 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих

Рига, 10 мая 1937 г.

Дорогие и сердечноуважаемые

Елена Ивановна и Николай Константинович!

Несколько дней тому назад я получил письмо от Владимира Анатольевича с подробным планом присылки картин. Не могу выразить, как это известие поразило и возрадовало. Этот великий Дар Сердца принесёт Свет не только Латвии, но и многим смежным странам. Магнетизм этого Света Прекрасного почувствует и Швеция. Сознаю, что эта Радость удвоит нашу ответственность. Также и деятельность нашего Общества расширится многократно. Мы надеемся в будущем привлечь к более тесному сотрудничеству с нами культурных деятелей. Сборник в память Феликса Денисовича и собирание подписей под нашим меморандумом некоторых из них уже снова сблизили с нами.

Надзор над залом и комнатами в помещении нашего Общества мы передали члену Абрамовичу, который проживает там же. Эти комнаты теперь обыкновенно держатся закрытыми и отпираются лишь под его непосред-

ственным надзором. В последнее время мы устроили особую комнату для студии (раньше для этой цели был предоставлен зал): там находится пианино для обучающихся музыке и для музыкально-вокальной секции, там же два наших члена и рисуют. Можно ли им разрешить снимать копии с некоторых картин Н.К. для наших же членов, или же лучше это разрешать лишь в исключительных случаях, как мы до сих пор делали? Конечно, копии с оригиналов без Вашего разрешения мы не будем разрешать распространять.

Наша драматическая студия под руководством нашего члена актрисы Эмилии Виестур недавно сыграла детскую пацифистическую пьесу, сочинённую членом нашей старшей группы г-жой К. Драудзинь. Конечно, у нас ещё недостаток в первоклассных артистах. У нас всегда был спорный вопрос, в каком размере в эту студию привлечь *НЕ* членов. Приходится всегда опасаться диссонансов, которые могут быть внесены вместе с чужими.

У нас была также попытка организовать свой оркестр. Но осенью, кажется, придётся всё переорганизовать на новых началах.

J.Montvydiene мне пишет, что наш совместный меморандум для Балтийской конференции ей удалось передать лишь 5 мая, и притом не самому Лазорайтису, но вице-министру иностранных дел, который относился довольно сдержанно к Пакту. Вот что пишет сама Montvydiene: «Лишь сегодня принял нас, к сожалению, не министр, а вице-министр. Беседовали больше получаса. Обещал всё изложить министру. Конференция намечается *НЕ РАНЬШЕ КОНЦА июня*. Придётся долго ждать результатов. Благоприятные обещания были довольно сдержанные. Сказал, что наш министр может предложить вопрос о Пакте, но принять на обсуждение зависит от вашего и эстонского министров». Все министры иностранных дел теперь уехали на коронацию английского короля и вернутся, должно быть, не раньше июня. Я познакомился также с Вашим письмом к К.Валковскому и с Вашей телеграммой Шкляверу.

Как я уже писал Вам, наш член Я.Блюменталь поехал в Ковно 25 апреля. Приведу Вам здесь выдержки из его доклада нам, чтобы Вы сами могли познакомиться с его впечатлениями.

«Случайно мой приезд совпал с выборами нового правления, и я имел возможность таким образом познакомиться со всеми членами Общества и провести весь этот день вместе в сердечной обстановке. Собираются у члена Глямжи в небольшой квартире, он, кажется, единственный из членов, который имеет подходящую квартиру. К часу дня, когда было назначено годовое общее собрание, помещение уже было переполнено, так что буквально места свободного не было. Торжественным молчанием было открыто собрание с мыслью “Чтобы миру хорошо было”. Этот момент глубоко запал мне в душу. Человек 30 народу, которых первый раз вижу, а между тем чувствую, что эти люди мне бесконечно близкие – родные – самые лучшие мои друзья, которые так же и меня принимают, и казалось мне, будто мы так уже много-много лет сидели и вместе наполнялись мыслями об общем благе.

...После выборов, между прочим, обсудили вопрос о созыве конференции в Литве, но потом решили этот вопрос отложить до первой встречи членов правления Литовского и Латвийского обществ.

По случаю годового общего собрания было уже заранее решено посадить в саду у Глямжи дуб, и вот, пользуясь случаем, что к ним приехала их мама д-р Серафинене, просили её быть крёстной матерью, а меня, как гостя из Риги, – крёстным отцом. По предложению крёстных, дуб назвали дубом Единения и

посадили его в торжественной обстановке. Дуб был посажен в день, когда, без общего годового собрания, Литовским обществом был подписан меморандум для предложения Балтийской конференции. После официальной части собрания члены долго не расходились, обсуждали всевозможные вопросы и в такой беседе засиделись до поздней ночи.

Скажу несколько слов о молодой художнице Тарабильде. Её муж показал мне маленькую коробку с маленькими букашками, червячками, кузнечиками и пр., сделанными ею из дерева простым домашним ножом, в возрасте 9 лет, когда она была пастушкой и жила со своими родными. А когда знаешь теперешнюю обстановку, в которой приходится художнице работать, тогда проникаешься ещё большим уважением к этим людям и их произведениям. Живут чуть ли не в одной комнате с тремя детьми, там и мастерская, и спальня, и столовая, и зарабатывают только тем, что создают их руки».

Получил продолжение манускрипта *Т. Д.* Набрана уже порядочная часть II тома, но в цензуру дадим в четверг, 13 мая, лишь 5 отпечатанных листов. Нам важно лишь получить удостоверение о том, что работа начата. Прилагаю при сём газетную вырезку об авторском праве. Конечно, по этой краткой газетной заметке трудно судить, надо будет познакомиться со всем законопроектом.

Прилагаю также заметку о меморандуме. В латышской газете обещали поместить, но не поместили, притом обещал тот самый редактор, который был среди подписавших наше обращение. Просто надо удивляться психологии редакторов!!

Завтра, 11 мая, у нас официальный вечер в память Феликса Денисовича. Разослано около 140 приглашений. Проф. П.Юревич прочтёт реферат *О силе и бессилии идей*, кроме того, будут выступать известные артисты. Вечер откроем нашим введением о Феликсе Денисовиче.

Прилагаю при сём снимки в День Владыки. Эти снимки храню лишь в нашем архиве-сокровищнице.

Зенкевич прислал мне Образ Христа. Он так прекрасен, что я хотел бы спросить Вас – является ли он отображением какой-нибудь картины, или он имеет более аутентичное значение?

В первом томе *Т. Д.*, на 565-й стр. напечатано: «Четыре экзотерические Кумары суть Санаткумара, Сананда, Санака и Санатана; и трое эзотерические – Сана, Капила и Санатсудждана». В манускрипте в начале было «Четыре эзотерические...», но мы считали это опечаткой, так как в английском и немецком текстах было напечатано: «экзот...». Но как такое разделение понять? Понять ли это в том смысле, что первые Четыре исполняют более экзотерическую роль в управлении этим миром?

В прошлом году к нам заезжал и читал реферат о Тибете какой-то Иллион, проведший год в Тибете, вегетарианец, человек духовный, который недавно выпустил книгу на немецком языке о Тибете¹. Он рассказывал, между прочим, что в Тибете в пещерах живут отшельники, возрастом в несколько сот лет, но с виду совсем молодые. В *Чаше Востока* тоже говорится о подземных пещерах у Лхасы и т. д. Имеют ли они прямую связь с Белым Братством? Иллион рассказывал также о том громадном различии, которое в Тибете существует между всей массой приверженцев ламаизма и отдельными духовными единицами. Наконец, на запрос одного члена, он сказал, что Сен-Жермен всё ещё не умер (?) и проживает в настоящее время в Америке.

Желаю Вам всего самого сердечного и радостного.
Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Мы послали Вам один цензурный экз. *Т. Д.* В следующих экземплярах будут заменены несколько страниц, перепечатанных из-за ошибок, далее, к концу, будет приклеен листик с опечатками.

На Троицу часть нашего правления (Валковский, Г.Лукин, Клизовский и я) вместе с Блюменталем едет в гости к литовскому правлению. Нас повезёт Блюменталь на машине.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.(Из личного архива Гунты Рудзите).

14 мая 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
14-МАЯ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Очень прошу Вас и правление Общества от Е.И. и меня устроить следующее обстоятельство. Дело в том, [что] матушка Владимира Анатольевича опасно больна и требуются средства на её лечение. Очень просим, нельзя ли устроить продажу одной из небольших картин моих, находящихся в Обществе. Как выбор картины, так и цену её ввиду настоящей спешности вполне предоставляем Вам. Естественно, что при спешной продаже нельзя и думать об обычных ценах. Но Вы сами на месте увидите, что именно возможно реализовать в данном случае, и устройте так, как лучше всего. Будем рады услышать от Вас, как именно устроилось это обстоятельство, а вырученную сумму просим передать отцу Владимира Анатольевича – Анатолию Семёновичу, Kalnciema iela, Nr. 14, dz.5. Спешно пишем об этом обстоятельстве, ибо имели к тому и Указания. Сегодня, по счастью, день воздушной почты, и потому письмо пойдёт немедленно. От души желаем, чтобы тяжкое болезненное состояние миновало без всякой опасности. А Вас всех заранее сердечно благодарим за всё сделанное в этом добром деле. Именно Вы все сумеете сделать добро и сердечно, и прекрасно. Душевно благодарим. (Картина будет заменена гималайским видом, который пошлём по почте.)

Вчера получили письмо от Г.Г. Шклявера, в котором сообщается, что Г.Г. по совету местных литовских друзей составил воззвание, переведённое в Париже на литовский, обращённое к женщинам Литвы, и послал его на имя жены министра Лазорайтиса, которая, по частным сведениям, очень симпатично относится к Пакту. Доверительно сообщите об этом Ю.Монтвид в Каунас; кто знает, может быть, они и не знают, что в Каунасе имеется такой влиятельный друг Пакта. Вообще нужно собирать всё доброжелательство, которое только может быть найдено. Очень приятно, что библиотека центрального города хочет вступить в обмен, значит, туда же можно послать им *Нерушимое*, а кроме того, прилагаемый список изданий, по которому они могли бы избрать для них интересное. На списке можете поставить и штампель Латвийского общества (чтобы не было обращений в Америку). Кроме того, мы писали Г.Г. Шкляверу, чтобы он Вам выслал по два экз. книг Юрия Николаевича: *Animal*

Style, Essor of Orientalisme, Tibetan Paintings и Bouddha et les 16 Arhats (одну). Эти книги тоже могут идти туда же для обмена. Таким образом, пусть куются культурные ступени. Чуюм, как Вы заняты и какие новые достижения происходят. Спасибо за марки – очень годятся. Одному нашему здешнему сотруднику их требуется 50 в неделю. Сердечный привет Вам, супруге Вашей и всем друзьям от Е.И. и нас всех. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите).

18 мая 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих

Рига, 18 мая 1937 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Хочу поделиться с Вами подробнее теми переживаниями и впечатлениями, которые мы привезли с собою из Литвы. Как я уже писал Вам, из нашего правления в Ковно поехали Валковский, Лукин, Клизовский и я, нас повёз на машине Блюменталь, и мы пробыли в Ковно двое с половиной суток. Расскажу, прежде всего, об общем впечатлении о Литве. Всё строительство Литвы концентрируется преимущественно в Ковно (и Клайпеде). В последний раз я был в Ковно десять лет тому назад, в течение этого времени выстроены многие прекрасные здания – галерея Чюрлениса, здание Министерства иностранных дел и т.д. Везде чистота и зелень. Общее впечатление прекрасное. Галерея Чюрлениса – превосходный памятник искусства. Уже один тот факт, что общественная мысль относится с таким уважением к творчеству Чюрлениса, не только к его форме, но и к его оккультным исканиям и символам, – имеет огромное культурно-воспитательное значение для сознания народа. В провинции же и в деревне мы не наблюдали хозяйственного строительства. Мы проехали около 7 городов, но не видели почти ни одного нового дома. Заботятся лишь о чистоте, и это всё. Вы ведь знаете, каковы литовские города. Также и в деревне всё ещё старые соломенные хижины, так часто – даже без трубы. Везде – беднота. В Латвии, напротив, всё послевоенное время строительство концентрировалось больше всего в деревне. Вы знаете, что у нас проведена аграрная реформа, около 60 тысяч безземельных получили свой участок земли. Также, с другой стороны, много заботятся о поднятии сельскохозяйственной культуры, в этом отношении Латвия напоминает, например, Данию. Зато в Риге после войны не выстроено почти ни одного нового общественного здания, исключая грандиозные строения для рынка, Братское кладбище и т.п. Лишь в прошлом году у нас начался первый этап строительства – разрушение, снесён целый ряд домов, особенно в Старом городе, и начаты постройки Военного музея, здания суда и Министерства финансов.

После приезда в Ковно, где нас радушно встретили наши литовские друзья, мы сейчас же отправились к нашему послу в Ковно – Л. Сею, моему бывшему учителю французского языка, который нас пригласил «на чашку кофе». Ему мы подробно изложили всё наше дело с Пактом и просили у него поддержки на Балтийской конференции, в которой он также будет участвовать.

Посол, так же как ранее и другие официальные лица, высказывал мысль, что в малых странах роль Пакта незначительна, так как они уже самой судьбой принуждены быть «пацифистическими». Пропагандировать пацифизм нужно именно среди больших держав. Он привёл нам недавний случай из жизни Германии. В одной школе там была задана классная работа о матери. И какая-то ученица написала в таком духе, что матери своих сыновей должны воспитывать в идее мира, для того чтобы искоренить возможность войны. Но получился скандал: девушку исключили из школы, под конец предали и суду и присудили к заключению в колонию малолетних преступников.

О подобного рода примерах в этой стране неоднократно можно прочесть и в газетах. Мы напомнили послу нашу мысль о роли Пакта в воспитании культурного сознания народа и о том, что настало время и малым странам показать пример большим державам. Посол привёл как пример дипломатической философии изречение Паскаля: «Если есть идея, то она должна заключать в себе истину, но за истиной должна стоять и сила». Идея у Вас есть, сказал посол, но где у Вас реальная сила? Но для дипломатического сознания сила Пакта разве не в том, что его признало столько государств? Для нашего сознания сила идеи именно в её истинности, в её *истине*. Таким образом, тезис Паскаля не обоснован, раз он вне истины ищет ещё какую-то другую силу, которая, может быть, не основывается на истине. Не знаю, что под силой понимал Паскаль, но теперешние дипломаты понимают под силой лишь оружие. Под конец посол стал сердечнее относиться к нашим идеям. Мы оставили ему литературу, между прочим и сборник о Феликсе Денисовиче, с которым, как оказалось, он был когда-то знаком. Вспоминаются ещё слова Гаральда, когда он при разговоре в порыве воскликнул: «Мы будем бороться за Пакт до окончательной его победы!»

Нас так тронула сердечность наших литовских друзей, их гостеприимство, их интерес к духовному знанию. Мы почуяли – тут были наши самые искренние друзья. <...>

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите).

21 мая 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
21-МАЯ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Как мы радовались славному письму Вашему от 10 мая. Вот уж поистине, где дух жив, там и всё приложится. Так хочется, чтобы все Вы становились замечательнейшими деятелями Вашей страны. Пусть взаимным единением укрепятся силы всех сотрудников – этим дружным восхождением будут преодолены всякие земные препятствия. Как хорошо, что Вы тоже чувствуете, что движение Пакта и собранные подписи укрепили и расширили все горизонты Общества. Знайте и друзей, и антагонистов, при этом часто убедитесь, что так называемый антагонизм обычно основан на самых нелепых недоразумениях. Из таких антагонистов нередко рождаются хорошие сотрудники. Очень рады,

что Пранде доброжелателен (сердечный привет ему). Вообще ведь нужно усилить участие художников в нашем Обществе. Также передайте мой привет ректору Академии художеств Куге и скажите ему: всё, что я знаю о его творчестве, мне весьма близко и ценно. От души желаю ему, как собрату по направлению, всех успехов. Такие приветы непременно передавайте так, чтобы они западали глубоко в душу. Вообще, все действия ко Благу должны быть всячески проявлены. Напишите нам, каковы сношения с латышской прессой – ведь и это обстоятельство должно быть в полном дружелюбии и взаимопонимании. Как трогательно письмо Блюменталя из Каунаса. Шлём и нашим литовским друзьям самые лучшие приветы. Как бы хотелось, чтобы такая талантливая Тарабилда выдвинулась по заслугам. Пусть все растут и расцветают во Благо общее. Прекрасна и посадка Дуба Единения. Дух сильный и поэтический может подсказывать такие задушевные действия. Да будет среди Вас всех то Единение, которым создаются лучшие достижения. Копии с картин можно снимать лишь в самых исключительных случаях при полной уверенности, что смысл оригинала не будет искажён. Вы досмотрите, чтобы не произошло искажения и вреда. Спешите со всякими добрыми сношениями со Швецией. Всякая поспешность необходима и в этом благом взаимопонимании. В летнее время много проезжающих. Кто знает, может быть, и на выставку в Париж будут многие проезжие. Пусть всё внимание будет устремлено в эту сторону. О всех встречаемых знаках извещайте нас. Посылаю Вам стихотворение Балтрушайтиса, которого мы так ценим. Прочтите его, а затем перешлите Ю. Монтвид в Литву. Пусть и они порадуются образам их великого поэта. У Вас, вероятно, имеется его статья *Внутренние приметы творчества Рериха*, которую можно бы прочесть во время будущего конгресса. Чем больше хороших имён будет около этого выступления, тем сильнее останется оно в истории культуры трёх стран. Шклявер обещал прислать список имеющихся в Париже клише – перешлём Вам, как только получим. Хороша заметка о передаче меморандума. Чем объяснить, что она не прошла в другой местной помянутой Вами газете? Из статьи об охране авторского права ещё не видно идущих к случаю подробностей – Вам на месте виднее. Была ли в литовской прессе моя статья *Литва*? Ведь это тоже было бы полезно и к Конференции и к Конгрессу. Вообще соберём всё полезное, чтобы воинство Света на полном священном дозоре противостояло бы тьме в полном мужестве. Воображаем, как Вы заняты все. Е.И. высылает ещё параграфы *Братства* (третья посылка) и шлёт Вам свои лучшие сердечные приветы. Вчера послан на Ваше имя *Кришна* на замену картины, которая выбудет. Ещё раз лучший привет Вам всем – да будет светло.

Сердцем и духом со всеми Вами, нашими дорогими сотрудниками,

Н. Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите).

*24 мая 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису*

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
24-МАЯ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Как замечательно, что всегда в лучшие сроки к 24-му числу от Вас – из Риги – получают замечательные вести. Сегодня пришли прекрасно изданные и *Т. Д.* и памятная книга Феликса Денисовича. Обе изданы действительно превосходно и служат ценнейшим и солиднейшим вкладом в сокровищницу *Угунса*. Памятная книга Ф.Д. и по содержанию, и по шрифту, и по воспроизведениям, и по качеству бумаги может быть типом всяких подобных монографий. Будем рады иметь 10 экз. памятной книги Феликса Денисовича. Пошлём её и Тагору, и в библиотеки здешних наших центров. Д-р Серафимина только что писала нам, что вместо конгресса этого года предполагено устроить встречу друзей. В конце концов, каждый конгресс является съездом друзей, а потому предлагаем, чтобы и съезд нынешнего лета уже считался первым конгрессом. Ведь конгресс может быть или с внешними приглашёнными, или с внутренними. Вполне естественно, что первый конгресс будет именно внутренний, а второй, когда он состоится, может быть уже открытый, с посторонними приглашёнными. Итак, начинайте нумерацию конгрессов с этого первого внутреннего съезда. Прошлым летом в Женеве был Всемирный конгресс Теософского общества – на нём присутствовало 16 человек. А если Вы возьмёте наших сочленов литовцев и прибавите к ним приезжих латвийцев и, может быть, представителя от Эстонии, то это и будет то ядро съезда, которое является действующим механизмом местных обществ и групп. Между встречей друзей и съездом или сходкою – конгрессом – какая же разница? Итак, не будем разбивать понятий, а начнём первый внутренний конгресс этим же летом. Если одновременно желательно иметь концерт, или выставку, или лекции, то всё это, конечно, вполне исполнимо в пределах, которые Вы увидите по местным условиям. Впоследствии может быть выставка моих картин или в Литовском Музее, или в каком-то другом подходящем помещении – всё это Вам виднее на местах. Внешний формат памятной книги Ф.Д. очень хорош для монографии. Таким образом будет складываться серия изданий *Угунса* и такого формата. Не будем чрезмерно торопиться, чтобы тем лучше сложить содержание. Итак, преуспевайте во всех областях. В хороший день 24-го Е.И. и все мы шлём Вам всем наши самые душевные мысли. Из Риги всегда идут добрые вести – это так было, так и будет. Будьте сильными, будьте самыми замечательными деятелями Вашей милой нашему сердцу страны.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите).

24 мая 1937 г. Урусвати, Гималаи
Н.К. Рерих

ЮОН И ПЕТРОВ-ВОДКИН

В далёких Гималаях получены две прекрасные книги о замечательных русских художниках Юоне и Петрове-Водкине. Обе книги изданы в Москве в 1936 году.

Видимо, художественные редакторы Г.А. Кузьмин и М.П. Сокольников потрудились, чтобы оправить творчество мастеров достойно. Удачно собраны картины и хороши цветные воспроизведения. Текст Я.В. Апушкина об Юоне и А.С. Галушкиной о Петрове-Водкине вдумчив и даёт богатый материал.

Апушкин начинает книгу о Юоне словами:

«В Москве, в Третьяковской галерее, есть портрет Юона работы Сергея Малютина, помеченный 1914 годом. Это крепко и сочно, в присущей Малютину манере, сделанное полотно ценно для нас не только как самодовлеющее произведение искусства и не только как внешне точная передача изображаемого лица. Нет, ценность этого портрета значительнее и глубже, ибо он является попыткой проникновения во внутренний мир изображаемого, является опытом психологического раскрытия и объяснения человеческой личности.

Несмотря на то, что с момента написания портрета прошло более 20 лет, несмотря на то, что 17 из этих 21 опалены бурным дыханием революции, несмотря на то, что Юону сейчас уже не 39, а почти 60 лет, — портрет этот сохраняет весь свой смысл и всю силу удивительно верной характеристики, данной художником художнику.

С. Малютин. Портрет К. Юона. 1914.

Вот, взгляните. На тахте, в несколько небрежной и в то же время удивительно покойной, я бы сказал, эпической позе сидит человек. На нём чёрный, строгий, хорошо сшитый сюртук; плечом он прислонился к стене; одной рукой, несколько вывернутой, он опирается на колено, другой — на край тахты. У человека круглая, коротко, почти по-татарски остриженная голова. Чёрным, тщательно подбритым клином на белизне крахмального воротничка выделяется борода. Под такой же чёрной, так же тщательно подбритой полоской усов спокойный, с несколько утолщёнными губами рот. И глаза, внимательные, пристальные глаза человека, привыкшего видеть, глаза живописца. Это — Юон.

Он спокоен, корректен, точен; он внимательно и углублённо задумчив; ни капли божественности, ни на йоту романтической "вдохновенности", никакой

внешней растрёпанности и никакой растрёпанности чувств и мыслей. Он весь как бы собран воедино и ясен. И если нужно какое-нибудь слово, которое наиболее точно выражало бы его человеческую сущность, это слово будет — мастер».

Галушкина кончает оценку Петрова-Водкина: «В современной действительности художник, прежде всего, хочет видеть её положительные стороны, а в человеке - сильного строителя новой жизни.

В этом подъёмном восприятии окружающего и положительном отношении к советской действительности и заключается основная ценность его искусства. Такие работы, как "После боя", "Матери", "Смерть комиссара", являются большим вкладом в советское искусство. Лишённые случайности и бытовой мелочности, они исполнены простоты, ясности и проникнуты героическим пафосом. Новые задачи, поставленные Петровым-Водкиным в последних работах, расширяют его искусство за рамки станковизма. Художник проявляет определённое стремление к монументальности и идёт к завоеванию новых форм».

Характеристики глубоки; ещё надо добавить, что оба мастера остаются художниками русскими. Разные они. Совсем не похожи друг на друга, но русскость живёт в них обоих. Убедительность их творчества упрочена исконного русскостью. И в этом их преуспешность.

И Юон и Петров-Водкин прикасались к иноземному художеству. Юон всемирно мыслит в «творении мира». Петров-Водкин сам говорит, что наиболее сильное впечатление произвёл на него Леонардо да Винчи; вторым мастером, поразившим его в Италии, был Джованни Беллини: «встреча в галерее Брера с Джованни Беллини застряла во мне навсегда». Петров-Водкин проходит и Париж и Мюнхенский Сецессион. Он любит и Пювис де Шаванна, и Гогена, и Матисса, внимательно вглядывается в разных мастеров, но в сердце остаётся художником русским. В этом особенно трогательная заслуга и Юона и Петрова-Водкина.

С обоими мастерами приходилось много встречаться, но никогда не сталкиваться. Помню беседы с Юоном. Константин Фёдорович всегда вносил спокойную убедительность. Он не раздражался в исканиях, но творил так, как по природе своей должен был выражаться. Юон всегда крепок, силён, нов. Нельзя его ограничить русской провинцией или русской природой, в нём есть русская жизнь во всей полноте. Юоновские Кремли, Сергиева Лавра, Монастыри и цветная добрая толпа есть жизнь русская. Сами космические размахи его композиций тоже являются отображением взлётов мысли русской. Краски, построение картин, свежая техника всегда порадуют о том, что у Юона много учеников. В его руководстве закалится молодое сердце.

Также хорошо, что и Петров-Водкин дал многих учеников. Редко можно найти такое счастливое сочетание, чтобы мастер, впитавший лучшие достижения Запада, остался исконно русским и нашёл бы убедительный язык в своём руководстве. А Кузьма Сергеевич умеет быть огненным.

Петров-Водкин говорит в «Пространстве Эвклида» :

«Количества любого цвета, распределённые по холсту, оказались не случайными. Основные направления живописных масс давали картине динамику либо равновесие, в зависимости от темы. Я понял, что это они и производят во мне или бурю зрительного воздействия, или радость и покой равновесия».

А книга о Юоне заканчивается так:

«Он учит принципиальности и высокой требовательности к себе; учит уметь учиться, не впадая в подражательность; учит не страшиться влияний, критически их осваивать, обращать их на потребу своим художественным задачам и целям. Он учит широте кругозора, разнообразию мастерства, чуткости к великим явлениям действительности и мужества в трудном деле переоценки былых ценностей».

И ещё он учит идейно-образной насыщенности реалистического искусства, четкости композиции, строгости рисунка, яркости цвета, равновесию содержания и формы - овладению всем тем, что сам Юон называет "основными элементами, непреходящими ценностями в живописи". И наконец, он учит оптимизму, бодрому восприятию бытия как единого непрерывающегося процесса, он учит смотреть в прошлое, чтобы понять настоящее и в настоящем прозреть будущее».

Хорошо сказано. Красиво и сильно сказано, без умаления, без сентиментальности, но ярко, по существу. Выписываю эту цитату не только потому, что она хорошо характеризует мастера, но и потому, что она является выражением мысли русской, - той молодой русской мысли, о которой можно порадоваться. Также можно порадоваться, видя, что творчество сильных мастеров не только почитается народом, но и запечатлевается на страницах, которые останутся в истории культуры русской. Широко расходятся эти книги по многим странам. Русский язык недаром сделался вторым языком мира. Русский текст книг не мешает их появлению в самых далёких краях мира. Притом в книгах нет шовинизма, а это обстоятельство уже доказывает правильный рост мысли.

В тексте упоминаются имена писателей и художественных критиков: Бабенчикова, Голлербаха, Кузьмина, Дмитриева и других, умевших дать верные оценки. Ещё недавно газетные листы обошло сведение о том, что Репинскую выставку посетили многие сотни тысяч почитателей его творчества. Такие факты сами по себе говорят о многом. Совсем недавно мы читали о новой потрясающей постановке «Анны Карениной» в Художественном театре. Всё это удары резца на скрижалях.

К. Петров-Водкин. Купание красного коня. 1912.   К. Петров-Водкин. Мать 1912.

Вспоминаю, какое движение воды в художественных кругах в своё время произвёл «Красный Конь» Петрова-Водкина. Сколько было споров, негодований. Даже испытанные любители не знали, какую мерку приложить к этой яр-

кой картине. А вот сейчас она встала на заслуженное место среди прочих творений мастера. Удивительно наблюдать, как Петров-Водкин претворил свои давние итальянские впечатления в нескрываемо-русскую оправу. Посмотрите его «Мать» - никто не будет сомневаться в том, что эта картина русская. А в то же время вы чувствуете, какими этапами подошёл к такой русскости мастер. Можно вполне понять, что для прошлых поколений трудно было найти меры творчества Петрова-Водкина. Вот-вот, как будто уже умудрялись заключить его в один из трафаретов, но тут же выявлялось нечто такое, чему должны были быть найдены новые слова. А между тем слова эти должны были быть простыми. Искание монументальных форм, влюблённость в рисунок и в сильный колорит настолько очевидны, что укладываются именно в простые утвердительные формулы. Художник заканчивает своё шестое десятилетие. Будем надеяться, что ему будет дана возможность приложить своё творчество именно в монументальных формах. Пусть, покуда силы его в полном расцвете, он оставит народу русскому всё самое сильное, к чему стремился его творческий дух.

В характеристике Юона правильно указан его оптимизм. Такой мастер, как Юон, по природе своей, конечно, всегда будет оптимистом. Никакие сложности не смогут поколебать путь Юона. Наоборот, из всего комплекса жизни он опять найдёт тот синтез оптимизма, который сделает его картины и реальными, и вдумчивыми, и улыбающимися в красках цветочного луга. Уже в седьмом десятке Юон, но каждый скажет о нём как о художнике молодом. В этом будет заключаться его необычайное качество. Он не сможет быть старым, ибо истинный оптимизм не дряхлеет.

Оба мастера почти от начала своей деятельности имели учеников. Это учительство, как у давних итальянских художников, являлось совершенно естественным выражением их художественного творчества. Ради учеников они вовсе не покидали своих ярких творческих выражений. Наоборот, общение с молодёжью давало новые неисчерпаемые соки постоянному труду. И Юон и Петров-Водкин сделали очень многое. На трудных перепутьях они укрепили и поддержали русское сознание. Они вели многих молодых по пути истинного неустанного изучения. Своим трудом они показывают, что действительно учение никогда не может кончиться, что не может быть такой школы, выйдя из дверей которой художник объявит себя законченным. Леонардо да Винчи говорил: «Истинный художник всегда будет сомневающимся». Может быть, вместо слова «сомневающийся» лучше сказать «ищущий», как единственное средство молодости и преуспевания. И Петров-Водкин и Юон всегда останутся художниками ищущими, иначе говоря, преуспевающими.

В оптимизме, постоянном труде, в обновлении творчества оба мастера дают пример роста русской мысли и красоты.

24 Мая 1937 г.

«Урусвати», Гималаи

«Октябрь». Москва, 1958, № 10

25 мая 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

25 мая 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Сейчас я получил сообщение, что записной лист мой о Тебе очень хорошо перепечатан в Чикагской газете «Рассвет». Я очень рад этому, ибо газета очень хорошая. Истинно будем радоваться каждому доброму знаку. Такие знаки - как маяки - как магниты. С большим вниманием читаем Твои художественные письма. Когда же и эта серия будет напечатана? В конце концов, когда видишь уже готовый набор, то всегда является мысль: ведь эти же самые гранки могли бы послужить для доступного и широко данного издания. Так например, здешние газеты и журналы охотно дают любое количество оттисков, и таким образом получается ещё одна возможность распространения уже во вполне соответствующей области. А ведь всё, что Ты пишешь, так нужно, а в особенности для молодого поколения, которое в силу трудных обстоятельств иногда даже и не умеет вообще мыслить об искусстве. Я знаю, что многие неведомые Тебе молодые не только бы поучались из Твоих писем, но и хранили бы их, как непреложные заветы. А ведь существование газетного листа так эфемерно. Хотелось бы видеть Твои письма широчайшим образом распространёнными во благо.

Из газет вижу Твоё участие на Пушкинской выставке. Замечательно, что имя Пушкина явилось таким притягательным магнитом по всему миру. Не было страны, которая бы так или иначе не отозвалась на это имя, которое вошло в мировые пределы. Все мы этому весьма радовались. Сообщи Твоё впечатление о выставке и о Русском Павильоне. Не будет ли среди приезжих Щуко, Щусева, Желтовского или кого-либо из нашего поколения. Все мы в постоянной работе. Шлём милой Анне Карловне и всем друзьям наши душевные приветы.

Духом с Тобою,

Н Рерих

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

26 мая 1937 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

26.V.37

Дорогой Николай Константинович!

Сердечное спасибо за Ваше письмо от 14.V, которое я только что получил. Вашу телеграмму об опасной болезни матери Владимира Анатольевича Гаральд получил, возвратившись из Ковно, поздно вечером, и он тотчас же отправился к отцу Владимира Анатольевича, но мать была уже в больнице. Вы, должно быть, уже подробно осведомлены от Гаральда о её состоянии и по письмам, и по телеграмме, потому я и не писал Вам. Как Вы знаете, кризис уже давно прошёл, пусть Владимир Анатольевич больше не беспокоится. Гаральд тотчас же дал для его матери в больницу также мускус. Сегодня же Гаральд получил также письмо от Елены Ивановны, и вечером он отправился к отцу В.А., чтобы вручить ему деньги. Относительно того, продать ли Вашу картину и пр., конечно, мы условимся впоследствии. У Гаральда в настоящее время есть лишние средства.

Вчера я получил *Addenda* к Т. Д. Второй том набирается постепенно и через полтора месяца будет готов.

Наш член Я. Блюменталь на днях снова был в Таллине, по служебным делам. Первым делом он, конечно, отправился к В. Пятсу. Оказывается, что Пятс прекрасно сдержал своё обещание: он подал эстонский меморандум с подписями членов Культурно-художественного совета министерства образования и иностранных дел. Далее Блюменталь отправился также к Кайгородову, о свидании с которым Блюменталь пишет в своём заявлении, которое прилагаю Вам здесь. Хочу заметить, что я недавно послал Кайгородову свои книги и письмо, и он мне написал в ответ: «С напряжённым вниманием прислушиваюсь я к призывающему голосу Н.К. Рериха и со своей стороны, сколько могу, стараюсь своим искусством служить тому же делу красоты и культуры».

Теперь пару слов о самом Блюментале. Он интересная личность, мы его хотели когда-то даже привлечь в наше правление, но он был сильно занят по службе. Он уже давно является нашим активным членом, но при большем горении он мог бы немало дать нашему Обществу. Он родился в Сибири, от матери-немки и отца-латыша. Родители его умерли, когда ему было 3 года. Его воспитали татары и башкиры. О последних он теперь отзывается как о людях с золотым сердцем. Конечно, он в Сибири говорил по-русски, так что и сам не знает, к какой национальности себя приписать. Его крестили в церкви Св. Сергия, с этим Святым каким-то роковым образом связались многие случаи из его жизни. Наконец, как вице-председатель православного студенческого общества, он тоже отстаивал веру Св. Сергия, и по этой причине и в связи с ликвидацией общества ему пришлось здесь многое претерпеть, даже был арестован. Он приятель Гребенщикова, представитель его изданий и с ним переписывается.

Г.Г. [Шклявер] из Парижа мне тоже сообщил подробно о своей встрече с дипломатическим представителем Балтийских стран в Париже. Он прислал мне также копию *Воззвания к литовским женским организациям* на французском языке.

Г-жа Рудникова-Икскюль, как уже её имя показывает, представляет для меня Икс – Х. Она пишет прекрасно, хотя туманно, о духовных вопросах. Но, с другой стороны, Феликс Денисович был о ней такого же мнения, как о Пеале, и предостерегал от неё. Не узнал я тогда, на чём Ф.Д. основывал свои подозрения.

Р.Рудзитис

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.(Из личного архива Гунты Рудзите).

27 мая 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

27-МАЯ-37 / № 88

Дорогой наш, Георгий Гаврилович,

Спасибо за письмо Ваше от 16-го мая № 20. Просим передать Французской Ассоциации наше искреннее глубокое сожаление по поводу кончины нашего первого вице-президента, незабвенного П. Шабаса. Как думаете заметить эту вакансию. Во время годового собрания французской ассоциации Шено предложил целый ряд французских имён для привлечения их к Комите-

ту. Но с тех пор мы не слушали, который именно из них были приглашены, и как кто реагировал. На эту вакансию, конечно, предполагается деятель из области искусства. Вообще, желательно было бы усилить именно эту линию Комитета. При этом следует искать в кругах прогрессивных, имеющих достаточное имя, и понимающих все полезные для Франции сближения. Напишите нам, что Вы думаете по этому поводу. Был ли на погребении Шабаса председатель, или кто-либо из франц. членов, кроме Вас. Думается, что, если прошлое франц. собрание, устроенное М. Шено было так успешно, то, наверное, из участников его можно бы найти подходящий материал для Комитета.

Как двигается дело с находкою картины в Париже. Теперь, когда и Брюжский эпизод разрешился так показательно, вероятно, и в Париже всё дело тоже окажется самым необычным. Главное обстоятельство, для меня совершенно непонятное, заключается в том, что совершенно не могу допустить, чтобы в Музеях не было полных, содержимых в порядке, инвентарных списков. Невозможно себе представить, чтобы в такие списки не вносились вещи, сопро-вождённые специальным правительственным декретом. Если из далёкой Индии следствие в Бельгию и обратно уже закончилось, то неужели в пределах Парижа и Франции требуются какие-то библейские сроки для простого розыска. Получили ли вы что-либо от Кашан. Ведь из Парижа до Београда путь недалёк, а раз они сказали, что по стеснённости помещения они выставлять не могут, что спрашивается, в чём же дело, когда им дают такой прекрасный выход из их претранного положения. Не странно ли и молчание Мажуранича. Загреб тоже заснул.

Из Риги всё время торопят с выяснениями, какие именно клише могут быть добыты из нашего Центра и от Цитрона-Когана. Что значит их молчание, и не собираются ли они что-либо проделать неожиданно. Пожалуйста, немедленно сообщите, какие именно клише находятся в Центре, которые - чёрные и которые - цветные, а также и размеры их. Во всех направлениях необходимо спешить всемерно, - обстоятельства не ждут. Памятная книга Ф.Д. Лукина действительно прекрасна и является памятником уважения наших деятелей. Не будет ли издано в память чего-либо Шабаса. Беспокоит нас всё, сообщаемое Вами о Шир. На письма наши он не отвечает, а ложные сведения, даваемые Вам о ротаторе, заставляют подозревать очень многое. Трудно распознать, где граница состояния здоровья, а где может быть какие-либо другие обстоятельства.

Сердечный привет Вашим родителям и друзьям – Духом с Вами Р.

Архив Музея Рерихов, Москва. (машинопись)

26, 28 мая 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
26-МАЙ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Посылаю Вам моё письмо к моему старинному другу академику А.В. Щусеву, которое необходимо переслать ему срочно заказным (а если можно, то и с обратной распиской, чтобы иметь полное удостоверение в том, что письмо дошло). Содержание его исключительно об искусстве. Является вопрос, каким образом Вам лучше всего узнать его адрес в центральном городе. Помнится,

Ф.А.Буцен по какому-то поводу заходил к консулу, может быть, и теперь таким же порядком можно бы узнать домашний адрес Щусева – не может быть сомнения в том, что адрес не был бы в адресной книге или вообще не был бы известен, ибо он настолько знаменитый архитектор и стоит во главе многих архитектурно-художественных учреждений. Словом, необходимо устроить получение этого письма им как можно надёжнее, чтобы он мог ответить. В былое время мне приходилось с ним много работать и по реставрации Почаевской лавры, и по другим архитектурным делам. Будем с большим устремлением ожидать Ваших срочных уведомлений, когда и как произошла отправка. Очень интересно, как протекла Ваша поездка в Каунас и какое у Вас сложилось впечатление. Между прочим, если мы сохраним для будущей монографии формат Памятной книги Ф.Д.Лукина, то шрифт мог бы быть немного мельче, а печатная площадь на странице могла бы быть несколько больше, если это по техническим условиям возможно (то есть поля могли быть немного уже). Впрочем, всё это вопросы будущего. – Сейчас получены прекрасные письма от Гаральда Феликсовича и Ю.Монтвид. Мы все глубоко радовались возвышенному настроению, наполнявшему эти известия. Именно таким сердечным единением, взаимным благожелательством и устремлением общим можно преодолевать все препятствия и продвигаться к Свету. Вам виднее, в какое время осенью произойдёт конгресс. В прошлом письме я уже писал, что все съезды пусть пройдут именно как конгрессы – будут ли они внутренними или внешними. Ведь это последнее обстоятельство может быть вырешено лишь на месте, приняв во внимание всякие особенные условия, которых сейчас всюду так много. Радовались мы и проектам о летних экскурсиях, которые действительно являются прекрасным объединительным началом. Родной Рихард Яковлевич, очень берегите Ваше здоровье, ибо выдача энергии весьма велика. Итак, пожелаем Вам от Е.И. и всех нас всего светлого и будем ждать [известий о] судьбе прилагаемого письма. По всем **НАПРАВЛЕНИЯМ НУЖНО СПЕШИТЬ ВСЕМИ** силами. Милому Гаральду Феликсовичу наш душевный привет – такие славные его письма – та же чистота и вдохновенность, как и у его отца. Да будет, да будет светло. Сердцем и духом с Вами,

Н. Перих

28-МАЙ-37

III.

Сейчас получено Ваше такое содержательное письмо от 18–20 мая. Вместе с ним пришло и письмо от Гаральда Феликсовича – вполне понимаем все Ваши соображения. Итак, сатанисты нападают на Гаральда Феликсовича. Очевидно, что атака была подготовлена давным-давно, а сейчас прекрасная книга и вечер дали взрыв. Указано, что имеются и сенатор, и генерал, и ректор, и профессора – те самые, которые подписали меморандум, – которые могут помочь и в этом неслыханном деле. Сатанисты всегда весьма изворотливы, и потому с такою же находчивостью нужно спешить, чтобы преградить их мерзкие атаки. Болеем сердцем за такую средневековую инквизицию. До чего доходят двуногие в желании разрушения и вредительства. О том же говорит и сообщённый Вами потрясающий факт осуждения маленькой девочки, которая так благородно говорила о великом значении матери, семьи и мира. Если озверение дошло до того, что осуждаются трогательнейшие слова о великом истинном значении матери, то куда же дальше идти. Во всяком случае, говоря о

Пакте, мы сейчас говорим не об извращённом понятии пацифизма, но прежде всего о сохранении культурных ценностей. Неужели забота о лучших ценностях человечества скоро тоже будет считаться преступной? O tempora! O mores!^[1]

Вполне понимаем, что несвоевременно сейчас менять название Общества. Ваше соображение о том, что существование Музея в Риге более огради-тельно – пусть так и будет. Что касается первого тома *Агни-Йоги* по-немецки, то если кто-либо желает дать на то особые средства, предполагая нахождение читателей, то в таком случае и это издание возможно.

Владимир Анатольевич с удовольствием просмотрит манускрипт. Посылаю статью *Литва* – может быть, *Сегодня* её напечатает, что было бы уместно перед будущей конференцией. Любопытно всё происходящее с посылками в Швецию. Особенно любопытно, если Ваши книги не вернулись. Во всяком случае, всякие окраинные города не важны, главное центральный и северный города. Хотелось бы иметь список с плюсом и минусом всех посылок до последнего времени. Абрамович может послать к Владимиру Анатольевичу. Письмо к А.В. Щусеву идёт к Вам в отдельном конверте. Совершенно необходимо, чтобы оно дошло по назначению, ибо из этих вопросов об искусстве мы поймём очень многое. Если можно, пошлите его с обратной распиской. Положите во второй наружный конверт, и отправителем может быть, так же как в других случаях, Общество. Если бы письмо вернулось, то для ускорения известите нас короткой телеграммой: LC ROERICH NAGGAR Letter returned, а если будете иметь расписку о получении, то телеграфируйте: LC ROERICH NAGGAR Letter acknowledged». Величайшая спешность во всём нужна.

Шлём Вам наши лучшие мысли.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Одну медаль – для Латвии – послали в прошлую субботу, 22-го, а вторую – для Литвы – посылаем завтра, 29-го мая.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. (Из личного архива Гунты Рудзите).

«Посылаю статью *Литва* – может быть, «Сегодня» её напечатает, что было бы уместно перед будущей конференцией...»

ЛИТВА

"Кони Световита" была одна из моих самых первых картин. Идея белых величественных коней, пасущихся в священных дубравах Литвы, давно меня привлекала. Кони, готовые на помощь человечеству! Молниеносные вестники, уже поседланные, уже ждущие клич! О такой идее говорил я моему другу Леониду Семенову-Тянь-Шанскому, и он загорелся, как отзывчивый поэт, этим образом. Скоро, придя ко мне, он принес посвященное стихотворение "Белые Кони".

Обсуждали мы о величественном эпосе Литвы с В. В. Стасовым и Владимиром Соловьёвым. У Литвы было всегда много друзей. Слушая о моих картинных планах, Владимир Соловьёв теребил свою длинную бороду и повто-

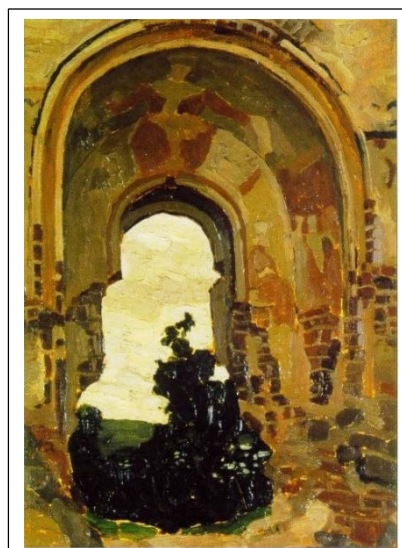
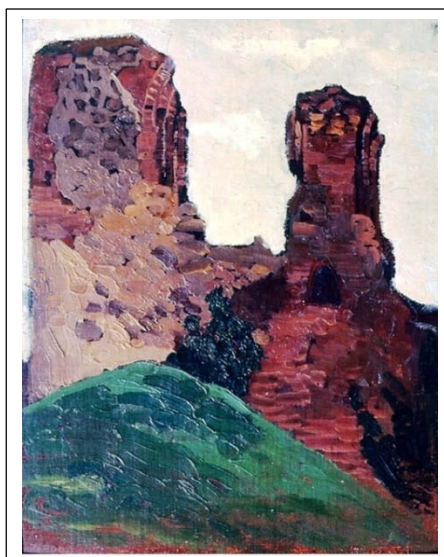
рял: "А ведь это Восток, великий Восток". А Стасов усмехался в свою ещё более длинную седую бороду и приговаривал: "Как же не Восток, если и язык-то так близок к санскриту". Где остались теперь мои "Кони Световита"?"

Н.К. Рерих. Вайделоты. 1913.

Была и картина "Вайделоты". На поляне среди священных дубов творились древние обряды. Где она теперь - не знаю. Также была картина "Перкунас". Ещё недавно через Женеву пришла весть, что картина существует у какой-то собирательницы. Итак, сколько вестей о славном Литовском эпосе разлетелось по миру.

После поездки по великому водному пути "Из Варяг в Греки" хотелось испытать и другой, не менее великий водный путь по Неману.

Н.К. Рерих. Вильнюс. Развалины замка Гидемина. 1903.

Н.К. Рерих. Ворота замка в Тракае. (Троки. Этюд Троцкого монастыря).1903.

В 1903 году мы с Еленой Ивановной прошли и по Литве. Большое это было хождение по разным историческим местам. Всюду писались этюды - Елена

Ивановна всюду снимала фотографии. Часть её снимков вошла и в "Историю Искусства" Грабаря, и в другие труды, посвящённые памятникам старины. В Литве были написаны многие этюды. Судьба этих этюдов своеобразна. Разлетелись они по миру. Однажды в Калифорнии мне пришлось увидеть мой "Ковенский Костёл" и "Развалины Замка на Немане" и "Древнюю Церковь около Гродно". И там, за океаном они выполняют свою задачу, напоминая о литовских красотах, об историческом достоинстве этой древней страны.

Хождение по Литве было очень разнообразно. Кроме удобных способов передвижения, приходилось пользоваться и трясучими крестьянскими бричками. Приходилось застревать и в сыпучих песках. Приходилось изумляться, когда среди песчаного бурана из полузанесённой хаты вылезал местный житель. Но суровая обстановка не глушила приветливую улыбку литовца. Однажды пришлось остановиться в таком глухом постоялом дворе, что невольно приходили мысли - крепки ли затворы в комнате?

Но и такие мимолетные опасения не имели основания. Ничего дурного за всю эту поездку с нами не случилось, наоборот, случилось много хорошего. Среди разнообразных остановок пришлось услышать и слепого певца, пришлось записать и целый ряд героических и красивейших сказаний. Среди разных посещённых народов Литва оставила самое приветливое воспоминание.

Обоюдность чувствований является самою лучшею убедительностью. Героические облики сменялись прекрасными самоотверженными женскими подвигами. Не раз приходилось внутренне вспоминать, почему литовский язык близок великому санскриту. От той же величавости, от того же богатства сложилось и литовское духовное достояние.

Прошли годы, прошёл незабываемый Чюрлянис. Наконец, в 1915 году мне сказали: "Балтрушайтис пишет статью о Вашем искусстве". Лично до того мне не приходилось встречаться с Балтрушайтисом, но знал я его как возвышенно утончённого поэта. Все мы читали его произведения и радовались, как тонко он перевёл "Гитанджали" Тагора. Только такой истинный поэт, как Балтрушайтис, мог мастерски выправить и перевод Бхагавад Гиты. Именно надлежало, чтобы литовский поэт так прекрасно оформил вечные заветы Великой Индии.

Статья Балтрушайтиса называлась "Внутренние приметы творчества Рериха"². Конечно, она оказалась одной из самых глубоких мною виденных. В ней высказался не только природный поэт, но именно поэт литовский, который умел вложить тепло проникновенное значение ко многому особо мною любимому. Притом статья была такой серьёзной, а когда поэт заговорил о "Чаше Грааля", то было ясно, насколько этот великий облик близок самому Балтрушайтису.

И все прочие встречи с литовцами оказывались незабываемыми. Вот в Париже встретили мы литовского посланника Климаса. Только что встретились, а уже сразу почувствовали всё его дружеское радушие. И говорилось с ним о разных предметах необычайно легко, ибо там, где доверие, там и находят слова, и укрепляются мысли добрые.

Незабываемо также для меня, что в Литве было высказано сочувствие нашему Пакту о Сохранении Культурных ценностей. В нашем архиве хранятся статьи, бывшие в литовских изданиях. В каждой из них чувствуется не сухое

---

² См. Монография «РЕРИХ» Текст Ю.К. Балтрушайтиса, А.Н. Бенуа, А.И. Гидони, А.М. Ремизова и С.П. Яремича. Лг.: Свободное Искусство, 1916.

официальное отношение, но сердечное понимание неотложности этой идеи. Красный Крест Культуры - наше Знамя Мира понято друзьями-литовцами. Если оно ещё не прошло через правительственную санкцию, то ведь это лишь вопрос времени. Народ, говорящий на языке, полном древнейшими прекрасными корнями, конечно, понимает, что исторические, художественные, научные памятники являются истинною народною ценностью. Пусть над всеми этими сокровищами развевается Знамя-Охранитель, которое напомним всем поколениям от мала до велика, что в этих памятниках человеческого гения живёт понятие великой Культуры. А Культура есть служение Свету, есть синтез просвещения и залог прогресса.

Там, где ценят Культурные сокровища - там будут прочны народные корни, там разовьётся самосознание и будет охранена честь народа. Всё это не отвлеченные понятия, но реальнейшие двигатели к лучшему будущему. Истинная радость там, где живы корни Культуры. Возможна песнь и всякое творческое выявление, где народ любит своё великое прошлое для будущего. Много раз приходится говорить о вратах в будущее. Ведь понятие врат уже есть заповедь созидательная. Врата нужно построить, нужно прочно утвердить столбы, а чтобы врата были привлекательны, они должны быть и прекрасны. Конечно, не знающий прошлое не может мыслить о будущем. Особенная красота в том, чтобы старинные облики не являлись чем-то завершённым только, но были бы истинными вратами к лучшему будущему. Каждому человеку дозволено мыслить о лучшем будущем. И в дубравах литовских, там, где ещё под корнями и камнями притаились древние алтари предков, - там уже звучит осознание будущего во всём его доброжелательстве, во всём вмещении и в обоюдной радостной улыбке.

Радость по нынешним временам является очень редкою ценностью. Сколько раз приходилось писать о том, что радоваться уже является точно бы какую-то новою наукою. Уметь найти предметы радости посреди всех мировых смущений нелегко. "Радуйся" и "помогай" - такие зовы являются современною необходимостью. Смущённо отвечают на них: как же тут радоваться, как же помочь? Но помогать нужно на всех путях - везде, куда доходчиво сердечное слово. И радоваться нужно всюду, где происходит нечто созидательное. И в помощи в созидательстве не могут быть условные и случайные деления: и то и другое - общечеловечно.

Была радость, когда дошла весть, что в Литве нашим обществом начат журнал "Новое Сознание". Именно об этом понятии нового сознания, поистине, надлежит радоваться. До чего нужно сейчас истинное, обновлённое сознание и сказать нельзя. Все слова человеческие будут недостаточны, чтобы выразить такую спешную необходимость. Только расширенным сознанием можно воспринимать и человеческую боль, и человеческую радость. Только широким вмещением и доброжелательством можно учуять, где нужна помощь и с кем можно воедине порадоваться. Разве не радость, что Литва стремится к новому сознанию? Литва хочет знать в доброжелательстве. Таким знанием можно и добротворствовать. Там, где укрепится такое знание доброе, можно зачать и содружество. Сотрудничество, содружество, кооператив - сколько раз твердятся эти ценнейшие понятия, но не часто вкладывается в них то сердечно-созидательное значение, выразителями которого они должны быть.

"Новое Сознание" доставило нам большую радость. Можно ли не радоваться, узнавая, что группа молодых тружеников в разных областях искусства

и знания находит обобщающую твердыню в Живой Этике и в новом сознании? Перефразируя вдохновенную заключительную мысль помянутой статьи Балтрушайтиса, скажем: "Подчеркнув эту коренную связь с очередным тяготением жизни, остаётся прибавить, что вне этого участия в духовном подвиге времени нет лучшего венца".

1936 г.
«Урусвати», Гималаи.

Публикуется по изданию: Зажигайте сердца людей. М. «Молодая гвардия». 1975.

ИЮНЬ

8 июня 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
8-ИЮНЬ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Ваши письма и письма Гаральда Феликсовича всегда приносят так много радости. Там, где горит сердце, там всегда найдётся и нечто радостное, даже и в напряжённых обстоятельствах. Как радостно читать, что у Гаральда даже накануне трудного испытания было, как он сам говорит, «львиное настроение». Именно – будьте львами. К вопросу о посылках в Швецию мне хочется сообщить Вам полезные сведения – так, из Праги мы получили сведение, что мой отгиск статьи *Толстой и Тагор* переслан в Толстовский Музей. Также мы знаем о получениях на Дальнем Востоке из Швеции, – а в то же время в одном месте в Америке корреспонденция не получается. Всё это показывает, что существует много случайностей, зависящих, может быть, от особенности или от небрежности какого-либо одного лица. Потому-то так необходимо продолжать посылки в разных комбинациях и разными способами. Были ли посланы журналы *Урусвати* в Восточный институт Академии наук^[1] и как пошло письмо А.В. Щусеву? О судьбе его нам так спешно нужно знать. Посылка в Восточный институт, казалось бы, должна дойти, если дошли и все библиотечные посылки. Просим, чтобы Абрамович сообщал нам список учреждений с минусами и плюсами. Пошлю Вам мой привет к будущему Конгрессу – одна копия для Латвии, другая для Литвы. Лучше сделать это заблаговременно, ибо по обстоятельствам Вы, может быть, решите срок довольно скоростно. С самим Конгрессом сделайте всё как можно проще и доступнее. Ведь такие добрые съезды не нуждаются ни в какой внешней помпезности. Дело во внутреннем объединении и в установлении программ на будущее. Вполне естественно, что такой первый съезд будет чисто внутренним, без внешних приглашённых. От транспортной конторы получили извещение, что пароход *Дальгома* прибывает в Лондон около 9-го июня и что они надеются погрузить ящик на пароход *Балтраффик*, уходящий из Лондона прямо в Ригу 19-го июня. По-прежнему мы удивляемся высокому фрахту, ибо, по нашим соображениям, он должен был быть ниже. Продолжаем запрашивать о причинах такого фрахта, но, к сожалению, с транспортными английскими конторами вряд ли можно надеяться на успешность доводов. Из Америки получили сведения, что Ваша книга *Культура* уже находится в наборе и выход её совпадёт с основанием

корпорации *Фламма*^[1]. Таким образом, латвийский *Угунс* и новая американская *Фламма* служат всё тому же огненному началу и, конечно, должны быть в полном сотрудничестве. Не было ли в прессе каких-либо выдуманных сведений о моей болезни, ибо подобное измышление мелькнуло в английской прессе на Дальнем Востоке – пытаемся усмотреть источник и цель этой выдумки, ибо о том же слышали и из Болгарии. Все наши лучшие мысли с Вами всеми.

Сердцем и духом,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

15 июня 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

15-ИЮНЬ-37

ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Родной наш Рихард Яковлевич,

Письма Ваши от 24-го мая и 4-го июня, как всегда, приносят много радости. Победа Гаральда Феликсовича уже является не только его победой, не только победою всех Вас, но и победою Света. Можно себе представить, какие злобные ухищрения измышляются служителями тьмы. Но ко всякому будущему бою все Вы будете накапливать ещё множество светлых доводов. Ведь только в таких боях за правду утверждается Истина. Радуемся и Вашим предположениям о внутреннем уставе Общества. Будем рады получить этот Ваш проект. Конечно, как взаимное доверие, так и дисциплина нужны во всём. Что касается Портрета, то следует охранить лишь тот Портрет, который у Вас отсюда. Его не следует ни переснимать, ни распространять. Что же касается до портретов из других изданий, которые находятся в продаже, то, конечно, невозможно остановить распространение их. Во всяком случае, о Портрете не пишите никому писем, но если хотите сообщиться об этом, то лучше сделайте это при случае устно. Кто знает, какие злоупотребления иногда бывают с самыми лучшими письмами. Е.И. просит сказать, что портрет, присланный Вами, имеется в изданиях Теософского общества и Розенкрейцеровского ордена и является синтетическим изображением, которое ими называется Христом.

Мы ужасаемся огромной цифре, поставленной транспортной конторой за один ящик картин. По нашему мнению, эта цифра чрезмерна. Между прочим, интересно бы спросить местную рижскую транспортную контору, сколько они бы взяли за провоз такого же одного ящика до Лондона от Риги, или если возможно, то от Риги через Лондон до Карачи. Может быть, таким путём удалось бы установить, не было ли неправильного увеличения цен. Судя по некоторым отправкам (равноценным) в Америку, цены были меньше, а расстояния были больше. Если получите письменный ответ рижской конторы, то будьте добры сообщить сюда, ибо В.А. Шибаев продолжает переписку по этому поводу с конторой *Кокс и Кинг*. *Посылаю для Вашего личного сведения копию моего письма к Кайгородову*, чтобы Вы были в полном курсе дела. Конечно, я не делаю себе особых иллюзий о дружбе Кайгородова, но ввиду сношений с Таллином нужно по возможности всех удерживать в дружелюбных настроениях. Очень благодарим Блюменталю за его подробное описание поездки в Таллин. Имен-

но такие психологические наблюдения совершенно необходимы для удачного развития сношений. Абрамов из Харбина прислал привет будущему Конгрессу Вашему, – пусть у Вас накапливаются такие приветы, которые при случае можно использовать. К сожалению, из Нью-Йорка и Парижа не имеем пока никаких сведений об имеющихся там и могущих быть высланными в Ригу клише. Вообще с монографией торопиться не приходится, ибо всякая переписка с дальними странами требует таких долгих сроков. Что нового от Швеции. Шлём Вам и супруге Вашей наши самые душевные приветы. Сердцем и духом с Вами,
Н.Рерих

«Посылаю для Вашего личного сведения копию моего письма к Кайгородову, чтобы Вы были в полном курсе дела...»

Письмо Н.К. Рериха к Анатолию Кайгородову
КОПИЯ

14-ИЮНЯ-37

Дорогой Анатолий Дмитриевич,

Очень рад был я услышать о Вас добрые вести от наших рижских друзей. Почувствовалось, что Вы не только, как всегда, работаете в искусстве, но и углубляете неустанно Ваше духовное сознание. Мы много читали по антропософии – ведь «на всех путях ко Мне – встречу тебя». Лишь по неведению среди многих духовно устремлённых групп могут возникать трения или соревнования. Там же, где устремление чисто и внелично, там всегда найдётся лучшее объединение. То же самое происходит и на пашне Культуры. На низшей ступени люди иногда впадают в шовинизм и думают, что культур очень много и что их культура непременно самая лучшая. Между тем в познании ступеней культуры каждый убеждается в том, что Культура как таковая едина, и потому всякие взаимные ограничения – лишь признак неведения. Искренно я порадовался Вашей встрече с нашими друзьями, ибо друзья друга есть и друзья обоюдные. В Таллине должны быть ученики нашей Школы Общества поощрения художеств. По именам помню несколько из них, но не знаю, куда разбросала их судьба. Иногда приходится узнавать об учениках наших из самых удалённых краёв мира. Мне кажется, что в Таллине живёт и Н.Ф.Роот. Он ведь был целый ряд лет преподавателем нашей Школы. В газетах мелькнуло известие о его юбилее; если встречаетесь с ним, пожалуйста, передайте ему мой привет. Время летит так быстро. В этом году уже сорок лет окончания Академии всей нашей Мастерской Куинджи, и будет пятьдесят лет моей археологической и художественной работы. Поминаю о Мастерской Куинджи, ибо считаю и Вас участником этой же группы. Если формально Вы и не были в числе учеников Мастерской, то ведь духовно мы всегда считали Вас своим. Каждый, кто так или иначе впитал руководство Архипа Ивановича, уже становился носителем его незабвенных идеалов. Эти заветы не были чем-то преходящим и вовсе не были ограничены технической стороною дела. Архип Иванович был тем истинным учителем, о которых можно читать на почётных и редких страницах истории искусства. Он бы тоже порадовался, слыша, что друзья его близких между собою встречаются и идут к одной заповедной мудро-человеческой цели. На этом и шлю Вам мой душевный привет. Часто вспоминаю и серебристые башни Таллина, и Гапсаль с призраком белой дамы, и Иван-город с трагиче-

ской легендой под волнами Наровы. Много раз мы побывали там повсюду. Итак, ещё раз душевный привет Вам и всем друзьям.

Искренно,

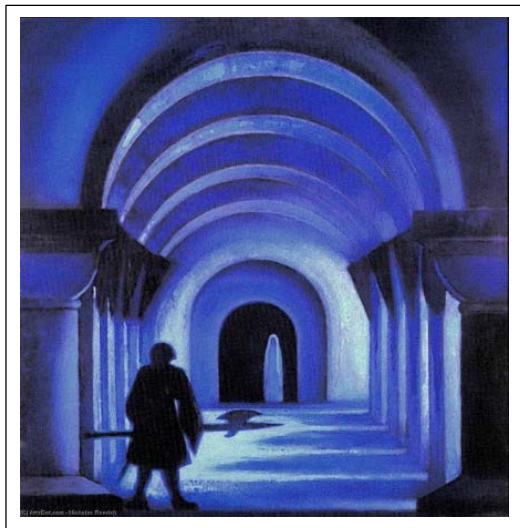
Н.К.Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

Н.К. Рерих

ЭСТОНИЯ

«Рутте, рутте» — это было первое эстонское слово, выученное нами, когда мы ехали в большой старинной карете четвёркою в Гапсаль. Эта поездка запомнилась. Ведь она была первым выездом из нашего поместья «Извара», а в пятилетнем возрасте все впечатления особо чётко запоминаются. Мелькнули серые стены Нарвы, очень понравился старый Ревель с башнями и островерхой киркою. Было необычно ехать по песчаным дюнам и мелкому плитняку до Гапсаля. Лошади бежали медленно, и потому ещё услышанное на Ревельском вокзале «рутте, рутте» весьма пригодились. Проезжая мимо пашни, мы были удивлены, слыша какой-то стеклянно-каменистый звук. Оказалось, что почва состоит из мельчайшего плитняка, и тем удивительнее было видеть, что под трудолюбивой рукой и такая почва могла сделаться плодородной.

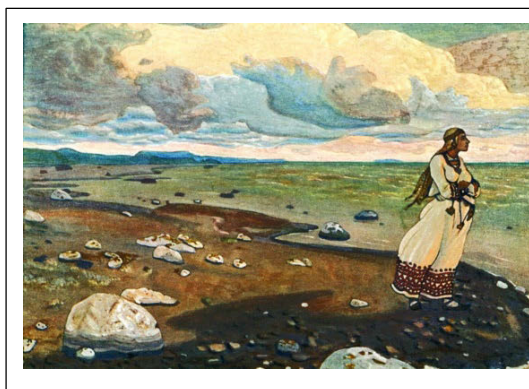
Н.К. Рерих. Часовня. Б/д. [1937]

В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись мы к ним, когда услышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом полуразрушенном окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама, появляющаяся перед чем-то особенным. Тогда же рассказывали нам и легенды древних ревельских башен, и сказания о замках Лоде и Таубе - всё это было необычно, и после тишины изварских лесов и озёр шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу.

Второй приезд в Гапсаль - через много лет - был уже в 1910 году. Там же были написаны несколько картин. «За Морями Земли Великие» - эта картина была впечатлением побережья. Северянка, навстречу дальнему ветру, мечтает о неведомых чудесных землях, о той сказочной стране, которая живёт в сердце человеческом. Тогда же был написан эскиз к «Пути Великанов». Там же офор-

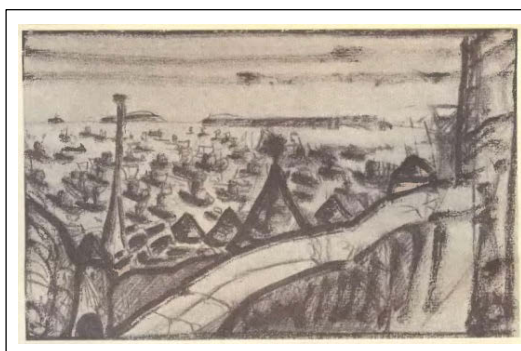
мился «Варяжский Мотив», а дума о ревелских башнях послужила для картины «Старый Король».

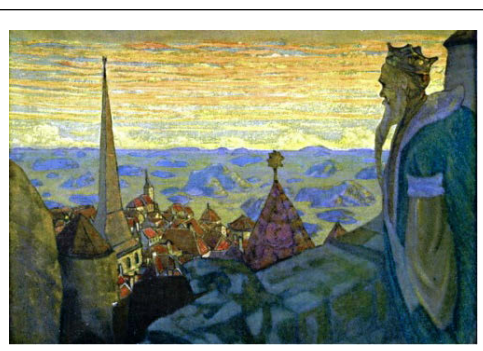
Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910.

Н.К. Рерих. Путь великанов.

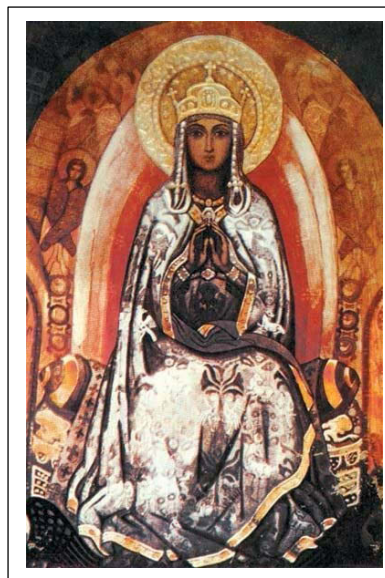

Н.К. Рерих. Эскиз к картине. 1907.

Н.К. Рерих. Старый король. 1910.

В то же время готовились и эскизы для храма в Талашкине, имении княгини М.К. Тенишевой. «Царица Небесная на Берегу Реки Жизни» была закончена именно в Гапсале.

Н.К. Рерих. Царица Небесная. 1910.

В Храме Св. Духа. 1914 г.

Таким путём целый ряд впечатлений дала Эстония. Из дома Бреверн де ла Гарди была нами куплена отличная мебель Петровских времён, которая долго напоминала нам эти края. Затем в Финляндии мы не раз встречали друзей из Эстонии, и потому теперь каждая весточка из Таллинна получает особо дружеское значение. Привет «Союза Эстонских Академических Художников» меня глубоко тронул, ибо область искусства всеобъемлюща и художники трудятся поистине на мировой ниве. Давно, давно приходилось писать, что искусство является лучшим послом человечества. Великие примеры Веласкеса, Рубенса и других прекрасных мастеров воочию показали, как могущественны были основы творчества. Симфония красок и звуков, как в мифе Орфея, всегда была лучшей победой. В статье «Переселения Искусства»* мне приходилось вспоминать, как на нашем веку народы начали обмениваться выставками, театром, концертами. Именно этими всенародными основами укреплялось всё самое ценное. В языке искусства не нужно было прибегать к каким-то увещаниям, наоборот, в словах творчества сходило вдохновение, выросло понятие общечеловечности.

Французы говорят: «Когда постройка идёт, тогда всё идёт». Скажем: когда народ творит, тогда приходит и расцвет страны. Это не преувеличение. Неопровержимые классические примеры показали, откуда приходил расцвет стран, как складывалось возрождение. На целый ряд веков народ обновлялся именно цветами творчества. В Таллинне живут несколько бывших учеников Школы Поощрения Художеств. Вспоминаю их сердечно и радуюсь, когда читаю в газетах об их успехах. Правильно говорит пословица, что «дружба не ржавеет». Мне приходилось получать вести от бывших учеников из самых различных стран. При этом можно было убеждаться, что все они поминают добром школьное время. А это означает, что принципы Школы были правильны. Действительно, наша Школа была поистине народной. Каждый способный человек мог найти в Школу свободный доступ. Мог избрать именно те предметы, которые его интересовали, и мог общаться со Школою вне всяких условных ограничений. Школу называли «Народная Академия» — так оно и было на самом деле. Когда вспоминаешь разнородный состав Школы, то можно лишь радоваться, как вся эта молодежь сосредоточенно устремлялась к изучению искусства. В Таллинне живут и два преподавателя Школы - Клара Феодоровна Цейдлер и Николай Феодорович Роот, а также живёт и талантливый Анатолий Дмитриевич Кайгородов, который хотя и не был формально в нашей Мастерской Куинджи, но внутренне, конечно, был учеником Куинджи, а тем самым и нашим сотоварищем. Сколько радостных связей обнаруживается, как только школой подумаешь о древних Таллиннских башнях.

Слышу, что в Таллинне образовалась группа нашего Пакта по сохранению культурных ценностей. Этот Красный Крест Культуры близок или, вернее, должен быть близок, всем векам и народам. Во взаимной охране культурных ценностей не может быть никаких разделений, соревнований и раздражений. Пашня культуры является общею пашнею. Каждый народ имеет свои неповторяемые драгоценности. Уважая личность человека, тем самым уважаем и плоды его гения. Не забудем, что и Красный Крест долгое время не был признаваем и даже подвергался невежественному глумлению. И сейчас найдётся какой-нибудь жестоковыйный человек, который будет насмехаться, говоря, что Красный Крест не всегда и теперь уважаем. Но никто не скажет,

что благородная идея Дюнана неприложима. Так же точно будет время, когда люди поймут, что и Красный Крест Культуры, иначе говоря, всенародное приглашение об охране культурных ценностей должно быть введено неотложно. Моральный импульс сохранения общекультурных ценностей должен быть широко возведён и укреплен в сознании народном, начиная от первых школьных дней.

Помяная о ценностях вечных, хочется привести слова двух замечательных поэтов - Рихарда Рудзитиса, поэта Латвии, и Юрия Балтрушайтиса, поэта Литвы. Рудзитис в своей книге «Сознание красоты спасёт» говорит: «Сознание красоты воистину спасёт человечество. Спасёт через утончение, одухотворение и преображение форм. Спасёт через расширение и озарение сознания. Спасёт через очищение сердца - источника водопадов благодати. Спасёт через неугасимый свет сотрудничества, единения и любви, через вмещение и воплощение высших Миров Красоты».

Ю. Балтрушайтис говорит:

*Есть среди грёз одиноких одна
Больше всех на земле одинокая...
Есть среди стран недоступных страна
Больше всех для стремленья далёкая...*

*В радостный час неземной высоты
Эта грёза зарницею светится,—
Счастлив, кто в недрах немой темноты
С этой искрой таинственной встретится...*

*В тёмном пути по откосам земным
Всё изгладится в сердце, забудется,—
Только она с постоянством живым,
Будто сон упоительный, чудится.*

*Только она нас незримо ведёт
Каменистой тропой бесконечности,
Тихо, как мать над малюткой, поет
О ликующих празднествах
Вечности...*

[1937]

"Октябрь", 1958, № 10

29 июня 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
29-ИЮНЯ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо за письмо Ваше от 19-го. В нём много новых знаков о жизненности деятельности Латвийского общества. Отраднo читать, что Г.Ф.Лукин с супругою полетели в Финляндию, а Зильберсдорф с экскурсией направился в Эстонию и даже кто-то поехал в Лондон. Конечно, довольно трудно дать ка-

кие-либо местные в этих странах адреса. С Лондоном у нас почти нет переписки. В Финляндии мы даже не знали, что наш приятель о. Солнцев помер, и лишь теперь узнали, что и другой благожелатель, директор консерватории, тоже скончался. С Эстонией, как Вы знаете, переписка была не сильна, ибо уже неоднократно приходилось наталкиваться на людей маложелательных. Так, например, писатель Гущик хотя одно время и показывал как бы большие знаки преданности, а затем вдруг написал З.Г.Лихтман неповторяемо грубое письмо. При обществе *Витязь* был наш отдел, а затем неведомо как и почему это обстоятельство растворилось. Вообще через промежуток четверти века нужно обращать внимание на молодое поколение. Наш большой друг Галлен-Калела, как Вы знаете, умер. Не знаю, жив ли архитектор Сааринен, но Реландер, наверное, уже не жив, ибо был в преклонных годах. Итак, пусть все наши экскурсанты делают новые связи. Ведь самосознание молодого поколения за все эти годы значительно выросло – тем лучше именно среди этих выросших и окрепших сеять семена добра и познания.

Спасибо за присылку копии письма Писаревой. Вы правы, что содержание его нам всем интересно. Мы только что получили от неё воздушное письмо, уже написанное крайне усталым и дрожащим почерком, – ведь последнее время она больна и правильно называет себя инвалидом. Она спрашивала и наше мнение о Гудкове. Но мы совершенно его не знаем. Вероятно, он имеет и положительные, и отрицательные свойства всех прочих издателей. Помяная имя Гудкова, мне приходит на ум, не предложить ли Вам ему издать записки полковника Н.В. Кардашевского о Тибетской нашей экспедиции. Интерес ко всему тибетскому немалый. Если бы Гудков выразил интерес к такой книге, то мы выписали бы оригинал Кардашевского из Америки и, просмотрев его, переслали бы Вам. Думается, что такого рода книга была бы весьма подходяща к типу последних гудковских изданий. Для нашего же дела такая книга имела бы двойной интерес. Дело в том, что харбинские мракобесы печатали ложь о том, что будто бы Кардашевский называл нас исчадиями ада. Конечно, мы знали, что это ложь, а сейчас нами получена выписка из письма Кардашевскому Руманова (для Вашего сведения её прилагаем). Таким образом, книга Кардашевского в гудковском издании являлась бы ещё одним доказательным ответом на харбинскую ложь.

Очень рады, что письмо дошло до Щусева. Может быть, в том же месте можно узнать и адрес Быстрова-Запольского. Из Парижа мы только что получили сведения, что книги мои, посланные через *Дом книги* к Щусеву и Макаренко, не вернулись, – значит, получены. Может быть, кто-нибудь мог бы спросить у консула причину, почему одни книги доходят благополучно, а другие нет. Кто знает, может быть, через консульство можно бы посылать книги в учреждения (особенно же *Нерушимое*). Вы правы, что если по одному каналу что-то идёт неуспешно, то и не следует продолжать лишь по этому каналу. Может быть, практичнее поискать новых путей. Был ли ответ из библиотеки, желавшей иметь обмен?

Вы также правы, что члены Общества могут уже теперь иметь *Т. Д.*, – но, естественно, они не должны произвести какое-либо нежелательное смущение умов. После выхода второго тома можно будет решить вопрос об остальной продаже. Ведь для окончания печатания второго тома, для брошюровки и перплётной работы, как видно, потребуется значительное время. Если первый

том только теперь был сдан переплётчиком, то ведь и второй том потребует не меньшего времени.

Из Парижа нас уведомили о том, что пароходной почтой выслан сюда список клише, имеющихся у Цитрона, а также и в Европейском центре. По получении мы просмотрим и сообщим Вам наши соображения. Тогда уже из Риги придётся вступить в переписку с Цитроном, ибо, надо предполагать, потребуется большая торговля о ценах за клише. На месте в Риге в журналах Вы могли бы узнать местные цены старых клише, и это сведение дало бы Вам возможность обосновать Ваши переговоры с Цитроном. Является предположение, не пригласить ли Вам Пранде как художественного редактора этой монографии (конечно, бесплатно, как почётное участие). В русских изданиях мы видим, что всюду упоминается и художественный издатель, а Пранде, как бывший наш ученик, был бы вполне уместен в таком деле.

Задержка в конференции министров весьма удивительна. Понимаем Ваше соображение относительно осеннего конгресса наших групп. Если из Эстонии никто не сможет лично приехать, то ведь можно иметь два-три письменных обращения, которыми Эстония и будет представлена. Елена Ивановна и все мы шлём Вам, Вашей супруге и всем друзьям лучшие приветы. Спасибо за полученные 30 Сборников, 10 *Культур* и синие репродукции. Новое издание *Агни-Йоги* ещё не пришло.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

Синие репродукции с картин Н.К. Рериха в Монографии «Н.К. Рерих». Рига, 1935.

ИЮЛЬ

1 июля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

VII.1937

LISTE DES CLICHES AU CENTRE ROERICH, PARIS ¹ , unicolores	largeurxhauteur
1 Palais de Sadko (Decor)	14 1/2 x 8 cm
2 Le Chant de la Lune (Decor)	10 1/2 x 9 1/2"
3 Saint Georges	11x7 1/2"
4 Roerich Museum	7 1/2x13"
5 Le Christ Omniscient	12x8"
6 Et nous ouvrons les portes	14 1/2 x 10
7 L'Ange Dernier	13x8 1/2
8 Signe R.M.	3x3
9 L'Ordre de Rigden Djapo	17 1/2x9
10 Le Monastere de Spitug	8x10 1/2
11 Escalier du Roerich Museum	9x7 1/2
12 Moise le Prophete	17 1/2 x 10 1/2
13 La Reine du Ciel	10 1/2x15
14 Une rue de Leh la Nuit	7 1/2x10
15 3e. Acte de Tristan et Yseult (Decor)	15 x 10
16 La Cote pres de la Cite de Ledenetz	13 1/2x9 1/2
17 Miracle (Serie Messie)	15x5 1/2
CHES Mr. MARC CITROEN (quadricolores)	
1 Oeuvres Humaines	12x10 1/2
2 Presage	15x13 1/2
3 Le Cri du Serpent	12x9 1/2
4 Fuente Ovehuna	18 x 12 1/2
5 Le Commendement du Ciel ^[1]	17x13

Посылаем Вам копию списка клише, только что полученного от Шклявера. Дальнейшие переговоры об этих клише уже ведите через Шклявера, ибо адреса Цитрона мы не знаем. Конечно, первые 17 клише, принадлежащие Центру, будут даны для использования бесплатно, только придётся Обществу заплатить за пересылку их от Парижа до Риги. Что же касается до пяти красочных клише от Цитрона (в четырёх красках каждое), то о них Вам придётся поторговаться, ибо, вероятно, Цитрон – «коммерческий человек». Будто бы у Цитрона нашлись ещё два или несколько красочных – выясните это через Шклявера. Из Америки мы всё ещё не имеем сведений от мисс Грант – что именно там находится в её распоряжении. Во всяком случае, первый набор

¹ Список клише из Центра Рериха, Париж.

Одноцветные: 1. Дворец Садко (декорации). 2. Песнь Луны (декорации). 3. Св. Георгий. 4. Музей Рериха. 5. Христос Всеведающий. 6. И мы открываем Врата. 7. Ангел Последний. 8. Знак Музея Рериха. 9. Приказ Ригден Джапо. 10. Монастырь в ските. 11. Лестница Музея рериха. 12. Пророк Моисей. 13. Царица Небесная. 14. Улица в Ле ночью. 15. Тристан и Изольда (декорации, III акт)

клише уже имеется, а если с картин, теперь имеющихся в Риге, к ним добавить ещё несколько, то уже получается существенная основа для монографии. Русское издание, может быть, составитя из статей Леонида Андреева, Мишеева и Всеволода Иванова. Для английского издания можно иметь Леонида Андреева, Бабенчикова (из *Арчера*) и, может быть, Христиана Бринтона из каталога первой выставки в Нью-Йорке. (Впрочем, эту статью ещё нужно просмотреть.) Манускрипт Иванова, Мишеева, *Арчер* со статьёй Бабенчикова – вышлем Вам. По-английски Андреев имеется в *Мессенжере* – зелёная книжка, напечатанная в Адьяре. Об остальном подумаем, может быть, и у Вас будут какие-либо предложения. Не знаете ли, где находится Мишеев, и нужно ли спросить о перепечатке его статьи?

Прилагаю при сём письмо к проф. Балодису. Прочтите его, а затем пошлите по почте по его адресу (лучше заказным). Хотя мы и знаем его настроения, но в таких случаях совершенно не мешает подойти с новой точки зрения, при которой (если он действительно учёный) ему неудобно не ответить.

Когда будете высылать сюда *Тайную Доктрину*, Елена Ивановна хотела бы иметь десять экземпляров, но в переплёте.

Очень интересно, как сложатся переговоры с Гудковым о книге Кардашевского. По-видимому, Дидковский менее подходит, чем Гудков, впрочем, вероятно, они оба недалеко друг от друга.

Сергей Горный только что писал, что издательство *Петрополис* в Берлине хотело бы иметь на продажу мои книги, и, кажется, они Вам об этом писали. Вообще, интересно, что предпринимает *Вальтере и Раппа* по распространению изданий. Иногда полезно послать хотя бы по одному экземпляру в те склады, которые издают свои каталоги, с условием, чтобы они включили. Иначе продолжает бросаться в глаза, что *Священный Дозор* попал во многие каталоги, между тем как *Врата [в Будущее]* и *Нерушимое* не поминаются. А у самого-то *Вальтере и Раппа* имеется ли каталог изданий, были ли в нём наши книги, и, приблизительно, куда этот каталог рассылается? Так, например, издательство *Петрополис* в каталоге своём постоянно помещает прекраснейшие отзывы, например, о книгах Горного, и это, конечно, способствует продаже. Теперь вышла небольшая книга Горного *О вещах*, а пишут о ней всюду. Так хочется всячески способствовать успешному обороту средств *Угунса*.

Для будущей монографии, конечно, придётся, как во всех монографиях, включить список картин и библиографию. И то, и другое окажется довольно значительного размера. Так что теперь дело, прежде всего, за добычею клише и изготовлением клише с картин в Риге.

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

3,6,7 июля 1937 г.

Очерк Н.К. Рериха в газете «Рассвет» (Финляндия, Гельсингфорс)

ПАНАЦЕЯ

1. СЛУЖИТЕЛИ ПРЕКРАСНОГО

"Художник - это служитель прекрасного. Это тот, кто спасает истину от искажения и среди волнений и суеты жизни даёт нам возможность прикоснуться к вечному источнику радости.

Подобно золотоносному песку, прекрасное разбросано по всей вселенной".

Так говорит знаменитый художник Бааб Чандра Чоодури в своей статье "Художник и красота в искусстве" в недавнем выпуске "Двадцатого столетия".

Большую радость доставляет чтение столь глубоко продуманной статьи, в которой сам художник подтверждает значение Красоты. Ведь было и такое время, когда неизвестно почему считалось, что художник не должен быть в то же время и писателем. Иногда подобное неестественное предубеждение доходило до того, что, согласно решению импресарио, один талантливый композитор не был допущен выступить перед публикой в качестве дирижёра. При этом было указано, что подобным выступлением будет нарушено общественное мнение. Можно представить, как стали бы смеяться над всей нелепостью подобного метода борьбы с творческой мыслью такие художники, как Леонардо да Винчи, Визари или Челлини.

Казалось бы, что в истории искусства имеется много убедительных примеров того, как люди, посвятившие себя Красоте, выражали это многообразными путями, выбирая то, что в данный момент представлялось наилучшим. Как прекрасно сочетали они живопись с архитектурой или со скульптурой, не говоря уже о мозаике и различных графических искусствах.

Как священнослужители, служили они Красоте, находя ей наиболее убедительные выражения для благотворного влияния на широкие массы людей и утончая сознание народа.

Ренессанс в Индии

В Индии настоящего времени мы отмечаем возрождение искусства. Появляются плеяды славных художников, открываются государственные галереи, и снова фрески украшают общественные здания. Лучшие художники возглавляют школы искусства, и разрушены все искусственные барьеры между "великим" и "прикладным" искусством. Поистине, Красота величественна во всей своей многоликости. И во многих ежемесячных журналах и изданиях принято найти страницу, посвященную искусству, и многочисленные художественные репродукции как новых, так и старых мастеров.

Может быть, кто-нибудь улыбнется и подумает: "Всё это звучит очень вдохновляюще, но что же можно сказать относительно той тяжёлой, полной трудностей жизни, которая часто выпадает на долю служителей искусства". Конечно, их жизнь нелёгкая, так же, как нелегко всякое героическое достижение. Никто не считает, что жизнь Рембрандта или Рубенса была лёгкой. Ведь только сравнительно недавно их имена стали общепризнанным достоянием

вне всяких сомнений. Но мы знаем, что прекрасные шедевры Рембрандта, которые ему было поручено написать, были забракованы местными авторитетами и городскими властями. Мы знаем также, что в Риме Микеланджело пришлось вынести большие испытания и трудности. И хотя время украшает все страдания эпической красотой и спокойствием, всё же сколько трагедий остаётся скрытыми позади пышного парчового занавеса времени.

Мы все знаем о мучениках науки, подобных Копернику, Галилею, Парацельсу, Лавуазье, и о бесчисленном количестве других пострадавших за истину. Даже существуют целые книги, посвящённые этим мученикам знания. И весьма близкими к ним по духу должны бы существовать и другие издания под заголовком "Мученики искусства и культуры". А раз мы знаем, что служители искусства есть служители прекрасного, то и все прочие атрибуты такого достижения являются также неизбежными.

II. ВАНДАЛИЗМ И КРАСОТА

Много уже было написано о вандализме. Мы утвердили Знамя Мира как Красный Крест Культуры, чтобы охранить истинные сокровища человечества. А теперь позвольте мне упомянуть о другом, хотя и скрытом, но жестоком вандализме, который продолжает спокойно существовать в жизни многих народов.

Изучая старых мастеров, мы часто сталкиваемся с тем обстоятельством, что на многих старых и ценных полотнах были написаны другие картины, уже совсем иного содержания и притом художниками более низшего разряда. Очевидно, что было время, когда эти старые картины становились старомодными, и художники попросту использовали дерево и материал для более позднейших и более модных рисунков. Не следует думать, что подобным варварским манипуляциям подвергались лишь картины второстепенного значения. Напротив, среди зарегистрированных случаев можно найти несколько выдающихся вещей, которые в наше время занимают почётное место в истории искусства.

Я помню, как однажды в Италии, во время изучения прекрасной картины "Вирго Интер Виргинес", мы были поражены, что она оказалась в исключительно хорошем состоянии. Когда же мы выразили по поводу этого факта наше удивление, мы получили весьма необычайное, хотя и характерное пояснение. Оно было следующее: в начале 17-го века эта картина, по-видимому, уже считалась вышедшей из моды, и поэтому на ней, несмотря на её религиозный сюжет, была нарисована другая, тоже религиозного содержания, а именно: "Се человек", и в таком виде она оставалась в одном монастыре. Эта вторая картина была много ниже по достоинству, чем первоначальный шедевр. И только сравнительно недавно через наложенный второй рисунок стали слабо просвечивать едва различимые контуры другой картины. И лицо, купившее эту недорогую картину у монастыря, решило снять верхний слой, и таким образом был обнаружен этот прекрасный шедевр. Теперь эта картина украшает Институт Искусства в Чикаго.

Мне лично также довелось видеть копию одной хорошо известной картины, выполненную Корреджио. Картина эта находится в Национальной галерее в Лондоне, и на этой копии я был в состоянии ясно видеть очертания старого рисунка, и, разумеется, последний оказался много старше, чем сама копия.

Однажды нам пришлось быть свидетелями того, как из-под рисунков картин семнадцатого и восемнадцатого столетия появилось, и притом в отличном состоянии, прекрасные оригиналы полотен Ламберта Ломбарда, Роджера ван дер Вейдена и Адриена Блюмарта и других равных им знаменитых художников. И уже теперь, в последнем апрельском выпуске Бюллетеня Музея Изящных Искусств в Бостоне, мы находим чрезвычайно поучительную историю о портрете сэра Вильяма Бутта, исполненном Гансом Холбейном младшим. Мы позволим себе привести несколько строчек из этой статьи:

"17 ноября 1935 г. этот музей приобрел замечательный портрет кисти Ганса Холбейна младшего. При взгляде на эту картину знатоки отказывались верить, что Холбейн мог нарисовать такую вещь, и они имели на то хорошие причины. Так как древность картины была, по-видимому, три с половиной столетия, то с уверенностью можно было считать, что она не принадлежала кисти Холбейна. Однако недавно один из друзей семьи Буттов, которым картина принадлежала с самого начала, вплоть до того времени, когда она перешла в музей, некто Н. М. Джонас - по профессии художник, обратил внимание на тот факт, что руки, казалось, были нарисованы несколько иначе, чем остальная часть портрета, что указывало на более раннюю манеру письма. Портрет был подвергнут испытанию X-лучами, и с их помощью под ним был обнаружен другой портрет. X-лучи обнаружили уже другую форму шапки, большую бороду, другую цепь и платье, украшенное белым шёлком, причём также была найдена надпись на заднем фоне. Затем начались трудности, связанные с реставрацией. Первая реставрация была предпринята г-ном Нико Джунгамом. Это была чрезвычайно трудная задача, так как поверхностный слой был почти того же самого времени, как и картина, находящаяся под ним. Было очевидно, что тот, кто позировал для портрета, приказал, чтобы он был снова перерисован. Мы не можем с уверенностью сказать, когда именно это было сделано, хотя вероятно, это случилось в 1563 г., когда королева Елизавета приехала в Торнэдж, где в честь ее было устроено пышное празднество. И весьма вероятно, что сэр Вильям, будучи в то время уже пожилым и занимая большой государственный пост, захотел, чтобы на портрете он был изображён в ином костюме и украшениях. Поэтому он распорядился, чтобы его снова нарисовали при соответствующих регалиях и таким, каким он выглядел в то время. Вся беда заключалась в том, что это было поручено выполнить художнику, который был много слабее первого.

Из всей этой истории можно вывести два заключения. Первое: мы должны воздать должное администрации Бостонского Музея Изящных Искусств, а также и самому реставратору, который выполнил эту чрезвычайно трудную работу столь успешно, и таким образом открыл для мира изумительный оригинал картины великого художника, картины, уже освобождённой от более грубых наслоений и надрисовок. Второе: этот поучительный исторический случай ещё раз указывает нам на то, что вандализм допускается не только руками разъярённой толпы, но случается и в тишине покоев именитых дворцов во имя торжества тщеславия и предрассудков."

Прекрасная необходимость

Красота не может быть охранена одними лишь установлениями и законами. Только когда человеческое сознание поймёт бесценные сокровища красоты, творящие, облагораживающие и утончающие людей, только тогда ис-

тинные сокровища человечества будут в безопасности. И отнюдь не следует думать, что вандализм, будь он явным или тайным, принадлежит лишь прошлым векам и каким-либо легендарным вождям и завоевателям. Даже в эти дни мы видим разнообразные формы проявления вандализма. Поэтому движение, имеющее целью охранить и спасти Красоту, совсем не есть нечто отвлечённое и туманное, а наоборот, это самая настоящая, нужная и неотложная задача. Действительно, образование в области искусства и красоты необходимая вещь. И хотя эта необходимость прекрасна, однако она всё же накладывает и долг, и обязательства. Мы всегда радуемся, когда видим, что мысль претворяется в действие. И поэтому открытие новых школ, и основание Международной Академии Искусства всегда было и будет горячо приветствуемо.

III. ЦЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОЙ КРАСОТЫ

Шестнадцать лет тому назад мы написали следующие девизы на щитах Художественного Института Соединённых Искусств и Международного Центра Искусств в Нью-Йорке: "Искусство объединит всё человечество. Искусство едино и неделимо. И хотя оно имеет много ветвей, оно всё же едино. Искусство есть утверждение грядущего синтеза. Искусство для всех. Истинное искусство даёт радость каждому. Врата "священного источника" должны быть широко открыты для всех, и свет искусства озарит многие сердца новой любовью. Вначале это чувство будет бессознательным, но потом оно очистит человеческое сознание. Сколько молодых сердец идут в поисках реального и прекрасного. Дайте им это прекрасное. Дайте искусство народу - его место там. Мы должны иметь не только музеи, театры, университеты, публичные библиотеки, вокзалы и госпитали, но даже тюрьмы должны быть украшенными и прекрасными. Тогда тюрьмы перестанут существовать.

Человечество стоит лицом к лицу с грядущими явлениями космического значения и величия. И люди уже понимают, что происходящие события не случайны. Ибо близко время для создания будущей Культуры. На наших глазах происходит переоценка всех ценностей. Среди гор обесцененных банкнот человечество нашло реальную ценность мирового значения. Истинные сокровища великого искусства победно выдерживают все бури земных столкновений. И даже "земные" люди уже понимают жизненную необходимость действенной Красоты. И когда мы провозглашаем: любовь, Красота, действие, мы действительно знаем, что утверждается формула международного языка. И эта формула, которая теперь принадлежит музеям и кафедрам, должна ныне войти в повседневную жизнь. «Знак Красоты откроет все священные врата. Под знаменем Красоты мы будем радостно двигаться вперёд. Красотою мы победим. Красотою мы объединены. И ныне утверждаем эти слова не на снежных вершинах, но среди шума и сутолоки города. И осознавая путь истинной реальности, мы приветствуем будущее улыбкой счастья и радости".

Прошло 16 лет, и мы видим, что все требования понимания Красоты, предъявленные сделались ещё более неотложными и настоящими. Всё, что было сделано в этом направлении, всё ещё остаётся лишь одиночными островками. Красота не может мириться с условиями и ограничениями. Сокровища Красоты принадлежат всему миру. Поэтому забота об искусстве и знании является всеобщей обязанностью во вселенском масштабе.

Культура, или почитание Света, зиждется на краеугольных камнях красоты и знания. И если возникла прекрасная необходимость основать Красный Крест Культуры и Вселенское Знамя, напоминающее людям о сокровищах Культуры, значит, эта прекрасная необходимость была также и неотложной. Культура, Красота и знание нарушаются не только во время войны, но равным образом и в так называемое мирное время; эта истина также относится ко всему миру. Если бы кто-нибудь обладал сосудом, содержащим чудесную панацею, как бережно охранял бы он такое сокровище. Но ведь Красота является той же самой творящей чудеса панацеей, и как таковая она требует зоркой и неусыпной преданности.

Теперь в госпиталях излечение болезней достигается с помощью звука и цвета; таким образом, Красота - эта совершенная панацея - входит в новом одеянии в жизнь. Люди много беспокоятся о своём здоровье. Пусть хоть это соображение, по крайней мере, научит их уважать и охранять Красоту. Полвека тому назад наш великий Достоевский сказал: "Красота спасёт мир". Среди наиболее глубоких определений искусства мне вспоминаются две легенды: одна - из китайского Туркестана и другая из Тибета. Один художник хотел получить за свою картину некоторую сумму денег и когда он пришёл к заимодавцу, никого, кроме мальчика, не оказалось дома. Этот мальчик выдал художнику за его картину очень большую сумму денег. Когда хозяин вернулся домой, он сказал: "За эти плоды и овощи ты дал так много денег". И прогнал мальчика. Прошло время, и художник вернулся за своей картиной. Когда он [её] увидел, то он в испуге воскликнул: "А где же мои бабочки? Иди и найди мальчика, чтобы он помог разыскать мою картину. На той картине, которую мне показали, имеется лишь одна капуста". Наконец, пришёл мальчик и сказал: "Теперь зима, а бабочки прилетают лишь летом. Поставьте картину ближе к огню, и вы увидите, что бабочки вернуться". Так оно и случилось: краски на полотне были положены так искусно, что во время холодной погоды цвета тускнели и исчезали, но с теплом снова возвращались. Так прекрасно народ Кушара говорит о совершенном искусстве. А вот и другая легенда из Тибета: почему гигантские трубы в буддийских храмах имеют такой мощный резонанс? Правитель Тибета решил призвать из Индии, где жил Благословенный, одного Великого Учителя, чтобы очистить основы Учения. Но как же встретить ему Высокого Гостя? Золото и драгоценные камни не годились для того, чтобы приветствовать духовного Учителя. Тогда высокий лама Тибета, которому было видение, дал рисунок новой гигантской трубы, чтобы гость мог быть встречен небывало величественными звуками, и встреча действительно была необычайной - не богатством и золотом, но величием прекрасного звука.

Учитель мог быть встречен лишь чем-то действительно прекрасным. Чувство прекрасного должно быть тем жизнедающим семенем, той истинной панацеей, которая заставляет процветать пустыни земные и духовные. И откуда же ещё может прийти ощущение единства и доброжелательства, как не через благословенное осознание прекрасного!

Гималаи

Газета "Рассвет". 3,6 и 10 июля 1937.

7 июля 1937 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

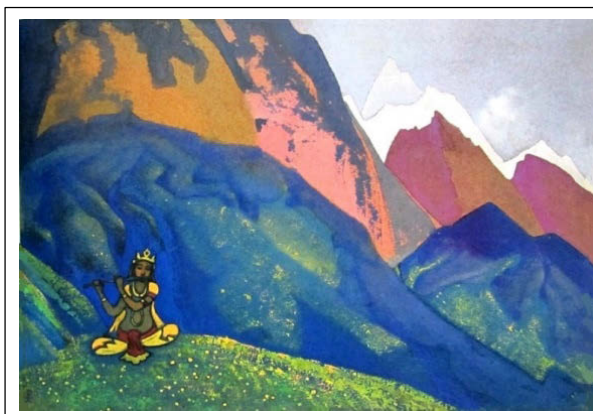
7. VII. 37

Н.К.

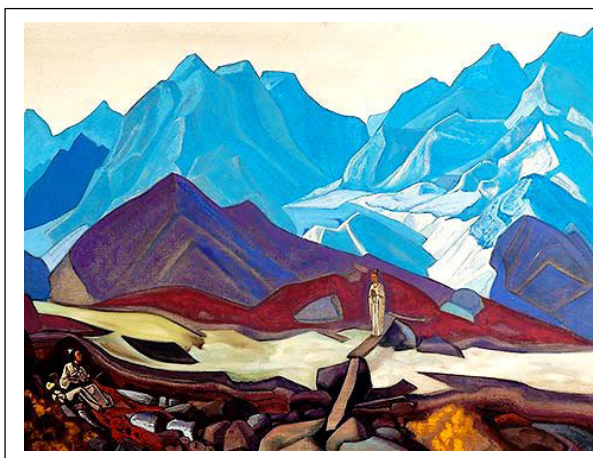
- 1) Балтийская конференция.
- 2) Наш конгресс в Ковно. Подробнее о программе.
- 3) Выдержки из письма Асеева о приглашении Е.И., о Батурине и о Сеплевенко (в связи с переводом *Общины* на болгарский язык).
- 4) Картин Ваших ещё не получил. Позавчера послали валюту лондонской фирме.
- 5) Получил картину *Кришна*.
- 6) Купили *Первобытные люди*.
- 7) Снимки [Капитолины] Ренкуль у ёлки.
- 8) [Картина] *Оттуда*.
- 9) *Напутствие Вождю* готово.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.

«Получил картину Кришна... Оттуда»

Н.К. Рерих. Кришна. 1936.

Н.К. Рерих. Оттуда. 1936.

14 июля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
14-ИЮЛЬ-37

Родной Рихард Яковлевич,

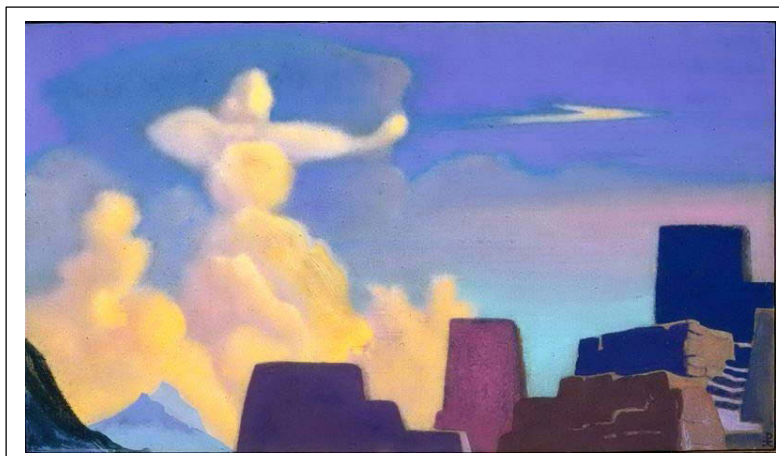
Только что мы имели прекрасное письмо Гаральда Феликсовича о его последних впечатлениях. Поняли из него, что Конференция в Каунасе как будто уже была – интересно, были ли какие-либо суждения или же, по многим обычаям, всё было отложено в нескончаемость.

Спасибо за *Агни-Йогу* (10 экз.), книгу о д-ре Феликсе Денисовиче (8 экз.) и за *Т. Д.* (2 экз.). Слегка беспокоимся о картинах, которые, нормально рассуждая, должны бы уже прийти в Ригу, а между тем письмо Гаральда было уже от 4 июля. Теперь о монографии. Думается, что раньше следует дать её лишь в русском тексте, а что касается английского текста, то это можно и отложить. При этом совершенно достаточно иметь 1000 экз. английской монографии. Потому при печатании всех репродукций можно их заготовить на одну тысячу больше, а затем использовать, когда будет решено, и в английском издании. Русскую монографию совершенно достаточно – в трёх тысячах экз., а может быть, даже и немного меньше, если по бумаге и прочим условиям это будет удобнее. Вы, конечно, понимаете, почему сейчас говорится именно о русской монографии, без особого упора на международный характер. Ведь могут найтись даже среди наших сочленов некоторые, которые будут удивляться, почему сейчас произошёл такой упор на русскость и почему статьи русских писателей, точно бы не было и других прекраснейших иностранных статей. Но Вы и ближайшие отлично поймёте, что в силу известных Вам обстоятельств сейчас нужно напитать такие области, в которых два десятка лет совершенно ничего не было. Словом, не буду углублять этот предмет, ибо Вы отлично понимаете, о чём я говорю. К тому же когда будет английское издание, то в нём можно будет дать иностранные статьи. Посылаю матерьял для заметки от издательства. Можете это развить, но указанные имена полезно сохранить, ибо из этих людей четверо (кроме умершего Горького) там и пользуются известностью. Конечно, если пожелаете включить ещё какие-либо имена, – например, из нашего бывшего журнала *Арчер* 24 Марта 1927 года, стр. 38 и последующие, – конечно, Вы нам эту заметку пришлёте на обсуждение. Желательно иметь и корректуры как текста, так и воспроизведений. Таким образом, текст русского издания будет: 1) От издательства; 2) *Держава Рериха* Леонида Андреева (из *Жар-Птицы*); 3) статья Мишеева и 4) *Рерих. Художник. Мыслитель*, – Всеволода Иванова, которую мы пошлём Вам. Может быть, правильнее обойтись без статьи Мишеева (из *Перезвонов*), ибо кто знает, какое у него имя там^Ш. Конечно, если бы оказалось, что он уже там, тогда сообщите нам. Ведь ещё будет список картин и библиография. Пошлём Вам также несколько фото последних картин, чтобы матерьял в монографии был разнообразнее. Вероятно, у Вас уже происходит переписка со Шклявером о клише, имеющих в Парижском центре и у Цитрона. В Америку к мисс Грант мы писали уже несколько раз. Весьма полезно статью Всев. Иванова отпечатать на триста экземпляров больше отдельно на бумаге, как для наших книг, чтобы она могла пройти как совершенно дешёвое издание – ведь автор статьи перешлёт её и туда, где она сейчас так нужна. У него будут к такой пересылке особые возможности, через газеты, в которых он сейчас пишет. Пользуйтесь летними днями – запа-

сайтесь здоровьем – мы все шлём и Вам, и супруге Вашей, и всем друзьям самые сердечные мысли. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

Н.К. Рерих. Защитник (Облако-стрелок). 1937.

Н.К. Рерих

НА СТРАЖЕ МИРА

Главная задача - начать движение и дать направление мысли. Позднее мысль будет течь, принимая мировые размеры. Конечно, всегда неизбежны имитации, повторения, толкования, комментарии и утверждения... но всё для блага. Опасен только один болезненный застой.

Друзья нашего Пакта снова могут почувствовать ободрение. Лига Наций предложила полезные меры для защиты сокровищ искусства. Лига настаивает на устройстве зданий достаточной крепости для сопротивления разрушительной силе бомб, а также на том, что музеи должны быть освобождены от утилизации под военные надобности.

«Здания с бомбоупорными прикрытиями для портретов, а также восстановление средневековых хранилищ для статуй были рекомендованы Лигой Наций в недавно выпущенном отчёте Международных Музеев. Там также предлагается, чтобы во время соглашения для защиты искусства все компетентные лица авторитетных кругов поставили бы своё национальное искусство на военное положение согласно нижеприведенных строк:

Для движимых или удобоперевозимых предметов искусства должны быть сооружены здания с надёжными прикрытиями внутри музеев, которые могли бы гарантировать безопасность так же, как и меры, например, предначертанные для защиты гражданского населения от воздушных бомбардировок.

Оборудование музеев на случай передвижения предметов искусства под эти прикрытия при случае неизбежной опасности.

Составление необходимых инструкций для штата музеев, а также практическое изучение их для подготовки для сих деликатных операций. Приобретение необходимого материала для быстрого применения при защите про-

тив разрушительных действий бомбардировок всех предметов искусства, которые не поддаются передвижению.

Применение таких же защитительных мер компетентными отделами для защиты всех архитектурных памятников на случай воздушной бомбардировки, а также страхование всех хрупких частей (цветные стекла, барельефы и пр. скульптурные отделки) как внутри, так и снаружи. Приобретение соответствующего оборудования для снятия этих частей.

Шаги с общественными авторитетами должны быть предприняты насчёт очистки в мирное время известных памятников, выдающихся по своей артистической или исторической ценности, зданий, заводов, аэродромов, линий сообщений и т.д., употребляемых или могущих быть употребленными для военных целей.

И наконец, ввиду облегчения и заключения международного соглашения, приемлемого для всех военных властей всех стран, постройка вне городских центров и в местах, которые не представляют интереса со стороны военной или стратегической точки зрения, зданий и хранилищ, куда все предметы искусства, поддающиеся передвижению, могли бы быть перевезены, когда это нужно, или назначение города или центра в каждой стране, который мог быть объявлен нейтральным для защиты предметов искусства и который служил бы последним приютом для человеческих законов».

Таким образом, Лига Наций также настаивает на защите Прекрасного. Мы не будем вдаваться в детали этих предложений, некоторые из них исполнимы, другие менее. Но не в этом дело. Важно то, что мысль о сохранении культурных сокровищ распространяется всё шире и шире по всему свету.

Много ещё голгоф и горящих костров наполняют мир страхом и смятением, но эти ужасные знаки непрестанно будут напоминать миру о неизбежности вопросов о защите всех цветов на полях Культуры.

Некоторое время тому назад мы предложили Комитету нашего Пакта собрать и суммировать все предложения относительно мира, исходящие из всевозможных организаций. Много индексов и каталогов должно быть сделано, чтобы отыскать истинную мировую мысль о мире, о защите мировых сокровищ, о соглашениях, возможных в этом направлении. Впереди бесконечная работа для выполнения, и мировые события лишь подтверждают насущную необходимость этой работы.

Подобно многим ветвям Красного Креста, возникнут всевозможные проблемы для разрешения вокруг Знамени Мира.

Без зависти и вражды каждая страна будет обязана внести свою лепту в сокровищницу истинных достижений.

В школах с раннего детства будет заложено основание для сохранения всего Прекрасного. Этот год отметит 34-ю годовщину движения нашего Пакта Мира. В течение этих трёх десятилетий много народа приблизилось, много мнений было выражено, но одна только задача остаётся без изменения — неизбежность действия. Мировые события только подтверждают это.

Газеты сообщают, что испанскому правительству с трудом удалось спасти собор в Барселоне от своей собственной толпы. Было необходимо наклеить большие плакаты на стенах собора, взывающие о его защите, а также вызвать военные части с пулемётами. Не показывает ли этот потрясающий пример, насколько необходимо образовать людское сознание. Перед самыми глазами происходят прискорбные невознаградимые разрушения, и только власт-

ный моральный импульс может спасти человечество от повторения фатального истребления.

Пакт для защиты культурных сокровищ нужен не только как официальный орган, но как образовательный закон, который с первых школьных дней будет воспитывать молодое поколение с благородными идеями о сохранении истинных ценностей всего человечества. Пакт уже подписан 22 странами. Вне всякого сомнения, это большое число будет постепенно увеличено другими странами.

Наш Пакт справедливо назван Красным Крестом Культуры. Действительно, он находится в самой тесной связи с Красным Крестом, который при возникновении был принят довольно скептически, но который в настоящее время занял неоспоримое место гуманистического основания жизни.

Чтобы показать повелительную необходимость всех движений мира, нужно прослушать постановления военных кругов:

«Если недавно мир хотел подчинить войну своим собственным законам и регулировать её легальными ограничениями и пробовал заставить войну уважать свою мораль и ценности, теперь всё наоборот: мир должен подчиниться требованиям войны, которая стала правителем века и снизвергла мир к простому понятию перемирия. Эта эмансипация войны, которая составляет главную черту нашей эры, требует для своего выявления последнего решительного шага, уничтожения настоящего социального порядка, который базируется на применении мира, и замены этого порядка военным. Установление подобного военного положения - главная задача и цель сегодняшнего дня».

Не будем затруднять читателя многочисленными подавляющими выдержками. Существуют целые тома, как, например, «Общая Война», «Война для уничтожения». Они описывают войну, в которой население нации должно взять объектом полное уничтожение врага всеми доступными средствами без каких-либо ограничений, без сожаления. Таким образом, «Общая Война» направлена не против армии врага, но против всей нации как таковой. «Война есть высшее проявление живой воли народа, и поэтому политика должна служить исключительно военной верховной власти» — так утверждают военные.

Легко понять, что подразумевается под «полным уничтожением врага». Это также покрывает все накопления Культуры. Перед лицом жестоких целей «Общей Войны» безжалостные методы победителей прошлого покажутся детской игрой. Если человечество достигло таких неслыханных чудовищностей, то тем скорее должен человек направить все свои усилия на защиту культурных ценностей как в артистических, научных сокровищах, так и в лице представителей Культуры.

В 1920 году на банкете, данном Комитетом по случаю моей выставки в Лондоне, г-н Г.Дж. Уэллс, который был также членом этого совета, выразил следующую идею, поднимая свой стакан: «Этот простой предмет, который никем из нас не рассматривается как нечто редкое, может, в известных обстоятельствах, стать редким сокровищем. Всегда возможно, что, благодаря саморазрушительной ненависти, цивилизация может быть стёрта, и тогда человечеству заново придется начинать его культурные накопления в самых трудных условиях варварства».

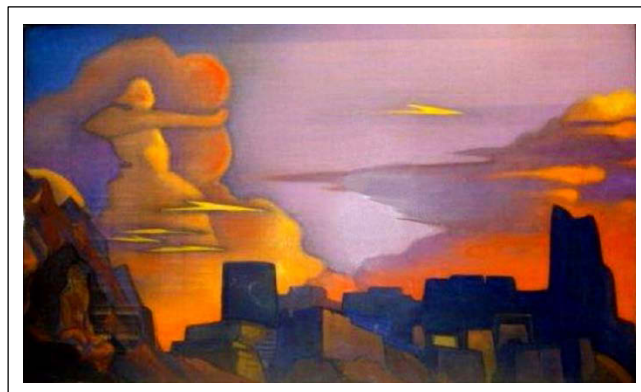
Спустя 17 лет разве не видим предвидения Уэллса в настоящих угрозах войны?

Плачевно сознавать, что спустя миллионы лет существования нашей планеты человеку приходится повторять подобные аксиомы. Отсюда вывод - если на наших предыдущих конференциях Пакта Мира мы призывали удвоенные усилия, то в настоящих условиях мира необходимо утроить наши усилия. На страже мира!

15 Июля 1937 г.

Рерих Н.К. Листы дневника, М.: МЦР, 1995. Т.2.

Н.К. Рерих. Рамайна. 1937.

16 июля 1937г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

16-июль-37

Дорогой Боря,

Большая была для нас всех радость получить Твоё письмо от 24-го мая, которое дошло к нам вчера. Теперь можно будет сноситься прямее и думаем, что воздушная почта сделает оборот совсем не таким долгим. Конечно, все письма должны быть непременно заказные.

Порадовались мы сведениями о Твоих архитектурных работах. Большое счастье, когда можно приложить опыт и знание в любой области. Посылаемых Тобою проектов мы ещё не получили, ибо они идут к нам паровой почтой. Как интересно будет ознакомиться с таким грандиозным проектом во славу науки. Про эту идею Горького мы слышали, и весьма ценим её. Кстати, не дошла ли до Тебя моя статья о Горьком, которая была оценена в здешней прессе.

Хотелось бы послать Тебе мои статьи о Горьком, о Толстом, о Пушкине, о Мастерской Куинджи, о Юоне и Петрове-Водкине, и многое другое художественного и научного интереса. Научи, как лучше всё это переслать Тебе. Вполне понимаем Твоё желание переехать в М[оскву] на место Твоих работ. При огромном размахе создаваемых научных учреждений естественно, что строители должны быть как можно ближе. А вот бы фрески Гималайские. Так хотелось бы помочь посылно прекрасному делу. Вообще, что Ты и друзья об этом думают.

Видаешь ли Ты А.В. Щусева? Недавно он получил моё письмо, в чём мы имеем его расписку. Мне бы хотелось, чтобы Ты переговорил с А.В. о содержании моего письма, ибо оно направлено на пользу художников русских. Вообще всё, что можно сделать полезного, ибо все мы, как всегда, готовы приложить наши художественные и научные познания во славу искусства и Родины. В

Париж мы сейчас не собирались ехать, к тому же вы все завалены постоянной работой – каждый в своей области.

Е.И. (она так радовалась Твоему письму) не может похвалиться своим здоровьем, а переезд по Красному морю для неё был бы невозможным. Несмотря на сердечные боли и неполадки в кровообращении и давлении крови, всё время работает.

Юрий закончил огромный, с тысячами новых слов Тибетский словарь – вот бы Акад. Наук издать его. Ведь теперь Юрий знает о востоковедении столько нового и нужнейшего, которое многим другим учёным, не бывшим на местах, недоступно. Иностранцы считают его лучшим знатоком Тиб. яз., а местные учёные ламы прямо поражаются его сведениям.

В настоящее время Юрий пишет Историю Средней Азии – вот тоже не-оценимый материал для Акад. Наук. Вообще, познания и способности Юрия должны быть широко применены.

Святослав выработался в замечательного художника – главная его сила в портрете – в лице человеческом. Самое время и ему примениться в разных художественных выявлениях. Ведь портрет в таком художественном исполнении всюду нужен. Также Святослав работает над Гималайскими медицинскими растениями, ибо здешние места, как Ты знаешь, издавна пользуются известностью своих лечебных трав. Кроме лечебных трав Святослав интересуется и полезными злаками, и обменивается этими данными с некоторыми Институтами Растениеводства. Может быть, Ты с эти уже и встретился. Применить бы эти дарования на пользу народную. Что Тебе [об] этом думается.

Мои картины множатся. Открылось несколько новых центров. Очень трогательно, что, узнав о моём сорокалетнем юбилее (окончания Академии Худ.) здесь придают этому сроку значение целого события. К тому же с этим совпадает и полвека моих публичных выступлений в журналах и в археологии. Помнишь, как рано ещё в середине гимназии делались эти самостоятельные попытки. Святослав написал несколько отличных моих портретов. У него была мысль послать один из них для Музея или в М[оскву], или там, где Ты живёшь. Конечно, такое обстоятельство могло бы быть выполнено лишь по совету с лицами прилежащими. К этому же осеннему сроку наше об-во в Риге издаёт новую монографию. Жаль, что в Ам[ерике] куда-то пропала прекрасная статья Бабенчикова. Е.И. и все мы очень её любили. Будут выдержки и из Голлерб[аха], и Кузьм[ина] – каково их настроение. Дошла ли до А.В. Щ[усева] моя книга «Нерушимое». Там имеются статьи «Оборона Родины», «По лицу Земли», «Горький» и другие, которые Тебе были бы интересны.

Очень рад, что Ты видал И.Я.В. – всегда сохраняю о нём лучшую память. Вот бы опять всем вместе во славу искусства.

Ведь теперь всем нам уже не так долго остаётся для выявления опытности и знания. Спрашивается, для кого же мы собирали Лигу Культуры, ведь не для себя, но для молодых поколений, которым на их трудовом пути пригодятся наши разнообразные накопления.

Видаешь ли Ты нашего милого Аркашу Рылова? Ему была послана моя статья «Мастерская Куинджи»² – получил ли он её. В ней мне хотелось упомянуть всю нашу мастерскую и нашего незабвенного учителя Архипа Ивановича Куинджи. Теперь в разных землях так мало знают о недавнем бывшем, осо-

---

² См. Н.К. Рерих «Мастерская Куинджи» 15 октября 1936 г.

бенно же молодые поколения, что такие статьи, прошедшие и по Прибалтике, по Европе и по Америке, напоминают о наших русских ценностях. Я счастлив тем, что пришлось много и в разных странах говорить о Родине, о сокровищах народа русского. Ты помнишь, как в декабре 1916 года Е.И. захотела ехать в Финляндию, и как потом моё воспаление лёгких нас задержало там.

Вспоминаем мы Тебя и в Москве в 1926 г. и Тебя в Монголии в 1927 г. Слышал о Твоём *[возвратном полёте]* и столько раз хотели установить близкое общение. Не о том ли же самом и Ты поминаешь в своём письме. Много воды утекло с тех пор. Много новых друзей подошло. Образовались культурные общества. Вот и здесь у нас уже восемь учреждений. А что говорить обо всём мире. Может быть Ты слышал, что Х*[орш]*. оказался жуликом. Что же делать, если в мире так много казначеев, присваивающих себе чужое. От этого не убежишь. К тому же тот город вовсе не пуп земли, и наши устремления в других плоскостях. Кроме того, нередко враждебные действия порождают лишь новых ценных друзей. Это обстоятельство, конечно, ведомо каждому деятелю. Сейчас и в Ам. состоялись две новых наших культурных организаций. Особенно приятно всё, что приходит само, в самодеятельности.

Недавно мы получили сведения из Лон[дона] о моей смерти. Это уже четвёртое за последние 20 лет. Приходится по примеру Марка Твена улыбнуться и сказать, что это сведение «слегка преувеличено». Вообще, если собрать все появлявшиеся в печати благоглупости и мерзости, то получилась бы летопись своеобразная летопись лжи.

Хотелось бы послать Тебе и фотографии здешних мест, сосны, деодары, дубы, снежные вершины, но жду для этого твоих указаний. Шлём привет супруге Твоей – не знаем её имени и отчества. Вообще, напиши о Твоей жизни. Верю, что архитектурная работа всецело захватила Тебя. О Твоих успехах в архитектуре мы слышали однажды в совершенно неожиданном месте. Порадовало, что и на таких нежданных путях Твоё имя связывалось с большим успехом. От Вол. имеем мало сведений, а когда видели его, то весьма жалели, что он попал в неподходящее окружение. Звал его с собою, но он не поехал, а потом это сделалось уже невозможным. Ты пишешь, что хорошо бы повидаться. Именно так и есть. Ты чувствуешь, что пришло к тому время, и каждая Твоя мысль об этом будет приветствована.

Пиши нам прямо сюда, но повторяю, непременно заказным. В Ам[ерику] можно писать на З.Г.Л*[ихтман]*. (N.Y. Box 31, Station H) она и М.М. хорошие люди, таковыми и остаются. Школа наша, руководимая ими по-прежнему действует. Кроме прежних учреждений З.Г.Л. участвует и в одном новом учреждении, посвящённом культуре. Только что получили сведения, что и оно инкорпорировано. Но ведь всё это собирается и учреждается с тою же нашей мыслью о служении человечеству и Родине. Ты это знаешь, да и друзья тоже должны это чувствовать. Посылали мы книги и Макар[енко], не знаем, дошли ли они. Вообще, не знаем кто и где. Случайно слышали о смерти Рушица и Химоны. Слышал мельком и о Вроблевском, но о прочих ничего не знаем. Впрочем, слышали мы, что Щуко был в Музее – З.Г.Л. с ним беседовала. Сделай все установки – ведь старая дружба не ржавеет, так, по крайней мере, с нашей стороны.

Сейчас пишем Тебе, а наверху над нами стучит машина Е.И. – ещё та самая, которую вы привезли в Монголию. У Юрия сидит приезжий тиб[етский] лама. А сейчас Святослав пишет по растениеводству. Действительно, прекрас-

ные портреты пишет Св. Было бы жаль, если всё это будет разбегаться по каким-то далёким краям. А ведь наша художественная работа не может входить сама – на всё нужно приглашение.

Итак, письмо это сначала это пойдёт на почтальоне бегунце, потом на грузовике, потом по узкоколейной горной дороге, потом по обычной желдороге доберётся до самолёта, а там с перегрузками пусть долетит к Тебе со всеми нашими приветами и сердечными мыслями, и Тебе и супруге Твоей, и всем, кому их передашь.

Будем ждать Твои вести и среди трудов наших будем радоваться в ожидании.

Целуем Тебя крепко

Н.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

16 июля 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо С.Н. Рериха к Вавилову Н.И.

16-го июля 1937

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

На прошлой неделе я выслал Вам первые три ящика с семенами через Ригу. К сожалению, я вижу, что наш коллектор не пометил разновидности пшеницы и ячменя, но все виды Вам будут впоследствии высланы. Изолированность наших мест затрудняет сборы и мы не могли ещё включить семена из Лахуля и Спити – близлежащие долины, которые климатически и этнографически относятся к Тибету, но включены в Британскую Индию. Наша долина одно из очень древних мест Индии и лежит на самой границе проникновения муссона. Флора здесь очень близка к Кашмиру, и с древних времён здешние места славились своими лекарственными травами, как видно из описаний китайского путешественника Синь-цзяна. Местное население очень ценит все зерновые бобовые, как пищевой продукт, но у бобов они мало употребляют стручки, только зёрна.

Если Вас заинтересовали сорта риса Панджаба, можно было бы их собрать очень много, не менее ста сортов. Наша долина, хотя рис и сеет, но не имеет более двух или трёх сортов, которые посланы Вам. Ради интереса мы включили в посылку три кормовые легуменозы (astragalus, lathyrus & Pisum arvensis), последний употребляется в пищу и населением. В эту посылку не вошли гречиха и амаранты, кроме одного.

Есть один сорт кукурузы, который поспеет на месяц позже, но вдвое крупнее. Семена его мы тоже вышлем Вам в следующей партии. Надеюсь в скором времени Вам выслать и ботанические экземпляры растений. Как только у меня будет свободное время, я перепису по-русски английский текст записей по агрикультуре Спити и Лахуля. Они являются уже типичными тибетскими областями. Местное население Кулу, благодаря изолированности этой долины, живёт своим старым патриархальным бытом. Цивилизация проникает сюда очень медленно, и способы земледелия ещё очень примитивны. Удобрение почвы введено лишь недавно, и только исключительные климатические условия и плодородность почвы исключают возможность голода. Свёрток, на котором написано "Lower Pundjab" включает семена местностей среднего панджаба, тогда как все остальные семена из Кулу.

Надеюсь, что эти посылки дойдут до Вас сохранно. Очень просим Вас известить нас о их получении, так как на таких далёких расстояниях бывают разные случайности. Очень просим Вас известить нас о их получении, так как на таких далёких расстояниях бывают разные случайности.

Искренно уважающий Вас

Святослав Николаевич Рерих

Академику Н.И. Вавилову.

Архив Музея Рерихов, Москва, (машинопись)

17 июля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

17 июля 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Получили мы извещение о Твоей выставке в Лондоне и мысленно послали Тебе пожелания всякого успеха. Конечно, этот успех и будет во всех отношениях, ибо наконец-то стало Твоё искусство и авторитет бесспорным. Если пришлешь нам какие-либо воспроизведения или каталог, то мы — и я, и Святослав—очень порадуюсь. Здесь, в наших далёких горах, собралась целая библиотека, целый архив очень интересных книг и всяких изданий. Вероятно, Ты был очень занят подготовкой к выставке, и потому мы давно не имели Твоей весточки. Между прочим, хотелось бы доверительно спросить у Тебя: что именно имеет против меня газета, в которой Ты пишешь. Мы имеем несомненные данные к тому, что в каких-то недрах нечто гнездится. В порядке осведомления было бы весьма интересно иметь Твоё слово о том, что такое сотворилось. С нашей стороны не было никаких враждебных действий или слов. Всегда интересно иметь полное осведомление о происходящем. Несколько дней тому назад из Лондона пришло извещение о моей смерти. Конечно, это уже четвёртое в течении последних двадцати лет. По примеру Марка Твена приходится сказать, что «это сведение слегка преувеличено», тем более, что на здоровье вообще не могу пожаловаться. Любопытно, кто и с какой целью занимается всякими такими измышлениями. Вообще, если бы задаться целью собрать всякие не отвечающие действительности измышления, то получилась бы преинтересная летопись человеческого невежества и мерзости. Ведь всякие такие измышления обычно бывают не с доброю целью. Вообще, где осталось то Добро, о котором столько писалось во всех веках и которому посвящены „такие трогательные поэмы. Где сейчас 'притаились все сокровища Прадо и других испанских хранилищ. При «сей верной оказии» не поживились ли торговцы?

Буду рад иметь Твою весточку. Все мы шлём и Тебе, и Анне Карловне, и всем иже с Тобою наш сердечный привет.

Духом с Тобою,

Н. Рерих

Какова Парижская Выставка и её павильоны?

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

19 июля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
19-ИЮЛЯ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Посылаем Вам для русского текста монографии материал: вступление, статью Леонида Андреева – *Держава Света*, статью Мишеева – *Рерих* (из *Перевонов*) и статью Всеволода Н. Иванова. Таким образом, остаётся лишь библиография и список картин. Конечно, для удешевления библиографию и список картин можно печатать мелким шрифтом. Кроме того, список картин не следует делать за все годы, а можно будет дать список новых картин, не вошедших в изданные до сих пор монографии. Впрочем, если предполагалось бы дать полный список картин, включив туда и весь каталог Нью-Йоркского Музея, то, конечно, можно дать и такой пространственный список. Во всяком случае, сейчас я думаю лишь об удешевлении, чтобы не произошло какой-либо нежелательной нагрузки издательства. Думаем, что из Америки всё-таки хотя бы десятка два цветных клише будут присланы. Кроме того, Вы снесётесь о клише из Парижа. Вы уже получили один пакет с фотографиями, которые также желательно включить в монографию (среди них серия *Тибет* из семи картин). Размеров их на страницу я не указывал, ибо это вполне зависит от формы страницы, но желательно иметь их в наибольшей по размеру книги величине. Также и сейчас посылаем Вам несколько фотографий по списку, чтобы, таким образом, никто не укорил монографию, что книга состоит лишь из старых картин. Конечно, Вы имеете и вновь посланные в Ригу картины, и, таким образом, монография будет заключать и достаточный процент новых вещей.

Пожалуйста, имейте в виду, что посланные нами для монографии фотографии имеются лишь в одном отпечатке и потому печатня должна обойтись с ними осторожно, а по использовании, пожалуйста, пришлите их нам в Наггар. Конечно, Вы имеете уже ряд маленьких клише, употреблённых для книги Феликса Денисовича. Их можно разбросать в виде заставок и концовок между всеми главами статей. Конечно, лучше иметь их не в светло-синем, а в тёмно-коричневом. Таким образом они будут отличаться от книги Ф.Д., в которой они так превосходно помещены. Естественно, что в том случае, если Вы будете иметь клише больших размеров, тогда в заставках и концовках не следует повторять ту же картину. Набрасываю все эти соображения вовсе не для того, чтобы так или иначе стеснить Ваши соображения. Вы знаете, насколько мы оба ценим всякую самодеятельность. Понятно, что книга не может выйти к 10 октября, но к этому сроку мог бы выйти листок, может быть, с одной какой-то репродукцией. Хорошенькая листовка может явиться отличным предвестником самой книги. В этой же листовке может быть объявлена и подписка, как всегда, с несколько удешевлённой ценой сравнительно с будущей продажей в магазинах.

Шлём Вам всем наш душевный привет –

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

*Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.*

22 июля 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Александру Асееву
Копия письма к д-ру Асееву.

22-ИЮЛЯ-37
СПЕШНО И КРАЙНЕ ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Не люблю я писать какие-либо неприятные сведения, но, во благо дела и искренно любя Вас, должен сообщить Вам о крупной для Вас неприятности. С разных сторон начали мы получать извещения о том, что Вы сделали агентом Батурина по распространению книги *Враги Вселенной*. Все эти недоуменные к нам вопросы сопровождались вопросительными и многократными восклицательными знаками против Вашего имени. Теперь мы только что получили и отвратительную шанхайскую листовку, список которой спешу Вам послать. Ссылка на Германию и Гитлера явно выдаёт происхождение этой мерзости и ещё усугубляет всю недопустимость случившегося. Ведь теперь Родину продают уже не за иудины серебряники, а даже за медяки. Германская и японская рука со всеми их агентами Батуриными, Богинскими, Бобыниными и тутти кванта^Ц – уже не говоря о Васьках Ивановых и прочих мракобесах – действует неустанно. Батурин, прикрывавшийся каким-то самочинным оккультным центром, созданным для дискредитации и компрометирования различных лиц, теперь окончательно снял маску. Мы уже и ранее писали Вам об этом подозрительнейшем субъекте, а также о том, что никакого Моллера вообще не существует, а этою выдумкою прикрылся некто такой же тёмный тип – Богинский. Вся эта тонко задуманная история теперь раскрылась окончательно. Вы только что счастливо отделались от некой волчихи в овечьей шкуре, а теперь на Вас навалились шанхайские волки. Вообще связь с Шанхаем и в других случаях очень показательна – ведь некто именно в Шанхае служил кельнершей, как Вы писали. Но с волчихой, по счастью, для Вас покончено, а теперь необходимо расквитаться и с прочими шанхайскими волками, а прежде всего с махровым их представителем Батуриным. Вы пишете, что Вы написали ему резкое письмо. Но ведь это письмо он оставит у себя в кармане, а пользуясь Вашим сердечным письмом, о котором Вы поминали, будет широко распространять печатное сведение, из которого ясно, что Вы вместе с ним агент по распространению *Врагов Вселенной*. При этом он будет широко рассылать это оповещение, где следует снабдив его и листовкой, список которой мы Вам посылаем. Кроме этой листовки, прислана нам ещё листовка из того же источника под заголовком «Всем для сведения» с изображением «бафомета, которому поклоняются жидаы и интернациональные члены тайных иудейских обществ». Заканчивается эта листовка приглашением читать книгу Моллера. Шевеление на батуринско-германском фронте, как видите, совпадает и с другими нынешними шевелениями. Батуринская агентура действует осведомлённо и поставила себе задачей среди многих других скомпрометировать и Вас. Компрометация поставлена так замысловато, что даже трудно представить себе, каким наилучшим образом её пресечь. Конечно, не может быть и речи о том, чтобы вступать в обсуждение батуринского выпада против Агни-Йоги. Этого-то он бы и желал. Но каким-то способом нужно известить друзей, что Вы ничего общего с Батуриным не имеете. Со своей стороны мы, конечно, наших друзей об этом оповестим, но кроме этого сектора ведь множество других хороших людей будут введены в заблуждение, и имя Ваше попадёт в списки, где добрым именам быть не следует. Пусть мракобесы всего мира обруши-

ваются на Вас – это лишь будет почётным признанием. Но если мракобесы и германо-японские агенты сочтут Вас своим другом и сотрудником, вот тогда произойдёт непоправимый вред. Хотя я уже и писал Вам об этих мерзких типах – Батурине и компании, но всё же ввиду только что полученного с последней почтой известия о развитии этой мерзкой подкопной кампании, позорящей Ваше имя, мы не можем не вернуться к этому же предмету ещё раз и в самой спешной форме. От мракобесов и иудиних агентов будут многие подсылы к Вам. Не только шанхайские посланцы, но и брави всех возрастов и полов будут появляться. Что же делать, каждое светлое явление непременно будет атаковано. Вся история человечества даёт этому множество примеров. Изменить сатанинскую технику невозможно. Фарисеи и книжники обвиняли Самого Христа в том, что Он действует силою сатаны, – куда же дальше идти. Сатанисты обычно пытаются вначале за какие-либо «блага» привлечь в свой круг. Если же это не удаётся, они пойдут на все меры, чтобы компрометировать имя, и на всякие другие подкопы. Каждый служитель Добра должен быть готов к этим неизбежным атакам.

Твёрдость и категоричность победят сатанистов. Пусть имя будет почитаемо теми, кем оно и должно быть почитаемо, а каждая похвала сатанистов и продажных агентов будет поистине разрушительна. Каждое нападение сатанистов уже есть почётный знак отличия для подвергшихся этим атакам, но пусть при этом служители Света похвалят этих гонимых сатанистами. Всё это мы уже неоднократно выражали и в письмах, и в статьях. Но теперь, очевидно, пришло время, когда Вам нужно обнаружить всю стойкость за Добро и распознавание приближающихся к Вам в разных шкурах. Мы очень болеем за Вас по поводу батуринских проделок и спешим с ближайшей же почтою оповестить Вас, ибо, может быть, Вы не знаете о появившейся гнусной прокламации, с так явно выраженным немецким уклоном. Итак, примите неотложные меры, чтобы навсегда отмежеваться от батуринского притона. Можно себе представить, что измышлят ещё эти сатанисты-иуды. Спешу отправить. Елена Ивановна и я шлём Вам наши самые сердечные мысли. Спасибо за письмо от 15 июня, вчера полученное. Посылаю Вам также выписку из одного письма Кардашевского, члена экспедиции – оно Вас заинтересует.

Время чрезвычайно напряжённое, и на всех дозорных Башнях должны быть несменные огни. Всего светлого и Вам, и сестре Вашей. Сердцем и духом с Вами.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

24 июля 1937 г. Рига

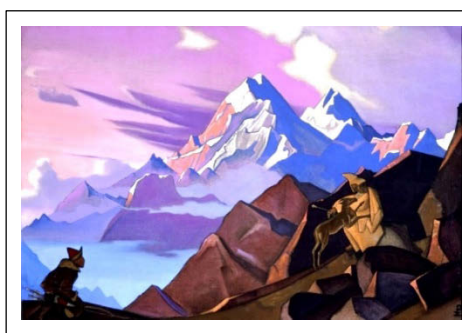
Из письма Рихарда Рудзитиса к Рерих Е.И.

Riga, 24 июля 1937 г.

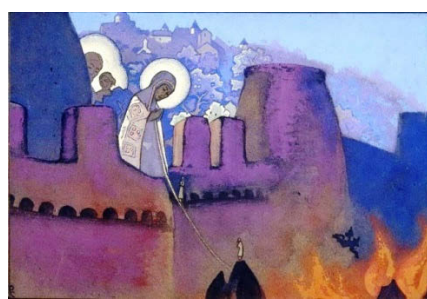
Дорогая Елена Ивановна!

Начал писать Вам письмо о нашем сотрудничестве, но теперь начну это письмо о нашей великой радости. Сегодня 24-е, и, как всегда, это знаменательное число принесло и нечто торжественное. Сегодня мы получили ящик с картинками. Пароход из Лондона прибыл в Ригу лишь вчера. И уже сегодня нам, в течение нескольких часов, посчастливилось преодолеть все чрезмерно

сложные формальности на таможне и получить картины. Ящик открыли на таможне, в присутствии многих лиц, присутствовали также я и Волковский, эксперт вынул лишь пару верхних картин, так что упаковку не тронул. Все были поражены чудесной красотой картин. Оказалось, что один из чиновников даже читал мои книги о Николае Константиновиче и уже давно желал со мною познакомиться. В помещении Общества мы с Волковским снова раскрыли ящик и вынули все картины по плану Владимира Анатольевича. Все картины пришли в полной сохранности, о чём мы послали сегодня Вам телеграмму. Буду обсуждать с художником Пранде вопрос относительно вставки картин под стекло и развески их. Какую невероятную красоту мы получили. Бывал я во многих европейских музеях, но некоторые из полученных нами картин нам показались несравненными. Это искусство истинно великого грядущего Синтеза, и как бледны и бедны кажутся сравнительно с ними картины современного искусства, ибо дают форму без Духа.

Н.К. Рерих. Сострадание. 1936.

Н.К. Рерих. Madonna Laboris. 1936.

С.Н. Рерих. Чаша Будды. 1934.

Как несказуемы *Сострадание*, *Чаша Будды*, *Madonna Laboris* и многие другие, но и творчество Святослава Николаевича полно неземного величия. Шлём Вам, наши дорогие Водители, всю-всю благодарность нашего сердца.

Ваше столь сердечное и откровенное письмо от 8.VI, Ваши слова о Гребенщикове и других дали и мне смелость написать Вам здесь свои заметки – исповедь о всех наших ближайших сотрудниках и о духе сотрудничества в нашем Обществе. Давно собирался Вам писать, но всё откладывал. Где же камертон, который мог бы сказать истину? Гораздо легче было бы всё передать устно, ибо слушатель может с полуслова понять сказанное. Но пишу и потому, что Вы поможете, и мысленно и письменно, советом, как нам наши ошибки исправить. Но самое главное, чувствую себя всё время в долгу перед Вами, ибо Вы в прошлом году запрашивали о наших сотрудниках.

Истинное сотрудничество, как известно (и что я наблюдал также среди некоторых наших членов), характеризуется постоянной *готовностью* отдать всё в сотрудничестве на общее благо, где забываются каждое мгновение личные интересы во благо общих интересов. У иных это доходит даже до готовности «поставить всё на карту», отдать всё Обществу, не только духовные свои способности, но и финансы и т. д. Но таких, конечно, мало. Но я видел также, что помимо готовности так нужна и самодеятельность. Готовых трудиться на общее благо немало, но в большинстве случаев они ждут даже самых малейших указаний и импульсов, – тогда уж лучше самому всё сделать, ведь и на указания тратится время. Вот по этому мерилу – готовности и самодеятельности – я и хочу охарактеризовать наших активных членов.

Должен прежде всего сказать, что в старшей группе теперь у нас самое сердечное сотрудничество, также, можно сказать, и среди других членов. Если и были недоразумения, то в общем они скоро уладились. И сердечно верю, что это сотрудничество усилится, особенно осенью, когда у нас начнётся новая интенсивная деятельность, в которой многие смогут выявить своё горение.

К.О.Волковский

В Обществе мне приходится больше всего сотрудничать именно с ним. (В последнее время часто встречаюсь и с Гарольдом.) У Волковского хорошая практическая и административная смекалка, и, исполняя всё время также дело секретаря, он неocenим на своём месте. Все многочисленные прошения и т. д. – его труд. Некоторые более серьёзные обращения мы составляем совместно. В своих письменных трудах Волковский всё же несколько медлителен и свою работу мог бы больше упростить. Также люблю в нём, что в нём мало личных элементов, я не чувствовал, чтобы он пытался выдвинуть себя. Также Волковский и Гаральд Феликсович одни из тех членов, которых я не видал обидевшимися. (Волковский обижался раньше лишь на Карла Ивановича, но тут надо было считаться со всей судьбой Общества!) А это редкое прекрасное качество, когда бесы на каждом шагу желают испытать человеческое терпение. (Ещё недавно я видел одного члена покрасневшей от обиды. Но знаю, как она давно сознательно борется с этим чувством, ибо, работая в нашем кооперативе, вывесила на стене места из Учения об обиде. Помню Ваше письмо о терпении как качестве из прошлых жизней.)

Гаральд Феликсович

Удивительный путь его эволюции, как будто вырос он за два года. Но это по силам лишь старому духу, который пришёл с уже утончённым чувствознанием. Мне так нравится, что он человек без самости. И главное – человек с подвижным сознанием, этим редчайшим качеством, какое имел его отец. Сотрудничать с человеком, ум которого подвижен и который не руководится своим личным «я», ведь так легко и приятно. Культурный человек, за него нечего бояться, что он не будет знать соответственного такта при общении с культурными деятелями <...>. Правда, как огненная натура, он когда-то был слишком категоричен и даже несколько резок и в своих суждениях иногда «пересаливал», хотя и метко схватывал. Это связано также с его молодостью (ему всего 30 лет). Но приучается всё больше регулировать себя. <...>

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

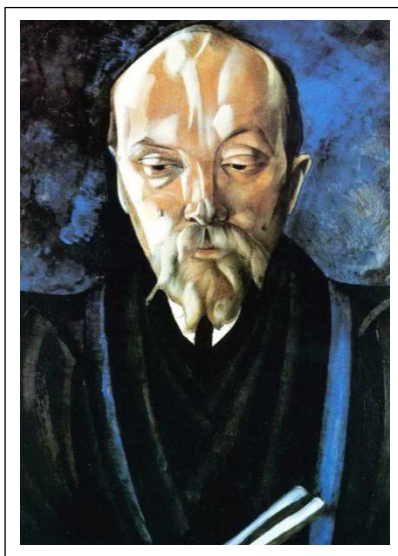
28 Июля 1937 г.
Н.К. Рерих

БОРИС ГРИГОРЬЕВ

«Ваше суровое осуждение России я не могу разделять, ибо сам я русский, получил художественное образование в России, горжусь моими русскими учителями, люблю Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и всех русских великих писателей и художников. И с Вами мы встретились в России. И сейчас мы беседуем по-русски. От души мы порадовались Вашим известиям о сыне Вашем. Как хорошо, что он полюбил философию; наука о мысли, о мудрости даст ему и широкий горизонт. Радуемся, что и супруга Ваша с Вами. Итак, вся Ваша семья вместе. Если напишете о Вашей выставке в Париже и о дальнейших работах - сердечно обрадуете. Ведь прежде чем думать, как Вы пишете, о встрече на Парнасе, мы ещё здесь, на земле, в трудах и творчестве, и пусть будем в доброжелательстве. Хорошие слова "добротворчество", "доброжелательство" и "милосердие". Желая и Вам и всем Вашим всё самое лучшее, а таланту Вашему, мощному и неиссякаемому, мы всегда радуемся. Мало талантов ярких и убедительных. Особая бережливость должна быть проявлена всюду, где выражена сильная индивидуальность. А ведь каждая картина, в которой запечатлён лик человечества, будет печатью века. Когда-то и кто-то будет беречь эти творенья. Искренно и душевно».

Даже в своих суровых суждениях Григорьев остаётся мощным и неукротимым. Имеются люди, которые считают, что с Григорьевым не сговорится, и не хотят заметить чрезвычайную силу его произведений. Он создал свой стиль, и к таким самобытным явлениям нужно относиться бережно. Он будет ругать то, что, может быть, любит в глубине сердца, и будет молча обходить то, что презирает.

Наши первые беседы были во время, когда он рисовал мой портрет. Славный вышел рисунок. По силе выражения это был один из лучших портретов. Елена Ивановна искренно восхищалась силою лепки лба и глаз. С этого рисунка Григорьев написал большой портрет-картину. Большая голова на фоне огромного облака. Интересно описывал Григорьев эту картину мне в одном из писем. Кажется, она в одном из московских собраний.

Б. Григорьев. Портрет Н.К. Рериха. 1917.

И техника у Григорьева своя. Он почти ультрамодернист, но подход к творчеству у него свой и, нужно отдать справедливость, незаменимый. По материалам техника Григорьева смешанная. Он одинаково умел выразиться и в масле, и в темпере, и в акварели. Вполне понятно, что художник с его темпераментом не будет ограничивать себя ни формой, ни материалом. Есть у Григорьева качество убедительности. Этим победоносным свойством Григорьев укрепил себя в истории живописи.

Вот он грозит, что никогда не вернётся на Родину, а я не верю ему в этом. Не только вернётся, но и увидит русский народ в новом аспекте. Найдёт и в Достоевском привлекательность и великую значительность. Григорьев корит меня за новое правописание. Но ведь повсюду оно теперь. Не только молодёжь, но и наши современники, как Лосский, Булгаков, убедились в правах упрощённого знака. Неужели нужны ижица и фита?

Но прав Григорьев в том, что сделался лёгким на подъём. Океанные пространства ему нипочём. В этом передвижении Григорьев приобщился новому ритму века. Много замечательного отобразил Григорьев в разных заокеаниях. Видит он, что в Европе плохо, и в Америке не лучше. Вспомнит он и о просторах российских и найдёт новые ласковые слова о Великой Родине.

28 Июля 1937 г.

Рерих Н.К. Листы дневника М.: МЦР, 1995. Т.2.

30 июля 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

30-ИЮЛЬ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Из Риги от Вас всегда исходит всё доброе и радостное. Радовались мы, что картины дошли благополучно, – вероятно, и развеска и обрамление возьмёт продолжительное время, и потому открытие картин, вероятно, совпадёт с тем же октябрьским сроком. Вы совершенно правы, что в объявлении о монографии и в самой книге этот срок сорокалетия окончания академии и пятидесятилетия деятельности можно отметить. В матерьялах для введения «От издательства» срок уже помянут. Думается, что на обложке и титульном листе его ставить не нужно и совершенно достаточно помянуть срок во вступлении «От издательства». В Вашем письме к В.А. Шибаеву, на днях полученном (от 18 июля), Вы пишете о желательной схожести с *Золотой Книгой* Тагора. Эти соображения вполне предоставляю Вам, тем более что монография во всяком случае осенью выйти не успеет. К октябрьскому сроку возможно лишь оповещение о предстоящем выходе книги. В.А. уже писал Вам, что, конечно, и Ваша статья была бы нам радостна. Повторяю, что все соображения Ваши и всех дорогих сотрудников будут заслушаны нами, как всегда, с великой радостью. Кроме того, когда Вы переговорите и с Пранде, весьма возможно, он тоже предложит какие-либо свои соображения. Заслушаем всё полезное.

Также радостно было слышать Ваше сообщение о будущем съезде в Каунасе. Очень удачно, что наша милая Монтвид успела встретиться с президентом и иметь дружественную беседу с поминанием о конгрессе. Всякое такое звено чрезвычайно полезно. Вполне понимаем, что Вы классифицируете

предполагаемые доклады – одни для общих собраний, а другие для внутренних кружков-секций. Так, например, доклад Абрамова Вы правильно относите для внутреннего чтения. Что касается до издания книги съезда, то это вполне предоставляем Вашим решениям, ибо по всем матерьялам и по обстоятельствам Вы увидите, как это лучше сделать.

Для каталога прилагаю годы картин последней посылки. Годы ранних картин у Вас имеются. Конечно, можно послать З.Г. Лихтман доверительно уже теперь *Тайную Доктрину*, т. I. Она просила Е.И. сделать на нём надпись, и потому мы пошлём мой экземпляр ей отсюда теперь же, а Вы пришлёте мне другой. Если ещё Асееву **ВПОЛНЕ ДОВЕРИТЕЛЬНО** можно бы послать, то Сеплевенко не следует до выхода второго тома, ибо и без того около него происходят многие смущения, о чём Е.И. уже Вам и писала доверительно.

Что касается книги Кардашевского, то, конечно, она должна быть от какого-либо **ДРУГОГО** издательства, а не от *Угунса*. Вы совершенно правы, что Гудков, может быть, оказался бы наилучшим для сего распространителем. Конечно, о гонораре вообще трудно говорить, и если не деньгами, то он, может быть, даст несколько авторских экземпляров.

Посылаю при сём доверительно копию моего письма к Асееву, а также копию моего письма к Сальникову. Эти копии помогут Вам ориентироваться с некоторою перепискою, о которой и к Вам могут доходить косвенные отзвуки. Мы получили шанхайскую *Агни-Йогу* – весьма неудовлетворительное издание, – которую Бобынин прислал при письме, копию которого тоже прилагаю. Конечно, отвечать на это письмо я не буду, и Вы, вероятно, весьма удивитесь, что находятся на свете и такие наглые люди, тем более что Зенкевич писал мне, что ему известно, с какою целью Бобынин печатал книгу. В Шанхае выходит весьма подозрительное издание сборник *Огонь*, издаваемое Батуриным – тем самым, который вовлёл нашего милого Асеева в западню по агентуре ^[1] *Врагов Вселенной*. В этом сборнике поминается и издание *Агни-Йоги* в Риге как дополненное. Прискорбно, что Асеев попал на удочки этого тёмного типа Батурина, несмотря на предупреждения и от нас и от Вас. Мы уже получаем с Дальнего Востока всякие вопросительные и восклицательные знаки по поводу комбинации Асеева во *Врагах Вселенной*.

В.А. Шибаев только что получил весьма сердечное письмо от министра Мунтерса, который был его школьным товарищем. Доверительно и об этом Вам интересно знать. Конечно, Владимир Анатольевич ответит ему и приложит одну из своих статей о Пакте. Таким образом, иногда самыми неисповедимыми путями могут происходить полезнейшие осведомления. Странно, что в присланной Вами газетной заметке нет ни слова о петиции после окончания конференции. Но *gutta cavat lapidem*. Потому к декабрю удвоим наши усилия. Думаем о том, насколько Вы все сейчас завалены работою. Вот уж поистине огненная работа. Берегите здоровье – пусть и Гаральд Феликсович тоже бережёт свою энергию – ведь он творит множество добрых дел. Е.И. и все мы мыслями со всеми Вами и шлём и Вам, и всем нашим милым сердечный привет. Духом всегда с Вами,

Н.Перих

Была ли статья *Литва* передана в *Сегодня*, и с каким результатом?

30-ИЮЛЬ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Приходит на ум ещё одно соображение: так как монография по техническим условиям не может выйти скоро и в конце концов излишняя торопливость была бы лишь в ущерб изданию, то нельзя ли теперь же напечатать в размере монографии статью Всеволода Иванова, которая могла бы выйти уже в октябре. Конечно, набор сохранится и для монографии. Отдельные отпечатанные 300 экземпляров ивановской статьи в продажу не поступят. Главным образом они пойдут в Швецию. Таким путём можно будет сразу переслать Иванову хотя бы 50 экземпляров для рассылки их в Швецию. Ведь у него как сотрудника тамошних газет, конечно, имеются и особые к тому возможности. Для упрощения даю и адрес Всеволода Никаноровича Иванова: 1560 Ave. Joffre, Lincoln Apts. B-1. SHANGHAI. China. И нам тогда же пошлёт 50 экземпляров для рассылки тем людям, которые всё равно не купят монографию. Кроме того, можно послать прямо от Вас на адрес Туркиной: 93 Cambridge Rd. fl. 305. TIENTSIN. North China десять экземпляров. Таким образом, монография будет делаться без всякой вредной поспешности, а в то же время и оповещение Швеции состоится безотлагательно. Ведь, кроме посылки от самого Иванова, и Вы можете послать по адресам центральных и северных библиотек, в которые книги уже доходили. Была ли в *Сегодня* статья *Литва*? Не предполагаете ли дать в *Сегодня* статью к 10-му октября? Конечно, заметка в газету *Для всех* и в журнал *Для вас* была бы вполне уместна. Посылаю Вам *Содружество*, написанное Е.Н. Туркиной. Может быть, также пригодится для Конгресса. Ведь теперь она в Тяньдзине и тем самым представляет ещё один город. Письмо к Вам вышло очень объёмистое со всеми приложениями. Да и время сейчас такое знаменательное. Берегите силы и будьте в единении – впрочем, о последнем нечего и говорить, Вы и сотрудники об этом и без того всегда знаете. Ещё раз сердечный привет,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

31 июля 1937 г. Ропажу

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

Ропажу, «Межгайтас»

31.VII.1937

Дорогой Н.К.!

1. О картинах. Помогут устроить (экспозицию) Пранде и Струнке.
2. Приехала Монтвидене.
3. Конгресс будет в Риге 26.IX или 3.X. Почему, мотивы.
4. Язык конгресса.
5. Какие доклады от кого.
6. Программа – подробно.
7. Выписки из письма Монтвидене (21.VII).
8. Обложку тома Тайной Доктрины уже нельзя менять.
9. 15 июля было полное собрание членов.

10. Монография. Хотим начать репродуцировать картины. Сдадим типографии государственных бумаг под руководством Либерта.
11. Материалы конгресса – в отдельной книге.
12. Привет от Гаральда, который гостил со мной в Робажи.
13. Картина Кришна – попросим посмотреть Пранде, не попорчена ли.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

ЛИСТКИ ДНЕВНИКА Н.К. РЕРИХА, 1937 г.

«В садоводстве есть так называемый мавританский газон. Среди трав вкраплены многие цветы, и получается замысловатый ковёр, как сказка восточная. Раскинутые цветики сами дают узор, как на тысячегранных гобеленах. Вот и в жизни нельзя препятствовать, где, и куда, и как западут слова. Пусть себе разлетаются...»

Каждый посев нужен.... Трогательны бывают неожиданные отклики...»

(Н.К. Рерих. Посев. 3 июля 1940 г.)

ЖИЗНЬ

Нелегко описать жизнь, в ней было столько разнообразия. Некоторые даже называли это разнообразие противоречиями. Конечно, они не знали, из каких импульсов и обстоятельств складывались многие виды труда. Назовём эти особенности жизни именно трудом. Ведь всё происходило не для личного какого-то удовлетворения, но именно ради полезного труда и строительства. На наших глазах много полезных деятелей обвиняли в эгоизме, ради которого они будто бы исключительно творили. Нам приходилось слышать такие обвинения и о Толстом, в отношении братьев Третьяковых, и о Куинджи, и кн. Тенишевой, и о Терещенко, и о многих других, слагавших незабываемо полезное народное сокровище. Завистники шептали, что все эти поборники и собиратели действуют исключительно из самолюбия и ожидают каких-то высоких наградений. Когда мы говорили: «Но что, если вы клевете, и доброе строительство происходит из побуждений гораздо более высоких и человеческих?» - гомункулы усмехались и шептали: «Вы не знаете человеческой природы». Очевидно, они судили по себе, и ничего более достойного их мышление и не могло вообразить.

Даже дневник очень трудно вести. Не было тихих времён. Каждый день происходило столько неожиданного разнообразного, что на близком расстоянии часто совершенно невозможно представить себе, что именно будет наиболее значительным и оставит по себе продолжительный след. Иногда как бы происходит нечто очень житейски существенно, а затем оно превращается в пустое место. Лучше всего обернуться на жизнь на расстоянии. Произойдёт не только переоценка событий, но и настоящая оценка друзей и врагов. Приходилось писать: «друзей и врагов не считай» - это наблюдение с годами становилось всё прочнее. Сколько так называемых врагов оказались в лучшем сотрудничестве и сколько так называемых друзей не только отвалились, но и впали во вредительство, в лживое бесстыдное злословие. А ведь люди особен-

но любят выслушать таких «друзей». По людскому мирскому мнению, такие «друзья» должны знать нечто особенное.

Именно о таких «друзьях» в своё время Куинджи говорил, когда ему передали о гнусной о нём клевете: «Странно, а ведь этому человеку я никогда добра не сделал». Какая эпика скорби сказывалась в этом суждении. Но о радостях будем вспоминать, жизнь есть радость.

1937 г.

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. Изд. «Изобразительное искусство». М. 1974.

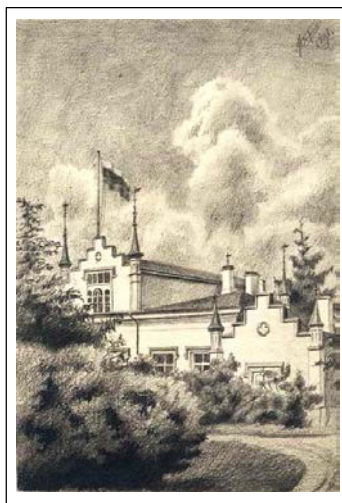
САМОЕ ПЕРВОЕ

На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати белых парусах.

Тонким голоском пелась старинная петровская песня. А кто пел? Того не помню. Вернее всего, Марья Ильинишна, старушка, «гаванская чиновница», приходившая из Галерной гавани посидеть с больным, сказку сказать и о хозяйстве потолковать.

Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста. Наискось было новое Адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили прямо нам в окна. Весело гремели салюты, и клубились белые облачки дыма. На набережной стоял памятник адмиралу Крузерштерну. Много плавал, открыл новые земли. Запомнилось о новых землях.

А вот и первое сочинение – песня: «Садат бадат огинись азад. Ом коську дияют, тебе апку дадут». Дядя Коркунов за такое сочинительство подарил золотые папочные латы. Двух лет не было, а памятки связались с Изварою, с лесистым помещением около станции Волосово, в сорока верстах от Гатчины. Всё особенное, всё милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре. Название от индусского слова «Исвара». Во времена Екатерины неподалёку жил какой-то индусский раджа.

Н.К. Рерих. Вид Изварской усадьбы. 1893.

Дом изварский старый, стены, как крепостные, - небось, и посейчас стоит. Всё в нём было милое. В прихожей пахло яблоками. В зале висели копии голландских картин в николаевских рамах. Большие угольные диваны красного бархата. Столовая ясенева. Высокий стенной буфет. За окнами старые ели. Для гостей одна комната зелёная, другая – голубая. Но это неважно, а вот важно приехать в Извару. Шуршат колёса ландо по гравию. Вот и белые столбы ворот. Четвёрка бежит бойко. Вот-то было славно! Желанка, Красавчик, Принц и Николаевна. Кучер Селифан. Деревни – Волосово, Захонье, Заполье – там даже в сухое время лужи непролазные. От большой дороги сворот в Извару.

Ландо шуршит по гравию мимо рабочего двора, среди аллей парка. А там радость. За берёзами и жимолостью забелел дом. И всё-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы.

Нужно сразу всё обежать. Со времён екатерининских амбар стоит недалеко от дома – длинный, жёлтый, с белыми колонками. Должно быть, зерно, верно, хранится подле хозяйского глаза. По прямой аллее надо бежать к озеру. Ключи не замерзают. Дымятся, парят среди снегов. Вода светлая и ледяная. Дикае утки и гуси тут же у берега. На берегу озера молочная, из дикого камня – очень красиво, вроде крепостной стены. Такой же старинной постройки и длинный скотный двор. Быки на цепях. К ним ходить не позволено. Такие же длинные конюшни. За ними белое гумно, картофельные погреба. Один из них сгорел. Остались валы – отлично для игры в крепость.

После города первый обход самый занятный. Всё опять ново. Назавтра опять станет хотя и милым, но обычным. А в первый день – всё особенное. Новые жеребята, новые щенки, новый ручной волк. Надо навестить Ваську и Мишку – малышей вроде шотландских пони. Их потом подарили казённому лесничему, а ведь они считались моими.

Вот бы припомнить самое первое! Самое раннее! Тоже из самого раннего: старинная картина – гора на закате. Потом оказалось не что иное, как Канченджунга. Откуда? Как попала? В книге Ходсона была подобная гравюра. Картина или гравюра с картины? Были какие-то старинные вещи, но их как-то не ценили. В те годы отличную мебель выбрасывали на чердак и заменяли мягкой бесформенностью.

Вот бы вспомнить что-нибудь самое первое! Самое раннее! Вспомнишь и то и другое, но всё это не самое первейшее.

1937 г.

Лист дневника № 2.

Николай Рерих. Зажигайте сердца. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.

ТРИ МЕЧА

Меч деревянный.

Остров, древний псковский город на реке Великой. Крепость на острове. 1879 год. Мы гостили у бабушки Татьяны Ивановны Коркуновой-Калашниковой. На Липенке – старинный дом с большим заросшим садом. Нижний этаж белый каменный, а верхний и чердак деревянные – охряные, со ставнями и белыми наличниками окон. Под косогором Великая, а за ней парк какого-то большого поместья с белым екатерининским домом. В саду у бабушки много ягод, немало и репейника. Хочется сразиться с этими драконами. Но меча нет. Впрочем, во дворе живёт строительный подрядчик Иван Иванович Чугунов. Всё чай пьёт вприкуску. У него всякие мастерские где-то. Он

услыхал про нужду в мече и скоренько принёс новенький. Хорошо сделано, и ручка вырезана с навершием, и длина хороша. Одно горе – меч-то липовый, деревянный, а выкрашен под медь. Нечего делать, и такой послужит. Много драконов было сражено в бабушкином саду...

Меч железный.

1896 год. Академия Художеств. Уже складывается сюита "Славяне". Задуманы "Гонец: восстал род на род" и "Сходятся старцы", и "Поход", и "Город строят". Читаются летописи. Стасов открывает сокровища Публичной библиотеки. В Изваре из старого птичника переделана мастерская. Собраны волчьи и рысьи меха. Нужно славянам и оружие. В придорожной кузне почерневший кузнец куёт меч, настоящий, железный, точь-в-точь, как мы находили в курганах. Долго этот меч находился в кладовой. Юрий помнит его.

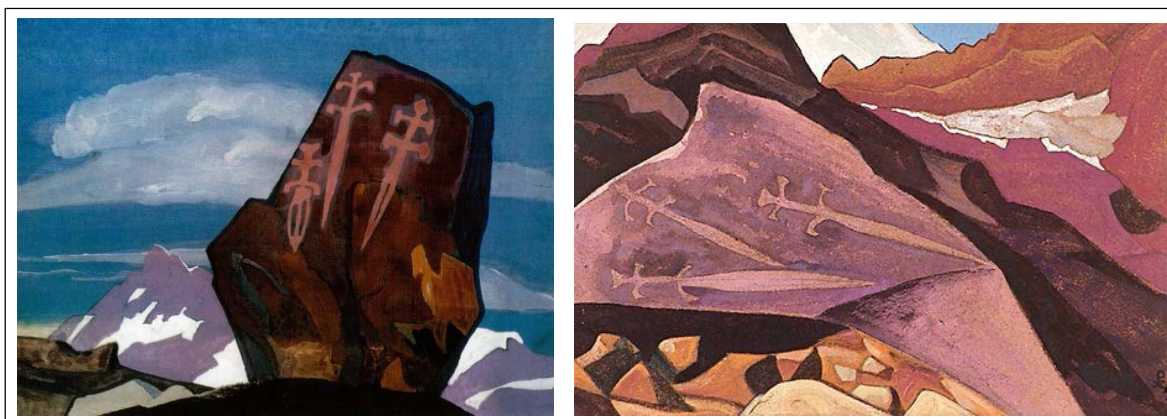
Меч огненный.

1913 год. Спящим стражам приносится меч огненный. "Меч мужества" понадобился. Приходят сроки. Тогда же и в начале 1914 года спешно пишутся: "Зарево" – с бельгийским львом, "Крик змея", "Короны" улетевшие, "Дела человеческие", "Город обреченный" и все те картины, смысл которых мы после поняли.

Меч огненный – к новым вратам. А вот 1931 год, и все три меча напомним. В Западном Тибете на скалах высечены издревле три меча. Граница ли? Победа ли? Знак трех мечей встал в памяти.

[1937 г.]

Журнал "Октябрь", 1958, № 10

Н.К. Рерих. Три меча. 1932.

Н.К. Рерих. Три меча. 1936.

ОХОТА

Уже со школьных лет обнаружили всякие лёгочные неполадки. Затем они перешли в тягостные долгие бронхиты, в ползучие пневмонии, и эти невзгоды мешали посещению школы. Как только осенью мы возвращались из Извары в Питерские болота, так сейчас же начинались нескончаемые простуды, и уберечься от них было почти невозможно. Наконец, после третьего класса гимназии домашний доктор серьёзно призадумался и решил радикальный

исход. «Нужно и зимою ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет». По счастью, этот врачебный совет был исполнен. В это время управляющим в Изваре был Михайло Иванович Соколов, почти что Топтыгин по виду и по своей любви к охоте и лесу. Открылась совершенно новая страница радости. На лыжах ходили за лисицами, «тропили» рысей, посылали лесничих выведать медвежьи берлоги - много увлекательных радостей. А уже когда настанет весна с глухариными и тетеревиными токами и с тягою вальдшнепов, тут уже всякие простуды должны уйти. Потом и без ружья можно бы провести ночь в лесу или на лыжах пробираться по сугробам. Но вначале, особенно же под руководством занятого Михайло Ивановича, вся обстановка охотничья казалась какою-то сказкою.

Убийственная часть этого занятия скоро отпала, просто сама собой отмерла, стала несовместимой. Но впечатления весенних ночей и восходов, гомон птичьего базара, длинные хождения по зимним лесам - все это навсегда вносит особый склад жизни. Недаром охотничьи команды являются самыми зоркими и подвижными воинскими частями - они больше соприкасаются с природою.

Бывало, мы уходили в лес на несколько дней. Не однажды подолгу плутали. В это время уезды, смежные с Псковскою областью, были очень лесисты. Так, один раз мы проплутали к самой станции Дивенской. Это блуждание по разнородному лесу, по обширным моховым болотам с опасными бездонными «окнищами» потом долго вспоминалось. Местный проводник в каждой опушке и роще признавал давно знакомые места, но, приближаясь, мы оказывались где-то очень далеко от дома. Но никто не сетовал, и новые впечатления лесного царства навсегда отразились. Курганы - летом, охота - зимою и весною дали настоящие радости.

1937 г

Н.К. Рерих. Из литературного наследия, М. 1974 г.

ОТЕЦ

Говорят: «Если хотите найти сведения о художнике, менее всего спрашивайте его родственников».

Действительно, о своих люди менее всего знают. Что мы знали об отце? Мало что знали. Мельком слышали, что он работал по освобождению крестьян. Был членом Вольно-экономического общества.

Знали, что друзьями его были Кавелин, Костомаров, Микешин, Мордовцев, Менделеев, Андреевский... Знали, что, кроме юридической работы, он писал драматические вещи. Но где они? Помню манускрипт одной драмы: он был писан мягким карандашом и стёрся до неудобочитаемости.

Был членом сельскохозяйственного клуба. Устроил в Изваре дорогую сельскохозяйственную школу, но не захотел дать неизбежную взятку, и школу прикрыли за левизну. Хотел устроить орошение крестьянских лугов шлюзами. Их растащили. Машины и локомобиль спалили. Ни за что.

Помню волокиту с управляющими. Каких только не было! Один поляк, праздная свои именины, сжег скирды хлеба. Другой - немец с отличными белыми бакенами - увёз машины и угнал скот. Стал переезжать из уезда в уезд и ещё потребовал выкуп. Третий заколол перед пасхою всех телят и объяснил,

что они мёрли от известной болезни... Чего только не было... Со времени Павла шёл с казною процесс о строевом лесе, неправильно отмежёванном...

Урывками слышали мы о делах, но внутренний облик отца оставался несказанным. Знали, что люди весьма ценили его юридические советы доверяли ему. Помогал он в деле Добровольного флота.

Не любил лечиться отец. Уже давно врачи требовали отдых. Но он не знал жизни без работы. Просили его не курить или уменьшить курение, ибо грозило отравление никотином, но он отвечал: «Курить – умереть, и не курить – умереть»... Много было недосказанного. Наверно, были какие-то разочарования. Друзья поумирали раньше, а новые не подошли. Были какие-то рухнувшие построения. Лучшие мечты не исполнились. Мало кто, а может быть, и никто не знал, чем болело сердце.

*Лист дневника № 5.
1937 г.*

Н.Рерих, «Зажигайте сердца». М. «Молодая гвардия». 1975.

УНИВЕРСИТЕТ

Семейный гордиев узел был разрешён тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию художеств. В конце концов, получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов – Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего «Гонца», спрашивает: «На что вам римское право, ведь, наверно, к нему больше не вернётесь?» Был прав, но всё же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский – как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачётное сочинение - «Правовое положение художников Древней Руси». Пригодилась и «Русская Правда», и летописи, и «Стоглав», и акты Археографической комиссии. В Древней, в самой Древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как её хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в члены Русского археологического общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П.А. Путятина я встретил Ладу – спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету сравнительно с Академией уделялось всё же меньше времени. Из студентов-юристов помню Серебrenицкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинарах и в юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова, шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет. Исторический, а не юридический факультет считал меня своим...

*Лист дневника № 7.
1937 г.*

Н.К. Рерих. «Зажигайте сердца». Москва. 1975 г.

АКАДЕМИЯ

Сколько чувств будило здание Академии. Музей, скульптуры, темные коридоры, а там внутри и школа, связанная со многими именами... Удастся ли попасть туда?

Летом 1893 года работа с И.И. Кудриным в музее Академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. "Не увлекитесь тушёвкой, – учит Кудрин, – главное, покажите, как строите".

На экзамене – голова Антиноя. Сделал, что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: "Не в этом – так в будущем году".

"Неужели провал?" – "В списке нет вас". Но тут же стоит швейцар академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно усовещает Новаренко: "Чего смущаете, раньше, чем говорить, прочли бы список". Принят, и даже хорошо!!

Головной класс – профессора Лаврецкий и Пожалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залеман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричат: "У вас Аполлон-то француз: ноги больно перетонили!"

В натурном – Виллевалде, всегда в форменном фраке, всех хвалящий. Помню, как один расхваленный им академист получил на экзамене четвертый разряд. Пошел жаловаться: "Как же так, профессор, вы так хвалили?" – "Ну что ж, у других еще лучше было". За эскиз "Плач Ярославны" я получил первый разряд. Тогда же эскизы: "Святополк Окаянный", "Пскович", "Избушка пустынная", "На границе дикий человек", "Пушкари", "Вече"...

Старая Академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть – к Репину или к Куинджи? Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: "Пойдём лучше к Куинджи". Пошли. Посмотрел сурово: "Принесите работы". Жили мы близко – против Николаевского моста – сейчас и притащили всё, что было. Смотрел, молчал. Что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: "Это вот они в мастерскую ходить будут". Только и всего! Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал, например за "Поход", а потом говорил: "Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки – и так можно!"

"Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города... Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное... летит под песни ямщиков", – говорит Гоголь о русской песне. Теми же словами можно сказать и о всех областях русского искусства.

Еще недавно любовались мы "Словом о полку Игореве", украшенным превосходными миниатюрами палехских и мстерских мастеров. А ведь было время, и еще на нашем веку, когда этих мастеров не считали чем-то серьезным. Тоже себе, иконописцы! Но стоило открыть дверь этому народному сокровищу, и получились отличные вещи. Кто знает искусство русских самобитных кустарей, тот знает, какой неисчерпаемый клад творчества и воображения заключен в народных глубинах. За время школьной деятельности мне пришлось встретиться со многими самоучками. Всегда радуюсь, что на собственном опыте пришлось удостовериться, как даровит народ. Стоит лишь открыть доступ к истинному художеству, и дарования вспыхивают в прекрасных образах.

В этом году петербургская Академия художеств празднует 175-летие своего существования. Каждый из нас, прошедших академическую учебу, добром помянет свои школьные годы. Как таинственно-зовуще было само здание Академии, предшествуемое на Неве сфинксами и окружённое по всей набережной Васильевского острова такими историческими зданиями, как Горный институт – с одной стороны, Меншиковские палаты, университет, Биржа – с другой стороны.

От самого своего основания – от времён екатерининских, до Дашковых, от Шуваловых, от наследий гениального Ломоносова – стены Академии вместили и Боровиковского, Левицкого, Кипренского, Венецианова, Брюллова и всю знаменательную группу передвижников. Нельзя сказать, чтобы Академия отвращала от себя, ибо имена Репина, Куинджи, Маковских, Матэ, Шишкина, Дубовского и всех, имена которых остались в истории русского искусства, – все эти мастера так или иначе прошли через Академию или около Академии. Среди рисунков в Академии, на стенах классов, можно было видеть целое собрание лучших русских художников; даже такие новаторы, как Врубель, оставили свои памятки на стенах натурального класса.

Нашему поколению пришлось ознакомиться с двумя эпохами Академии. Мы начали работу при старых профессорах, вроде Виллевалде, Шамшина, Подозерова, Лаверецкого, Пожалостина, и при нас, на наших глазах, совершилась реформа. Пришли передвижники. Можно было свободно избрать себе руководителя, и традиционный академизм, о котором так много говорилось, сменился свободой работы.

Из всех старых профессоров удержался лишь П.П. Чистяков. В нём было много от природного учителя. Своеобразие суждений и выражений привлекало и запоминалось. Но все мы спешили скорей перейти из натурального класса в мастерскую. Труден был выбор между Репиным и Куинджи не только потому, что один был жанрист, а другой пейзажист, но по самому характеру этих мастеров. Создалась легенда о розни между репинцами и куинджистами. Но, в сущности, этого не было. У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский, Стабровский. Почему нам, бывшим у Куинджи, ссориться с ними? У нас – Пурвит, Руциц, Рылов, Химона, Богаевский, Вроблевский – каждый был занят своей областью.

В составе профессоров Академии происходили обновления. Пришли Ционглинский, Кардовский и Самокиш. Пришли затем Е. Лансере, Щусев, Щуко. Среди членов-любителей были такие доброжелательные собиратели, как граф Голенищев-Кутузов, Тевяшов, Дашков...

Старое академическое крыло держалось М. Боткиным. О нём можно бы написать целую книгу. У него были и неприятные черты, но зато он был страстный собиратель. Знал Александра Иванова, Брюллова, Бруни, был свидетелем той "римской" группы, о которой всегда занимательно слышать. Конечно, наша группа, а особенно "Мир искусства" были ненавистны Боткину. Но такая борьба неизбежна. Бывали и такие диалоги. Встречаю Боткина, выходящего с выставки "Мира искусства". Он бросает мне: "Все сжечь!" – "Неужели все?" – "Все". – "И Серова?". – "И Серова". – "И Врубеля?" – "И Врубеля". – "И Александра Бенуа?" – "И Бенуа". – "И мои?" – "И ваши, и ваши нужно сжечь!" Боткин вскидывает руками и спешит дальше. Уж эти аутодафе! До чего они полюбились от самых древних времен! Но эта "сжигательская" группа в Академии художеств была в значительном меньшинстве.

Московская группа была представлена внушительно: Суриков, братья Васнецовы, Виноградов. Таким образом соревнование Москвы и Питера уравновешивалось. Кондаков, Айналов и Жебелев представляли, так сказать, профессорскую группу по истории искусства. Представители семьи Бенуа вносили культурное влияние. Конечно, такие [...], как Дягилев, в Академию не могли попасть, и это было жаль: ведь именно такие пламенные деятели могли вносить особенное оживление в деятельность Академии.

Такая работа могла иметь огромное культурное значение. Кроме самой Академии, в её ведении находился ряд художественных школ. Из них Киевская (Мурашко), Одесская, Харьковская и другие представляли собой крупные художественные центры. По всем необъятным просторам могли быть раскинута целые множества очагов искусства. Сколько утончения вкуса, сколько истинного отечествоведения могло бы быть легко посеяно даже в самых отдаленных областях. Конечно, жаль, что так называемые художественно-промышленные школы находились в ведении Министерства торговли и промышленности, вне касания художественных центров. С давних времён мы пытались бороться против этого бюрократического разделения. Наш постоянный девиз "искусство едино" не получал чиновных признаний. Между тем, какое замечательное художественно-культурное единение могло бы состояться! Где же можно провести черту между искусством и художественной промышленностью?

Почему пуговица, вышедшая из мастерской Бенвенуто Челлини, должна быть не художественным произведением, а отвратительная олеографическая картина будет претендовать на высокое искусство?

Деление может быть лишь по качеству, безразлично из какого материала создано произведение. О таких предметах трудно было спорить и в Академии художеств и в Министерстве торговли и промышленности. А со временем с любовью вносятся в музеи как картины и скульптура, так и художественные иконы и превосходные, вполне художественные изделия кустарей.

В далёких Гималаях мне, конечно, весьма трудно следить за всеми русскими художественными изданиями последних лет. Но всё же, кроме превосходно изданного "Слова о полку Игореве", мы получили хорошие книги о переписке знаменитых мастеров, а также прекрасные монографии Юона, Петрова-Водкина, два тома, посвящённых Репину, и в последнее время автобиографию Грабаря. Все книги имеют много цветных воспроизведений, и многие из них отличного качества. Самый текст обработан весьма серьёзно, а библиографический материал собран весьма тщательно. Кроме этих больших изда-

ний, нам пришлось видеть и целую серию общедоступных школьных книг, вроде прекрасно написанной биографии Бородина. Таким образом, и школьный возраст может знакомиться с выдающимися русскими деятелями.

В Школе Общества поощрения художеств, кроме разнообразных мастерских, мы вводили также и хоровое пение, и очень хотелось обогатить программу введением и музыки. Ведь художественные дарования развиваются так своеобразно! [...]

Теперешний юбилей Академии³ художеств должен быть не только памятным днём прошлому, но и праздником для будущего русского искусства. Среди всего великого и необычайного пусть Академия художеств не будет похожа на всякие Академии, но пусть явится деятельным и живым рассадником для всех народных дарований.

1937

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М. 1974 г.

См. также: Архив Ю.Н. Рериха Лист дневника № 8.

УЧЁБА

После Университета и Академии, и Кормоновской мастерской началась ещё одна учеба, и очень суровая. Говорю о работе в Обществе Поощрения Художеств. Некоторые пишут, что пригласил меня туда Собко, но это не совсем верно, ибо главным образом приглашение произошло по линии Д. В. Григоровича. Не успел он утвердить меня по музею Общества, как умер, а музей перешёл в ведение Боткина. Я же именно тогда писал против Боткина и критиковал его реставрацию Новгородской Софии. После этого мне казалось невозможным с Боткиным встретиться, а тем более сотрудничать. Но Балашев, бывший вице-председателем, был иного мнения. Со свойственной ему торопливостью он пригласил меня поехать вместе с ним к Боткину под предлогом осмотра известной боткинской коллекции. Приём превзошёл всякие ожидания. Не только была показана коллекция самым предупредительным образом, но было заявлено о великом удовольствии встретиться в музее Общества, и таким образом всё приняло совершенно неожиданные размеры. По поводу же моих статей о Софии было сказано, что Боткин читал их с огромным интересом. Конечно, ещё много раз пришлось в деле столкнуться с академической рутинию Боткина. При выборах в академики именно Боткин произнёс речь против меня, но когда избрание всё же состоялось, то на другое утро Боткин уже был у меня, целовался и говорил, улыбаясь: "Ну и была битва, слава Богу, победили". Он не знал, что ещё накануне вечером Щусев и Беренштам позвонили по телефону о положении дела. Так же точно Боткин был против моего назначения директором Школы, но когда и оно всё же состоялось, он с улыбками и объятиями спешил оповестить о победе. Опасный был человек, но всё-таки благодарю его за учебу, за вкоренившийся обычай быть на дозоре. И другие члены комитета занимались той же учёбою. Так, например, после моего избрания секретарем Общества, председатель финансовой комиссии Сюзор пригласил меня вечером "потолковать о финансовых делах". Речь шла о большом бюджете и о разных цифрах, превышавших 200.000 рублей. Быстро Сюзор называл разные детальные цифры. Устно подводил итоги и делал всякие

³ «40-летие окончания Академии, 1897...» Н.К. Рерих

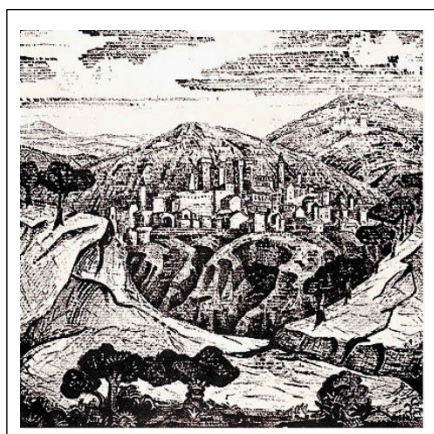
сложные сопоставления. Я также устно подавал реплики, и таким образом мы побеседовали часа три. Затем совершенно неожиданно Сюзор попросил меня через два дня представить весь бюджет, включив в него все те многие детальные соображения, которые он называл. Я попросил его дать мне какие-либо записки по этому поводу, но он сказал, что записок он не имеет и даже не может повторить устно все им сказанное. При этом он добавил, улыбаясь: "Я удивлялся, видя, как вы надеетесь на свою память и ничего не записываете". Действительно, пришлось вызвать все силы памяти, чтобы не ударить лицом в грязь. Спасибо и за такую учебу. В то же время продолжалась учеба со стороны Куинджи, который постоянно давал незаменимые уроки и примеры общественной справедливости и откровенности. Селиванов толкнул к собирательству старинных картин. Каждый из членов Комитета приложился к этой жизненной учебе. Спасибо.

[1937 г.]

Н.К. Рерих, Листы дневника, т. 2. М. 1995 г. (Из архива МЦР).

БЛОК И ВРУБЕЛЬ

Среди множества разновременных встреч по всему миру особенно сохраняются в памяти общения с Блоком и Врубелем. Оба они были особенные. Оба имели свой самобытный, присущий только им стиль и способ выражения. Часто бывает, что особо схожие по внутреннему содержанию люди между собою не встречаются. Так, Врубель не встречался с Блоком - просто они совершали земной путь каждый по своей тропе. Но с этой тропы каждый из них видел чудесные дали, и в этих далях было так много подобного. Какими-то странными особенностями были окружены наши общения. Почему-то всегда случалось, что общения наши всегда бывали какими-то особенными. Посещения оказывались всегда наедине. Легко, казалось бы, могло случиться, что кто-то мог прийти и внести обычность в беседу, но этого не случалось. Первый раз Блок пришёл с просьбой сделать ему для его книги фронтиспис "Италия".

Н.К. Рерих. Италия. 1907.

На этой почве старинных фресок и великолепных сооружений начались наши внутренние беседы. Говорили и о религиозно-философском обществе, которое Блок перестал посещать, жалуясь, что "там говорят о несказуемом". Предвидение, выраженное в образах, свойственных лишь Блоку, своеобразно

сказывалось во всех его речах. Он знал, что мы азиаты, и мудро претворял это утверждение.

К Азии или, лучше сказать, к Востоку тянулся и Врубель. Он понимал и Византию, но именно ту Византию, в которой отобразился истинный Восток. Даже и в последних своих вещах, например, в "Раковине", Врубель был знатоком Востока. Ведь этим путём могли мыслить иранские, индийские и китайские мастера. Незабываемо последнее посещение Врубеля, бывшее в 1905 году. Уже говорили о каких-то странностях, обозначавшихся в его жизни. Помним, он пришёл довольно поздно вечером, и за чаем была беседа о новых задуманных картинах. Жили мы в доме Кёнига на пятой линии Васильевского Острова, столовая выходила во двор, и стояла полная тишина. Вдруг Врубель примолк и насторожился. Спросили его, в чём дело. Он прошептал: "Поёт". Спросили: "Кто поёт?". "Он поёт, как прекрасно". Мы встревожились, ибо была полнейшая тишина. "Михаил Александрович, да кто же, наконец, поёт?" Врубель как-то неожиданно остеклился: "Да, конечно, он, демон, поёт". При этом он спешно махнул рукою, как бы прося не мешать. Мы замолчали. Елена Ивановна, которая очень любила Врубеля, тревожно смотрела на меня, и так прошло значительное время. Наконец, Врубель как-то особенно глубоко вздохнул. Настороженность пропала. Он поспешно поднялся из-за стола и начал совершенно прозаично прощаться, ссылаясь на поздний час. Замечательно, что даже когда Врубель заболел и был признан неизлечимым, то Академия Художеств продолжала его ненавидеть, настолько он был противоположен в своей сущности. Когда мы хлопотали о пенсии ему, то именно из недр Академии посыпались возражения и множество кандидатов, которые, конечно, и в подметки Врубелю не годились. Впрочем, академические круги не только ненавидели Врубеля, но и чуждались Блока, настолько их самобытное творчество было чуждо академической рутине.

1937 г.

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., «Изобразительное искусство». 1974.

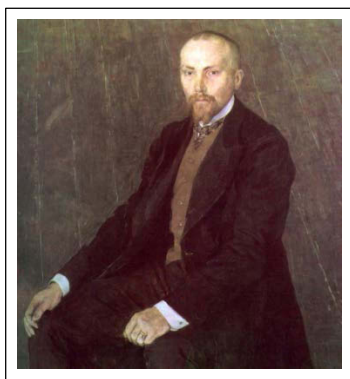
ГОЛОВИН

Головин привлекал к себе не только дарованием, но своею утончённостью, постоянным исканием и совершенствованием. Была в нём и какая [-то] таинственность. Никто не знал его домашней жизни. Иногда Головин куда-то спешил. Должен был с кем-то встретиться, и никто не был посвящён в его внутренний быт. Но это не мешало дружбе с Александром Яковлевичем. Почти каждый вечер в его мастерской над зрительным залом Мариинского Театра собиралась группа друзей. Снизу неслись приглушенные звуки оркестра, шла особая театральная жизнь, а Головин толковал о своих будущих постановках. Углублялся или в "Кармен" или в "Руслана". Многие любили "почаевать" на верхотурке у Головина, и он умел быть радушным хозяином и хорошим другом. Иногда он бывал расстроен. Друзья спрашивали: "Неужели Коровин приехал?" Головин подозрительно смотрел на двери и шептал: "Да, да, чёрный здесь. Слышу его запах". Вероятно, вражда Головина с Коровиным имела какое [-то] глубокое основание. Мы не расспрашивали о причинах, втайне мы вспоминали пресловутую вражду Энгра и Делакруа. Почти в тех же выражениях

говорил Энгр, когда Делакруа появлялся на выставке: "Слышите, серой пахнет!" За исключением Коровина, Головин ко всем был очень приветлив, и даже неизбежные театральные тернии, видимо, не выводили его из себя.

Была истинная радость говорить с Головиным об искусстве. Он любил обсуждать и технические приемы. Искал сочетания темпера и пастели. Думал о лучшей подготовке холста. Болел вопросом о рамах. После всяких проб ввёл медные закантовки. Всегда настаивал, чтобы стекло было толстое с фасетом. "Ведь такое стекло всё равно, что лучший лак". Даже свои крупные вещи Головин обрамлял медною закантовкою. Интересовался цветными холстами. Его маляр много раз подготовлял их для меня.

По заказу "Золотого Руна" на той же театральной верхотурке Головин писал мой портрет.

А.Я. Головин. Портрет Н.К. Рериха. 1907.

Неприменно хотел, чтобы был надет черный сюртук с жёлтым жилетом и с лиловатым галстуком. "А в глазах пусть будет что-то монгольское, азиатское" - так ему казалось. Он любил азийскую Русь. Прекрасный художник!

Он умел всегда оставаться молодым, готовым на новые поиски. И в красках его, всегда свежих и нежных, сказывалась природа истинного мастера.

[1937 г.]

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих "Художники жизни". М. 1993.

МЫСЛЬ

Запоминаются не только яркие писания мыслителей, но и отдельные словечки, от них в беседах услышанные. Такие пламенные меткие выражения иногда остаются в памяти особенно ясно. От Владимира Соловьева, Стасова, Григоровича, Костомарова, Дида Мордовцева, Менделеева, Куинджи и до Иоанна Кронштадского много незабываемых речений навсегда осталось в жизни. Костомаров умел бросить меткое слово, зажигал своим бурным огнем Стасов, Менделеев даже во время шахматной партии бросал замечательные вехи. При этом такие отдельные броски оставались совершенно новыми и неповторенными в письменных трудах.

Помню Дида Мордовцева, блестяще говорившего у нас при учреждении общества имени Шевченко. Могли ли мы думать, что совершается нечто запрещённое и само восхваление большого поэта могло быть чем-то нецензурным. Затем для обмена мыслями создавалось несколько кружков. Был студенческий кружок, сошедшийся вокруг студенческого сборника. Но состав его был слишком пестр, и никакого зерна не составилось.

После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок - Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов... Бывали хорошие беседы, и до сих пор живёт связь с Лосским и Метальниковым. Зародилось и "Содружество" - С. Маковский, А. Руманов группа писателей и поэтов. Просуществовало оно не так долго, но создало хорошую дружбу, оставшуюся на долгие годы, и по сей час.

Удивительно, насколько меняются человеческие выражения, сказанные наедине. Например, Куинджи в беседах наедине выявлялся настоящим интуитивным философом. Какие прекрасные строительные идеи он высказывал и видимо бывал очень потревожен, если входило третье лицо. Точно бы что-то отлетало. Впрочем, то же самое замечалось и с Владимиром Соловьевым. Если что-либо постороннее вторгалось, то вся ценная нить мысли мгновенно пресекалась, и он спешил прекратить беседу. Стасов - тот не боялся присутствовавших. Даже наоборот, если подозревал в ком-либо врага своих идей, то он сразу начинал громить в направлении подозреваемого неприятеля. А за словами он в карман не лез. Чем дальше, тем с большею признательностью вспоминаются все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль. Ни в школе, ни в университете это не происходило, но встречи и беседы навсегда запечатлевали мысли. Целая кузница мыслей.

*Лист дневника № 11
1937 г.*

Николай Рерих. Зажигайте сердца. Изд. Молодая гвардия. 1975 г.

ЖИВОПИСЬ

Прежде всего, потянуло к краскам. Началось с масла. Первые картины написаны толсто-претолсто. Никто не надоумил, что можно отлично срезать ножом и получать эмалевую плотную поверхность. Оттого «Сходятся старцы» вышли такие шершавые и даже острые. Кто-то в Академии приклеил окурочок на такое острие. Только впоследствии, увидав Сегантини, стало понятно, как срезать и получать эмалевую поверхность.

Масло вообще скоро надоело своею плотностью и темнотою. Понравилась мюнхенская темпера Вурма. Много картин ею написано. Стенопись в Талашкине тоже вурмовская. Серову эти краски понравились, и он просил меня для него их выписывать. С войною вообще прервалось, и сама фабрика закрылась.

В то время привлекла яичная темпера. В нашей иконописной мастерской были всякие опыты. Были комбинации с клеевой темперой. Воздушность и звучность тонов дали свободу технике. С Головиным были беседы о темпере, но он часто предпочитал пастель. С маслом темпера несравнима. Суждено краскам меняться - пусть лучше картины становятся снами, нежели чёрными сапогами... Неоконченная картина Микеланджело в Национальной Галерее Лондона дала мысль о цветных фонах. Она была писана на зелёном фоне - от него Терра ди Сиенна становилась не рыжей, а золотистой. Театральный маляр у Головина отлично готовил такие холсты.

Также работал и на цветных папках. Иногда примешивал и пастель, фиксируя её молоком или жидким столярным клеем. Над ванной производились сложные вымывания над небольшими картинами.

Холсты выписывались от Лефранка. Сперва пробовал брать уже подготовленные, но потом оказалось, что лучше всего готовить холсты дома - как в старину. Один такой синий холст Серов унёс для своей Иды Рубинштейн.

Пробовал темперу в тюбиках от Лефранка и от Жоржа Роуней. Каждая имела свои особенности, но всё-таки не давала силы тона, а белила желтели и трескались. Я советовал В.А. Щавинскому заняться техникой красок, чтобы иметь доброкачественные русские. Он начал; мы мечтали открыть при Школе Поощрения Художеств целую техническую экспериментальную мастерскую. Но Щавинский был убит. Полезная мысль завяла.

1937 г.

Н.К.Рерих, «Листы дневника», т. 2

СОБИРАТЕЛЬСТВО

Не однажды нас спрашивали, отчего мы начали собирать именно старых Нидерландцев? Но кто же не мечтает о Ван Эйке, Мемлинге, Ван дер Вейдене, Ван Реймерсвале, Давиде, Массейсе? Кроме того, в каждом собирательстве есть и элемент судьбы. Почему-то одно подходит скорее и легче. Открываются возможности именно в том, а не в другом, так и было.

Порадовал Блэз, оба Питера Брейгеля, Патинир, Лука Лейденский, Кранах. За ними подошли Саверей, Бриль, Момпер, Эльсгеймер, Ломбард, Аверкамп, Гольциус, старший Ван дер Вельде, Конинг — и в них было много очарования, щедрости построения и декоративности. Затем неизбежно появились Рубенс, Ван Гойэн, Остаде, Ван дер Нэр, Ливенс, Неффс, Теньер, Рюнсдаль... Друзья не удивлялись, что эти славные мастера вошли в собрание по неизбежности. Дело в том, что душа лежала к примитивам с их несравненными звучными красками и богатством сочинений. Елена Ивановна настолько прилежала к примитивам, что вхождение даже самых привлекательных картин семнадцатого века встречалось ею без особой радости.

Много незабываемых часов дало само нахождение картин. Со многими были связаны самые необычные эпизоды. Рубенс был найден в старинном переплёте. Много радости доставила неожиданная находка Ван Орлея — картина была с непонятной целью совершенно записана. Сверху был намазан какой-то отвратительный старик, и Е.И., которая сама любила очищать картины, была в большом восторге, когда из-под позднейшей мазни показалась голова отличной работы мастера. Также порадовал и большой ковчег Саверея, где тоже с непонятной целью был записан весь дальний план. Мы не успели восстановить Луку Лейденского, в котором остались записанными всё небо и дальний пейзаж. Вариант этой картины находится в Лувре.

Питер Брейгель был найден совершенно случайно. Распродавалось некое наследство, и меня пригласили купить что-либо. Было много позднейших картин вне нашего интереса. Продавщица была весьма разочарована. Наконец высоко над зеркалом, в простенке между двумя окнами, я заметил какую-то совершенно тёмно-рыжую картинку. Спросил о ней, но продавщица разочарованно махнула рукой: «Не стоит снимать, вы всё равно тоже не купите». Я настаивал, тогда продавщица сказала: «Хорошо, я её сниму, но вы непременно купите и не отказывайтесь, а для верности положите двадцать пять рублей на стол». Так и сделали. Картинка на меди оказалась настолько потемневшей, что даже нельзя было распознать сюжет. А затем из-под авгиевых слоев грязи вы-

лупился зимний Брейгель. Много забот доставил «Гитарист» Ван Дейка. Просили за него порядочную цену, о которой мы ещё не успели сговориться. Но Е.И. не дождалась окончания переговоров и начала чистить картину. Можете себе представить наше волнение, когда владелец картины пришёл для окончательных переговоров. По счастью, всё уладилось к обоюдному удовольствию. Был спасён и Блэмарт, на котором было записано всё небо с ангелами. Без конца памятных эпизодов. Много дали радости старые Нидерландцы. К тому же примитивы так близки современной нашей школе.

1937 г.

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., «Изобразительное искусство». 1974.

ТЕАТР

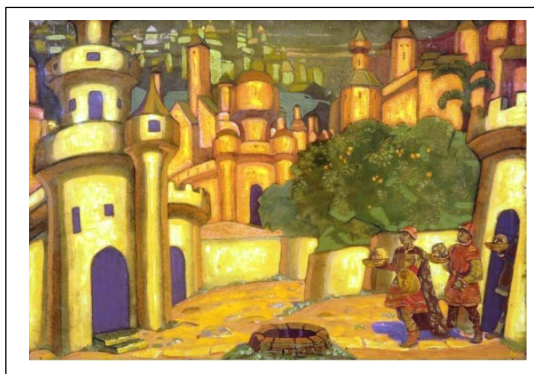
Театр, волшебный фонарь и калейдоскоп были самыми ранними занятиями. Для театра в магазине Дойникова покупались для вырезывания готовые пьесы: "Руслан и Людмила", "Жизнь за Царя", "Конёк Горбунок"... Но эти установленные формы, конечно, не удовлетворяли, и сразу являлись идеи не только усовершенствовать постановку этих пьес, но и поставить что-либо свое. Так была поставлена "Ундина" на сюжет Шиллера, затем "Аида", "Айвенго". Главную задачу этих постановок было освещение посредством разноцветных бумаг. Иногда в театре случались пожары, в которых погибали декорации. Кроме постановок на готовые сюжеты, были попытки сочинять свои пьесы преимущественно исторического содержания. С таким театральным опытом начались с восьмилетнего возраста и школьные годы. В течение гимназических лет несколько раз участвовал в пьесах Островского и Гоголя. Тогда же рисовались и программы, как сейчас помню, с портретом Гоголя. Программы хранились в архивах гимназии Мая, а где они теперь, кто знает? Таким образом, когда барон Дризен в 1905 году заговорил о театре, то почва к этому была совершенно готова.

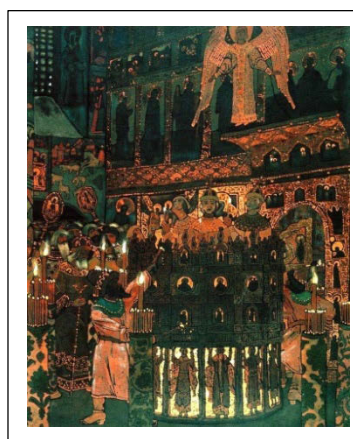
Н.К. Рерих. Эскиз декорации для мистерии «Три волхва». 1907.

Из первых постановок – "Три Мага" (эскиз к ним – в Бахрушинском музее, но, к сожалению, при наклейке уже в музее были стёрты все пастельные верхние слои, в чём я убедился в 1926 году, будучи в Москве), "Валькирия" и "Кн[язь] Игорь". В предисловии к американскому каталогу Бринтон передал

мои соображения о тональной задаче, выполненной в эскизах "Валькирии". В 1921 году в дармштатском журнале "Кунст унд Декорацией" Риттер назвал мои декорации к Вагнеру самыми лучшими из всего, что для Вагнера было до тех пор сделано. Такая похвала, исходившая из центра вагнеровского почитания, была весьма замечательной. Из русских опер, кроме "Князя Игоря", были эскизы к "Садко", "Царю Салтану" (Ковент Гарден), "Псковитянке" (Дягилев) и три постановки к "Снегурочке". Первая постановка была для "Опера Комик" в Париже, вторая – в Петербурге и третья – в 1922 году в Чикаго. В 1913 году по предложению Станиславского и Немировича-Данченко был поставлен "Пер Гюнт" в Московском Художественном театре; тогда же для Московского Свободного Театра была приготовлена постановка "Принцессы Мален" Метерлинка в четырнадцати картинах, но из-за краха этого театра постановка не была закончена. В том же году в Париже – "Весна Священная" с Дягилевым и Нижинским, а вторая постановка "Весны" – в 1930 году в Нью-Йорке со Стоковским и Мясиным. В 1921 году "Тристан и Изольда" для Чикаго. Так же не забуду "Фуэнте Овехуну" для старинного театра барона Дризена. Оригинал эскиза был в собрании Голике и был в красках (в несколько пониженной гамме) в монографии 1916 года. Уже во время войны в 1915 году в Музыкальной Дrame была поставлена "Сестра Беатриса", музыкальное вступление к ней было написано Штейнбергом и посвящено мне. К серии театральных работ относится и занавес панно "Сеча при Керженце", заказанная мне Дягилевым. Не знаю, где остался этот занавес, так же, как и занавес панно Серова. Были еще эскизы к "Руслану", один акт к "Хованщине" (хоромы Голицына) и эскизы к предполагавшейся индусской постановке "Девассари Абунту". Один из этих эскизов был в собрании Милоша Мартена в Праге. Вы спрашиваете, где находятся все эти эскизы. Они чрезвычайно разбросаны. Корабль "Садко" – у Хагберг-Райта в Лондоне, "Половецкий стан" – в "Виктория Альберт Музее" и в Детройте. "Принцесса Мален" – в Стокгольме в Национальном Музее, в "Атенеуме" /Гельсингфорс/, несколько эскизов в СССР. "Снегурочка" – в Америке, в СССР и где-то в Швейцарии. "Весна Священная" – в СССР, один эскиз был у Стравинского, эскиз для 1930 года – в Музее Буэнос-Айреса.

Н.К. Рерих. «Дары». 1916.

Н.К. Рерих. Пещное действо. 1907.

Да, чуть не забыл, ещё был эскиз для ремизовской пьесы, который воспроизведён в монографии 1916 года под названием "Дары", и для мистерии "Пещное действо", который воспроизведён в красках в монографии Ростиславова. Можно найти воспроизведения в "Золотом Руне", в "Аполлоне", в моно-

графии 1916 года, в монографии Эрнста, в монографии Ерёменко и в последней монографии 1939 года. Хотя оригиналы и очень разбросаны, но из приведенных монографий можно собрать значительное число разных воспроизведений, и среди них – некоторые в красках. Предполагались ещё совместные работы с Фокиным, с Коммиссаржевским, с Марджановым, но за дальними расстояниями и переездами все это было трудно осуществимо. Были беседы и с Прокофьевым, и я очень жалею, что не пришлось осуществить их, ибо мы все очень любим Прокофьева. В театральных работах так же, как и в монументальных стенописях, для меня было всегда нечто особо увлекательное.

1937 г.

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974.

ДЯГИЛЕВ

Сергея Павловича мы любили. Он совершал большое русское дело. Творил широкие пути русского искусства. Всё, что делалось, было своевременно и несло славу русского народа далеко по всему свету. С годами можно лишь убеждаться, насколько работа Дягилева была верна. Как всё верное и нужное, эта работа была особенно трудною. Сколько враждебности и наветов окружало всё, что слагалось Дягилевым и «Миром Искусства». Но и в самые трудные часы Дягилев не падал духом. У него хватало природной стойкости, чтобы одиноко, на своих плечах, выносить и разрешать самые запутанные положения. Санин рассказывал, как однажды в Париже театру Дягилева грозила почти неминуемая гибель. Но никто из участников даже не заметил и малейшего признака опасности. Узнали лишь, когда театр был спасён. Много таких побед!

Весь «Мир Искусства», журнал, портретная выставка, балет, опера - всё это легко теперь перечислять, но трудно измерить, какая бездна энергии потребовалась для каждого из этих дел. Много доброжелательства выказывал Дягилев во всех житейских встречах.

Наши отношения начались с конкурсной выставки 1897 года. В «Новостях» Дягилев добром отметил моего «Гонца». Затем он очень хотел получить для Парижской выставки 1900 года «Поход», но картина уже была отдана на академическую выставку. Жаль! После, в 1903 году, Дягилев приехал к нам на Галерную и пригласил на выставку «Мира Искусства» в Москву. Увидав ещё неоконченный, по моему мнению, «Город строят», Дягилев взял с меня обещание, что ничего более изменять в картине не буду. Эта московская выставка дала большие следствия.

Следующая встреча наша была на почве театра в 1906 году. «Половецкий стан» (тот, который в Третьяковке), а затем «Псковитянка» (Шатёр Грозного), «Игорь» и в 1913 году - «Весна Священная». Уже в Лондон в 1920 году Дягилев прислал мне телеграмму - привет о пятисотенном представлении «Половецкого стана». Не знаю, где находится мой занавес к Китежу, - он был принят превосходно. Где занавес Серова? Ведь это была капитальная вещь: неужели мыши съедят?

Последний раз мы виделись в Лондоне в 1920 году. Обсуждались с Бичамом «Царь Салтан», «Садко»... Но Бичам впал в банкротство, и проект развалился. С радостью следили мы, как Дягилев через все трудности преуспевал. Теперь его имя уже обозначает большие русские победы.

Очень показательно, что Дягилева в последние годы потянуло к библиофильству. Он почуял, что надо спасать и окружить особою бережностью. Дягилев и Бенуа дали незабываемый путь искусства. Хулители на всё найдутся. Наверно, кто-то поносит «Мир Искусства» вообще. Но история русского искусства сохранит это движение на одной [из] лучших своих страниц.

Хорошо сделал Лифарь, устроив выставку, посвящённую Дягилеву.

[1937 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. Москва. МЦР. 2000 г.

ШАЛЯПИН И СТРАВИНСКИЙ

Записываю два мнения русских художников. Шаляпин после своей харбинской и шанхайской поездки возопил:

"...К сожалению моему, как вам уже из газет известно, от некоторой части русских мне пришлось просто-напросто убежать! Третьего концерта в Шанхае я не пел, хотя он был объявлен. Утром этого дня я, никому не говоря ни слова, покинул Шанхай с глубочайшим отвращением. Ничего я, разумеется, не боялся, но стало мне невыносимо противно. Много я на своём жизненном пути встречал разных зоологических типов. Одни с длинными ушами, другие с лежащими копытами, но тут я столкнулся с зоологическими типами в больших рогах. А я только артист, не тореадор!..

Меня желали использовать в чуждых мне совершенно политических целях, и когда я от этого - прямо скажу - брезгливо уклонился, меня признали "врагом эмиграции" и "жидовским прихвостнем". Да, конечно, правда, что я враг эмиграции, если эмиграция - то, что я собственными глазами с чувством ужаса и отвращения видел в Харбине. В конце марта японцы приурочили ко дню падения Мукдена какой-то авиационный праздник. Естественно, они праздновали свою национальную победу над врагом. По городу длинной лентой без конца тянулась процессия. Японские части, маньчжурские - все роды оружия. И что же вы думаете, выпало мне увидеть? В русских военных и кадетских мундирах человек четыреста русских шествуют в строю в память поражения русской армии!.. Вот это незабываемое впечатление позора окрашивает для меня всё то, что произошло..."

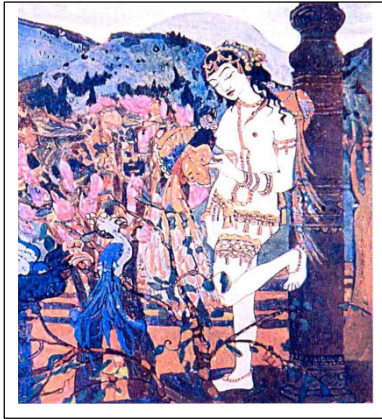
Во время своей последней поездки в Прибалтику Стравинский сказал:

"Прежде всего, нужно понять одну и главную причину упадка и угасания Культуры. Это - грех. Падает вера. Европа поглупела. Исподволь и понемногу её охватывает кретинизм. Надо бы начинать с того, чтобы учить ребёнка творить крестное знамение. Воздвигать алтари нужно горней, а не земной любви, приникать к Евангелию, задумываться над Иоанном Богословом. Этот путь не обманет. Нужно постигать религию не умом, - ум здесь может только помочь, он - компас путника, но не сам путник. Три символа, три силы двигают миром и спасают его: вера, надежда и любовь".

(1937 г.)

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. Москва. МЦР. 2000 г.

Н.К. Рерих. Девассари Абунту. 1905.

Девассари Абунту превращается в камень. 1905.

ИНДИЯ

От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имя Извара было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайан-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. «Девассари», «Лакшми» (в «Весах»), «Индийский путь» (по поводу поездки Голубева), «Граница царства», «Кришна», «Сны Индии» - всё это было написано ещё до поездки в Индию, так же, как «Гайятри» и «Города Пустынные». С 1923 года мы были уже в Индии, и с тех пор все познание Индии, любовь к ней и многие дружеские сношения возросли. Ещё в 1920 году в Лондоне нас посетил Рабиндранат Тагор и звал в Индию. После этого в «Модерн Ревью» в Калькутте появилась большая статья о моём искусстве. Это было как бы введением в Индию. Елена Ивановна уже давно знала и любила книги Рамакришны и Вивекананды.

С 1923 года мы объехали главные достопримечательности Индии, начиная с Элефанты, Агры, Фатехпур Сикри, Бенареса, Сарната, побывали в ашрамах Рамакришны, в Адьяре, Мадуре, на Цейлоне и всюду нашли сердечное приветливое отношение. Установились связи не только с семьёю Тагора, но и с многими представителями философской мысли Индии - Свами Рамдас, Шри Васвани, Свами Омкар, Свами Джагадисварананда, Шри Свами Садананд Сарасвати. Сблизились с Джагадис Боше, завязались переписки с Анагарикой Дхаммапаллой, с Рамананда Чаттерджи, с Сунити Кумар Чаттерджи, с Раманом. Крепилась дружба с художниками Асит Кумар Халдар, Биресвар Сен, с художественными писателями Ганголи, Мехта, Басу, Тандан, Бат-тачария, Чатурведи, Равал, Кунчитапатам, Тампи, Сиривардха-на... Боше-Институт, Королевское Азиатское Общество, «Маха Бодхи», Нагари Прачарини Сабха, Индусское Общество Восточных Искусств избрали почётным или пожизненным членом. По предложению Рай Кришнадаса устроили отдельный зал в Бхарат

Кала Бхаван, затем Городской Музей в Аллахабаде по инициативе Рай Бахадур Бадж Мохан Виас тоже посвятил отдельный зал, а затем Траванкорское правительство при содействии Дж. Кезенса приобрело целую группу картин для своей государственной галереи Шри Читралайям. И в других махараджествах Индии предложения устроить выставки: Гайдерабад, Мисор... Трогательно было получать с разных концов Индии просьбы прислать напутственно-приветственные статьи индусским организациям: конгресс Махасабха, Федерация студентов в Дели, бойскауты «Маха Бодхи», Стра-Дхарма, Школа Миры... Предисловия к книгам.

- Фахтулла-хан, Тейджа Синг, Моханлал Кашиап, Бхану Синг, Гупта... Не забуду встречи со «строителем нового Карачи» Джамшед Нуссерваджи. Индия радушно приняла наш Институт. Сердечный привет Индии.

1937 г.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

ЗАПАДНИ

Нагорья Тибета часто до того изрыты сурками, что езда делается очень опасной. Даже на шагу конь иногда неожиданно проваливается по колено и глубже. Скакать совсем нельзя - можно коню ноги переломать.

Западни повсюду. Понемногу привыкаешь к опасностям, и они становятся как бы неизбывностью жизни. Однажды в поисках каменного века посреди бурного Новугородского озера потекла лодка. Вода быстро прибывала. Пробовали заткнуть течь - не помогло. А ветер крепчал. Гребцы сумрачно переговаривались. Один грёб изо всех сил, а другой вместе с нами двумя откачивал воду:

- Не доедем.

- Говорил, нужно было взять у Кузьмы новую лодку.

- Не доехать. Сиверко захлёстывает.

- А плавать умеете?

- Нет, не умеем.

- Ну, тогда ещё хуже.

Моя милая Лада и тут проявила твёрдость и спокойствие.

- Всё-таки глупо тонуть, — только и сказала, а сама работала не хуже гребца. Вот у кого учиться мужеству. И почему это слово от мужа, когда пример часто придёт от женщины?

Вдали показалась синяя пологая коса. Гребец осмелел:

- Ин, доедем.

Но другой продолжал настаивать:

- Куда тебе. Того гляди всё полотнище высадит.

А через полчаса авральной работы стало ясно, что мы продвинулись к берегу:

- Бывают, и корабли ломат, а бывает, и не ломат.

- Не иначе, что Преподобный Сергей вынес из западни. А была западня, вот уж западня! Ну, теперь огонёк запалим, обсушимся. Не прошло и часу, как мы причалили к илстой косе. Где тут обсушиваться, когда на песке блеснули вымытые волнами стрелки и скребки.

«Спину-то, Елена Ивановна, пожалейте. Не подённая работа», — улыбается Ефим, а сам легко ступает в лаптях по топкому илу. Славный Ефим!

Тонули мы и в Финляндии на озере в растополь⁴ перед ледоходом. Пробовали тонуть в Балтийском море около Гапсала. Лада чуть не сгорела. Юрия чуть не застрелили в Улан-Баторе. Много было всяких западней и водных, и земных злокозненных.

Учились жизни всячески.

1937 г.

Лист дневника № 38.

Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1978

АЗИЯ

Восток вообще является понятием относительным. Во всяком случае, оно не географическое. Из Парижа вы едете на юг и приезжаете на восток - в Алжир. Затем из Алжира едете на восток и приезжаете в Грецию и Румынию, которые к востоку не принадлежат. Пределы Азии тоже очень неопределённые. Это давно уже замечено, и начались существенные приставки. Получилась обширнейшая Австрал-Азия, затем соделалась Евразия. Никто не объяснит, почему Астрахань, Кавказ, Крым в существе своём не Азия. Условная граница по Уралу потом расплывается в несказуемую неопределённость. Было время, когда по неведению и неразумению считалось неуместным называть себя азиатами. Но затем трудами многих просвещённых людей этот нелепый предрассудок сгладился. Прозорливый поэт уже воскликнул: «Да, азиаты мы». Как же мы не азиаты, когда сокровищница русская, вся Сибирь неизведанная, сохранённая, занимает большую часть Азии, в чем уже никто не будет сомневаться.

К сердцу Азии потянуло уже давно, можно сказать, от самых ранних лет. Имена Пржевальского и Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал. Русь в древнейшие времена уже внимательно слушала сказания мудрых восточных гостей. Сношения с Востоком были гораздо глубже, нежели западники старались это представить. Уже не говоря о восточной сущности Византии и о всех сокровищах восточно-русских, даже в изобразительных искусствах Европы с давних времён можно находить прямые влияния азиатские. Сердце Азии является как бы и сердцем мира, ибо откуда же шли все учения и вся мыслительная мудрость? Поищем внимательно и найдём ко многому истоки всё-таки в Азии. Даже североамериканские индейцы разве не являются азийскими аборигенами?

В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии, или вообще изучали её. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали Томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и, так или иначе, приобщаться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь.

[1937 г.]

Рерих Н.К. «Из литературного наследия», М., «Изобразительное искусство». 1974.

---

⁴ Оттепель

АВГУСТ

6 августа 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

6-АВГ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Вчера мы получили Ваше сердечное письмо с описанием получения картин и с прочими характеристиками. Как понимаем мы все Ваши соображения. Поистине, одно из первых качеств руководителя будет терпение. Приближайте к себе всех, о ком Вы так хорошо отзываетесь. Также высматривайте среди молодых тех, которые могли бы подойти к деятельной работе.

Посылаю Вам проект приглашения с несколько укороченной одной фразой – в этом виде текст будет лучше по многим соображениям. Между прочим, так будет лучше и потому, что я всегда мечтал, чтобы в нашем Музее был бы и отдел латвийского искусства, а может быть, и всех трёх Балтийских государств. Эту мою идею Вы можете сообщить на предстоящем Конгрессе. Конечно, для основы этого отдела придётся прибегнуть к добродетельным пожертвованиям от художников, ибо для начала не будет средств для приобретения. Если даже будут вещи, данные не как окончательное пожертвование, а на долгосрочную выставку, то и такое начало уже будет добрым. Также хорошо привлечь и молодых художников (конечно, хорошего качества, ибо качество во всём первое основание). Пусть будут все чувствовать, что наши ворота доброжелательно открыты всем творцам и труженикам. Вообще, наша давнишняя мысль о том, что искусство является лучшим добрым посланником, сейчас уже много где применяется.

Всё думаю, каким способом усилить распространение изданий *Угунса*. Было бы несправедливо, если будут требоваться постоянные пожертвования и не будет достаточного возврата сумм. Конечно, сейчас вопрос о распространении книг повсюду стоит весьма ненормально, но во имя Культуры следует всё же стучаться по всем полезным направлениям, чтобы улучшить несносное положение.

Глубоко понимаем Ваши соображения о неосмотрительности Асеева и о странной формуле Зенкевича. Вы правы, что привязанность Асеева к злоумышленному Батурину вызывает беспокойство. Ведь Батурин с предумышленно злою целью сделал Асеева агентом по распространению мерзейшей книги *Враги Вселенной*. А затем тот же Батурин распространяет по Дальнему Востоку отвратительную листовку, копию которой посылаю Вам. Вот до какой мерзости может доходить тёмное мышление. Остаётся совершенно непонятным, почему Асеев, получив предупреждение и от Вас, и от Зенкевича, и от нас против Батурина, продолжает рекламировать тёмное предприятие Оккультного центра Батурина. Этим упоминанием грязнится чистый журнал Асеева. Также мы совершенно понимаем и соображение Ваше о самом названии журнала.

Недоумеваю, каким образом Асеев может без Вашего согласия исправлять глубоко обдуманное выражение Вашей статьи. Не может редактор вмешиваться в выражения таких основных сотрудников и с такой литературной эрудицией, как Вы. Также беспокоит, зачем Асеев упоминает самочинное шан-

хайское издание *Агни-Йоги* и тем подрывает новое рижское издание, дополненное и исправленное. Кроме того, получается смута, ибо рижское издание не третье, но второе. Если бы мы знали о таком объявлении, то, конечно, мы предложили бы бобынинское издание вообще не поминать. Мы послали Асееву копию с прилагаемого Вам объявления Батурина. На Дальнем Востоке справедливо возмущаются противоестественному сочетанию Асеева и Батурина.

Формулы Зенкевича, сказанные им лётчику, более чем странны. Вообще сейчас события на Дальнем Востоке произведут там большие пертурбации. Кто знает, может быть, для безопасности наших друзей сама переписка может видоизмениться, а то и временно прекратиться. Из батуринской листовки Вы видите причастие некоторых стран. Можно быть уверенным, что это причастие не только платоническое, но где-то бренчат и тридцать серебряников. Конечно, посылаю Вам эту мерзкую листовку вполне доверительно, ибо хотя бы косвенно не следует распространять такую предумышленную гадость. Гаральд Феликсович писал о том, что дневник Кардашевского мог бы быть издан и *Угунсом*. Но, поминая Гудкова для этого издания, мы, именно, имели в виду, чтобы такой дневник был издан вполне посторонним издательством. Впрочем, вообще этот вопрос вполне побочный и неспешный. И то лишь в случае, если постороннее издательство этим заинтересовалось бы, тогда такая книга полезна. Из Вашего письма понимаем, что Пранде соглашается быть художественным редактором монографии. Конечно, всякие Ваши о монографии соображения будут приняты нами сердечно, ведь всё, что Вы излагаете, оно и обосновано, и доброжелательно. Спасибо Юльяне Доминиковне за её сердечные строки на Вашем письме. Мы чуем и радуемся этому сотрудничеству. Приветствуем супругу Вашу и Огонька, и новую Ильзочку – пусть и она будет носителем Света. Сколько у Вас движений и событий. Шлём и Вам, и сотрудникам все наши добрые мысли и пожелания. Сердцем и духом с Вами, Е.И. ответит Вам на Ваши запросы и шлёт все лучшие мысли.

Н.Перих

Заявление, поданное А.И. Клизовским, когда именно было оно сделано – оно нас беспокоит. Были ли последствия?

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Перих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

10 августа 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Периха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
10-ABГ-37 (отпр.: 13-го)

Родной наш Рихард Яковлевич,
Спасибо большое за Ваше письмо от 31 июля. Чувствуется, какая напряжённая работа у Вас происходит в связи со всеми будущими выступлениями. Интересны разговоры Монтвид с должностными лицами о Пакте. Странно одно: супруги Лазорайтис, видимо, не реагировали на Пакт, а между тем из Парижа были такие определённые извещения о их симпатии. Вице-министр с самого начала, по-видимому, относился нейтрально, а потому не лучше ли Монтвид опираться на женские движения, во главе которых стоит супруга Ла-

зорайтиса. Наверное, как деятельница женских общественных движений она более доступна и для общения. Конечно, разговор о том, что малые страны должны думать о сохранении своих культурных сокровищ лишь после великих стран, не выдерживает никакой критики. Каждый житель планеты, где бы он ни находился, может и должен мыслить об охране культурных сокровищ. Впрочем, гутта кават лапидем^[1]. Все Ваши соображения о Конгрессе нами заслушаны с большим интересом. Только на месте Вы можете судить, что и как лучше сделать. Только на месте можно видеть, кого именно полезнее пригласить и как именно обставить часть официальную и внутреннюю. К тому же знаете, которые именно из должностных лиц более отзывчивы, – конечно, они в первую голову и должны быть привлечены. Судя по составу многих иностранных обществ интеллектуальной кооперации, надежды на их сотрудничество весьма малы. Как однажды сказал нам Масарик – это общество не интеллектуальное и не кооперации. Там происходят лишь чесания языков без всяких чувствительных и полезных результатов. Словом, все они действуют по программе, в которой погрязла и Лига Наций. Поэтому если будете всё же членами этого общества общаться, то выбирайте не столько лиц из президиума, как кого-либо из деятельных рядовых членов – среди них вы скорее найдёте разумное мышление и стремление к добру.

Что касается монографии, то опять-таки по нашему обычному методу мы вполне предоставляем построение её Вашей и всех членов Общества самодеятельности. Назову несколько кандидатов для крас[очных] воспроизведений из картин, уже находящихся в Риге:

36 – *Сострадание*, 4 – *Кулута*, 6 – *На высотах*, 41 – *Сергиева Пустынь*, 38 – *Охота*, 15 – *Горное озеро. Тибет*, 235 – *Путь*, 30 – *Тибетский стан*, 124 – *Мадонна Лаборис* (эскиз), 201 – *Ламаюра-Тибет*, 217 – *Фудзи-яма*, 16 – *Гималаи*, 204 – *Няньшан*, № 73–1931 – *Бхагаван*, Портрет (С.Н.Р[ерих] – 3)

Может быть, *Гималаи*, присланные из Парижа, – остальное предоставляю Вашему выбору.

Думается, что на монографию можно бы открыть подписку, ибо по подписке люди могут получить её дешевле – ведь прежде всего 30–40 % магазинных комиссий отпадает, а ведь это одно уже является существенным. Если же магазинный комиссионный процент выше сорока процентов, то ведь и скидка может быть соответственна. Интересно, имеет ли *Вальтере и Рарна* наши издания в своих каталогах и что именно этою фирмою делается для распространения. А.И.Клизовский только что писал, что на его книгу повысился спрос, так что, по-видимому, первое издание скоро будет распродано. Интересно знать, какими именно путями его издание распространяется. Вопрос о распространении изданий *Угунса* нам очень близок, ибо постоянно думаем, чтобы затраченные средства благополучно оборачивались бы. Не было ли запроса из *Петрополиса*, о котором нам писал Сергей Горный.

Сейчас нами получен 8-й номер *Оккультизма и Йоги*. Вполне понимаем все Ваши соображения, высказанные в предыдущем письме. Также жаль, что очень много опечаток, а в статью Е.И. даже вставлена одна не бывшая в этой статье фраза. Надеемся, что теперь, получив копию отвратительной листовки Батурина, Асеев будет осторожнее в этих шанхайских сношениях. Вообще, дальневосточные события вносят большую диверсию во все сношения. Так, например, теперь от нас идут письма лишь в Чифу^[1] к Калантаевским, чтобы не повредить друзьям, оказавшимся в оккупированной зоне. Советуем и Вам

для ближайших сношений адрес Калантаевских, ибо никто не знает, на кого бросятся всякие тёмные авторы *Врагов Вселенной*. Когда же читаешь об ужасных пытках, которым там подвергаются неповинные люди, то прямо страшно становится за друзей. Например, вливание керосина через нос там широко применяется, а как один местный житель нам говорил, ещё иногда в керосин прибавляются волосы, которые должны проникать в лёгкие навсегда. Вот в какие времена мы живём. Где же разница между нашим «цивилизованным» временем и самой мрачной инквизицией средневековья?

В общем номер *Оккультизма и Йоги* богат матерьялом, и желательно всячески охранить это полезное издание от тёмных попыток, которые уже были и, несомненно, ещё будут. Ведь служители тьмы не дремлют и хотя бы беззубо, но всё же стараются повредить, где могут.

Посылаем Вам одну из программ нашей новой американской организации *Арсуна*^[1]. Покажите её сочленам, чтобы они видели, как растут благотворные ветви. Прилагаю также для сведения наших сочленов статуты другой нашей новой организации в Америке *Фламма*. Можете переписываться с нею и по-русски. Шлём все светлые мысли.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Посылаем ещё адреса для посылки приглашений (в этих обществах я состою почётным членом).

Прилагаемые 4 статьи могут быть интересны для *Сегодня* – в таком случае можно соответственные переписать по старой орфографии и дать им.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

«Назову несколько кандидатов для крас[очных] воспроизведений из картин, уже находящихся в Риге»:

36 – Сострадание,

4 – Кулута,

6 – На высотах,

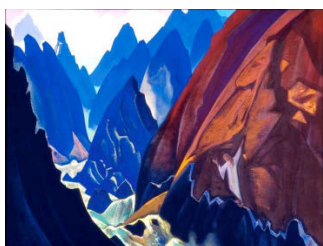
41 – Сергиева Пустынь,

38 – Охота,

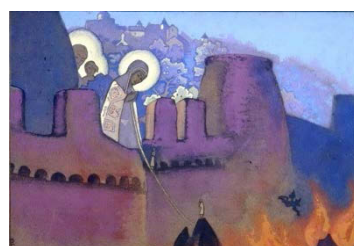
15 – Горное озеро. Тибет,

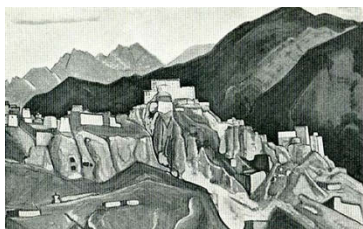
235 – Путь,

30 – Тибетский стан,

124 – Мадонна Лаборис (эскиз),

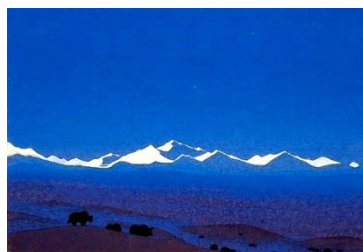
201 – Ламаюра-Тибет⁵,

217 – Фудзи-яма,

16 – Гималаи,

204 – Няньшан,

№ 73-1931 – Бхагаван, Портрет (С.Н.Р[ерих] – 3)

**12 августа 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису**

12-АВГ-37

ОЧЕНЬ ВАЖНО.

Родной наш Рихард Яковлевич,

Елена Ивановна полагает, и я к ней вполне присоединяюсь (сегодня я проснулся с этой определённой мыслью), что, как Вы и предполагали первоначально, обе монографии, как иностранная, так и русская, должны выйти одновременно. Выход одной русской монографии мог бы повлечь среди местных условий некоторые осложнения. В конце концов, все репродукции у Вас уже будут готовы, библиография тоже имеется, значит, вопрос лишь в наборе текста статей. Предлагаем содержание на трёх языках: на французском, на английском и на латышском. Содержание может быть приблизительно такое:

1. От издательства (по-английски и по-латышски).

2. Статья Леонида Андреева (по-французски).

3. Статья Бабенчикова (по-английски).

4. Статья Бринтона (по-английски).

5. Статья мисс Грант (по-английски).

5а. Статья Тандана.

6. Статья Шено или Шклявера (по-французски. Эту статью получите через нас)^[1].

⁵ Ламаюра-Тибет. 1936. (ч/б). « В 1942 г изъята немцами из Рижского художественного музея». (Ксения Рудзите. «Коллекция картин Н.К.Рериха и С.Н.Рериха в Гос. Худ. музее Латвии»).

7. Статья Р. Рудзитиса (по-латышски).

8. Статья Тарабильды (по-литовски) (эта статья предположительно оставляется на Ваше усмотрение. Если же решите придерживаться трёх языков – латышского, английского, французского, то сделайте так, как полезнее по местным условиям). Для Вашей статьи Вы имеете хороший материал в Вашей латышской монографии, который может быть обновлён впечатлениями от последних картин. Остальной перечисленный материал мы Вам вышлем пароходной почтой. Да, Вы были совершенно правы в Вашем первоначальном предположении, что монография должна выйти на иностранных и на русском языках в одно время. Так как сама книга всё равно не может выйти к определённому сроку, то к октябрю может быть выпущен лишь проспект, на латышском, французском и русском и английском языках (вместе)...

Когда будете отпечатывать цветные воспроизведения, пожалуйста, сделайте для меня по сто экземпляров каждого из них, они пригодятся для немущих друзей в Индии...

Может быть, к иностранному материалу приложим и одну статью индусского автора, по-английски. У нас есть три на выбор: Р.Ч.Тандан, председатель художественного общества всей Индии Мехта и статья Свами Джагадисварананды. Думаем, что мы остановимся на Тандане, ибо он здесь выдающийся критик и редактор журнала Индустанской Академии, а кроме того, ближайший участник нашего центра в Аллахабаде. Таким образом, можно из почти готового материала составить целую международную монографию, и тогда русское издание монографии не вызовет никаких нареканий. Итак, в добрый час с ВЫСШЕЮ ПОМОЩЬЮ. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

17 августа 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Писаревой Е.Ф.

17-АВГ-37

Дорогой, добрый друг наш, Елена Фёдоровна,

Посылаю Вам копию отвратительной листовки, полученной нами с Дальнего Востока. Несколько времени тому назад я послал Вам выдержку из тоже отвратительной книги Враги Вселенной, в которой так невежественно была оклеветана почитаемая Е.П. Блаватская и многие другие. Теперь же Батурин с авторами Врагов Вселенной распространяет прилагаемый текст листовки.

Таким образом получается целая предумышленная гадкая атака на многое ценное. При этом особенно странно, что члены Теософского общества как бы не знают об этих организованных выпадах. Предполагают, что принадлежность А. Б. к масонству будто бы могла послужить причиной этих нападений. Но, конечно, причина лежит ещё глубже, ибо мракобесам нужно вообще оклеветать и по возможности разложить все лучшие устремления человечества. Ещё и ещё раз радуюсь Вашим биографическим очеркам о Е. П. Б. В недавно полученном нами № 8 Оккультизма и Йоги мы все были рады читать Ваш очерк.

Чем больше справедливых и добрых слов будет сказано о великой русской женщине, тем это сейчас необходимее. Ещё недавно мы опять слышали,

что некоторые люди книг не читают и в то же время со злорадством и несправедливостью невежества высказываются о том, чего они вообще не знают и знать не желают. Печально, что некоторые люди желают бороться, только во все не там, где их борьба нужна. В неведении, или, как Вы справедливо говорите, в авидьи, эти желающие бороться силы, думается, проглядели, где накопились их враги. Очень легко бороться с друзьями, надеясь, что отпора не будет, но вот не мешало бы испытать силы в борьбе с мракобесами. Вы-то как опытная деятельница отлично знаете, с чем и где нужно бороться, но другие, видимо, не отдают себе отчёта в том, где и что случилось. Мракобесы по своей обычной тактике, прежде всего, стараются широко клеветать и направо и налево. Они помнят французскую поговорку «клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь останется». Хотя знаю, что прилагаемая копия шанхайской листовки Вас огорчит, но всё же посылаю её, ибо осведомлённость наш лучший сотрудник.

Беспокоимся и о здоровье Вашем. Особенно теперь, когда мир смутился и с востока, и с запада, когда Армагеддон жестоко гремит, тогда каждое чуткое сердце не может не трепетать. Пьёте ли Вы «осуждённый» валерьяновый чай? Этот жизнедатель особенно полезен в дни мировых смятений. Живём очень чутко, работаем без усталости и часто Вас вспоминаем. Прежде когда-то летнее время считалось временем замиранья деятельности, но теперь оно по напряжению превысит даже и любую зиму. Елена Ивановна и мы все шлём Вам сердечный привет.

Духом с Вами,

Н.Р.

18-АВГ-37

Только что собирались послать на почту письмо Вам, как пришло Ваше сердечное письмо от 23 июля. Очень огорчило нас известие о слабости Ваших глаз. Действительно, при неустанном напряжении зрения для чтения и писания нужно всячески теперь охранить глаза. Очень хорошо, если имеете пособницу для диктования корреспонденции. Рад слышать, что Вам понравился Священный Дозор. Это та самая книга, которая запрещена харбинской цензурой под эгидой архиереев и прочих, к сожалению, русских. Некий ловкий предприниматель каким-то тайным ходом выудил запрещённое издание, и таким порядком оно появилось на европейском рынке, уже без всякого моего в нём участия. Вот Вы теперь ознакомились с этой книгой и ещё раз можете удостовериться, насколько беспросветны харбинские мракобесы. При этом, когда пытались цензуру спросить о причинах запрета, то никакого ответа не получили. В оправдание говорят, что эти русские продались иноземцам, но посудите сами, какое же это оправдание для русского человека. Всё равно, что оправдывать Иуду, который, взяв тридцать серебряников, был обязан исполнить предательство. Вообще, какая беспросветная ложь, клевета и предательство! О постановлении, бывшем в конце мая в Париже, мы ничего не слышали; странно, что прошлогоднее пресловутое постановление дошло до нас из семи стран, а это замолчалось.

Большое спасибо Вам за объявление о Мемуарах Е.П.Б. Мы о них читали и как раз выписали их. Чрезвычайно интересно будет их получить, Вы знаете, как все мы почитаем Е.П.Б. Елена Ивановна с нетерпением ожидает эту книгу, ведь у неё собрана вся литература о Е. П. Б. и Теософском обществе. А вот из Болгарии к нам опять дошли вести, что там досужими членами Т. О. распуска-

ется старая клевета о враждебности нашей к Т. О. Что это, полная ли авидья или злопыхательство?! Очень радуюсь Вашим добрым словам о Георгиеве. Очень ценю и люблю его искусство. Мы имели от него весточку из Дели, а затем он погрузился в дебри Индостана. Очень интересна его задача дать облик обездоленных и страждущих. Этим порядком должны открыться ещё какие-то сердца к добру и сердечности. Как близко нам всё, что Вы говорите о сердце. Именно сейчас это так необходимо для всего человечества. Всяким учёным людям хочется сказать — будьте немного добрее и сердечнее. К чему всё образование и познание духовных предметов, если оно не будет одухотворено сердечностью и добротой. Просто если бы люди немного стали добрее, многие проблемы разрешились бы.

На Родине 8-го сентября торжественно отмечается Бородино. Как ценно, что великие события и великие русские люди начинают получать поклон и привет всего народа. Нашей семье Бородино очень близко. Елена Ивановна — внучка Голенищева-Кутузова, а также близкая родственница Платова. Нужно защищать Родину всеми силами, всем знанием и всеми накоплениями. Русский народ — великий народ. Последние полёты через полюс показывают, на какие подвиги способны русские люди.

В мыслях всегда с Вами —

Сердцем и духом,

Н. Р.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. Минск. ИП Лотаць. 2000.

18 августа 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рылову А.

Дорогой и родной Аркаша,

Сердечно приветствую Тебя с сорокалетием окончания Академии. Много воды утекло, а по внутреннему чувству никакие сроки и расстояния не ощущаются. Ещё совсем недавно читали в Красной Газете Твою беседу и о новых Твоих картинах «Индустриальные огни». Порадовались Твоим словам о народном творчестве и о Твоих картинных заданиях. Всё живо, всё не ржавеет. Не знаю, дошла ли до Тебя моя статья, посланная Тебе, «Мастерская Куинджи». Надеюсь, что дошла, ибо именно к сроку сорокалетия окончания нашей мастерской хотелось душевно вспомнить и нашего незабвенного Архипа Ивановича и всех товарищей по мастерской.

Слышали мы, что Химона и Рущиц умерли, а Вроблевский в Варшаве и Пурвит в Риге. Нерушимая связь, заложенная руководством Архипа Ивановича, не может нарушаться. Если сопричтём и время самой Академии, то, пожалуй, получится нечто около полувека, - срок немалый, а дружба не знает никаких сроков и расстояний. Читаем о новых народных достижениях, о героических полётах через полюс, о прекрасном Павильоне на Парижской выставке, об открытии фресок

Архив Музея Рерихов, Москва. (В архиве отсутствует окончание письма)

18 августа 1937 г. Париж
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К.

18 августа 1937 /Париж

Дорогой Николай Константинович,

Давно собирался писать Вам, но этот год был для меня исключительно тяжелым. Я, кажется, писал Вам, что я работаю в течение нескольких лет над применением ряда микробов в борьбе с вредными насекомыми. Мне удалось открыть целый ряд спороносителей микробов, чрезвычайно вирулентных для вредных насекомых. Полтора года тому назад нам удалось добыть средства для устройства специальной лаборатории для приготовления в огромных количествах спор микробов. Эти споры мы готовим в виде сухого порошка. Стоит приготовить эмульсию из этих спор в воде и опрыскать (напр[имер], фруктов[ые] деревья) заражённые вредными насекомыми, как через - 48 час[ов] все насекомые умирают. На эту лабораторию были затрачены очень большие средства, но у меня в душе всё время были опасения и беспокойства, что вдруг на практике мои микробы не дадут ожидаемых результатов. Наконец весной и летом текущего года были проведены большие опыты в различных имениях Франции над вредителями винограда, фруктовых деревьев и огородных растений. Этот опыт превзошёл все ожидания. Сейчас печатают результаты этих опытов, и я пришлю вам оттиски, как только они выйдут из печати. От переутомлений и беспокойств я заболел. Но удачные опыты и отдых начинают восстанавливать мои силы. Я послал Вам свою книжку «La lutte contre la mort». Получили ли Вы её?

Я живу теперь в чудном уголке, недалеко от Тулона, на берегу моря. Несмотря на близость от больших центров здесь есть дикая природа. Сосновые и пробковые леса кругом на десятки километров.

Крепко жму Вашу руку и шлю привет всем Вашим.

Искренне преданный Вам,

С. Метальников

Архив Музея Рерихов, Москва

23 августа 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
23-ABГ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Посылаем Вам ещё копию приветствия от Объединения архитекторов за границей. Также посылаем Вам копию с последнего письма Зенкевича. Вам и ближайшим друзьям очень важно знать такие подробности в связи с Бобыниным и Батуриным. Очень жаль, что таким образом на Дальнем Востоке циркулирует ложный слух, что будто бы Батурин является агентом *Агни-Йоги*. Также чрезвычайно нелеп слух, что будто я и Клизовский могли состоять в переписке с Бобыниным. Очень печально, что подобные слухи существуют, а из письма Зенкевича даже явствует какое-то доверие к этим нелепостям. Очень жаль, что Асеев по недосмотру связался с такими мракобесами, как Батурин. Весьма характерно, что Батурин Вам писал о том, что они вынуждены распространять книгу *Враги Вселенной*. После этого можно бы также сказать, что Иуда, получив тридцать серебряников, был вынужден предать Христа. Неужели шайка Батуриных не понимает, что упоминание о Гитлере в листовке уже есть явное

доказательство к тому, кто именно принуждает их распространять пресловутую отвратительную книгу. Безумие мракобесов доходит до такой крайней степени, что Калантаевская в своём письме, вчера полученном, сообщает, что некая Агапова сожалеет, что сын её носит «такое ужасное имя, как Сергей». Вот до каких бездн доводит мракобесие. Вообще заметьте себе фамилию Агапова, ибо деятельность его отвратительна. Вообще на Дальнем Востоке тёмные силы окончательно распоясались, и для охранения друзей мы почти прекращаем переписку по тому направлению.

Посылаем Вам хорошую статью проф. А. Кауна. Можно её включить в английскую монографию после статьи мисс Грант. Статья Кауна не длинная и содержит несколько хороших суммарных определений. Надеемся, что теперь Вы уже получили клише от мисс Грант, со своей стороны мы в каждое наше очередное письмо вставляем просьбу о спешной высылке этих клише. Также для Вашего личного сведения посылаем Вам копию моего последнего письма к Е.Ф.Писаревой. В её письме было особенно любопытно видеть, что А.А. Каменская нечто пишет о *Священном Дозоре*. По письму Е.Ф.П. выходит, что это нечто должно быть доброжелательным, но timeo Danaos et dona ferentes^[1].

Также послали Вам заказной бандеролью 60 новых портретов и 10 таких же на белом картоне – эти последние могут хорошо пригодиться для прессы, а первые, на кремовой бумаге, Вы можете по Вашему усмотрению раздать сочленам и друзьям. Спасибо за 6 экз. *Т. Д.* и один для Владимира Анатольевича. Из них мы пошлём два в Америку для З.Г. Лихтман. Также спасибо за переплетённую *Агни-Йогу*. Е.И. Вам пишет, что *Братство* может иметь белую обложку с фиолетовой надписью вроде *Культуры*. Вы, вероятно, уже получили из Америки Вашу книгу *Культура*, изданную *Фламмою*. Очень радостно видеть возникновение новых культурных очагов. Сегодня мы Вам высылаем пакет с 6 монографиями Тампи. Можете ими распорядиться, как полезнее – кому-то (конечно, бесплатно) раздать, а парочку, может быть, для библиотек северного и центрального городов. Во всяком случае, к октябрьскому сроку Вам могут пригодиться всевозможные матерьялы. С такой же целью посылаем также 10 экз. книжки о Пакте и 6 оттисков Сартри. Если Вам потребовались бы для каких-либо хороших применений ещё какие-либо матерьялы, то, пожалуйста, спросите из Парижа от Шклявера – в особенности оттуда можно получить французское *Мессаже* и белую книгу о Пакте, т. I, – и того и другого издания там ещё значительное количество. Конечно, Вы их получите даром, но, вероятно, Шклявер будет считать за пересылку. Хотелось бы, чтобы Конгресс и все октябрьские манифестации широко послужили бы на пользу Общества и всех членов в частности. Сердечно хочется, чтобы все Вы преуспевали в общественном значении и становились бы великими деятелями своей страны, каждый в своей области. Всякие мракобесные нападки в сущности своей действительно являются лишь факелами дикарей, озаряющими путь успеха. Близорукие иногда ужасаются даже и мракобесными атаками, но ведь тёмные этими своими нападениями лишь доказывают внимание своё. Обезьяньи ласки могут быть чрезвычайно своеобразны. Пусть вместе с деятельностью Общества и каждый из Вас растёт высоко. Пусть Гаральд Феликсович будет очень осмотрителен, ибо успехи его не дают спать мракобесам и невеждам, а эти тёмные когорты не дремлют и очень спаяны в своих мерзких попытках.

Итак, в добрый путь – путь к Свету. Пусть все члены Общества поймут, каким священным и целительным началом является ЕДИНЕНИЕ. Для невежд

единение, сердечность, дружба – всё это абстракции, но познающие понимают всё непреложное и неотложное значение этих великих понятий. За ними высятся и любовь и Братство. Сердечный привет и Вам, и Вашей семье, и всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

24 августа 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Вильгельму Пурвиту

Копия

Наггар. Кулу. Пунаб. Бр. Индия

24 – АВГ. 1937 г.

Дорогой Вильгельм,

В этом году исполняется сорок лет, как мы окончили Академию. Шлю Тебе мой искренний привет и пользуюсь случаем сказать, как часто и сердечно вспоминаю Тебя и Твоё прекрасное искусство. Незабвенный учитель наш Архип Иванович навсегда скрепил между своими учениками связи дружбы. Мы можем быть рассеяны по всему свету, и, тем не менее, навсегда остаёмся учениками мастерской Куинджи. Не знаю, получил ли Ты мою статью «Мастерская Куинджи»? В ней мне хотелось к нашему сорокалетию вспомнить благие наставления, и художественные и жизненные, которыми вооружил нас в долгий путь наш славный учитель Архип Иванович.

В газете «Сегодня» часто читал Твоё имя и о Твоих художественных и административных успехах. Заграничные выставки латышского искусства, так успешно прошедшие под Твоим руководством, меня глубоко радовали, ибо и в Академии и в Школе Общества поощрения художеств было столько Твоих сородичей, имена которых сейчас приходится встречать среди почётных отзывов. Также был я глубоко обрадован, увидев подпись Твою под Меморандумом о сохранении культурных ценностей. События последних десятилетий доказывают, насколько необходимо единение всех культурных элементов для охраны сокровищ искусства и науки от разрушений. Сейчас в Тяндзине опять уничтожена ценная библиотека. Эти вандализмы будут продолжаться, пока не войдёт в международное сознание моральный импульс охранения всего творческого, созидательного и прекрасного. Ещё недавно мой друг Рабиндранат Тагор писал:

«The Problem of Peace is today the most serious concern with humanity and our efforts seem so insignificant and futile before the onrush of a new barbarism, that is sweeping over the west with an accelerating momentum. The ugly manifestations of naked militarism on all sides forebode an evil future and I almost lose faith in civilization itself. And yet we cannot give up our effort for that would only hasten the end».⁶

---

⁶ Проблема мира сегодня самая серьёзная для человечества, и наши старания кажутся столь незначительными и тщетными перед волной нового варварства, быстро распространяющегося на Западе. Опасные манифестации открытого милитаризма со всех сторон предвещают плохое будущее, и я почти не верю в цивилизацию как таковую. Тем не менее, мы не можем прекратить наши усилия, ибо это только ускорило бы конец (*англ.*).

Поистине, ничто не заставит нас прекратить наши труды на охрану всего прекрасного.

Шлю Тебе самый светлый привет и пожелания успеха и здоровья.

Душевно и сердечно,

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва (машинописная копия)

**26 августа 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.**

26 августа 1937

Дорогой мой Александр Николаевич,

Спасибо Тебе за доброе письмо от 3-го августа из Австрии. Пишу Тебе по Твоему парижскому адресу, не зная, когда Ты вернёшься. Очевидно, наши письма разошлись, и Ты теперь, должно быть, получил мое от 17-го июля. В нём я спрашивал Твоё мнение, почему газета, в которой Ты пишешь, относится ко мне явно враждебно, без всяких с моей стороны поводов. А между тем, П. Н. (Милюков) произносил речь на открытии моей выставки в Лондоне в своё время и добродушно поминал в своей книге. Спрашивается, что же сейчас случилось? И Ты со своим неизменно верным прогнозом можешь разгадать эту энигму. Очень рад слышать, что выставка Твоя в Лондоне прошла с большим успехом, а также рады мы, что добрая Анна Карловна, как Ты пишешь, сейчас оправилась от докучной болезни в ноге. Читали мы Твою статью о выставке Бориса Григорьева, которая, как чувствовалось в тоне Твоей статьи, Тебе понравилась менее его прошлых выступлений. Между прочим, он мне писал, приблизительно в таких же выражениях, как и Ты, о том, что атмосфера Парижа для искусства теперь совсем не благоприятная. Жаль, если такой славный центр искусства омертвевает именно в этом отношении.

От души сожалею, что Тебе пришлось встретиться в работе с таким чучелом, как Клодель. У меня с ним была курьёзная переписка, и по поводу одного его письма на Кэ д'Орсэ мне говорили, что если бы я предоставил им оригинал (кстати, написанный на бумаге французского посольства), то Клоделю пришлось бы подать в отставку. Прислал он мне свою книгу «Чёрная Птица», и мы думали, что в этом названии он выразил и свою сущность, впрочем он не птица, а чучело птицы. Спасибо Тебе за Твоё доброе слово о «Половецком Стане». С годами привыкаешь ко всевозможным плагиатам. На днях я получил письмо от некоего плагиатора, в котором он сладко пишет, что признаёт мой приоритет, но надеется, что я не посетую за его завладение идеей. Иногда, право, не знаешь, чему изумляться. Наивности или злодейству людскому. Писал мне Булгаков о том, что Ты дал Твою картину для Музея в Праге - значит, там мы нашими вещами встретимся. В теперешние дни всяких разрушений особенно хочется поддержать каждое строительное начинание. Посылаю Тебе записной лист о Тагоре и Толстом, ибо там цитируется одно из последних писем Тагора. Каждое Твоё письмо нам приносит великую радость, и мы все вспоминаем Вас в самых лучших пожеланиях.

Сердцем и духом с Тобою,

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись) Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

31 августа 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
31-ABГ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Спасибо Вам сердечное за Ваши добрые вести в письме к Владимиру Анатольевичу от 21 и 23-го августа, вчера полученном. Радуемся Вашей и всех со-членов бодрости – по нынешним временам это качество особенно необходимо всюду. Также радуемся, что Вы уже получили из Америки весть о высылке 14 цветных клише. Вы правы: хорошо бы добавить хотя бы ещё десяток, хотя бы в размере открыток. Если из больших не найдётся *Ойрота, Сараха, Цзонкана, Конфуций, Лао-цзы*, то можно бы попросить и эти. Кроме того, можно бы попросить мисс Грант прислать однотонные клише из журнала *Арчер: Приказ Ригден Джапо, Знаки Майтрейи, Тцям, Сергей Строитель* (предпочтительно цветную), *Ведущая* и фотографии *Атлантиды, Подземных жителей* (может быть, имеются и клише), – таким образом, и эта сторона усилится. Удивляемся молчанию Шклявера, о котором Вы пишете, – запросите его настойчиво.

Конечно, вполне можно послать приглашения и Сеплебенко, и Клопову, и Тарасову, а кроме того, мы приложим и ещё несколько адресов, в том числе и Омаршевского (бывшего министра Болгарии). Было бы опасно написать всем почётным советникам Музея^[1], ибо некоторые из них могли бы сообщить апостатам^[1] и тем внести ненужное вредное обстоятельство. Несколько имён возможных упомянем в приложенном списке. Вполне понимаем, что Вы намерены шире разослать приглашения. Жаль, что на Дальний Восток по теперешним там обстоятельствам трудно послать их широко, но всё же можете послать Калантаевским. Во всяком случае, Черткову сейчас посылать не следует. Мы прекратили все письма на Дальний Восток, кроме Калантаевских, город которых, кажется, покоен. Мы уже писали Вам, что в настоящее время трудно посылать Всеволоду Иванову, но несколько можно, прося его уведомить о получении, и тогда можно послать и больше. В газетах писали о приезде шведских журналистов в ваш город. Не было ли каких-либо полезных встреч?

Сообщите, пожалуйста, было ли от Вавилова подтверждение о получении посылок? Также, пожалуйста, сообщите нам адрес Щусева. Относительно Вашей статьи для монографии, конечно, Вам самому виднее, какие именно «метафизические» места следует пропустить для монографии. Темы о культуре, об искусстве для всех, о защите культурных ценностей все хороши, а кроме того, конечно, Вы помянете и последние картины, ибо это придаст статье современность. Ведь во всех прочих статьях последние картины по времени не могли быть помянуты. И таким образом Ваша статья явится наиболее свежей по сведениям.

Е.И. писала Вам о желательности поднести Латвии для Музея одну из картин моих. На месте Вам виднее, как наиболее достойно отметить и провести это обстоятельство. Если это сделать, то, во всяком случае, так, чтобы оно принесло максимум пользы. Вы учтёте все соображения, ведь отсюда трудно предположить местные подробности, делается ли это президенту, или через президента, или через какое-то соответствующее учреждение. Вообще всякие подробности, как, например, детали о прессе, тоже можно решать лишь на месте. Ведь кроме латышской прессы будет полезно хорошее сведение и в *Сегодня*, и в газете *Для всех*, и в журнале *Для вас*. Очень любопытно, что здешний

почтмейстер, узнав о 10 октября, весьма серьёзно заметил – ведь это золотой юбилей и событие важное. Если пришлётё нам Вашу статью, прочтём с радостью. Относительно алфавитного и прочего упорядочения библиографии вполне предоставляем это Вам, ибо для этого потребовалась бы значительная работа, и мы не знаем, у кого найдётся на то время. Кто знает, может быть, Слётова, или Крауклис, или Фрицберг, или кто-то другой в этом поможет. Знаем одно, что всё будет сделано как можно лучше по местным обстоятельствам. Гаральд Феликсович опять прислал для Святослава две прекрасные книги: *Слово о полку Игореве* и *Пушкин*, – отличные издания, и как трогательно такое сердечное отношение Гаральда Феликсовича. Пусть он будет на зорком дозоре, ведь мракобесы не заснут и будут пользоваться каждой возможностью для вредительства.

Получили журнал *Атланта* с Вашей статьёй и порадовались, что таким образом у Вас установился ещё один дружеский контакт. Е.И. и все мы шлём Вам, семье Вашей и всем друзьям самые сердечные приветы.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

2. IX. 37

Н.Р.

1. В русской монографии как 4-ю не вставить ли статью Клизовского? Он пошлёт её. Конечно, в случае, если она была бы, так или иначе, не подходящей, можно её, по-моему, и не помещать.

2. Английско-французская монография. Прекрасна идея о сотрудничестве нескольких языков. Но если литовскую – не вставить ли и эстонскую? Каково Ваше мнение? Например, от Таски? Но, в сущности говоря, вряд ли латыши, литовцы будут приобретать английскую из-за одной статьи. Они приобретут русскую, которым большинство владеет. Для того, чтобы окончательно установить текст, ещё есть время, ведь мы должны до начала набора сделать по крайней мере часть намеченных репродукций, так как именно репродукция идёт медленно.

3. Вчера нас посетил Пранде. Раньше не мог, так как не жил в Риге. Многие ценные указания дал, и о картинах, и о выставке, и о Конгрессе. Нашёл все картины в полном порядке. Также и *Кришну* нашёл неповреждённой. Значит, мы ошиблись, принимая шероховатость в папке за повреждение. По его предложению мы издадим каталог. Сам он выступит на выставке.

4. Письма Андреева – Дневник его жены. Из 12 писем шесть Блюменталь подарил мне.

5. Составлю список репродукций в одной краске, какие мы желали бы воспроизводить, и пошлю Вам.

6. *Culture* – распространить.

7. Клише от Грант. – ?

8. Заявление Александра Ивановича послу не имело последствий.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

3 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
3-СЕНТ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Вчера Владимир Анатольевич получил Ваше письмо от 24 августа и семь приглашений, которые мы немедленно рассылаем. Вполне понимаем Ваши соображения, в письме выраженные. Только на месте Вы можете решить, кого можно пригласить на выставку и на чествование, а кого можно и на Конгресс. Конечно, приглашённые на Конгресс получают и приглашение на выставку. Также вполне естественно, что и на самом Конгрессе будут доклады общие, а также и для внутренней группы. Всё это настолько понятно, что иначе и быть не может, ведь местные условия в каждом деле должны быть принимаемы в расчёт. Относительно содержания Вашей статьи для русской монографии мы уже писали. Тема о всеобщем искусстве, о культуре и о последних картинах вполне приемлема и для русской, и для иностранной монографии (в последней Вы будете писать по-латышски).

В книге Всеволода Иванова непременно разделите два слова: *Художник. Мыслитель*. Не соединяйте их тире, ибо иначе будет понято, что искусство моё лишь мыслительное. Всев. Иванов, именно, подчеркнул два аспекта: *Художник. Мыслитель*. Если успеете, то после 27-го сентября вставьте: по старому стилю. Между прочим, 9-го октября было бы для прошлого столетия, а в нынешнем столетии, как Вы знаете, на день разница, и потому это 10-го октября. Очень хорошо сделаете, если о подробностях заседаний примете во внимание советы сенатора и других местных старожилков. По полученному Указу Вашим теперешним работам и начинаниям придаётся большое значение, и потому нужно использовать все наиболее полезные обстоятельства. Из Ваших писем мы видим, что именно Вы и имеете в виду. Ведь октябрь должен быть новой ступенью в жизни Общества. Так хочется, чтобы все Вы, наши родные и близкие в духе, сделались замечательнейшими деятелями своей страны. В случае каких-либо трений не забудьте, что в статье моей *Латвия* я выражался сердечно о всей Вашей стране и её Главе и деятелях. Е.И. очень просит, чтобы *Т. Д.* вышла ПОСЛЕ Конгресса – так будет полезнее. Впрочем, по всему вероятно, второй том и вообще не успеет выйти из цензуры и от переплётчика до поздней осени. Не нужно, чтобы в моменты напряжения хоть что-либо осложняло положение вещей. Кстати, на днях увидим, что напишет Арундель. Мы послали также приглашение туда на имя редактора журнала, Давиджу. Статья Гребенщикова по обстоятельствам не подходяща, он совершенно не понимает происходящего. Очень жаль, что наши дальневосточные друзья сейчас отрезаны. Но из бережливости к ним мы им не пишем, кроме Калантаевских. Надеемся, что Ваша маленькая посылка Всев. Иванову дойдёт. В письме просите его распространить книгу его друзьям. Может быть, он даст адреса и в северном городе, в центральном городе, кому послать из Риги непосредственно. Если книга пе-

чтается в 600 экземплярах, то она могла бы поступить и в продажу, ибо многие по беднежью не будут в состоянии приобрести монографию.

Всего светлого – Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Посылаем Вам копию списка клише, сейчас посланного нами к мисс Грант с просьбой добавить к 14 клише ещё двадцать красочных и однотонных. Ещё один адрес для приглашения на конгресс и выставку (Вы, вероятно, читали её статью в *Оккультизме и Йоге*, № 8): 98a K.v. Hagemeister (Ekaterina Fedorovna) Metsa 33, Nomme. TALLINN. Eesti.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

7 сентября 1937 г. New York City USA
Письмо Д. Бурлюка к Рериху Н.К.

David Burluk 321 East 10 th st. New York City USA
7-е сентября 1937 г.

Проф. Н.К. Рериху -Индия

Дорогой великий друг мой Николай Константинович!

Вчера провёл перед закатом два часа в вашем музее, где стены оживлены великой душой вашей, её откровениями, её порывами и искромётными дарами.

Затем сидел с З.Г. Лихтман. Казалось, что вы были здесь же, вместе с нами, в этой комнате я вас видел неоднократно, и самое время, казалось, исчезло, и было бессильно затемнить ваш образ.

З.Г. Лихтман подарила мне ваши книги: «Врата в будущее» (Изд. Рига. 1936 г.), Н.К. Рерих (Рига, 1935.); Рихард Рудзитис «Культура» (1936) и та же книга - издание в Нью-Йорке по англ.

Для меня все эти книги бесценное приобретение, ибо это писано Вами или о Вас. Сейчас моя жена Мария Никиф. открыла Малый словарь Брокг. И Эфрона – и там с большим уважением даны уже сведения о вас.

У меня к вам просьба: если возможно будет, переслать или передать книги, касающиеся вас (или ваши) для меня, моих книжных полок – сделайте это.

Мне исполнилось 55 лет, и в эти годы так начинаешь ценить прошлое, В эту зиму исполняется 30 лет моего с вами знакомства. Моих мыслей о вас.

А ваш «Гонец» в Третьяковке ошарашил, поразил, покори, восхитил меня – много ранее. Он остался одной из моих любимейших картин из всего золотого запаса мировой живописи.

Среди палитр разнообразных
Палитра Рериха особая, как сны...
В своих цветах, сияниях алмазных,
Она – цветок планет иных весны.
(это экспромт – в строку...)

Я уверен, что в ближайшее время напишу поэму, посвящённую вашему творчеству и только там, вероятно, смогу дать намёк моих мыслей о вас.

З.Г. Лихтман посвятила меня в тот поход козьяков злобы и зависти, который имел место вокруг вашего доброго дела; я, правда, об этом был осведомлён из газет ранее и всему этому давал отпор и бил ваших врагов по головам. Теперь для меня ещё светлее, ещё ближе и дороже стало ваше имя.

Бурлюк – вернейший друг всего, что с Рерихом и около – (союзно) Рериха.

В октябре мы выпускаем № 6 “Color and rhyme” (наш журнал по-англ.). Там (почтительно) уделим заслуженное место вам.

Наш журнал (снайпер-система) – рассылается по нам нужным адресам. (От 16 до 24 страниц).

Мои два сына учатся в университете – старший Davi (23 ½ года) – уже 4 года, а Nicholas (22 года) – 3 года.

Первый близится к окончанию – архитектор-строитель (Нью-Йоркский универ., я за него заплатил уже 1400 дол. (не считая всяких привходящих платежей), и остаётся всего около 500 дол.

Никиша оканчивает курсы журнализма (Н.-Н. университет тоже), и затем пойдёт на диплом учителя английского языка.

Я знаю, дорогой Н.К., что вы человек вне всякой способности думать о ваших верных друзьях плохо. Вы чересчур велики, чтобы вмещать малое и дурное.

То, что я *прошу у вас* здесь сейчас 200 долларов – стоит в стороне от этого письма. К деньгам я отношусь лишь, поскольку они мне нужны (образование детей, чтобы они потом могли служить вашей идее, вашему имени).

Я из старых запорожцев. Мы – люди боевые.

Если можете, пришлите. Нельзя сразу, шлите сейчас 100 дол, и в январе (1938) – ещё сто. Больше у вас до конца дней своих просить ничего не буду. Выручайте!

Привет вашей супруге с пожеланиями доброго здоровья. Поклон – сыновьям. Хотел бы иметь снимки с картин Святослава и книги археолога.

Вся моя семья шлёт вам низкий поклон.

Архив Музея Рерихов, Москва.

10 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
10-СЕНТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо за письмо Ваше от 2 сентября. Спасибо за все Ваши сведения и за всю заботу, которая высказывается как в письме к нам, так и в письме от того же числа к Владимиру Анатольевичу. Понимаем Вашу осторожность – письмо к Б.К. Рериху пока сохраните у себя – может быть, представится какой-либо удобный случай для передачи. Вообще, каждая предосторожность и осмотрительность, особенно теперь, всегда уместна. Мы негодовали по поводу заметки о прекрасном архитекторе Щусеве. Под этою клеветою чувствуется мерзевшая профессиональная зависть. Какой это международный бич – такая злобная зависть, побуждающая ко всяким мерзостям и преступлениям. Так и

чувствуется, что какой-то неудачный, а вернее всего уволенный за негодностью помощник, завидуя огромному успеху Щусева, заварил эту мерзкую кашу доносов и клеветы. Да, человечеству, прежде всего, нужна культура. Иначе врачи будут из зависти преследовать успешного врача, строители будут поносить своего даровитого собрата, художники – художника, писатели – писателя и так далее по всем областям жизни человеческой. Это более чем прискорбно.

Понимаем из письма Вашего, что Ваша статья будет по-латышски в иностранном издании. Чувствуем и понимаем Ваши соображения. Делайте так, как лучше по всем местным условиям. В смысле четвёртой русской статьи мы пришлём Вам статью Давида Бурлюка *Рерих – Жизнь – Творчество*. Бурлюк – художник, и его голос в данном случае будет вполне понятен. Статью Александра Ивановича, если он хочет себя попробовать в новой для него области – в искусстве, – лучше бы дать в журнал *Для вас* или газету *Для всех*, а может быть, в *Сегодня*. Впрочем, вероятно, и Пранде где-то отзовется – в русской ли или в латышской прессе. Пранде правильно вспоминает, что в Балтийских государствах много бывших учеников. Эту тему в связи с моей статьёй *Латвия* (бывшей в *Сегодня*) и *Литва* можно очень хорошо развить. Конечно, эстонская статья вполне приветствуема. По алфавиту автора она пойдёт после статьи Тарабильды.

Тагора мы не будем трогать по трём причинам. Во-первых, его отзыв уже войдёт во вступлении, во-вторых, Индия уже будет представлена двумя статьями Тандана и Мехты, и в-третьих – сейчас здоровье Тагора очень слабо, о чём он писал в своём недавнем последнем письме. Если такое задание совпадёт с припадками сердечной слабости, то при всём добром желании статья может затянуться на многие месяцы. Ваша мысль о печатании статьи на хинди для Индии не нужна, ибо все читающие элементы достаточно владеют английским. Мы могли бы ещё дать Вам одну болгарскую статью, но полагаем, что и без того для иностранного издания статей достаточно. Кроме того, имеется и немецкая статья фрау Мюллер из Вены, но не знаем, не отяжелит ли это монографию. На всякий случай высылаем её.

Конечно, весьма полезно отметить художественное редакторство Пранде и Либерта. Теперь, как Вы знаете, художественное редакторство отмечается в монографиях на особой странице. Вообще, если можно что-либо с пользой отметить, то это во всяком случае следует сделать, ибо общая польза – прежде всего. Мой привет Либерту и Пранде.

Мы уже послали Вам список, по которому просили мисс Грант выслать хотя бы ещё несколько клише добавительно. Относительно рассылки книги *Культура* по-английски, пожалуйста, дайте нам список имён, кому Вы их послали в Индию. Таким образом мы избежим двойной рассылки. Также и prospect о монографии в Индии мы могли бы разослать отсюда. Принимаем во внимание Ваше пожелание, чтобы послать Вам приветствия не в оригиналах, а в копиях. Будем посылать по мере получения. Конечно, некоторые люди могут быть в отъезде, или адрес может перемениться, и потому возможны всякие задержки. Предполагаем, что от всех отдельных групп Балтийских, как Двинской, Шавельской, Клайпедской, Скуодас и прочих, будут отдельные приветствия, а если даже будут делегаты, то они могут передать написанное приветствие. Очень просим все клише из Америки, как только они будут использованы, сейчас же возвратить, сохранно упаковав. Может быть, Вы найдёте возможным послать и в Америку по несколько оттисков с каждого клише. Очень

хорошо, что появилась статья *Цветы художества*, ибо она тоже пригодится для Пранде для его темы. Можем себе представить, каково напряжение у Вас всех сейчас. Надеемся, что все сочлены по мере возможности и сил Вам помогут, ибо в таком организационном деле каждая доброжелательная помощь чрезвычайно необходима. Наверное, и весь женский элемент сильно поможет, ибо мы всегда так стояли в пользу женского движения. Женская рука поможет не только в трудностях, но и в украшении праздника. Привет Вам всем от Е.И. и всех нас.

Сердцем и Духом,

Н.Рерих

По-видимому, статья фрау Иды Мюллер в своё время Вам была послана. Если найдёте и решите её использовать, то всё-таки просмотрите.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

10 сентября 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

Рига, 10 сентября 1937 г.

Дорогой Николай Константинович!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 23.VIII и за все приложения. Получил также все статьи английских, французских, итальянских и испанских авторов. Радостно, что издание, таким образом, расширяется до *Золотой Книги*. Я уже писал Владимиру Анатольевичу о моих предположениях пригласить к соучастию в монографии также и бенгальских или других индусских авторов, на их же языках с английским переводом. Ведь желательно, чтобы монография получила свой сердечно-интимный тон также для Индии. Но всё же два индусских автора уже будут участвовать в издании.

На днях мы выбирали, совместно с художником Либертом, картины для репродуцирования. Он утверждает, что репродукции в нашей государственной типографии не будут хуже, чем в американских изданиях. Мы спешно приступаем также к составлению и изданию каталога Музея: туда войдут многокрасочные – *Брамапутра* и *Твердыня Тибета* – и 8 однокрасочных репродукций. Пранде обещал прочесть на открытии выставки доклад *Рерих и Латвия*. Здесь же выступит с небольшой речью и сенатор Дуцман. В радиэфоне согласились включить в программу 10 октября мой реферат, его прочтёт наш член, актриса Эмилия Виестур.

Книгу Иванова и русский проспект мы разослали по адресам всех Ваших русских друзей. Завтра будет отпечатан также английско-французский проспект. Проспект разошлём также по книжным магазинам и по некоторым культурным учреждениям. В Шведскую страну посылаем по одному экземпляру, может быть, так лучше. Пошлю Вам список всех магазинов и учреждений.

Прилагаю при сём 14 приглашений. Спешу отправить письмо сегодняшней воздушной почтой и потому кончаю.

Получил посылку самую Радостную, Сокровенную – *Братство*, ч. II, также письмо Е.И. от 19 и 23.VIII.

Шлю свою благодарность сердца и желаю Вам и Е.И. самого Светлого.
Сердечно Ваш,

Р. Рудзитис

Не успел вчера отправить письмо, потому пишу здесь дополнительно. Вчера мы снова обсуждали с Либертом издание монографии, и он просил передать Вам следующие его соображения:

1. Монография в переплёт, по образцу 1916 года. Рисунок для рельефа на обложке. Ваша медаль в виде рельефа на отдельном листе.

2. Знак Огня врисован в виньетку. Рисунок титула.

3. Нет ли у Вас рисунков, виньеток, эскизов, снимков помещения Музея... описаний, рисунков Музея и пр., не вошедших в прежние издания? Повторим и некоторые из прежних изданий.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

14 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
14-СЕНТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Посылаем Вам ещё несколько полученных за эти дни приветов. Итак, Ваша коллекция пополняется хорошими именами, ибо Рамананда, Чаттерджи, Ганголи, Асит Кумар Халдар, Нуссерваджи, Боше, Мехта – всё это крупные деятели Индии. Мы Вам уже послали статью Бурлюка, которая может отлично пройти между Андреевым и Мишеевым. Таким образом, четыре статьи разделятся пополам: две как бы «оттуда» и две из Европы. Между прочим, в статье Бурлюка, где он говорит о Святославе, он поминает слово *незаурядный*. Лучше вместо этого выражения поставьте: крупный талант.

Вероятно, у Вас уже отпечатана статья Сев. Иванова. Не думаете ли Вы, что Александр Иванович, который уже бывал у шведского консула, мог бы передать туда эту статью, а может быть, там её приняли бы и для шведских библиотек или дали бы соответственные адреса. Впрочем, все такие соображения Вам виднее на месте, ибо, как я уже говорил, прежде всего нужно соблюсти общую полезность и не сделать какого-либо вредного выступления.

Если в Обществе существует разряд почётных членов, то октябрьский срок мог бы быть отличным поводом для выдачи нескольких таких избраний. Если Вы считаете, что Либерт расположен и доброжелателен, то его участие в издании могло бы быть поводом для такого избрания. Так же точно ректор Академии художеств, который, кажется, тоже сочувствовал, и некоторые другие доброжелательные деятели, приобщившиеся к меморандуму, могли бы быть закреплены в числе почётных членов. Конечно, и эти обстоятельства Вы можете взвесить по местным условиям. Также, может быть, октябрьские сроки дадут повод избрать и некоторых иностранных таких же членов. Вообще следует сделать всё, что может способствовать укреплению Общества и всех его латышских деятелей.

Спасибо за присылку отлично изданного *Напутствия Вождю*. Интересно бы выяснить, насколько дешевле обходится такое издание сравнительно с пе-

чатным. Иначе говоря, интересно спросить, сколько стоило бы печатное издание подобной книги.

Юльяна Доминиковна писала, что решение о Пакте опять отложено до тех пор, пока какая-либо великая держава не признает Пакт. Интересно бы выяснить, какая именно великая держава имеется в виду. Ведь Соединённые Штаты Америки всегда считались великой державой, кроме того, вся совокупность всех государств Центральной и Южной Америки с многомиллионным населением тоже не мала. Если же для решения требуется согласие или Германии, или России, иначе говоря, стран пограничных, то пусть об этом и скажут ясно. Тогда бы и можно действовать в желательном для конференции министров направлении. Во всяком случае, если вопрос только за одной великой державой, то Соединённые Штаты Америки вполне отвечают этому требованию. Впрочем, даже в смысле непосредственного прикосновения Латвии и Америки можно сказать, что никакая земля их не разделяет. Итак, пусть опять *gutta cavat lapidem*.

Имейте в виду, что мы пришлём Вам ещё маленькие дополнения к библиографии и к списку картин. Конечно, если библиография уже окончательно отпечатана в размере монографии, то все сентябрьские и октябрьские статьи в неё уже не войдут. Но если возможно дополнение к ней, то все появляющиеся сейчас статьи были бы интересным добавлением. Пожалуйста, сообщите нам в следующем письме, насколько это возможно сделать, и если возможно, то к какому крайнему сроку нужно прислать эти добавления. Впрочем, к листу картин мы вкладываем добавления сегодня же, ибо вряд ли до ноября будут кончены новые картины.

У нас стоят совершенно необычные дожди. Дорога обваливается, и всегда возможны задержки с почтой. Между прочим, мы беспокоимся, все ли дошли разосланные нами Ваши приглашения. Даже от дальних друзей имеем ответы, а от некоторых ближайших почему-то ответов нет. Кто знает, может быть, часть приглашений вообще не дошла, ибо мы посылали не заказными. Вчера с прискорбием прочли в местной газете об опасной болезни Рабиндраната Тагора. Именно этого мы и опасались, ибо всё это время его здоровье было очень ненадёжно. В посылаемых Вам копиях приветствий Вы увидите в некоторых внизу приписки о значении автора. Эти приписки сделаны, конечно, нами для Вашего сведения, но не должны быть напечатаны, когда эти приветствия войдут в книгу приветствий. Представляем себе всю Вашу напряжённую деятельность и шлём Вам всем, нашим дорогим сотрудникам, мысли о бодрости и мужестве. Сердечный привет от нас всем Вам.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

1937 г. «Урусвати», Гималаи
Из воспоминаний Н.К. Рериха к 40-летию окончания Академии в 1897 г. :

ТОЛСТОЙ И ТАГОР

Н.К. Рерих и В.В. Стасов в Публичной библиотеке СПб. 1896.

«Непременно вы должны побывать у Толстого», — гремел маститый В.В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной Библиотеке, когда я пришёл к Стасову после окончания Академии Художеств в 1897 году: «Что мне все ваши академические дипломы и отличия! Вот пусть сам великий писатель земли русской произведёт вас в художники. Вот это будет признание. Да и "Гонца" вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймёт, с какою такою вестью спешит ваш "Гонец". Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Ещё и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непременно, непременно едем».

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улёгся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идёт длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая этика «Китеж-Града» по сердцу. «Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от неё», — грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о Толстовских «Что есть Искусство» и о «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен представлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги. Шептались неправдоподобные анекдоты о Толстом. При этом совершенно упускалось из виду, что он может рассказать прекрасную притчу о трёх старцах.

Жалею, что не имею под рукой текста этого сказания. Но каждый желающий помыслить о великом Толстом должен знать хотя бы краткое его содержание. На острове жили три старца. И так они были просты, что единственная молитва, которою молились они, была: «Трое нас — Трое Вас. Помилуй нас». Большие чудеса совершались в таком простом молении. Прослышал местный архиерей о таких простецках-старцах и недопустимой молитве и решил сам поехать к ним, вразумить их молитвам достойным. Приехал архиерей на остров, сказал старцам, что их молитва недопустима, и научил их многим

приличествующим молениям. Отплыл архиерей на корабле. Только видит, что движется по морю свет великий, и рассмотрел он, что три старца, взявшись за руки, бегут по воде, поспевают за кораблем. Добежали. Просят архиерея: «Не упомянули мы молитвы, тобою данные, вот и поспешили опять допросить».

Увидав такое чудо, архиерей сказал старцам: «Лучше оставайтесь при вашей молитве».

Мог ли невер дать такой замечательный облик старцев, достигших Света в их простейшем молении? Конечно, Толстому, этому великому искателю и познавателю, было близко всё истинное, доскональное. Всё же последующие осложнения Истины, конечно, дух его не воспринимал.

Все помнят и «Плоды просвещения» Толстого, повесть, полную сарказма, о невежественных спиритических сеансах. Некоторые люди хотели увидеть в этом отрицание Толстым вообще всей метафизической области. Но великий мыслитель лишь бичевал невежество. В его эпическом «Войне и Мире», «Анне Карениной» и во многих рассказах и притчах явлены искры широчайшего понимания психологии в её высочайшем значении. В пылу спора Толстой действительно мог утверждать, что простой деревенский танец для него равен высочайшей симфонии. Но когда вы могли наблюдать, насколько писатель был глубоко потрясён именно лучшею музыкою, то вы отлично понимали, что в его парадоксах заключено нечто гораздо более тонкое и обширное, нежели слушатели его хотели из них сделать в своём разумении. Великий Учитель, уходящий перед концом жизни в Оптину пустынь, разве не дал хотя бы одним этим уходом высочайший аспект своего земного бытия?

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вёз какие-то подарки. Римский-Корсаков - свои новые ноты, Гинзбург - бронзовую фигуру Толстого, Стасов - какие-то новые книги и я - фотографию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулочки старой Москвы, старинные дома, отделённые от улицы двором, всю эту атмосферу просвещённого быта, - тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Всё было такое простое и вместе с тем утончённое. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовкой». Характерный жест рук, засунутых за пояс, — так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. И против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговоров не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделав несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания.

На картине моей гонец в ладье спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше - жизнь всё равно снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт».

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить моё внимание в сторону народа.

«Умейте поболеть с ним» - такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника».

Удивительна вся судьба Толстого - и великого писателя и великого учителя жизни. Каждое событие его жизни лишь увеличивало всенародное почитание его. Когда же произошло отлучение его от церкви, то, казалось, не было границ симпатии и сочувствия народным. Кроме уже напечатанных произведений Толстого в обществе ходили и многие неразрешённые цензурой вещи и письма. Шёпотом передавались подробности отлучения от церкви, шли слухи о свидании с императором. Наконец, говорилось о пророчествах Толстого. Впоследствии это замечательное пророчество широко обошло прессу. В прозрениях своих маститый писатель уже предвидел и войну, и многие другие потрясающие события.

Каждая весть о новом слове Толстого воспринималась напряжённо, точно бы поверх официальных авторитетов, где-то, как мощное внутреннее течение, неслась творческая прозревающая мысль Толстого. Помимо его громоподобных речений о непротивлении злу, о любви всечеловеческой, об истинном просвещении, остались и такие глубокие строки, как описание смерти дерева. В Индии особенно были бы понятны эти простые трогательные слова, в которых заключалась глубокая мысль о вездесущей жизни. Излюбленная героиня

Толстого Наташа говорит: «Да, я думала сначала, что вот мы едем и думаем, что мы едем домой, и мы, Бог знает, куда едем в этой темноте и вдруг приедем и увидим, что мы не в Отрадном, а в волшебном царстве. А потом ещё я думала...»

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шёл за сохой, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса, и когда он, подобно Бёме, тачал сапоги и вообще искал прикоснуться ко всем фазам труда. Без устали разбрасывал этот сеятель жизненные зёрна, и они крепко легли в сознание русского народа. Бесчисленны дома имени Толстого, толстовские музеи, библиотеки и читальни имени его. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги. Удивительнейший конец великого путника. Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню, как Елена Ивановна первая принесла эту весть, повторяя: «Не верится, не верится. Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы отграничилась жизнь».

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а перед окном от самой земли и до самого неба — через все пурпуровые и снеговые Гималаи — засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба!

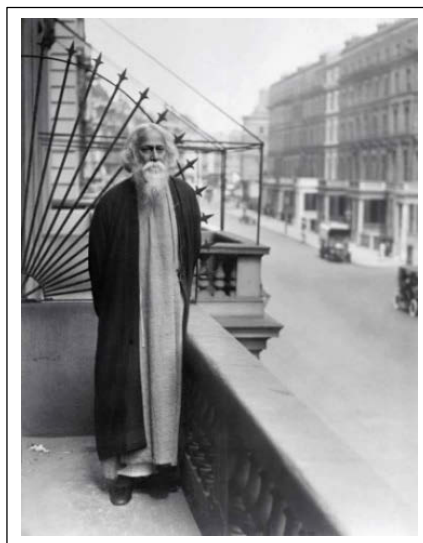
Так же именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз довелось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и «Гитанджали» Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре в России знали лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветственно имя Тагора во всём мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, ещё не было случая прикоснуться.

«Гитанджали» явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязнённое человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветлый отклик о душе народной внёс Тагор. Какой такой он сам? Где и как живёт этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости Востока нашла своё претворение и трогательное созвучие в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной симфонии, так же победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно, как сказал сам Тагор в своём «Что есть искусство»:

«В искусстве наша внутренняя сущность шлёт свой ответ наивысшему, который себя являет нам в мире беспредельной красоты поверх бессветного мира фактов».

Все поверили, верят и знают, что Тагор принадлежал не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведёт ли судьба и здесь, в этом мире, ещё

увидеть того, кто так мощно позвал к красоте-победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь ткёт прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь — лучшая сказка.

Рабиндранат Тагор в Лондоне. Фото 1926 г.

Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэт-террас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия — панно «Сны Востока». Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помним, как прекрасно вошёл он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление и сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора.

На завтраке мирового содружества религий в 1934 году в Нью-Йорке Кедарнат Дас Гупта так вспомнил эту нашу первую встречу с Тагором: «Это случилось 14 лет тому назад в Лондоне. В это время я находился в доме Рабиндраната Тагора, и он сказал мне: "Сегодня я доставлю вам большое удовольствие". Я последовал за ним, и мы поехали в Саут Кенсингтон в дом, наполненный прекрасными картинами. И там мы встретили Николая Рериха и м-м Рерих. Когда м-м Рерих показывала нам картины, я думал о нашем прекрасном идеале Востока: Пракрита и Пуруша, человек, явленный через женщину. Это посещение навсегда осталось в моей памяти».

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах красоты и человеческих взаимопониманий. В суете левиафана города слова Тагора иногда звучали так же парадоксально, как и волшебная страна Толстого, жившая в сердце великого мыслителя. Тем больше был подвиг Тагора, неустанно обходившего мир с повелительным зовом о красоте. Сказал поэт о Китае: «Цивилизация ждёт великого завершения выражения своей души в красоте». Можно цитировать неустанно из книг Тагора

его моления и призывы о лучшей жизни, такие легковыполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеки от жизни эти зовы? Разве они лишь мечты поэта? Ничуть не бывало. Вся эта правда во всей своей непреложности дана и выполнима в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять, что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда.

Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать всё окружающее просвещением? Ведь это всё вовсе не утопия, но сама реальность. Если бы хотя в отдельных притушённых искрах не проникал в потёмки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы невысказана. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание и приказы о вечных основах жизни. Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразия, что удушено будет каждое живое дыхание. Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание.

Тагор знает не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда, смело он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить, сколько шипения невежества где-то раздаётся о его призывах о мире.

Последнее его письмо, полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: «Мой дорогой друг! Проблема мира сегодня является наиболее серьёзную заботу человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе с всевозрастающей яростью. Безобразное проявление обнажённого милитаризма повсюду предвещает злое будущее, и я почти теряю веру в самую цивилизацию. И всё же мы не можем сложить наши устремления — это только ускорило бы конец».

Сердце великого поэта насыщено скорбью о происходящем смятении. Также он знает, что каждый культурный деятель должен мужественно оставаться на своём посту и самоотверженно защищать сокровища мира. И в этом самоотвержении тоже явлен знак толстовского служения человечеству. Как Толстой не был политиком, так же точно и Тагор всегда остаётся учителем жизни.

Можно ли назвать кого-либо, кто с такой убедительностью сочетает модернизм с заветами древнейшей мудрости? Именно такое сочетание для большинства людей кажется непримиримым. Даже признанные философы говорят своё пресекающее «или — или». Точно бы жизнь не имела единый источник и законы мироздания были незыблемы. Мне самому приходилось слышать, как очень образованные люди говорили, что несвоевременно цитировать Конфуция или Веды. Они заподозривали какое-то ретроградство или нежизненность в изучении древних заветов. Только теперь наука начинает в лице нескольких рассеянных по лицу земли тружеников признавать всю ценность познаний, дошедших до нас из глубины несчётных веков. В Тагоре такие познания врожденны, а его глубокое знание современной литературы и науки даёт ему ту уравновешенность, тот золотой путь, который в представлении

многих казался бы неосуществимой мечтой. А он здесь перед нами, лишь бы внимательно и доброжелательно рассмотреть его.

К семидесятилетию Тагора мы писали: «Виджая Тагор!» — победа Тагора! Трудна такая победа, но тем драгоценнее наблюдать светлого победителя, просиявшего служением человечеству.

Для внешнего наблюдателя различны Тагор и Толстой. Кто-то досужий до изыскания противоречий, наверное, закопошится в желании ещё что-либо разъединить. Но если мы пытливы и доброжелательно посмотрим в существо, то каждый из нас пожалеет, почему у него нет портретов Толстого и Тагора, снятых вместе, — в углублённой беседе, в середине мудрости и в желании добра человечеству. В рижской газете «Сегодня» был портрет Тагора к семидесятилетнему юбилею. Прекрасный поэт Латвии Рудзитис сердечно и утончённо характеризовал великого Тагора, а сейчас из Праги проф. В.Ф.Булгаков прислал мне отлично исполненную открытку с изображением Толстого и его самого в 1910 году в Ясной Поляне. И опять два прекрасных облика Толстого и Тагора встали передо мною во всей глубине мудрости своей и во всём благожелании человечеству. Вместе, на одном изображении, хотел бы я видеть эти два великих облика. Низкий поклон Толстому и Тагору!

1937 г. «Урусвати», Гималаи

«Рассвет», 14—15 сентября 1937 г.

17 сентября 1937 г. «Русское слово». Варшава-Вильно
К 50-летию общекультурной деятельности Н.К. Рериха⁷

НИКОЛАЙ РЕРИХ

(К 50-летию художественной деятельности)

Подлинно – сильный, преодолевающий дух никогда не идёт по линии «наименьшего сопротивления». По самой сути своей он обречён искать выходы и решения на торных, каменистых путях. Над срывами. Над кручами. Ибо жизнь не прогулка, не лёгкий бег – а тяжкий искус. И всегда подъём. И всегда обет тому, Кто Духом вопрошающим и томящимся (в Святом беспокойстве)

⁷ «Кстати, если бы у кого-то возник вопрос о бывшем праздновании в Нью-Йорке в 1929 году сорокалетия, то Вы можете иметь в виду, что теперь **40-летие окончания Академии, 1897, и 50-летие общекультурной деятельности (в 1887 году были первые археологические раскопки и первые статьи), а в Америке считалось от 1889 года, когда были первые художественные выступления в журналах....»** (20 сентября 1937 г. Наггар, Кулу Николай Рерих к Рихарду Рудзитису)

нас одарил. И всегда жертва. Поиски, срывы – словно израненные в крови руки, – так приходится держаться за зубцы, за пики, за изломы камней... Зато – там где-то преодоление, успокоение, ровный, замкнувший наше бытие горизонт. Благодарность Богу. Благодарность людям. Умудрённость.

Таков путь Рериха...

Недаром много лет уже он и живёт где-то в уединении, на высотах, в Наггаре, среди каменистых титанских вершин. Они его не давят. Но всё преодолел, включил в себя. Дал себе, а частично и нам (тем, кто могут вместить) ответ на загадку жизни. На её Тайну.

Над одиночеством, над каменистыми глыбами жизни, над её странным (порою кажется неискушённом: недобром!) молчанием – он задумался уже давно, ещё на берегах Невы. Ещё тогда появились его «вопросы жизни». Первые полотна. Смутно волновавшие. Казалось, все каноны были в них соблюдены, и красочные, и иные; – и новизна в них была, и напряжённость. Но смутно (тогда ещё смутно!) чуялось нам в них ещё что-то: настойчивый вопрос Жизни. Он стоял у дверей, у каменистых ворот, у глыб – не зная, где же там вход, и стучал. Вспоминал. Не житейским стуком, не суетой, не метанием – а безмолвным вопросом, почти укором.

И потому неизбежно уходил он от «сегодняшнего дня». Мог бы, понятно, подобно Сурикову тонуть в русской старине; мог бы подобно Бенуа и Лансере обольщаться Петровской, Елизаветинской раскраскою жизни и искать ответы и разрешения там; мог бы подобно Добужинскому оживлять прежний быт. Всего этого не сделал. Пошёл сразу «на самое трудное». На самое далёкое «массового» человека. На предельное. На диалог с Богом: стал задавать – вопросы. Что это? К чему? Что вокруг нас? Что скрыто за этим? И потому что шёл к сердцевине, к центру – поневоле проходил мимо внешнего: истории, быта всех наших земных радостей, порою праздничных гирлянд, порою просто погрешек. Ничего этого не видел. Сразу пошёл на кручи.

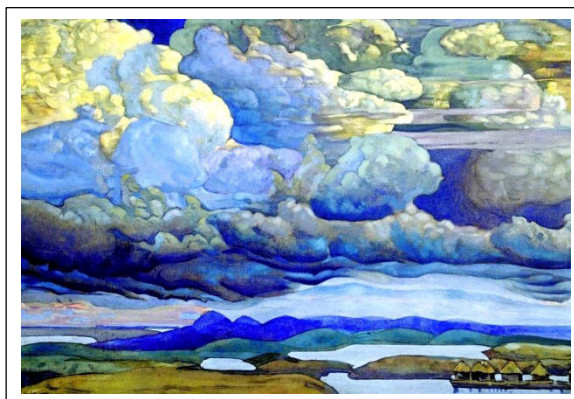
Вот его первые, сразу тогда изволновавшие, сразу наполнившие душу тревогой, смутным предчувствием общей человеческой Голгофы – полотна. Север, – тяжёлые тучи – большие «лбчатые» камни. Сосны. Мох. Далёкие просторы. Но не такие, где можно благодарно дышать. Нет. Впрочем, его камни не давят, не гнетут: – они только не дают покоя.

Он вопрошал и требовал, чтоб вопрошали и мы. Он брал нас с собою, на это восхождение. За каждым гранитным, округлённым в тысячелетия валуном – стоял вопрос: – что это? Что за этим? Это не были просто новгородские просторы или финские каменистые ландшафты – или сказочные зубцы крепостей, просто видения пылающих закатов, а постоянный и настойчивый (не «снимающий» своего «давления» подобно раз навсегда положенному на сердце камню) вопрос «Господи! Что это? Что значит твой мир?»

Ответ ему чуялся за этими скалами, за округлыми покатосями и долинами, за неожиданными возвышениями, набухающими вздутиями. Повсюду. Иногда ему казалось, что там уже идёт бой, решающая (но какая-то гармоничная, не крикливая, не наша человеческая, а небесная основная) борьба. И он – может быть, бессознательно для себя переносил её в облака.

На одном и самых прекрасных полотнах идёт у него какой-то бой небесных сил. В сполохах и жарких закатных огнях – видится сверканье лат и мечей. Всё неясно. Всё недоговорено.

Н.К. Рерих. Небесный бой. 1912.

Но всё с тем же немим, настойчивым вопросом художникам мыслится: *Quid ist veritas? Ubi Deus?*⁸

И, понятно задавал эти вопросы не схоласт, не книжник, не головной начётчик, не школьный философ, а жрец. Божьей милостью жертвенная душа.

Так и чувствовалось, что «сегодняшний день» быт, успех, людское торжище - могли легко увести его к «праздничным гирляндам», шуму улицы, тимпанам⁹. Каждое потно и тогдашнего, и последующего Рериха было отказом от этого лёгкого пути, жертвою...

И, должно быть, именно это нас волновало, мы словно чувствовали: «Вот, может, ведь идти по широкой праздничной дороге, но свернул сюда, к каменистым кручам, к гранитам, новгородским валунам. Почему бы это? Что это? «Зачем сердца волнует, мучит, как своенравный чародей?»

И разве удивительно, что в этом разреженном воздухе («воздух» Рериха никогда не давил...) в этих прозрачных даях, на опушке, в одиноких ложбинках думая, стучась, обращаясь к Богу – неизбежно должен был прийти к молитве? Не к пантеистическому язычеству, а именно к смиренной, жертвенной молитве отшельников? И тогда-то среди лесов и камней появился его любимый Святой – Сергей Радонежский. Вот он – с медведем, вот обтёсывает поваленную сосну; вот просто его лик, умудрённый, спокойный, благословляющий, - но скромностью, скупостью жеста, отсутствием пышности – близкий бедному и слабому человеческому духу. «Аще не будете как дети». Простой, отсутствием «педали» в своих хоралах, в полном отказе от всякой орнаментики и «барокко» - несмотря на глубину религиозной тематики – Н.К. Рерих глубоко северный и, понятно, очень православный художник. Пышность Рима, его песнопения, всё флорентийское, Сикстинское, тоже верующее, но по-своему – ему чужды. Его алтарь – финский валун, его купол – свод северного неба, колонны храма – вековые сосны. И за всем этим для него Бог. К Нему, в сущности, он и шёл всю свою жизнь. Вдоль этих одиноких, гранитных долин, - по лесам - поклонившись дорогою Св. Сергию Радонежскому – к высотам Памира, к говорящему молчанию снегов.

Сергей Горный

«Русское Слово», 17-го сентября 1937 г. Архив Музея Рерихов, Москва (вырезка из газеты)

⁸ Что есть истина? Где Же Бог? (лат.) – ред.

⁹ Тимпан (лат. Tympanum, от греч. τύμπανον – барабан, бубен)

ЛИСТЫ ДНЕВНИКА

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Спрашивают, почему Листы моего дневника появлялись в самых различных журналах и газетах? Ответ очень прост - не могу уследить в разных странах, где перепечатываются мои Листы. Некоторые появились много раз и по-русски, и по-английски, и по-французски, и по-болгарски, и по-испански, и по-португальски, и по-немецки, и по-литовски, по-тамилски, по-урду, по-сингалезски, по-гуджрати... Бывали даже и такие забавные случаи, что Листы появлялись без моей подписи. Чего только не бывало! Следует ли препятствовать? Кто знает, где и в каких условиях сказанное принесёт лучшую пользу. Может случиться, что издание само по себе и неважное, но мимоходом попадёт в добрые руки. На широких путях, на которых толпится человечество, встречи бывают самые неожиданные...» (Н.К. Рерих «Посев». 1940)

РАДОСТЬ

Одна из первых радостей была в музыке. Приходил к нам старенький слепой настройщик. Приводила его внучка. После настройки рояля он всегда что-нибудь играл. Рояль был хороший - «Блютнер» с надписью Лешетицкого. Слепой настройщик, должно быть, был отличным музыкантом, и игра его запомнилась.

Бывало, ждёшь не дождёшься, когда кончится настройка. Как бы не помешал кто долгожданной игре. Гостиная была голубая, на стене - Канченджунга. Теперь знаю, что именно эта любимая гора была в розовом закате. Слепой играл что-то очень хорошее. Было удивительно, что слепой играет...

Потом «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя» в Большом театре. Балеты «Роксана», «Баядерка», «Дочь фараона», «Корсар»... Казалось, что музыканты играют по золотым нотам. Приходил «Господин с палочкой». Была забота, чтобы все в ложе скорей сели по местам. «Господин с палочкой пришёл!» - так тревожно заявлялось в аванложу в боязни, что запоздают и начнут двигать стульями и говорить, а там уже волшебным образом играют по золотым листам. На занавесе была погоня фавна с амурами. Со стороны фавна неприятно было сидеть в литерной ложе. Лучше всего, когда ложа оказывалась в середине...

Итальянская опера нравилась меньше. Мазини, Патти не поражали. «Риголетто», «Травиата», «Лючия» - что-то в них было чуждое. «Аида» и «Африканка» были ближе. Хор африканцев, певших почему-то о Бrame и Вишну, был подобран на рояле. Впрочем, играть днём рядом с кабинетом отца не разрешалось.

Уже много позднее открылся новый путь - Беляевские концерты, Римский-Корсаков - «Снегурочка». Далеко прослышалось имя Мусоргского, дяди Елены Ивановны.

С первого приезда Вагнеровского цикла мы были абонентами. Страшно вспомнить, что люди, считавшиеся культурными, гремели против и считали Вагнера какофонией. Очевидно, каждое великое достижение должно пройти через горнило отрицания и глумления.

1937

Лист дневника № 4. (Архив Ю.Н. Периха)

Н.Перих, «Зажигайте сердца». М. «Молодая гвардия». 1975.

АРХЕОЛОГИЯ

Около Извары почти при каждом селении были обширные курганные поля от X века до XIV. От малых лет потянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятные металлические древние вещи. В это же время Ивановский производил исследования местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе. К раскопкам домашние относились укоризненно, но привлекательность от этого не уменьшилось. Первые находки были отданы в гимназию, и в течение всей второй половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное.

В бытность в университете Спицын и Платонов провели в члены Русского Археологического общества, где я потом был пожизненным членом. Этим путём произошло сближение со всею археологической семьёю. Кроме славянского отделения я посещал и заседания Восточного отдела, бывшего под председательством барона Розена. Там же встречал же я и Тураева. В то же время Археологическая комиссия дала несколько командировок для исследования древностей Новгородских Пятин и Тверской и Псковской областей. Археологический Институт просил устроить экскурсии, в которых принимали участие не только члены Института, но и гости, например Милюков, Беклемишев, Глазов...

Большое огорчение доставил и мне и Елене Ивановне Н.И. Веселовский, когда в собрании Археологического Общества он объявил найденные нами на озере Пирос неолитические человекообразные фигурки подделками. Я его спросил, если это подделки, то кто же мог их сделать. Веселовский со своим обычным невозмутимым видом отвечал: «Мало ли кто, может быть, рабочие подбросили». Такое совершенно необоснованное суждение внутренне много подорвало моё уважение не только к Веселовскому, но и к другим, которые смущённо промолчали во время этого несправедливого и ненаучного наскока. На следующий год Веселовский с группой студентов отправился на места наших неоконченных раскопок (обычно так не поступают) и нашёл такие же человекообразные фигурки. Тогда в том же обществе Веселовский сделал громогласный доклад о своих необычных находках, а мне пришлось только сказать: «Не знаю, которое же из Ваших сообщений правильно, настоящее или прошлогоднее». На это Веселовский, смутившись, продолжал говорить о подлинности найденных им фигурок. Кроме многочисленных коллекций каменного века русского, удалось собрать и в Европе.

1937

Перих Н.К. «Из литературного наследия» М, 1974.

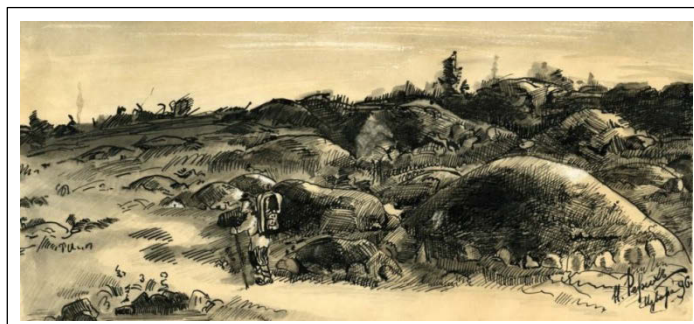
НУМИЗМАТИКА

Справедливо говорится, что нумизматика есть помощница истории. Вообще вещественные доказательства часто неожиданно рассеивали предубеждённые идеи. В наших раскопках однажды нумизматика тоже помогла. В Деревской Пятине был вскрыт курган, который обычно считался одиннадцатого-двенадцатого века. В руке костяка была найдена серебряная монета, которая оказалась копейкою Вольного Новгорода пятнадцатого века. Без этого неоспоримого доказательства невозможно было бы предположить, что древние обычаи продолжались так долго. Конечно, был любопытен и сам древнейший обычай вкладывать Харонову плату в руку покойника. Кроме датировок, монеты всегда являлись замечательным показателем стиля эпохи.

У нас было нумизматическое собрание. А.А. Ильин очень поощрял его, хотя мы с ним и расходились в сущности нашего отношения к нумизматике вообще. Он был специалистом-нумизматом, для которого сорочий или несорочий хвост на рубле был замечательным признаком, а мы прежде всего любили стилизацию и декоративность знаков. Кроме того, мы особенно любили древнейший период. Киевские гривны и удельные монеты доставляли нам гораздо больше радости, нежели какие-то редкости позднейших неожиданностей монетного двора. Ещё в Петровских копейках оставалась стильность. Были курьёзны чудовищные по размерам Екатерининские гривны, а после этой эпохи стиль окончательно стерся. Любили мы и копейки Вольного Новгорода. На них бывали изображения льва. Точь-в-точь венецианский лев Св. Марка. Не мечтал ли Новгород о царице морей Венеции? Также любопытно было наблюдать иноземные влияния, приходившие через приглашённых к великим князьям итальянских или немецких чеканщиков. Вообще, если в главнейших образцах разложить в хронологическом порядке нумизматическое собрание, то довольно наглядно получится картина эволюции или инволюции страны. Были и забавные Петровские бородовые знаки - плата за право ношения бороды. Ведь считалось, что без бороды человек не может получить ни отпевания, ни сорокоуста, ибо коты и псы имеют усы протягновенные, а бороды не имеют. Также декоративны были четвертаки Алексея Михайловича, представлявшие сектор рубля. Интересно было наблюдать, как первоначальные символические знаки потом перешли в портреты.

1937 г.

К. Рерих, "Из литературного наследия", 1975 г.

Н.К. Рерих. Курганы. 1896 г.

НАЧАЛО

Было отвоёвано право стать художником. Первые рисунки в «Звезде» и в «Иллюстрации».

На ученической выставке в Академии (1896) «В Греках» - варяг в Царь граде. Подходит Соколов, хранитель Музея, спрашивает: «Отчего нет цены на варяге?» - «А мне просто невдомёк, что он кому-то нужен» - «Но всё-таки, сколько?» Отвечаю: «80 рублей» (думаю, не дорого ли?). Соколов улыбается: «Считайте проданной», подводит седоватого приветливого господина - оказывается, В.С. Кривенко. После Рущиц сердился за дешёвую цену...

«В греках». Варяг. С этюда Н.К. Рериха.
(Иллюстрация в Литературном сборнике студентов Спб. Университета.1896)

Волнительно было с «Гонцом в 1897 (году) при окончании Академии. Мы ушли из Академии вместе с Куинджи, его выжили великий князь Владимир и граф И.И Толстой. Ожидали, что наше восстание за учителя будет осуждено Академией.

Так отчасти и случилось. Не могли не дать звания, но смотрели косо. Ко мне подходил Матэ и предлагал перейти в мастерскую Репина, а на следующий год ехать за границу. Отвечаю: «Василий Васильевич, помилуйте, ведь такая поездка на тридцать серебряников будет похожа». За нашего Архипа Ивановича мы дружно стояли. Где же был другой такой руководитель искусства и жизни?! Никакими заграничными командировками нельзя было оторвать от него. Помню, один клеветник шепнул ему: «Рерих вас продал», а Архип Иванович засмеялся: «Рерих мне цену знает...» Знали цену Куинджи.

На конкурсную выставку приехал Третьяков. Наметил для для Москвы Рущица, Пурвита и моего «Гонца». Было большое ожидание. Наконец, Третьяков подходит: «отдадите «Гонца» за 800 рублей» А он стоил тысячу, о чём говорить! Пришёл Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что «Гонец. Восста род на род» - первая из серии «Славяне». Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер и серия распалась.

«Сходятся старцы» - в Калифорнии. «Зловещие» - в Русском Музее. «Поход» - не знаю где. Только «Город строят» Серовым и Остроуховым куплен в Третьяковку уже с Дягилевской выставки. Сколько шуму было при этой покупке. Ругали, ругали - потом привыкли. Розанов хорошо написал.

1937

Н.К. Рерих «Из литературного наследия». 1974 г.

МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

«... Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был и великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединённая, и только ближайшие его ученики знали глубины его души. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего, и, как только гремела полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих - голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Кажется, все птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: «Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя». Незабываемо было зрелище этого седого, улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками, - оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы, мы свидетельствовали, как малые пташки сидели рядом с воронами, и те не вредили меньшим со братьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была - помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самых прославленных наших художников исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трёх больших домов. Излишне говорить, что, конечно, всё своё богатство он завещал народу на художественные цели».

Так вспоминалось в записном листе «Любовь непобедимая». А в «Твердыне пламенной» сказалось: «Хоть в тюрьму посади, а всё же художник художником станет» - говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!» Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришёл к Куинджи с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству». «Сколько вы часов на службе?» - спрашивает художник. - «От десяти утра до пяти вечера». - А что вы делаете от четырёх до десяти?» - «То есть как от четырёх?» - «Именно от четырёх утра». - «Но я сплю». - «Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушёром в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато всё утро от четырёх до девяти было в моём распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырёх каждый день».

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпаска стада, трудом и развитием таланта занял почётное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нём ответы, полные осознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное - избегать всего отвлечённого. Ведь в сущности оно и не существует, так же как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии Художеств Общество Поощрения Художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству.

Но Куинджи твёрдо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек всё успеет, зрячий всё увидит, а слепому всё равно картин не писать».

Сорок лет прошло с тех пор, как ученики Куинджи разлетелись из мастерской его в Академии Художеств, но у каждого из нас живёт всё та же горячая любовь к Учителю жизни. В каждой статье об искусстве приходят на память всегда свежие заветы Учителя, уже более четверти века ушедшего от земли. Ещё в бытность нашу в Академии Щербов изобразил в карикатуре нашу мастерскую; для обстановки Щербов взял мою картину «Сходятся старцы»¹, но карикатура лишь подчеркнула нашу общую любовь к Учителю. Когда же в 1896 году Президент Академии обвинил Куинджи в чрезмерном влиянии на учащихся и потребовал его ухода, то и все ученики Куинджи решили уйти вместе с учителем. И до самой кончины Архипа Ивановича все мы оставались с ним в крепкой дружбе, и в сердечном взаимопонимании и содружестве.

И между собою ученики Куинджи остались в особых неразрывных отношениях. Учитель сумел не только вооружить к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству. Сам Куинджи знал всю тяготу борьбы за правду. Зависть сплетала о нём самые нелепые легенды. Доходило до того, что завистники шептали, что Куинджи вовсе не художник, а пастух, убивший в Крыму художника и завладевший его картинами. Вот до чего доползала змея клеветы. Тёмные люди не могли переварить славу Куинджи, когда статья о его «Украинской ночи» начиналась словами: «Куинджи - отныне это имя знаменито». Писали о Куинджи и дружили с ним такие люди, как Тургенев, Менделеев, Достоевский, Суворин, Петрушевский. ... Одни эти имена уже обостряли язык клеветы... Но боец был Куинджи, не боялся выступать за учащихся, за молодых, а его суровые, правдивые суждения в Совете Академии были грозными громами против всех несправедливостей. Своеобычный способ выражений, выразительная краткость и мощь голоса навсегда врезались в память слушателей его речи. В недавних газетах сообщалось, что в Русском Музее отведён целый зал произведениям Куинджи. Народ помнит о своих ценностях.

Хранят нерушимо память об Учителе и все разлетевшиеся ученики, укрепившие имена свои на страницах истории искусства.

Вильгельм Пурвит стал прославленным художником и главою Академии Латвии. Чуткий колорист Пурвит, как никто, запечатлел весеннее пробуждение природы. Передал снега, обласканные солнцем, и первые листья берёз, и звонкие ручьи... На днях в газете «Сегодня» Пурвит говорил о красотах Латгалии; читая его ласковые слова о родной природе, мы опять видели перед собою славного, углублённого Пурвита, точно и не было прошедших сорока лет. Привет Пурвиту.

Фердинанд Рушиц стал корифеем польского искусства. Старый город Краков гордится им, и во многих странах знают его героические произведения. Именно героичность в картинах Рушица, и в пейзажах, и в старинных городах, и в самих твёрдых уверенных красках утверждена сила художника. В 1903 году в Вильне последний раз встретились с Рушицем, но словно бы и не пробежали эти десятки лет.

Привет Рушицу.

---

¹ Картина теперь в Калифорнии (примеч. Н.К. Рериха)

Аркадий Рылов укрепил себя на одной из лучших страниц русского искусства. «Зелёный шум» Рылова обошёл все художественные издания. Русские музеи хранят его картины, а многие ученики его сохраняют о нём сердечную память. Работали мы с Рыловым и после Академии семнадцать лет в Обществе Поощрения Художеств. Как прекрасно вёл он свои классы и как любили его ученики! Русскую природу он любит, и знает, и умеет передать эту несломимую любовь своим ученикам. Рылов - заслуженный деятель искусства - ещё недавно после смерти Горького так прекрасно писал в «Красной газете» о памятнике великому писателю и о народном творчестве. Рылов умеет ценить народные сокровища. Уже шестнадцать лет не виделись мы, но, как вчера, вижу дорогого друга.

Привет Рылову.

Николай Химона подтвердил собою лучшие основы Греции. И с ним мы работали шестнадцать лет в лучшем согласии. Он умел хранить заветы Учителя. В 1930 году в Лондоне была его посмертная выставка. Сильны и свежи были его пейзажи. Снега, реки, весенние холмы, а также и знаки дальней его родины Греции.

Привет Химоне.

Константин Вроблевский любил Карпаты, Украину. И с ним дружно работали мы в Школе Поощрения Художеств. Верный во слове, твёрдый в работе, Вроблевский был близким для учащихся.

Привет Вроблевскому.

Константин Богаевский, певец Крыма, дал свой неповторенный стиль. Помнится статья Волошина о Богаевском. Незабываемы характерные скалы и старые башни Тавриды, и совершенно особая схема колорита.

Привет Богаевскому.

И Латри любил Крым. Элегия и величавость запечатлены в его картинах, и глубоком тоне и спокойе очертаний. Слышно было, что Латри был в Париже и увлекался прикладным искусством. Едино искусство, и всюду должно внести красоту жизни.

Привет Латри.

Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далями - полными его настроения. Странники по лицу земли уходят за холмы, блестят степные речки, залегли курганы и шепчутся тёмные сосновые боры.

Привет Зарубину.

Не знаю, где Борисов - поэт Севера, баян льдов и полуночного солнца. Где Кандауров? Помним его «Скифскую могилу» в Музее Академии. Где Калмыков? Где Бовар? Педашенко? Воропанов? Но если бы встретились, то сорок лет минуло бы незаметно. Ничто неприятное не может войти между учениками Куинджи. Свежи заветы Учителя.

В Индии почтен Учитель - Гуру. Приходилось много раз писать о Куинджи, и друзья-индусы сердечно понимали память об Учителе.

Привет всем друзьям, ученикам Куинджи! Немалый, но незаметный срок - сорок лет.

15 Октября 1936 г.

«Урусвати», Гималаи

«Листы дневника», т.2

ОЦЕНКИ

Нововременский Буренин как-то повадился в нескольких своих фельетонах в связи с Горьким и Андреевым ругать и меня. Мы, конечно, не обращали внимания на этот лай. Но Куинджи был иного мнения. Он сохранял своего рода пиетет к печатному слову и считал, что буренинская ругань мне должна быть чрезвычайно неприятна. Как я его ни убеждал в противном, он всё-таки твердил: "Что ни говорите, а это очень нехорошо. А главное в том, что если Буренин начал, то уж не отстанет". Я предложил Куинджи, что остановлю эти наскоки, но Куинджи только качал головой. В скором времени мне посчастливилось в театре встретить Буренина. На его традиционное "как поживаете?" я ответил: "Живу-то хорошо, но уж больно злы люди". "А в чём дело?" - осведомился Буренин. "Да вот вы меня сейчас часто поминаете, а люди ко мне пристают с вопросами, сколько я вам заплатил". Буренин даже глазами заморгал и с той поры никогда даже не упоминал меня. Куинджи много смеялся, узнав о происшедшем.

Однажды Куинджи вернулся после обеда у Альберта Бенуа очень огорчённый. Мы стали спрашивать его, в чём дело. "Это дело в том, что опять сказал, что не следовало бы. Григорович при всех начал уверять, что он первый хвалебно писал о моих картинах. А я не удержался и сказал, что он называл мои картины сапогами. Он, бедный, так и осунулся. Мне не следовало напоминать ему. Пусть бы себе думал так, как ему сейчас хотелось". То же самое приходилось испытывать и каждому из нас. Помню, как наш друг Селиванов начал уверять, что он первый хорошо написал о моём "Гонце". А я ему совершенно не к месту напомнил, что именно он "Гонца"-то и обругал. Получилось совсем нехорошо, и в памяти встал эпизод Куинджи - Григорович. Русский народ сказал правильно: "Кто старое помянет, тому глаз вон". Мало ли что бывает. Тот же народ говорит: "Быль молодцу не укор". Можно припомнить многие перемены мнений. Где-то в архивах, склеившись, как кирпичи, останутся засохшие газетные листы. Говорят, что обычно оценки меняются три раза в столетие, как бы вместе с поколениями. Но это не совсем верно, оценки меняются гораздо чаще. Русский народ тоже сказал: "Прост как дрозд, нагадит в шапку и зла не помнит". Люди изобрели многие слова, чтобы покрыться в своей изменчивости: "недоразумение, недоумение, покаяние, а в лучшем случае ошибка".

(1937 г.)

Листы дневника, т. 2. М., 1995 г.

КОРМОН

Нужно сказать, что Фернанд Кормон несколькими своими указаниями заложил многое незабываемое. Некоторые его считали неисправимым академиком и очень формально сухим человеком. По моим наблюдениям, это было не так. О себе Кормон говорил очень показательно: "Если бы мне пришлось начать снова, я бы сделался скульптором". Действительно, когда вы рассматриваете в Люксембургском музее его "Каина", вы понимаете всю тонкость суждений Кормона о себе. Красок он не знал, но в то же время он очень поощрял краски в учениках. Рассматривая мои эскизы, он сказал: "Мы слишком изощренны (рафинированы) - мы у Вас будем учиться". Затем когда как-то я

сказал ему, что люблю не столько работать на глазах у всех в общей мастерской, сколько наедине, он как-то сочувственно улыбнулся и сказал: "Все наши школы - чепуха (blague), человек становится художником, когда остаётся один. Если имеете средства - возьмите мастерскую, работайте один и приносите мне этюды. С удовольствием и я к вам зайду". Согласитесь сами, что такое суждение довольно необычно для сухого члена Института, каким для многих представлялся Кормон. Нельзя не вспомнить, как Сарджент, познакомившись с некоторыми членами Королевской Академии, с удивлением заметил: "Они оказались гораздо более человечными, нежели можно было предполагать".

Ученики знали как бы двух Кормонов. Один приходил в Академию, сурово поправлял рисунок и не вдавался ни в какие рассуждения об искусстве. Другой же Кормон приглашал к себе некоторых учеников, и в праздничные дни у него собиралась целая оживлённая группа, встречавшая совсем другого Кормона. В эти минуты подчас он мне напоминал Анатоля Франса. Не скупился на очень меткие и тонкие определения. Умел похвалить, но в то же время успевал бросить какое-то ведущее слово. Приносили к нему напоказ всякие работы и рисунки, и масляные этюды и эскизы, от законченных и до самых зачаточных. Из моих эскизов ему нравились "Идолы", "Поход Владимира на Корсунь", "Волки", "Вороны" и эскизы для "Веча". Можно было ожидать, что краски идолов будут чужды Кормону, но он хотя и приговаривал "fagouche, fagouche" [*дикий (фр. – ред.)*], но всё-таки показывал остальным ученикам, одобрительно восклицая: "Это для будущего".

1937 г.

Лист дневника № 27.

Н.Рерих. "Зажигайте сердца", 1975 г.

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Во второй половине 1917-го года к нам в Финляндию начали приезжать друзья и сотрудники. Приезжала Добычина за картинами, ибо всё время на них увеличивался спрос по очень крупным ценам. И Арбенин тоже просил картин, – жаль, что он скоропостижно умер, и расчёты с ним все обрушились. Приехал и Химона от Совета и учащихся Школы. Были настойчивые приглашения и даже требования как можно скорее вернуться, ибо все сочувствовали моему проекту преобразовать Школу в Народную Академию. Передавали также о моей кандидатуре в министры изящных искусств. Но нездоровье – несноснейшая ползучая пневмония – даже и в прекрасном климате Карелии всё ещё давало себя чувствовать. Хорошо, что после 50 лет всякие лёгочные невзгоды потом прошли. Говорят, что это обычное явление. Но во второй половине Ноября я всё же поехал для обсуждения Народной Академии, которая уже с давних времён была мне близка.

Вспоминаю сердечную встречу с товарищами преподавателями и учащимися. Помню прекрасную беседу с Вольтером – было полное единение и понимание. Впоследствии, в 1926 году, Вольтер пришёл к нам в Москве и написал под псевдонимом Солин глубокую статью под названием: "Как свежи заветы Учителя". Хотелось бы встретиться с этой группой наших бывших учащихся, в которых прочно остались заветы, им переданные. Из нашей Школы Общества Поощрения Художеств, которая, в сущности, всегда и была истинно народной школой, было весьма легко развернуть Народную Академию.

Следовало прибавить лишь несколько мастерских, дать мастерские для оканчивающих Академию и наладить академические экскурсии для усовершенствования как за границу, так и по всем окраинам нашей обширнейшей Родины.

Наша Школа и без того была всегда внеклассовой, внерасовой и внепред-
рассудочной. Каждый мог учиться в любой отрасли искусства и совершенствоваться по своему свободному выбору. Не было требования о пребывании в каждом классе определённого времени, а кроме того, даже окончившие Школу (совершенно, как бывает во французских свободных мастерских) могли опять записаться и набивать руку в любой избранной ими отрасли. Особенно ценно было, что наряду с живописью, скульптурой и архитектурным сочинением каждый мог работать и в прикладных мастерских, которых уже и тогда было очень много. На фабриках, куда многие поступали после окончания мастерских, очень ценились наши ученики, вносящие в технику и принципы настоящего искусства. Тогда здоровье не позволило мне заняться идеей Народной Академии. Так легко была исполнима эта неотложно полезная мысль.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

ДРУЗЬЯ

Кроме друзей из живописно-художественного мира, всегда были близки ещё три группы - а именно зодчие, музыканты и писатели. На расстоянии многих лет часто даже вообще невозможно вспомнить, как именно образовывались эти дружеские отношения. С зодчими, которые потом даже избрали меня членом Правления их Общества, дружба складывалась вокруг строительства. Пришёл Щусев - один из самых замечательных архитектурных творцов. С ним делали мозаику для Почаева, часовню для Пскова... С Покровским делали Голубевскую церковь под Киевом, мозаики для Шлиссельбурга. Иконостас для Перьми. С Алёшиным делались богатырские фризы у Бажанова... Много чего делалось, и керамиковые фризы для Страхового Общества, и панно для модели в Ницце, и панно для Правления Московско-Казанской дороги... А там уже начинался храм в Талашкине с М. К. Тенишевой... После подошёл тоже замечательный архитектор Щуко... Была дружба с Марианом Перетятковичем, который один из первых воспринял идею охранения Культурных ценностей...

Музыкальный круг образовывался и около Елены Ивановны, о которой её профессор Боровка говорил, что она могла иметь блестящее будущее пианистки. Так же и Степа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром. В нём были заложены крупные музыкальные способности. Семья Римских-Корсаковых... Стравинский, который потом пришёл за сюжетом для совместного создания балета, из чего выросла "Весна Священная". В 1913 году Париж надрывался в свисте, осуждая "Весну", а через несколько лет она вызвала столь же сильные восторги. Таковы волны человеческие. Пришёл Лядов со своим даровитым сыном, который потом у нас работал в Школе. Жаль, что молодой Лядов был убит в начале войны, из него вышел бы большой художник. Вообще семья Лядовых была утонченно даровитая, и чувствовалось, какие они были к тому же и хорошие люди. Штейнберг, зять Римского-

Корсакова, посвятил мне прекрасную увертюру к "Сестре Беатрисе". Затем приближался барон фитингов и даровитые Завадские. Много встреч, также много было их и за границей.

Из писателей - дружеские отношения с Горьким, Леонидом Андреевым и с некоторыми корифеями старшего поколения. Мы любили и ценили Мережковского, и если бы он написал лишь одного Леонардо да Винчи, то уже был бы великим писателем. Особые отношения были с А. М. Ремизовым. С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его "Жерлицу Дружинную". Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны. Он не только мастер слога, но и ведун души. Много встреч.

[1937 г.]

Н.К. Рерих. Листы дневника, т. 2. 1995 г.

20 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
20-СЕНТ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Посылаем ещё два приветствия – от Валисинга (генерального секретаря Общества *Маха-Бодхи*) и Тампи из южного Траванкора. Конечно, Вы будете читать и печатать Валисингу [и] лишь *ПРИВЕТСТВИЕ* от Тампи, а копию его *ПИСЬМА* сохраните в архиве. (Фотографию, помянутую в письме, дошлём после, при случае.) Очень жаль, что из далёких мест Индии так медленно получают ответы, а кроме того, в летнее время общества, как, например, Королевское общество Бенгала, закрыты. Впрочем, главный смысл в оповещении. Весьма любопытно, что из Адьяра от Арунделя ещё не было ответа. Если тако-го и не будет, то при случае можно будет сказать добрейшим теософам, что на приветствие и на доброе приглашение президент вообще не отвечает (если только ответ не был направлен помимо нас прямо Вам). Если бы получались какие-либо приветия Вами прямо из Индии, то, конечно, Вы нам о них сообщите. *Кстати, если бы у кого-то возник вопрос о бывшем праздновании в Нью-Йорке в 1929 году сорокалетия, то Вы можете иметь в виду, что теперь 40-летие окончания Академии, 1897, и 50-летие общекультурной деятельности (в 1887 году были первые археологические раскопки и первые статьи), а в Америке считалось от 1889 года, когда были первые художественные выступления в журналах.* Конечно, Вы, как библиограф и биограф, и без того знаете эти сроки, но на всякий случай повторяем их, ибо люди иногда очень любят расспрашивать. Очень надеемся на присылку Вам ещё ряда клише из Америки. Удивляемся, что Шклявер в своём письме от 5 сентября уже не поминал вообще о клише из Парижа. Он прислал копию своей статьи для монографии, посвящённой Пакту, которая вполне для монографии пригодна. Спасибо за листовки о монографии. Она вышла очень удачно и вполне входит в число каталогов *Угунса*. Кстати, из какой именно моей статьи взята первая цитата? Вы будете смеяться, но мы совершенно не могли её локировать^[1]. В будущий понедельник, 27-го числа, уже будет последний срок посылки Вам отсюда письма, чтобы оно дошло ещё к десятому. Если будут какие-либо запоздалые приветствия, мы телеграфируем имена, и Вы можете объявить Конгрессу, что они в пути. Сегодня мы были рады узнать из газет, что здоровье Тагора понемногу

поправляется. Дай Бог. Просим всех сочленов всех групп помочь Вам и правлению в деле Конгресса. Много раз приходилось устраивать подобные съезды, и мы отлично знаем, сколько хлопот и трудов сопряжено с ними. Шлём Вам, супруге Вашей и всем нашим милым сотрудникам сердечные пожелания всего Светлого.

Сердцем и духом с Вами, *Н.Рерих*

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

23 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
23-СЕНТ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Спасибо за Ваше письмо от 11 сентября и дополнительные приглашения, которые мы все уже разослали. Посылаем Вам при сём ещё семь ответов, таким образом, получается прекрасное суждение от лучших культурных деятелей этого континента. Приветствие проф. Сунити Кумар Чаттерджи считайте также и покрывающим Калькуттский университет и Королевское Азиатское общество в Бенгале. Некоторые, как видно, посылают Вам прямо.

Посылаем Вам статью из здешнего самого большого журнала *Модерн ревью*^[1].

Очень интересно Ваше сведение о рижской радиопередаче. В Дели 10 октября в 10 часов вечера по центральному индийскому времени состоится подобная же передача, которую сделает Рам Чандра Тандан (редактор журнала Индустанской Академии и секретарь нашего Аллахабадского центра), – Дели имеет волну 340,13м и знак VUD. Письмо к Б.К. Рериху, пожалуйста, перешлите с обратной распиской по его адресу. В конце концов, если его вскроют, то будет ещё лучше, ибо, кроме энтузиазма о культурных достижениях, там ничего не найдут. Наверное, Вы приглашаете на 10-е также Общество культурных сношений в центральном городе. Было бы ладно получить хотя бы привет. На такие культурные сношения ведь никто не может сетовать.

Мы просили Тандана дать нам копию его радиопередачи. Было бы хорошо включить в книгу приветствий как его, так и Вашу радиопередачи.

Вполне одобряю все Ваши предположения в связи с беседами с Либертом. Прекрасно, что сама монография будет изготавливаться без торопливости и, таким образом, многие подробности могут быть и обсуждены, и применены вовремя. Интересна мысль о нескольких, как Вы говорите, снимках из жизни. Подберём кое-что и пошлём, а размер и места для помещения уже установят художественные редакторы. Конечно, можно взять несколько чёрных заставок и концовок из монографии 1916 года и книги Эрнста. Кроме того, если найдётся ещё что-либо, пришлём. Сейчас прилагаю заставку из *Арчера*. Что касается обложки, то если Вы хотите следовать типу монографии 1916 года, то можно было бы оттиснуть медаль золотом по тёмно-синему, а узенький бордюр можно взять хотя бы из той же монографии.

Знак *Агни* на титульном листе и на корешке переплёта не нуждается ни в каких добавлениях, ибо знак издательства или организации лучше оставлять как он есть. Наверное, в виде концовок можно употребить и знаки учреждений *Мастер Институт, Корона Мунди, Пресс, Урусвати, Фламма* (на последней странице третьего тома *Урусвати* имеются большинство из этих знаков), а знак *Фламмы* Вы теперь имеете. Если ко времени подойдёт знак *Арсуны* (Чаша), то можно включить и его.

Очень тронуты Вашим желанием согреть издание. Пришлём Вам ещё несколько фотографий на выбор, которые можно бы дать хотя бы в виде фрагментов. Такие частичные воспроизведения действительно вносят в монографию особый характер. Так как издание монографии будет протекать без спешности, то Вы успеете прислать нам и некоторые корректуры – которые мы успеем вернуть или, в случае надобности, о них телеграфировать. Как видите, все возникающие у Вас соображения нам весьма близки, ибо Вы мыслите тем же художественным путём, как и мы. В этом-то и есть ценность объединённых сознаний. Из этого же источника рождается и убеждение, что истинный сотрудник сделает всё так, как лучше, так, как возможнее по местным обстоятельствам.

Рады слышать, что сенатор откроет заседание. Сердечный привет ему от нас. Сегодняшняя почта будет предпоследней до 10-го. Мы пошлём ещё в понедельник, 27-го, – будем надеяться, что и тот пакет ещё подоспеет вовремя. А там, если нужно, уже снесёмся телеграфно. Из кого будет состоять секретариат Конгресса – ведь потребуется очень много напряжённой работы в таких случаях.

Шклявер пишет, что им посланы клише, находившиеся в Центре. От Цитрона он не может добиться ответа. Но сегодня мы пишем ему, чтобы он ещё раз попытался твёрдо и спешно написать Цитрону. Такое молчание Цитрона странно – какие могут быть особые причины к такому молчанию, когда продажа или аренда клише могла бы быть ему лишь выгодна.

Огромное значение для Общества будет иметь Конгресс. Общество сразу входит на международную ступень, и границы деятельности прекрасно расширяются. Народятся новые друзья, обнаружатся новые мракобесы, всё это сопровождает расширение деятельности. Ещё раз просим всех членов Общества и групп, и старших и новых, дружно помочь Вам и правлению, во всех многообразных подробностях Конгресса. Пусть и женские руки помогут – всем, всем, всем будет много дела, ибо улучшать, и углублять, и расширять можно безбрежно.

Мы только что получили расписку из библиотеки центрального города о получении отсюда посланных нами изданий. Большое спасибо о Вашей заботе перебросить туда книгу Всева Иванова и проспекты. Сношение с Обществом культурных сношений может быть очень полезно. Шклявер восторженно отзывается о Художественном театре и хоре, дающем концерты. Всего Вам светлого – Все мы в мыслях и в сердце с Вами всеми.

Н.Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

24 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
24-СЕНТ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Вчера получили английско-французский проспект о монографии и заметили в нём несколько опечаток, могущих вызвать нареkanie. Спешим сегодня же воздушной почтой послать один исправленный экземпляр и посылаем телеграмму, чтобы предупредить Вас.

Спешим поспеть на воздушную почту, Всего светлого,

Н.Р.

В строке о подписке, как увидите, имеются опечатки, потому, может быть, лучше вообще эту строку пока не печатать, так как цена ещё не выяснена.

Вполне понимаем причины сохранения названия Общества друзей Музея Рериха.

Через два дня высылаем ещё сорок фотографий, фрагментов и картин, предоставляя художественным редакторам выбор. Также посылаем отличную статью Голлербаха для включения в русскую монографию между Бурлюком и следующим.

В случае недоразумения с французским языком лучше справиться во французском консульстве – там всегда любезно помогают.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

24 сентября 1937 г. Рига

Приветствие Латвийского общества Николаю Рериху²

24. IX. 37

**Нашему любимому Наставнику
в постижении Истины и в претворении
жизни в высшее Благо.**

Водителю,

**ведущему нас под знаком Прекрасного –
под Знаменем Мира и Культуры в Эпоху Светлого Будущего.**

Другу сердечному,

**сердце которого постоянно открыто для нас,
в котором мы находим всегда слова ободрения и совета,
улыбку поощрения и вдохновения, –**

Николаю Константиновичу

**посылаем свой сердечный привет и
наилучшие пожелания к полувековой Вашей деятельности
на Благо человечества.**

Общество им. Рериха в Риге

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

---

² «50-летие общекультурной деятельности (в 1887 году были первые археологические раскопки и первые статьи)» Н.К. Рерих

27 сентября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
27-СЕНТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Итак, это уже последнее письмо до Конгресса. Прилагаем ещё два привета от Сиривардхана (бывшего редактора *Маха-Бодхи Журнала* в Калькутте и *Буддиста* на Цейлоне) и от Банкей Бехари (издателя *Храма Мистицизма*). Очевидно, что дальнейшие, которые мы послали гораздо позднее, уже не дойдут, а если бы кое-что и дошло, то мы телеграфируем имена авторов приветствий, которые можете прочесть на Конгрессе. Прилагаем список полных имён тех, кому послано, и подчёркиваем то одно имя, которое для краткости будем телеграфировать. Также посылаю статью Э. Голлербаха, которую Е.И. считает чрезвычайно полезной для включения в русскую монографию. Если бы по размеру, кроме бывших уже четырёх статей, она оказалась бы слишком объёмистой, то лучше исключить Мишеева. Впрочем, может быть, и всё уместится, – опять-таки Вам на месте виднее. Голос Голлербаха, как голос оттуда, имеет особую ценность. Также посылаю Вам список сорока пяти фотографий, посылаемых паровой почтой. Иногда художественные редакторы любят вещи разных периодов и фрагменты и таким порядком могут выбрать, что им по их редакционному плану полезно. Конечно, все эти фотографии можете сохранить в витрине или в альбоме Музея. Может быть, подоспеет и снимок с Портрета Е.И., писанного Святославом. Если для выполнения монографии потребуется от 4–5 месяцев, то полагаю, что и этот снимок подоспеет.

Вы писали, что картины были протоколированы как моя собственность. Между тем они представляют собственность Е.И. Поэтому после Конгресса в какой-либо удобной форме запротоколируйте и это обстоятельство. К тому же на всех документах, сопровождавших последнюю посылку, собственность Е.И. была указана, и тем легче Вам будет как-то запротоколировать это. Злоупотребления Хорша таковы, что он не останавливается перед любой мерзостью. Если тёмные и не надеются на свою конечную победу, то всякое творение мерзостей составляет их питание и основу существования. Ведь и Вы, и Гаральд Феликсович отлично знаете, каковы бывают попытки атак на Вас всяких тёмных существей. Всевозможная осмотрительность рекомендуется с такими мерзкими тварями.

Конечно, вопрос о поднесении картины Вы решите на месте, как лучше. Что касается приезда Рудниковой, то обратите внимание, не приедет ли с ней некто Пеаль, ибо доверительно можно сказать Вам, что имеем о нём весьма отрицательные сведения. Доверять совершенно невозможно ему, и было бы очень жаль, если бы он оказался около Рудниковой. Воображаем, сколько у Вас всяких хлопот и сколько недоразумений нужно выправлять во благо. Это школа жизни, и единение основной группы есть верный залог успеха. Да будет Вам всем светло – привет от Е.И. и всех нас. Всегда сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

ОКТАБРЬ

1 октября 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India / 1-ОКТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Это письмо дойдёт к Вам уже после Конгресса. Вот как бежит время. Пусть будет у Вас светло. Верим, что все сочлены дружно приложили помощь свою к такому знаменательному шагу Общества. Мы только что получили от Шклявера сведение, что Всеволод Никанорович Иванов из Шанхая приехал в центральный город. Никаких подробностей этого приезда мы не знаем, но, во всяком случае, он интересен и может быть полезен. Конечно, Вы знаете, что имеется и другой Всеволод Иванов, который ещё недавно с делегацией прессы был в Риге, – таким образом, не должно произойти недоразумения в именах. Если Всеволод Никанорович Иванов уже находится там, то можно бы через шведского консула у Вас переслать ему его книгу. Так как Александр Иванович уже бывал в консульстве, то, может быть, он наладит и эту посылку. Вполне естественно, что издательство посылает книгу автору. Кстати, установится и последний его адрес, который желательно иметь, ибо сношения могут быть вполне полезными. Имейте в виду, что в 1930 году Бурлюк переслал 300 экз. своей книги для библиотек туда и говорил, что всё не только дошло сохранно, но и были соответственные ответы. Это сведение может пригодиться Александру Ивановичу при переговорах. Поминаем в связи с этим Александра Ивановича только потому, что он уже бывал в консульстве, но ведь мы не знаем, чем в конце концов окончились его сношения. Может быть, после Конгресса возникли какие-либо другие связи, и Вы признаете за лучшее, что какой-либо иной канал полезнее и удобнее. Так многое всюду зависит от местных условий. Во французской газете, издаваемой в Варшаве, только что прочли симпатизирующую статью к 60-летию президента Латвии. Прилагаем её. Жаль, что текст телеграммы от Свами Садананда, который мы прилагаем, уже не попадёт к Конгрессу, но для сборника приветствий этот голос индусского философа очень ценен по сердечности. Жаль, что болезнь Тагора воспрепятствовала его отклику. Он лишь постепенно поправляется.

Для монографии, мы считаем, у Вас теперь матерьяла более чем достаточно, и художественные редакторы могут планировать от больших картин и до фрагментов и малых заставок. Не будем удивляться, если и тёмные силы своеобразно приняли участие в Конгрессе. Ведь каждый выражает своё участие на своём языке. Но Вы все уже закалённые воины и знаете, что тёмные силы более всего бывают поражаемы Бирбаловой стрелой, или, как мы называем, Бирбаловой линией. Для них особенное поражение в том, когда они видят нерушимое продолжение культурной работы. Писарева уже не может сама писать – сердечно жаль её. Неужели Арундель не ответил ни сюда, ни Вам прямо, – это было бы фактом неприличным. Посылаю копию моего письма к Писаревой для Вашего личного сведения. Будьте светлы и непобедимы. Е.И. и все мы в мыслях с Вами.

Сердцем и духом,

Н.Рерих

*Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.*

1 октября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой.

1-ОКТ-37

Добрый Друг наш – Елена Фёдоровна,

Большое спасибо Вам за сердечное письмо от 19 сентября. Опечалились мы, видя, что Ваше предположение о зрении Вашем оправдывается. Хорошо, что около Вас находится близкая любящая рука, которая поможет Вам сберечь силы Ваши, так нужные для Вашей неустанной благородной добротворческой работы. Рады мы слышать, что Вы откликнулись на приглашение наших балтийских друзей. Именно такими взаимно дружелюбными утверждениями и создаётся истинное сотрудничество. Слышал, что друзья наши ожидают ответ от Арунделя на их приглашение. Если бы ответ не последовал, это было бы во многих отношениях весьма прискорбно. Мы можем сказать чистосердечно, что наши друзья – Ваши друзья. Мы очень рады слышать от Вас, что и Ваши друзья – наши друзья. О работе по Пакту, о которой Вы пишете, мы ещё ничего не слышали; будем надеяться, что она протекает благополучно. В наши тревожные, смущённые дни, когда мировой Армагеддон гремит повсюду, особенно нужно всячески утверждать взаимопонимание и направлять «боевые» наклонности по лучшему руслу. Ещё недавно один теософ в Европе утверждал, что я провёл несколько лет в сумасшедшем доме. Выдумка почище харбинских мракобесов. Бедняга упустил из виду, что в моих биографиях указана моя деятельность за каждый год, чуть ли не за каждый день, и, таким образом, не остаётся никакого времени для пребывания в том месте, в которое мечтал бы поместить меня этот клеветник. Когда мракобесы толкуют чуть ли не об антихристе, тогда можно лишь улыбаться. Но ложь в устах теософа уже совершенно недопустима. А если бы Вы видели, какие письма иногда получает Елена Ивановна. Увы, последнее такое «письмо» из Берлина было подписано каким-то теософским псевдонимом. Будем надеяться, что какие-то мракобесы подделываются под теософический стиль. От нас исходит лишь доброжелательство, и тем более невероятно, если взамен встречается враждебность. Спрашивается, какие же тёмные силы заботятся о порождении ненависти. Срам для человечества.

Будем думать, что всё это гроыхание есть лишь пережиток чего-то уже проходящего. Тем ценнее для нас слышать из Ваших писем о добрых знаках и желании общей доброй работы. Вы спрашиваете о книге *Биография Е.П.Б[лаватской]*. Мы получили её и весьма изумлялись. Ничего дурного в ней не содержится, но вся она состоит из общеизвестных сведений и решительно ничего нового в ней не сказано. Поэтому странно звучит сообщение о том, что матерьялы для этой книги впервые почерпнуты из доселе недоступных источников. Мы купили книгу в Адьяре, и нам прислали её с вычеркнутым красным карандашом заявлением издательства о том, что матерьялы взяты из архивов Адьяра. Во всяком случае, книгу нельзя классифицировать как вредную, ибо в ней никакого умаления или клеветы не содержится. Для людей, которые ранее не читали в разных источниках о подвижнической деятельности Е.П.Б[лаватской], и эта книга будет весьма полезна, хотя по цене и немногим доступна. Ведь главное, чтобы не было каких-то умалений, подковырок и подозрений. В этом смысле иногда родственники самой Е.П.Б. грешили больше, нежели посторонние писатели. Впрочем, к сожалению, нередко родственники

судили несправедливо. Достаточно вспомнить, что писали сыновья Толстого о своём великом отце. Недавно нам прислали проекты ныне возводимого огромного Института экспериментальной медицины в Москве. А теперь мы слышим, что ещё основан Институт изучения индо-тибетской медицины. Вы понимаете, куда направляется мышление. Ведь восточная медицина привлечёт изучение и философии. Елена Ивановна убеждена, что на Родине будет и Институт имени Е.П.Б[лататской]. Ещё не хватает, чтобы Теософское общество стало бы преследовать за почитание великой соотечественницы и *РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕЁ ТРУДОВ*. Сейчас происходят в мире такие странности, что за Христа будут преследовать христиане. Хотя некоторые харбинские мракобесы-церковники совершенно безнадежны в своём невежестве, но, конечно, в других странах имеются и просвещённые иереи. Владыку Евлогия я знаю давно. Была дружба с покойным Платоном в Америке. Особенно близок был о. Г. Спасский. Только что нам писали из Парижа, что о нём вышел памятный сборник, в котором имеется и моё слово. Очень ценили мы и о. Солнцева в Финляндии. А вот всякие Аристархи Понамарёвы и Иваны Шаховские не понимают значения слова *добротворствовать*. Фотографию Елены Ивановны можем прислать, как только её получим. Обычное явление: у самих нет того, что сами сделали. То же самое и со многими книгами бывает, когда именно автор их не может достать. Спасибо дочери Вашей за посредничество в письмах. От всего сердца шлём Вам наши душевные пожелания.

Сердцем и духом,

Н.Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**4 октября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
4-ОКТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

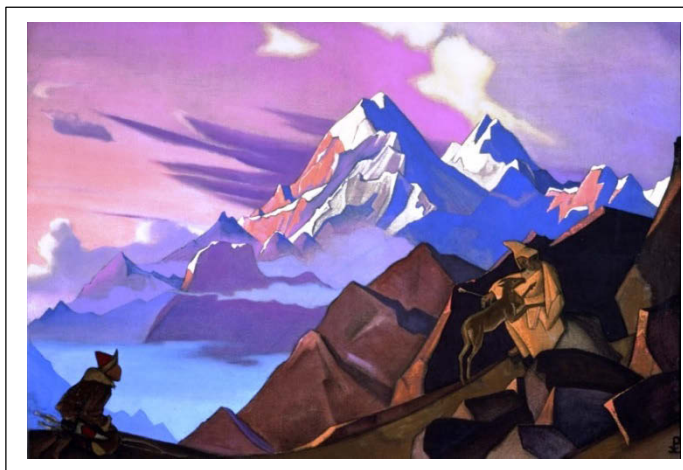
Посылаем Вам ещё серию поздравлений, имена авторов уже сообщим телеграфно. Получили мы также речь Тандана, которая будет из Дели передана по радио. Как только будет свободная минута, копия её будет Вам послана, может быть, решите включить её в сборник приветствий. Сейчас мы получили из Америки письмо, сообщающее, что одна большая нью-йоркская галерея очень хочет устроить в марте 1938 года мою выставку. Полагаем, что к марту и монография подоспеет, и это было бы прекрасным совпадением. Конечно, монография могла бы и продаваться при выставке. Пожалуйста, сообщите нам, когда именно по предположению Либерта можно ожидать выхода издания. Теперь, надо надеяться, все матерьялы уже собраны, и даже если бы мисс Грант прислала мало дополнительных клише, то всё же со всеми присланными фотографиями матерьял разнообразен. Мы получили сведения от Тандана, что и он и Виаса получили от Вас Вашу книгу *Культура*. Можно порадоваться, что таким порядком завязываются истинно дружеские сношения. В октябре будут выходить номера ежемесячников и газет со статьями, составитесь любопытная коллекция. В последнем номере *Теософиста* мы прочли совершенно

невероятное известие, что Ману натравил Японию на Россию. Если адьярский Ману занимается такими человеконенавистническими действиями, то с таким Ману, конечно, не по дороге. Очень прискорбно, что во всех последних номерах *Теософиста* замечается целый ряд страннейших намёков и сообщений. При этом Е.П.Б. всегда оказывается или где-то на последнем месте, или вовсе не поминается. Очень печально, если председатель лицемерно пишет о дружбе и взаимопонимании, а в то же время занимается разложением и смущением. Не будем сейчас говорить о здешнем, ибо у Вас такое огромное количество происшедшего у Вас. Что решили сделать с книгою Всев. Иванова, чтобы протолкнуть её туда, где он сейчас сам находится? Имейте в виду, что Шклявер предполагает, а может быть, уже и двинул меморандум о Пакте по тому же направлению. Если конференция министров сама предуказывает о необходимости признания Пакта большою и, очевидно, близлежащею державою, то этим вполне естественно решается вопрос о меморандуме. Вам об этом нужно знать. Если были какие-то шведские визиты, то опишите их как можно подробнее, ибо в этих случаях каждый тон делает музыку. У Вас столько сейчас всяких новостей для нас, что, вероятно, и Вам самому, и Гаральду Феликсовичу, и Карлу Оттоновичу, и Фёдору Антоновичу, и Александру Ивановичу, всем хватит о чём-то важном сообщить. Все мы шлём Вам всем наши сердечные мысли – в сердце и духе с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

«Сердечно благодарим Вас за <...> прекрасно выполненное воспроизведение картины *Сострадание...*»

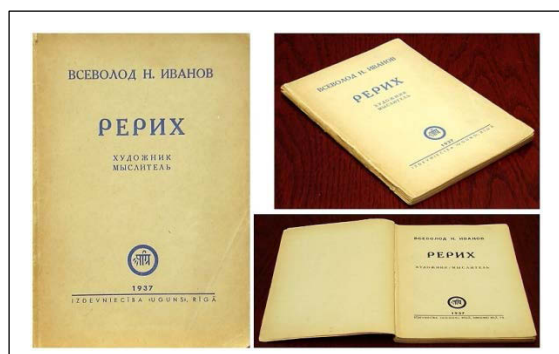
Н.К. Рерих. Сострадание. 1936.

**7 октября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
7-ОКТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,
Сердечно благодарим Вас за присланное приветствие и прекрасно выполненное воспроизведение картины *Сострадание*. Особенно небо и все даль-

ние планы замечательно хорошо вышли и лучше американских воспроизведений. Да ведь и в Париже открытки были воспроизведены хуже. Честь и слава Государственной типографии Латвии и Либерту. Пожалуйста, передайте правлению наш ответный привет, здесь прилагаемый. Да будет Вам всем светло.

Спасибо и за присылку двадцати экз. книги Иванова. Вышла она очень хорошо. Таким образом, она может послужить во благо и у Вас, и за границею. Следует несколько экземпляров послать в Русский музей на Михайловской площади в северном городе. При этом сообщаем Вам интереснейшее сведение, вчера вечером от Шклявера полученное. Сообщаю его в тех же словах, как пишет Шклявер: «Как раз в эти дни (примерно 21-го сентября) появилось сообщение о выставке Ваших картин в особом зале Русского музея на Михайловской площади. Этот факт символизирует как бы признание, которое Ваше искусство всё шире и глубже приобретает там. Именно на эту тему предполагаю я сказать слово на нашем собрании в Центре 10-го октября». Как видите, сообщение это чрезвычайно ко времени и должно быть всемерно хорошо использовано. Это есть ещё одна ступень культурных взаимопониманий и сношений, о которых столько говорено было за последнее время. Всякие визиты чинов Лиги Наций и министров есть не что иное, как стремление к тому же мирному взаимопониманию. Думаем, что несколько экземпляров книги Иванова можно будет Вам послать прямо на музей, а несколько туда же через консульство. Также, пожалуйста, перешлите с обратной распиской прилагаемое моё коротенькое письмо к Б.К. Рериху, в котором я лишь отмечаю тот же факт.

Посылаем Вам ещё приветы. Вот Вы санскритский привет имеете. Вероятно, это обстоятельство и задержало привет нашего друга Виасы, который нехстати эти же дни был ещё болен лихорадкой. Несколько приветов от наших испытанных друзей всё ещё не дошли. Единственная причина может быть или их отсутствие, или пропажа писем, которая здесь нередка, если письмо было не заказное. Спасибо Вам за копии приветствий. Поистине неожиданно всё происходит. Так, например, давая адрес английского поэта Боттомлея, мы вообще не были уверены в точности адреса, и даже сомневались, жив ли он. А ответ получился добрый. Писала нам Писарева, что она откликнулась на Ваше приглашение. Но, вероятно, её привет не попал ещё в серию копий. Если от Арунделя Вы всё же не получите приветов, то не мешает Вам при случае написать Писаревой своё по этому поводу недоумение и огорчение. Пусть видят, что неблаговоспитанность и враждебность вполне понятна. Пожалуйста, пришлите нам список всех, кому Вы посылали книгу Всев. Иванова, а также Вашу английскую *Культуру*, чтобы нам не повторяться. Так, например, мы послали *Культуру* Виасу и Тандану и получили очень дружеский ответ о том, что они от Вас уже получили эти книги и весьма ценят такое

двойное внимание. Мы уже писали Вам о выставке, предполагаемой в Нью-Йорке в марте. Может быть, теперь, когда весь материал монографии, вероятно, уже обозначился, Либерт может сообразить, когда именно монография выйдет. И для самой выставки, и для самой монографии такое стечение обстоятельств весьма полезно.

Среди присланных Вами копий приветствий, как всегда, приветствие Сеплевенко содержит несколько странных выражений. Может быть, его можно и не печатать в сборнике, ибо ведь предполагается, что не все же приветствия будут верbatim напечатаны. Наверное, будет приложен также и список имён тех приветствовавших, текст которых не вошёл в книгу. Приветствие Асеева, по-видимому, имеет в виду ещё Конгресс в Каунасе. Интересно, дослали ли из Югославии приветы и в Ригу, ведь они получили подписанное Вами приглашение вполне заблаговременно. Дальневосточные приветствия, как Вы замечаете, имеют несколько криптический характер, что вполне объяснимо местными ужасающими условиями. Вы можете себе представить, что там сейчас творится, когда всякие агрессоры и мракобесы окончательно распоясались. Сейчас мы нашим друзьям туда пишем лишь французские открытки без подписи такого содержания, которое может пройти через руки всех мракобесов. Впрочем, в этом случае вместо *рук* лучше говорить *через когти*.

Получили мы также трогательное приветствие от наших милых литовских друзей. Очень хорошо, что Вы и все латвийские сочлены чувствуете такое сердечное единение с литовскими группами. Гагемейстер из Таллина, вероятно, вообще слабо себе представляет всё происходящее, и Вы совершенно правы, что в Таллине можно говорить об Обществе, подобном Вашему, но никак не о секции при Обществе психических исследований. Вероятно, Асеев не вполне точно уведомил Гагемейстера о наших организациях. Вообще странно, что в Таллине существует какой-то разницей. Имеются добрые люди вроде Кайгородова, Таски, Цейдлер (Клары Фёдоровны) и несколько наших бывших учеников, но между ними, видимо, нет контакта. Да будет Вам всем светло, наши родные мужественные рыцари культуры. Сердечный привет всем.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**7 октября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. Jndia
7-ОКТ-37

Родной Боря,

Не знаем, дошли ли до Тебя два наших письма, но теперь хочется ещё дослать несколько строк. В «Правде» от 21-го сент. читаем, что в Русском музее мои картины собраны в отдельном зале. Не знаю, как лучше сделать, но хочется мне послать привет устроителям. Вероятно, ты знаешь, кто именно там теперь работает, и сможешь передать им мой сердечный привет. Напиши, пожалуйста, все подробности в связи с этим залом. Что именно вошло. Со своей стороны хотелось бы добавить что-либо из последнего периода. Да и Светик хотел бы дать мой портрет. Ты, может быть, уже слышал, что в близком буду-

щем выходит монография, в которую войдут статьи Бабенчикова, Голлербаха, Бурлюка, Всев. Н. Иванова. Кстати, не получил ли Ты статьи Всев. Иванова, которая до монографии вышла отдельной книгой. Если бы Ты написал куда лучше направить эти книги – мы были бы очень рады поступить по Твоему совету. Сведение о зале в Музее совпало с другими подобными же. В Риге расширился отдел наших картин, в Праге посвящён отдельный зал, в Музее Санта-Фе тоже отдельная группа, в Аллахабаде расширился наш зал, и тоже хотят сделать в Бенаресе и Траванкоре.

Всё это сконцентрировалось к сорокалетию окончания Академии. Получилось много трогательных знаков, а внимание русского народа сердцу моему особенно близко. Слышали мы, что прихварываешь, может быть этим объясняется и Твоё молчание. Все мы как всегда в напряжённой работе. Кроме указанных семейных обстоятельств, предполагается ещё одна большая выставка, и всё это требует много энергии. Шлём Тебе наши лучшие мысли и будем рады иметь Твою весточку (непреренно заказной почтой).

Всегда в мыслях с Тобю

Ник. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

8 октября 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к сотрудникам в Америку

8.X.37

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],
Пришли письма Зин[ы] от 13-го, 18-го и 19-го сент[ября] и от Мор[иса]
ещё из Санта-Фе от 19-го.

Масса сведений – особенно хорошо, что Генри и его друг действуют, по-видимому, энергично. Совершенно ясно, что апостаты могут быть потрясены лишь когда их атакуют, а главное, со стороны уголовной. Таким образом, выявятся ещё многие полезные обстоятельства, а кроме того, всем Вам удастся повидать ещё новых полезных лиц. Если справедливость не живёт в доме Франкенталера, то главный призыв должен быть к общественному мнению. Об этом говорилось уже много раз и так же упорно.

Все мы будем знать, что великая страна, прежде всего, держится общественным мнением. Проверьте некоторых друзей в разных секторах.

Поговорите с Уайтсайд, которая, в свою очередь, постоянно видит Дабю и прочих. Некоторые дальние друзья, если будут заброшены, то окажутся “сидящими на заборе”. Вы знаете это выражение, а долго усидеть на заборе нельзя, им придётся соскочить или в ту, или в другую сторону.

Спасибо Зине за присланные оповещения о новом reseivership'e. Полагаем, что апостаты получили его с обратной распиской и таким образом этот акт зафиксирован. Такой шаг адвокатов практичен, ибо, таким образом, будет хотя бы временная гарантия от всяких приуротовленных вандализмов.

Конечно, ни Вы, ни мы не сомневаемся, что такие вандализмы обильно приуротовлены и для них выжидалось лишь решение несправедливого

ref[eree]. Можно себе представить ярость апостатов, когда против них получились ещё три новых дела. Нужно надеяться, что у publisher'a хватит

рассудка понять весь масштаб дел, и он не впадёт в какую-то глупую ревность, видя удачную подвижность Генри. Такая ревность, если не назвать хуже, была бы мрачно разрушительна. Это было бы всё равно, если бы из Вас четверых кто-то стал бы восставать. Потому-то столько и говорится о Единении. Говорится это не потому, чтобы заподозривалось какое-либо разъединение среди Вас. После шестнадцати лет это было бы вообще немыслимо. Но всеобщее утверждение Единения есть как бы первое условие успешной обороны против всех сил тёмных.

Идея о литературном завтраке нам близка. Собрать художественный завтрак, вероятно, было бы невозможно, но после написания целого ряда книг, конечно, можно вполне рассчитывать и на литературное суждение. Во всяком случае, в каждом секторе существует своё преломление. Где есть упор на искусство, где на литературу, где на археологию, где на Знамя Мира.

Каждый судит по-своему. Только что к нам дошло из Парижа сведение о том, что Русский Музей в Ленинграде посвятил моим картинам особый зал. Это сведение заключает в себе глубокий смысл, и Вы, наверное, ему порадуетесь. Ведь это и есть то самое культурное продвижение, о котором мыслилось. Этот акт Музея совпал и с другим особым залом в Парижском Музее. Вообще подобные самодеятельные проявления чрезвычайно показательны.

Предполагаемая выставка у Рейнхарда тоже будет настоящим боевым выступлением. Для неё нужно предусмотреть множество всяких условий, чтобы апостаты не нанесли существенного ущерба. Думается, что Фламма, как передаточная, существующая в Нью-Йорке, инстанция, может быть в этом случае очень полезна. Как я уже и писал, такая корпорация может проявиться при всяких попытках к вандализму со стороны апостатов. Там, где разрозненные частные лица, может быть, не успеют собраться, там уже готовая корпорация, имеющая свою цель продвижение культуры, может вполне возвысить свой голос. Мы только что получили от пандита Виаса из Аллахабада очень сердечное письмо, в котором он радуется своему избранию почётным членом Фламмы. Такими путями ткётся благословенная ткань взаимопонимания и дружелюбия. Вероятно, и Рудзит[ис], и Лукин, и Монтвид[ене], и Серафинина и другие полезные лица могут быть почтены избранием Фламмы.

Из письма Виаса мы поняли, что рассылаются письма об избраниях. Имейте в виду, что мы таковых писем не получали – не пропали ли они в пути? Предлагаем также к избранию Рам Чандра Тандана, секретаря нашего Центра в Аллахабаде и редактора журнала “Hindustan Academy” (10 South Road, Allahabad, 6) хотя, может быть, Фл[орентина] ему уже и писала.

Очень сердечное приветствие прислали милые Фосдики. Спасибо им – пишем им.

Также прекрасно откликнулись биософы, покрыв целый лист подписями. Они остаются друзьями, и в случае вандализмов они, как корпорация, тоже могли бы поднять голос. Статья Монтлака идёт полностью в октябрьском “Educational Review”. Пошлём Вам оттиски. Мы опасались, что по длине она не пройдёт, но нужно отдать справедливость здешним ежемесячникам, что известные темы ими печатаются весьма охотно.

Теперь каждый день появляются сведения о новых хороших журнальных выступлениях.

Болеем душою за бедную Инге. Слышали, что медицинский надзор хорош и, надо думать, выздоровление идёт быстро. Ждём сведения о подробностях

этого несчастного случая. У нас в Монголии тоже чуть было не опрокинулся мотор на глубокой колее. Машина подскочила и стала задом наперёд, причём шофер не мог даже понять, как мотор не опрокинулся вверх колёсами.

Получили потрясающее известие из Арсуны о том, что Адриан опять отложил свой платёж до января. Неужели же у Адриана нет других деловых возможностей, что-бы выполнить своё обязательство? Кроме того, главный ужас в том, что платёж должен был состояться в начале октября, а мы вместо этого уже в октябре получили сведение об отложении платежа.

Какие же экстренные меры могут быть принимаемы в такой не только короткий, но уже прошедший срок? Адриан пишет о своей уверенности, что в январе платёж состоится, но ни словом не печалится о том, что до января целая четверть года. Всё это очень печально.

Очень рады успехам Мориса. Его чуткий талант, конечно, должен бы звучать в большей аудитории, нежели в Санта-Фе. Странно подумать, что Санта-Фе не имеет концертного рояля. Впрочем, когда мы были там, то местные художники очень жаловались на отсутствие покупательной способности в тех краях, и все они мечтали о посылке своих произведений куда-либо в другие большие города. Рады были получить оттиск лекции д-ра Хьюэта, прочтённый в Арсуне. Как всегда, Хьюэт умеет объединить древность с самыми новейшими основами. Получается живое и зовущее суждение, которое может быть так близко сердцу молодёжи.

Только что я получил приглашение от Федерации студентов в Дели дать им лекцию. Конечно, средства не позволят тратиться на поездку, но можно послать им лекцию "Рах per Cultura" [«Мир через Культуру» (лат.) – ред.].

Может быть, маленький человек добудет ещё какие-либо полезные данные. Ведь у него, наверное, остались друзья. Если Фрида остаётся на прежнем месте, то, может быть, и оттуда можно, хотя бы косвенно, о чём-то осведомиться? Думается, что рано или поздно апостаты вызовут к жизни и этот, пока молчаливый, комитет.

Жаль, что по-прежнему остаётся мнение, что газета не ответственна за ярую клевету, в ней напечатанную. Какое нам дело, откуда газета осведомилась о всякой лжи? Ведь газета печатала вредную клевету не как цитату из другой газеты или другого источника, а как свою собственную, самостоятельную новость. Неужели же газеты в Америке не должны платиться за распространённую клевету? Всё время мы слышим, как в Бельгии, во Франции, в Швейцарии, в Лондоне газеты платят штраф за свои вредные произмышления. При этом поводы к штрафу гораздо меньше, нежели в нашем случае. Всё-таки хорошо, что Генри понимает, что это дело бросать не следует, ибо недавно беспокоило апостатов. Только бы publisher не скис окончательно. Ведь он должен помнить, что неоднократно получал помощь со стороны. Он должен понять, что при обороне нужны и всевозможные вылазки, иначе одна оборона сделается бездейственной и тем бессильной. А между тем Вы видите, какие события шумят в мире. Каждый день между газетными строками звучит нечто важное. Итак, Япония добилась, что весь мир осудит её как агрессора бесчеловечного. Жаль, что наша корреспонденция по событиям на Даль[нем] Вост[оке] должна была временно прекратиться. Можно себе представить, как там распоясались всякие мракобесы.

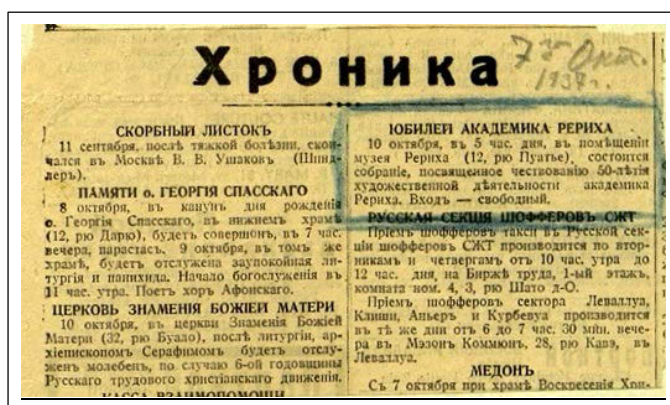
Итак, опять бой за культуру. Надеемся, что решение ref[eree] лишь поведёт всех друзей к активному негодованию. Ведь уже начались и Школа, и

совет преподавателей активен. Будьте все неразрывно вместе, и в деле, и в духе.

Все наши мысли с Вами – в сердце и в духе, Р.

Н.К. Рерих. «Письма в Америку». М., изд. «Сфера», 1998.

10 октября 1937 г. Париж
Хроника

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА РЕРИХА

10 октября, в 5 час. в дня, в помещении музея Рериха (12, рю Пуатье), состоится собрание, посвящённое 50-летию художественной деятельности академика Рериха. Вход – свободный.

Архив Музея Рерихов, Москва (Вырезка из газеты)

12-15 октября 1937 г. Рига
Из письма Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих

Рига, 12–15 окт. 1937 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Только что уехали наши друзья в Литву. Вечером уедет также Надежда Павловна в свой Скуодас. Вся наша сущность ещё полна пережитым напряжением. Странное чувство, что снова приходится браться за обыденный труд, когда уже столько недель всё шло необычно. Также и помещение нашего Общества вдруг получило как бы совсем другой облик. Какая красота, образность и интимность царствуют в наших комнатах. Должно быть, и ритм будущей деятельности Общества окрасится в другой тон.

Весь зал и смежная комната слева отведены теперь под Ваши картины. Рядом, в длинноватой комнате, размещена часть картин Святослава и работы литовских и эстонских художников. Из присланных работ литовских художников часть, качественно менее значительная, не была выставлена. Лучшие работы принадлежат К. Шимонису, ученику Чюрлениса. У него нам сегодня удалось приобрести две лучшие картины. В них нас привлекает также их иде-

алистическое содержание. Интересны рисунки художника Раудиве. Рисунки Тарабильды менее выдержаны, но имеется пара лучших его работ. Мы приобрели его *Pax Baltica*, которая вывешена в коридоре против входа. Также в нашу собственность переходит скульптурный труд г-жи Тарабильды: *Мадонна Мира*. Кроме того, выставлены работы ещё двух литовских художников. Из 9 произведений эстонских художников Кайгородова, Нимана и Янсена полагаем приобрести лишь один этюд. Конечно, со временем вышлем Вам снимки со всех картин, перешедших в собственность нашего Музея, также и Ваших картин.

Латышский отдел, в комнате направо от зала, представляет также приятное сочетание. Почти все картины не только качественно удачны, но и по содержанию оставляют более или менее возвышенное впечатление. Всю эту коллекцию из 19 работ лучших латышских художников мы собрали в три дня, и при таком быстром темпе, когда не только я занят на службе, но и Пранде и Гаральд заняты, я опасался случайностей. Так что, в общем, все четыре комнаты Музея оставляют прекрасное впечатление, и это впечатление многих радовало в день открытия Музея.

Ящик с работами литовских художников мы получили лишь в пятницу вечером, так что в последние два дня и ночи до открытия Музея в Обществе кипела напряжённая работа; и развеской картин, покупкой картин и пр. всё время руководил Пранде. Депонировали^[1] нам на один месяц – адвокат Гаманн Ваш *Град обречённый*, а Элькан – *Святой Прокопий отводит тучи*. Обе эти картины по требованию владельцев мы должны были застраховать. Кроме того, г-жа Каульбарс, владелица антиквариата нам предоставила Ваш колоритный^[1] рисунок *Св. Борис и Глеб*. Она же нам раньше продала *Первобытных людей*. Монтвидене привезла две Ваши картины и рисунок *Святилище*, принадлежащий директору Ковенского музея Галауне. Эти работы она увезла снова с собою. <...>

Как я уже писал Вам, мы разослали около 600 печатных приглашений на открытие Музея, в том числе 120 в Литву и 50 в Эстонию, кроме приглашений на бланке Общества, которые мы разослали в другие заграничные страны, по присланным Вами адресам и пр. Особое обращение мы послали главам Балтийских государств и министрам Литвы и Эстонии. На Конгресс же мы приглашали лишь лиц, более или менее знакомых с нашим движением. <...>

-Так пришёл день открытия нашего Музея. Вход в дом Общества был украшен знамёнами трёх Балтийских стран, у входа и в коридорах были лавровые деревья. У лифта дежурили наши члены (наша квартира находится на 5-м этаже). Гости записывались в «Золотой» нашей книге. Везде было праздничное настроение. На открытии собралось, кроме членов, больше ста гостей, было много художников и культурных деятелей. Из государственных деятелей – комендант Замка президента – полковник Бебрис, шаржэ-д'афер Испании, консул Литвы и пр. Мы ждали и других. Из Литвы присутствовали 30 членов из Ковенского общества. Мы просто изумлялись устремлённости литовских членов, что, невзирая ни на какие трудности, ни служебные, ни денежные, смогли приехать почти 75 % всех их членов, также из провинции, двое из Шавли^[1]. Из Эстонии – Кайгородов не приехал, также и Нина Рудникова в последнюю минуту прислала телеграмму, что не может приехать (опасаюсь, что обиделась, так как мы официально не пригласили её мужа Икскюля, а также председателя метапсихического общества. При других обстоятельствах

мы пригласили бы последнего, но когда узнали, что главная цель поездки метапсихистов в Ригу – свидеться со своими рижскими сотоварищами и что они желают воспользоваться нашим официальным приглашением для получения льготного билета до Риги, – мы и не послали приглашение). О Нине Рудниковой я уже писал в своём последнем письме к Вам. Но зато приехал неожиданный гость, которому мы были рады, – официальный представитель эстонского Художественно-культурного фонда и «посланник» вице-министра В.Пятса – художник Johannes Greenberg, человек симпатичный и культурный. С ним мы подружились, и контакт с ним нам поможет при наших поездках в Эстонию. Он участвовал также в нашем Конгрессе.

После моей речи на открытии Музея (которая была вкратце передана в *Сегодня*) и после национального гимна д-р Лукин прочёл список 120 приветствий (теперь их больше 140), причём прочёл также некоторые более знаменательные приветствия. Между прочим были получены приветствия от представителей президента Литовского государства, от литовского президента министров^[1] и министра иностранных дел и т. д. Вы уже получили копии 67 приветствий, а список всех приветствий вышлем Вам на днях. Когда получили приветствия из Литвы, мы думали о старой истине: «Ни один пророк не признаётся...» – мы получили приветствия почти лишь из-за границы. Из Латвии нам прислал приветствие проф. Пурвит и ещё несколько лиц. Обо всём другом Вам уже рассказал Гаральд, также и Валковский пишет Вам письмо, чтобы Вы могли многосторонне познакомиться с этим исключительным днём в жизни нашего Общества. Считаю этот день самым большим испытанием как лично для себя, так и для нашего Общества.

Во всём этом напряжении мы наблюдали выявление истинных ликов. Я видел восхищение многих, были даже те, кто относились раньше скептически к искусству Н.К., теперь же воссияли. Таков, например, наш художник Меснек, который, созерцая картины, теперь сказал: «Вот – Культура!» Заведующий литературным отделом в редакции *Сегодня* Мильруд, который при первой моей встрече с ним, два года тому назад, лепетал по адресу Н.К. фразы из лексикона Батурина, с течением времени всё больше изменял свои взгляды, печатал статьи Н.К. и пр., а позавчера подошёл ко мне и сказал: «Я всё время сердился на себя, что не прислал из редакции репортёра, который ближе описал бы празднество. Я не считал всё это дело столь серьёзным. Ваш музей истинно превосходит. Чувствуется в нём светлая атмосфера. Именно такие очаги Света нужны в отпор теперешней тьме». <...>

В три часа начался наш съезд. О выборах в президиум и пр. Вам, должно быть, уже рассказал Гаральд, а также передаёт Вам Валковский, потому не буду на этом останавливаться. Моя роль в сущности ограничилась лишь речью, где была чествована также память Феликса Денисовича. Руководил съездом всё время Валковский, который знал всю технику, регламенты и т. д. Хотя вице-председателем от литовцев выбрали г-жу Монтвидене, но г-жа Серафинене сидела за нашим столом как делегат и делилась во всём с нами. Почётными председателями, как Вы знаете, мы выбрали А. Пранде, Дуцмана и приехавшего на юбилей латвийского военного министра Балодиса, начальника военного музея [*Литвы. – Г. Р.*] генерала Нагевичюса, который на минутку зашёл и к нам. В первый день Конгресса наш зал был переполнен. Между прочим, присутствовали также два лица из полномочного пр[едставительства], с которыми на другой день мы познакомились, пригласили и на ужин. Читались при-

ветствия, потом рефераты. Программу Вам вышлет Волковский. На другой день мы посетили Братское кладбище, положили традиционный венок. В четыре часа начался снова конгресс. В этот день читались рефераты самые интересные – из Учения Жизни. Замечательную оду Николаю Константиновичу посвятил Сипавичюс, режиссёр Клайпедского театра, в его словах было столько возвышающего, что очаровало всю аудиторию. Он прочёл также стихотворение Балтрушайтиса *Грёза вечности*. После Конгресса и совместного ужина в комнатах нашей библиотеки, когда часть разошлась, мы в уголке Учителя раздали Портреты некоторым литовским членам, то же мы повторили и на другой день утром рано, всего удостоились 7 членов. Знаю, что для них это было самое прекрасное переживание в их жизни. Долго вместе пробыли мы в святилище Учителя. Здесь сердца наши соединились в пламени дружбы и любви. <...>

Да, эти дни для нас являлись истинным праздником духа и сердца. Чувствую, что мы заложили какое-то магнитное основание, посеяли зёрна, какие ростки будут, видно будет в будущем.

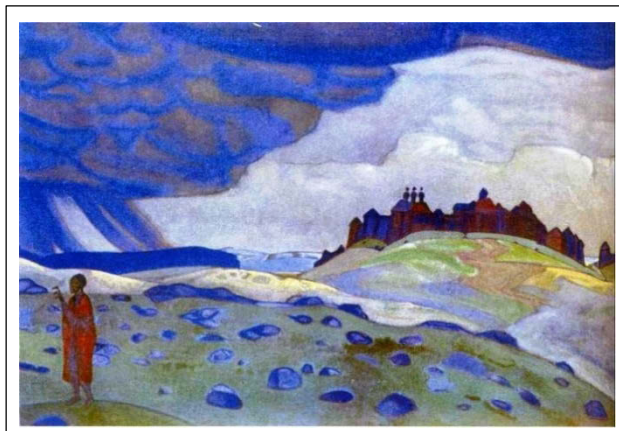
Значение нашего отдела латышского искусства, между прочим, и в том, что сами художники, работы которых находятся в Музее, заинтересованы им, как бы привлечены к сотрудничеству с нами. С другой стороны – наш Музей получил облик многосторонний, и со временем, когда мы осуществим задачу собрать балтийское искусство, мы направимся и к другим народам. Например, было бы весьма желательно вступить в контакт с индусскими художниками и получить некоторые работы от них. Но это ещё дело будущего.

Вполне уверен я, что наш Музей явится истинным чистилищем сознания для всех скептиков и даже клеветников. Ибо так часто всё недоброжелательство происходит на основах недоразумения и непонимания. Наша надежда, что мы и своих врагов так или иначе привлечем к сотрудничеству. В параграфе *Братства* говорится, что клеветники уже сотрудничают с нами. Символическим для нас стал колоритный рисунок нашего художника Тилберга (находится у нас в Музее), где здоровый парень строит дом, а чертёнок тащит для него брёвна. Сделать и тёмного своим слугою – это ведь эволюционная задача.

Работа в связи с конгрессом ещё не прекратилась. На днях станем высылать благодарственные письма всем приславшим приветствия. Также придётся приступить к изданию материалов конгресса – лучших рефератов и всех приветствий. Хотел спросить у Вас совета: на каком языке издать сборник? Приветствия в большинстве случаев (60–70 %) на английском языке. Но рефераты – на латышском, русском и литовском. Не издать ли один сборник лишь по-английски и по-французски, а рефераты перевести на английский? А другой сборник – лишь по-русски?

В следующее воскресенье начнутся у нас собрания отдельных групп Учения. До сих пор собиралась лишь общая группа по четвергам и старшая. Теперь мы решили ликвидировать группы Слетовой, Фреймана и Буцена, некоторые группы объединить и вместо Слетовой назначили Гаральда Феликсевича руководителем её группы, так как там не было дисциплины. В его группу включили ещё нескольких членов, у которых меньше дисциплины и т. д. Хотя Г.Ф. молод и другие, может быть, даже больше его читали, но он этим будет принуждён усерднее учиться («учись уча!»), и причём со своим чувствознанием он уже и так схватывает Учение во всём его размахе. Притом он всё же всегда старался использовать своё свободное время для чтения. Группы Волков-

ского, Клизовского и Фреймана объединились в одну, под руководством Александра Ивановича. Волковский же будет руководить группой, которая лишь теперь ещё составляется.

Н.К. Рерих. Прокопий Праведный отводит тучу каменную от Устюга Великого. 1914.

У Вас, должно быть, имеется снимок с Вашей картины *Св. Прокопий отводит тучи от Устюга*, который я когда-то послал Владимиру Анатольевичу. На имеющейся у нас картине внизу имеются зелёные пятна. Не можете ли Вы судить по снимку, не попорчена ли где-либо картина? Мы хотели бы эту картину репродуцировать для нашей монографии.

Один из наших членов выразил желание делать миниатюрные копии с репродукций Ваших картин на открытках и продавать их среди членов. Допустимо ли это?

В одном из лучших наших книжных магазинов (Эттингер) часть витрины посвятили Вашим книгам, с бюстом посередине (как и в Ковно), в связи с открытием Музея.

Желаю Вам всего Светлейшего и Прекрасного. Сердечно преданный Вам,

Р. Рудзитис

Получил Ваше письмо от 27.IX, а также письмо с французским проспектом. Прилагаю список приветствий и программу Конгресса.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзитисе.

14-15 октября 1937 г.

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к сотрудникам в Америку

Для Зин[ы] и Амр[иды]

14.X.37

Родные наши Зин[а], Ф[рансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Утром 10-го окт[ября] пришла Ваша страшная телеграмма о 8000 и с советом относительно Мэри. Вы можете себе представить, какой удар заключался в этом сообщении. При этом было удивительно, что publisher'ы, по-видимому, совершенно это не предусматривали. Между тем помянутое в телеграмме ре-

шение было всем известно уже с мая-месяца, и, казалось бы, никто не сомневался, что в этом случае будет проявлена вовсе не справедливость, а нечто преднамеренное. Значит, publisher'ы, как каждый стратег во время сражения, должны бы предусматривать наихудшее и сообразно этому немедленно же строить все остальные ходы. Между тем как будто publisher'ы, вопреки очевидности, предполагали нечто другое, но ведь каждый присутствовавший при разных эпизодах, Вами в своё время описанных, понимал, что нельзя ожидать никакой справедливости ни даже простой человеческой логики. Между тем publisher'ы не только не приветствовали привхождение новых publisher'ов, но и даже как бы выражали своё недовольство по поводу быстрых действий, предпринимаемых теми.

Всё это и странно, и огорчительно. Конечно, мы немедленно написали одному из здешних publisher'ов, спрашивая его совет, и надеемся через несколько дней иметь его ответ. Ведь здесь даже для сношения с ближайшим городом нужно положить шесть дней, а если publisher'у потребуются какие-либо справки из других городов, то, естественно, этот срок ещё удлинится. В то же время мы телеграфировали Вам, прося узнать мнение ваших publisher'ов, как старых, так и новых. Ведь мы здесь не можем знать законных сроков и вообще всех publisher'ских мероприятий, которые могли бы вносить новое обстоятельство.

Перенос прав собственности Мэри на какое-либо лицо вряд ли может иметь место, ибо для этого требуется известный срок. Также мы не знаем, в какой именно части Мэри должна участвовать. Конечно, Вы не могли всё это ставить в телеграмму, но многое и детальное нужно знать. Думается, что новые publisher'ы, ведя сейчас два или уже три новых дела, могли бы посоветовать нечто радикальное.

Все обстоятельства, от мировых и до частных, настолько сгущаются, что нужна особенная осмотрительность. Не знаем, какого мнения Стоу и все прочие друзья. В телеграмме мы именно это обстоятельство и имели в виду. Ведь те же друзья могут потом говорить и сожалеть о том, что их вовремя не извещали и тем лишили возможности принять какие-либо соответственные меры.

Чтобы избежать таких сожалений и нареканий, необходимо собрать друзей или, соответственно, их уведомить. Впрочем, об этом мы писали уже давно. Многое преломляется своеобразно, так, например, моё письмо к кузену оказалось ненужным для передачи. Затем, мой SOS к друзьям некоторыми из них даже не был читан. Вы знаете, что мы готовы подать свой голос, но иногда, право, не знаешь, что именно ответить местным настроениям. А если этого не знаешь, то и приходится раньше осведомиться и о publisher'ских, и о дружеских настроениях. Наверное, если не старые, то новые publisher'ы поймут, что нужны какие-то героические меры для защиты правды и справедливости. Какими-то бумажными доводами в перчатках невозможно отразить шайку гангстеров. Вот если бы какое-то новое сильное лицо вроде Стоуна или других такого же веса деятелей могло бы напугать глинообразных существ! Или же апостат мог бы быть обвинён с криминальной стороны. Во всяком случае, если не старые, то новые publisher'ы должны же иметь в своей практике борьбу с гангстерами, для которых нет ничего святого, а каждый закон для них представляет лишь повод, как обойти его. Во всяком случае, нечто героически-драматическое необходимо.

Благодарим Фламму – милых Фосдиков – за сердечную приветственную

телеграмму, полученную 11-го. Такая кооперация, как Фламма, может оказать большое нравственное содействие при драматических оборотах дела. Publisher'ы, как те, так и другие, должны знать о существовании этой корпорации, ибо в своих стратегических движениях они могут употребить такую официальную корпорацию как общественный голос или в каком-либо другом отношении.

15.X.37. Получили письмо от Дорис, в котором она в большом энтузиазме описывает начало Арсуны в Санта-Фе. Мы вполне согласны с нею о живописности Санта-Фе и о дружеском отношении д-ра Хюэта. Вполне возможно, что Санта-Фе может быть хорошим летним местопребыванием Арсуны, но в зимнее время, конечно, трудно предположить о возможностях в Санта-Фе. Местные художники нам давно жаловались на отсутствие покупательной способности. Кроме того, даже и университет находится в Альбукерке, и, наверное, молодёжь уезжает туда на зиму. Впрочем, на месте виднее, и мы всегда предоставляем полнейшую самостоятельность нашим Обществам и организациям. Если местные музыканты находят своевременным иметь в Санта-Фе музыкальную школу – они ближе знают возможный будущий отклик местного населения. Во всяком случае, Морис мог иметь в Санта-Фе летнюю сессию, не нарушая свою педагогическую деятельность в Нью-Йорке и не обездоливая своих нью-йоркских учеников в течение зимнего времени.

Таким образом, хорошая Бирбалова линия могла бы быть продолжена, не нарушая ничего. Дорис поминает в письме, что предполагаются некоторые продажи картин, приобретённых Арсуною уже в Тульсе. Если такое решение вопроса возможно, то остаётся лишь радоваться, ибо Вы знаете о неотложном положении вещей.

Каждый день приходят добрые вести в письмах и журналах из разных концов Индии. Потом мы Вам пошлём коллекцию здешних приветов, а пока приложу последний, полученный вчера, из журнала "Weekend". Только что написал Ман, что многие друзья здесь в долине слышали broadcast, из Дели радио, и он считает это очень полезным. Вообще странно видеть, насколько доброжелательство друзей, зримых и незримых, контрастирует с отвратительными преступлениями апостатов и соединённых с ними гангстеров. Человеческий ум не может сжиться с мыслью, чтобы могли существовать такие крайности в суждениях. Неужели же не найдётся какой-то Золя, который, во имя справедливости и человекообразия, мощным молотом разобьёт все гнусные подкопы? Именно теперь, когда всё в мире несётся с головокружительной поспешностью, странно видеть, что могут происходить преднамеренные вредительства. Если бы Вы знали, какие интересные знаки получаем с разных концов! При всем нагромождении событий чувствуется незыблемая основа – лишь стоит рассмотреть её сквозь мглу разных взрывов.

Пресса сообщает об особо сильных взрывах на солнце. Вот и такие неслыханные космические знаки сопровождают людские смятения. Неужели же всякие глинообразные существа настолько погрузились в подкупную спекулятивную атмосферу, что не отдадут себе отчёта в том, что они творят. Любопытно, какие же у них формулы и что такое, по их мнению, произошло в июне 1935 года? Ведь, в конце концов, мы так и не знаем, что именно они болтают и чем именно засоряют пространство.

Также остаётся удивительным преступное отношение к делу ref[ere]. Неужели допустимо, чтобы приёмный сын воздействовал на своего отца – су-

дью. Неужели допустимо, чтобы Эрнст, заседающий в Комиссии, блюдущей нравственность адвокатов, сам же, прежде всего, нарушал моральные основы?! Ведь Комиссия высказалась против его действий. Неужели же и такой явный козырь адвокаты не могут использовать?

И в общественном отношении невозможно допустить, чтобы страна потерпела такую явную несправедливость, творимую шайкою. Ведь общественное мнение достаточно понимает или должно понять, что преступление шайки будет засорять атмосферу всей страны.

Около явления, имеющего многих друзей в разных странах, найдутся силы, которые навсегда запечатлеют произвол, насилие и некультурность бандитов. И Фр[ансис], и Зин[а] ведут хронику творимых беззаконий. Позорно, чтобы оставались такие обвинительные акты хроники. Где же Золя, который соберёт все эти вопиющие факты и скажет: “Обвиняю”? Не можем же мы сами сказать то, что должен сказать именно Золя.

Ещё раз надеемся, что Плаут не препятствует более новым адвокатам, а наоборот, содействует им, что каждая новая сила есть сильный козырь в происходящей борьбе. Не могут же апостаты подкупить всех должностных лиц, делая их участниками своих спекуляций. Ведь этот метод сил тёмных должен сделаться явным. Что Инге? Шлём Вам всем наши сердечные мысли. Болит сердце, а сроки спешат.

Сердцем и духом с Вами,

Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

15 октября 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
15-ОКТ-37

Родной Рихард Яковлевич,

Спасибо Вам за сердечную телеграмму об открытии Конгресса и за привет от него. Итак, этот большой шаг в жизни обществ совершился. Безразлично, какие были при этом эпизоды, были ли все они самого высокого качества или были и разного свойства, – всё это не важно. Так или иначе, общества запечатлели своё действенно-международное значение. Уже никто не может сказать, что общества имеют лишь местное значение и интересы. А тем самым никто не укорит в каком-либо шовинизме, ибо широкий патриотизм и глубокий героизм не имеют ничего общего с ограничительным шовинизмом. Знаем, как широко и светло Вы понимаете священные чувства истинного патриотизма и самоотверженного героизма. Посылаем Вам ещё несколько добрых знаков. Кроме приветов прилагаемых, которые можно поместить текстуально, следует также помянуть ряд имён, уже без текста. Такими именами будут поздравления, текст которых неудобно обнародовать, как, например, поздравление Сеплевенко, а также и короткие и некоторые телеграфные приветы. В эту категорию включите следующие имена: David Burliuk, Claude Bragdon, S.Rynkevich, Sergey Gorny, Wm.C.Felshaw, Sadhu Ikyananda, Prof. Tejasingh, Dr. Thakur Singh, R. P.Guru, Charles Dickens, V.Seplevenko, etc. etc. (Вероятно, будет сохранён алфавитный порядок.) Если от некоторых (например, помеченных звёздочкой) были к Вам прямые хорошие приветствия, то, конечно, их можно поместить текстуально. Шклявер писал, что был привет от Франко-Русского

союза. Содержание его мы ещё не знаем, но так как это учреждение не вполне в новых течениях, то лучше можете помянуть его среди списка имён без текста. Можем себе представить, какое множество разноценных обстоятельств возникло. Вообще нагнетение мировое возрастает ежечасно, даже на солнце какие-то небывалые взрывы. Каждый день получаем добрые приветы от журналов, так, например, *20-й Век* посвятил целое приложение с очень сердечными приветственными статьями от Хальдара, Тандана и Банкей Бехари. Теперь скоро начнётся уже печатание монографии, и мы понимаем, почему Указывается во всём спешность, ибо мировые события тоже поспевают. А.М.Асеев писал свои предположения о переносе журнала в *Угунс* и *Общество*. Но мы ему сейчас написали, что по местным условиям такой журнал был бы невозможен, и посоветовали вместо журнала иногда издавать отдельные небольшие книги. Таким образом, не будет с его стороны отказа от своего издательства, а в то же время мы понимаем все тяготы, связанные с периодическими журнальными выпусками. Не знаем, писал ли он кому-либо в Ригу это своё предположение, но сообщаем Вам наш совет ему. Да будет Вам всем светло. В мыслях всегда с Вами.

Сердцем и духом, *Н.Рерих*

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

17 октября 1937 г. Рига

Вырезка их газеты «Для вас». № 42. 17 окт. 1937.

Виктор Третьяков

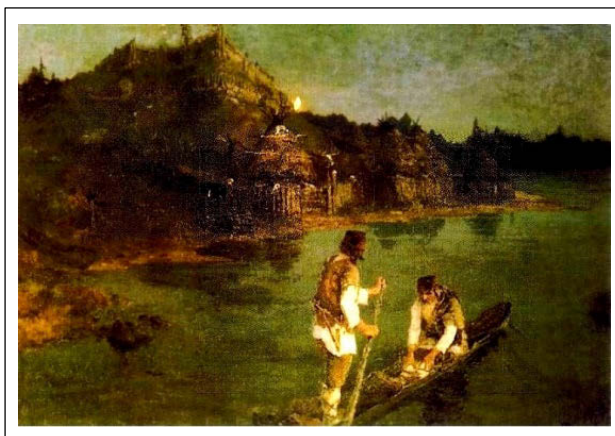
**ОБ АКАД. Н. РЕРИХЕ
К 50-ЛЕТИЮ РАБОТЫ И ОТКРЫТИЮ В РИГЕ МУЗЕЯ ЕГО КАРТИН**

В начале нашего века русская живопись взметнулась ярким и пышным цветением. На петербургских и московских выставках рядом с уже очень известными и даже знаменитыми художниками, как Репин и Суриков, стали появляться имена, публике мало знакомые. Но подписанные этими именами картины и рисунки, останавливали внимание. Они мало имели общего с обычным реализмом, столь знакомым посетителю «передвижных» и академических выставок. Праздником красочных сочетаний, своеобразием композиционных приёмов, изяществом линий они властно уводили зрителя от серой повседневности. Только наиболее чуткая часть критики, только внимательные меценаты и обладающие развитым вкусом зрители почувствовали сразу прелесть и прекрасные возможности новой русской живописи. И не ошиблись: эти новые, мало ведомые имена развернулись постепенно и стали Сомовым, Александром Бенуа, Рерихом, Жуковским, Малявиным... Теперь они уже «стариками» и «маститые» - как бежит время и какой оно беспристрастный судья! Теперь их знает, хотя бы по имени, почти любой обыватель.

Всё это прошло перед моими глазами: Я был свидетель рождения этого пленительного периода русского искусства, его счастливым современником и одним из первых увлечённых им зрителей. Годы отрочества и ранней юности

распускались под двойным сиянием молодой русской живописи и молодой русской поэзии: и каждое имя той и другой стало милым спутником.

Николай Рерих – один из этой «стаи славной». Может быть, самый своеобразный и верный себе. Чётко помню его первое появление. Да и невозможно было бы забыть: слишком уж ярко впечатление. Среди чинных, усердно повторяющих натуру пейзажных холстов, вдруг, резко очерченные, упрощённые формы, точно из камня высеченные: тёмный, переливающийся красноватосиними сверканиями колорит.

Н.К. Рерих. Гонец. 1897.

По тёмной реке у берега, вздымающего силуэтами бревенчатого селения, под зловещим серпом месяца, движется лодка с человеком: это древнеславянский «гонец», везущий речным селениям весть, что «восстал род на род» и нужно быть готовыми. Нарочито примитивная манера живописи, таинственная дымка, за которой смутно чудится подлинный древний мир – властно настраивали воображение. Как забыть другие первые рериховские внушения: древний «городъ строить», деревянный, работники в белых рубахах, или по густо синей реке плывут гуськом ладьи с цветными парусами и диковинными звериными головами на носах – «Заморские гости». От всего этого веет эпической ширью и древней думой. Так, Рерих пейзажист – ученик Куинджи, превратил пейзаж в историю, нашёл способы уводить нас в дали доисторические, что не удавалось даже жанристам: васнецовский «Каменный век» на стенах Московского Исторического Музея, несмотря на все доисторические аксессуары: звериные шкуры на людях, дубины и луки, огромную глыбу монтажа – не уводит нас так в первобытное, как живопись Рериха. И я ещё прекрасно помню, как люди, к живописи равнодушные, пожимали плечами перед рериховскими картинами и отдавали предпочтение даже историческим маскарадам Лебедева или Неврева.

Чем же берёт Рерих? Прежде всего, природным чутьём древности: отсюда и его архаическая манера в композиции, лепке форм и колорите – как она соответствует темам его картин! А ведь даже такой одарённый художник, как Виктор Васнецов, разрабатывает сказочный сюжет обычной реальной манерой; оттого его реальный царевич на реально сером волке и не даёт сказочного настроения. Таковую же художественную ошибку допустил и Рерих, пожелавший изобразить на картине «Какой простор» иносказательный жизненный поток и опьянённую его ширью юность – реальными волнами и реаль-

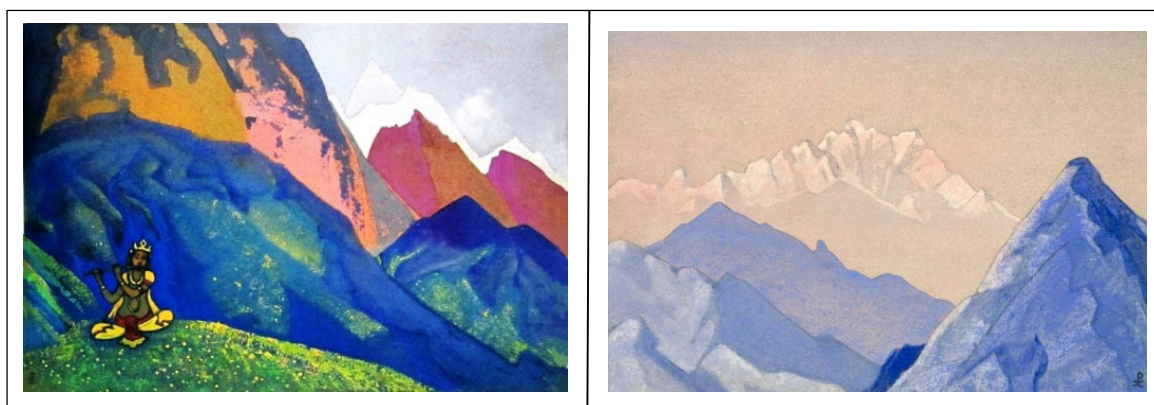
ными фигурами студента в полной форме и курсистки, бредущими по этим волнам. Не думаю, чтобы в такой обстановке эти двое испытывали особый восторг: они бы только промокли и прозябли. Яркий пример несоответствия сюжета и приёма исполнения. Видимо, огромный талант не всегда соединён с безошибочным вкусом.

И. Репин. Какой протор! 1903.

Жизненный путь Рериха удивительно логичен и прям. Привнесение им в пейзаж элемента истории и мифологии неслучайно, а связано с ранними интересами к старине. Мало кому известно, что Рерих ещё мальчиком 13-14 лет производил раскопки курганов на севере России и корреспондировал о результатах в Академию Наук. Раннее развитие индивидуальности, очень редко наблюдаемое. Оттого и в живописи Рерих сразу нашёл себя и, не уклоняясь, до сих пор, идёт по своему пути, всё больше углубляясь в тайны древних сказаний и религиозных учений.

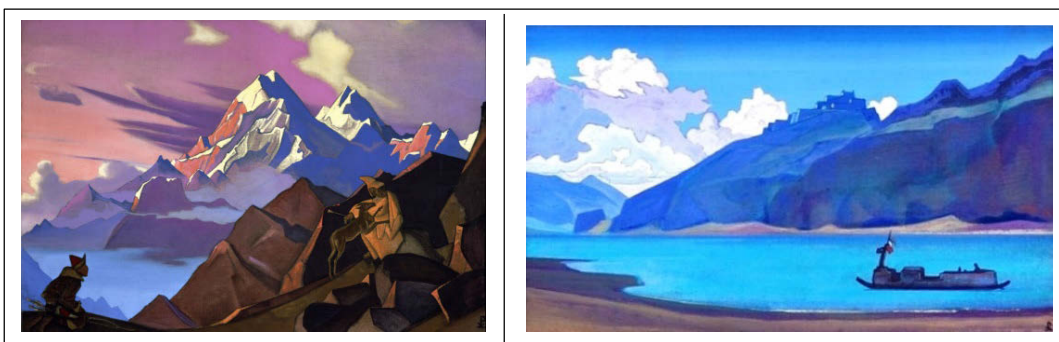
Теперь Рерих уже немало лет подряд поглощён изучением Тибета и его живописным претворением. Величавые образы буддизма среди величавого пейзажа.

Н.К. Рерих. Кришна. 1936.

Н.К. Рерих. Утро (Шатровая гора). 1937.

Среди сине-фиолетовых гор, увенчанных снежными коронами, сидит жёлто-зелёная фигура Кришны – давая своеобразное, восточное звучание тонов; среди тех же гор розоватая поднимается заря; тибетский охотник гонит серну; а она находит убежище у статуи божества; по тихой Брамапутре, среди горной котловины плывёт лодка...

Н.К. Рерих. Охота. 1936. Н.К. Рерих.

Брамапутра. 1932.

Всё здесь погружено в созерцательный сон... Всё величаво и просто, где прошлое и настоящее течёт в дивном единстве.

Очарованиями рериховского колорита полны эти картины-видения.

* * *

Рерих-художник – порой прибегает к образному слову, чтобы доказать о своих видениях и своей вере. Он пишет книги, и они дышат тем же своеобразием – своеобразием им увиденного мира и найденного мира. И особенно о мире желает он сказать и говорит. И есть у него всюду слушатели и последователи. Быть может, он своим учением и не создаёт новых идей, но он красивые слова делает действительностью. Идея особого пакта для охраны мировой культуры, во время войн и революций, идея объединения всех искусств, благодаря ему, стали жизнью: «Пакт Рериха» подписан уже многими государствами, а «Институт объединённых искусств» учреждён ещё в 1921 г. и занимает в Нью-Йорке двадцатидевятиэтажный небоскрёб. Идеализм – сила большая, не уступающая материализму. Внушениями творческими и моральными Рерих очаровывает людей. Не всех, конечно, а тех, в ком живы духовные струны. Эти люди бывают всюду – и всюду у Рериха поэтому есть сочувствующие и последователи. И вот в Риге группа таких людей совершила во имя Рериха симпатичное дело: основала музей его живописи. В прекрасных светлых белых залах размещены рериховские картины, в витринах – написанные им книги и написанные о нём книги, его портреты...

Большинство находящихся здесь рериховских вещей относятся к последним годам, они посвящены Тибету, но есть и прежние создания его: большая композиция «Первые люди», выдержанная в перламутровых тонах, исполненный зловещей хмурости «Обречённый град», эскиз для мозаики - «Борис и Глеб»...

Есть в музее картины сына Рериха – Святослава, идущего по путям отца. Есть отдел балтийского искусства: латышская, эстонская и литовская живопись; и в этом отделе большая часть картин и эскизов далека от реальности: это или религиозные сюжеты или мифологические.

Проходишь по уютным залам музея, смотришь на умело развешанные картины Рериха, на его портрет, откуда глядит на нас характерное лицо полу-восточного стиля с уже седыми усами и длинной лентой бороды; лицо сосредоточенное и убедительное – и видишь снова весь путь, пройденный художником: от детского увлечения древностью до зрелого художественного слу-

жения и раскрытия полноты духовных сил. Цельность, единоустремлённость этой своеобразной личности выступает теперь ещё ярче. Ещё много лет тому назад Рерих был убеждён – он не раз писал на эту тему – что художник, как отмеченный свыше, должен вести жизнь нравственную. Подвиг художества идёт рядом с подвигом моральным. Только тогда возможно убеждающее, сильное искусство. Жизнь Рериха и есть осуществление союза красоты и добра. В этом сказывается русский художник, для которого русское искусство – непрестанный духовный подвиг.

Виктор Третьяков

Архив Музея Рерихов, Москва (Вырезка из газеты «Для вас»)

19 октября 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха Латвийскому обществу

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India

19-ОКТ-1937 г.

В правление Латвийского общества друзей Музея Рериха. / Рига.

Дорогие Друзья,

Сердечно благодарю Вас за телеграфное приветствие ко дню первого Конгресса наших Балтийских обществ.

Вместе с этим из письма г-на Председателя от 9-го сего октября мы с радостью убеждаемся, что моё предложение о собирании обществами произведений местных художников в особые отделы Музея уже приводится в исполнение. Не сомневаемся, что это культурное начинание вызовет живой отклик со стороны, как художников, так и местных собирателей, которые пожелают увековечить свои собирательские труды пожертвованием или произведений, или средств для соответственных пополнений Музея. В случае таковых значительных пожертвований можно бы делать именную стену, отведённую под произведения, пожертвованные определённым лицом. Само собою разумеется, что при значительных пожертвованиях следует избирать жертвователя в почётные члены Общества.

Также полезно для развития Музея иметь особый Комитет, составленный как из членов Общества, так и [из] приглашённых художественных деятелей. Вы знаете, что общественное начало всегда нам особенно близко, и потому во всех проявлениях Общества следует подчёркивать именно широкую гласную общественность. Там, где собираются пожертвования, там должна быть всевозможная ясность, на что именно и как именно употребляются средства и пожертвованные предметы. Конечно, наряду с пожертвованиями, наверное, у Вас будут и предметы, предоставленные для продолжительной выставки. Также может быть отведена или комната, или стена для каких-либо периодических выставок или оригинальных произведений, или воспроизведений, и в такой сменяемой программе может ещё более привлекаться общественное внимание и участие. Пусть такое же общественное участие проявляется и по всем остальным отделам Общества.

Шлём Вам всем наши сердечные пожелания, искренно и душевно,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

ПОЛВЕКА

Си-Шань в утренних лучах розовеет за окнами. Так же розовел, и лиловел, и синел далёкий Кунь-Лунь из Хотана. Перед вечером на уступах белеют какие-то строения, не иначе, как монастыри. Отнимите от Пекина это горное обрамление, и многое потеряется.

Си-Шань – западные горы, за ними Монголия. Вспоминаю, как впервые слышал о ней. В детстве, в книгах о Чингисхане, в географии четвертого класса гимназии и дома, когда собирались у нас Голстунский, Позднеев и другие монголисты и восточники. Говорили и о Бадмаеве.

В гимназии К.И. Мая чертили карты Азии. Жёлтой краской отмечали пески и Гоби. Боком мягкого карандаша наносили хребты Алтая, Тарбагатая, Алтын-Тага, Кунь-Луны... Белили ледники Гималайские.

От школьных лет в гимназии Мая осталось несколько памятков. Были предметы из первых курганных раскопок вблизи нашего поместья Извара. Был портрет директора К.И. Мая и рельефная карта. Была программа торжественного спектакля с портретом Гоголя. Гоголь часто ставился на ученических спектаклях и всегда был мне близок. Именно не реализм Гоголя, но его высокая духовность и тонкая потусторонность особенно увлекали. В те же области уводили и встречи с "дидом" Мордовцевым и с Мякишевым, и учреждение общества имени Тараса Шевченко, и постановка картин кавказских и украинских – всё это разнообразно сближало с мастерством Гоголя. Были эскизы, посвящённые Хмельницкому, и "Страшной мести", и "Майской ночи".

К тому же увлекательному миру приводили и уроки географии К.И. Мая. Не только чертились богато расцвеченные картины, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми, так милыми нам горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна. На праздниках устраивались географические шествия, сопровождаемые самодельными стихами. Помню, как Бенуа изображал жёлтый Хуанхэ, а блондин Калин – голубой Янцзыцзян. Мне доставалась Волга...

Самые первые мои курганные находки не только совпали с любимыми уроками истории, но в воспоминаниях близко лежат и к географии и к гоголевской исторической фантастике. Много очарования было в непосредственном прикосновении к предметам большой древности. Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и боевых топорах, полных трепета веков давних... Около курганов сплетались старинные легенды. Ночью там проходить страшились. Увлекательно молчали курганные поля, обугрившиеся сотнями насыпей.

Как будто от разных областей звучат курганные находки, или географические карты, или яркие образцы творчества Гоголя. Но проходят десятилетия; через полвека вспоминаются эти будто бы различные предметы в одном общем укладе. Именно они своими убедительными зовами сложили многие возможности.

Недаром опытный географ предлагал не только заучивать названия, но именно запечатлеть иероглифы земли и линиями, и красками, и рельефами. В этом делании пробуждалась и любовь, и внимательность, и соизмеримость

земных начертаний. Художество вносилось в эти прикосания к земле. А там, где знание будет сочетаться с искусством, – там остается особенная убедительность.

Также спасибо вам, изварские курганы. Ещё недавно напомнились мне изображения их в трудах Слицына. Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикосание, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности. Никакое книжное изучение, никакие воспроизведения не дадут ту благодетельно зажигающую искру, которая зарождается от первых непосредственных прикосаний. Это не сентиментальность, не самоубеждение, ибо живёт очарование старинных предметов, украшенных и замечательных в форме и соотношениях. Когда же предметы эти особенно близки с теми историческими обликами, которые как-то самосильно вошли и поселились в сознании, тогда все становится ещё ближе и неотрывно убедительнее.

1937

Н.Рерих, «Зажигайте сердца». М. «Молодая гвардия». 1975.

**19-20 октября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
19-ОКТ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо за Ваше письмо, оконченное 9-го октября, со всеми приложениями. Представляем себе всё бывшее у Вас напряжение, ибо один эпизод с радиопередачей уже характеризует действительность. Здесь, где могли бы быть разные вторжения, радиопередача состоялась без всяких толкований и затруднений. Также, с точки зрения филологической, совершенно нельзя понять разницу между конгрессом и съездом. Кто знает, *[может]*, скоро будет обсуждаться разница между словами *президент* и *председатель*. Всё это надлежит иметь в виду. Среди присланных Вами приветствий некоторые, к сожалению, и для общего блага не могут быть напечатаны текстуально, и имена их авторов лишь могут войти в список имён. Таковой список, как предложение с нашей стороны, мы прилагаем.

Приветствие Е.Ф. Писаревой не может быть полностью напечатано, ибо она преждевременно приоткрывает направление будущей деятельности и тем самым может вызвать в Швеции вреднейшие толкования. Совершенно нельзя печатать Клопова и Сеплевенко. У Янушкевича тоже имеются неудобные для печати выражения. Не знаем, что делать с Гребенчиковым. Во-первых, во всяком случае, нужно изъять слово *малая* в отношении Вашей группы, ибо Латвийская группа вовсе не малая, и у него, вероятно, на этот счёт имеются неверные сведения. Во-вторых, он столько говорит о «безбожных разрушителях» и своих канонических верованиях, что прямо не знаем, как поступить. Может быть, якобы для сокращения места, закончить на словах «настоящего и грядущего», или же тоже не печатать и поместить его имя среди списка поздравлявших. Конечно, и в том и в другом случае будет несомненная обида, которая может отозваться косвенно и на Блюментале, который, кажется, в пе-

реписке с Гребенщиковым. Гребенщиков точно нарочно не считается ни с какими реальными обстоятельствами, и вместо добросердечного простого приветствия вносит своё личное кредо, влекущее за собою всякие осложнения. Как Вы полагаете поступить по местным обстоятельствам, напишите нам.

Остальные имена, помянутые в прилагаемом списке, не вызывают таких особых соображений, но приветствия их или по своей краткости, или по незначительности не должны входить в книгу. Также осторожно нужно поступить и с харбинцами, которые сейчас находятся во власти мракобесов и могут пострадать. В приветствиях от *Фламмы* и *Арсуны* можно оставить лишь одну подпись председателей (для *Фламмы* Gene Fosdick и для *Арсуны* Clyde Gartner) – ведь и от Общества нашего в Нью-Йорке подписался один председатель Стокс.

Очень радуемся, что моё предложение Конгрессу о собирании отделов местных художников уже состоялось. По этому поводу, пожалуйста, внесите в собрание правлений прилагаемое моё заявление. В последнем письме Вы ничего не пишете, удалось ли Вам получить картину Пурвита. Между прочим, более чем странно, что он не отозвался на моё добросердечное ему приветствие. Казалось бы, простая благовоспитанность предполагает такой ответ. Не менее странно, что археолог Балодис не ответил до сих пор на мой чисто научный запрос. Если он сам слишком важен для того, чтобы ответить на научные вопросы, то, вероятно, у него имеются сотрудники, которым он мог бы это поручить, ведь не хочет же он показаться с акультурной стороны. Ваши поминания о Шмидте весьма характерны. Всё, что Юрий знает о нём, это что он третьестепенный, абсолютно незначащий китаист, и потому он не может иметь никакого авторитетного значения. Если он продолжает свои клеветнические антикультурные выступления, то, может быть, кому-то следовало бы его повидать и пристыдить.

20-ОКТ-37.

Была ли получена почтовая расписка от Вавилова? Без ответа с его стороны трудно продолжать дальнейшие посылки. Если была расписка, то за его ли личной подписью или от учреждения? Также была ли расписка от Б.К.Рериха? Не было ли ещё каких интересных сношений в этом направлении?

Большое спасибо за красочное издание картин, исполненное под редакцией Либерта. Техническая сторона выполнения превосходна – передайте ему, пожалуйста, мой привет и поздравление с этим достижением. Между прочим, на какой цветной бумаге рекомендует Либерт наклеивать цветные воспроизведения в нашей монографии? Очень просим прислать образчики серых и коричневатых оттенков, с указанием, какую рекомендует Либерт.

Сейчас пришли письма от Гаральда Феликсовича от 11-го и 12-го с приложением фото и газет. Спасибо, спасибо сердечное за все новости, так прекрасные. Всё чувствуем, всё понимаем. Шлём Вам, всем нашим родным героям, сердечные мысли. Конечно, лучше печатать приветствия в одной книге на их оригинальном языке. Конечно, можно пользоваться заставками и концовками из всех монографий обо мне. Внутреннюю обложку можно или взять с американского зелёного каталога Бринтона, всадники на зелёном фоне, или даже с монографии 1916 года, но несколько упростив и изменив краски. В монографии Ростиславова те же всадники на переплёте. Как имя-отчество Пильского, хотел бы ему написать. Напишите, кому ещё полезно послать личный привет.

Итак, приветствуем Ваши геройские добрые построения. Никакие гомункулы ^[1] не страшны. Будьте в сердечном единении – Свет побеждает тьму.

Сердцем и Духом с Вами,

Н.Рерих

Н.Ф. Роот из Таллина пишет и просит дать на выставку в Таллине в апреле несколько картин. Если найдёте возможным дать на выставку две картины – я ничего не имею против. Вероятно, Роот даст свою картину для Музея.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

22 октября 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

22. X. 37

Об отделе индийского искусства при музее. Я ещё имею мало представления о новейшем индусском искусстве, цене картин и пр. Мы могли бы и приобрести некоторые вещи, но как это устроить из-за дальности расстояния. Но моя конкретная мысль следующая: может быть, какой-нибудь индусский музей пожелает устроить уголок латышско-литовского искусства. Не только ради самого искусства, но также ради сближения родственных балтийских и индусских народов. В таком случае мы могли бы предложить *ОБМЕН* наших художественных трудов на творения индусских мастеров. На первых порах мы могли бы послать фотографические снимки лучших работ в нашем латышском отделе и в других музеях, и если что понравилось бы, мы могли бы попросить авторов сделать оригинальные копии. То же самое можно было бы устроить и со стороны индусского музея. Если в деле будут заинтересованы сами художники и если связь установится, то будем обмениваться и настоящими оригиналами. Но это ещё вопрос будущего. Если Вы посоветуете, то с этими моими идеями обращусь к Мехте, председателю Всеиндийского союза искусства, который прислал нам своё приветствие.

Издательство *Uguns* на имя Гаральда.

Камера труда.

Балтийский Комитет Пакта.

Вифлеемская Звезда, где напечатана?

Листик Сеплевенко (приложение к *Листам Сада Мории*). Не думаю, чтобы листик попал в журнал с согласия Сеплевенко, но всё же это не освобождает его от ответственности. Так и у нас в Обществе есть лица, которые читают-перечитывают Учение, но постоянно приходится опасаться, чтобы они по своей малокультурности вместо пользы не приносили где-либо вред. Но теперь уже поздно, и в конце концов, *Вифлеемская Звезда*, должно быть, журнал не-популярный. Прилагаю сохранившийся у меня листик.

Сборник материалов конгресса.

Помощь в этом деле Владимира Анатольевича.

Сеплевенко и его реклама *Общины*.

Асеев предлагает нам свой журнал.

Приехал Кайгородов.

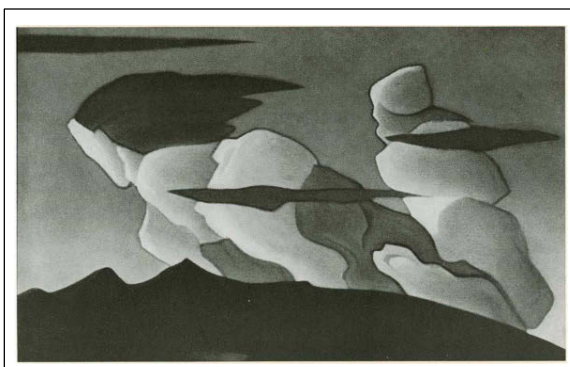
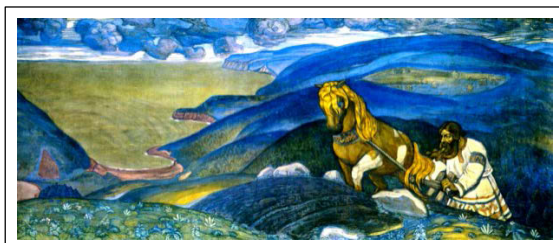
Много посетителей в нашем Музее. Прошлое воскресенье – 185 подписей.

Книга Вс. Иванова послана в Шведскую страну³, 25 экз.
Статья в *Briva Zeme* о конгрессе.
Свен Гедин прислал приветствие.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

25 октября 1937 г. Гималаи.

«Опять написан - Микула Селянинович. Великий пахарь выоривает красоту всенародную...»

Слева: Н.К. Рерих. Микула Селянинович. 1910.
Справа: Н.К. Рерих. Великий пахарь – Микула Селянинович. 1937.

Н.К. Рерих

ЧАША НЕОТПИТАЯ

«Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая ещё милее и дороже. И отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает её не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что ещё недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда, бывало, ездили "куда следует". Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю.

Когда после простудной напасти меня стали в Крым отправлять, вопреки всему потянуло меня опять в любимый Новгородский край. Коли пройдёт, то и здесь пройдёт.

За пределами оконного кругозора сколько изумительных красот и в Псковской области, и в Новгородской земле. Так близких и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Но теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь - настоящее, которое - для будущего.

³ В Шведскую страну – в Россию –ред.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: всё пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ твёрд без смятения. Новгородцы бодры.

Бодры так же, как бодры озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как остры голубые глаза рыбаков озёрных.

Степенны и суровы так же, как непроходны леса, которыми край ещё полон. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озёр. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменистые. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зелёным, лиловые, красные, оранжевые, чёрные с жёлтым... Любой выбирай. Всё нетронута. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками-храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюжевскому пути. Мета и Шелонь, Шерегород, Пирос, Шлино, Бронница и Валдай, Иверский монастырь, Нил Столбенский. Возвышенности Валдайские. Всё это красота. Красота бодря.

Жальники - к Новгороду. Дивинцы - к Твери, эти места называются. Дивинец - диво - город, с восхищением. Но того милее - Жальник. В нём много жаленья, покоя, слов вечных.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив ещё "честной лес". По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время ещё. А вот чудо.

Среди зелёного мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма — сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям всё заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьёт мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студёная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьёт родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Ещё известны ключи в Варницах. Там и грязи такие же, как в Старой Руссе. Варницы - старое место, при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же слышал я и о каких-то тёплых ключах.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И страшно, и больно, но и приятно знать, что в четырёх верстах от большого пути ещё лежат такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдёт испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберётся сил. Найдёт клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша - полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила. Русь верит и ждёт».

А давно ли писано? Да вот четверть века прибежит. А стоят ли Новгородские дивинцы да жальники? Превосходно высятся.

А ходит ли на поиск Новугородская вольница, ушкуйники неуёмные? Не то, что по Обонежской Пятине, да по Бежецкому Концу, а за пуп земли, за полуночные страны перелетели в поиске мирном.

А копают ли золото и самоцветы на Керженце, на Урале? Какое там Урал, а за самый Алдан забрались.

А ходят ли гусяры, сказители? Уже и по Смоленщине да по Киевщине, а и во Франкскую землю с песнями приехали.

Вася Буслаев уцелел ли? Не то что жив, но и на камнях начертания вычитал.

Дивинцы Новугородские! Чудо чудное! Диво дивное! Чаша неотпитая!

Опять написан - Микула Селянинович. Великий пахарь выоривает красоту всенародную. Открылись исстари захороненные стенописи Софийского Собора в Киеве. В чудесном живописном обрамлении Палеховского мастера издано в Москве «Слово о Полку Игореве». Закреплены в заботливом изложении мастера Суриков, Репин, Юон, Петров-Водкин... Помянуты всенародно Пушкин, Ломоносов, Горький, Менделеев, Павлов и другие герои. По Бородинскому полю веяли знамена. Голенищев-Кутузов, Суворов встали в памяти...

Отовсюду пишут: строится Академия Наук, возводится величественный Институт познания человека — экспериментальной медицины.

Народ хочет знать, молодежь всей земли хочет учиться.

Не сказка, но явь. Кто же восстанет против знания!

В «Литературной газете» № 56 говорится: «Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию, историографию.

Надо преодолевать традицию Карамзина, давление школы Покровского. Надо проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Чёрное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательно работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания».

На эти правильные слова мы отвечали ещё в 1898—1903 гг. в статьях «О Старине Моления», «На Кургане», «По Старине», «По Пути из Варяг в Греки», «Радость Искусству» и в других зовах и молениях о познании русских всенародных сокровищ. «Всенародное» — так мы пытались обратить внимание народа на истинные пути познания, на которых куётся народная крепость и непобедимость.

В прошлом году мы утверждали: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизречённые красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдётся такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о её счастье, о её преуспевании всенародном. Через всё и поверх всего найдём строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить её на всех её путях».

Не устанем твердить об обороне всех сокровищ всенародных.

Пусть в обновленной кузнице мужественно куётся меч обороны и плуг труда!

Привет!

25 Октября 1937 г. Гималаи

«Октябрь», Москва, 1958, № 10

(См. также Н.К. Рерих «Неотпуганная чаша», 1916 г.)

27 октября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

27 октября 1937

Дорогой мой Александр Николаевич, Письмо Твоё от 30-го сентября, как всегда, не только дало нам много радости, но ценные черты художественной жизни Парижа. Твоё суровое суждение о большой выставке даёт нам представление об этих официальных фанфарах. Действительно, столько сумятицы повсюду, что можно себе представить, во что обращаются такие, как Ты пишешь, «свалочные места». Ты спрашиваешь, на чём основаны мои данные о враждебности газеты. К сожалению, таких данных у меня довольно много. Так, из разных источников я знаю, что не только сведения о моих работах, но даже и само имя иногда вычёркивалось. Делалось это престранно, ибо совестно подумать, чтобы, так сказать, своя же газета старалась бы нечто русское сострогать и снижать. Откуда сие происходило, мне неизвестно, и я в эти недра не погружался. Но Тебе я помянул об этом, зная, что Ты согласишься на такие «проявления» принципиально и справедливо. Во всяком случае, с моей стороны никогда никакого выпада не было, и вообще, повсюду мне приходилось говорить о необходимости единения культурных элементов. Иначе волны невежества прямо захлестывают. Ты справедливо как-то писал, что приходится говорить, как в подушку. Много прискорбной правды в этом заключении. Конечно, мы знаем, что говорить и писать надо, конечно, и наши живописные песни истекают от нашей душевной надобности. Но вспоминаются мне слова Леонида Андреева, скорбно сказанные мне ещё в Финляндии:

«Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу». Вот тут-то и начинается та подушка, на которой в ночное время остаются и слёзы. Если я писал о желательности выяснить положение вещей, то, прежде всего потому, что по природе своей я не люблю всяких неясностей. Или так, или этак, но пусть будет Свет. Вообще, не люблю я некоторых выражений, с которыми приходится встречаться, не люблю слово мистицизм, ибо оно мне напоминает английский мист. Не люблю это слово и по-немецки. Не люблю слово оккультизм, ибо вместо тайны должно быть светлое знание. Не люблю всякие абстракции, ибо существует одна великая Реальность. Эта Реальность должна подсказывать людям, что хоть некоторое взаимоуважение человеческого достоинства необходимо. Много, о чём хотелось бы писать Тебе, зная, что это будет понято в настоящем смысле. Итак, Тебе всё-таки приходится иметь дело с чучелом чёрной птицы. Я всегда не любил чучельных магазинов, — всё в них мертвенно. Рады слышать, что Анна Карловна за лето поправилась, и Ты опять в Твоей рабочей лаборатории; Не яды, но панацеи оттуда выходят. Сердечный привет от Е.И. и всех нас. Воспоминаем Вас чаще, чем Вы думаете. Ведь у нас

здесь и Твоя история искусств, и Мутер, и много художественных изданий. Всё это старинные преданные Друзья.

Духом с Тобою,

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов Москва (Машинопись)

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

27 октября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
27-ОКТ-1937

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо Вам сердечное за все Ваши добрые новости о Конгрессе, за списки приветов, за газеты и за все осведомления. Также спасибо и Гаральду Феликсовичу за его письма с приложением статьи Дуцмана и воспроизведения картины из *Сегодня* и за фотографии. Действительно, нужны всякие осведомления. Наверное, постепенно перед Вами выяснятся ещё различного рода подробности. Весьма характерно, что археологический обед должен был случиться в ночь перед Конгрессом. А археологи даже разучились отвечать на письма. Также характерно и воздержание некоторых лиц, о которых Вы упоминали. Конечно, все добрые знаки далеко превысили некоторые недоумения. Но – всё на благо, и Вам всем нужно знать всякие характеристики. Неужели никого из Швеции не было? Помнится, что Александр Иванович бывал у шведского консула. Неужели до сих пор не было получено и почтовых расписок? Всякие такие странности, конечно, получают своё разъяснение. Гаральд Феликсович пишет, что некие личности интересовались, откуда идут деньги, и он совершенно правдиво им ответил, что пожертвования идут от членов Общества. Любопытно, что именно скрывалось под таким вопросом. Вообще, у Вас в руках окажется много любопытнейших разгадок. Статья Дуцмана, вероятно, произвела солидное впечатление, тем более что и появление её именно в этом органе, вероятно, было весьма полезно. О филологии нашего имени существуют целые книги. 2-го сентября мы послали второй список желательных клише в Нью-Йорк. Уже о нём напоминали в последующих письмах и на этой неделе опять подчеркнём спешность этого обстоятельства. Со своей стороны и Вы напишите, чтоб придать характер тем большей спешности. В прошлом письме мы уже ответили на Ваш вопрос, на каком языке печатать книгу приветствий. Конечно, и по Вашим местным обстоятельствам, и для вящей международной лучше её печатать в одной книге на тех языках, на которых приветствия, доклады и радиопередачи состоялись. Радиопередача Тандана Вам была послана вместе с последующими страницами второй части *Братства*. Итак, Арундель и Дэвидж промолчали. Таким образом, с нашей стороны опять было выказано всё дружелюбие, и не наша вина, что сотрудничество не состоялось. Кстати, в последнем номере *Теософикэл Уорл* Арундель осудил А.А. Каменскую за её отсталый взгляд по отношению к её родине. Курьёзно, что иностранец должен поучать приличному отношению к родине. И такие курьёзы бывают. Забавно.

Среди присланных Вами приветов мы нашли несколько, которые нам сюда не писали. Так, например, последнее время мы начали заподозривать,

что Мажуранич из Загреба куда-то исчез, а теперь видим, что и от них был привет. Шклявер сообщает, что паровой почтой им послано приветствие от Комитета Оборонческого движения. Перешлём копию Вам для включения текстуально. Сейчас ожидание особенно устремляется в сторону Швеции, чтобы разрешить всякие энигмы. Как Вавилов, так и Б.К. Рерих уже должны были ответить почтовыми расписками. Если даже оба они в отъезде, то почтовые расписки должны вернуться. Также интересно, была ли на почтовой расписке А.В. Щусева его подпись или чья-то другая. Также весьма нужно, чтобы книга В.С. Иванова туда продвинулась. Пожалуйста, сообщите, какие именно ходы для этого предприняты и что удалось. Ведь эта книга ими же признанного автора. Очень хорошо, если статья *Литва* со стихотворением Балтрушайтиса в конце пройдёт в *Сегодня*. Пожалуйста, пришлите нам десяток экземпляров. Мы пошлём её тогда и Балтрушайтису. Для Вашего личного сведения сообщаю, что Шклявер скоро представит от нашей французской ассоциации меморандум в несколько стран, включая и Швецию, – записка будет о Пакте. На всякий случай Вам интересно это знать.

Меморандумы пойдут за подписью Пейроннэ, председателя нашей французской ассоциации. Гаральд Феликсович с прискорбием пишет, что Либерт точно бы охладил к монографии. Любопытно выяснить, составляет ли это черту его характера или же могло быть какое-то воздействие. Кстати, о внутренней обложке – рисунок всадников имеется на брентановской монографии. Поэтому нет ничего легче, как взять часть страницы (ибо брентановская монография большего размера), ещё лучше уменьшить брентановскую страницу, и поместить рисунок в других тонах. Если *ПЕРЕПЛЁТ БУДЕТ синий*, то эту страницу можно дать в *СИНЕМ по КРЕМОВОМУ ФОНУ*. Таким образом всё это упрощается, – ведь и Брентано, в свою очередь, взял этот рисунок с нашего американского каталога. Было бы очень печально, если Либерт почему-то изменил бы своё настроение. От редактора много зависит, с какою бережностью и с каким вкусом распределить матерьял. Вероятно, Вы уже получили статью Голлербаха. Не правда ли, она хорошо отражает настроение оттуда. Таким образом, в наборе русских статей получилась хорошая система. Голлербах говорит о тамошнем первом периоде. Бурлюк включает годы после 1918 г., Иванов даёт общую психологию, Мишеев подчёркивает настроение, а Андреев даёт вводную ноту. Мы вполне поняли Ваше соображение о том, что книгу о Конгрессе лучше дать на оригинальных языках. Это будет спасительно во многих отношениях. Кроме того, тибетское письмо, санскритский [привет] и на хинди в таком случае можно просто поместить фотографическим способом (без переводов)... Если Роот Вам будет писать о выставке в Ревеле, то, может быть, кроме парочки моих картин, одолжите и одну Святослава. Кстати, в списке приветов значится г-н К. Цейдлер – это Клара Фёдоровна Цейдлер. Кроме того: Дьюк университет (не герцогский), но ведь это, как и Казенс, будет по-английски. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

30 октября 1937 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

Рига, 30 окт. 1937

Дорогой Николай Константинович!

На днях вышлю Вам план макета репродукций для монографии. Мы с Гаральдом много раздумывали над тем, по какому принципу разместить репродукции. Наконец решили более или менее придерживаться содержания. После Вашего портрета как первая многокрасочная репродукция могла бы быть – *Путь (Path)*. Потом репродукции с общеславянскими и др. мотивами, сообразуясь со статьёй Л. Андреева, например, *Мост Величия, Terra Slavonica, Сергей Строитель*, далее – *Вестник, Белуха* и пр. Потом, начиная со статьи Иванова, *Гонец, Город строят, Древняя жизнь, Прокопий, Волокут волоком* и др. Декоративные картины. Пророческие. Музей в Нью-Йорке. Гималайская серия и Индия. Урусвати. Тибетская серия. Монголия. Серия *Майтрейя, Ригден Джапо. Со страдание к животным*. Мадонна Мира и женщина вообще (также Жанна д'Арк). Религиозные реформаторы (тут повторить снова также славянские мотивы). Посоветуюсь с Либертом.

Кайгородов обращается к Акелю.

Критика в *Rigaesche Rundschau*^[1].

Присоединить: 1. Сегодня о юбилее 24. X. 37.

2. *Rigaesche Rundschau*.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.
Из личного архива Гунты Рудзите.

31 октября, 15 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.
Из письма Е. И. Рерих к Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

Дорогие Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович, получили Ваши чудесные письма с описанием торжественных дней в Латвийском обществе. Принимая во внимание многие противодействующие обстоятельства, можно сказать, что Праздник Духа прошёл под знаком особой удачи и, главное, было наличие сердечного единения и устремления.

Разве не успех в такой короткий срок собрать целый Музей и получить столько приветствий почти со всех концов мира. Ведь люди готовятся к конгрессам иногда годами, а тут всё создано в два-три месяца. Честь и слава всем потрудившимся на это благое дело. Истинно, живы Заветы Великих Учителей.

Теперь Вы ещё больше оцените намёк, данный Великим Владыкой, что можно будет приглашать официальных лиц в Музей и вести там с ними частные беседы за чашкою чая.

Отрадно слышать, что Вам удалось собрать столько хороших вещей. Конечно, следует придерживаться именно качества. Также торопливость в собирании нежелательна. Время покажет, как развивать начатое дело. Вы спрашиваете, какие шторы повесить в комнате, где висят главные картины Н.К., конечно, лучше всего так называемые накатные кальки, употребляющиеся в музеях и мастерских.

Не удивляюсь тому, что Вы пишете о воздержанности со стороны некоторых лиц в проявлении какого-либо приветственного жеста. Причины этому, конечно, могли бы уместиться в спичечной коробке, но так уж свет создан, что

именно размеры спичечной коробки в умах большинства вырастают в опасные западни. Если было бы иначе, многое облегчилось бы в жизни. Времена изменчивы, и особенно изменчивы они сейчас, настроения же людей тем более. А кроме того, джинны всегда и везде необходимы, именно они помогают воздвигать самые лучшие храмы. Люди очень мало вдумываются в этот замечательный закон.

Так праздник прошёл, но атмосфера, созданная им, надолго останется в Ваших помещениях. Храните её. Также радостно было слышать о сердечном отношении и единении литовских друзей. Ведь единение, прежде всего, доступно духу культурному. Можно сказать, что степень единения и почитания Иерархии и есть пробный камень для определения степени культурности духа.

Спасибо большое за снимки, так радостно было видеть такое сборище людей, зажжённых одним устремлением. Радовалась от всего сердца, что именно Рихард Яковлевич открыл Музей. Именно его чистое сердце должно было это сделать. Это имеет большое внутреннее значение.

Понимаем Вашу заботу о монографии. Знаем, как все подобные задания изобилуют всякими трудностями. Сотрудничество с людьми есть самое наитруднейшее искусство. Приходится считаться со многими особенностями, часто граничащими даже с идиосинкразиями. Пример такого тяжкого сотрудничества в наших делах являет мисс Ф. Грант. Она полна добрых намерений, которые лишь в редчайшем случае прилагаются к исполнению. Много было бы иначе в наших делах в Нью-Йорке, если бы не эта тяжкая особенность. Именно сотрудничество с такими людьми часто напоминает ношение воды в решете. При этом ещё приходится принимать во внимание и болезненную обидчивость. Мы уже писали ей, прося прислать и вторую партию клише, но, как видите, и мы не были успешны, написали ещё и ещё. <...>

Понимаю, что Вы пишете о некоторых особенностях людских. Да, люди просят указаний, но, когда указания эти не отвечают их скрытому желанию, они обижаются. (На днях получили письмо от Александра Ивановича. Он пишет о своих болячках, мешающих ему отдалиться делу. Бедняга, как ему приходится страдать!) Сейчас и мне тоже нездоровится, напряжение во всём мире так велико, и это ещё усиливает каждое недомогание. Человеческая свободная воля дошла до точки безумия...

Из Парижа друзья пишут: «Депутат Поль Рейно (бывший министр), вернувшийся сейчас из Германии, заявляет, что там все заняты исключительным вооружением. Взрыва можно ожидать каждый день. По новым германским теориям, главное внимание должно быть обращено на поголовное истребление в неприятельских землях женщин и детей, чтобы прекратить расу (мужчин можно *ВРЕМЕННО* использовать на принудительных работах). Затем на опустошённых территориях будут населены представители “высшей” расы, каковыми являются, впрочем, и итальянцы, и японцы, и арабы». Разве это не предел безумия бешенства? Разве не будет космический катаклизм результатом такого заражения и отравления планеты? Такое безумие неизлечимо, и оно должно будет пережить великие ужасы.

15-го ноября.

На две недели вышла из строя. Сейчас силы возвращаются, но руки ещё полны мурашей и игл. Сердце на этот раз даёт себя чувствовать, ослабело по-

сле повышенной температуры. Приближающиеся сроки усиливают напряжение и нагнетение атмосферы.

Продолжаем получать письма от друзей с описанием торжества. Такие проявления как свет во тьме. Рихард Яковлевич в последнем письме писал о намечающихся новых и деятельных сотрудниках. Именно, сейчас нужна деятельность. Одно маленькое полезное действие выше многих прекрасных слов. Тяжко видеть, когда самые лучшие мысли, советы часто ударяются как бы в мягкую подушку. Советы откладываются, а затем люди сами удивляются, какое малюсенькое соображение удержало их от проведения в жизнь полезнейшего Совета. Нам приходилось и приходится встречаться с этим почти на каждом шагу. Также трудно людям понять значение сроков. Они постоянно упускают из виду, что Совет даётся при учитывании особой благоприятной конъюнктуры обстоятельств, но обстоятельства эти, будучи порождением жизни, не могут быть статичны, и потому Совет, отложенный на случайное время, не может принести ожидаемого ими результата. Также часто указанное полезное лицо теряет своё применение иногда уже на протяжении двух-трёх месяцев, и естественно, что обращение к такому лицу через год после полученного Указания теряет свой смысл. Таково часто положение в некоторых группах. Вот почему мы так ценим Вашу устремлённость, Вашу деятельность и борьбу за неотложное проведение намеченных полезных действий. В этом залог всякого успеха. Устремлённость и настойчивость творят чудеса. <...>

Конечно, Вы правы, дорогой Рихард Яковлевич, и второй том *Т[айной] Д[октрины]* нужно переплести так же, как и первый, т. е. титул шестиста экземпляров должен быть одинаков. Радуюсь, что корректура *Т[айная] Д[октрина]* закончена и Вы сможете больше времени уделить Вашей книге.

Шлю Вам и ближайшим сотрудникам самые сердечные мысли. Завет дан – подвиг и мужество. Сколько красоты в сознательном несении подвига!

Сердцем с Вами,

Е.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

НОЯБРЬ

2-5 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
2-5-ноября-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Большое спасибо за Ваше письмо от 21-го с приветствиями, а также благодарим К.О. Волковского за все его интересные присылки. Таким образом, выясняется вся картина Конгресса и всех связанных с ним обстоятельств. Глубоко понимаем все Ваши соображения. Ценим, как чутко Вы улаживаете всякие такие произрастания, которые при небрежном отношении могли бы вырастать в безобразные заросли. Мы уже писали Вам, что полагаем: приветствия должны быть печатаны на их оригинальном языке. Мы не поняли, почему Вы пишете, что приветствия должны быть все также переведены. Дума-

ется, что оригинальные языки подчеркнут и участие многих стран в Конгрессе, а это для Общества всегда полезно. Прилагаем список тех приветствий, которые Вы нам при последнем письме прислали, разделив их на два рода – одни могут быть напечатаны текстуально, а другие – лишь имена или учреждения, от которых они были присланы. Ранее уже послали Вам список для предыдущих приветствий. Если у Вас явятся какие-либо местные соображения, указывающие, что некоторые полезно напечатать текстуально, а из текстуальных некоторые полезно перенести в разряд именных, то, пожалуйста, сообщите нам Ваши соображения. Владимир Анатольевич может просмотреть корректуру с точки зрения английского языка. Менять текст приветствий, конечно, неудобно.

Как я уже писал, наибольшее недоумение вызывает Гребенщиков, и, может быть, Вы решите поместить лишь первую половину его приветствия, как в прошлом письме уже и указывалось. Затрудняемся, как поступить с приветствием Писаревой, ибо из всего этого длинного привета невозможно выкроить одну какую-либо часть; чтобы не было горших последствий, лучше упомянуть лишь её имя. В приветствии от Лосских четвёртое имя – М. Стоюнина (известная педагогическая деятельница). С большим интересом будем ожидать список мест, откуда возвращена книга Иванова за ненахождением адресата. Если уже местный писатель не может получить свою же книгу, то это, очевидно, явное недоразумение. В прошлом письме мы полагали, что через местного консула можно бы направить эту книгу пошире, спросив его совета куда именно. Вы понимаете, насколько всё это спешно. Надеемся, что Шклявер уже передал меморандум о Пакте по тому же направлению. Повсюду нужно выяснять положение вещей, рассеивать мрак всяких недоразумений.

Очень рады были слышать, что число посетителей Музея было так значительно. Среди этих вновь приходящих, конечно, найдутся и новые друзья. Очень следите за этими возможностями. Также имейте в виду и явление обратного порядка, если заметите, что кто-либо даже из членов почему-то уклонился или вообще потерял лояльность. Не придавайте резко осуждению, но исследуйте, какие именно причины тому виною. Как у меня сказано в одной из моих поэм: «а друзей и врагов не считай». Ведь бывают же и такие типы, которые, подобно Хоршу, носят в течение четырнадцати лет сладчайшую маску, чтобы потом тем удобнее похитить чужое имущество и произнести всевозможные клеветы и кощунства. И такие джинны бывают.

Теперь если не о джиннах, то, во всяком случае, об окаменелостях: в последнем октябрьском номере *Вестника*, издаваемого в Женеве Каменской, появилась её очень радушная рецензия на *Священный Дозор*, в которой попадают слова «всей душой приветствуем слова автора, обращённые к смелым пионерам, строителям новой жизни» и другие тому подобные выражения. В конце журнала помещена заметка о 10 октября, в которой празднование указано в Америке, а не в Риге, хотя об этом через Писареву она знала. Заметка кончается словами: «Рериха мы знаем и как выдающегося художника, и как активного общественного деятеля, и как автора многих интересных книг, посвящённых новой психологии и Теософии, именуемой им Живой Этикой». Комментарии излишни, и Вы можете видеть как внутреннее, так и внешнее значение этих сообщений. Во всяком случае, Вам их полезно знать для ближайшего будущего. Может быть, Надежда Павловна пришлёт Вам прочесть и весь октябрьский номер *Вестника*. Мы вполне понимаем Ваши соображения

относительно *Угунса*. Вы сделаете так, как лучше по местным условиям. Наверное, за эти дни у Вас накопились и ещё разные интересные местные данные.

С последней почтой мы получили письмо от Беликова из Таллина (он переписывается с Клизовским) о том, что он хочет собрать общество или группу моего имени в Таллине. В конце концов, мы его совершенно не знаем и опасаемся, чтобы не произошло какое-то нежелательное столкновение с другими действующими в том же направлении. Мы ему напишем, чтобы он по этому делу обратился к Вам. Вполне согласны с Вами, что В.М. Сеплевенко поступает крайне неосмотрительно и может внести много вреда. Мы ему написали, чтобы он изъяснял помянутые Вами рекламы. Вполне понимаем и Ваши слова об Асееве, ибо по местным условиям, да и по денежным соображениям, действительно невозможно Обществу взяться за издание *Оккультизма и Йоги*. Кроме того, последние сношения Асеева с Батуриным на Дальнем Востоке произвели крайне дурное впечатление, о чём мы в повторных письмах оттуда слышали.

Эти дни Е.И. в постели с простудой и температурой – всё это тем более понятно, ибо напряжение мира велико. Сердечный привет Вам всем – Да будет Вам всем светло –

Сердцем и Духом с Вами,

Н.Перих

II.

Вполне понимаем, что название Общества по местным условиям изменять не следует. Пусть оно официально называется, как сейчас, а в частных письмах или статьях оно может для сокращения называться Обществом Рери-ха. Всячески будем избегать каких-либо возможных осложнений.

Что касается Вашей идеи об индусском отделе музея, то предлагаем отложить эту идею на будущее, и даже на далёкое будущее. Причин тому много. Во-первых, Мехта сейчас является магистратом и сборщиком податей Соединённых Провинций и членом Агрикультурного правительственного совета и, занятый этими правительственными должностями, будет непригоден для такого общественного дела, требующего личного внимания и заботы. Во-вторых, мы уже пробовали организовать пожертвование художественных предметов для Брюгге, и из этого, кроме бумажного сочувствия, толку не вышло. В-третьих – хорошие вещи будут стоить очень дорого, а нехорошие не нужны. В-четвёртых: индусское искусство нельзя представить без старинного искусства, а это собирательство весьма дорого стоит. Пятое: трудно назвать, который именно музей взял бы на себя такую инициативу, ибо рассчитывать на англо-индийские правительственные музеи не приходится. Шестое: кроме того, производя выбор среди индусских художников, сразу натолкнулись бы на соревнование, профессиональную зависть и всякие подобные неприятности, так что, кроме огорчения и затруднения, мало бы что получилось. Седьмое: лучше пока что сосредоточиться на собирании латышских, литовских и эстонских художников. Это дело большое – ведь, кроме молодых новейших художников, в семьях могут храниться и вещи умерших художников. Кроме того, в будущем возможен и отдел хорошего народного прикладного искусства, а всё это потребует и времени, и энергии, и затрат. При некоторых националистических течениях лучше показать, насколько забота прикладывается к со-

биранию или к выставке вещей балтийских художников. Ведь впоследствии возможен был бы и финляндский отдел.

Словом, имеется такая обширнейшая программа, что не хватило бы сил устремляться и в далёкие края. Ведь и Пакт Мира требует постоянного напоминания, стучания и вразумления. Кроме того, и положение *Угунса* требует постоянных забот, ведь вопрос распространения, наверное, стоит очень остро и для этого столько требуется и внешних и внутренних усилий. Жертвователи на издательство должны же хотя бы и медленно, но получать возмещение, в том случае если суммы были заимообразно одолжены и обеспечены самими изданиями... Ввиду того, что будет много цветных воспроизведений с моих картин, имеющих в Риге, то никаких копий делать не следует. За редкими исключениями копии оказывают плохую службу самому художнику...

Елена Ивановна очень печалится, что, по болезни, ещё не может писать Вам и Гаральду Феликсовичу. Она всё ещё в постели с высокой температурой и с болями. Это очень прискорбно, но напряжение повсюду так велико.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

4 ноября 1937 г. Наггар.Кулу.

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

4 ноября 1937 г.

Наггар, Кулу, Пенджаб, Британская Индия

Дорогой Друг,

Получил пакеты с дневниками нашего доктора⁴ и Портнягина⁵, а также лекции Головина. Не получен ещё дневник Кордаш[евского]⁶. Послан ли он, или же остался в моей файле, в которой он находился вместе с другими дневниками. Во всяком случае, буду просить Вас переслать его сюда.

У нас заболела Е.И. Простуда с очень сильной зубной болью. Вот уже пять дней, как Е.И. лежит в постели с жаром. Е.И. просила меня написать Вам по следующему делу, о котором я уже писал Вам в прошлом году. У Людмилы был счёт в «Банкерс Трэст К^о». Согласно последнему банковскому извещению на счету находилось 480 долл[аров] 59 ц[ентов]. Нельзя ли справиться в Банке о положении счёта. Счёт был открыт на имя: Miss Ludmila Bogdanoff c/o Louis L.Horch, 905 Wfest End Ave[nue], N.Y.

Кроме счета был ещё бонд дома на сумму 874 долл[ара] 50 ц[ентов]. С бондом выяснить, конечно, труднее, но счёт в банке должен был сохраниться, так как с 1930 г. денег с него не выписывали. Возможно, что Леви и тут проделал какую-нибудь гадость. Во всяком случае, это следует выяснить. Пожалуйста, напишите нам, как обстоит дело.

Решение рефери нас всех чрезвычайно возмутило. Нужно искать новых людей в новых кругах. Во всём этом сословии адвокатов царствует какая-то круговая порука, из которой выйти чрезвычайно трудно. Нужны адвокаты с крепкими моральными устоями. Вспоминается наша русская адвокатура. Мно-

⁴Рябинин К.Н. «Развенчанный Тибет».

⁵Портнягин П.К. «Современный Тибет».

⁶Декроа Н. «Тибетские странствия полковника Кордашевского. (С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии).

го грязи и клеветы распространялось о России, но такого безобразия всё же не было, и подкупность имела свои пределы. В СПб. были адвокаты, которые умели достойно защищать своего клиента, и, когда нужно было, знали, как произносить звонкие формулы. Даже при самодержавии суд всё же пользовался автономией. У нас же на глазах происходит самая наглая игра закулисных интриг и тайных воздействий. Ведь то обстоятельство, что рефери является приёмным отцом адвоката противной стороны, неужели оно не бросается в глаза? Ведь это обстоятельство следовало бы использовать. Удалось ли Вам найти книгу Головина «Мысли об устройстве будущей Российской вооружённой силы». Не хотелось мне Вас беспокоить с этим, но, увы, издание это распродано и достать эту книгу снова невозможно. Сердечный привет С[офье] М[ихайловне] и Ав[ираху].

Душевно Ваш, Ю.Р.

Только что получили известие, что здоровье Инге лучше. Очень рады этому обстоятельству. Не откажите передать мои наилучшие пожелания.

Издание МЦР, Москва. 2002.

5 ноября 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

5 ноября 1937 г.

Дорогой Павел Фёдорович!

Очень рад видеть из письма Вашего от 22-го окт[ября], сейчас полученного, что здоровье Ваше оправилось. Благодарю Вас за Ваше приветствие. Ваша мысль о создании группы моего имени в Ревеле должна быть координирована с несколькими подобными же пожеланиями, высказанными в том же городе. Чтобы не произошло невольного столкновения, очень советую Вам списаться с Председателем нашего Латвийского Общества Рихардом Яковлевичем Рудзитисом, который находится в курсе образования Балтийских групп. Хуже всего, когда доброе желание не встречается, но сталкивается с таким же. Вы, может быть, уже слышали, что конгресс в Риге прошёл под знаком хорошего успеха и таким образом получилось объединение всех Балтийских наших обществ и групп. Особенно приятно слышать, когда эти культурные очаги возгораются самостоятельно в полной самостоятельности. На Конгрессе была прочтена целая серия докладов по разным отделам культуры. Всё это очень хорошо, ибо объединение культурных элементов никогда так не было необходимо, как сейчас.

Из Эстонских газет мы также получили две хорошие вырезки в связи с Конгрессом. Каждое культурное дело для произрастания своего требует продолжительное время и должно нарастать естественно, ибо всякое доброе начинание непременно встретит и противодействие и непонимание. Борьба с невежеством должна быть действенным лозунгом каждого культурного работника.

Желаю Вам всего доброго, искренно,

Н.Рерих

Архив Беликова, Таллин.

**9, 13 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
9-НОЯБ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо Вам за письмо от 30 октября с последними газетными вырезками и сведениями о монографии. В смысле распределения воспроизведений в монографии лучше придерживаться обычного метода, то есть хронологического, тем более что и само распределение статей этому поможет. Ведь статьи в русской монографии пойдут в следующем порядке:

1. Леонид Андреев.
2. Голлербах.
3. Бурлюк.
4. Мишеев (можно выпустить).
5. Иванов.

Таким образом, и в статьях сохранится некоторая хронологичность. Андреев как бы будет общим вступлением. Голлербах говорит о первом периоде. Бурлюк поминает годы от 1918-го и далее. Мишеев говорит об общем настроении, а статья Иванова помечена 1937 годом и, значит, является последней. Такое распределение статей подскажет и распределение воспроизведений картин.

Очень любопытно, что Вы говорите о двух латышских газетах. Ведь речь должна идти не о случайной выставке, а об учреждении, и надо думать, что критики должны смотреть в плане более широком. Присланная Вами немецкая заметка, очевидно, написана зря, даже не давая себе труда, автор упомянул Достоевского и Куинджи. Как Вы знаете, оба эти великие мастера мне близки, но что же общего у меня с Достоевским или, в живописном отношении, с Куинджи? Очевидно, что автор заметки просто, что называется, отписался и ухватил два первых вспомнившихся ему имени. Знаем мы, как иногда в редакционной кухне жарятся и пекутся подобные заметки. Об этом существует немало анекдотов в литературном мире.

Вы опять поминаете о том, что издание приветствий будет на латышском языке. Было бы очень обременительно иметь и вторичное издание на оригинальном языке. Впрочем, Вам виднее, как по местным условиям лучше сделать. В былое время у нас не только в отчётах, но даже и в докладах императору допускались все три европейских языка – английский, французский, немецкий. Я сам в подобных отчётах не раз упоминал целые цитаты на этих языках. Но, повторяю, Вам виднее, как удобнее поступить. Между прочим, имейте в виду, что по разным техническим причинам выставка в Америке нами откладывается, и потому нет такой чрезмерной спешности с монографией. Часто бывает, что типография, если её начинают торопить, допускает всякие оплошности, а потом сваливает вину на требование спешности. Пусть уж лучше делают хорошо и не прикроются требованием спешки.

Интересно Ваше сведение о впечатлениях Кайгородова. Будем надеяться, что этот подъём позволит ему сделать что-либо полезное для образования эстонской группы. Ведь если там в ближайшее время будет очередная конференция министров, то хоть что-нибудь о Пакте должно быть сказано. Ссылка на необходимость признания какими-то великими державами остаётся пре-

странной, неужели двадцать одна американская республика не представляют собою эквивалента хотя бы одной так называемой великой державы? До сих пор Северо-Американские Штаты всегда считались таковой. Конечно, всем нам известно, от какой «великой» державы происходят всякие такие наущения. Но и она сама волею судеб уже постепенно теряет своё значение, и её шептания перестают быть убедительными.

Вы будете рады слышать, что Елена Ивановна уже встала с постели и опять поправляется, хотя потребуются ещё несколько дней, пока она опять окрепнет. Вчера мы все читали книги Булгакова о Толстом – весьма интересные и поучительные данные. Советуем и Вам их от него выписать. Булгаков пишет, что русский книжный магазин в Праге прогорел и остаётся сейчас чешский магазин, при котором имеется и русский отдел. Попросите Булгакова сдать туда несколько экземпляров книги Иванова. Кроме того, полагаем, что и при самом музее книга Иванова могла бы быть продаваема. Открытие моего зала задержалось из-за опоздания в доставке картин, – удивительно, как медленно действует транспорт даже на таких коротких расстояниях.

На последней странице октябрьского *Вестника* находится извещение, которое для Вашего сведения в копии прилагаем. Прежде всего нужно запомнить, что это извещение дано в октябре с. г. и, таким образом, ко всему бывшему уже не имеет отношения. Не кажется ли Вам, что некто уже пронюхал что-то какими-то странными путями, – откуда сие. Получили 5 экз. прекрасно изданного каталога. Если пришлётё ещё, мы распространим с пользой. Если кому уже посылали прямо из Риги, сообщите нам, пожалуйста. Имеются ли расписки в получении семян от Вавилова?

Слава Богу, Елене Ивановне лучше, хотя всё ещё вполне поправиться не может. Да и трудно ждать, чтобы по нынешним временам при всех космических тяготах можно чувствовать себя, как в нормальное время. Отовсюду идут вести такого большого напряжения, что и сердце вмещающее напряжено чрезмерно.

13-НОЯБ-1937.

Спасибо за сейчас дошедшие письма от 2-го и 3-го ноября со списками латвийских картин и распределением воспроизведений. Очень хорошо делаете, что не торопитесь сейчас с дальнейшими местными приобретениями; когда общественное мнение расшевелится, то и художники будут считать за радость пожертвовать в Музей или дать на долговременный срок. Основа уже положена, и теперь торопиться не нужно. Что касается порядка воспроизведений в монографии, то, как мы уже и писали, лучше придерживаться хотя отчасти хронологического порядка. Тем легче обозревателю видеть течение творческой мысли. По-видимому, сюита *Тибет*, состоящая из семи фотографий, разбилась в разных частях, а между тем её особенно важно сохранить вместе под 1926 годом. Прилагаем для Вашей памяти две вырезки первой и последней картины из этой серии. Её тем важнее сохранить вместе в указанном на самих фотографиях порядке, что, Вы лично должны знать, эта серия с того же времени находится в центральном городе. Как мы уже и писали, Мишеев может быть легко выпущен, ибо Андреев – Голлербах, Бурлюк – Иванов в этой последовательности вполне покроют русскую монографию. Конечно, ближайшее распределение воспроизведений мы предоставляем художественной редакции – редактор не должен быть слишком стеснён. Кроме того, он видит, какие

именно фотографии лучше выйдут. Что касается до гаммы для одноцветных вещей, то в монографии 1916 года имеется достаточное количество оттенков. Если *Орифламма* хорошо выходит в тёмно-малиновом тоне и будет одна на странице, то мы не видим, почему это чему-либо помешает. Из Америки о высылке клише не имеем сведений. Если и Вы не имеете, то пошлите ещё короткий запрос мисс Грант (лучше по-английски), прося её не отказать ответом. В прошлых письмах Гаральд Феликсович спрашивает, какие именно шторы лучше иметь в музее для защиты от солнца. Мы всегда употребляли и в мастерской, и в музеях не матерчатые шторы, а кальку на ролике – каждый обойщик умеет это сделать. Калька для предохранения от солнца весьма полезна. Рады слышать, что латышская газета отозвалась хорошо. Фёдор Антонович прислал перевод этой статьи с последней почтой. Очень трогательное письмо прислал Вайчулёнис – славный человек. Также рады слышать Ваше сообщение о том, что находятся у Вас новые помощники, – это так необходимо. Если члены правления имеют дежурство во время открытых часов музея, то много друзей может быть создано во время этих общений. Вы совершенно правы – не следует назначать входную плату, ибо эта мера действует на короткий срок, а затем приносит вред. Наверное, в музее продаются открытки, книги и пр. Да будет Вам всем светло – наши родные светлые воины Культуры. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

12 ноября 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

12. XI. 37

Н.К.

Блюменталь о Таллине. Комитет Пакта: Кайгородов, Гринберг, Ниман, Таска и В. Пятс (почетный председатель). Единодушная поддержка в Объединении художников и Художественном совете при министерстве образования. Таска вырабатывает статуты. 16 ноября все уполномоченные лица – к Акелю. Тогда и Балтийский Комитет.

Беликов, который в переписке с Александром Ивановичем, молод (29 лет), энергичный, симпатичный, умеет объединять, у него представители разных обществ молодых. Миллер и группа метапсихистов. Тем, которые занимаются спиритизмом, Беликов отказал. *[У него]* туберкулёз. Иногда делятся Учением с 2-мя членами. Статью для монографии – Муракин. Картины для музея.

150 репродукций для монографии – мало.

План сборника:

1. Краткий обзор Конгресса.

2. Обращение Н.К. и Е.И.

3. Приветствия, по континентам и странам: А. Латвия, Литва, Эстония. В. Европа – Франция, Англия, Австрия, Чехословакия, Италия и пр. С. Индия. Юрий и Святослав Рерихи. Владимир Анатольевич. D. Америка. E. Прочая Азия.

(В *Le Pakte Roerich* выпущено, к кому обращается и последние слова приветствия. Не оставить ли ради...)

4. Мои обращения-радиопередачи.

5. Рефераты (в английском издании — латышские – по-английски, русские – по-русски). Реферат по Живой Этике несколько сократил.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**15, 16 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
15-НОЯБ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Большое спасибо за Ваши сведения от 6 ноября в письме к Владимиру Анатольевичу с приложением статьи *Моя поездка по Литве* и списков. Очень хорошо, что эта статья появилась, ибо она будет интересна нашим литовским друзьям. Приветствие может быть текстуально напечатано. Также, пожалуйста, включите в список лиц, приславших приветствия, А. Хирьякова (Варшава).

В библиографический список можно прибавить мою статью о Литве, вероятно, ещё успеем прибавить статью Хирьякова, которую он посылает. Как мы уже и писали, статью Мишеева можно и совсем выпустить, Вам на местах виднее. Вы правы, предполагая, что в машинописной копии статьи Мишеева были маленькие изменения. Было вынута слово *эмигрант*, а в начале название музея было сокращено: *Русский музей*. На всякий случай посылаем статью Андреева.

Видим, как широко был разослан циркуляр и книга Иванова. Где в данную минуту находится Иванов, мы не знаем. Очень хорошо, что Вы послали книгу и проспекты Калантаевским, Туркиной, Хейдоку. Как Вы уже знаете, я не пишу ни Туркиной, ни Хейдоку и пока ограничиваюсь лишь открытками-памятками на имя Калантаевской. Полагаем, что Черткову вследствие его местонахождения пока лучше ничего не посылать. Очень радостно слышать, что Вы имели запросы о том, как прошёл Конгресс, – всякий такой интерес ценен, а в особенности в наше время, когда, как Вы видите, с каждым днём мировые обстоятельства всё сгущаются. Если будете писать Калантаевским, запросите, не было ли чего-либо о Конгрессе в шанхайской прессе. Впрочем, Арнольдов не вызывает доверия. Интересно будет узнать, не получится ли сведений или по крайней мере расписки от Б.К. Рериха. Также не было ли расписки от Вавилова? Не понимаем, почему после первых вполне благополучных сведений оттуда всё вдруг замолчало? Впрочем, может быть, всем им сейчас не до того. От Абрамовича был получен Владимиром Анатольевичем список всех посланных книг, но, к сожалению, в этом мы совсем не разбираемся и номера нам неясны. Не было ли у Вас каких-либо вестей от Асеева и от Е.Ф.Писаревой. По-видимому, её слабое зрение отразилось на всей её переписке. Можно представить, насколько такая болезнь мешает Е.Ф. Писаревой. Интересно, что по астрологическим характеристикам 9 октября для меня и 12 февраля для Е.И. подходят гораздо более.

16-НОЯБ-37. Очень хорошо, если состоится предположенный Вами Комитет Пакта для трёх Балтийских государств. Конечно, каждое из них может иметь свой субкомитет, и таким образом получится постоянно действующее учреждение, а эти секции комитета могут местно поддерживать и укреплять

общественное мнение. У Вас уже имеется список лиц, подписавшихся под петициями, и, таким образом, кроме членов Общества, имеется резонатор, которым при случае можно мудро пользоваться.

Совершенно не понимаю отношение Балодиса. Казалось бы, он был лектором Московского археологического института, в котором я был почётным членом, и одно это обстоятельство уже должно было вызывать с его стороны внимание. Между тем он даже не отвечает на чисто научный вопрос, – до сих пор даже при отсутствии личных отношений чисто научное сношение считается как бы вежливостью учёных. Почему же мы должны заподозривать его в невежливости? Впрочем, говорю это не для того, чтобы вы его опять трогали, а лишь для сведения на случай. Сама жизнь часто устраивает такие «случаи», которые обычным путём и придумать нельзя.

Елена Ивановна поправляется очень медленно. Хотя температура и спала, но внутренние боли всё время опять чувствуются, и потому приходится быть особо осторожной. Чувствуется, что при малейшем поводе опять возможно ухудшение. Представляем себе, сколько у Вас новых впечатлений в связи с Конгрессом. Вам виднее, как именно и на каких языках должны быть напечатаны доклады, резолюции и пр. Нужно лишь, чтобы всё сделалось так, чтобы создавалось наибольшее количество новых друзей и людей сочувствующих. Интересно, исполнило ли своё обещание то лицо, которое на открытии предполагало пригласить и главу, или же доброе намерение повисло в воздухе? Во всяком случае, если что-то ещё не назрело, то не следует форсировать. По-видимому, судя и по прессе и по Вашим впечатлениям, происходит здоровое нарастание. Такой процесс, процесс эволюции, всегда несколько медленен, но зато результаты его всегда особенно плодотворны. Каждое Ваше письмо приносит столько фактических сведений, что можно лишь радоваться и желать Вам всем, верным воинам Культуры, все лучшие победы и достижения. Сердечный привет Вам всем.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

16 ноября 1937 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

16. XI. 37

Н.К.

1. Прилагаю копию письма к Кайгородову – об образовании Балтийского комитета им. Н.К.
2. Название монографии – *Путь, Путь Рериха, Держава Рериха*.
3. План монографии – хотел кончить серией *Майтрейя* и *Ригден Джапо*.
4. Ленинская библиотека в центральном городе прислала письмо, что в обмен на наши журналы согласна выслать местные издания.

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**24, 26 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.**

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
24-НОЯБ-37

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо за Ваше письмо от 12 ноября. Очень рады слышать о вестях, которые привёз Блюменталь из Таллина. Рады слышать, что Комитет Пакта в Эстонии, по-видимому, образовался и будет иметь, как Вы пишете, единодушную поддержку от Объединения художников и Художественного совета при Министерстве образования. Поддержите решимость и терпение этого нового Комитета. Во время их официальных обращений им придётся выслушать немало благоглупостей, но они должны помнить, что даже Красный Крест, в своё время, имел за собою целую литературу нелепых выкриков и насмешек. Во всяком случае, все мировые события лишь показывают, насколько напряжённо текущее время. Очень хорошо, что Вы уже знаете о Беликове, и, таким образом, какая-либо нежелательная диверсия с его стороны может быть предусмотрена. Дело в том, что мы его совершенно не знаем, но появился он на нашем горизонте от Гущика, а с этим последним нужно быть весьма осторожным. Только что мы получили от него (Гущика) длинейшее письмо, главная часть которого состоит в безобразных нападениях на Конгресс за посылку приветственных телеграмм трём президентам. Выкрики Гущика настолько безобразны и неосновательны, что о них не стоило бы и поминать, если бы он не жил в Таллине и не мог бы косвенно влиять на Комитет. Непонятно, каким образом достаточно взрослый человек не понимает, что Конгресс из вежливости обязан ответить на приветственную телеграмму литовского президента, а из Эстонии был официальный делегат, и телеграмма Вашему президенту более чем естественна. В лучшем случае письмо Гущика производит ненормальное впечатление, ибо он адресует ко мне как к Учителю, а затем погружается в совершенно необоснованные и неприличные наветы. Имейте это в виду. Также Гущик весьма хвалит покойного Феликса Денисовича, но делает это как бы в противовес теперешнему правлению. Лишь бы только Гущик не втёрся в Таллинский Комитет.

Вполне понимаем Вашу осторожность с кружком Рудниковой, ибо если там появились какие-то медиумы, то кто знает, во что всё это может вылиться. Кроме того, она сама писала Е.И. о каком-то своём соотношении к какому-то «преступному типу», как она его называет, не давая имени.

Вполне доверительно Вам сообщаем, что в последнем письме от 28-го октября Асеев сообщает: «Передаю издание сборника в Ригу... Речь идёт лишь о перемене редактора и перенесении издания в другую страну. Есть *НЕ-СКОЛЬКО* человек, которые согласны продолжить начатое мною дело; предпочтение отдал я А.И.Клизовскому, считая его наиболее достойным. Вопрос о финансировании сборника, который едва ли когда-то будет окупаться, А.И. уже урегулировал, не прибегая к помощи Латвийского общества. Весь архив я ему передам, сотрудников тоже, а потому думаю, что дело под его руководством пойдёт хорошо». Вот что мы знаем из письма Асеева. Не знаем, кто эти подчёркнутые несколько человек, не знаем, откуда средства, и полагаем, что эти обстоятельства несколько не обременят средств и энергию Общества. Конечно, мы не можем возражать против какого-либо частного предприятия, но неужели А.И. соглашается взвалить на себя такую тяготу, которая в конечном

счёте потребует и средств, уже не говоря о значительном отвлечении А.И. от прямых дел Общества. Кроме того, каким образом можно будет в общественном понимании отделить рижский *Оккультизм и Йогу* от Общества и издательства *Агни-Йога!* Можно предвидеть множество затруднений и нападков, а это всё не помогает. Между тем мы чувствуем, что Общество сейчас совершило такие геройские поступательные шаги, которые не должны быть чем-либо отягощены. В настоящее время мы не раз думали о том, чтобы и энергия и средства Общества были разумно экономизированы. Ведь на Вас, на Лукине, на Вайчулёниси и на всей небольшой Центральной Группе и без того лежит масса работы. Сообщите нам все Ваши доверительные соображения.

Что касается до последовательности приветствий в сборнике, то лучше всего придерживаться алфавитного порядка, не разделяя по странам. Этим путём можно счастливо избежать неравновесия в количестве приветствий от разных стран. Но алфавитный порядок лиц, приславших приветствия, совершенно изгладит всякие другие соображения. В список имён, пожалуйста, внесите ещё: А.М.Ремизов, Париж. Теперь выясняется, что некоторые, как, например, проф. Лапрадель, случайно задержались с ответом и не нашлись поступить так же, как поступил Свен Гедин.

26-НОЯБ-37. Спасибо за письма Ваши к Е.И. и ко мне от 16-го ноября. Е.И. ответит особо, а мне хочется сейчас же добавить о двух Ваших вопросах: I) название монографии лучше сохранить *Рерих*, II) при хронологическом, хотя бы приблизительно, распределении воспроизведений монография окончится на *Сострадании* и на *Кулуте* – обе относятся к 1937 году. Дай Бог, чтобы Комитет в Таллине успел организовать и благодаря Пятсу получил бы официальное доброжелательство. Из перечисленных книг прежде всего интересны алтайский эпос и песни народов Швеции, как Вы и пишете. Местожительство Бабенчикова можно сохранить, это факт. Нет ли каких расписок от Б.К. Рериха и вестей от Вавилова? Будем ждать вестей о дальнейших движениях в Таллине. Какие прекрасные фото Ваших детей. Привет Вам всем – Всего Светлого, Сердцем и Духом с Вами,

Н.Рерих

Только что получено печальное известие о кончине нашего почётного советника и большого друга сэра Джагадиса Боше в Калькутте – большая утрата для всемирной науки. Он был основоположником открытий о жизни растений. Предлагаем почтить его память на следующем собрании вставанием.

Можете сообщить правлению, что к 10-му октября в нашем Филадельфийском центре состоялось особое собрание, на котором д-р Христиан Бринтон читал доклад *Рерих – Художник и Друг*, а известный поэт Уортон Сторк читал *О духовном значении Рериха*, и председательница Чайка (не Хайка, как написано в копиях приветствий) Андреевна Скунмэкер произнесла приветственную речь.

Пожалуйста, пошлите книгу Иванова по следующему адресу:
Son Excellence, Monsieur Petras Klimas, Ministre de Lithuanie,
14 Place Malesherbes. Paris XVII, France.

Списались ли с Булгаковым о продаже в указанном им магазине и в самом музее книги Иванова и послали ли ему несколько дополнительных эк-

земляров этой книги? Кстати, полезно бы дать на продажу и несколько моих книг начиная от *Путей Благословения* и до последней – туда же, в Прагу.

В Вашем письме к Е.И. Вы говорите, что прилагаете копию письма Бутенек, но такой копии пока не оказалось.

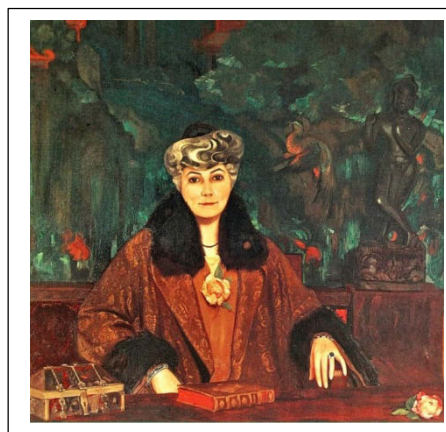
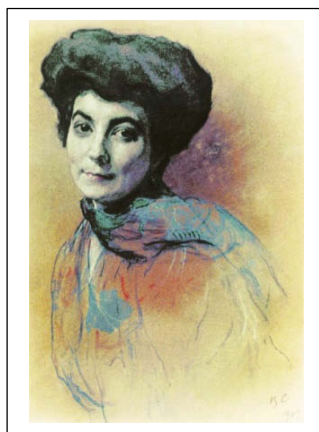
На всякий случай прилагаем вырезку из местной газеты с данными о Джагадисе Боше. Вы помните, что во фрагментах Дювернуа и в *Путях Благословения* несколько раз его имя поминалось.

P.S. Сейчас получено письмо от Шклявера, выдержку из которого доверительно сообщаю Вам; ибо эти добрые сведения порадуют и Вас и могут быть при случае сообщены Юлиане Доминиковне; Шклявер описывает свою последнюю беседу с посланником Литвы: «Посланник прежде всего просил передать Вам лучший привет и осведомился о состоянии здоровья Елены Ивановны, которой он шлёт также лучшие пожелания. Затем он сказал мне об отличном впечатлении, которое произвёл в Балтийских странах Рижский Съезд; литовская печать уделила съезду много внимания^[1]. Я, в свою очередь, поблагодарил за тот живой отклик, который съезд нашёл в литовских официальных кругах и, в особенности, со стороны Президента Республики, министра иностранных дел и представителей армии».

Таким образом, добрые семена съезда проявляются, и будут проявляться широко кругом.

Также имейте в виду, что наша французская ассоциация за подписью председателя Пейроннэ передала в Швецию меморандум о Пакте.

Вы спрашиваете о портрете Е.И. работы Серова. Доверительно скажем Вам, что тот портрет нам всем не очень нравится, а в особенности теперь, когда Святослав написал превосходнейший портрет Елены Ивановны. И по краскам, и по передаче сходства и духовного устремления портрет, написанный Святославом, является удачнейшим произведением.

А. Серов. Портрет Е. И. Рерих. 1909. С.Н. Рерих. Портрет Е.И. Рерих. 1937.

Посылаю Вам для Вашего сведения копию моего письма к Гуцику, из которого Вы увидите мои соображения. Вам полезно знать это письмо, ибо от такого неуравновешенного, если не сказать больше, человека всегда можно ожидать разных наскоков.

Публикуется по изданию: *Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.*

28 ноября 1937 г. Таллинн
Письмо Алексиса Раннита⁷ к Рериху Н.К.

Таллин. 28 ноября 1937.

Глубокоуважаемый проф[ессор] Н.К. Рерих!

От имени Союза Эстонских Академических Художников имею радость поздравить Вас - Великого Рыцаря Духа - с Вашим блистательным юбилеем. Союз просит передать своё благоговение перед глубоким откровением Вашего творчества с верою в реальное осуществление Пакта Мира.

С самыми сердечными приветами, преданностью и верою, что эстонские художники никогда не забудут Ваших великих Учений,

А. Раннит.

Архив Музея Рерихов, Москва

30 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.

Naggar. Kulu. Penjab. Br. India
30-НОЯБ-37

СОВЕРШЕННО ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо за письмо Ваше от 20 ноября. В Вашем письме заключается целый ряд деловых соображений о сборнике приветствий, которые решайте на месте – как проще и лучше. Тороплюсь послать Вам совершенно доверительно копию моего письма к Асееву, которое полетело сегодня. Вы видите из моего письма, что в Таллине нашлись какие-то (подобные Гушику) осудители и потому стало необходимым спешно послать письмо Асееву и разъяснить ему нашу точку зрения. Можно предполагать, что эти наветы не без прямого или косвенного участия Рудниковой. Во всяком случае, нужно знать, какие типы прикрываются разными духовными изучениями, а сами вполне подражают мракобесам. Асеев пишет, что если бы А.И. Клизовский не занялся бы одиннадцатым выпуском *Оккультизма и Йоги*, то у него имеется предложение из Таллина. Вот на этом основании я и пишу ему, что, по нашему мнению, так будет и лучше. Асеев сообщает, что А.И.К. ему писал, что Вайчулёнис будет финансировать *Оккультизм и Йогу* и потому, вероятно, помощь Вайчулёниса Обществу сократится (если не вообще оторвётся). Это сообщение нас весьма огорчило. Ведь и без того Ваша группа численно не велика, и каждый такой хотя бы частичный отрыв чрезвычайно нежелателен. Да и можно ли отрывать сотрудников, работающих на общее дело Великого Владыки. Ведь средства Вайчулёниса не бесконечны, и делить их ему будет очень трудно, а может быть, Вайчулёнис находится в заблуждении, считая, что этот журнал нам нужен. Тем более нужно внутренне поддержать идею, что Таллин, где такого издательства нет, именно, может быть удачным решением. Ведь не будет же Вайчулёнис финансировать таллинское издание. Всё это Вам нужно знать и

---

⁷ Алексис Раннит (Алексей Долгошев) (1914-1985) — эстонский поэт русского происхождения, родившийся в Калласте (Причудье), учился в эстонской гимназии в Тарту. С середины 1930-х гг. его имя появляется в эстонских газетах — поэт выступает не только со стихами, но печатает и статьи, заметки, рецензии. – Ред.

обсудить доверительно с Гаральдом. Сейчас самое грозное время. Повсюду сгущаются тучи. Только бы наш дорогой Гаральд не подвергся новому натиску мрачных сил. Зависть коллег бывает безгранична, и они, подобно нью-йоркским апостатам (троцкистам), могут идти на самые мерзкие действия. Поэтому пусть, не теряя времени, Гаральд запасается вескими аргументами и держит влиятельных друзей наготове. По нынешним дальневосточным событиям, лучше не поминать «харбинцев», ведь они в произволе насильников. Орден Кр[углого] Стола, по-видимому, подотдел Теософского общества. Интересно, почему письмо Блюменталя о Беликове подлежит сокращению. Вы ожидаете клише из Америки, но апостаты, кажется, и тут вмешались. В таком случае Вам придётся решить дело уже без этих клише. Понимаем Ваше соображение о книжном магазине. Если заведующий окажется энергичным, то такое дело может идти. Главное, решите всё вполне деловито, чтобы не возникли какие-либо разочарования. Чудовищные проценты, взимаемые магазинами, действительно парализуют всякие возможности, а между тем необходимо продвижение издательства. Какие ещё издания предполагается держать на складе в этом магазине, и с кем предполагается сообщаться за границу? Горный поминал о *Петрополисе*, а Булгаков – о каком-то чешском магазине. За океаном, может быть, Москов и Балакшин или Гребенщиков могут посоветовать. Посылаю Вам выписку из издания Пражского университета, вчера присланную Булгаковым, – может быть, пригодится для местной прессы.

Самое грозное время, да будет Вам светло, славные воины культуры.

Сердцем и духом с Вами, *Н.Рерих*

Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

**30 ноября 1937 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Александру Асееву.**

30-НОЯБ-37

Только что Елена Ивановна послала Вам воздушное письмо, как пришло Ваше от 4 ноября. Не скрою, что некоторые сообщения в нём нас глубоко огорчили. Ваше сведение об «обиде» эстонцев на правление Конгресса тем более нас огорчило, что с прошлой почтой мы имели письмо из Таллина от некоего писателя, который, совершенно не зная положения вещей, осуждал латвийцев за посылку приветственных телеграмм трём президентам Балтийских стран. Мы разъяснили этому писателю, что Конгресс и не мог поступить иначе, ибо от литовского президента было отличное приветствие, из Эстонии был официальный делегат, а телеграмма латвийскому президенту более чем понятна. (На открытие был делегирован адъютант президента.) При этом мы пристыдили таллинского писателя, что он из-за кустов леса не увидел. Можно ли пространно толковать о трёх приветственных телеграммах и всячески осуждать это дружелюбное действие, а в то же время не увидеть всей трогательной пользы и подъёма духа, который произошёл по причине Конгресса. Теперь Вам пишут неведомые нам эстонцы о каких-то своих личных обидах на Конгресс. В чём эти обиды, понять совершенно невозможно. Мы знаем, что от одной группы Рудникова была приглашена на Конгресс. Представительницей

другой организации должна была быть Гагемейстер. Мы знаем, что они обе были приглашены и обе по неведомым причинам не приехали. Кайгородов, задержанный делами, приехал на другой день после Конгресса, восторженно отозвался о том, что он видел, и в настоящее время принимает живейшее участие по устройству в Таллине группы – Комитета Пакта. Почётным председателем согласился быть Пятс, брат премьера. Таким образом, все фактические данные говорят о нормальном и строительном настроении. Спрашивается, кто же эти странно обидчивые люди, которые за все эти годы не принесли ни доли участия в наших местных обществах. Уж не местные ли Батурины где-то затесались и в Таллине. Слышали мы уже давно о каком-то местном разлагателе Ар[туре] П[еале], уж не играет ли где-то под сурдинку его скрипочка. Пожалуйста, непременно сообщите нам имена лиц, сообщавших о таком странном положении среди «эстонцев», – ставлю слово *эстонцы* в кавычки, ибо мы не убеждены, эстонцы ли это или же только проживающие временно в Эстонии. Вы понимаете, почему это Ваше сообщение нас глубоко огорчило, значит, имеются и ещё какие-то персонажи, которые или по невежеству, или по злобе не хотят видеть леса из-за кустов. По совести говоря, деятельность Латвийского общества должна в каждом культурном человеке вызывать искреннее одобрение. Если вспомним, какое количество книг издано, при этом почти все по-русски, за год председательства Р. Рудзитиса, то нельзя не приветствовать эту усиленную светлую работу. А сколько полезных докладов сделано, а теперь расширен музей и намечается широкая программа на будущее. Только какие-то Батурины не оценят такой самоотверженной деятельности. А сколько внёс и духовной и матерьяльной поддержки светлый д-р Лукин, которому и самому приходится выдерживать мрачные натиски со стороны завидующих коллег-врачей. Также и Вайчулёнис самым трогательным образом способствует делу, так же как и все прочие члены правления. Вы сообщаете, что Вам пишут, почему доклады читались одни по-латышски, а другие по-литовски. На конгрессах нередко доклады делают на различных языках, и при встрече разных стран такое обстоятельство неизбежно. Не забудем, что уже добрый десяток лет Латвийское общество под вдохновенным руководством покойного д-ра Лукина спаялось в доброжелательную группу. А теперь какие-то неведомые люди, ничего для Общества никогда не сделавшие, пытаются шептать Вам наветы и вносить, где можно, разложение. Ещё раз, пожалуйста, сообщите нам имена лиц, осуждающих Конгресс и нежелающих увидеть положительную сторону этого собрания. Итак, скажите осуждающим, чтобы они научились поменьше осуждать и разлагать, а прежде всего устремлялись бы ко всему строительному и дружелюбному. Вы пишете, что из Таллина Вам предлагают издавать Ваш журнал. Скажем по-дружески, что такое предложение нам весьма нравится. Пусть так и будет. Вы, конечно, знаете, что в Латвии существует особое положение, при котором даже нелегко бывает получить разрешение на издания. Кроме того, там устраивается правительством культурная камера, в которую могут войти (вернее, должны) всякие культурные общественные и издательские начинания. Таким образом, и с этой стороны для всякого нововведения можно ожидать трудностей. Но раз, как Вы пишете, существует предложение из Ревеля, где, по-видимому, положение вещей легче, то пусть всё сделается так, как легче и менее чревато последствиями. Ведь Вы знаете о всяких Гроссе и прочих мракобесах, ползающих и натравливающих людей друг на друга. Счастье, что обстоятельства пресекли Вашу переписку с Бату-

риным. Там творится нечто неопишное. Да и вообще сейчас в мире самое грозное время. Вы поминаете статью Желиховской о Е.П.Б. Сведения этой статьи были в своё время использованы в книге Синнетта *Эпизоды из жизни Блаватской*. Кроме того, статья Желиховской (по-французски) написана так, как обычно пишут ближайшие о великих людях. В качестве сестры она считала своим долгом и оговорить многое, и умалить, и присыпать серым порошком, так что, печатая её сейчас, ничего нового не получится, а старое будет дано в очень пониженном тоне. Е.И. хотя и поправляется, но всё же со стороны здоровья наладиться вполне не может, а за время болезни у неё накопилась громада срочных работ и корреспонденции. Посылаю Вам выписку из пражского издания о музее, куда перевезены мои картины из Белграда. Сейчас прошла очень успешно выставка в Траванкоре и несколько картин остаются для их правительственного музея. При случае попеняйте Вашим таллинским корреспондентам, чтобы они поменьше осуждали, а побольше добротворствовали. Если бы я знал заблаговременно, что теперь пойдёт статья о давно бывшей экспедиции, то, конечно, я бы предложил не трогать этих старых «новостей». Сейчас мир так стремительно устремляется в будущее, что всё прошлое должно быть применено весьма осмотрительно. Вам будет интересно слышать, что сейчас в Индии широко распространяется одна книга на индустанском языке о том, что, по проверенным вычислениям, Кали-юга кончается в 1942 году. Это верно. Е.И. и мы все шлём привет –

Духом с Вами.

Из личного архива Гунты Рудзите. Публикуется по изданию: Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с.

ДЕКАБРЬ

4 декабря 1937 г. Наггар, Кулу.

Из письма Е.И. Рерих к Рихарду Рудзитису.

4 - 12 - 37

Доверительно.

Родной Рихард Яковлевич, прилагаю для Вашего осведомления мой ответ Е.М. Бутенек, по прочтении, пожалуйста, передайте ей. Надеюсь, что она поймёт, что, не научившись вместиать, бесполезно сосредоточиваться на каком-либо *одном* Образе, ведь именно таким образом и создаются фанатики.

Большое, большое спасибо за присланную карточку Ваших девочек. И сказать не могу, как по сердцу мне Ваша старшая девочка! Какая она славенькая! Какое очаровательное выражение лица! Но и малыш хорош. На одной карточке это прямо маленький мудрец. Родной Рихард Яковлевич, передайте и Элле Рейнгольдшне, я верю, что найдётся возможность излечить заикание. Наука делает такие успехи с каждым годом. Найдётся и хороший врач, могущий лечить внушением. Пока пусть девочка растёт и физически крепнет. Конечно, врач близкий, наш общий друг, будет владеть, вернее, уже владеет и этой способностью.

Знаю, родные, о ритме Вашей жизни и немного тревожусь этим напряжением. Рада буду, когда Вам немного полегчает. С другой стороны, во всём мире такое страшное нагнетение, что усиленная работа входит как бы в мировой

ритм и отвлекает от тягостных мыслей, которые встают, когда вдумываешься во всё происходящее. Разложение в мире идёт гигантскими шагами. Карма работает усиленно. Вся мощь напрягается перед концом Кали-юги. Срок этот оповещается сейчас широко на Востоке как 1942 год. Эзотерически это верно.

Очень обеспокоила меня фраза в письме Фёдора Антоновича – «над Гаральдом собираются тучи». В своём последнем письме Гаральд Феликсович ничего не писал. Но, по счастью, он обладает таким запасом психической энергии, который может противостать и обезоружить многих врагов. Щит Света над ним. Пусть будет осторожен и предусмотрителен, по-прежнему хранит торжественность во время боя, ибо канал торжественности самый прямой. Помощь Света легче всего летит этим путём.

Радовалась, что Вы прочли жизнь Аполлония Тианского. Припомните и страницы из этой жизни в *Криптограммах Востока*.

Да, суждения современных писателей энциклопедий несут сатанинскую печать нашего века и потому стремятся умалить и опорочить всё самое прекрасное. <...>

Дорогой Рихард Яковлевич, очень чуяла, что сердце Ваше беспокойно. Но прошу Вас не тревожиться. Знаем, с каким чистым устремлением Вы относитесь к своим обязанностям Водителя и как невероятно трудно руководить взрослыми людьми! Сердцем многое угадываю. Также знаю повышенную обидчивость некоторых членов и приписываю её отчасти болезненному состоянию здоровья. В связи с предложением д-ра Асеева о передаче Александру Ивановичу редактирования журнала *Оккультизм и Йога* я написала ему о невозможности отягощать этим Латвийское общество, тем более при существующих обстоятельствах. Также просила его проявить полную солидарность со всеми членами правления. Надеюсь, что Александр Иванович за это на меня не обидится. Конечно, пишу Вам это совершенно доверительно.

Родной Рихард Яковлевич, меня несказанно трогает всё, что Вы пишете о Вашей супруге. Я люблю такие характеры. Вы говорите, что в Вашей супруге развито чрезмерное стремление быть правдивой, граничащее иногда даже с самоуничижением. Мне знакомо это мучительное чувство. Но в то же время именно это чувство лучше всего удерживает нас от пагубного самомнения. Придёт время, и самоуничижение с лёгкостью будет преоборено и преобразится в великое чувство смирения, которое неотъемлемо живёт в большом сердце. Но борьба с укоренившимся самомнением почти безнадежна. Самомнительный человек никогда не сможет стать учеником Великого Братства.

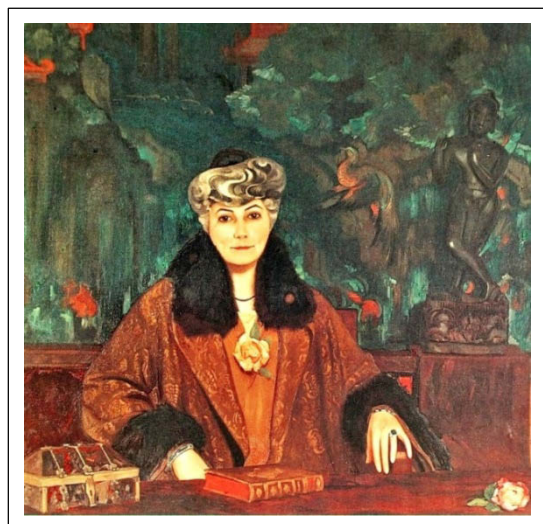
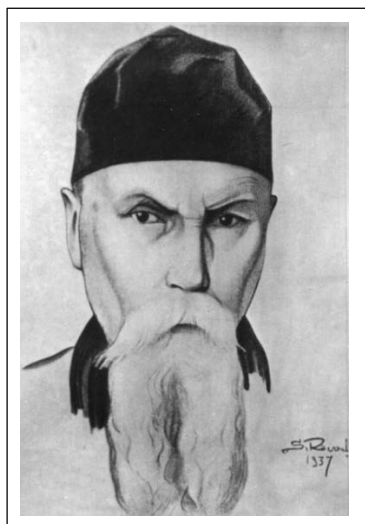
От всего сердца радуюсь уюту и согласию и тем радостям, которые Вы находите в своей семье. Шлю мой самый сердечный привет Элле Рейнгольдшне и всю ласку Вашим прелестным малюткам. Пусть растут под Щитом Света.

Времена сейчас грозные, но и они пройдут, и всё-таки тучи несутся на юг.

Нападения тёмных сил в Америке тоже усилились, но в самые опасные дни торжественность наполняет наши сердца. Трудные времена могут быть, но Щит Света покроет в минуту решительной опасности неубоявшегося воина. Сейчас полезно читать биографии великих людей. Недавно читала отрывки из жизни Масарика. Какая трудная жизнь! Какие тяжкие испытания пришлось ему пережить! И подумать, что чуть ли не за три года до своего избрания главою государства он был объявлен врагом народа!! Дочь его тогда же была аре-

стована и посажена в тюрьму, а жена подвергалась даже пытке! Сын умер! А теперь он назван отцом своего народа и мудрейшим правителем, и утрата его оплакивается всей страной. Таковы человеческие суждения и дела!!! Так каждый из нас примет чашу подвига и не уstraшитcя! Шлю Вам и Г.Ф. самые лучшие, самые светлые мысли.

Посылаю Вам новый портрет Н.К. и три снимка с моего портрета работы Святослава. Большую голову, если хотите, можно использовать для монографии, пометив под воспроизведением – *Фрагмент портрета Е.И. Рерих работы Святослава Рериха*. Остальные два снимка и портрет Н.К. – для Общества.

Портрет мой очень красочен, но на снимках некоторые тона выходят тёмными. С правой стороны портрета помещается очень древнее каменное (должно быть, из базальта) изображение Кришны. На столе слева ковчег, который описан в легенде о Сокровище Мира.

Четыре буквы в квадратах помещаются на задней стороне ларца.

Сейчас получила два письма, от Вас и Г.Ф. – Н.К. отвечает. Шлю Вам мужество и мудрую радость. Сердцем с Вами,

Елена Рерих

Сделаем маленькие снимки с портрета и пошлю Вам и для друзей.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

14 декабря 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Клизовскому А.И.

14-ДЕК-1937

Дорогой Александр Иванович,

Спасибо за письмо от 22-го ноября, вчера дошедшее. Прочли его со всем вниманием и вполне понимаем Ваши сложные соображения. По нынешним временам даже самое простое обыкновенное дело необычайно усложняется. Так и с изданием журнала. На первый взгляд, конечно, ничего нельзя сказать против, если издателем журнала будет Гудков. Но и Гудков, и Дидковский

являются не столько идейными борцами, сколько коммерсантами в полном значении этого слова. Вероятно, заметив, что журнал не будет самокупающим, Гудков пожелает включить в него какую-нибудь такую общедоступность, которая не будет приемлема Вам.

Недавно д-р Асеев сообщал нам, что он имел несколько предложений перенять этот журнал, и в том числе, из Таллина. На это я ему ответил, что ввиду различных усложнений, могущих возникнуть ввиду особого положения Латвии, может быть, следует именно остановиться на Таллинском предложении. Ответа от Асеева на это ещё мы не имеем.

Принимая во внимание разные стороны дела, мы также заботимся и о том, чтобы Вы не были перегружены всякими заботами, которые помешали бы Вам в Ваших трудах, и не отрывали бы от занятий по обществу. Ведь деятельность общества значительно расширилась и потому каждый член общества, а тем более, член правления, имеет много возможностей приложить свой труд. Вы пишете, что Вам не нравится название журнала, и мы вполне это понимаем. Всё, что может вызывать невежественные толкования, должно быть избегаемо. А мы уже видели, что в Риге проявлялись всякие «махатмы» Шмидты, вредные Вреде, Дикманы и всякие другие вредители, которые или по злобствованию, или по невежеству, могут причинять много забот и препятствий. Итак, мы вполне понимаем Ваши недоуменные заботы, и было бы жаль, если они ещё более чем-то усилились бы. Повторяю, что мы ещё не знаем, как отнесётся А.М. Асеев к Таллинскому проекту. Также вполне понимаем Ваши соображения о статье Вашей для монографии. Вам она бы доставила много труда и новых изучений, а текст монографии уже вполне определился. Спасибо Вам за Ваши добрые намерения. Полагаем, что теперь Вам полезно повременить с визитом к консулу. Тема была о посылке книг, но сейчас обстоятельства вообще изменятся, а потому пока повремените. Елена Ивановна и все мы шлём Вам душевный привет и будем рады слышать, во что выльются обстоятельства с Гудковым, и всё прочее, касающееся журнала.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

14 декабря 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Клизовскому А.И.

14-ДЕК-1937

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

Дорогой Александр Иванович,

Спасибо за письмо Ваше от 22 ноября, вчера дошедшее. Прочли мы его со всем вниманием и вполне понимаем Ваши сложные соображения. По нынешним временам даже самое простое обыкновенное дело необычайно усложняется. Так и с изданием журнала. На первый взгляд, конечно, ничего нельзя сказать против, если издателем журнала будет Гудков. Но и Гудков, и Дидковский являются не столько идейными борцами, сколько коммерсантами в полном значении этого слова. Вероятно, заметив, что журнал не будет самокупающимся, Гудков пожелает включить в него какую-нибудь такую общедоступность, которая не будет приемлема Вам. Недавно д-р Асеев сообщал нам, что он имел несколько предложений перенять этот журнал, и в том числе одно из Таллина. На это я ему ответил, что ввиду различных усложнений, мо-

гущих возникнуть ввиду особого положения Латвии, может быть, следует именно остановиться на таллинском предложении. Ответа от Асеева на это ещё мы не имеем. Принимая во внимание разные стороны дела, мы также заботимся и о том, чтобы Вы не были перегружены всякими заботами, которые помешали бы Вам в Ваших трудах и отрывали бы от занятий по Обществу. Ведь деятельность Общества значительно расширилась, и потому каждый член Общества, а тем более член правления, имеет много возможностей приложить свой труд. Вы пишете, что Вам не нравится название журнала, и мы вполне это понимаем. Всё, что может вызывать невежественные толкования, должно быть избегаемо. А мы уже видели, что в Риге проявлялись всякие «махатмы» Шмидты, вредные Вреде, Дикманы и всякие другие вредители, которые или по злобствованию, или по невежеству могут причинять много забот и препятствий. Итак, мы вполне понимаем Ваши недоуменные заботы, и было бы жаль, если они ещё более чем-то усилились бы. Повторяю, что мы ещё не знаем, как отнесётся А.М. Асеев к таллинскому проекту. Также вполне понимаем Ваши соображения о статье Вашей для монографии. Вам она бы доставила много труда и новых изучений, а текст монографии уже вполне определился. Спасибо Вам за Ваши добрые намерения. Полагаем, что теперь Вам полезно повременить с визитом к консулу. Тема была о посылке книг, но сейчас обстоятельства вообще изменятся, а потому пока повремените. Елена Ивановна и все мы шлём Вам душевный привет и будем рады слышать, во что выльются обстоятельства с Гудковым и всё прочее, касающееся журнала.

Духом с Вами,

Н.Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Р. Рудзитисом-Мн.: Лотаць, 2000. 584 с. Из личного архива Гунты Рудзите.

18 декабря 1937 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

18 декабря 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Шлю Тебе два моих записных листа:, в одном из них я поминаю Твоё, всегда мне близкое, имя, а в другом говорится о сохранении культурных ценностей, и этот вопрос, конечно, чрезвычайно близок Твоему сердцу. Мне не приходилось видеть Твоих отзывов по поводу предложенного мною Пакта о сохранении культурных ценностей. Мы оба с давних времён так много трудились именно на этой трудной пашне, что все мои мысли в этом направлении, конечно, близки и Тебе. Только что мы имели сведения с Дальнего Востока о том, что за последнее время уничтожено более ста китайских университетов и других образовательных учреждений. Также слышали мы, что Храм Неба (у Камиллы Альбертовны <Бенуа-Хорват> была такая акварель) обращён в бараки завоевателями. В Тиньзине сожжена ценная библиотека—всё это лишь показывает, насколько должно человечество неотложно подумать о сохранении всего, что могут давать эпохи расцвета. В своё время идея Красного Креста подвергалась всяческому глумлению и считалась вообще неприложимой, но самое время показало, насколько общечеловечна была идея Дюнан. Никто и ничто не может заставить нас думать, что и Красный Крест Культуры неприложим или несвоевременен. Рабиндранат Тагор сердечно ответил мне на

эти зовы, также и Метерлинк, покойный король Альберт и король Александр, кардинал Пачелли, покойный сэр Джагадис Боше, маршал Лиоте, президент Думерг, Масарик и многие, многие другие. Наш Балтийский Конгресс тоже очень сердечно и звучно отозвался.

Все мы шлём Анне Карловне и Тебе наши сердечные приветы и ещё раз пожелания к Новому Году.

Искренне и душевно,

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

«Шлю Тебе два моих записных листа; в одном из них я поминаю Твоё, всегда мне близкое, имя, а в другом⁸ говорится о сохранении культурных ценностей...»

Н. К. Рерих

**ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЕНУА, ЕГО СЛАВНОЙ СЕМЬЕ,
КАРТИНАХ, ПОСТАНОВКАХ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА**

Из Лондона пишут о новой волне восхищения перед балетом и театральными постановками. Русским такое письмо особенно радостно. В основе известия лежат успехи русского искусства, Бенуа, Дягилев, Шаляпин, Стравинский, Прокофьев, Павлова, Фокин, Нижинский, Мясин и многие прекраснейшие художники, каждый в своей сфере, вложили великий дар в успехи русского и мирового искусства. Их не перечесть! Ими, их творчеством, несмотря на всё мировое потрясение, неустанно растёт признание искусства. А ведь осознание красоты спасёт мир.

Вспоминаю всю долгую славную деятельность Александра Бенуа. Редко случается, чтобы целая семья дала столько замечательных деятелей искусства, как семья Бенуа. Отец Александра Бенуа - выдающийся архитектор Николай Леонтьевич. Братья Александра Николаевича - Альберт, прекрасный художник-акварелист, и Леонтий, известнейший архитектор и ректор Академии Художеств. Но не заглохли традиции служения искусству на этом старшем поколении. Сын Александра Бенуа, Николай, уже занял выдающееся место в европейском искусстве. Кроме врождённого таланта помогла ему и высокохудожественная атмосфера дома Александра Бенуа. Необычайна вся обстановка жизни Александра. Пусть молодое поколение чутко прислушивается и оценит это культурное гнездо - настоящий рассадник прекрасных творений, писаний, собирательства и чуткой отзывчивости на все события мирового искусства.

Александр Бенуа - неповторенный мастер и в картинах, и в театральных постановках. Бенуа - редкий знаток искусства, увлекательный историк искусства - воспитавший целые поколения молодёжи своими убедительными художественными письмами. Бенуа - собиратель предметов искусства. Не только знание и начитанность, но тонкий вкус и прозрение дали его собранию особую привлекательность. Наконец, Бенуа - незаменимый деятель культуры в её широком понимании; гуманизм, этот цемент всех человеческих взаимоотношений, запечатлен во всей жизни Бенуа. Когда же такое редкое качество

---

⁸ См. Н.К. Рерих «Панацея». Июль 1937 г.

утверждено на почве, расцветшей истинным искусством - тогда-то получается редчайший синтез культуры. В жизни, здесь, среди земного смущения, необычайно, редко такое соединение. Когда думаешь о нём - наполняешься радостью и энтузиазмом. Без них что же возможно?

И для русских такое неповторимое сочетание особенно вдохновительно. Не так уж они богаты щедрыми синтезами. Кроме того, частенько бывали случаи жестокости и небрежения к великим дарованиям. Не о Пушкине ли, не о Лермонтове ли припомнить? Не о Врубеле ли опять пожалеть? Много примеров! Что делать! Если в прошлом со многими обошлись неприлично, то хоть в настоящем - для будущего - будем бережны ко всему прекрасному-неповторимому.

Александр Бенуа в своем щедром синтезе дал знаменитый пример для молодёжи. Каждое из его дарований уже отвело бы ему почётное место в истории искусства и культуры. Но сочтите, сложите все эти дары, и какое славное служение человечеству получится.

Мастер-художник Бенуа даёт много картин, слагает свой особый стиль и сочетает традиции лучших эпох с современным пониманием художества. И в технике он замечателен, выразителен и в то же время ясен. Возьмёт ли он образы любимого им Версаля, или Петровской эпохи, или Кальдерона, Гольдони, Шекспира, или же образы Стравинского - он везде дома. Всюду он внесёт своё понимание эпохи и примет во внимание всё, что может подчеркнуть, типичность и убедительность. Таинственно зовуще это последнее качество. Лишь истинное дарование обладает возможностью гармонией частей дать новое неоспоримое целое. Словами не выразишь, в чём кроется убедительность. Или прилетит эта легкокрылая гостья, или не коснётся вовсе. В творчестве Бенуа именно есть убедительность.

История искусства Бенуа даёт особый тип жизнеописания художества. Только художник может так смело и суммарно пройти по бесчисленным путям творчества. Справедливость суждений своих Бенуа не раз подтверждал, возвращаясь к прежним определениям, утвержденным новыми фактами. В потоке жизни Бенуа ищет правду. В молодости мысли он не стремится к осуждению, в чём повинны многие завзятые критики, но готов принять во внимание каждый новый, полезный факт. Замечательна неувядаемая познавательность Бенуа. Для него нет тупиков предрассудков. Он хочет знать, и в таком постоянном познании он остаётся молодым, - качество счастливое и редкое.

Собиратель Бенуа являет пример, как нужно слагать хранилища искусства. На своём собрании он рассказывает, как нужно любить основы собирательства. Не сухая номенклатура, но свечение радуги творчества для Бенуа каждый музей и собрание. Жаль, что Бенуа так коротко был во главе Эрмитажа. Именно он мог руководить такою многообразною сокровищницей. Глава государственного музея не сановник, не чиновник. Он есть руководитель живого дела, от которого произрастает возрождение искусства целого народа. Не кладовая-Музей, но Музей - дом всех искусств, заповеданный классической Элладой. На таком посту хочется видеть Бенуа. Пусть и такая мысленная посылка работает в пространстве.

Деятель культуры Бенуа запечатлел свои труды во многих журналах, обществах, комитетах и всевозможных просветительных учреждениях. Как опытный врач, он всегда готов подойти, выправить, посоветовать. Представим ли себе «Мир Искусства» без Бенуа? Или издательство Евгениевской Об-

щины? Или «Старые Годы»? Или «Общество Старого Петербурга»? Или «Старинный Театр»? Или Дягилевский балет? Или портретную выставку в Таврическом Дворце? Или выставку союзного искусства? И не перечислять всего, где потрудился, боролся и побеждал во имя искусства Александр Бенуа. Были у него и враги. Но у кого из деятелей их нет?" «Скажи, кто твой враг, и я скажу, кто ты есть». Окаменелый академизм был всегда врагом Бенуа. Но ведь это одно уже является отличием. Были несправедливые наветы и злощептания, но разве эти факелы дикарей не сопровождают каждого выдающегося деятеля? Не часто понята бывает ценность. Целые Академии расписывались в позорных ошибках. Не сказать ли примеры?

Не о бывшем хочется говорить. Важно то, что Бенуа во всем своём даровании, во всём знании и опыте неустанно действует. Недавняя его выставка в Лондоне - широкий успех. Не только восхвалены вещи, но и раскуплены. Художественные письма Бенуа ждуться и читаются, на них сложилось много молодых сознаний. Живёт радость, что Бенуа без усталости творит большое русское культурное дело. Как никогда, оно нужно.

Народ пришёл к осознанию, что красота спасёт. Встало задание об украшении жизни. Каждый деятель, могущий внести камень культуры, должен это сделать, как долг, как обязанность. И каждое знание, каждое дарование должно быть бережено, как ценность неповторимая.

Полвека тому назад впервые мною было почуяно дарование Александра Бенуа. В гимназии Мая праздновался юбилей её основателя. Географу Маю было устроено шествие с дарами от разных стран. Бенуа представлял Хоанхо от Китая. Он читал приличествующие случаю стихи. Сказано было это приветствие так особенно убедительно, что до сего дня помню и золото-чёрный китайский наряд, и глубокий, спокойный голос, уже знавший и готовый ко многим будущим трудам и достижениям. Славно, что Александр Бенуа творит и работает неустанно.

1937

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

24 - 25 декабря 1937 г. Калифорния
Письмо Александра Кауна к Рериху Н.К.

Рождество.

Дорогой Николай Константинович,
Пишу из пустыни, к востоку от Palm Springs, у подножия горы San Jacinto. Приехал отдохнуть от необычайно тяжёлого семестра. Помимо массы работы, я долго болел (бронхит и астма), и забросил корреспонденцию. Хотелось писать Вам, поздравить Вас с юбилеем, но чувствовал, что больному не подходит обращаться к Вам. Латвийскому Конгрессу я послал приветствие, и имел от них ответ. По-видимому, Рига один из прочнейших центров Ваших идей. Простите за смелость послать Вам мой эскиз пустыни. Трудно, знаете, не поддаться соблазну рисовать, когда видишь природу, и неиспорченную цивилизацией. Какие здесь необычайные облака! А степной воздух с меняющимся колоритом с утра до вечера. А золотые оттенки низкорослых кустов. Впрочем, Вам об этом говорить не приходится, Вы видели всё, от Санта-Фе до Гималаев, от Ростова и Ярославля до Алтая и Непала.

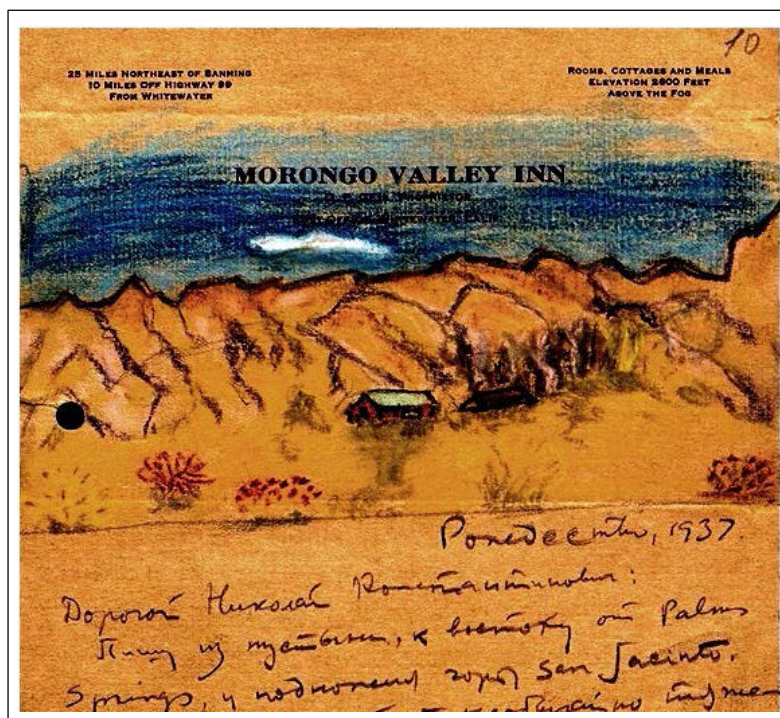
Вот я и отрываюсь от книг и пишущей машинки, выхожу на бесконечный простор и принимаюсь за тщетный труд – воспроизвести хотя бы частицу красоты и величия пустыни.

Здесь отдыхаешь и от «человеческого безумия», о коем Вы мне писали в последнем письме. Дома я принимаю участие в разных комитетах для поддержки Китая и Испании. Сердце болит при виде мирового цинизма, особенно торгашества английской дипломатии. Временами хочется убежать от «цивилизационного» человечества на какой-нибудь остров, вдали от безумия. Знаю, что это малодушие, Надо жить в юдоли плача и разделять боль и безумие людей.

Желаю Вам крепости духа и тела,

Душою Ваш Александр Каун

Вернусь домой к 12 января.

Фрагмент автографа письма с рисунком А. Кауна.

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 декабря 1937 г. Наггар, Кулу

Письмо академика Н.К. Рериха к Калинин М.И.

24 декабря 1937 г.

Председателю Всесоюзного Верховного Совета

В ноябре месяце Представительство наше в Париже передало на рассмотрение Верховных учреждений Союза Меморандум о признании Пакта для охранения памятников искусства и науки. К этому меморандуму считаю делом своим присоединить и мои следующие соображения.

Мысль о Пакте зародилась во мне уже в 1904 году после продолжительных поездок для изучения исторических памятников Родины. Первое сообщение о полезности подобного Пакта было мною сделано в Обществе архитекто-

ров и потому считаю, что мысль, создавшаяся на Родине тридцать три года тому назад и постоянно встречавшая сочувствие деятелей культуры, получит признание Всесоюзного Верховного Совета.

Мои книги, очерки и статьи, в большей своей части, содержат суждения о значении всенародных культурных ценностей, и тем радостнее мне было узнавать о многих удачнейших изысканиях, произведённых в области Союза и давших ценнейшие научные и художественные достижения. Мои очерки «Всенародное» и «Подземная Русь» и др[угие] говорили о несомненности предстоящих открытий.

Хотя Пакт имеет задачей своею также и охранение памятников науки и искусства в военное время, но ещё большая задача Пакта состоит в пробуждении патриотического сознания народа, который от начальных школьных дней будет не только узнавать исторические данные, но и внедрит в себе твёрдое осознание, что, охраняя научные и художественные памятники, он тем самым обороняет и бережёт своё лучшее неотъемлемое достояние.

Народные ценности являются и мировыми, всечеловеческими сокровищами. Вопросы науки и искусства живут вне условных границ. Но прежде всемирного понимания этих безусловных ценностей каждый народ должен возлюбить то, что ведёт его к дальнейшим достижениям.

В моих призывах последнего времени («Оборона» и «Чаша Неотпитая») мне приходилось опять настоятельно звать к обороне Родины и к охране её драгоценного достояния.

В полном народном сотрудничестве, в понимании великих задач, в образовании сознательного и мужественного молодого поколения мы, работники на пашне культуры, можем утверждать преуспеяние нашей возлюбленной Родины. Пакт об охранении памятников науки и искусств уже встретил признание двадцати одной страны Пан-Американского союза. Я уверен, что инициатива признания Пакта в Европе и Азии принадлежит Всесоюзному Верховному Совету, ибо сама мысль о Пакте создавалась во мне после изучения исторических и художественных памятников нашей Великой Родины.

Культурные мировые силы, в лице своих лучших представителей, уже дали целую литературу о Пакте. Знак Пакта, охраняющий памятники и учреждения всенародного значения, означает – Прошлое, Настоящее и Будущее; друзья Пакта также понимали Знак как символ Знания и Искусства под общим синтезом Великого Труда. Различные народы, каждый по-своему, понимали последовательность обозначений, но всечеловеческая задача охранения всенародных ценностей близка каждому мыслящему человеку.

Если бы потребовались какие-либо разъяснения и дополнения к представленному меморандуму, то для Комитета Пакта во Франции и для меня будет большою радостью выполнить такое желание.

Веря в славное преуспеяние Родины и в подъём мощи народной, полный мыслью о служении Родине и всяческой её обороне, прошу принять мой искренний привет.

*Академик
Н.Перих*

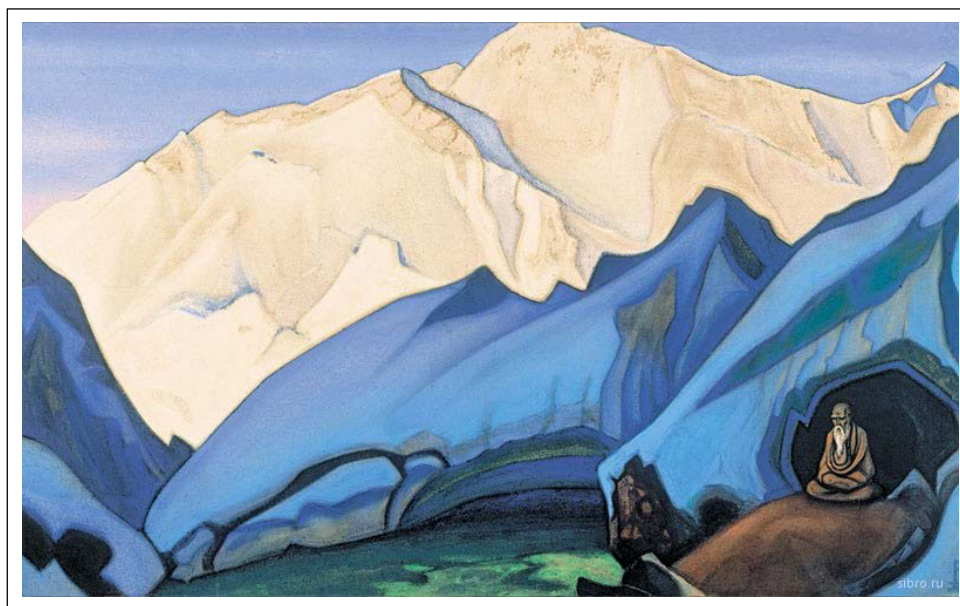
Государственный архив РФ № Ф 7523. Оп. 65. Дело 226. Л. 3-4

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВРАТА В БУДУЩЕЕ...

«Сантана - поток жизни. Где и когда, и кому пригодится всё записанное? Но видели, как оно становилось нужным. Даже цензоры, поставленные для пресечения, полюбив прочтённое, нередко радовались...»

(Н.К. Рерих. «Сантана», 1940)

Н.К. Рерих. Сантана. 1937.

К Монографии 1939 г¹...

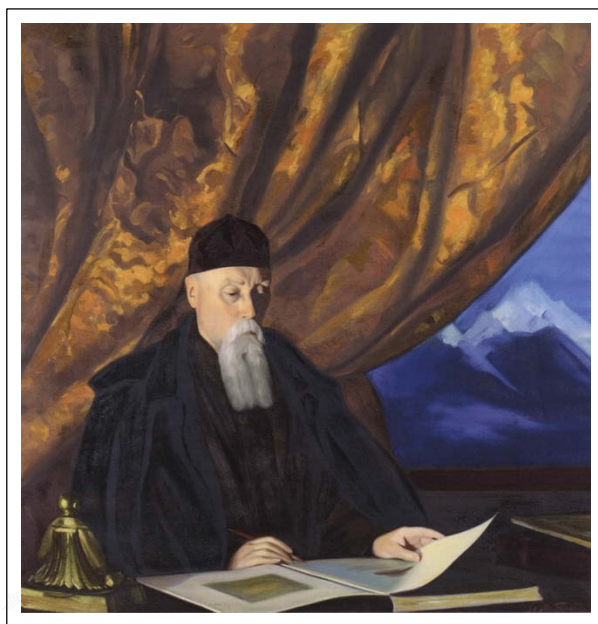
Из письма Н.К. Рериха к Рудзитису от 27 сентября 1937 г.:

«...Посылаю статью Э. Голлербаха, которую Е.И. считает чрезвычайно полезной для включения в русскую монографию. Если бы по размеру, кроме бывших уже четырёх статей, она оказалась бы слишком объёмистой, то лучше исключить Мишеева. Впрочем, может быть, и всё уместится, – опять-таки Вам на месте виднее. Голос Голлербаха, как голос оттуда, имеет особую ценность. Также посылаю Вам список сорока пяти фотографий, посылаемых паровой почтой. Иногда художественные редакторы любят вещи разных периодов и фрагменты и таким порядком могут выбрать, что им по их редакционному плану полезно. Конечно, все эти фотографии можете сохранить в витрине или в альбоме Музея. Может быть, подоспеет и снимок с Портрета Е.И., писанного Святославом. Если для выполнения монографии потребуется от 4–5 месяцев, то полагаю, что и этот снимок подоспеет...»

---

¹ Монография: РЕРИХ. (Статьи: Всев.Н. Иванова и Э. Голлербаха). Рига, 1939.

С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1937.

Эрик Голлербах

ИСКУССТВО РЕРИХА

Творчество Рериха достаточно полно освещено во всемирной художественно-критической литературе, и все-таки оно является нескончаемым поводом для плодотворных раздумий и догадок, сопоставлений и выводов. Автор предлагаемого очерка имеет в виду не столько формальный анализ произведений Рериха, сколько соображения принципиально психологического или, если угодно, философского порядка, выросшие на основе изучения творчества Рериха.

Отсюда – неизбежная субъективность, а также и большая искренность автора и его, так сказать, личная заинтересованность в своей теме.

I

Рерих...

Это имя уже давно стало обозначать целый космос, творческой волей художника вызванный к жизни, – целый мир образов глубочайшего значения, одушевлённый мудростью в античном смысле слова: София есть «мастерство», умение создавать вещь; подлинники художники недаром именуются у Пиндара и Аристотеля мудрыми.

Аристотель понимал мудрость как «добротность искусства»; древние грамматики непосредственно приравнивали ее «искусству» и «ремеслу».

Высокое «ремесло» Рериха отмечено несомненным и прочным знанием. Рерих – философ, мудролюб: знание для него, как для всякого художника, означает видение, точнее – провидение. Видения и видение для него нераздельны. Как верно подметил один из современных мыслителей наших (А.Ф. Лосев), у Гомера слово «узнаю», «познаю» весьма часто соединяется с глаголом, означающим видение (пример: «И Эней пред собою познал Аполлона, в очи воззревши», и мн. др.); греческое «знаю» обычно обозначает «я уви-

дел»: знание обычно скрыто понимается как знание на основе видения. «Оптический» смысл знания раскрывается в словах Платона: «Это мы не услышали от других, но сами знаем воочию» и т.п. Наконец, греческая «идея» есть не что иное, как видение, зрение: у Платона «Эйдос» часто обозначает наружность, конкретно зримое тело, фигуру.

Венец платонической философии – бытие, организованное как художественное целое, как изваяние. Для Платона «философия есть величайшее благо очей», и по Гераклиту «глаза более точные свидетели, чем уши».

Всё это невольно вспоминается, когда обозреваешь творчество Рериха, проникнутое знанием вещей видимых и обличением вещей невидимых. Есть нечто глубоко философское, спокойно-серьёзное в его отношении к миру. Это художник без «улыбки», без «игры», сосредоточенный и строгий. «Ernst ist das Leben», – сказал Гёте; «Ernst ist die Natur» – смог бы добавить Рерих.

Древняя Мать-Земля, безмолвная, многострадальная, вещая, только избранным открывающая седые свои тайны, – неизменная тема Рериха, неизменная его любовь.

О пантеизме художника, об его архаическом стиле было в разное время сказано немало верного, и всё-таки «главная правда» о Рерихе невыразима, как невыразимо, в конечном счёте, «содержание» лучших его картин: они открывают посвящённым такие дали, возводят их на такие выси, о которых говорить нет надобности и даже возможности нет говорить. В этом – лучшая цель изобразительного искусства; силой единовременного, почти мгновенного внушения своего он устраняет всякую нужду в «литературе». Связывать Рериха с каким-то «пояснительным текстом», с какой-то беллетристической значило бы вульгаризировать сущность его творчества. Здесь, как и во многих других случаях, искусствовед должен ограничить себя в намерениях: помочь пониманию Рериха, поскольку это в его силах, он обязан, но не должен навязывать «своего» Рериха, не должен никак «препарировать» художника, говорящего сам за себя.

II

Случилось так, что большая часть произведений Рериха находится в Америке, отделенная от нас огромными просторами океана и нам почти недоступная (репродукция – не в счёт). Но по существу Рерих – наш, он русский из русских, и даже более русский, чем сами русские: огромное мироощущение его, расширенное до космических масштабов, символически может быть обозначено как всеобъемлющее сердце русское, жадно влекущееся к миру, «космополитическое» сердце.

И мыслеобразы Рериха – иначе нельзя определить его картины – суть прорывы в космос, прозрение космополитической мысли. Вот почему в эпоху величайшего внимания к проблемам всенародности, всечеловечности, братского единения – творчество Рериха должно быть особенно близко и дорого русскому сознанию.

Рерих – художник интернационального значения уже просто потому, что подлинные ценности искусства всегда интернациональны – если не в формах воздействия, то в результатах своего воздействия. Пусть мистические элементы в творчестве Рериха чужды материалистическому мировоззрению передовой советской общественности, но даже для позитивно настроенного ума ясно, что мистицизм Рериха не имеет ничего общего с прошлым, бульварным «мистицизмом» дурного тона, ничего общего с дешевой «теософией» или по-

пулярным оккультизмом, – в нём нет упаднической психологии. «Таинственность» Рериха выше и лучше ходячего мистицизма; она лежит в самой основе его стилистического своеобразия. Декадентский мистицизм – это вино, разбавленное водой.

Рерих же пьёт из своего варяжского рога густое и терпкое вино тысячелетий, чёрное, как запёкшаяся кровь.

У всякого художника своя «манера выражаться»: исторические прозрения Сурикова облечены в более реалистическую форму, чем образы Рериха, и оттого его живопись ближе и понятнее современному зрителю. Рерих «провидец» не в меньшей степени, чем Суриков, но он ещё и философ, его образы символичны, они не только повествуют о чём-то, но синтезируют и абстрагируют изображаемые явления.

Рерих – не декадент, он менее всего упадочник: нельзя не чувствовать в его произведениях здоровых, крепких корней «природолюбия», нельзя не ощущать их глубокой человечности и ясного целомудрия, которое немислимо заподозрить ни в малейшей извращенности, ханжестве или профанации великих истин.

Мы имеем в своём распоряжении слишком мало данных для того, чтобы судить о степени и характере успеха Рериха в Западной Европе, – мы знаем только об исключительном и заслуженном успехе его в Америке – успехе, который поистине делает честь американцам и вместе с тем повергает нас в недоумение: казалось бы, «что им Гекуба»? Может быть, в этом следует видеть проявление известного практицизма, ибо творчество Рериха лучший способ «наглядного» изучения тех древних, сказочных форм скандинавской, скифской и русской жизни, той ранней истории, мифологии и отчасти «геологии», о которых так скучно и нудно повествуют учебники и учёные трактаты? Разве не проще и занятнее увидеть воочию «возможную», «вероятную», почти достоверную Русь – эту «варварскую страну вечного снега и медведей», чем читать в плохом переводе русские былины, «Слово о полку Игореве» и прочие, неудобоваримые для иностранца, вещи?

Нужно полагать, кроме того, что Старому и Новому Свету равно импонируют пленительная загадочность многих рериховских картин. Они как бы «приспосабливают» эту загадочность к своим «мистическим настроениям» (странно уживающимся с биржевой игрой, кино, авто, фокстротами, скачками и породистыми собаками). Но, может быть, самый «нерв» рериховского искусства, самая суть его глубокого и тонкого восприятия «исторической природы» от них дальше, чем от нашего современного зрителя, прекрасно улавливающего различие между подлинно прекрасным и внешне красивым, между правдой и занимательностью.

III

То, что принято называть именем религиозного искусства, иногда очень далеко от живых и вечных источников религии. В самом деле: обращая мыслью к прошлому европейской живописи, окидывая ретроспективным взглядом пройденный ею путь, много ли мы находим на этом пути подлинно гениальных, волнующих, «заражающих» отображений религиозного чувства? Не оставляет ли нас холодными безупречное творчество Рафаэля, не кажутся ли нам безличными произведения его последователей и подражателей, не навевают ли скуку чинные творения болонской школы? Сотни, тысячи раз повторенные сюжеты Библии; несчётное количество благоговейных «прописей»

на темы Ветхого и Нового завета; утомительно однообразные варианты «Св. семейства», «Благовещения», «Вознесения», «Успения», «Мадонны с младенцем», «Распятия» и пр. и пр. – всё это воспринимается нами скорее в плане тех или иных исторических и формальных особенностей, чем в качестве непосредственных и внушительных выражений религиозной идеи: «качество» тонет в «количестве», и всё, что остаётся от изучения этого огромного материала, сводится к скрупулезному анализу технических приёмов различных мастеров. История религиозной живописи похожа на огромную библиотеку, которую мы, по совести говоря, не успеваем как следует прочесть, и к которой относимся с холодноватым, почти кощунственным любопытством исследователей, далёких от религиозного сопереживания. Когда-нибудь должна быть поставлена и освещена проблема религиозного искусства в совершенно ином плане, чем она трактовалась до сих пор. Нужно же понять, что существуют совершенно бездейственные, псевдорелигиозные «Мадонны» и «Спасители», наряду с религиозно-действенными... пейзажами. Кто станет отрицать, что у того же Рериха есть пейзажи, которые всей совокупностью изобразительных средств – композицией, динамикой одних форм и статикой других, взаимоотношением линий и пятен, градациями света и тени, сочетаниями и переливами красок, их мощным взаимодействием, даже самой фактурой письма действуют как внушения религиозного порядка? Подлинно историческая живопись есть, вместе с тем, религиозное искусство уже по самому филологическому смыслу слова «религия», ибо историческая живопись связывает прошлое с настоящим и в лучших своих проявлениях не только воссоздаёт прошлое, но и претворяет его в новую действительность, обладающую своим особым вероятием, поскольку в ней прошлое показано сквозь призму творческого воображения, всегда окрашенного в той или иной мере современной психологией и не отрицающего современное жизнеощущение, которое невозможно окончательно задавить никакой археологией. Историческая живопись, подобно музею, творится во имя воскресения прошлого; если музей есть, по взгляду Н.Ф. Федорова, «храм поминовения усопших», воздвигаемый на защиту веры, надежды и любви, то «историческая живопись», в существе своём, есть теургическое действие, направленное к той же самой цели.

IV

Ученик (отчасти) скульптора Микешина и мозаичиста Кудрина (до поступления в Академию) и А. И. Куинджи (в Академии художеств), Рерих с самого начала своей художественной деятельности работал самостоятельно и обдуманно, одиноко и замкнуто. Уже одни названия первых его работ «Плач Ярославны», «Курганы» (1893), «Иван Царевич наезжает на убогую избушку», «Ушкуйник», «Зверя несёт» (1894), «В греках» (1895), «Утро богатырства Киевского» и «Вечер богатырства Киевского» (1895—1896) определяют круг интересов художника: русская старина, творческое воссоздание её образов на основе археологических материалов и памятников древней письменности. Сама по себе такая задача не была чем-то новым, небывалым, но она была решена небывалым образом, без того казенного национализма и театрально-бутафорской стилизации, которыми так щеголяла русская «историческая живопись» второй половины прошлого века (если не считать таких великолепных исключений, как творчество Сурикова). Главная «выпускная» картина Рериха (1897) «Гонец» (находящаяся в Третьяковской галерее) далеко не выяв-

ляет тех возможностей, какие раскрылись в дальнейшем творчестве Рериха, но убедительно говорит о его огромном живописном даровании, о свободной и смелой технике, об искреннем и сильном лиризме, чуждом всякой банальности в своём самообнаружении. Эта картина, как и последующие, – «Старцы сходятся» (1898) и «Поход» (1899), носит характер «исторического прозрения» в том аспекте, какой присущ всему историческому oeuvre Рериха: это история без «истории», это старина, почувствованная интуитивно, физиологически, а не патриотическая реставрация. Это проникновение во вселенское сквозь русское только потому и возможно, что у Рериха всегда присутствует чувство «стихийно русского» в отличие от тех, кто живописал сусальную «Святую Русь».

Три эти картины вместе с последующими двумя – «Зловещие» и «Город строят» составили цикл «Начало Руси, славяне». В 1900 году Рерих совершил поездку в Париж с целью посетить всемирную выставку и поучиться у Кормона; французский живописец дал ему известную тренировку в области рисунка, о чём свидетельствуют такие работы Рериха, как «Человек с рогом», «Натурщики», «Идол», «Герона» (1900—1901). К основоположникам импрессионизма Рерих остался холоден; большое впечатление произвёл на него Пювис де Шаванн, понравились ему Сегантини, Бенар, Латуш, Симон. Популярный в те годы Бёклин импонировал Рериху гораздо меньше, чем малоизвестный тогда Марес. К этому времени относится укрепление в творчестве Рериха тех принципов художественного преобразования явлений, которые ведут к созданию изолированного, индивидуального стиля.

По возвращении Рериха в Россию на весенней академической выставке 1902 года появились его «Зловещие», «Идолы», «Заморские гости» и «Красные паруса», картины, заставившие публику усиленно говорить об их авторе. Чем-то свежим и новым веяло от них, от широкой и звучной их декоративности, от пронизывающей их строгой грусти, их таинственного проникновения в область давно минувшего. И ещё: было замечательно в этих вещах сочетание явно выраженной «стильности» с большой правдивостью. Недаром писал В. В. Розанов о картине «Город строят» (появившейся в 1903 году на выставке «Мира искусства» и приобретенной, под шум неодобрительных толков, Третьяковской галереей): «Если неосторожно стать близко к картине, то увидишь вместо людей какие-то белые пятна, а на надлежащем расстоянии «Город строят» даёт впечатление такой живости и натуральности, что хочется потянуть носом воздух, чтобы услышать чудный запах свежераспиленной сосновой доски». Этими словами Розанов хотел выразить то удивительное сочетание импрессионистической выразительности с реалистической силой, какие составляют отличительную особенность рериховского стиля.

Чувство стиля как таковое само по себе ещё не определяет художественного мировоззрения, хотя последнее немислимо без первого. Также немислим писатель, не умеющий владеть словом и не способный выработать собственной манеры. Мы знаем целый ряд превосходных стилистов, тончайших мастеров формы, лишённых, однако, подлинного мирозерцания. Нельзя сказать, что у них нет вовсе своей «точки зрения» на мир: в чувстве стиля есть нечто имманентно философское, но качество и количество философских элементов обратно пропорционально культу чистой формы. Чем исключительнее поглощают внимание художника чисто формальные задачи, технические проблемы, лишённые всякого внутреннего содержания, тем больший ущерб

наносит он развитию своего внутреннего «я»; только тесная связь технической тренировки с эмоциональной заряженностью творчества и философской заинтересованностью сообщает произведениям художника настоящий смысл и полновесное значение.

Творчество Рериха всё сплошь «мировоззрительно». Притом оно лишено навязчивой «литературности», наивной повествовательности, словом, тенденциозности, и той изобразительной «арифметики», которая так неприятна в произведениях натуралистов-бытовиков или живописцев-«историографов».

В прежнее время бывал иногда взгляд на Рериха, как на «художника-археолога». Эта кличка, разумеется, ни в какой мере не исчерпывала сущности и значения рериховского творчества. В этом сухом и казённом определении нет главного: нет даже намёка на ту поэтизацию русского Севера, на ту «апологетику» древней Руси, которая независимо от всякой «археологии» животворит произведения Рериха. Она присутствует всюду: и в «Городке» (1902), и в «Ладьи строят» (1903), и в «Древней жизни» (1904), и в ряде этюдов с натуры, написанных в 1902 и 1905 годах в Новгородской и Тверской губерниях; она сказалась и в великолепных декоративных работах художника, вроде двух панно «Княжая охота» (1902, дворец в имении Рамонь Воронежской губернии), и в церковных росписях 1904—1906 годов, и в демонических, чародейских мотивах, вроде картин «Колдуны», «Заклятие водное» (1905), «Змиевна» (1906), раскрывающих перед нами «земляное злое ведовство».

Картина «Бой» и «Утро» (1906), этюды итальянского путешествия (того же года), финляндские этюды (1907), рейнские этюды (1909, 1912), кавказские (1913), ряд театральных работ – «Валькирия», «Снегурочка», «Князь Игорь», «Весна Священная», «Фуэнте Овехуна», «Пер Гюнт», «Тристан и Изольда», «Принцесса Малэн», «Сестра Беатриса», картины «Ункрада» (1909), «Человечьи праотцы» (1911), «Звёздные Руны» (1912), росписи Талашкинской церкви (1911–1914), двенадцать панно для виллы Лившиц в Ницце (1914), два огромных панно для Казанского вокзала в Москве (1915—1916) – всё это «ступени восхищения», всё это – знаменательные вехи в творчестве Рериха, о которых можно было написать много десятков страниц и о которых лучше вообще не говорить, чем сказать несколько беглых слов.

Нужно ли говорить о том, что имя Рериха стало «стилистическим определением», что мы часто говорим о «рериховском пейзаже», «рериховских красках», «рериховских облаках и холмах», о «рериховском настроении»? Это значит, что магия рериховского стиля настолько укоренилась в нашем сознании, что порою определяет наше восприятие природы. Такая власть дана только избранным художникам: в истории русского искусства есть только два-три мастера, творчество которых столь же стилистически целостно и «определятельно». Так, мы говорим о «левитановском пейзаже», о «нестеровском пейзаже», гораздо реже вспоминаются «лунные ночи» Куинджи или «шишкинский лес», может быть, оттого, что в них нет той творческой напряженности, того волевого самообнаружения, какое чувствуется у Рериха, Нестерова, Левитана <...>

Кого из современных русских живописцев можно было бы сопоставить с Рерихом? В смысле тяготения к древнерусским, церковным мотивам – к нему близки Васнецов и Стеллецкий; любовь к земле приближает к нему Богаевского, влечение к неземному – Нестерова; но все эти мастера не занимают и не займут в истории всеевропейского искусства того места, которое завоевал се-

бе Рерих, и не потому, что они менее самобытны (можно ли не считать самобытным Нестерова?), а потому, что их тематика точнее, «охват» живописуемых явлений уже и ограниченнее (не в смысле, конечно, «дурной ограниченности»). У Рериха – большой масштаб творчества, большие горизонты: церковное, пахнувшее ладаном православие – сладковато-чинное у Васнецова, жестоко-византийское у Стеллецкого и аскетически-анемичное у Нестерова – было бы для него так же тесно, как узкая монашеская келья для былинного богатыря. Может быть, в известном смысле к нему ближе других Нестеров, но не по своим темам, а по духу, по высокому строю душевному, но и эта параллель, при ближайшем анализе, превращается в параболу, чьи ветви расходятся в неведомую даль, в «две разные бесконечности». Нестеров – насквозь «православный», и даже природа у него православная, монашеская, нежная и трогательная, овеванная неземной чистотой. Рериха, при всём наличии у него «православных» мотивов, никак нельзя назвать «только» православным: он – пантеист всенародно, всемирно, всезвёздно утверждающий свою религию земли, в которой не может быть никакой «партийности», никаких отдельных «вероисповеданий» и «каст»; если угодно, все они таятся в оккультной глубине пантеизма, все они охвачены единой истиной, ведомой посвящённым и слишком часто закрытой для религиозных фанатиков, для «правоверных» сектантов разных толков, восхваляющих свою патентованную истину и не замечающих, что вселенскую истину, Истину с большой буквы, они не видят, как, бывает, из-за деревьев не видно леса. Они вправе сказать: Рерих – не философ, неизвестно даже, верующий ли он. Мы уже скажем: он – больше, чем философ, и больше, чем верующий.

V

Земля Рериха словно праматерь Кибела – многогрудая; невысокие плоские горы, округлые холмы возвышаются, подобно упругим женским грудям, предназначенным насытить всё человечество. Пейзажи Рериха отчётливо показывают как бы геологическое строение земли, отражают скрытые сейсмические силы, некогда создавшие грандиозные пертурбации земной коры. Смотря на эти прекрасные печальные дали, на эти далеко уходящие холмы и косогоры, видишь не только их зелёные покровы, пятна, свет и тени, но и начинаешь постигать скрытую динамику, тайный ритм этих изломов и впадин.

О рериховских камнях, облаках и закатах можно было бы написать целое исследование, если увлечься этой темой так, как Андрей Белый увлекался в юности «закатологией», а позднее, в дни коктебельские, – «петроманией». У него есть камни мрачные и грустные, гордые и заносчивые, скромные и приниженные, облака лёгкие, невинные и радостные, и облака грозные, злоеющие, торжественные. Его облако 1913 года воплощает целую поэму, сказание; облака в «Князе Игоре» (1909) похожи на тяжёлое предчувствие, недоброе молчание; в «В покорении Казани» (1914) облака насыщены ликованием, триумфальной спесью; пронзительной тревогой, настойчивой волей полны облака в картине «Стрелы неба – копья земли» (1915); благую весть, обетование чудес, нечаянную радость несут они в картине «Вестник» (1915).

Освещение в картинах Рериха не имеет ничего общего со световыми эффектами Куинджи, в нём нет ничего от «транспаранта» или «волшебного фонаря»: цвет и свет здесь как бы нераздельны, сила света определяется валера-

ми, насыщенностью краски и её игрой, а не каким-нибудь «извне идущим» освещением.

Небо Рериха никогда не воспринимается нами, как просто декоративный фон: оно всегда активно действует на нас. Есть у Рериха пасмурные закатные небеса, неизбежно вызывающие в памяти строки Блока:

*Фиолетовый запад гнетёт,
Как пожатье десницы свинцовой.
Мы спешим неизменно вперёд
Исполнители воли суровой.*

Может быть, эти строки были написаны вне всякой связи с картинами Рериха, но их лирическая природа совершенно адекватна многим рериховским темам:

*Все в кольчугах и дымных плащах,
Как огонь, золотые кольчуги,
Развеваем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.*

В архитектурных пейзажах Рериха примечательно не только умение художника найти удачный угол зрения на тот или иной архитектурный ансамбль или отдельный памятник, но и почувствовать смысл объёмной массы, ее «весомость», тяжесть, телесность. В трактовке окружающего пейзажа художник столь же изыскан и вдумчив: выбранное им время года и время дня (а следовательно, освещение), степень и характер облачности, даже расположение линии горизонта по отношению к данной архитектурной форме и охватывающим ее композиционным, – всё это строго продумано и выверено.

Бесполезно было бы спорить о том, христианин ли Рерих или язычник. Может быть, буддист – не всё ли равно, какими вратами прошёл он к своей религии. Как орудие религиозного познания все формы исповедания одинаково действенны, если они «идут из глубины», и все одинаково бездейственны, если пребывают на «поверхности» сознания. Есть вера творческая и вера бескрылая, безбытийственная. Для тех, кто верит, что христианское мирозерцание есть высший и вернейший путь к спасению, и кто способен извлечь из этой веры все сокрытые в ней возможности, для того нет иного пути, но это не значит, что иных путей вовсе не существует.

Вопрос о природе «художественного мировоззрения» чрезвычайно тёмный и запутанный. При определении понятия «художественное мировоззрение» нужно исходить из того факта, что праматерь всех философий – Эллинская философия далеко не чётко отделяла «эйдос» от «идея», то есть видимость, внешне данное от мысли, от духовной сущности, что много позднее сказалось в мировоззрении некоторых немецких мыслителей (Фехнера и др.) как утверждение двуединой телесно-духовной сущности бытия, в котором дух и материя относятся друг к другу как поверхности двояковыпуклого стекла.

VI

Обращаясь к произведениям Н.К. Рериха, имеющимся в музеях СССР, можно сказать, что у нас нет ни одного крупного художественного музея, в котором не было бы представлено творчество этого живописца. Октябрьской

революции мы обязаны тем, что множество произведений искусства, в том числе работы Рериха, прежде хранившиеся подспудно во дворцах и барских особняках, сделались всеобщим достоянием, пополнив собою наши музеи. Достаточно указать, что в 1904 году Русский музей обладал всего одной картиной Рериха («Зловещие»), а Третьяковская галерея – двумя («Гонец» и «Город строят»). Даже в 1917 году, накануне Революции, в Русском музее были всего две картины Рериха.

Положение это резко изменилось после революции в связи с оживлением музейного строительства. В настоящее время в Третьяковской галерее выставлены следующие произведения Рериха: «Бой», «Путивль» и «Половецкий стан» (эскизы декораций к «Князю Игорю»), «Ростов Великий», «Гонец», «Красные паруса» и «Город строят». Эти семь картин размещены вперемешку с произведениями К.Ф. Богаевского <...> Развеску, в общем, следует признать удачной, хотя всегда приятнее видеть картины одного мастера в «изолированном» подборе, чем вперемешку с произведениями других мастеров <...>

В Русском музее картины Н.К. Рериха помещаются в одном зале с произведениями Д.С. Стеллецкого, К.Ф. Богаевского и А.Я. Головина. Развеску нужно признать очень удачной, и будет жаль, если она изменится в связи с предстоящим переходом к комплексному методу экспозиции.

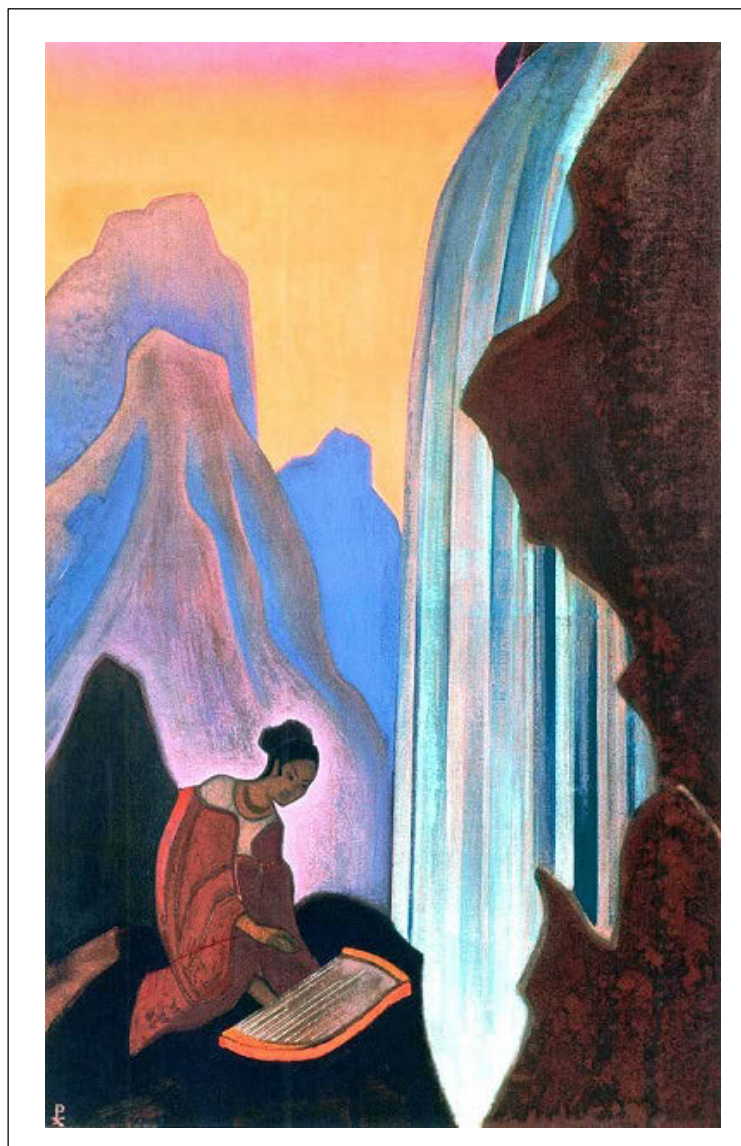
Ценно, прежде всего, то, что картины Рериха помещены отдельно, то есть, не смешаны с другими, а занимают целиком одну стену зала. Порядок их расположения таков: в первом, верхнем ряду (слева направо) «Заморские гости», «Зловещие», «Святой остров», в следующем ряду – эскиз декорации к «Сестре Беатрисе», «Летний пейзаж», «Заморские гости», «Прокопий Праведный», «Вестник», в третьем ряду – эскиз декорации к «Пер Гюнту», «Небесный бой», «Воскресенский монастырь в Угличе», «Славяне на Днепре», эскиз декорации к балету «Священная Весна», в нижнем ряду – эскиз декорации к «Князю Игорю», «Мхи», «Змиевна», эскиз декорации к «Снегурочке» и «Заключение земли». Там же «Пещное действо», «Синяя роспись». Кроме выставленных произведений работы Рериха имеются и в запасе музея <...>

Ряд произведений Рериха имеется в провинциальных музеях <...>

Установить распределение произведений Рериха по частным собраниям Москвы и Ленинграда в настоящее время крайне трудно, так как за годы революции произошли многократные перемены в составе частных коллекций, и многие картины Рериха перекочевали из одних рук в другие. Тем не менее, можно назвать ряд собирателей, обладавших произведениями Рериха ещё в дореволюционное время и не расставшихся с ними до сих пор. Так, произведения Рериха имеются в собраниях Ф.Ф. Нотгафта, И.М. Степанова, М.И. Рославлева, В. Курбатова, И.И. Бродского, Б.К. Рериха, С.П. Яремича и многих других.

Мы знаем, что Америка гораздо богаче произведениями Рериха, чем СССР, зато у нас собраны его вещи, относящиеся к эпохе «бури и натиска» «Мира искусства», к тем годам, когда «Мир искусства» завоевывал право на существование. Это сообщает особый интерес имеющимся у нас произведениям Рериха и заставляет особенно их ценить.

1937 г.

Н.К. Рерих. Песнь водопада. (Струны водопада). 1937.

***

До самой столицы
разносится звучание
китайской цитры –
это ветер играет
на струнах волн...

(Синсэй)

Храмoвoй кoмплeкс в Кулу.
(Фoтo 1930-е гг.)

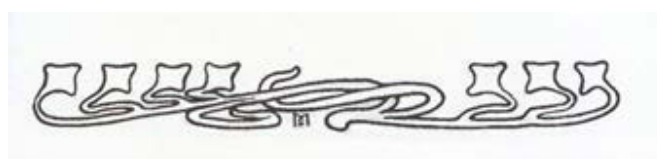

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонды: 44, 106.
2. Периодические издания конца XIX- нач. XX вв., хранящиеся в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи. Журналы: «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Мир искусства», «Жар-птица». «Зодчий», «Нива» и др.
3. Государственный архив Российской Федерации, Москва. Ф. Р-8350. Главный Концессионный Комитет при Совете Народных Комиссаров СССР. 1922 – 1937.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Москва.
5. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
6. Архив Columbia University Libraries, Bakhmeteff.
7. Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1.
8. Архив Русского культурного центра, Дели, Индия. Ф. 1.
9. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 698.
10. Центральный государственный исторический архив СПб. Фонд 448. (ЦГИА СПб.)
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
12. Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина.
13. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (ОР ИРЛИ РАН)
14. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ)
15. Архив Музея Рерихов, Москва.
16. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1918 г.
17. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
18. Н.К. Рерих «Цветы Мории». Берлин 1921.
19. Н.К. Рерих. "Пути благословения". Алатас. 1924 г.
20. Ж. Сент-Илер «Криптограммы Востока». Париж. Я Поволоцкий и К°. 1929.
21. Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.
22. А.В. Ярёмченко «Николай Константинович Рерих». 1931. Нью-Йорк.
23. Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.
[К весне, вероятно, выйдет моя следующая книга, «Твердыня пламенная», посвящённая Всемирной Лиге Культуры, где меня избрали председателем. (Из письма 24 сентября 1932)]
25. Н.К. Рерих «Врата в будущее». – Рига: Угунс, 1936 - 326 с.
26. Н.К. Рерих «Нерушимое». – Рига: Угунс, 1936 - 349 с.
27. Игорь Грабарь «Моя жизнь» (автобиография). Изд. Искусство. 1937.
28. Рерих Н К. «Из литературного наследия», М., «Изобразительное искусство». 1974.

29. Каталог художественных произведений Н.К. Рериха с 1885 по 1974. Составил В.В. Соколовский. Новосибирск, Ротапринт НГУ, 1974. - 144 с.
30. 2 альбома с наклеенными фотографиями с картин Н.К. Рериха, составленные В.В. Соколовским. (*Место хранения - Государственный музей Востока.*)
31. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
32. Грабарь И. Э. Письма (1917–1941). М.: Наука, 1977.
33. По тропам Срединной Азии / Пер. с англ. Н.Н. Зелинского. – Хабаровск, 1982.
34. В. Сидоров. Против течения: Повесть. - М.: М.А. "Мир через Культуру". 1992. - с. 96.
35. И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. СПб. 1993.
36. De visu 4(5)'93 . Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.
37. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
38. Н.К. Рерих. Шамбала. М.: МЦР, 1994.
39. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996.
40. Е. Яковлева «Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха». Изд. «Агни». 1996.
41. «Оккультизм и йога!». Ч. II. М. 1996.
42. Рерих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара: ТОО «Агни», 1996.
43. Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами (По страницам дневника. 1922-1934). М.: Сфера, 1998.
44. П.К. Портнягин. Современный Тибет. (Экспедиционный дневник П. К. Портнягина) (1927-1928) // Ариаварта, № 2. 1998.
45. Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 –и 1947). М.: «Сфера». 1998.
46. Н. Декроа. Тибетские странствования полковника Кордашевского. СПб., 1999.
47. Елена Ивановна Рерих. Письма (1919-1933) М.: МЦР, 1999.
48. Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.
49. Юрий Николаевич Рерих. Письма. (1919-1935 гг.) М.: МЦР 2002.
450. Вестник Ариаварты. 2002. № 2.
51. Откровение, (1920-1941). М. «Сфера». 2002.
52. Высокий путь. Ч. 1,2. Москва. «Сфера». 2002.
53. Вестник Ариаварты. 2003. № 1-2.
54. М.Л. Дубаев «Рерих». М., Молодая гвардия. 2003.
55. П.Ф Беликов. «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». М. 2004.
56. В.А. Росов. «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Изд. Ариаварта-Персс, М. Кн. 1,2. 2004.
57. Е.И. Рерих. Листы дневника. (1927-28). Москва. 2006 .
58. А. Анненко. «Владимир Шibaев, секретарь Рериха». 2008.
59. Альбом «Николай Рерих». В 2-х томах. Самара: Агни; М.: Академия художеств; Цюрих: Кунст Бератунг, 2008.
60. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих, Святослав Рерих, Юрий Рерих, Елена Рерих. В 2-х томах МЦР. Москва, 2009.
61. Пётр Крылов Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в музеях и собраниях Индии. СПб.2009.
62. Записи Учения Живой Этики. Т. 5-8. М. 2007- 2009.
63. Журнал "Дельфис" №80 (4/2014). Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе.
64. Пётр Крылов «Индийский путь». СПб.2015.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н.К. Рерих. Кулута. 1936. На лицевой стороне обложки.
2. С.Н. Рерих. Портрет академика Н.К. Рериха. 1937.

ВВЕДЕНИЕ

3. Институт Урусвати» Дарджилинг. (*Фото 1930-х гг.*). С. 5.
- 4-5. «Урусвати» - Институт Гималайских исследований. 1930-е гг.
Ю.Н. Рерих, директор Института «Урусвати». С. 8.

ЧАСТЬ 1.

6. Н.К. Рерих. Огни на Ганге. 1947. С. 14.
7. Н.К. Рерих. Канченджунга. 1935-36. С. 15.
8. Н.К. Рерих. Оттуда. 1936 г. С. 16.
9. Институт Гималайских исследований «Урусвати», 1930-е. С. 17.
10. Н.К. и Ю.Н. Рерихи в Кулу. 1930-е гг. С. 30.
11. Н.К. Рерих с леопардом. Наггар. 1935 г. С. 47.
12. Н.К. Рерих. Враг рода человеческого. 1914. С. 63.
13. Н.К. Рерих. Чудо. Явление Мессии. 1923. С. 77.
14. С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1936. С. 79.
15. Н.К. Рерих. Олун Суме. Монголия. 1936. С. 91.
16. Н.К. Рерих. Монголия (Следы). 1936. С. 93.
17. Отъезд из Тимур-хады. 1935. (*Фото экспедиции*). С. 95.
18. Н.К. Рерих. Чаша Христа. 1924. С. 111.
19. Н.К. Рерих Пасхальная ночь. (С нами Силы Небесные невидимо служат). 1936. С. 112.
20. Руины коптской церкви возле храма Хатор, Дендера (*Фото 1934 г.*) С. 121.
21. Н.К. Рерих. Хождение по огню. 1931-33. С. 137.
22. Н.К. Рерих. Меч мужества. 1919. С. 145.
23. Портрет М. Горького. 1936 г. С. 156.
- 24-27. Н.К. Рерих. Тибет. Гималаи. 1936. / Н.К. Рерих. Кулута. 1936. / Н.К. Рерих. Ротанг.
Горный перевал. 1936. / Н.К. Рерих. Перевал. (Снежная пустыня). 1936. С. 167.
28. И. Билибин. Вольга и Пахарь Микула Селянинович. С. 172.
- 29-30. М. Чюрленис. Сказка королей. / М. Чюрленис. Дружба. С. 180.
- 31-34. Н.К. Рерих. Ведунья (Знахарка). 1916. / Ункарада. 1909. /
Св. Пантелеймон Целитель. 1916. / Гуру Чарака. 1933. С. 194
35. Н.К. Рерих. Монголия (Сойкан). 1936. С. 197.
36. Центр Строго Города. Чехия, Прага. 1935. (*старое фото*). С. 223.
37. Фото: Ф.Д. Лукина. Рига. С. 224.
38. Фото: Члены Латвийского общества в день похорон 31 марта 1934 г. С. 227.
39. Софийский собор в Киеве. (*Старая открытка*). С. 237.
40. Н.К. Рерих. Радовашеся Ярослав граду Киеву. 1938. С. 239.
41. Н.К. Рерих. Эверест. 1936. / Н.К. Рерих. Канченджунга. 1936. С. 246.

ЧАСТЬ 2.

42. С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. Конец 1930-х гг. С. 248.
43. Н.К. Рерих. Брамапутра. 1932. С. 251.
44. Н.К. Рерих. Огненные мысли. 1933-36. (*ч/б воспроизведение*). С. 255.
45. Фото: Л.Н. Толстой и В.Ф. Булгаков, 1910 год. (*Фотограф: Т.А. Тапсель*). С. 258.
- 46-47. Н.К. Рерих. Старая Рига. 1903. / Н.К. Рерих. Митава. 1903. (*открытки*) С. 268.
48. Автопортрет А.С. Пушкина в Ушаковском альбоме 1829 г. С. 273.
49. Н.К. Рерих. Армагеддон. 1936. С. 275.
50. Г. С. Верейский. Портрет Александра Бенуа. 1922 г. С. 281.
51. Помещение Латвийского общества Н.К. Рериха в Риге. 1937 г. С. 284.
- 52-53. Збраславский замок в Праге. Русский культурно - исторический музей. /
Зал имени академика Н.К. Рериха. 1938 г. С. 285.
54. Н.К. Рерих. Армагеддон. 1936. С. 289.

55. Н.К. Рерих. Брамапутра. 1932. С. 292.
56. Н.К. Рерих. Гималаи. С. 297.
57. Фото: На конгрессе обществ Рериха Прибалтийских стран, посвящённого 50-летию творческой деятельности Н.К. Рериха (1937 г.). С. 306.
58. Н.К. Рерих. Великий пахарь – Микула Селянинович. 1937. С. 307.
59. С. Малютин. Портрет К. Юона. 1914. С. 321.
- 60-61. К. Петров-Водкин. Купание красного коня. 1912. / Мать 1912. С. 323.
62. Н.К. Рерих. Вайделоты. 1913. С. 330. 60.
- 63-64. Н.К. Рерих. Вильнюс. Развалины замка Гидемина. 1903. / Ворота замка в Тракае. (Троки. Этюд Троцкого монастыря). 1903. С. 330.
65. Н.К. Рерих. Часовня. Б/д. [1937]. С. 336.
- 66-71. Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910. / Н.К. Рерих. Путь великанов. 1910. / Н.К. Рерих. Эскиз к картине. 1907. / Н.К. Рерих. Старый кроль. 1910. / Н.К. Рерих. Царица Небесная. 1910. / ФОТО: В Храме Св. Духа. 1914 г. С. 337.
- 72-73. Синие репродукции с картин Н.К. Рериха Рига, 1935. С. 341.
74. Н.К. Рерих. Кришна. 1936. С. 349.
75. Н.К. Рерих. Защитник (Облако-стрелок). 1937. С. 351.
76. Н.К. Рерих. Рамаана. 1937. С. 354.
- 77-79. Н.К. Рерих. Сострадание. 1936. / Н.К. Рерих. Madonna Laboris. 1936. / С.Н. Рерих. Чаша Будды. 1934. С. 362.
80. Б. Григорьев. Портрет Н.К. Рериха. 1917. С. 364.
81. Н.К. Рерих. Вид Изварской усадьбы. 1893. С. 369.
- 82-84. Н.К. Рерих. Три меча. 1936. / Н.К. Рерих. Три меча. 1932. С. 371.
85. Н.К. Рерих. Италия. 1907. С. 378.
86. А.Я. Головин. Портрет Н.К. Рериха. 1907. С. 380.
87. Н.К. Рерих. Эскиз декорации для мистерии «Три волхва». 1907. С. 383.
- 88-90. Н.К. Рерих. «Дары». 1916. / Н.К. Рерих. Пещное действо. 1907. С. 384.
- 91-92. Н.К. Рерих. Девассари Абунту. 1905. / Девассари Абунту превращается в камень. 1905. С. 387.
- 93-106. 14 картин из коллекции в Гос. Худ. музее Латвии, 1937 г. С. 393-394.
108. Фото: Н.К. Рерих и В.В. Стасов в Публичной библиотеке СПб. 1896. С. 411.
109. И.Е. Репин. Портрет Л.Н. Толстого. С. 412.
110. Рабиндранат Тагор в Лондоне. Фото 1926 г. С. 415.
111. Н.К. Рерих. Небесный бой. 1912. С. 419.
112. «В греках». Варяг. 1896. Иллюстрация с этюда Н.К. Рериха. С. 423.
113. Н.К. Рерих. Сострадание. 1936. С. 438.
114. Н.К. Рерих. Прокопий Праведный отводит тучу каменную от Устья Великого. С. 448.
115. Н.К. Рерих. Гонец. 1897. С. 453.
- 116-118. И. Репин. Какой простор! 1903. / Н.К. Рерих. Кришна. 1936. / Н.К. Рерих. Утро (Шатровая гора). 1937. С. 454.
- 119-120. Н.К. Рерих. Охота. 1936. / Н.К. Рерих. Брамапутра. 1932. С. 455.
- 121-122. Н.К. Рерих. Микула Селянинович. 1910. / Н.К. Рерих. Великий пахарь – Микула Селянинович. 1937. С. 461.
- 123-124. А. Серов. Портрет Е. И. Рерих. 1909. / С.Н. Рерих. Портрет Е.И. Рерих. 1937. С. 481, 487.
125. Фрагмент автографа письма с рисунком А. Кауна. С. 493.
126. Н.К. Рерих. Сантана. 1937. С. 495.
127. С.Н. Рерих. Потрет Н.К. Рериха. 1937. С. 496.
128. Н.К. Рерих. Песнь водопада. (Струны водопада). 1937. С. 505.
129. Храмовый комплекс в Кулу. Фото 1930-х гг. С. 506.

Н.К. Рерих
Великая симфония жизни (Автомонография).
Книга 16.

УРУСВАТИ
(ГИМАЛАИ)

От издателя	4
ВВЕДЕНИЕ	
«УРУСВАТИ» - ГИМАЛАЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Р. Рудзитис, УРУСВАТИ (1933 г.)	5
Ю.Н. Рерих, ВЕРШИНА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ. (1930 г.)	9

ЧАСТЬ 1.
ВОЗВРАЩЕНИЕ
1935 г.

ОКТАБРЬ	
<i>Из воспоминаний Н.К. Рериха: ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ (1913 г.)</i>	13
Н.К. Рерих. ИНДИЯ (1937 г.)	15
Письмо Ю.Н. Рериха к Ф.Г. Стоксу (19 октября 1935 г. Наггар, Кулу)	17
Письмо Н.К. Рериха в Америку (21 октября 1935 г. Наггар, Кулу)	17
Н.К. Рерих МЕМОРАНДУМ №1 (21 октября 1935 г. «Урусвати»)	20
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (22 октября 1935 г. «Урусвати»)	24
Письмо Ю.Н. Рериха к Стоксу Ф.Г. (23 октября 1935 г. «Урусвати»)	24
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д. (24 октября 1935 г. Наггар)	25
Записка о картинах профессора Н.К. Рериха. (24 октября 1935 г. «Урусвати»)	25
Письмо Н.К. Рериха в Америку (24 октября 1935 г. Наггар, Кулу)	27
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (28 октября 1935 г. Наггар, Кулу)	29
Н.К. Рерих МЕМОРАНДУМ №2 (29 октября 1935 г. «Урусвати»)	30
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (30 октября 1935 г. Наггар, Кулу)	35
Письмо Ю.Н. Рериха к Дж. Седербому. (31 октября 1935 г. Наггар, Кулу)	36
НОЯБРЬ	
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (4 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	36
Письмо Ю.Н. Рериха к Х. Чаудхури. (4 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	37
Н.К. Рерих МЕМОРАНДУМ №3 (5 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	37
Письмо Ю.Н. Рериха к куратору Дардж. Ботанич. сада. (9 ноября 1935 г. Наггар)	38
Письмо Ю.Н. Рериха к Брессману Э.Н. (11 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	39
Н.К. Рерих МЕМОРАНДУМ №4 (11 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	39

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (12 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	41
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (12 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	42
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д. (12 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	42
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (15 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	43
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (16 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	43
Письмо Н.К. Рериха в Америку. (22 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	45
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (19 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	44
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (20 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	44
Письмо Ю.Н. Рериха к Варгасову С. (21 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	45
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (23 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	47
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д. (25 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	48
Письмо Ю.Н. Рериха к налог. инспектору окр. Кангра(25 ноября 1935 г. Наггар), ...	48
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (29 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	49
Письмо Ю.Н. Рериха к Махонам А.Е. и Ф.Д. (29 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	49
Н.К. Рерих. СТОЛКНОВЕНИЯ (1935 г.)	50
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (30 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	51
Н.К. Рерих СОВЕТУ Р. МУЗЕЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ (30 ноября 1935 г. Наггар, Кулу)	51
ДЕКАБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха в Америку. (1 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	54
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (3 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	57
Письмо Н.К. Рериха в Америку. (5 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	58
Письмо Ю.Н. Рериха к д-ру Кэну. (5 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	60
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (5 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	60
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (6 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	61
Письмо Н.К. Рериха в Америку. (6 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	61
Н.К. Рерих. ИТОГИ (8 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	64
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (9 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	67
Письмо Ю.Н. Рериха к Ричи Ф.Д. (9 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	67
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (11 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	68
Письмо Е.И. Рерих к Франклину Делано Рузвельту (12 декабря 1935 г. Наггар)	68
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (16 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	69
Письмо Ю.Н. Рериха к Т. Эбергу (16 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	69
Завещание Е.И. Рерих (20 декабря 1935 г. Кулу, Пинджаб, Бр. Индия)	70
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщиковым (21 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	71
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (23 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	72
Н. Рерих, Обществу имени Рериха в Латвии, (23 декабря 1935 г. Наггар)	72
Письмо Ю.Н. Рериха к д-ру Кэну. (27 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	73
Письмо Ю.Н. Рериха к Махону А.Е. (30 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	73
Письмо Ю.Н. Рериха к Стоксу Ф.Г. (31 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	74
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (31 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	75
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рерих Е.И. (31 декабря 1935 г. Наггар, Кулу)	76

1936 г.

ЯНВАРЬ

Н.К. Рерих. ВРАТА В БУДУЩЕЕ (1 января 1936 г. Наггар, Кулу)	79
Н.К. Рерих. СТАРЫЕ ГОДЫ (1936 г.)	84
Письмо Н.К. Рериха к Франклину Делано Рузвельту (3 января 1936 г. Наггар)	86
Письмо Е.И. Рерих к Франклину Делано Рузвельту (11 января 1936 г. Наггар)	88
Н.К. Грамматчиков. «ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ». (Январь 1936 г.)	88
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М. А. (26 января 1936 г. Наггар, Кулу)	95

ФЕВРАЛЬ

- Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (25 февраля 1936 г. Наггар, Кулу).....97
Н.К. Рерих. ЕДИНЕНИЕ. (1936 г.) 99
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (28 февраля 1936 г. Наггар, Кулу)..... 101

МАРТ

- Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису. (2 марта 1936 г. Наггар, Кулу)..... 103
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (20 марта 1936 г. Наггар, Кулу)..... 104
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К. (21 марта 1936 г. Наггар, Кулу)..... 106
Письмо Латвийских сотрудников к Рерихам Е. И. и Н.К. (31 марта 1936 г. Наггар) . 108

АПРЕЛЬ

- Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (1апреля 1936 г. Наггар, Кулу).....109
Письмо Н.К. Рериха к Буцену Ф.А. (3 апреля 1936 г. Наггар, Кулу).....109
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (9 апреля 1936 г. Наггар, Кулу).....112
Письмо Н.К. Рериха к Муромцевым. (9 апреля 1936 г. Наггар, Кулу)..... 113
Письмо Н.К. и Е. И. Рерих в Америку. (15, 16 апреля 1936 г. Наггар, Кулу) 114
Письмо Н.К. и Е. И. Рерих в Америку. (19 апреля 1936 г. Наггар, Кулу) 117

МАЙ

- Письмо Н.К. Рериха к Клизовскому А.И. (8 Мая 1936 г. Наггар, Кулу) 119
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (12 мая 1936 г. Наггар, Кулу)..... 120
Письмо Н.К. Рерих в Америку (14 мая 1936 г. Наггар, Кулу) 123
Письмо Н.К. Рериха к Дукшт-Дукшинской В.А. (14 мая 1936 г. Наггар, Кулу) 125
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (14, 15 мая 1936 г. Наггар, Кулу) 126
Письмо А. И. Клизовского к Рериху Н.К. (21 мая 1936 г. Наггар, Кулу)..... 128
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (26 мая 1936 г. Наггар, Кулу) 130
Письмо Н.К. Рериха к Шанхайскому содружеству (29 мая 1936 г. Наггар, Кулу) 131
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (26 мая 1936 г. Наггар, Кулу) 133

ИЮНЬ

- Н.К. Рерих. БОРЬБА С НЕВЕЖЕСТВОМ (10 июня 1936 г. Урусвати, Гималаи) 134
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (12 июня 1936 г. Наггар, Кулу) 139
Н.К. Рерих. ЗНАК ЭРЫ (14 июня 1936 г. Урусвати, Гималаи) 141
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (22 июня 1936 г. Наггар, Кулу) 143
Н.К. Рерих. ОБОРОНА (24 июня 1936 г. Урусвати, Гималаи) 145
Письмо Н. К. Рериха к Бенуа А.Н. (24 июня 1936 г. Наггар, Кулу) 147
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К. (27 июня 1936 г. Рига).....147

ИЮЛЬ

- Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (11 июля 1936 г. Наггар, Кулу).....149
Н.К. Рерих. БЕЛОВОДЬЕ (12 июля 1936 г. Урусвати, Гималаи) 151
Н.К. Рерих. ГОРЬКИЙ (12 июля 1936 г. Урусвати) 156
Письмо З. Лихтман к Франклину Делано Рузвельту (21 июля 1936 г., Нью-Йорк) 158
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (22 июля 1936 г. Наггар, Кулу).....161
Письмо Н.К. Рериха к Знамеровскому Юлиушу Стефану (Польша)
(22 июля 1936 г. Наггар, Кулу)..... 162
Н.К. Рерих. МИР (12 июля 1936 г. Урусвати) 164
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (29 июля 1936 г. Наггар, Кулу).....166

АВГУСТ

- Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (4 августа 1936 г. Наггар, Кулу)..... 167
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (4 августа 1936 г. Melluzi) 169
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (16 августа 1936 г. Наггар, Кулу) 171
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (19 августа 1936 г. Наггар, Кулу) 173
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (24 августа 1936 г. Наггар, Кулу) 174
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (26 августа 1936 г. Наггар, Кулу) 176
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (28 августа 1936 г. Наггар, Кулу) 179

СЕНТЯБРЬ

Н.К. Рерих. ЧУРЛЯНИС (3 сентября 1936 г. Урусвати)	180
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (7 сентября 1936 г. Рига)	182
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (9 сентября 1936 г. Наггар, Кулу)	183
Из письма А. И. Клизовского к Рериху Н.К. (11 сентября 1936 г. Рига)	184
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (17 сентября 1936 г. Наггар, Кулу)	187
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (24 сентября 1936 г. Наггар, Кулу)	188
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (25 сентября 1936 г. Прага)	189
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщиковым Г.Д. и Т. (25 сентября 1936 г. Наггар, Кулу) ..	191
Письмо Н.К. Рериха в Америку (27 сентября 1936 г. Наггар, Кулу)	192
ОКТАБРЬ	
Н.К. Рерих. ИЗ МОНГОЛИИ (1 октября 1936 г. Урусвати)	195
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (5 октября 1936 г. Наггар)	197
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (9 октября 1936 г. Рига)	198
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (12 октября 1936 г. Наггар, Кулу)	199
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (16 октября 1936 г. Рига)	200
Письмо Н.О. Лосского к Рериху Н.К. (19 октября 1936 г. Прага)	201
Письмо Н.К. Рериха в Правление Русского Культурно-Исторического Музея в Праге (22 октября 1936 г. Наггар, Кулу)	202
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (24 октября 1936 г. Наггар, Кулу)	203
А. Хирьяков «ЛЕГЕНДАРНЫЙ РЕРИХ» (Русское слово", Варшава 26.10.37 г.)	204
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (26 октября 1936 г. Наггар, Кулу)	206
Письмо Н.К. Рериха к Дальневосточному содружеству (30 октября 1936 г.)	206
НОЯБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Буцену Ф. А. (5 ноября 1936 г. Наггар)	208
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (5 ноября 1936 г. Наггар, Кулу)	209
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (9 ноября 1936 г. Рига)	210
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой (19 ноября 1936 г. Наггар, Кулу)	212
Н.К. Рерих. СОЗНАНИЕ КРАСОТЫ СПАСЁТ (20 ноября 1936 г. Урусвати)	215
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (20 ноября 1936 г. Наггар, Кулу)	217
Письмо Александра Кауна к Рериху Н.К. (22 ноября 1936 г. Калифорния)	219
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (25 ноября 1936 г. Рига)	219
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф. (28 ноября 1936 г.)	220
Н.К. Рерих. ЗЛАТА ПРАГА (1936 г. Урусвати, Гималаи)	221
ДЕКАБРЬ	
Н.К. Рерих. ДОКТОР Ф.Д. ЛУКИН (1 декабря 1936 г. Урусвати)	224
Н.К. Рерих. ПОДТВЕРЖДЕНИЯ (1 декабря 1936 г. Урусвати)	228
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (7 декабря 1936 г. Наггар, Кулу)	230
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (9-11 декабря 1936 г. Наггар, Кулу)	231
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (10, 12 декабря 1936 г. Рига)	234
Письмо С.Н. Рериха к Вавилову Н.И. (12 декабря 1936 г. Рига)	236
Н.К. Рерих. СОФИЙСКИЙ СОБОР (17 декабря 1936 г. Урусвати)	237
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (19 декабря 1936 г. Наггар, Кулу)	240
Из письма Ю.Н. Рериха к Шкляверу Г.Г. (19 декабря 1936 г. Наггар, Кулу)	241
Письмо А.С. Кауна к Рериху Н.К. (22 декабря 1936 г. [Америка])	242
Письмо Н.К. Рериха в Америку (23 декабря 1936 г. Урусвати)	243
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (28 декабря 1936 г. Наггар, Кулу)	244
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (28 декабря 1936 г. Прага)	245

ЧАСТЬ 2. АРМАГЕДДОН

1937 г.

Поздравительное письмо Русского эмигрантского оборонческого движения. (31 декабря 36. /1 января 1937 г. Париж)	249
---	-----

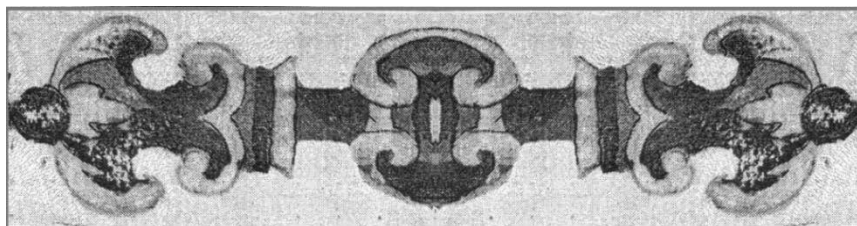

Из письма Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих (1 января 1937 г. Рига)	250
Письмо Александра Кауна к Рериху Н.К. (3 января 1937, Калифорния)	251
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (6 января 1937 г. Наггар, Кулу)	252
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (15 января 1937 г. Наггар, Кулу)	253
Письмо Н.К. Рериха к Муромцевым (16 января 1937 г. Наггар, Кулу)	254
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (16 января 1937 г. Наггар, Кулу)	256
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф. (19 января 1937 г. Наггар, Кулу)	258
Н.К. Рерих. ТОЛСТОЙ И ТАГОР (1937 г. Наггар, Кулу)	259
Письмо Н.К. Рериха к Павлу Северному (26 января 1937 г. Наггар, Кулу)	265
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (29 января 1937 г. Наггар, Кулу)	266
Н.К. Рерих. ЛАТВИЯ (1937 г. Наггар, Кулу)	267
Н.К. Рерих. ВЕЛИЧАЙШИЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПУШКИН (30 января 1937 г. Наггар, Кулу) ..	270
ФЕВРАЛЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (4 февраля 1937 г. Наггар, Кулу)	274
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К. (9 февраля 1937 г. Наггар, Кулу)	276
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (10 февраля 1937 г. Наггар, Кулу)	276
Письмо Н.К. Рериха к Волковскому К.О. (20 февраля 1937 г. Наггар, Кулу)	277
Н.К. Рерих. ОТТУДА (20 февраля 1937 г. Наггар, Кулу)	278
Н. К. Рерих. ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЕНУА, ЕГО СЛАВНОЙ СЕМЬЕ, КАРТИНАХ, ПОСТАНОВКАХ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА. ("Сегодня". Рига, 21 февраля 1937 г.)	281
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (10, 12 декабря 1936 г. Рига)	284
МАРТ	
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (2 марта 1937 г. Прага)	285
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (2 марта 1937 г. Наггар, Кулу)	287
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (10 марта 1937 г. Наггар, Кулу)	289
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой (10 марта 1937 г. Наггар, Кулу)	290
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (11 марта 1937 г. Наггар, Кулу)	292
Обращение Елены и Николая Рериха к Латвийскому обществу (К 24-му Марта 1937 года.)	293
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (24 марта 1937 г. Наггар, Кулу)	294
Н.К. Рерих. ГРАБАРЬ (1937 г. Наггар, Кулу)	295
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (26 марта 1937 г. Наггар, Кулу)	296
АПРЕЛЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И. (5 апреля 1937 г. Наггар, Кулу)	297
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (16 апреля 1937 г. Наггар, Кулу)	298
Письмо С.Н. Рериха к Вавилову Н.И. (19 апреля 1937 г. Наггар, Кулу)	299
Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих (21, 23, 25 апреля 1937 г. Рига)	300
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщиковым Н. и Т. (24 апреля 1937 г. Наггар, Кулу)	306
Письмо Н.К. Рериха к Волковскому К.О. (27 апреля 1937 г. Наггар, Кулу)	308
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (30 апреля 1937 г. Наггар, Кулу)	309
МАЙ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (4 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	311
Письмо Н.К. Рериха к Павлу Северному. (10 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	312
Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих (10 мая 1937 г. Рига)	313
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (14 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	316
Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих (18 мая 1937 г. Рига)	317
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (21 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	318
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (24 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	320
Н.К. Рерих. ЮОН И ПЕТРОВ-ВОДКИН (24 мая 1937 г. Урусвати, Гималаи)	321
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (25 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	325
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (26 мая 1937 г. Рига)	325
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (27 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	326
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (26, 28 мая 1937 г. Наггар, Кулу)	327

Н.К. Рерих. ЛИТВА (24 мая 1937 г. Урусвати, Гималаи)	329
ИЮНЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (8 июня 1937 г. Наггар, Кулу)	333
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (15 июня 1937 г. Наггар, Кулу)	334
Письмо Н.К. Рериха к Анатолию Кайгородову (14 июня 1937 г. Наггар, Кулу)	335
Н.К. Рерих. ЭСТОНИЯ (1937 г. Урусвати, Гималаи)	336
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (29 июня 1937 г. Наггар, Кулу)	339
ИЮЛЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (1 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	342
Н.К. Рерих. ПАНАЦЕЯ (газета «Рассвет», 3,6,7 июля 1937 г.)	344
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (7 июля 1937 г. Рига)	349
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (14 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	350
Н.К. Рерих. НА СТРАЖЕ МИРА (1937 г. Урусвати, Гималаи)	351
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (16 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	354
Письмо С.Н. Рериха к Вавилову Н.И. (16 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	357
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (16 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	358
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (19 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	359
Письмо Н.К. Рериха к Александру Асееву (22 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	360
Из письма Рихарда Рудзитиса к Рерих Е.И. (24 июля 1937 г. Рига)	361
Н.К. Рерих. БОРИС ГРИГОРЬЕВ (28 июля 1937 г. Урусвати, Гималаи)	364
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (30 июля 1937 г. Наггар, Кулу)	365
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (31 июля 1937 г. Рига)	367
ЛИСТЫ ДНЕВНИКА Н.К. РЕРИХА, 1937 г.:	
ЖИЗНЬ	368
САМОЕ ПЕРВОЕ	369
ТРИ МЕЧА	370
ОХОТА	371
ОТЕЦ	372
УНИВЕРСИТЕТ	373
АКАДЕМИЯ	374
УЧЁБА	377
БЛОК И ВРЕБЕЛЬ	378
ГОЛОВИН	379
МЫСЛЬ	380
ЖИВОПИСЬ	381
СОБИРАТЕЛЬСТВО	382
ТЕАТР	383
ДЯГИЛЕВ	385
ШАЛЯПИН И СТРАВИНСКИЙ	386
ИНДИЯ	387
ЗАПАДНИ	388
АЗИЯ	389
АВГУСТ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (6 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	390
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (10 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	391
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (12 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	394
Письмо Н.К. Рериха к Писаревой Е.Ф. (17 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	395
Письмо Н.К. Рериха к Рылову А. (17 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	397
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К. (18 августа 1937 /Париж)	398
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (18 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	398
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (18 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	401
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (31 августа 1937 г. Наггар, Кулу)	402
СЕНТЯБРЬ	

Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К. (2 сентября 1937 г. Рига)	403
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (3 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	404
Письмо Д. Бурлюка к Рериху Н.К. (7 сентября 1937 г. New York City USA)	405
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (10 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	406
Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К. (10 сентября 1937 г. Рига)	408
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (14 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	409
Н.К. Рерих. ТОЛСТОЙ и ТАГОР (1937 г. Урусвати, Гималаи)	411
К 50-летию общекультурной деятельности Н.К. Рериха . (17 сентября 1937 г. «Русское слово». Варшава-Вильно)	417
ЛИСТЫ ДНЕВНИКА Н.К. РЕРИХА, 1937 г.:	
РАДОСТЬ	420
АРХЕОЛОГИЯ	421
НУМИЗМАТИКА	422
НАЧАЛО	423
МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ	424
ОЦЕНКИ	427
КОРМОН	427
НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ	428
ДРУЗЬЯ	429
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (20 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	430
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (23 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	431
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (24 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	433
Приветствие Латвийского общества Николаю Рериху (24 сентября 1937 г. Рига) ..	434
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (27 сентября 1937 г. Наггар, Кулу)	434
ОКТАБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (1 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	435
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой (1 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	436
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (4 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	437
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (7 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	438
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (7 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	440
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к сотрудникам в Америку (8 октября 1937 г. Наггар)	441
Хроника: «Юбилей академика Рериха» (10 октября 1937 г. Париж)	444
Из письма Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих (12-15 октября 1937 г. Рига)	444
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к сотрудникам в Америку (14-15 октября 1937 г.)	448
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (15 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	451
Виктор Третьяков ОБ АКАД. Н. РЕРИХЕ. «К 50-ЛЕТИЮ РАБОТЫ И ОТКРЫТИЮ В РИГЕ МУЗЕЯ ЕГО КАРТИН»	452
Письмо Н.К. Рериха Латвийскому обществу (19 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	456
Н.К. Рерих. ПОЛВЕКА (1937 г. Наггар, Кулу)	457
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (19-20 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	458
Письмо Рихарда Рудзитиса к Е.И. и Н.К. Рерих (22 октября 1937 г. Рига)	460
Н.К. Рерих. ЧАША НЕОТПИТАЯ (1937 г. Наггар, Кулу)	461
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. Рерих (27 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	464
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (27 октября 1937 г. Наггар, Кулу)	465
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (30 октября 1937 г. Рига)	467
Из письма Е. И. Рерих к Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину (31 октября, 15 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	467
НОЯБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (2-5 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	469
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (4 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	472
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (5 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	473
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (9, 13 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	474
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (12 ноября 1937 г. Рига)	476

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (15, 16 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	477
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (16 ноября 1937 г. Рига)	478
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (24, 26 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	479
Письмо Алексиса Раннита к Рериху Н.К. (28 ноября 1937 г. Таллинн)	482
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (30 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	482
Письмо Н.К. Рериха к Александру Асееву (30 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	483
ДЕКАБРЬ	
Из письма Е.И. Рерих к Рихарду Рудзитису (4 декабря 1937 г. Наггар, Кулу)	484
Письмо Н.К. Рериха к Клизовскому А.И. (14 декабря 1937 г. Наггар, Кулу)	487
Письмо Н.К. Рериха к Клизовскому А.И. (14 декабря 1937 г. Наггар, Кулу)	488
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (18 декабря 1937 г. Наггар, Кулу)	489
Н. К. Рерих. ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЕНУА, ЕГО СЛАВНОЙ СЕМЬЕ, КАРТИНАХ, ПОСТАНОВКАХ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА	490
Письмо Александра Кауна к Рериху Н.К. (24 - 25 декабря 1937 г. Калифорния)	492
Письмо академика Н.К. Рериха к Калинин М.И. (24 декабря 1937 г. Наггар, Кулу) ..	493
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Эрик Голлербах, ИСКУССТВО РЕРИХА	495
БИБЛИОГРАФИЯ	506
СПИСОК ИЛЛЮСТАЦИЙ	508
ОГЛАВЛЕНИЕ	510

Экз. 1.